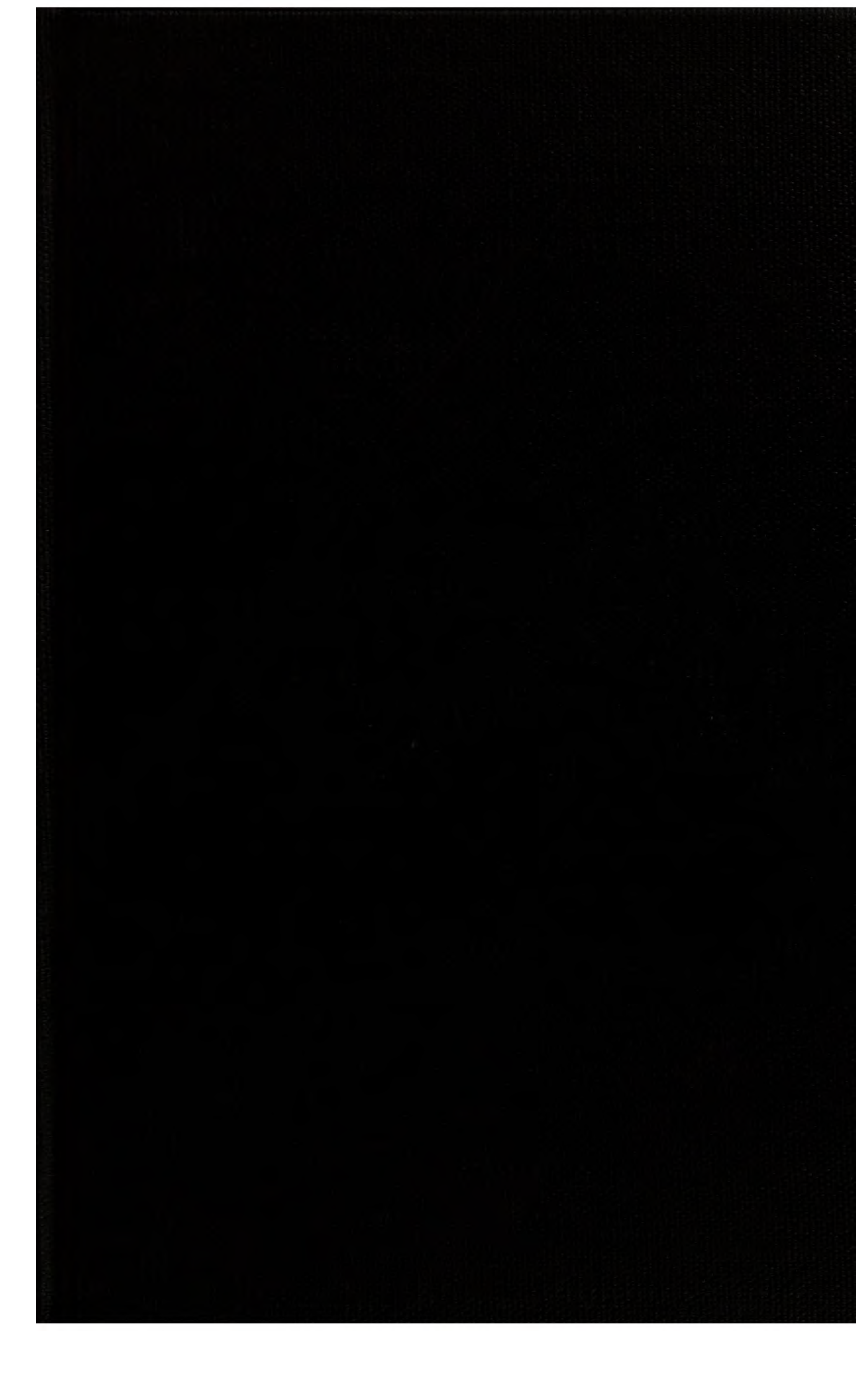

Годъ IX-й. № 2-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

IX-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** IX-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 27 печ. листовъ.

Въ 1900 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, при ближайшемъ участіи въ редакціи **П. Н. Милюкова**, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика: «Воскресшіе боги», истор. романъ **Д. Мережковскаго**; «Побѣда», повѣсть **И. Потапенко**; «Предѣлы скорби», повѣсть **В. Сѣрошевскаго**; «Черезъ десять лѣтъ» (очерки изъ жизни деревни), **Н. Гарина**; разсказы и очерки гг. Безродной, Бунина, Чирикова и др.—«Милосердіе», романъ, пер. съ англ., Гоуэллься; «Непосильное бремя», романъ изъ жизни Сициліи, пер. съ нѣм., **Тэльмана**.

Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И АНТРОПОЛОГІЯ: «Животный міръ Европы въ историческомъ развитіи», проф. **Мензбира**; «Историческій очеркъ развитія геологическихъ знаній», проф. **Павлова**; «Альпійскіе ледники», прив.-доц. **Н. Иванцева**; «Главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи», **К. Покровскаго**; «Антропологическіе очерки», проф. **Брандта**; «Расы въ Европѣ», **П. Милюкова**. — ИСТОРІЯ: «Очерки исторической мысли въ XIX в.», проф. **Р. Виппера**; «Очерки по исторіи русской культуры», часть III, **П. Милюкова** «Коренная черта общественной эволюціи въ новѣйшей европейской исторіи», **Ев. Тарле**; «Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ и его вліяніе на соціально-политическій строй этого времени», **Рожкова**; «Ванини» (одинъ изъ скептиковъ Возрожденія), **Ев. Тарле**. — КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка», **П. Альбова**; «Жоржъ Зандъ и ея время», **Ев. Дегена**; «Соціальный романъ въ Англіи», проф. **Н. Стороженко**.—СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ: «Борьба съ безработицей въ Швейцаріи», проф. Райхесберга; «Развитіе общественнаго призрѣнія въ Берлинѣ», прив.-доц. **А. Горбунова**; «Барщина въ крѣпостномъ хозяйствѣ», **П. Струве**; «Крестьянскія коопераціи и ихъ значеніе», **Л. Крживицкаго**; «Кооперативное движеніе въ Англіи», **Л. Давыдовой**; «Мальтусъ, Рикардо, Оуэнъ», три очерка изъ исторіи политической экономіи, **М. Туганъ-Барановскаго**; «Начало женскаго движенія», пер. съ нѣм., **Л. Браунъ**.—ФИЛОСОФІЯ, ЭТИКА, ПСИХОЛОГІЯ: «Современныя этическія ученія», проф. **Г. Челпанова**; «Фридрихъ Ланге и критическая философія», **Н. Бердяева**. — ПЕРЕВОДНЫЯ СОЧИНЕНІЯ И КОМПИЛЯЦІИ: «Трансформизмъ и дарвинизмъ», **Геккеля**, пер. съ нѣм.; «Умственныя и общественныя теченія XIX в.», проф. **Циглера**, пер. съ нѣм. подъ редакціей **П. Н. Милюкова**; «Эволюція государства», **Тарда**; «Кабэ и его Икарія», пер. съ нѣм., д-ра **Люкса**.

Кромѣ того, редакція предполагаетъ дать въ слѣдующемъ году рядъ біографическихъ очерковъ современныхъ общественныхъ дѣятелей (съ портретами).

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборъ выдающихся произведеній русской и переводной литературы.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и явленіяхъ русской жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, дѣятельности разныхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Содержаніе наиболѣе интересныхъ статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, различныхъ культурныхъ явленіяхъ и дѣятельности разныхъ обществъ и конгрессовъ на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Рефераты и сообщенія изъ иностранной журналистики.

Научная хроника. Факты и свѣдѣнія изъ области новыхъ открытій науки и техники. Рефераты изъ научныхъ журналовъ. Астрономическія извѣстія.

Библіографія. Рецензіи о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованной публики. **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по библіографическимъ иностраннымъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о важнѣйшихъ, появляющихся за границей новыхъ книгахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи **на годъ** . .	8 руб.
Безъ доставки **на годъ**	7 »
За границу **на годъ**	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода .	4 р.
За границу	5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.	

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» апрѣлѣ	3 »
» августѣ	2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку **безъ повышенія подписной платы.**

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. **Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.**

Издательница **А. Давыдова.** Редакторъ **В. П. Острогорскій.**

За израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ, подписка на 1899 г. закрыта.

Годъ IX-й. **№ 2-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

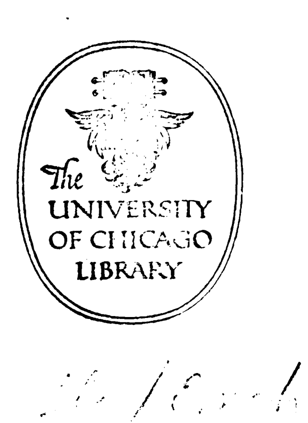
САМООБРАЗОВАНІЯ.

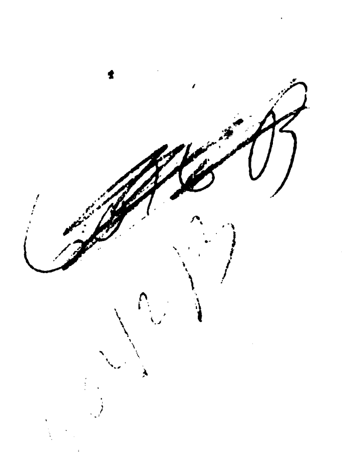
ФЕВРАЛЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою 25-го января 1900 года С.-Петербургъ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОГОВОРКИ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ, 19 декабря 1899 г.).

Подъ перомъ Маркса матеріалистическое пониманіе исторіи нашло ту формулировку, въ которой оно стало общеизвѣстнымъ въ настоящее время. Нѣсколько строкъ въ извѣстномъ «Манифестѣ», двѣ страницы въ предисловіи къ «Zur Kritik etc.»,—и въ рядѣ выразительныхъ, словно отчеканенныхъ положеній, знаменитый мыслитель строитъ свою гипотезу, пытаясь объяснить ею процессъ исторіи человѣчества. Для всѣхъ, знакомыхъ съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи въ формулировкѣ Маркса—для друга и недруга—она представляется рѣзкимъ протестомъ противъ идеалистической концепціи исторіи и попыткой безъ остатка свести на производственныя отношенія,—на экономическій факторъ,—весь историческій процессъ.

Однако, ни Марксъ, ни его ближайшій сотрудникъ Энгельсъ не считали эту формулировку окончательной. О Марксѣ мы это знаемъ со словъ Энгельса, а Энгельсъ и самъ далъ этому много доказательствъ. Послѣ Энгельса, сильно ограничившаго первоначальное выраженіе гипотезы, началась ея оживленная критика среди самихъ послѣдователей Маркса. Вся дальнѣйшая исторія марксовской формулы есть исторія самокритики, исторія поправокъ и ограниченій со стороны однихъ, отстаиванія со стороны другихъ. Такъ продолжается, можно сказать, до сегодняшняго дня и, вѣроятно, будетъ продолжаться еще долго.

Это и понятно. Всякая гипотеза, которая касается такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ объ основѣ исторической эволюціи, должна не разъ подвергнуться провѣркѣ, чтобы пріобрѣсти право называться теоріей. Она не можетъ выйти во всеоружіи изъ головы своего творца. Это признается всѣми наиболѣе самостоятельными послѣдователями ея даже изъ числа принимающихъ формулу Маркса. «Историческій матеріализмъ, говоритъ Мерингъ *),—не есть законченная, увѣнчанная истиною система; онъ представляетъ лишь научный методъ изслѣдованія процесса человѣческаго развитія».

*) «Über den historischen Materialismus», приложеніе къ его книгѣ «Lessing-Legende», 1893, стр. 430.

Послѣ Энгельса историческій матеріализмъ измѣнилъ постепенно свои черты и какъ методъ, и какъ важная составная часть опредѣленнаго міросозерцанія.

Задачей настоящей статьи будетъ попытка охарактеризовать ту эволюцію, которая совершалась во взглядахъ на гипотезу у ея послѣдователей. Задача, слѣдовательно, прежде всего историческая.

I.

Когда вышла извѣстная книга Моргана «Ancient Society» (1877), Марксъ рѣшилъ приняться за болѣе подробную обработку своей гипотезы. Морганъ пришелъ къ заключенію объ экономической основѣ исторической эволюціи, изслѣдуя отношенія первобытнаго общества. Самъ Марксъ сдѣлалъ тотъ же выводъ, изучая процессъ образованія современнаго общества. Онъ считалъ доказаннымъ, благодаря этому совпаденію выводовъ, что исторія человѣчества движется экономическими факторами какъ въ своей колыбели, такъ и въ своемъ послѣднемъ фазисѣ. Для него факты, собранные американскимъ ученымъ, имъ самимъ и Энгельсомъ, дѣлали это несомнѣннымъ. Планъ дальнѣйшаго изслѣдованія подсказывался самымъ простымъ соображеніемъ. Надо было связать два конца, заполнить середину анализомъ фактовъ классической древности и среднихъ вѣковъ. Съ этой мыслью и носился Марксъ, но смерть помѣшала осуществить ее. Энгельсъ наслѣдовалъ его планы, но и онъ успѣлъ привести въ исполненіе далеко не всѣ. То, что ему удалось сдѣлать — это популяризовать результаты работы Моргана и придать его положеніямъ большую рельефность. Такимъ образомъ явилась извѣстная книжка «Ursprung der Familie, des Privateigenthums, und des Staats» (1884), переведенная на русск. языкъ и выдержавшая у насъ три изданія *).

Въ ней Энгельсъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ Моргана, сдѣлалъ одно характерное ограниченіе, правда, не колеблющее еще основъ *матеріалистическаго* пониманія исторіи, но не совсѣмъ согласующееся съ принципомъ исключительнаго господства производственныхъ отношеній, какъ фундамента исторіи. «Согласно матеріалистическому пониманію исторіи,—говоритъ онъ въ предисловіи къ 1-му изданію **),—направляющимъ моментомъ въ исторіи въ послѣдней инстанціи является производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. А оно само двоякаго рода: съ одной стороны это—производство средствъ къ жизни, предметовъ питанія, одежды, жилищъ и необходимыхъ для всего этого орудій, съ другой—произведеніе на свѣтъ самого человѣка... Общественныя учрежденія, при которыхъ живутъ люди извѣстной истори-

*) См. «М. Б.», «Библ. отд.», авг. 1895.
**) «Ursprung der Familie etc.», стр. VIII, изд. 1894.

ческой эпохи и извѣстной страны, обусловлены двумя родами производства: съ одной стороны ступенью развитія труда, съ другой—ступенью развитія семьи».

Для всякаго ясно, что примѣненіе термина производства къ понятію семьи не болѣе, какъ каламбуръ, тщетная попытка спасти основную идею игрой словъ.

Энгельсу довольно скоро пришлось оставить эту почву. Въ цѣломъ рядѣ писемъ, относящихся къ девяностымъ годамъ, онъ высказывается принципіально, и то, что̀ онъ говоритъ теперь, мало похоже на то, что̀ говорилъ Марксъ и что̀ говорилъ онъ самъ въ «Анти-Дюрингѣ». Эти письма тѣмъ болѣе цѣнны, что они не предназначались для печати *).

«Въ томъ,—говоритъ въ одномъ изъ нихъ Энгельсъ,—что фракція младшихъ (Jüngere) до сихъ поръ придавала экономической сторонѣ больше значенія, чѣмъ она того заслуживаетъ, виновны частью Марксъ и я самъ. Намъ приходилось подчеркивать отрицаемый нашими противниками основной принципъ, и не всегда представлялся удобный случай воздать должное другимъ моментамъ, участвующимъ во взаимодѣйствіи. Но какъ только приходится имѣть дѣло съ исторической работой, съ практическимъ примѣненіемъ (принципа),—дѣло мѣняется, и уже невозможна никакая ошибка. Къ сожалѣнію, часто случается такъ, что, усвоивъ основы новой теоріи, люди рѣшаютъ, что она понята вполнѣ и что ею ужъ можно оперировать. Конечно, далеко не всегда это бываетъ удачно. Я не могу удержаться отъ такого упрека по адресу нѣкоторыхъ изъ младшихъ послѣдователей Маркса»...

Еще болѣе характерно другое мѣсто.

«Согласно матеріалистическому пониманію исторіи,—говоритъ тутъ Энгельсъ, — производство и воспроизведеніе дѣйствительной жизни является въ послѣдней инстанціи опредѣляющимъ моментомъ. Больше этого никогда не утверждали ни Марксъ, ни я. Перевертывать это въ томъ смыслѣ, будто экономическій моментъ является единственно опредѣляющимъ, значитъ превращать наше положеніе въ ничего не говорящую отвлеченную, нелѣпую (absurde) фразу. Экономическое состояніе — базисъ, но различные моменты надстройки оказываютъ также вліяніе на ходъ исторической борьбы въ разныхъ случаяхъ и часто опредѣляютъ ея форму по преимуществу. Къ числу послѣднихъ относятся: политическія формы классовой борьбы и ея результаты—учрежденія, введенныя побѣдившимъ классомъ послѣ выигранной борьбы и т. п.,

---

*) Наиболѣе полныя выписки, относящіяся къ историческому матеріализму, находятся въ недавно вышедшей книгѣ Вольтмана «Der historische Materialismus; Darstellung und Kritik der Marxistischen Weltanschauung». 1900. См. также у Грейлиха, «Die materialistische Geschichtsauffassung».

См. также «М. Б», январь 1897 г. «Вліяніе экономич. условій на развитіе общ.», стр. 96—106, пер. съ нѣмец., гдѣ переведены цѣликомъ главнѣйшія письма Энгельса.

Ред.

далѣе правовыя формы и отраженія различныхъ видовъ борьбы на сознаніи участвующихъ въ ней, политическія, юридическія, философскія теоріи, религіозныя воззрѣнія и ихъ дальнѣйшее развитіе въ догматы и пр. Во взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ моментовъ въ концѣ концовъ, черезъ безконечную цѣпь случайностей,—т. е. вещей и событій, внутренняя связь между которыми такъ отдаленна или такъ неуловима, что мы ее считаемъ не существующей,—и проявляется экономическое движеніе, какъ необходимое... Мы дѣлаемъ свою исторію сами, но прежде всего при очень опредѣленныхъ условіяхъ; среди нихъ экономическія въ концѣ концовъ являются рѣшающими. Но и политическія и пр. условія, вплоть до неотвязчивой традиціи, гнѣздящейся въ головахъ людей, играютъ роль, хотя и не рѣшающую...»

«Подъ экономическими причинами,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—въ которыхъ мы видимъ опредѣляющій базисъ исторіи, мы понимаемъ способы (Art und Weise), при помощи которыхъ люди извѣстнаго общества производятъ средства къ поддержанію жизни и,—поскольку существуетъ раздѣленіе труда,—обмѣниваютъ продукты между собою. Такимъ образомъ тутъ понимается вся техника производства и транспорта. Согласно нашему пониманію, эта техника опредѣляетъ способъ обмѣна, далѣе распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ этимъ—послѣ распаденія родового общества—подраздѣленіе на классы, связанныя съ нимъ отношенія господства и подчиненія, государство, политику, право и проч. Затѣмъ, въ числѣ экономическихъ отношеній подразумѣваются географическія основы, на которыхъ они отражаются, и продолжающіе фактически существовать пережитки болѣе раннихъ ступеней экономическаго развитія, сохраненные часто только традиціей или силою инерціи, конечно, также и внѣшняя среда, окружающая эту форму общества. Если техника... большею частью зависитъ отъ состоянія науки, то въ еще большей степени эта послѣдняя зависитъ отъ состоянія и потребностей техники. Если въ обществѣ чувствуется какая-нибудь техническая потребность, то это больше подвинетъ науку, чѣмъ десятокъ университетовъ.

«Мы видимъ, что историческое развитіе въ послѣдней инстанціи обусловливается экономическими условіями. Но раса и сама является экономическимъ факторомъ... Политическое, юридическое, философское, религіозное, литературное, художественное и пр. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ какъ одно на другое, такъ и на экономическій базисъ. Это не значитъ, что экономическое положеніе является единственной активной причиной, а другія лишь пассивными слѣдствіями. Это—взаимодѣйствіе на почвѣ экономической необходимости, всегда проявляющейся въ послѣдней инстанціи. Я не утверждаю автоматическаго дѣйствія экономическаго положенія. Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но дѣлаютъ ее въ данной напередъ, ихъ опредѣляющей средѣ, на почвѣ данныхъ напередъ фактическихъ отношеній,

и среди этихъ отношеній экономическія, какое бы вліяніе они ни испытывали отъ политическихъ и идеологическихъ, въ послѣдней инстанціи являются рѣшающими и образуютъ постоянную, единственно ведущую къ пониманію красную нить.

«Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но до сихъ поръ они дѣлали ее не по общей волѣ и не по общему плану, даже и не въ опредѣленно отграниченномъ данномъ обществѣ. Ихъ стремленія перекрещиваются, и во всѣхъ подобныхъ обществахъ царитъ все по той же причинѣ необходимость, дополненіемъ и формою проявленія которой является случайность. Необходимость, которая пробивается черезъ всякую случайность, и здѣсь въ концѣ концовъ экономическая»...

Любопытна попытка освѣтить отношеніе между экономическимъ базисомъ и надстройками при помощи перенесенія въ сферу общественныхъ явленій принципа раздѣленія труда. Основная посылка такова: гдѣ есть раздѣленіе труда, тамъ есть и самостоятельность раздѣленнаго труда; въ сферѣ экономическихъ отношеній, напримѣръ, производство яляется рѣшающимъ въ послѣдней инстанціи, однако торговля и денежный рынокъ являются самостоятельными моментами и подчиняются собственнымъ законамъ. Такъ же дѣло обстоитъ при выясненіи направляющей силы историческаго процесса. Во взаимодѣйствіи между неравными моментами всегда торжествуетъ экономическое движеніе. Вотъ какъ Энгельсъ поясняетъ свою мысль въ примѣненіи къ политическимъ, юридическимъ и идеологическимъ отношеніямъ:

«Всего проще дѣло объясняется съ точки зрѣнія распредѣленія труда. Общество порождаетъ извѣстныя общія функціи, безъ которыхъ оно не можетъ обойтись. Назначенные для этого люди образуютъ новую вѣтвь раздѣленія труда внутри общества. Съ этимъ они получаютъ обособленные отъ своихъ довѣрителей интересы, дѣлаются самостоятельными сравнительно съ ними—и государство готово... Новая самостоятельная власть, правда, въ цѣломъ должна слѣдовать за движеніемъ производства, но, въ силу присущей ей, т. е. перенесенной на нее и постепенно развившейся дальше относительной самостоятельности, въ свою очередь реагируетъ на условія и ходъ производства. Это — взаимодѣйствіе двухъ неравныхъ силъ: съ одной стороны экономическаго движенія, съ другой—политическ[illegible] власти, стремящейся къ возможно большей самостоятельности... Въ цѣломъ экономическое движеніе одерживаетъ верхъ, но оно принуждено испытывать обратное вліяніе отъ имъ же установленнаго и снабженнаго относительной самостоятельностью политическаго движенія...

«Точно такъ же обстоитъ съ правомъ: какъ только начинаетъ чувствоваться потребность въ новомъ раздѣленіи труда, которая вызываетъ къ жизни юристовъ, создается опять новая самостоятельная сфера, которая при всей своей общей зависимости отъ производства и торговли, обладаетъ спеціальной способностью воздѣйствія на оба эти момента...

«Что же касается до идеологическихъ сферъ, еще выше парящихъ въ воздухѣ, религіи, философіи и проч., то въ нихъ есть наличность чего-то доисторическаго, существовавшаго раньше наступленія историческаго періода и имъ уже перейденнаго. Въ основѣ этихъ различныхъ представленій о природѣ, о свойствахъ человѣка, о духахъ, о волшебныхъ силахъ и проч. часто лежитъ лишь отрицательно-экономическое; низкое экономическое развитіе доисторическаго періода дополняется, а иногда даже обусловливается ложными представленіями о природѣ. И если даже экономическая потребность была главной пружиной прогрессирующаго познанія природы и дѣлалось ею все больше и больше, то все же было бы педантично искать экономическихъ причинъ для всѣхъ этихъ первобытныхъ заблужденій. Исторія наукъ есть исторія постепеннаго устраненія ихъ, точнѣе—ихъ замѣны новыми, менѣе нелѣпыми. Люди, которые посвящаютъ себя этому, принадлежатъ опять къ новымъ сферамъ раздѣленія труда и воображаютъ, что обрабатываютъ самостоятельную область. И поскольку они образуютъ самостоятельную группу въ общественномъ раздѣленіи труда, постольку продукты ихъ дѣятельности, включая сюда ихъ ошибки, оказываютъ вліяніе на все общественное развитіе, даже на экономическое. Но, во всякомъ случаѣ, они сами находятся подъ господствующимъ вліяніемъ экономическаго развитія.

«Заключительная суприматія экономическаго развитія остается въ силѣ и для этихъ областей, но въ ихъ предѣлахъ она осуществляется при помощи условій, господствующихъ въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности: въ философіи, напримѣръ, она осуществляется путемъ воздѣйствія экономическихъ вліяній (которыя часто дѣйствуютъ въ своихъ политическихъ и проч. одѣяніяхъ), на данный, доставленный предшественниками философскій матеріалъ. Въ этихъ случаяхъ экономія не создаетъ ничего непосредственно изъ себя: она лишь опредѣляетъ способы измѣненія и дальнѣйшей разработки наличнаго умственнаго матеріала; большею частью даже и въ этихъ предѣлахъ она дѣйствуетъ лишь косвенно, такъ какъ наиболѣе сильное непосредственное вліяніе философія испытываетъ отъ политическихъ, юридическихъ и моральныхъ рефлексовъ».

Мы недаромъ такъ долго останавливались на письмахъ Энгельса. Намъ кажется, что ни для кого, кто захотѣлъ бы сравнить выводы, къ которымъ Энгельсъ пришелъ теперь, съ классической формулировкой гипотезы, не останется сомнѣнія въ глубокомъ отличіи первыхъ отъ второй. Многаго изъ того, что сказалъ Энгельсъ въ письмахъ, нѣтъ ни у Маркса, ни въ его собственныхъ, болѣе раннихъ трудахъ. Поэтому, едва ли можно согласиться съ Энгельсомъ, когда онъ утверждаетъ, что ни Марксъ, ни онъ не говорили ничего другого, чѣмъ то, что говоритъ онъ теперь. Къ защитѣ этого тожества Энгельсъ возвращается еще разъ. «Если думаютъ,—говоритъ онъ,—что мы отри-

цали всякое обратное дѣйствіе политическихъ и другихъ рефлексовъ экономическаго движенія на это послѣднее, то просто воюютъ съ вѣтряными мельницами. Обратите только вниманіе на брошюру Маркса о 18-мъ брюмерѣ Людовика Наполеона, гдѣ почти только и говорится, что о политической борьбѣ и политическихъ событіяхъ—натурально въ кругу ихъ зависимости отъ экономическихъ условій! Или возьмите «Капиталъ», напр., страницы, посвященныя рабочему дню, гдѣ законодательство, т. е. политическій актъ, дѣйствуетъ столь рѣшительно! Или въ томъ же «Капиталѣ» раскройте отдѣлъ объ исторіи буржуазіи (24 глава)! Да зачѣмъ же иначе боремся мы изъ-за политической диктатуры пролетаріата, если политическая власть лишена значенія? Сила (т. е. сила политическая)—также экономическій рессурсъ».

Все это такъ, но по первоначальной формулировкѣ ничего этого не видно.

Попробуемъ вслѣдъ за Вольтманомъ *) установить тѣ дополненія, которыя дѣлаетъ Энгельсъ къ первоначальной редакціи. На принципѣ общественнаго раздѣленія труда обоснована самостоятельность—правда относительная—соціальныхъ, а вслѣдъ за ними и духовныхъ сферъ; за этими сферами признаны спеціальные, имманентные ихъ природѣ законы, разграничены спеціальная и общая зависимость прочихъ отношеній отъ экономическихъ, прямое и косвенное вліяніе экономіи на другія области, въ томъ числѣ и на идеологіи; признано существованіе обратнаго вліянія другихъ областей, въ томъ числѣ идеологическихъ, на экономію, введенъ принципъ отрицательнаго экономическаго дѣйствія на міръ представленій, возведены въ факторы исторіи географическія и антропологическія отношенія, хотя и подъ экономическимъ флагомъ. При самомъ тщательномъ анализѣ первоначальной редакціи, какъ у Маркса, такъ и у Энгельса, трудно найти въ ней всѣ эти оговорки. Если бы онѣ могли быть тамъ усмотрѣны, едва ли были бы возможны тѣ недоразумѣнія, на которыя намекаетъ Энгельсъ, упрекая «младшихъ» марксистовъ. Быть можетъ, если бы гипотеза сразу получила тотъ видъ, который она получаетъ въ письмахъ Энгельса,—противники матеріалистическаго пониманія исторіи не имѣли бы столько поводовъ острить надъ курьезами, вродѣ отождествленія метемпсихозы Каббалы съ товарнымъ обмѣномъ.

II.

Послѣ Энгельса самокритика гипотезы пріобрѣла большое оживленіе. Если раньше не всякій рѣшался высказывать свои скептическія соображенія изъ опасенія быть обвиненнымъ въ ереси, то теперь, когда одинъ изъ творцовъ гипотезы фактически призналъ недостаточность

---

*) Op. cit., стр. 244.

первой формулировки, такія опасенія, если они существовали, потеряли значеніе.

Въ спеціальныхъ журналахъ найдется не мало попытокъ пойти по стопамъ Энгельса. Мы остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ.

Книга Штамлера не можетъ войти въ наше изложеніе по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Штамлеръ—не марксистъ, поэтому какъ бы характерна ни была его критика, она не можетъ интересовать насъ непосредственно. Къ тому же книга Штамлера переведена, а въ вопросѣ о ея значеніи помогутъ разобраться статьи гг. Булгакова и Струве *).

Напомнимъ только, что пониманіе гипотезы Штамлеромъ держится на идеѣ, которую мы только что встрѣтили у Энгельса,—на разграниченіи посредственнаго и непосредственнаго вліянія экономическихъ отношеній. Штамлеръ, какъ и Энгельсъ, для объясненія историческаго процесса строитъ, если можно такъ выразиться, лѣстницу моментовъ. Въ его концепціи гипотеза пріобрѣтаетъ болѣе стройный характеръ, и, отправляясь отъ такого ея толкованія, Штамлеръ подвергаетъ ее суду критической философіи.

О Штамлерѣ приходится упомянуть потому, что осложненіе гипотезы теоретико-познавательными моментами вызвало одну попытку, исходящую, какъ и всѣ здѣсь излагающіяся, изъ среды послѣдователей Маркса.

Конрадъ Шмидтъ, тотъ самый, къ которому адресовалъ Энгельсъ одно изъ цитированныхъ выше писемъ, напечаталъ статью **), гдѣ въ связи съ разборомъ книги Штамлера высказывается далеко не согласно съ первоначальной формулировкой. Въ обычное пониманіе гипотезы введены новые элементы, сильно ее видоизмѣняющіе.

Шмидтъ не отказывается видѣть въ трудѣ основу общества, но, по его мнѣнію, самый общественный трудъ можно объяснить, лишь признавъ потребности, желанія и цѣлесообразныя дѣйствія членовъ общества. Каждый общественный порядокъ представляетъ опредѣленную организацію удовлетворенія человѣческихъ потребностей, и человѣческія потребности, выростающія изъ этого общественнаго порядка при помощи имъ же доставляемыхъ средствъ, превращаютъ его въ новый общественный порядокъ, который выдвигаетъ новыя потребности. И Шмидтъ, совершенно не отрицая значенія экономическихъ явленій, «принципіально разрываетъ со смутной гипотезой, что изъ этихъ отношеній и потребностей можно безъ остатку дедуцировать всѣ прочія общественныя функціи, какъ будто бы истинныя основы каждаго со-

---

*) См. также «М. Б.», «Библ. отд.», сент. 1899 г. *Ред.*

**) Мы знакомы съ идеями К. Шмидта по изложенію Симховича («Der Krisis der Sozialdemocratie» въ «Jahrbücher für Nationalökonomie» E. Conrad's, 17 Band, 6 Heft, 1899).

ціальнаго факта (Geschehens), если ихъ прослѣдить какъ слѣдуетъ, носятъ необходимо экономическій характеръ».

Точка зрѣнія, которую усвоилъ себѣ Шмидтъ, несомнѣнно, весьма плодотворна, и, оставаясь на ней, онъ могъ бы сильно двинуть впередъ гипотезу. Къ сожалѣнію, кантовская гносеологія оказалась ему рѣшительно не подъ силу, и онъ вскорѣ вернулся къ обычному толкованію *).

Но попытка усумниться во всемогуществѣ экономическаго фактора вызвала энергичный отпоръ со стороны извѣстнаго русскимъ читателямъ г. Бельтова, который находилъ принципы критической философіи—кантіанскіе или неокантіанскіе, безразлично,—рѣшительно непримѣнимыми къ объясненію историческаго процесса. Критическая философія по самому своему существу—буржуазная философія, и переносить принципы критицизма туда, гдѣ примѣнимъ лишь матеріализмъ, не болѣе, какъ проявленіе оппортюнистскаго духа въ средѣ партіи **).

Повидимому, неустойчивость позиціи самого Шмидта и апеллированіе къ высшимъ соображеніямъ со стороны его противниковъ содѣйствовали тому, что идеи, высказанныя имъ, не нашли сочувствія.

Однако, въ той или иной формѣ, критика гипотезы не могла остановиться. Не успѣла умолкнуть поднятая Штамлеромъ полемика въ Германіи, какъ въ Швейцаріи явилась новая попытка.

Въ 1897 г. вышла брошюрка Greulich'а о матеріалистическомъ пониманіи исторіи ***).

Грейлихъ знаетъ, что Марксъ не смотрѣлъ на свою формулировку, какъ на окончательную, знаетъ письма Энгельса, выписываетъ часть того, что выписано выше нами, и вполнѣ подписывается подъ заключающимися здѣсь оговорками. Ему кажется, что другого пониманія и быть не можетъ. Односторонность въ пониманіи гипотезы онъ объясняетъ совершенно правильно. «Въ исторіи всѣхъ наукъ постоянно случается такъ,—говоритъ онъ,—что каждое дѣлающее эпоху открытіе вызываетъ какое-то опьяненіе умовъ, ведущее, въ свою очередь, къ своего рода ортодоксіи, отъ которой очень далеки сами открыватели». Отъ такого опьяненія самъ Грейлихъ совершенно свободенъ.

Для него матеріалистическое пониманіе исторіи важно, какъ плодотворная гипотеза, какъ методъ историческаго изслѣдованія. «Она вноситъ въ исторію,—говоритъ онъ,—струю свѣта, въ которой чувствовался такой недостатокъ, и въ этомъ смыслѣ прямо неоцѣнима». Даже формулировка Маркса въ «Zur Kritik etc.», односторонность которой для него несомнѣнна, онъ считаетъ дѣлающимъ эпоху открытіемъ. «Она расшатываетъ все прежнее пониманіе хода исторіи... Въ то время, какъ раньше экономическія основы систематически оставлялись въ

*) См. объ этомъ у Симховича, указ. мѣсто.

**) См. у Симховича, стр. 768a—768b.

***) «Über die materialistiche Geschichtsauffassung», ein Vortrag von Hermann Greulich, 1897.

пренебреженіи, открытіе Маркса принуждаетъ приступить къ ихъ изученію». «Для исторіи едва ли можетъ быть другой болѣе заслуживающій поощренія и болѣе плодотворный методъ изысканія, чѣмъ изслѣдованіе явленій по степени вліянія матеріальныхъ условій... Этотъ методъ открываетъ новый путь даже для исторіи идей, такъ какъ онъ устраняетъ личный, случайный элементъ и смотритъ на тѣ или другія теченія мысли какъ на необходимое, закономѣрное».

Это послѣднее заключеніе подкрѣпляется у Грейлиха ссылкою на двѣ научныя попытки.

Грейлихъ ссылается, во-первыхъ, на извѣстную книгу недавно умершаго французскаго соціолога Одэна *) «Происхожденіе великихъ людей». Грейлихъ положительно утверждаетъ, что книга создалась подъ вліяніемъ матеріалистическаго пониманія исторіи и оперируетъ его методомъ. Содержанія книги онъ не излагаетъ, и для всякаго незнакомаго съ ней попытка истолковать ее, какъ продуктъ историческаго матеріализма, остается на отвѣтственности Грейлиха. Во всякомъ случаѣ зачисленіе Одэна въ рядъ сторонниковъ интересующей насъ гипотезы возможно лишь при очень широкомъ пониманіи ея. Одэнъ старался свести генезисъ такъ называемыхъ великихъ людей къ средѣ—и только. Квалификаціи этой среды въ духѣ историческаго матеріализма у Одэна нѣтъ, никакого подраздѣленія факторовъ, напоминающаго концепцію историческаго матеріализма, не имѣется, предпочтенія экономическимъ отношеніямъ нигдѣ принципіально не отдается. Если Одэнъ историкъ-матеріалистъ, то съ неменьшимъ удобствомъ за таковыхъ могутъ сойти еще десятки соціологовъ **).

Еще болѣе страннымъ кажется то, что Грейлихъ причисляетъ къ сторонникамъ матеріалистическаго пониманія исторіи—представителей лингвистической школы Гейгера и Нуаре на томъ простомъ основаніи, что происхожденіе языка они объясняютъ фактами человѣческой дѣятельности. Такимъ образомъ въ историческіе матеріалисты попалъ не болѣе, не менѣе, какъ Максъ Мюллеръ.

Ясно, что если все это—не плодъ недоразумѣнія, то подъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи Грейлихъ разумѣетъ что-то очень далекое отъ ея первоначальной формулировки.

Наконецъ, Грейлихъ пытается иллюстрировать свои положенія на примѣрѣ крестовыхъ походовъ.

Такія иллюстраціи вообще представляются крайне ненадежными

*) «Genèse des grands-hommes, gens de lettre français modernes». Одэнъ былъ профессоромъ французскаго языка и литературы въ Софіи (Болгарія).

**) Въ нѣмецкой литературѣ за послѣднее время вообще замѣчается стремленіе пристегнуть къ историческому матеріализму такихъ мыслителей, которые ничего общаго съ нимъ не имѣютъ. Вольтманъ, напр., ничтоже сумняшеся перечисляетъ въ коллекціи предшественниковъ гипотезы—Вико, Гердера, Монтескье, Канта, Бокля (op. cit., стр. 11—24).

какъ для подтвержденія, такъ и для опроверженія гипотезы. Между тѣмъ и сторонники и противники ея—въ числѣ послѣднихъ и русскіе—охотно къ нимъ прибѣгаютъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время фактическая сторона исторіи выяснена далеко не сполна; мы отнюдь не можемъ похвалиться всестороннимъ знакомствомъ съ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіемъ, и ссылка на фактъ можетъ быть отведена простой апелляціей къ болѣе освѣдомленной исторіи. Характерно то, что, несмотря на очень убѣдительные доводы проф. Масарика *), Каутскій въ своей антикритикѣ на книгу Бернштейна, продолжаетъ требовать фактическихъ доказательствъ въ ту или другую сторону. Быть можетъ, если бы Марксъ не такъ вѣрилъ въ силу фактовъ для подкрѣпленія гипотезы, она была бы больше обоснована на философской сторонѣ. А теперь примѣръ основателя вызвалъ подражанія, только затрудняющія, а не разрѣшающія вопросъ.

Въ частности съ Грейлихомъ тутъ случился даже курьезъ. Съ исторіей крестовыхъ походовъ онъ знакомъ, повидимому, довольно плохо и, подбирая детали, упустилъ изъ виду — или и прямо не зналъ — цѣлый рядъ фактовъ, гораздо болѣе характерныхъ для выясненія экономической стороны движенія.

Дѣло однако не въ этомъ, а въ томъ, что и Грейлихъ отказывается видѣть въ экономическихъ отношеніяхъ единственный активный факторъ историческаго прогресса.

III.

Наиболѣе яркимъ представителемъ умѣренной фазы матеріалистическаго пониманія исторіи является Эдуардъ Бернштейнъ. Критика традиціонныхъ взглядовъ школы, съ которой выступилъ Бернштейнъ въ послѣднее время, во всемъ ея объемѣ не могла быть неожиданностью для его прежнихъ единомышленниковъ. Въ своихъ статьяхъ онъ неоднократно высказывался въ томъ духѣ, въ какомъ окончательно высказался теперь **). Тѣмъ не менѣе его послѣдняя книга, какъ извѣстно, вызвала цѣлую бурю. Всѣмъ памятны дебаты на ганноверскомъ Parteitag'ѣ, подобныхъ которымъ давно не запомнятъ лѣтописи партіи. Излагать все содержаніе книги намъ нѣтъ надобности. Мы остановимся лишь на той небольшой части, которая касается матеріалистическаго пониманія исторіи.

«Вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи есть вопросъ о степени исторической необходимости. Быть матеріалистомъ значитъ утверждать необходимость всего случившагося. Движеніе матеріи, согласно матеріалистической доктринѣ, съ необходимостью слѣ-

---

*) «Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus. Studien zur Sozialen Frage», 1899.

**) См. у Симховича, цит. статья, стр. 7686 и слѣд.

дуетъ опредѣленнымъ законамъ; нѣтъ причинъ безъ ихъ необходимаго дѣйствія, нѣтъ фактовъ безъ матеріальныхъ причинъ. А такъ какъ движеніе матеріи опредѣляетъ форму идей и даетъ направленіе волѣ, то и эти послѣднія, а вмѣстѣ съ ними и всѣ явленія человѣческаго міра— необходимы. Такимъ образомъ, матеріалистъ—это кальвинистъ безъ Бога. Если онъ не вѣритъ въ предопредѣленіе..., то вѣритъ и долженъ вѣрить, что съ любой точки зрѣнія все грядущее предопредѣлено совокупностью данной матеріи и отношеніями силы между ея частями.

«Переносить матеріализмъ въ объясненіе исторіи—значитъ утверждать необходимость всѣхъ историческихъ событій и всякаго историческаго развитія. Для матеріалиста вопросъ сводится лишь къ тому, какимъ образомъ проявляется необходимость въ исторіи человѣчества, какой элементъ силы или какіе факторы силы произносятъ рѣшающее слово, каково отношеніе различныхъ факторовъ между собою, какую роль играютъ въ исторіи природа, хозяйство, правовыя учрежденія, идеи».

Приведя извѣстное мѣсто изъ предисловія къ «Zur Kritik etc.» и оговорки Энгельса, Бернштейнъ подчеркиваетъ ихъ и продолжаетъ:

«Кто раздѣляетъ теперь матеріалистическое пониманіе исторіи, тотъ долженъ примѣнять его въ наиболѣе законченной, а не въ первоначальной формѣ, т. е. обязанъ на-ряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній съ полнымъ вниманіемъ отнестись (volle Rechnung zu tragen) къ юридическимъ и нравственнымъ понятіямъ, къ историческимъ и религіознымъ традиціямъ каждой эпохи, къ географическимъ и прочимъ вліяніямъ природы, а также къ природѣ самого человѣка и его духовнымъ силамъ. Это особенно надо имѣть въ виду тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о простомъ изслѣдованіи прошлыхъ историческихъ эпохъ, а о предположеніяхъ относительно грядущаго развитія, гдѣ матеріалистическое пониманіе исторіи должно служить путеводной звѣздою будущаго.

«...Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о такихъ большихъ массахъ, какъ современныя націи съ ихъ выросшимъ изъ тысячелѣтняго развитія жизненнымъ строемъ,—тамъ даже отъ болѣе крупныхъ измѣненій въ основахъ собственности трудно ждать быстраго измѣненія въ человѣческой природѣ, и это тѣмъ болѣе, что хозяйственныя отношенія и условія собственности составляютъ лишь часть соціальной обстановки, которая вліяетъ на человѣческій характеръ опредѣляющимъ образомъ. И здѣсь надо имѣть въ виду множественность факторовъ: къ отношеніямъ производства и обмѣна, на которыя главнымъ образомъ напираетъ историческій матеріализмъ, присоединяется въ числѣ другихъ, правда, ими же обусловленное, но—разъ оно дано,—уже оказывающее и обратное вліяніе... территоріальное дѣленіе населенія и въ связи съ нимъ организація сношеній...

«Историческій матеріализмъ совершенно не отрицаетъ самостоя-

тельности (Eigenbewegung) политическихъ и идеологическихъ силъ, онъ лишь оспариваетъ безусловность этой самостоятельности и показываетъ, что эволюція экономическихъ основъ общественной жизни—производственныя отношенія и развитіе классовъ—въ концѣ концовъ оказываютъ болѣе сильное вліяніе на дѣятельность вышеупомянутыхъ силъ.

«Множественность факторовъ во всякомъ случаѣ остается, и далеко не всегда легко вскрыть связь между ними съ такою отчетливостью, чтобы прочно дознаться, гдѣ въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ искать сильнѣйшую двигательную силу. Чисто экономическія причины лишь подготовляютъ почву для воспріятія извѣстныхъ идей; ихъ дальнѣйшій ростъ, распространеніе, формы, которыя онѣ получаютъ—все это зависитъ уже отъ совмѣстнаго дѣйствія цѣлаго ряда вліяній. Историческому матеріализму скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу, когда презрительно объявляютъ эклектизмомъ подчеркиваніе иныхъ вліяній, кромѣ чисто-экономическихъ, и вниманіе къ инымъ экономическимъ факторамъ, кромѣ техники производства и ея предопредѣленнаго развитія. Эклектизмъ... часто является лишь естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія—выводить все изъ единаго, начала и оперировать всюду однимъ и тѣмъ же методомъ. Когда это стремленіе переходитъ мѣру, духъ эклектизма со стихійной силой пробиваетъ себѣ путь. Это—возмущеніе трезваго ума противъ сидящей во всякой доктринѣ тенденціи изувѣчивать мысль инквизиціонными инструментами».

По мнѣнію Бернштейна, въ настоящее время люди научились управлять экономическимъ развитіемъ, и власть экономической необходимости надъ ними стала значительно слабѣе. И если мы придаемъ теперь большее значеніе экономическому мотиву, чѣмъ придавали раньше, то это не потому, что его роль сдѣлалась важнѣе, а потому, что теперь онъ выступаетъ открыто, въ то время, какъ раньше маскировался другими отношеніями.

За то «современное общество гораздо богаче всѣхъ прежнихъ идеологіями, независимыми отъ экономіи и отъ природы, дѣйствующей какъ экономическая сила. Науки, искусства, цѣлый рядъ общественныхъ отношеній въ настоящее время гораздо менѣе зависимы отъ экономіи, чѣмъ въ прежнія времена. Или—чтобы не были возможны недоразумѣнія—достигнутая теперь степень экономическаго развитія предоставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ большую арену самостоятельнаго дѣйствія, чѣмъ это было раньше. Вслѣдствіе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ другихъ соціальныхъ учрежденій будетъ дѣлаться все менѣе и менѣе непосредственной и вмѣстѣ съ тѣмъ естественная необходимость перваго будетъ все меньше и меньше опредѣлять формы послѣднихъ».

Предлагая затѣмъ взамѣнъ термина «матеріалистическое пониманіе исторіи» другой—«экономическое пониманіе исторіи», Бернштейнъ заканчиваетъ этотъ отдѣлъ *) слѣдующими словами:

«Въ той роли, которую эта теорія приписываетъ экономіи, кроется ея значеніе; изъ познанія и оцѣнки экономическихъ фактовъ проистекаютъ ея громадныя заслуги передъ исторической наукой, проистекаютъ тѣ богатые результаты, которыми обязана ей эта отрасль человѣческихъ знаній. Экономически понимать исторію не значитъ признавать только экономическія силы, одни экономическіе мотивы: это значитъ лишь утверждать, что экономія является постоянно рѣшающею силою, является краеугольнымъ камнемъ великихъ историческихъ движеній. Къ термину «матеріалистическое пониманіе исторіи» прицѣпились всѣ недоразумѣнія, которыя вообще неразлучны съ понятіемъ «матеріализмъ». Философскій или естественнонаучный матеріализмъ—детерминистиченъ, марксистское пониманіе исторіи—нѣтъ: оно не приписываетъ экономическимъ основамъ народной жизни никакого безусловно опредѣляющаго вліянія на ея формы».

Такъ развиваетъ Бернштейнъ оговорки Энгельса. По его мнѣнію, было бы громаднѣйшимъ шагомъ назадъ возвращаться отъ «зрѣлой формы», которую придалъ теоріи Энгельсъ, къ ея первоначальной формулировкѣ. Наоборотъ, послѣднюю надо дополнять письмами Энгельса. «Основная идея теоріи отъ этого не теряетъ въ единствѣ, но зато самая теорія выигрываетъ въ научности»... «Дальнѣйшее развитіе и выработка марксистскаго ученія должны начаться съ его критики».

Съ такой критикой однако согласились далеко не всѣ марксисты. Бернштейну и его послѣдователямъ пришлось вынести ожесточенную критику. Впрочемъ, она касалась главнымъ образомъ другихъ отдѣловъ книги Бернштейна, болѣе непосредственно колеблющихъ эрфуртскую программу.

Въ своей книгѣ противъ Бернштейна Каутскій сгруппировалъ наиболѣе существенныя изъ своихъ и отчасти чужихъ возраженій. Останавливаться на ней мы однако не станемъ; мы не будемъ даже разбирать отдѣла о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. По нашему мнѣнію, изъ всѣхъ замѣчаній Каутскаго только одно попадаетъ въ дѣйствительно слабое мѣсто разсужденій Бернштейна, именно то, гдѣ онъ справедливо протестуетъ противъ отрицанія Бернштейномъ детерминистическаго характера матеріалистическаго пониманія исторіи. Это, какъ видѣлъ читатель, единственный пунктъ, гдѣ Бернштейнъ вдается въ разсмотрѣніе философскихъ вопросовъ, и изъ его изложенія, если сопоставить начало съ концомъ, его основной взглядъ на необходимость далеко не ясенъ. Пытаясь защищаться противъ Каутскаго, онъ запутался еще больше. «Подъ детерминизмомъ,—говоритъ онъ въ од-

*) Die Voraussetzungen etc., стр. 4—14.

ной полемической статьѣ,—я понимаю матеріально опредѣленную необходимость, которая въ примѣненіи къ исторіи должна была бы называться фатализмомъ». Каутскому не трудно было доказать непрочность всѣхъ этихъ разсужденій.

Мы не можемъ вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса по существу, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ ближайшей задачи; намъ важно было показать возможность для послѣдовательныхъ марксистовъ тѣхъ существенныхъ ограниченій, на которыя они пошли.

IV.

Попытаемся теперь оцѣнить значеніе всѣхъ оговорокъ историческаго матеріализма.

Во-первыхъ, почему онѣ явились?

Для послѣдовательныхъ учениковъ Маркса матеріалистическое пониманіе исторіи является основой всего соціальнаго міросозерцанія. Это признается всѣми. Для Бернштейна, напримѣръ, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. «Никто,—говоритъ онъ,—не станетъ отрицать, что важнѣйшею частью въ фундаментѣ всего ученія, такъ сказать, основнымъ закономъ, проникающимъ всю систему, является его специфическая историческая теорія, называемая матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Марксизмъ въ принципѣ неразрывно связанъ съ нимъ (mit ihr steht und fällt es im Prinzip)». А разъ матеріалистическое пониманіе исторіи неразрывно связано съ цѣлой системой, то оно должно раздѣлить его судьбу.

Система нѣмецкаго марксизма есть продуктъ соціальныхъ отношеній Европы сороковыхъ годовъ. Его эволюція отражаетъ эволюцію соціальныхъ отношеній за дальнѣйшій періодъ. Наибольшаго, по крайней мѣрѣ внѣшняго, обостренія соціальныя отношенія достигли въ ту эпоху, когда вырабатывалось міросозерцаніе Маркса. Тогда явились его формулировки матеріалистическаго пониманія исторіи сначала въ Манифестѣ, затѣмъ въ предисловіи къ «Zur Kritik etc». Соціальная борьба постепенно утрачивала свой острый характеръ. Къ девяностымъ годамъ это выяснилось въ достаточной степени: тогда явились оговорки Энгельса. А теперь, когда вся практическая программа партіи, подъ вліяніемъ измѣненія условій, готова измѣниться, является концепція Бернштейна.

Таковы главныя причины той эволюціи, которую пришлось претерпѣть гипотезѣ; но онѣ не единственныя.

Въ послѣднія 30—40 лѣтъ исторія и соціологія шагнули далеко впередъ. Подчеркиваніе экономическаго фактора матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи не осталось безъ вліянія ни на одну изъ этихъ наукъ и даже въ своемъ одностороннемъ видѣ принесло большіе плоды. Историки и соціологи обратили вниманіе на экономическія от-

ношенія отчасти подъ непосредственнымъ вліяніемъ гипотезы. Марксъ и самъ въ историческихъ отдѣлахъ «Капитала» является крупнымъ изслѣдователемъ по экономической исторіи. Экономическое направленіе въ исторической наукѣ и принципіально, и методологически находится въ тѣсной связи съ историческимъ матеріализмомъ. Отчасти оно вызвано къ жизни одними и тѣми же причинами, отчасти выработалось прямо подъ его вліяніемъ.

Но приложенный къ изученію общественныхъ явленій—въ исторической или соціологической формѣ,—принципъ экономическаго объясненія не могъ остаться при прежней формулировкѣ. Исторія и особенно соціологія, оперируя фактами на безконечномъ протяженіи процесса эволюціи человѣческихъ обществъ, имѣя дѣло съ безконечнымъ разнообразіемъ общественныхъ формъ, не могли не увидѣть, что сводить къ экономическому все безъ остатка, выводить изъ экономическаго все непосредственно—значитъ насиловать факты. Методъ историческаго матеріализма былъ усвоенъ, но его примѣненіе было ограничено областью изслѣдованія экономической эволюціи и процессовъ, соприкасающихся съ ней ближайшимъ образомъ. Въ этой сферѣ заслуги историческаго матеріализма громадны.

Провѣрка метода, предпринятая исторіей и соціологіей и пришедшая къ заключенію о необходимости ограничить его приложеніе, могла быть одной изъ причинъ, побудившихъ приверженцевъ гипотезы, начиная съ одного изъ ея творцовъ, взяться за пересмотръ.

Теоретическая критика матеріалистическаго пониманія исторіи едва ли можетъ похвалиться той же заслугой. Правда, недостатка въ ней никогда не ощущалось ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, но до самаго послѣдняго времени она съ удивительной настойчивостью попадала не туда, куда слѣдуетъ. Только Штамлеръ указалъ правильный путь для принципіальной критики, хотя самъ онъ, введя въ дѣло телеологическій моментъ, испортилъ свои построенія. Теперь уже критика знаетъ дорогу и идетъ по ней *).

Таковы вѣроятныя причины появленія оговорокъ.

Каково же ихъ значеніе?

Коротко говоря, онѣ сводятся къ тому, что отъ доктрины, съ которой трудно было помириться историку, привыкшему обращаться съ фактами осторожно, остается одно положеніе.

Экономическое движеніе—наиболѣе важное изъ всѣхъ движеній, участвующихъ въ историческомъ процессѣ. Экономическія силы—наиболѣе важныя изъ силъ, направляющихъ историческій процессъ. Вліяніе экономіи на прочія отношенія—сильнѣе, чѣмъ вліяніе прочихъ отношеній на экономію. Политическія условія, право и проч. развиваются по имманентнымъ ихъ природѣ законамъ. Связь между всѣми этими

*) Для интересующихся укажемъ названную выше книгу Масарика.

сферами и экономіей существуетъ, но осуществляется не непосредственно, а черезъ цѣлую сѣть болѣе близкихъ вліяній.

Вотъ къ чему въ главномъ свелся историческій матеріализмъ.

Не входя въ оцѣнку этой послѣдней формулировки по существу, ограничимся пока нѣсколькими общими замѣчаніями.

Читатель, конечно, знаетъ, что оговорки приняты далеко не всѣми послѣдователями Маркса. Главнымъ препятствіемъ къ этому, какъ показываетъ, между прочимъ, и послѣдняя книга Каутскаго, служитъ представленіе о неразрывной связи гипотезы со всей программой партіи. Бернштейнъ и другіе, которые вносятъ ограниченія и въ самую программу, этимъ соображеніемъ, разумѣется, не затрудняются.

Поскольку можно отдѣлить матеріалистическое пониманіе исторіи отъ партійной программы и поскольку для представителя партіи возможно пойти вслѣдъ за Бернштейномъ на дальнѣйшія ограниченія, новая формулировка пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе. Разсматривая ее въ такомъ видѣ, нельзя не признать за ней крупнаго научнаго значенія, гораздо болѣе крупнаго, чѣмъ она имѣла въ своей классической формулировкѣ.

Главное значеніе оговорокъ, намъ кажется, состоитъ въ томъ, что вопросъ о пониманіи историческаго процесса спускается съ неба на землю. Кровь отъ крови и плоть отъ плоти гегелевской діалектики, первоначальная концепція таила въ себѣ много метафизическаго. Отъ метафизичности не спасало ее и матеріалистическое содержаніе, влитое Марксомъ въ діалектическія формы. Оговорки въ значительной степени избавляютъ гипотезу отъ неудобнаго метафизическаго одѣянія, мѣшавшаго приблизиться къ фактамъ, и вопросъ о закономѣрности въ исторіи переносится на положительную почву, гдѣ надъ нимъ уже много поработали историки и соціологи.

Оговорки перекидываютъ мостъ черезъ пропасть, раздѣлявшую людей, привыкшихъ мыслить исторію внѣ логическихъ категорій,—и теоретиковъ исторіи въ духѣ марксизма. Для Германіи бернштейніанство во всемъ его объемѣ служитъ и болѣе общимъ пунктомъ примиренія различныхъ общественныхъ міросозерцаній. Для Россіи, гдѣ историческій матеріализмъ разъединялъ людей, очень близкихъ по общественному міросозерцанію, иногда и совершенно согласныхъ по всѣмъ прочимъ пунктамъ, оговорки могутъ сыграть роль, очень значительную.

Въ исторической наукѣ, оговорки могутъ устранить большія затрудненія, которыя мѣшали сговориться людямъ, раздѣляемымъ отношеніемъ къ историческому матеріализму. Вопросы практическаго изслѣдованія и вопросы теоретическаго обсужденія станутъ ближе къ общей почвѣ.

Намъ кажется, что тутъ главное вниманіе придется обратить прежде всего на формальную сторону, которая до сихъ поръ нуждается въ разработкѣ и неразработанностью которой объясняется значительная

часть всевозможныхъ недоразумѣній. Матеріалистическое пониманіе исторіи стало уже на этотъ путь привлеченіемъ принциповъ гносеологіи для выясненія природы различныхъ моментовъ историческаго процесса *), но то, что сдѣлано, еще далеко не имѣетъ окончательнаго характера.

Въ споръ между діалектическимъ матеріализмомъ и критицизмомъ долженъ былъ вмѣшаться и уже вмѣшался позитивизмъ, который въ произведеніяхъ американскихъ и отчасти французскихъ соціологовъ пытался доказать психологическую природу историческаго процесса. Какъ показываетъ извѣстная книга Лакомба, такой выводъ можетъ быть вполнѣ примиренъ съ признаніемъ важности экономическихъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ понимается это положеніе послѣдней формулировкой теоріи Маркса.

Вообще, дѣло идетъ о перекрестной провѣркѣ методовъ, отъ которой надо ждать обильныхъ результатовъ. Затронуты капитальнѣйшіе вопросы исторической науки, и чѣмъ больше обяжутся другъ другу различные методы, тѣмъ въ большей выгодѣ останется сама наука. А пока что,—ужъ и одного этого сближенія достаточно, и за одно это приходится цѣнить оговорки матеріалистическаго пониманія исторіи.

А. Дживелеговъ.

---

*) Читателю извѣстно, что Штамлеръ (1896) явился и тутъ однимъ изъ иниціаторовъ. Его примѣръ нашелъ послѣдователей не въ одной Германіи. Въ 1897 г. въ «Revue internationale de Sociologie» (8—10) появилась статья Эдуарда Абрамовскаго о психологическихъ основахъ соціологіи, вслѣдъ за которой онъ написалъ статью уже непосредственно касающуюся историческаго матеріализма. Обѣ статьи только что появились въ русскомъ переводѣ: *Э. Абрамовскій*, I. «Психологическія основы соціологіи». II. «Историческій матеріализмъ и принципъ соціальнаго явленія». М. 1890. 112 стр. Принципы автора чисто кантіанскіе. У насъ той же цѣли посвящены, какъ извѣстно, статьи г. Булгакова.

НЕСПѢТЫЯ ПѢСНИ.

Какъ много въ сердцѣ у меня
Зачатыхъ пѣсенъ шевелится!..
Но въ трудовомъ угарѣ дня
Для жизни въ міръ имъ не явиться...

Безвѣстныя, замрутъ онѣ
Въ тоскѣ подавленныхъ желаній
И не воскреснутъ въ тишинѣ
Изъ затуманенныхъ мечтаній.

Утраченъ мигъ; въ борьбѣ нѣмой
Погасли искры вдохновеній—
И душу давитъ мутной мглой
Хаосъ несозданныхъ твореній...

А. Колтоновскій.

ВЪ СУТОЛОКѢ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(очерки).

I.

Записки мои о деревнѣ, печатавшіяся въ 1892 г. въ „Русской Мысли“ подъ заглавіемъ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“, относились къ періоду до 1886 г.

Послѣ трехъ описанныхъ мною пожаровъ, я потерялъ большую часть своего оборотнаго капитала и, не желая вести дѣло на занятой, рѣшилъ снова заняться своимъ инженернымъ дѣломъ, а имѣніе поручить управляющему—нѣкоему Петру Ивановичу Иванову.

Выборъ Петра Ивановича былъ сдѣланъ мною не вполнѣ самостоятельно: рекомендовалъ мнѣ его Чеботаевъ, какъ человѣка стойкаго и умѣющаго подобрать распущенныя мною возжи.

То, что все случившееся со мной произошло на этой именно почвѣ,—въ этомъ не сомнѣвался никто.

— Мнѣ кажется, что съ вами случилось, —утѣшалъ меня тогда Чеботаевъ,—нѣчто въ такомъ родѣ. Позвали вы человѣка и сказали ему: „вотъ тебѣ рубль“.—„За что?“—„Такъ, ни за что“.—„Спасибо“.—И на другой день позвали и дали, и на третій, и на четвертый и такъ далѣе, пріучивъ себя давать, а ихъ брать. И въ одинъ прекрасный день, когда, вмѣсто рубля, вы дали имъ полтинникъ, они обидились и стали жечь васъ. Петръ Ивановичъ звѣздъ вамъ съ неба хватать не будетъ, но онъ человѣкъ дѣловой, практичный, стойкій и, главное, честный.

И вотъ Петръ Ивановичъ въ одинъ пасмурный декабрьскій день пріѣхалъ ко мнѣ въ Князевку.

Онъ долго пыхтѣлъ и шумѣлъ, раздѣваясь въ передней, и изъ кабинета я слышалъ его властный голосъ, которымъ отдавалъ онъ прислугѣ разныя приказанія относительно своего багажа, необходимости просушить его чапанъ, валенки,—какъ именно просушить. Кончивъ по части распоряженій, онъ долго сморкался и, наконецъ, властно приказалъ:

— Доложи: управляющій Петръ Ивановичъ Ивановъ.

Не дожидая доклада, я самъ пошелъ въ переднюю и со словами: „очень радъ познакомиться“ протянулъ новому управляющему руку.

Но не такой былъ человѣкъ Петръ Ивановичъ. Его чиновничью субординацію, очевидно, покоробила моя фамильярность и, отступивъ, не торопясь жать мою року, онъ сухо и строго, въ упоръ, проговорилъ:

— Честь имѣю представиться: управляющій Петръ Ивановъ Ивановъ.

— Очень радъ... пожалуйста...

И я указалъ ему дорогу.

— Нѣтъ, ужъ позвольте,—еще строже отвѣтилъ Петръ Ивановичъ и такъ твердо указалъ мнѣ идти первому, что мнѣ оставалось только исполнить.

Дойдя до кабинета, я предложилъ гостю сѣсть и усѣлся самъ.

Но и тутъ Петръ Ивановичъ сѣлъ не сразу. Онъ поблагодарилъ меня за мое предложеніе сѣсть такимъ кивкомъ головы, который какъ бы говорилъ: „еще посмотрю я стоитъ ли мнѣ садиться: можетъ быть, ты и въ самомъ дѣлѣ такой сумасшедшій, что я, не теряя времени, уѣду къ Чеботаеву, у котораго знаешь, по крайней мѣрѣ, чего держаться“.

Все это я чувствовалъ,—чувствовалъ, что въ лицѣ Петра Ивановича со стороны всего уклада нашей уѣздной жизни мнѣ предлагается своего рода ультиматумъ, послѣ котораго, въ зависимости отъ того, будетъ ли онъ принятъ мною или нѣтъ, и я буду причисленъ ими къ подающимъ надежды на исправленіе или безвозвратно погибшимъ.

Понималъ это, очевидно, и хорошо понималъ, и Петръ Ивановичъ.

Полный, съ брюшкомъ и лысиной, съ задорной осанкой, гладко выбритыми щеками и больши усами Петръ Ивановичъ, не торопясь, съ достоинствомъ, осматривалъ мой кабинетъ, картины, меня.

Онъ сѣлъ, наконецъ, и сразу приступилъ къ дѣлу.

Чеботаевъ разсказалъ ему все. Нужны твердость, выдержка. Онъ знаетъ имѣніе. Имѣніе, по его мнѣнію, можетъ дать даже въ первое время до десяти тысячъ дохода въ годъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ надѣется поднять доходность до пятнадцати тысячъ.

Я слушалъ и уже смотрѣлъ на толстаго Петра Ивановича, какъ на неисчерпаемый запасъ пачекъ по 15 тысячъ каждая, которыя онъ одна за другой каждый годъ будетъ мнѣ вручать.

— Я берусь... но...—и Петръ Ивановичъ остановился,—я ставлю... э... условіе... Я говорю и буду дѣйствовать въ вашихъ

интересахъ и въ вашихъ интересахъ я долженъ все сказать. Всякое ваше приказаніе я обязанъ исполнить или уйти,—когда только вы это мнѣ прикажете. Но пока вы считаете меня полезнымъ, вы ограничиваетесь въ своихъ распоряженіяхъ мною... Съ остальными говорю я, и вся ваша забота—поддержать мой авторитетъ. Потому что мой авторитетъ—вашъ авторитетъ.

Я не буду утомлять читателя дальнѣйшими нашими переговорами съ Петромъ Ивановичемъ.

Скажу коротко, что къ вечеру мы съ нимъ договорились и начали, согласно выработанной программѣ, дѣйствовать.

Прежде всего, рѣшено было исправить ошибку суда, вынесшаго оправдательный приговоръ моимъ поджигателямъ: рѣшено было наказать своей властью виновныхъ.

Я ихъ зналъ всѣхъ. Пяти богатѣямъ съ ихъ семействами, наиболѣе виновнымъ, я предложилъ навсегда покинуть Князевку. На ихъ естественный отказъ исполнить такое мое требованіе, я собралъ черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Петра Ивановича сходъ.

— Если вы желаете, господа,—сказалъ я,—имѣть со мной дѣло и впередъ, я ставлю условіе—эти пять семействъ должны покинуть Князевку.

Мнѣ отвѣчали, что общество здѣсь безсильно что-нибудь сдѣлать.

Я, въ свою очередь, сказалъ:

— Вашу силу я знаю: если вы захотите, то сможете. Какъ хотите, но вотъ мои условія: пока эти люди не уйдутъ добровольно, я вамъ не дамъ ни земли, ни выгона, ни лѣса, ни воды.

Я ждалъ отвѣта, но его не послѣдовало.

Я смотрѣлъ тогда на все съ свой точки зрѣнія: я былъ оскорбленъ ихъ молчаніемъ, я сдѣлалъ свой выводъ изъ него, — имъ дороже ихъ товарищи-поджигатели, со всѣмъ зломъ, которое несли они съ собой, дороже меня, несшаго имъ всю свою душу, все добро, которымъ располагалъ.

— Теперь зима, господа, и я вамъ не нуженъ, но вѣдь придетъ весна... И вамъ нечего будетъ пахать, вамъ некуда будетъ выгнать для пастьбы свой скотъ.

Родивонъ Керовъ, преземистый крѣпышъ, молодой и остроумный, попробовалъ было пошутить:

— Кто тамъ живъ еще будетъ до весны.

Шутка не вышла, голосъ его тоскливо оборвался, потому что я слушалъ и смотрѣлъ на него не такъ, какъ когда-то.

Онъ смущенно махнулъ рукой, пробормоталъ: „мнѣ что“ и спрятался въ толпу.

Послышался чей-то тяжелый вздохъ.

— Прощайте, господа,—я объявилъ вамъ свою волю и, какъ

по лѣстницѣ не влѣзете на небо, такъ и волю мою не достанете. Петръ Ивановичъ, вашъ новый управляющій, исполнитъ мое распоряженіе. Убьете его,—другой его замѣнитъ.

Я помолчалъ и, угрюмо отчеканивая слова, кончилъ:

— Выгонъ, который до сихъ поръ я отдавалъ вамъ даромъ, какъ только придетъ весна, будетъ вспаханъ.

— Что жъ мы будемъ дѣлать безъ него? Гдѣ скотину будемъ пасти?—раздался жесткій вызывающій голосъ Ивана Евдокимова, одного изъ приговоренныхъ мною.

Онъ, очевидно, совершенно не вѣрилъ въ возможность его выселенія.

— Этотъ выгонъ,—настойчиво повторилъ я,—съ первымъ весеннимъ днемъ Петръ Ивановичъ начнетъ пахать и будетъ пахать до тѣхъ поръ, пока ваши уполномоченные не привезутъ отъ меня приказанія прекратить пашню. Уполномоченные же ваши получатъ приказаніе отъ меня, когда привезутъ извѣстіе, что Чичковъ, Евдокимовъ, Кисинъ, Анисимовъ и Сергѣй оставили навсегда вашу деревню. Прощайте, я уѣзжаю въ городъ и до лѣта вы меня не увидите.

При гробовомъ молчаніи, я сѣлъ въ сани и уѣхалъ въ усадьбу.

Короткій декабрьскій день подходилъ къ концу, на бѣломъ снѣгѣ ярче подчеркивались лиловые тона лѣса, изъ ущелій ползли тяжелыя тучи, голый лѣсъ завывалъ и бушевала сильнѣе вьюга, вырываясь тамъ дальше на просторъ полей.

Такой заброшенной и сиротливой казалась вся эта Князевка, эти люди, стоявшіе предо мной на морозѣ, гнувшіеся подъ леденящимъ дыханіемъ зимы, моихъ словъ.

Вечеромъ Петръ Ивановичъ, расхаживая по кабинету, самодовольно потиралъ руки и говорилъ съ тѣмъ достоинствомъ, съ какимъ говорятъ или хотятъ говорить съ опекаемыми:

— Ну, теперь главное... твердость... авторитетъ... теперь... э...—онъ важно складывалъ колечкомъ губы, пыжился и осматривалъ внимательно, пытливо меня,—теперь шутки плохія выйдутъ, если мы опять уступимъ.

— Не уступимъ.

— Вы, конечно, въ городъ уѣдете, а я вѣдь здѣсь останусь—убьютъ.

— Я вамъ на три года передалъ уже свои права.

— Безъ этого, конечно, я и не взялся бы.

Заглянулъ Родивонъ Керовъ, уже сдружившійся съ Петромъ Ивановичемъ.

— Ну что, Родивонъ?—весело, возбужденно спрашивалъ его Петръ Ивановичъ,—убьютъ насъ съ тобой?

— Но-о...

— Ну, не говори...

— Поплачемъ, да и начнемъ помаленьку тискать тѣхъ-то, недружковъ твоихъ. Непропадать же всѣмъ изъ-за нихъ.

— Недружки они не мои, а ваши,—поправилъ я.

— Да, вѣдь, видишь,—глупы,—ихъ же жалѣемъ.

Утромъ рано на другой день я уже выѣзжалъ въ городъ на всю зиму съ неясной утѣшительной злорадной мыслью: вотъ, дескать, думали, что буду вамъ всю жизнь дѣлать добро и нельзя меня довести до зла... такъ... вотъ... довели...

II.

До пріисканія мѣста я съ семьей поселился въ губернскомъ городѣ той губерніи, гдѣ было мое имѣніе.

Губернское общество приняло насъ съ распростертыми объятіями.

Меня журили за панибратство съ крестьянами, за попустительство, но журили ласково, любя, и радовались какъ тому, что Чеботаевъ мнѣ далъ такого управляющаго, какъ Ивановъ, такъ и тому, что я опять принимаюсь за службу.

Измерзнувшій, исхолодавшій душой, сбитый съ толку, я радъ былъ ласкѣ, теплу.

— Все, что ни дѣлается—къ лучшему,—утѣшали меня,—вы человѣкъ городской, человѣкъ иниціативы, а Чеботаевъ другой человѣкъ,—человѣкъ деревни, устоевъ.

Чеботаевъ вдругъ какъ-то выдвинулся всей моей исторіей и о немъ заговорили.

— Замѣчательный и именно тѣмъ, что ничего въ немъ нѣтъ тамъ новаго, неиспробованнаго,—это самъ устой, сама скромность и чистота.

И Чеботаеву противуставляли Проскурина со всей его партіей.

Проскуринъ, богатый помѣщикъ, лѣтъ 35, изъ улановъ, былъ уѣзднымъ предводителемъ и центромъ своей партіи. И глава, и партія, лихіе кавалеристы въ отставкѣ, умѣли и кутить въ своемъ кругу, умѣли и дружно стоять другъ за друга на дворянскихъ земскихъ собраніяхъ. Другъ другу они говорили „ты", строго соблюдали между собой свой „лыцарскій уставъ", но въ отношеніи остальнаго общества держали себя, какъ Богъ на душу положитъ.

Сами себя они считали и богатыми, и воспитанными и, можетъ быть, даже и образованными. Въ дѣйствительности же были людьми, въ сущности, уже разоренными, кромѣ Проскурина,—малограмотными, по существу грубыми и въ значительной степени неразборчивыми въ средствахъ при достиженіи цѣли.

Но въ смыслѣ партійной борьбы, умѣнія сажать въ чернильницу, они смѣло могли бы дать любымъ парламентскимъ дѣятелямъ Европы и Америки 75 очковъ впередъ.

Самый способъ, съ помощью котораго Проскуринъ выдвинулся въ предводители, уже заслуживалъ вниманія.

Въ уѣздѣ съ временъ Екатерины II проживали мелкопомѣстные дворяне съ маіоратными участками въ 60 десятинъ.

Дворяне эти, за ничтожнымъ исключеніемъ выбивавшихся „въ люди", влачили жизнь, худшую даже, чѣмъ крестьяне. Землю свою задаромъ сдавали въ аренду, а сами нищенствовали.

И вотъ однажды во время выборовъ, толпы этихъ нищихъ во фракахъ и нитяныхъ перчаткахъ наводнили залы дворянскаго дома и избрали Проскурина своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Остальные крупноземельные дворяне уѣзда частью не явились, а протестующіе оказались въ такомъ меншинствѣ, что ни о какомъ протестѣ и рѣчи не могло быть.

Обезпеченнымъ теперь явилось положеніе Проскурина и въ земствѣ какъ благодаря этимъ же мелкопомѣстнымъ, такъ и тому, что друзья Проскурина, какъ и онъ самъ, владѣли хотя и заложенными и перезаложенными, но крупными помѣстьями, а, слѣдовательно, по новому уставу преобразованнаго земства, были безъ выбора членами земскаго собранія.

Такимъ образомъ, Проскуринъ съ своей партіей являлся полнымъ хозяиномъ своего уѣзда. И дѣйствительно: членами управы были повліятельнѣе, выбившіеся въ люди изъ мелкопомѣстныхъ, предсѣдателемъ былъ изъ своихъ раззорившійся старичекъ, съ которымъ Проскуринъ обходился фамильярно,—то грубо, то пренебрежительно-снисходительно.

Но на губернскихъ собраніяхъ роль Проскурина и его партіи ослаблялась, главнымъ образомъ, нашимъ съ Чеботаевымъ уѣздомъ и сосѣднимъ съ нами.

Въ обоихъ этихъ уѣздахъ дворянства было еще много и такого сплоченнаго, что сосѣдній, напримѣръ, съ нами уѣздъ иначе и не называли, какъ „спасовымъ согласіемъ".

Душой этого сосѣдняго уѣзда былъ жившій въ губернскомъ городѣ членъ губернскаго земства Николай Ивановичъ Бронищевъ.

Очень энергичный, дѣльный, умный, безукоризненно честный, Николай Ивановичъ по натурѣ своей представлялъ изъ себя крупную силу.

Средняго роста, изящный, всегда элегантно одѣтый, всегда доброжелательный и ласковый, съ прекрасными манерами, изъ старинной дворянской семьи Николай Ивановичъ могъ бы занять и болѣе высокую роль въ губерніи. Но онъ добровольно отказался отъ всякой другой и сталъ зато центромъ, душой своего уѣзда.

И уѣздъ его, являясь на собранія, представлялъ изъ себя действительно, сплоченную сильную партію, съ заранѣе выработанной программой по всѣмъ имѣющимся быть поднятыми вопросамъ.

Такой же, какъ Николай Ивановичъ, силой становился въ своемъ уѣздѣ Чеботаевъ. Но въ то время, какъ уѣздъ Николая Ивановича былъ уже дисциплинированъ, уѣздъ Чеботаева требовалъ еще большой работы. Во главѣ уѣзда все еще стояла старая партія съ старымъ предводителемъ дворянства, за которымъ числилось двѣ большія заслуги: онъ былъ предводителемъ въ тотъ періодъ, когда никто имъ не желалъ быть, въ періодъ, который называли „пребываніемъ дворянства въ пустынѣ"; и вторая заслуга та, что старый предводитель все свое состояніе прожилъ на предводительство. Но были и недостатки,—нѣкоторая халатность, кумовство и, наконецъ, это былъ человѣкъ уже старый, безъ энергіи, а наступали новыя времена, когда роль предводителя могла стать и болѣе отвѣтственной.

Эти новыя времена уже чувствовались.

Дворянскій банкъ уже открылъ свои дѣйствія и своими широкими ссудами прямо таки спасъ оставшееся еще дворянство, по крайней мѣрѣ, на первое время отъ такого же поголовнаго разоренія, какому подверглись 60—70% уже разорившихся дворянъ. Еще болѣе существеннымъ въ смыслѣ вліянія на жизнь являлись преобразованіе земства и предполагавшійся институтъ земскихъ начальниковъ. Благодаря тому и другому, въ высшей степени увеличивалось какъ значеніе дворянства, такъ и вообще предводителей въ особенности.

Понятно поэтому, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидались выборы на очередномъ дворянскомъ собраніи, долженствовавшемъ быть какъ разъ въ эту зиму.

Особенно волновали общество сенсаціонные слухи о томъ, что Проскуринъ будетъ баллотироваться въ губернскіе предводители.

И какъ ни дико это казалось съ одной стороны, съ другой—и невѣроятнаго ничего не было: все зависило отъ того, какъ раздѣлятся голоса нашего уѣзда: восторжествуетъ Чеботаевъ,—Проскуринъ въ меньшинствѣ, останется прежній,—Проскуринъ проскочитъ.

Въ виду такого положенія дѣла, благожелательный элементъ дворянства рѣшилъ просить стараго очень авторитетнаго предводителя дворянства съ незапятнаннымъ именемъ остаться еще на трехлѣтіе. Всѣ, конечно, понимали, что предводитель очень ужъ старъ и болѣзненъ, числился бы онъ предводителемъ только на бумагѣ, но это все таки былъ бы лучшій исходъ, чѣмъ рискъ получить Проскурина.

Слабой же стороной такого проекта было то, что Проскуринъ, какъ предводитель уѣзда, перваго по счету, являлся бы въ случаѣ смерти замѣстителемъ стараго предводителя.

Конечно, Проскуринъ, если бы былъ корректенъ, долженъ былъ бы немедля собрать экстренное собраніе для новыхъ выборовъ, но въ корректность Проскурина плохо вѣрили и думали, что онъ предпочтетъ второй выходъ, предоставленный ему закономъ, — остаться замѣстителемъ до слѣдующаго очереднаго собранія.

Уже за нѣсколько дней до выборовъ всѣ гостиницы были переполнены съѣзжавшимися на выборы дворянами.

Они прибывали съ каждымъ поѣздомъ и вереницы ползущихъ по улицамъ извощичьихъ санокъ развозили ихъ по городу.

Они ѣхали, и ихъ позы, выраженія, взгляды — все говорило, что мыслью они еще тамъ въ своихъ деревняхъ, среди всѣхъ дѣлъ своихъ деревенскихъ: сдачи работъ, земель, продажи лѣса, организаціи разныхъ подготовительныхъ работъ для весеннихъ посѣвовъ.

Но въ гостинницахъ начиналось уже другое. Въ темныхъ коридорахъ бѣгали озабоченные лакеи, то и дѣло растворялись двери номеровъ, обрисовывались фигуры безъ сюртука, въ подтяжкахъ, и раздавался громкій окликъ отца-командира:

— Человѣкъ!

Закорузлые деревенскіе медвѣди мало-по-малу выползали изъ своихъ деревенскихъ шкуръ: умывались, стриглись, брились и преобразовывались кое-какъ въ городскихъ, правда, съ довольно помятыми платьями интеллигентовъ.

Но въ ихъ номерахъ по прежнему царилъ характерный затхлый запахъ отъ всѣхъ этихъ дохъ, полушубковъ и душегрѣекъ. грязнаго бѣлья, отъ недоѣденной индѣйки въ дорожной корзинкѣ.

Принарядившись, пріѣхавшіе занимались обычными визитами: губернскому предводителю, губернатору, вице-губернатору, городскимъ знакомымъ, другъ другу.

Помимо визитовъ, были и дѣла — свои частныя, большею частью денежныя, по части займовъ. Были и общественныя—по поводу предстоящаго собранія.

Каждая партія своего уѣзда собиралась отдѣльно, каждая въ своемъ мѣстѣ.

Партія Проскурина собиралась днемъ въ богатыхъ,—украшенныхъ портретами предковъ въ высокихъ воротникахъ,—апартаментахъ Проскурина, а послѣ театра въ отдѣльныхъ кабинетахъ недавно отстроеннаго ресторана съ электричествомъ, съ новинками и цѣнами петербургскихъ ресторановъ.

Чеботаевъ со своимъ уѣздомъ поселился въ одной изъ самыхъ скромныхъ гостинницъ.

Собирались они и у меня, и въ своей гостинницѣ, за скромной ѣдой, и у Николая Ивановича.

Чеботаевъ, сперва упорно отказывавшійся отъ баллотировки, убѣдившись, что, вѣроятно, большинство за нимъ, начиналъ сдаваться, и мы радостно говорили:

— Пойдетъ! Куда онъ отъ насъ дѣнется! Силой потащимъ!

Чеботаевъ совершенно искренно говорилъ, что не хотѣлъ бы баллотироваться. Мало того, что не хотѣлъ, онъ чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ.

Онъ говорилъ мнѣ:

— Я теперь живу тихо и мирно и совершенно спокоенъ въ томъ отношеніи, что я не достояніе всѣхъ, что ко мнѣ, въ мою жизнь, въ мою дѣятельность не ворвется никто непрошенный, не изобразитъ все по своему и все переврегъ и даже не по злобѣ, а такъ, потому что что-то изобразилось тамъ въ его головѣ, ну и валяй... Да вы думаете, эти-то наши дворяне умѣютъ цѣнить? Мой отецъ пять трехлѣтій просидѣлъ и что же? Человѣкъ самъ отказался,—уговорили, а когда далъ согласіе, прокатили на вороныхъ... Отца тутъ же въ предводительскомъ креслѣ ударъ хватилъ, тутъ и умеръ... Уложили его въ гробъ, тогда опять: „вотъ истинный дворянинъ былъ! Хоронить его съ такой помпой, какой еще не было! Портретъ повѣсить!“ И хоронили, и портретъ повѣсили... Я не вѣрю ихъ искренности, дружбѣ: изоврались они, излукавились ужъ очень... Проскуринъ... И такихъ большинство... Нѣкоторые изъ дворянъ просятъ меня баллотироваться въ губернскіе предводители... Это ужъ прямо подвохъ...

И жена Чеботаева такъ смотрѣла и вообще усиленно отговаривила мужа отъ всякихъ баллотировокъ.

Минутами, среди всѣхъ этихъ сплетенъ, среди мрачныхъ лицъ заговорщиковъ Проскуринской партіи, затѣвавшихъ что-то, дѣйствительно какъ-то терялась почва подъ ногами и хотѣлось быть подальше отъ всего этого.

Чувствовалось какъ-то, что попадись только въ руки этихъ молодцовъ, девизъ которыхъ былъ: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ, и кто противъ, съ тѣмъ война, не разбирая средствъ“.

Между прочимъ, была объявлена война и губернатору.

Вотъ по какому дѣлу.

Одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Новиковъ, пріятель Проскурина, былъ преданъ суду по обвиненію въ разнаго рода некрасивыхъ преступленіяхъ по службѣ: тутъ были и побои, и злоупотребленія.

Дѣло доходило до сената и сенатъ утвердилъ обвинительный приговоръ противъ Новикова. Но партія Новикова была очень

сильна въ уѣздѣ и, какъ только кончилось судбище, Новикова опять выбрали въ предводители.

Губернаторъ на томъ основаніи, что осужденный Новиковъ лишался по закону права выбора, избраніе Новикова не утвердилъ.

Наша партія и партія Николая Ивановича по этому поводу были цѣликомъ на сторонѣ губернатора, но партіи Новикова и Проскурина метали громы, угрожали губернатору, вышучивая его и распуская о немъ всякія сплетни.

Сплетни и шутки были грубыя, плоскія, и люди эти съ цинизмомъ врывались въ самую святая святыхъ человѣческихъ отношеній.

Всегда въ корсетѣ, скрадывавшемъ его плотную фигуру, съ англійскимъ проборомъ, съ изнѣженными женскими манерами, задорный, надменный и нервный Проскуринъ говорилъ презрительно:

— Я покажу и губернатору, и его прихвостнямъ ихъ мѣсто: раздѣлятся, голубчики, рыдая, но разстанутся: будутъ помнить.

Щеголеватые члены проскуринской партіи готовились, очевидно, къ чему-то и, молча, съ презрительнымъ высокомѣріемъ покручивали свои холеные усы, стоя во время антрактовъ въ театрѣ у барьера перваго ряда.

Такъ страстно ожидавшійся день выборовъ насталъ.

Дворянскій домъ представлялъ необычайное возбужденіе.

Швейцары въ полныхъ формахъ, вѣшалки, заваленныя шубами, настежь раскрытыя двери налѣво, въ помѣщеніе хозяина дома—губернскаго предводителя—и направо въ залы собранія и буфетныя комнаты.

И вездѣ, во всѣхъ комнатахъ стоялъ гулъ отъ говора большой толпы людей въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ. Но большинство изъ нихъ были дворянскіе: съ красными воротниками, красными обшлагами на рукавахъ.

Шитье нѣкоторыхъ изъ этихъ мундировъ имѣло странный заношеный видъ, и владѣлецъ такого мундира выглядѣлъ и самъ какой-то муміей прежнихъ временъ: это родовые мундиры отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Мундиры, на которыхъ ни ордена, ни шитья.

— Я и дѣды мои,—говорилъ его хозяинъ,—съ самаго почина въ этомъ мундирѣ и, какъ видите, ни на выборахъ, ни по казенной службѣ не преуспѣвали. Всегда только рядовые своего сословія.

Но много было и заслуженныхъ.

На боковыхъ скамьяхъ центральной избирательной залы засѣдали почтенные старцы въ лентахъ и звѣздахъ, съ грудью, украшенной всевозможными орденами.

Предъ этими старцами какъ-то стихало бушующее море страстей. Проходя мимо, заговорщики обрывались, почтительно раскланивались и уходили въ другія комнаты.

Проскуринъ со своими стоялъ у краснаго большого стола и презрительно щурился на всю эту разношерстую толпу.

Его мелкопомѣстные во фракахъ рѣзко отличались отъ остальныхъ и робкой толпой жались въ углу у крайняго окна.

Нѣкоторые изъ дворянъ уже сидѣли. Это изъ тѣхъ робкихъ, обросшихъ и мохнатыхъ медвѣдей, которые выползали изъ своихъ берлогъ и теперь не знали, куда дѣвать свои руки и ноги.

— Да идите, — крикнетъ такому какой-нибудь членъ его партіи.

— Нѣтъ, — махнетъ безнадежно рукой такой медвѣдь,—я ужъ тутъ...

И эта толпа, и мундиръ съ воротникомъ, который, какъ клещъ, жметъ, и этотъ скользскій паркетъ: вотъ, Богъ дастъ, доберется опять до своихъ лѣсныхъ трущобъ и зашагаетъ снова черезъ пни и валежникъ: тамъ не упадешь, тамъ есть за что ухватиться. И если бы не нужда, если бы не предстоящія назначенія въ земскіе начальники, не поѣхалъ бы онъ ни на выборы, ни съ визитами къ губернатору, къ губернскому предводителю, мало думалъ бы и о томъ, кого тамъ выберутъ въ предводители. А теперь со всѣмъ этимъ приходилось считаться—и очень, и сидѣвшіе на боковыхъ скамьяхъ старцы удовлетворенно говорили, что по оживленію собраніе это напоминаетъ имъ давно уже забытыя времена.

— Господа, пора ѣхать за губернаторомъ.

На мгновеніе все стихло и опять по комнатамъ понесся гулъ голосовъ.

Николай Ивановичъ возбужденный, помолодѣвшій, изящный и легкій весело здоровается со мной и подмигиваетъ на Чеботаева:

— Волнуется... привыкнетъ...

Чеботаевъ блѣдный, вытянутый, молча, обводя помертвѣлыми глазами залы, ходитъ съ своимъ плотнымъ угрюмымъ пріятелемъ Нащокинымъ.

Нащокинъ съ спеціальнымъ образованіемъ, прекрасный хозяинъ, съ густой шевелюрой, съ которой такъ и сыпется перхоть, бѣлымъ налетомъ усыпавшая уже плечи его потемнѣвшаго мундира.

— Пойдемъ: сообщу вамъ интересную новость.

И Николай Ивановичъ беретъ меня подъ руку и мы подходимъ къ Чеботаеву.

Онъ сообщаетъ, что дѣла Проскурина неожиданно оказались очень неважными. Увѣренный въ своемъ уѣздномъ креслѣ, Проскуринъ весь сосредоточился на борьбѣ за губернское и выписалъ мелкопомѣстныхъ въ ограниченномъ количествѣ.

Николай Ивановичъ снисходительно улыбается и поясняетъ:

— Расходъ меньше: каждый такой рублей сто стоитъ... А тутъ вдругъ въ виду новыхъ временъ нахлынуло столько враговъ, что, пожалуй, въ уѣздные проскочитъ Коринъ.

— Ну, тоже находка,—фыркаетъ Чеботаевъ.

— Да, положимъ, такъ: и бездарный, и злобный какой-то...

— Безтактный,—говоритъ кто-то.

— И все-таки, какъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, лучше Проскурина...

И Николай Ивановичъ, потирая руки, тихо смѣется. Онъ тихо, ласково говоритъ:

— Я бы совѣтовалъ оказать ему поддержку и пріобрѣсти такимъ образомъ союзника.

— Это, конечно,—соглашаемся мы.

— Еще въ одномъ уѣздѣ заминка: Васильевъ запутался такъ, что ему уже не до предводительства и, въ сущности, ни на комъ тамъ еще не остановились. Я бы совѣтовалъ посадить къ нимъ одного молодого, Бориса Павловича Старкова.

— Да, вѣдь, онъ умретъ черезъ годъ: у него чахотка,—сказалъ кто-то.

— Ну, не такъ скоро,—добродушно отвѣтилъ Николай Ивановичъ,—а человѣкъ онъ порядочный и какъ на новомъ, на немъ всѣ помирятся.

Я зналъ Старкова.

Онъ только что кончилъ университетъ, но выпускного экзамена не держалъ, потому что заболѣлъ легкими, а такъ какъ чахотка была въ роду у него, то мать настояла, чтобы онъ бросилъ экзамены и ѣхалъ въ Крымъ.

Изъ Крыма онъ пріѣхалъ на родину, не думая больше объ университетѣ.

— Къ чему?—говорилъ онъ.—Проскриплю три-четыре года и отправлюсь къ праотцамъ. Гораздо интереснѣе успѣть что-нибудь сдѣлать интересное, полезное въ это время.

Единственный сынъ богатой помѣщицы, мечтательный, хрупкій, съ какимъ-то безнадежнымъ взглядомъ онъ думалъ не о себѣ. Онъ хотѣлъ издавать газету.

— Столько интересныхъ общественныхъ вопросовъ... Вѣдь у насъ застой, полное незнаніе самихъ себя, своихъ силъ... Міровые вопросы тамъ рѣшаемъ, знаемъ, что дѣлается на концѣ свѣта, а что дѣлается у себя подъ носомъ, въ своемъ уѣздѣ, не знаемъ и знать не хотимъ и не интересуемся.

Въ самый разгаръ выборной горячки Старковъ пріѣзжалъ и допытывалъ меня:

— Какъ вы думаете, пойдетъ мое дѣло?

Я слушалъ его, отвѣчалъ и думалъ, что какъ не во время

онъ всегда умудрится попасть въ гости,—какъ разъ тогда, когда или назначено собраніе нашей партіи, или что-нибудь другое въ это время надо дѣлать.

А Старковъ, большой, ненадежный физически, все гудѣлъ своимъ гортаннымъ баритономъ:

— Я такъ радъ, что случай свелъ насъ: вы сразу вызвали во мнѣ всю мою симпатію...

Этого самаго Старкова и предлагалъ теперь Николай Ивановичъ.

Нащокинъ все время молча слушавшій, вдругъ сказалъ рѣшительно:

— Такъ что-жъ,—такъ и надо сдѣлать.

— Вы думаете уговорить Старкова?—спросилъ Николай Ивановичъ.

Нащокинъ подумалъ еще и еще рѣшительнѣе сказалъ:

— Да, я думаю.

Согласились и всѣ окружавшіе насъ.

— Ну, что-жъ, пойдемъ, значитъ, уговаривать его?—улыбнулся мнѣ Николай Ивановичъ и ласково потянулъ за собой.

Мы отправились съ нимъ разыскивать Старкова, а наши, смѣясь, кричали намъ въ догонку:

— Соблазнители, совратители!

Высокаго тонкаго Старкова не трудно было замѣтить.

Онъ стоялъ у окна и мечтательно смотрѣлъ на улицу.

На наши уговоры онъ сперва отвѣчалъ такъ, какъ будто онъ никакъ не могъ оторваться отъ своихъ какихъ-то мечтаній. Онъ говорилъ, что не чувствуетъ ни желанія, ни способности, что плохо, наконецъ, вѣритъ въ живучесть дворянства.

— Фактовъ нельзя отрицать,—отвѣтилъ ему Николай Ивановичъ, показывая на залы,—слишкомъ много сдѣлано и будетъ сдѣлано для дворянства, чтобы сомнѣваться въ томъ, что оно опять будетъ жить. Какъ жить? Для этого и надо, чтобы все порядочное сплотилось, а если одинъ не захочетъ, другой, то и останутся Проскурины...

Николай Ивановичъ вспомнилъ, что Проскуринъ родственникъ Старкова и извинился, а Старковъ отвѣтилъ:

— Сдѣлайте одолженіе,—я вѣдь самъ его вижу, какой онъ,—что-жъ, что родственникъ? Обязанности у человѣка прежде всего общественныя...

Зная слабость Старкова ворковать своимъ густымъ баритономъ безъ конца, я перебилъ его:

— Ну, такъ вотъ въ силу этихъ общественныхъ обязанностей.

— Я, вѣдь, хотѣлъ было газету,—просительно обратился онъ ко мнѣ.

Я смутился и отвѣчалъ:

— Да вотъ, видите, и меня увлекло теченіе: очень ужъ хочется, чтобы порядочные люди во главѣ стали,—газета у васъ не завтра начинается, а тамъ по времени можно, вѣдь, подобрать и замѣстителя себѣ и газетой заняться.

На хорахъ показались въ это время дамы и всѣ головы повернулись туда.

И дамы, какъ и ихъ кавалеры, разсаживались по группамъ, оживленно разговаривая, кивая сверху на поклоны своихъ знакомыхъ.

— Не знаю ужъ и самъ, господа, какъ,—сказалъ Старковъ.

— Ну, значитъ, мы знаемъ,—разсмѣялся Николай Ивановичъ и отправился орудовать дѣло.

Какъ разъ въ это время крикнули:

— Губернаторъ пріѣхалъ!

И многіе бросились къ входу.

Съ нашего мѣста все было такъ хорошо видно, что мы со Старковымъ тутъ и остались.

Немного погодя показался въ камергерскомъ мундирѣ губернаторъ, небольшой, худощавый, съ изящными манерами, но уже съ трясущейся слегка головой, старикъ, любезно пожимавшій направо и налѣво руки кланявшимся ему дворянамъ...

Я видѣлъ, какъ съ афектированнымъ уваженіемъ почтительно пожалъ губернатору руку Проскуринъ. За нимъ, какъ складной аршинъ, согнулся его пріятель графъ Синицынъ, пропадавшій долго гдѣ-то за границей. Затѣмъ, съ нѣкоторой ироніей, но въ то же время и очень почтительно расшаркался другой пріятель Проскурина, Бегаровъ, бывшій студентъ Дерптскаго университета съ непріятнымъ, съ нѣсколькими сабельными ударами, лицомъ. Блѣдные рубцы отъ этихъ ударовъ производили впечатлѣніе каторжныхъ клеймъ. Бегарова не любили даже свои за язвительность, жесткость, за его какой-то недворянскій шикъ. Но онъ былъ очень богатъ, охотно ссужалъ деньгами, хотя объ этихъ деньгахъ и толковали, что отецъ Бегарова, новоиспеченный дворянинъ, нажилъ ихъ при помощи кассы ссудъ. Послѣ Бегарова откланялся губернатору Свирскій—высокій, красивый, молодой, съ черными усами, съ небольшими черными глазками, въ мундирѣ съ иголочки. Свирскій былъ тоже изъ партіи Проскурина. Онъ только что вышелъ въ отставку и былъ желаннымъ гостемъ и въ семейныхъ домахъ, гдѣ барышни были на возрастѣ, и въ холостыхъ компаніяхъ, гдѣ Свирскій былъ не дуракъ выпить.

Среди партіи Проскурина губернаторъ медленно подвигался впередъ, когда вдругъ всѣ они, исполнивъ свой долгъ вѣжливости, отхлынули, и передъ губернаторомъ сразу образовалось въ проходѣ между стѣной съ одной стороны и рядами стульевъ съ другой большое пустое пространство.

И въ этомъ пустомъ пространствѣ стоялъ только одинъ человѣкъ: Новиковъ.

Когда всѣ мы поняли, въ чемъ дѣло, было уже поздно. Губернаторъ не могъ миновать Новикова,—встрѣча была неизбѣжна и всѣ напряженно ждали, чѣмъ все это кончится.

Новиковъ, блондинъ, во фракѣ, съ расчесанной на двое бородой, сильный и крѣпкій, въ вызывающей позѣ стоялъ и ждалъ подходившаго губернатора.

— О, чортъ его побери,—проговорилъ тихо кто-то сзади меня,— не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ губернатора.

— Да,—отвѣтилъ также тихо другой, — положеніе, что называется, хуже губернаторскаго.

Самъ губернаторъ не казался, впрочемъ, смущеннымъ.

Такой же улыбающійся, съ манерами привычнаго придворнаго онъ подошелъ къ Новикову и протянулъ ему руку съ такой безразлично-вѣжливой физіономіей, какъ будто принималъ въ это время отъ кого-нибудь стаканъ чаю или прошеніе.

Прищурившись, онъ улыбался, держа протянутую руку и голова его слегка тряслась, пока Новиковъ въ отвѣтъ, спрятавъ обѣ свои руки за спину, отвѣшивалъ губернатору, не торопясь, низкій поклонъ.

— Я вамъ протягиваю руку,—сказалъ ласково, спокойно губернаторъ, когда Новиковъ выпрямился послѣ поклона.

И такъ царила тишина въ залѣ, но теперь стало такъ тихо, точно, всѣ вдругъ уже лишенные способности говорить, дышать, думать, могли только смотрѣть и безсознательно переживать мгновеніе.

Самое коротенькое мгновеніе: Новиковъ какъ-то растерянно качнулся вбокъ и протянулъ свою руку со словами:

— Извините... не замѣтилъ...

Мои глаза случайно упали въ это время на Проскурина,—онъ сдѣлалъ жестъ, который, какъ бы говорилъ: „сорвалось“.

И все опять пошло своимъ чередомъ, все ожило, губернаторъ шелъ дальше, раскланивался, жалъ руки, пока не дошелъ до краснаго стола и предсѣдательскаго кресла.

Съ той же спокойной, изящной манерой онъ стоялъ у стола, читая указъ объ открытіи собранія, поздравляя дворянъ и желая имъ успѣшной работы на этомъ собраніи.

Затѣмъ губернаторъ отбылъ и возмущало всѣхъ то, что Проскуринъ же, провожая губернатора, энергичнѣе другихъ порицалъ Новикова за то, что именно въ дворянскомъ домѣ онъ хотѣлъ было нанести такое оскорбленіе губернатору.

Губернаторъ на это вскользь бросилъ:

— Я надѣюсь, что дворянскій домъ сумѣетъ снять съ себя это пятно.

— Само собой, само собой, ваше превосходительство, — говорилъ Проскуринъ.

И какъ только губернаторъ скрылся на подъѣздѣ, Проскуринъ опять энергичный и увѣренный съ своей партіей, черезъ маленькій коридоръ исчезъ на минуту въ буфетъ.

Возвратились они всѣ въ общую залу чрезъ разныя двери. Самъ Проскуринъ прошелъ черезъ арку возлѣ краснаго стола и, остановившись на виду у всѣхъ, стоялъ и слушалъ волновавшихся дворянъ.

— Во всякомъ случаѣ, — заговорилъ Николай Ивановичъ и въ это время нарочно повернулся лицомъ къ Проскурину, — это нѣчто столь недостойное, подобнаго чему не было еще въ этомъ домѣ.

— Совершенно вѣрно, — надменно отвѣтилъ Проскуринъ, — если это оскорбленіе, но я бы желалъ выслушать, что скажетъ самъ господинъ Новиковъ.

Новиковъ поднялся съ своего мѣста и спокойно свазалъ:

— Честь этого дома мнѣ также дорога, какъ и всякому другому дворянину. Я даю мое дворянское слово, что не имѣлъ въ виду никакого дурного умысла. Я только былъ твердо увѣренъ, что послѣ того, что произошло между мной и губернаторомъ, о пожатіи рукъ не могло быть и рѣчи. Увѣренный въ этомъ я и ограничился самымъ почтительнымъ поклономъ, и какъ только онъ напомнилъ мнѣ о своей рукѣ, я въ то же мгновеніе вспомнилъ и о моей и протянулъ ее.

Легкій смѣхъ пробѣжалъ по залѣ, а Новиковъ продолжалъ:

— Самый пустой инцидентъ, который почему-то хотятъ раздуть; чтобы покончить съ нимъ и снять всякія могущія пасть на этотъ домъ обвиненія, я предлагаю письменно объяснить губернатору все какъ было въ дѣйствительности... даже извиниться, ну... за свою оплошность, что ли.

Собраніе облегченно вздохнуло, приняло предложеніе Новикова и считало инцидентъ исчерпаннымъ.

Но черезъ нѣкоторое время, какіе-то лазутчики, все время, очевидно, доносившіе губернатору о томъ, что происходитъ въ собраніи, въ свою очередь, донесли и собранію, что губернаторъ рветъ и мечетъ и требуетъ извиненія отъ всего собранія.

Проскуринъ нетерпѣливо, порывисто крикнулъ:

— Можетъ быть, онъ захочетъ насъ и въ ливреи одѣть и въ такомъ видѣ процессіей по улицамъ идти къ нему и клапяться? Слишкомъ маленькій крючокъ придумалъ, чтобы зацѣпить на него и потащить все дворянство. Это — дворянство и оно само знаетъ, въ чемъ его достоинство и какъ ему держать себя.

Разъ Проскуринъ заговорилъ о дворянствѣ и его достоинствѣ, — это такая почва, на которой всякій подающій голосъ за честь

этого достоинства, подкупаетъ всегда симпатію—и порывъ Проскурина увлекъ собраніе.

Кричали: „Что въ самомъ дѣлѣ, мы не лакеи". Вспоминали разные эпизоды изъ прежнихъ отношеній съ губернаторомъ: и тогда-то и тогда оскорбилъ дворянство губернаторъ, и тогда-то и тогда простили. Ну, если и неловкость сдѣлалъ человѣкъ и къ тому же извинился, то при чемъ тутъ собраніе.

Даже Чеботаевъ и Николай Ивановичъ соглашались, говоря о губернаторѣ:

— Старикъ немного увлекся,—онъ откажется.

И Николай Ивановичъ, понижая голосъ, прибавлялъ:

— Вѣдь, это самъ же Проскуринъ и подалъ ему эту мысль обидѣться—я самъ слышалъ.

— Ахъ, интриганъ,—охали мы, съ искреннимъ презрѣніемъ оглядывая надменную фигуру ничѣмъ не смущавшагося Проскурина.

Начались выборы.

Проскуринъ отъ губернскаго отказался, и мы торжествовали.

Старый губернскій предводитель прошелъ значительнымъ большинствомъ, но въ баллотировочныхъ ящикахъ оказался кѣмъ-то положенный мѣдный пятакъ.

Никто такъ и не понялъ, зачѣмъ это было сдѣлано. Въ доисторическія времена, когда исправниковъ выбирало дворянство, то такимъ, которые уже слишкомъ явно брали взятки, иногда на выборахъ, вмѣсто шаровъ, клали мѣдныя деньги.

Въ данномъ случаѣ ни о чемъ подобномъ не могло быть и рѣчи,—старикъ предводитель имѣлъ такое незапятнанное имя, что когда вынули пятакъ, то рѣшено было скрыть даже этотъ фактъ, чтобы не огорчить старика. Такимъ образомъ, если цѣль этого пятака заключалась въ томъ, чтобы обидѣть и заставить отказаться, то она не удалась. Опасность была въ другомъ: при выборѣ кандидата могли переложить ему избирательныхъ шаровъ, а то могли и сорвать все собраніе, если бы кто-нибудь изъ дворянъ вдругъ уѣхалъ.

Но наученные опытомъ, дворяне караулили и у входовъ и, зная, что проскуринская партія будетъ класть кандидату направо, партія стараго предводителя клала налѣво. И чуть было не пересолили: кандидатъ прошелъ только съ пятью голосами большинства.

Уѣздные выборы прошли еще глаже. Нашъ старый самъ отказался, мы изъ вѣжливости стали просить его, онъ опять отказался, тогда мы поблагодарили его, попросили принять отъ насъ обѣдъ и выбрали Чеботаева почти единогласно. Прошелъ и Старковъ въ своемъ уѣздѣ, въ уѣздѣ же Николая Ивановича само собой все прошло также гладко.

Даже въ уѣздѣ Проскурина все сложилось почти такъ, какъ мы того желали.

Дѣло въ томъ, что Проскуринъ, упавши духомъ, — какъ мы думали,—послѣ выборовъ губернскаго, а также въ виду малочисленности мелкопомѣстныхъ заявилъ, что не желаетъ больше служить.

Онъ и вся его партія какъ-то сразу бросили весь свой задорный тонъ и Проскуринъ добродушнымъ усталымъ голосомъ говорилъ:

— Если что-нибудь мнѣ интересно, то права: если я буду выбранъ и на это трехлѣтіе, я получу дѣйствительнаго статскаго. Но для этого надо только, чтобы выборы утвердили, а затѣмъ я въ тотъ же день и въ отставку подалъ бы.

Онъ обратился къ своему противнику и сказалъ:

— Хотите такъ поступимъ: выберите меня предводителемъ, васъ кандидатомъ, черезъ два дня меня утвердятъ, я подамъ въ отставку, вы останетесь.

Предложеніе было принято, и Проскуринъ, чего еще никогда не бывало раньше, прошелъ на этотъ разъ единогласно.

— А если онъ васъ надуетъ?—спросили одного молодого дипломата въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, противника Проскурина.

Дипломатъ развелъ руками и отвѣтилъ:

— Тѣмъ хуже для него.

Такъ и вышло: Проскуринъ надулъ.

Въ послѣдній день собранія кандидатъ его Коринъ, изъ бывшихъ чиновниковъ, мизерный и тщедушный физически, въ сообществѣ нѣсколькихъ „свидѣтелей“ остановилъ Проскурина въ коридорѣ и напомнилъ ему его обѣщаніе.

Проскуринъ, проходя, бросилъ ему пренебрежительно:

— Я передумалъ.

— На какомъ основаніи? — пискнулъ было ему въ догонку кандидатъ.

Проскуринъ остановился, смѣрилъ кандидата уничтожающимъ взглядомъ и раздѣльно сказалъ:

— Да хотя бы потому, что убѣдился, что вы не годитесь быть нашимъ предводителемъ.

Проскуринъ ушелъ и его партія такъ хохотала въ столовой, что дрожали стекла, а растерянный кандидатъ говорилъ своимъ друзьямъ:

— Я за то только благодарю Бога, что онъ не надѣлилъ меня физической силой, иначе я не удержался бы и далъ бы ему пощечину.

На закрытіе собранія губернаторъ не пріѣхалъ и даже не отдалъ визита губернскому предводителю, заявивши ему, что до удовлетворенія онъ не можетъ быть въ дворянскомъ домѣ.

— Въ такомъ случаѣ и я, ваше превосходительство, лишаюсь чести бывать у васъ,—отвѣтилъ ему старикъ.

И опять Проскуринъ торжествовалъ.

И про него говорили:

— Нахалъ, интриганъ, но талантливъ!

III.

Сейчасъ же послѣ выборовъ и обѣда въ честь стараго предводителя дворянство разъѣхалось и городская жизнь вошла въ свою колею.

Это сразу почувствовалось на ближайшемъ же губернаторскомъ журфиксѣ.

Въ комнатахъ губернаторской квартиры царила обычная какая-то зловѣщая тишина. Въ полусвѣтѣ абажуровъ гостиныхъ, кабинета тонули мебель, ковры, картины. Проходили беззвучно все тѣ же знакомыя фигуры; торопливо, но безшумно проносили лакеи подносы съ печеньями, чаемъ, фруктами; изъ игральной методично и сонно неслось „пики“, “пасъ“, „трефы“, а въ большой гостиной на первый взглядъ казалось, что и хозяйка, и всѣ ея гости спали.

И если не заснули, то только потому, что появилась Дарья Ивановна Просова, жена одного виднаго дѣятеля.

Самъ Просовъ пользовался большимъ уваженіемъ и изъ-за него и супругѣ его прощали ея невоспитанность и эксцентричность.

Говорили:

— Человѣкъ такихъ способностей, такого образованія и вся карьера разбита этой ужасной женитьбой.

Все несчастье Дарьи Ивановны заключалось въ томъ, что она хотѣла во что бы то ни стало казаться дамой большого свѣта. Она не знала, напримѣръ, французскаго языка, но постоянно вставляла въ свою рѣчь французскія словечки, перевирая ихъ смыслъ и произношеніе. Отсутствіе манеръ, знаніе этикета она возмѣщала развязностью.

Дарья Ивановна вошла быстро, энергично и такъ твердо, что, несмотря на мягкіе ковры, слышался топотъ ея шаговъ, а шелковая юбка ея такъ шуршала, какъ будто ихъ было десять на ней. Она сразу огорошила:

— Какой фуроръ,—я, кажется, послѣдняя пріѣхала.

Она хотѣла сказать: horreur.

Хозяйка мучительно вскинула куда-то къ потолку глаза, всѣ гости сдѣлали такія движенія, какъ будто каждый собрался лѣзть подъ тотъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, а довольная собой Дарья Ивановна громко и звучно, заглядывая постоянно въ стѣнное зеркало, затрещала о своей послѣдней поѣздкѣ съ мужемъ.

Нервная и болѣзненная губернаторша, не выносившая никакого крика и шума, совсѣмъ съежилась въ своемъ креслѣ и, казалось, вотъ-вотъ отдастъ Богу душу.

Губернаторъ скучалъ за всѣхъ и только занимался тѣмъ, что каждаго новаго гостя спѣшилъ сплавить то въ гостиную жены, то въ игральную, то въ маленькія гостиныя, гдѣ въ уголкахъ группами пріютились менѣе сановные и болѣе молодые гости.

Въ кабинетѣ губернатора остались трое: губернаторъ, Денисовъ, Сергѣй Павловичъ, и я.

Денисовъ, лѣтъ подъ тридцать, молодой человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, жилъ внѣ всякихъ нашихъ дворянскихъ партій и слылъ за оригинала и буку.

Его черные большіе глаза смотрѣли всегда угрюмо, изподлобья; онъ занимался археологіей и въ какомъ-то отдаленномъ будущемъ мечталъ о радикальномъ переустройствѣ жизни на почвѣ равенства и братства.

Но къ дѣйствительной жизни Денисовъ относился не ровно, то принимая ее, какъ она есть, обнаруживая терпимость, доходившую даже до попустительства, то становился вдругъ требовательнымъ и строгимъ.

Въ общемъ очень добрый, очень порядочный, Денисовъ былъ неуравновѣшенный, неудовлетворенный собою человѣкъ. Онъ постоянно рылся въ себѣ, сомнѣвался, мучилъ себя, но какъ-то все это сводилось къ мелочамъ.

Губернаторъ любилъ Денисова, называлъ его „человѣкъ будущаго", „enfrant terrible" и позволялъ ему многое.

Сегодня Денисовъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, сидѣлъ и озабоченно грызъ свою бородку, подстриженную à la Henri IV, а губернаторъ, полулежа на креслѣ, съ закинутыми за голову руками, дразнилъ его:

— Ну-съ, человѣкъ будущаго, что же еще васъ огорчаетъ?

Денисовъ сдвинулъ брови.

— То, что я здѣсь сижу...

— Какъ вамъ нравится?—посмотрѣлъ на меня губернаторъ.

— ...и ничего не дѣлаю, — кончилъ Денисовъ, не обращая вниманія на вставку губернатора.

Донесся голосъ Дарьи Ивановны.

— Ахъ,—тоскливо вздохнулъ или зѣвнулъ губернаторъ,—что о ней вы скажете?

Денисовъ сталъ еще угрюмѣе и сказалъ:

— Дарья Ивановна очень добрый человѣкъ, это знаютъ тѣ бѣдные, которымъ она помогаетъ, и тѣ больные, за которыми она ходитъ.

— Я предпочитаю не пользоваться ея добротой и быть ни бѣднымъ, ни больнымъ,—бросилъ губернаторъ.

Наступило молчаніе.

— Ну, а на счетъ выборовъ,—началъ опять губернаторъ и, обращаясь ко мнѣ, показывая лѣниво на Денисова, сказалъ:

— Я хочу его непремѣнно сегодня разсердить. Что вы скажете, напримѣръ, о предводительствѣ Старкова?

— Ничего не скажу,—отвѣтилъ Денисовъ

Губернаторъ пожалъ плечами и заговорилъ:

— Ихъ три покойника: отецъ Старкова, братъ его и братъ его жены,—славились своей феноменальной глупостью... Уже тамъ было вырожденіе и... жажда общественной дѣятельности. Такихъ тогда еще не выбирали въ предводители и они устроили бюро справокъ. Отецъ вотъ этого Проскурина, — десять такихъ, какъ теперешній,—зашелъ какъ-то къ нимъ въ бюро: всѣ трое стояли за прилавкомъ. „Сколько стоитъ справка?"—Двадцать копѣекъ.— „Вотъ вамъ двадцать копѣекъ и я навожу справку: кто изъ васъ троихъ глупѣе?" Это, замѣтьте, былъ единственный двугривенный, который они заработали.

Денисовъ мрачно сказалъ:

— Я не зналъ отца Старкова, но молодой Старковъ порядочный и не глупый человѣкъ.

— А я не знаю,—замѣтилъ губернаторъ,—молодого Старкова, не сомнѣваюсь, конечно, въ его порядочности, но очень радъ и за себя, и за него, что онъ бросилъ мысль о газетѣ.

— Почему за себя?

— Потому что избавленъ отъ непріятности отказать ему въ разрѣшеніи...

— Это почему? — совсѣмъ окрысился Денисовъ. — На томъ основаніи, что вы имѣете право запретить? Небольшое основаніе...

— Вы вотъ въ вашемъ тамъ будущемъ и разрѣшайте.

Денисовъ раздраженно всталъ:

— Не сомнѣваюсь, что и въ настоящемъ вы также поступили бы, потому что считаю васъ порядочнымъ человѣкомъ.

— Какъ вамъ нравится? —обратился ко мнѣ губернаторъ.

— ...а теперь прошу вашего позволенія уйти къ Марьѣ Павловнѣ.

Губернаторъ махнулъ рукой.

— Идите: вы несносны сегодня.

Денисовъ ушелъ, а губернаторъ, проводя рукой по лицу, сказалъ мнѣ:

— Какъ я завидую вамъ.

— Въ чемъ?

— Вы уѣдете отсюда.

И онъ протянулъ мнѣ руку ладонью вверхъ.

Въ это время вошелъ изящный гвардейскій офицеръ и губернаторъ, лѣниво поднявшись, сказалъ:

— Bonsoir.

И взявъ подъ руку гостя, лѣниво прошелъ съ нимъ до дверей гостиной:

— Marie! Prince Anatole.

Гость прошелъ къ хозяйкѣ, а губернаторъ возвратился навстрѣчу новому гостю—предсѣдателю суда—Владиміру Ивановичу Павлову.

Павловъ былъ высокій, крѣпкій старикъ, съ чертами лица, точно выбитыми изъ стали. Его большіе красивые глаза смотрѣли въ упоръ: серьезно и твердо. Павловъ пользовался громаднымъ уваженіемъ въ обществѣ и даже губернаторъ, любившій съ кандачка относиться ко всѣмъ, Павлова уважалъ.

Этого нельзя было сплавить и старики чинно усѣлись другъ передъ другомъ, а я ушелъ въ другія комнаты.

Въ одной изъ маленькихъ гостиныхъ сидѣла окруженная поклонниками Софья Николаевна Семенютина, хорошенькая вдова, очень интересовавшаяся выборами и все время выборовъ проведшая на хорахъ дворянская дома.

Увидѣвъ меня, она разсмѣялась и сказала:

— Несчастный, онъ совсѣмъ спитъ.

Я протеръ глаза и сказалъ.

— Да.

— Садитесь лучше къ намъ,—будемъ скучать вмѣстѣ.

Она показала на окружавшихъ ее кавалеровъ и сказала:

— Мы бы, конечно, не скучали, если бы ну хоть по душѣ поговорили объ Дарьѣ Ивановнѣ,—да вотъ... не позволяетъ...

Она показала глазами на Денисова.

А Денисовъ сидѣлъ, опершись на колѣни и, не поднимая головы, отвѣтилъ:

— Я думаю, что если бы Дарья Ивановна вдругъ исчезла, намъ окончательно не объ чемъ бы было говорить.

— О, да, да, —разсмѣялась Софья Николаевна, поднявъ вверхъ свои красивыя руки,—и не надо даже дѣлать такихъ страшныхъ предположеній. Ну-съ на этотъ разъ такъ и быть, оставимъ Дарью Ивановну и поговоримъ о выборахъ. Нѣтъ, каковъ Проскуринъ?

— Талантливый человѣкъ,—отвѣтилъ молодой, съ глупой физіономіей господинъ, одѣтый съ иголочки.

Его фамилія была Алферовъ. Отецъ его, богатый помѣщикъ, не задолго до этого скоропостижно умеръ и Алферовъ бросилъ военную службу, выйдя штыкъ-юнкеромъ въ отставку. Онъ при жизни былъ въ ссорѣ съ отцемъ и нищенствовалъ въ полку. Думали, что онъ начнетъ кутить. Но онъ оказался очень практич-

нымъ и экономнымъ. Говорили даже, что онъ занимается ростовщичествомъ. Въ купеческихъ кружкахъ, несмотря на его молодость, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Въ отвѣтъ ему Софья Николаевна сказала:

— Стыдно, стыдно. Послѣ этого всякій нахалъ, всякій не стѣсняющійся своей непорядочности—талантливъ.

Совершенно неожиданно Денисовъ поддержалъ Алферова и сталъ защищать Проскурина.

— Вы, вы?!—накинулась на него Софья Николаевна.

— Да, я,—упрямо отвѣтилъ Денисовъ.

Поднялся горячій споръ.

Вошла моя жена и шепнула мнѣ:

— Не пора ли намъ?

Софья Николаевна остановилась на полусловѣ и спросила:

— А развѣ уже можно? Въ такомъ случаѣ и я...

— И я, и я...—подхватили нѣсколько голосовъ.

— Господа, это выйдетъ демонстрація,—запротестовала Софья Николаевна,—я сказала первая и извольте соблюдать приличіе. Что?

И она обвела всѣхъ своими немного близорукими смѣющимися глазами и разсмѣялась.

— О, Боже мой, какъ все это глупо, пріѣду домой и сейчасъ же приму душевную ванну,—говорила она, прощаясь со всѣми.

— Шекспира?—спросилъ я ее, зная ея любовь къ Шекспиру.

— Его,—кивнула она, проходя въ большую гостиную.

А я, стоя въ дверяхъ, наблюдалъ, какъ вдругъ преобразилась вся она, серьезная не по лѣтамъ, съ достоинствомъ и проникнутая въ то же время какъ бы невольнымъ уваженіемъ, она подошла къ губернаторшѣ и сдѣлала ей непринужденный красивый, немного дѣвичій реверансъ.

— Губернаторша облегченно спросила ее:

— Уже?

И какъ бы боясь, что гостья передумаетъ, дружески кивнула ей головой:

— Не забывайте.

И потянулись дни за днями съ журфиксами, визитами, собраніями и концертами, скучные и утомительные дни провинціальнаго high life'a.

IV.

Одинъ фотографъ, у котораго я снимался, живой и интересный хохолъ, встрѣтивъ какъ-то, спросилъ меня:

— Вы сегодня вечеромъ что дѣлаете?

— Въ театрѣ.

— Не заѣдете ли послѣ театра ко мнѣ? Соберется кой-кто, пѣть будемъ, плясать, играть, будутъ и умники. Въ самомъ дѣлѣ, что вамъ, пріѣзжайте.

Мнѣ скучавшему, какъ только можетъ человѣкъ скучать, улыбнулось это предложеніе и я послѣ театра поѣхалъ.

Я пріѣхалъ въ разгарѣ вечера.

Въ накуренномъ воздухѣ маленькихъ комнатъ съ дешевой мебелью и фотографіями по стѣнамъ тускло горѣли лампы и стоялъ гулъ отъ оживленнаго говора.

Я остановился у дверей и первое, что рѣзко бросилось въ глаза: простые будничные костюмы и оживленные, праздничные лица гостей. Говорили, громко смѣялись. Я прислушивался къ этому смѣху съ удовольствіемъ, потому что давно уже не слыхалъ такого веселаго беззоботнаго смѣха.

Мое появленіе ничего не нарушило. Только какой-то сѣдоватый веселый господинъ, собиравшійся что-то сказать, остановился на мгновеніе съ поднятой рукой и съ дружелюбнымъ любопытствомъ осмотрѣлъ меня, да хозяинъ крикнулъ, увидѣвъ:

— Ну, вотъ и отлично, какъ разъ во время: сейчасъ пѣніе начнется, а пока я васъ успѣю еще познакомить.

И онъ повелъ меня по комнатамъ.

Сѣдоватый господинъ, немного сутуловатый, съ добрыми женскими глазами, добродушно сказалъ мнѣ:

— Я уже слышалъ о васъ: очень радъ познакомиться.

И мнѣ вдругъ показалось, что я давнымъ давно уже знакомъ съ нимъ.

— Это кто?—спросилъ я отойдя у хозяина.

— Судебный слѣдователь изъ евреевъ, Иванъ Васильевичъ Абрамсонъ,—шепнулъ мнѣ хозяинъ,—могъ бы давно быть и предсѣдателемъ, если бы выкрестился, но не хочетъ: очень хорошій человѣкъ, его всѣ очень любятъ.

По очереди, проходя черезъ маленькую комнату, я пожалъ руку господину среднихъ лѣтъ, съ умнымъ, спокойнымъ и твердымъ взглядомъ, около котораго сидѣло нѣсколько молодыхъ людей и одинъ изъ нихъ,—съ блѣдной рыбьей некрасивой и изможденной физіономіей, но съ прекрасными глазами, которые тѣмъ рельефнѣе выдвигались и красотой своей освѣщали все лицо,—что-то горячо говорилъ.

Молодой человѣкъ былъ одѣтъ болѣе, чѣмъ небрежно, даже для этого общества: прорванный пиджакъ и ситцевая рубаха были далеко не первой свѣжести.

— Василій Ивановичъ Некрасовъ, — шепнулъ мнѣ хозяинъ, указывая на господина среднихъ лѣтъ,—присяжный повѣренный,

умница, былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсѣдателемъ земской управы,—слетѣлъ въ 24 часа.

— За что?

— Да, собственно, поводъ—ерунда, тамъ, въ пиджакѣ пріѣхалъ къ губернатору,—отношенія раньше были натянуты.

— А этотъ молодой человѣкъ въ грязной рубахѣ, который напоминаетъ мнѣ время нигилистовъ?

— Это отъ бѣдности... Это самоучка изъ босовиковъ, онъ пишетъ въ газетѣ: хорошенькіе такіе разсказы... Ему предсказываютъ большую будущность.

Проходя дальше, я увидѣлъ предсѣдателя суда, Владиміра Ивановича Павлова, и удивился неожиданной встрѣчѣ.

Большой, мрачный онъ сидѣлъ такой же угрюмый, какъ и на губернаторскихъ журфиксахъ, внимательно слушая какого-то среднихъ лѣтъ господина, въ синихъ очкахъ, съ свѣтлой бородкой клиномъ.

— Это кто съ Павловымъ сидитъ?

— Редакторъ нашей газеты.

— Какое разнообразное, однако, у васъ общество.

— Да, спасибо, не брезгуютъ моей хатой,—сказалъ хозяинъ.

Началось пѣніе.

Молодой офицеръ мягкимъ пріятнымъ басомъ запѣлъ „Капрала".

Я стоялъ у дверей и слушалъ.

Офицеръ пѣлъ выразительно, красиво и съ чувствомъ.

И вся его фигура, статная, съ открытымъ, довѣрчивымъ лицомъ, голубыми глазами очень подходила къ пѣснѣ.

Послѣ офицера пѣла барышня нарядная, изящная. Она училась въ консерваторіи и пріѣхала теперь домой.

У нея было колоратурное сопрано, и голосокъ ея звенѣлъ нѣжно. Когда она дѣлала свои трели, казалось, комната наполнялась мягкимъ звономъ серебряныхъ колокольчиковъ.

Ее заставили нѣсколько разъ спѣть.

— Кто она?—спросилъ я подошедшаго хозяина.

— Норова, дочь одного бѣднаго еврея, лавочку имѣетъ.

— У нея прекрасный голосокъ,—сказалъ я,—но врядъ ли годится для большой сцены.

— На маленькой будетъ пѣть.

Еще одна барышня пѣла и у этой былъ свѣжій выразительный и обработанный голосъ.

Послѣ пѣнія играли на скрипкѣ,—соло, дуэтъ съ роялью, рояль соло.

И игра была прекрасная.

Я, житель юга, привыкъ къ музыкѣ, пѣнію и въ своемъ обществѣ скучалъ за этимъ.

Послѣ музыки, хозяинъ позвалъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Богъ послалъ немного: двѣ селедки, блюдо жареной говядины, груду хлѣба, двѣ бутылки водки и батарею бутылокъ пива.

— А послѣ ужина, когда прочистятся голоса,—говорилъ хозяинъ,—мы хоромъ хватимъ.

Послѣ ужина хватили хоромъ и пѣли долго и много.

Проходя мимо группы молодыхъ людей, сидѣвшихъ за столикомъ и пившихъ пиво, меня окликнули по имени и отчеству.

— Не узнаете?—спросилъ окликнувшій тихимъ сиплымъ голосомъ, ласково улыбаясь.

Я напрягъ свою память: гдѣ я видѣлъ эту застѣнчивую, сутуловатую фигурку, смотрѣлъ въ эти черные глаза, слышалъ этотъ тихій сиплый голосъ?

— Вы статистикъ, Петръ Николаевичъ? Извините фамилію забылъ.

— Антоновъ, онъ самый, присаживайтесь, позвольте познакомить: сотрудники мѣстной газеты.

Петръ Николаевичъ года два назадъ по дѣламъ статистики заѣзжалъ ко мнѣ въ имѣніе.

Принялъ я было его тогда очень плохо.

Онъ вошелъ прямо въ кабинетъ, а я, думая, что это какой-нибудь писарь съ окладными листами, сухо спросилъ его:

— Отчего вы въ контору не прошли?

— Извините,—весело отвѣтилъ Петръ Николаевичъ и уже пошелъ, когда я догадался спросить его, кто онъ.

Петръ Николаевичъ прожилъ у насъ тогда нѣсколько дней и, въ концѣ концовъ, мы разстались съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Я очень обрадовался ему. Его товарищи скоро ушли и я, такъ какъ деревня какимъ-то непереваренным коломъ постоянно торчала во мнѣ, на вопросъ, какъ идутъ мои дѣла въ деревнѣ, разсказалъ Антонову о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ.

Антоновъ, согнувшись, внимательно слушалъ меня и, когда я кончилъ, задумчиво сказалъ:

— Какой богатый матеріалъ... Если бы вы могли написать такъ, какъ разсказали... Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, вамъ все это не описать?

— Для чего?

— Напечатать.

— Собственно кому это интересно?

— Интересна здѣсь деревня, ваши отношенія... Насколько я понялъ, вы, вѣдь, впередъ, такъ сказать, предугадали реформу и

были... добровольнымъ и первымъ земскимъ начальникомъ... Нѣтъ, безусловно интересно и своевременно...

— Если печатать, то гдѣ же?

— Въ „Русской Мысли“, въ „Вѣстникѣ Европы“.

— Шутка сказать.

— Вы напишите и дайте мнѣ.

— А вы какое отношеніе имѣете къ этому?

— Я тоже пишу.

— Что?

— Очерки, разсказы.

— Вы гдѣ пишете?

— Прежде писалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, теперь въ „Русской Мысли“.

— Вы и тогда, когда у меня были, тоже писали?

— Да.

— Отчего же вы ничего не сказали тогда?

— Не пришлось какъ-то.

— Вы что написали?

— „Максимъ-самоучка“, „Дневникъ учителя“, нѣсколько разсказовъ.

Онъ назвалъ свой псевдонимъ.

— Читали?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я смущенно,—не успѣлъ... Непремѣнно прочту...

Вечеръ подходилъ къ концу. Гдѣ-то въ крайней комнатѣ все еще пѣли хоромъ, но нѣжные мелодичные звуки какъ будто все лѣнивѣе пробивались сквозь накуренный полумракъ комнатъ. Догорали свѣчи, и огонь ихъ казался теперь краснымъ. Уже потухло нѣсколько лампъ.

— Ну, что жъ, пора и домой,—поднялся Антоновъ,—надо бы намъ гдѣ нибудь увидѣться еще.

— Очень радъ,—сказалъ я,—если позволите, я пріѣду къ вамъ.

Къ намъ подошелъ въ это время Абрамсонъ и, добродушно смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Собственно и я очень радъ бы былъ, если бы наше знакомство не ограничилось бы этимъ и вы посѣтили бы мой салонъ, весь городъ бываетъ.

Абрамсонъ засмѣялся, а я записалъ и его адресъ.

На другой день я былъ и у Антонова, и у Абрамсона.

Антонова я дома не засталъ, а у Абрамсона очень долго звонилъ, пока дверь вдругъ не отворилъ самъ хозяинъ и весело закричалъ:

— А-а! Пожалуйте, пожалуйте, очень радъ, колокольчикъ не звонитъ, да и дверь никогда у насъ не затворяется.

Онъ ввелъ меня въ свой маленькій кабинетъ и показалъ рукой на бѣлую известкой выкрашенную стѣну, на которой на листѣ крупно было написано: „о старости и тому подобныхъ непріятныхъ вещахъ просятъ не говорить въ этомъ домѣ".

Онъ дождался, пока я прочелъ и весело расхохотался.

— Понимаете, необходимо это,—онъ показалъ на свою сѣдину,—а то вѣдь есть такіе нахалы, что если не предупредить, какъ разъ и ляпнутъ передъ кѣмъ не надо.

Я вспомнилъ, что на вечерѣ Иванъ Васильевичъ все время вертѣлся около дамъ.

— Вы женаты?

— Все никакъ не могу выбрать... Не хотите ли чаю, пойдемъ въ столовую.

Столовая маленькая комната, съ крошечнымъ столикомъ и другой надписью на стѣнѣ. Крупно было написано: „конфеты, закуски, вина" и мелко „въ магазинѣ Иванова".

Когда мы перешли въ третью и послѣднюю комнатку,—кушетка для спанья стояла въ кабинетѣ,—Иванъ Васильевичъ сказалъ:

— Ну, что-жъ, хорошъ салонъ? И дѣйствительно вѣдь весь городъ бываетъ, за исключеніемъ вашего кружка... Ахъ, потѣха. Въ послѣдній разъ была у меня Марья Николаевна Петипа,—видали вы ее на сценѣ?

— Ну, конечно.

— Я ей салонъ, салонъ, ну она и вообразила себѣ въ самомъ дѣлѣ: пріѣхала въ бальномъ платьѣ, въ туфляхъ, декольте, накидка съ лебяжьимъ пухомъ. Какъ разъ пріѣхала къ закускѣ. Посадилъ ее вотъ на это кресло, спрашиваю: „закусить не прикажете"? „Что-нибудь, говоритъ, солененькаго". Бѣгу въ столовую, только хвостъ отъ селедки и остался, — несу торжественно съ такой физіономіей, какъ будто, омаръ или, по крайней мѣрѣ, свѣжая икра.

Иванъ Васильевичъ разсмѣялся и сказалъ:

— На полторы тысячи жалованья что больше можно сдѣлать?

— Отчего вы не сдѣлались присяжнымъ повѣреннымъ?

Иванъ Васильевичъ махнулъ рукой:

— Мнѣ и такъ хорошо: счастіе не въ деньгахъ, счастіе въ спокойной совѣсти; есть деньги—помогъ, нѣтъ—совѣтъ хорошій...

Въ это время наружная дверь отворилась, и изъ передней выглянулъ въ кучерской поддевкѣ крестьянинъ.

— А, заходи,—сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Ну, что?

— Ходилъ.

— Ну?

— Поступилъ...

— Ну и отлично...

— Благодаримъ покорно,—сказалъ крестьянинъ и вышелъ.

— Вотъ удалось опредѣлить въ кучера... у меня здѣсь настоящее справочное бюро: пріѣдетъ концертъ давать,—ко мнѣ, въ кучера,—ко мнѣ, умеръ,—бѣдная семья евреевъ ко мнѣ. У меня самого ничего нѣтъ: есть друзья.

Въ это время дверь отворилась, вошелъ новый посѣтитель.

— А-а,—крикнулъ хозяинъ, увидѣвъ гостя,—позвольте васъ познакомить: учитель реальнаго училища Павелъ Александровичъ Орховъ, собственно инженеръ-технологъ, но изъ любви къ искусству.

— Да знакомы, знакомы уже: у фотографа же на вечерѣ.

Это говорилъ маленькій, живой, съ большой кудластой головой похожій на головастика, человѣчекъ, постоянно обдергивавшійся.

— Да, да, знакомы,—сказалъ я, пожимая руку Павла Александровича.

— Зашелъ къ вамъ,—сказалъ Павелъ Александровичъ, садясь, вотъ по какому дѣлу. Собираюсь я лекцію по геологіи прочесть, да не знаю, какъ сдѣлать у губернатора.

Абрамсонъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ видите, это имѣетъ самое прямое отношеніе къ моей спеціальности судебнаго слѣдователя.

— Вы вѣдь хороши съ Ермолиномъ,—черезъ него, говорятъ. Вотъ и дайте къ нему записку, тамъ, что ли,—сказалъ Орховъ.

— Я самъ къ нему съ вами поѣду.

— Ну и отлично.

И, обратившись ко мнѣ, Орховъ спросилъ:

— Ну, какъ вамъ понравилось у фотографа?

— Очень понравилось, я и до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ удивленія. Я собственно, точно провалился вдругъ въ другой міръ, о которомъ никакого представленія не имѣлъ.

— Вотъ, вотъ,—замигалъ своими большими глазами Орховъ и сталъ нервно ловить свои обстриженные усы,—именно провалился. Въ столицѣ вы видѣли, конечно, этихъ другихъ людей, но не предполагали, что они и здѣсь имѣются уже. Конечно, въ городѣ, гдѣ 40—50 тысячъ жителей, народа довольно, но вамъ какъ то представлялся весь этотъ народъ не своего круга, чѣмъ-то очень малозначущимъ и неинтереснымъ: ну какіе-то тамъ работники, изъ за куска хлѣба бьющіеся изо дня въ день, всѣ поглощенные сѣрой скучной прозой жизни и, конечно, безъ всякихъ горизонтовъ. А что и есть, то это заимствовано отъ васъ же, людей вашего круга, какъ заимствуютъ они у васъ и все остальное:

моды, манеры, свѣтскій этикетъ. И какъ все подражательное—все это ниже оригинала. Для этого достаточно видѣть ихъ издали: на улицѣ, въ собраніяхъ, въ театрѣ. Словомъ была какая-то непродуманная, но твердая увѣренность, что вы и вашъ кругъ начало и конецъ всему, источникъ жизни и единственный проводникъ культуры. И вдругъ: провалился въ преисподнюю... въ другой міръ. Вы когда кончили курсъ?

— Восемь лѣтъ назадъ.

— Въ одинъ годъ со мной: почти напротивъ жили... Восемь лѣтъ всего и уже не можете придти въ себя отъ удивленія, что увидѣли всѣхъ насъ. Хоть назадъ поступай... Все высшее образованіе, можетъ быть, и не задѣло даже за то, сидящее и въ васъ и въ каждомъ, что вы увидѣли у фотографа. Какъ разъ тамъ, гдѣ какъ разъ и не требуется никакихъ дипломовъ, родословныхъ, набитыхъ кармановъ. И какъ разъ тамъ и Савеловъ, котораго читаетъ вся образованная Россія и учится, и босовикъ, который, можетъ быть, удивитъ всѣхъ своимъ талантомъ, и всѣ эти неизвѣстные люди труда, совокупнымъ трудомъ которыхъ является номеръ, печатный листъ газеты, журнала, — въ нихъ истины этики, политики, соціальныя и экономическія истины, провѣренныя не пальцемъ, приставленнымъ ко лбу, а міровой наукой... Провалился—корни не въ почвѣ, а въ коркѣ вдругъ оказались... Оказалось вдругъ, что нашъ громадный міръ только болото на корочкѣ, что есть другой міръ, гдѣ и настоящая почва, гдѣ и жизнь, и знанье, и искусство, гдѣ люди трудятся, мыслятъ, думаютъ, осмысливаютъ... Да, да... Новые люди изъ Зеландіи пріѣхали, при видѣ которыхъ въ себя придти не могутъ. Такъ вотъ какъ. Ну, мнѣ пора...

И Орховъ вскочилъ, торопливо сунулъ мнѣ и хозяину руку и ушелъ.

Иванъ Васильевичъ возвратился назадъ смущенный и, разводя руками, сказалъ:

— Вотъ еще чудакъ... Требуетъ отъ всѣхъ людей какого-то геройства, аскетизма... Точно жизнь вотъ такъ и идетъ по прописи...

Я сидѣлъ сконфуженный, смущенный.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ вамъ понравился вечеръ?—говорилъ тоже смущенный хозяинъ.—Надо будетъ и у меня какъ-нибудь собраться...

— Ну, и мнѣ пора...

Я всталъ, откланялся и уѣхалъ неспокойный и огорченный.

V.

Каждый разъ какъ пріѣзжалъ въ городъ управляющій, я нетерпѣливо спрашивалъ:

— Ну что? Какъ поджигатели? выселяются?

— Да ничего... Пока и не думаютъ они ни о чемъ, надѣются, что до весны не хватитъ васъ. Чичковъ говоритъ: „гдѣ это видано, какой законъ потерпитъ, чтобы безъ суда выселять насъ? Не смѣетъ"!

Управляющій махнулъ рукой:

— Да что говорить? Сплетнями занимаются? Прямо смѣются... Еще, говорятъ, столько-же денегъ привезетъ. Самъ будетъ и прощенія просить. Набаловались.

— За что же прощенія просить?

— Дѣло подорвано... Нужна власть, авторитетъ!

— Но произвола я не хочу.

— Никакого произвола: именно все на основаніи закона.

Срубилъ дерево — къ мировому: десятерной штрафъ, а не можешь — въ тюрьму... Ни одного слова ругательнаго... Исаевъ, голубчикъ, разъ уже есть, Ганюшевъ—два...

— Попались?

— У меня попадутся!

— Вы все-таки будьте снисходительны...

— Да вѣдь ужъ... Я не желаю быть убитымъ... потому что, если теперь еще малѣйшую поблажку, то я назадъ ужъ не поѣду. Три года вы дали мнѣ сроку...

— Но всегда на законномъ основаніи?

— Законъ мнѣ не врагъ.

И Петръ Ивановичъ при этомъ смѣялся такъ, что мнѣ тошно было думать и о немъ, и о деревнѣ, и о судьбѣ брошенныхъ мною князевцевъ.

Пришла весна.

Однажды утромъ меня разбудили:

— Князевскіе крестьяне пріѣхали.

Я быстро одѣлся и вышелъ къ нимъ.

Двое: Родивонъ Керовъ и Пимановъ (одинъ изъ прощенныхъ участниковъ) при моемъ появленіи упали на колѣни и равнодушно крикнули:

— Не губи!

Я сухо остановилъ:

— Господа, вставайте—это не поможетъ...

Тогда они встали. Родивонъ, не спѣша, полѣзъ въ карманъ и подалъ мнѣ сложенный листъ бумаги.

Это была торжествующая, не совсѣмъ грамотная записка отъ управляющаго.

Вотъ она:

„Вчера, 19-го апрѣля сего года, 15 бычьихъ нашихъ плуговъ послѣ молебствія съ водосвятіемъ приступили къ пашнѣ князев-

скаго выгона. Вся деревня собралась у моста, смотрѣла и не вѣрила, когда плугъ за плугомъ выѣзжалъ изъ усадьбы. Когда всѣ плуги выстроились, выѣхалъ и я съ батюшкой и съ 15 верховыми, изъ которыхъ четыре полѣсовщика были съ ружьями, но никакого бунта не было. День былъ совершенно лѣтній — отъ земли даже паръ шелъ. Крестьяне все стояли у моста, сперва въ шапкахъ, но затѣмъ, когда началось молебствіе, сняли шапки и крестились. По окончаніи молебна, я, не обращая вниманія на нихъ, точно ихъ здѣсь и не было, скомандовалъ: „Съ Богомъ!“ И тогда плуги стали заходить и показалась черная земля. Ну вотъ, тогда не выдержали первыя бабы и завыли. Нѣкоторыя изъ нихъ упали на землю и дѣйствительно горько плакали. Я имъ сказалъ: „Вотъ до чего вы себя довели“. Только тогда мужики тоже не выдержали и подошли ко мнѣ (безъ шапокъ). Подошли и говорятъ:

„Останови пашню: соглашаются приговоренные уѣхать“. Какъ я потомъ уже узналъ, имъ прямо на сходѣ сказали: „убьемъ васъ этой же ночью, если не уѣдете!“ Такъ вдругъ перемѣнилось дѣло, но я и глазомъ не моргнулъ, что будто вотъ обрадовался. „Мнѣ,—говорю,—все равно, что попъ, что чортъ: вы, баринъ вашъ—отъ кого жалованье получаю и приказаніе получаю... Не я, такъ другой... такой же, какъ и вы, подневольный. Поѣзжайте въ городъ, привозите отъ барина записку и кончу пахать“. Удостовѣряю, что всѣ пять семействъ уже укладываются“.

Такъ были изгнаны мною изъ Князевки пять зачинщиковъ изъ самыхъ зажиточныхъ дворовъ.

VI.

Между тѣмъ я получилъ мѣсто и довольно далеко отсюда.

Петръ Ивановичъ передъ моимъ отъѣздомъ настоятельно звалъ меня въ деревню.

Онъ говорилъ:

— Теперь и безопасно...

— Я никогда и не боялся...—вставилъ я.

— И полезно для дѣла и наконецъ... Э... это будетъ доказательствомъ того, что вы ихъ простили... э... помирились съ ними... Все-таки... э... Дѣти вѣдь они, а вы... э... отецъ ихъ... Наконецъ... э... Ну, вы увидите...

Петръ Ивановичъ снисходительно улыбнулся:

— Ну, какъ я... э... тамъ справляюсь: можетъ быть, не довольны останетесь мной... Нѣтъ, ужъ вы поѣзжайте: необходимо...

Я сдался и поѣхалъ.

Я пріѣхалъ въ деревню, когда весна былъ уже въ полномъ разгарѣ.

Посѣвы взошли и молодая ихъ зелень беззаботно нѣжилась въ привольномъ просторѣ яркаго до боли весенняго деревенскаго дня. Тучки бѣлыя, нѣжныя безмятежно плыли по голубому небу; молодой лѣсъ, точно узнавъ, ласкалъ меня привѣтливо своимъ нѣжнымъ говоромъ.

Я опять переживалъ неотразимую силу очарованія этого праздника природы. Каждый уголокъ князевскихъ земель, каждая межа и дорожка говорили, будили воспоминанія, все словно шептало: „забудемъ тяжелое прошлое, сольемся опять въ одно для производительной дружной работы".

Я слушалъ знакомый зовъ, волновался, можетъ быть... но былъ далекъ теперь отъ измѣнчивой красавицы природы.

Петръ Ивановичъ усердствовалъ.

Надъ воротами была устроена арка, перевитая молодой зеленью березъ, съ надписью: „добро пожаловать". Во дворѣ стояла толпа нарядныхъ крестьянъ. Рядомъ съ великолѣпнымъ Петромъ Ивановичемъ на крыльцѣ стоялъ новый, молодой, застѣнчивый священникъ.

Когда я подъѣхалъ, Петръ Ивановичъ напыщенно спустился съ крыльца, пожалъ мою руку, затѣмъ величественнымъ движеніемъ головы пригласилъ батюшку и, когда я поздоровался и съ нимъ, громко и важно сказалъ:

— Э... а вотъ ваши „арендатели"... э... (онъ показалъ на крестьянъ) они просятъ васъ... э... сдѣлать имъ честь отслужить молебенъ у креста, ихъ иждивеніемъ выстроеннаго...

Я стоялъ, смотрѣлъ кругомъ... какъ будто все то же, тѣ же лица... они кланяются заискивающе, подобострастно, какъ-то смѣшно и, не довольствуясь еще, усердно киваютъ мнѣ головами.

Опять заговорилъ Петръ Ивановичъ:

— Э... они желали бы поднести вамъ по случаю пріѣзда хлѣбъ-соль... Э... впрочемъ, лучше сперва отслужить молебенъ...

Онъ совсѣмъ смутился и кончилъ.

— Впрочемъ, какъ прикажете...

Дѣло въ томъ, что двое уже шли ко мнѣ: староста съ бляхой и все тотъ же Родивонъ.

Хлѣбъ на металлическомъ блюдѣ. Традиціонныхъ куръ, яицъ, поросятъ не было и въ поминѣ.

Я вынулъ-было деньги, чтобы по обыкновенію поблагодарить крестьянъ, но Родивонъ строго и рѣшительно отрѣзалъ:

— Не надо!

Староста за нимъ, прокашлявшись, съ ноткой сожалѣнія, тоже тихо повторилъ:

— Нѣтъ, ужъ не надо...

— —

Петръ Ивановичъ важно, съ соотвѣтственнымъ жестомъ остановилъ меня:

— Э... это не за деньги, а отъ добраго чувства... Такъ, господа?..

— Такъ точно...

— Ну, что жъ, къ кресту?—обратился я смущенно къ Петру Ивановичу.

— Хоругви впередъ!—скомандовалъ Петръ Ивановичъ такъ, словно онъ приказывалъ цѣлой арміи.

Съ хоругвями бодро зашагали, пошелъ батюшка съ дьячкомъ, затѣмъ я, поодаль отъ меня Петръ Ивановичъ, а еще подальше староста и толпа крестьянъ.

Попробовалъ, было, я поравняться съ Петромъ Ивановичемъ— не удалось, съ крестьянами и подавно сохранялась какая-то заколдованная дистанція.

Такъ дошли мы до креста на шишкѣ. На крестѣ висѣла икона съ изображеніемъ моего и жены моей патрона.

Ученики нашей школы и сосѣдняго села вышли впередъ и подъ руководствомъ дьячка пѣли, вмѣсто пѣвчихъ, и это было нововведеніемъ. Пѣли хорошо и молодой батюшка скромно, а Петръ Ивановичъ торжествующе, все время косились на меня. И ученики каждый разъ, пропѣвъ, смотрѣли на меня съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ.

Пропѣли многолѣтіе.

Торжествующій толстый Петръ Ивановичъ, протягивая мнѣ руку, сказалъ:

— Позвольте поздравить васъ съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Попробовалъ я послѣ молебна заговорить съ крестьянами:

— Ну, что жъ, всходы хороши, кажется?

Прокашлялись, переступили съ ноги на ногу, посмотрѣли на Петра Ивановича:

— Слава Богу...

— Еще бы не хороши,—усмѣхнулся Петръ Ивановичъ,—на унавоженной... такихъ и не видали, чать...

— Дай Богъ здоровья и барину, и Петру Ивановичу...

Петръ Ивановичъ встряхнулся...

— Я что? А вотъ за барина день и ночь надо молиться: ноги его мыть, да воду эту пить...

— Арендой довольны?

— Довольны.

— Еще бы недовольны,—вставилъ опять Петръ Ивановичъ,— даромъ кому не надо...

— Можетъ быть, кто-нибудь имѣетъ попросить о чемъ-нибудь меня?

Мгновенное гробовое молчаніе.

Петръ Ивановичъ и торжествуетъ, и строго, въ упоръ смотритъ на крестьянъ.

Преодолѣвая соблазнъ, кто-то за всѣхъ уныло отвѣчаетъ:

— Что ужъ просить? Довольно просили...

Петръ Ивановичъ сіяетъ:

— Что? Совѣсть проснулась. Нѣтъ... э... надо правду говорить: я теперь доволенъ...

Вдругъ выходитъ Алена и валится мнѣ въ ноги.

— Встань, встань,—говорю я, торжествуя въ душѣ.

Зато Петръ Ивановичъ взволнованъ, огорченъ и, не выдержавъ, говоритъ угрожающимъ голосомъ:

— Алена?! Помни...

Алена отчаянно кричитъ ему:

— Да я не насчетъ чего тамъ: земли, альбо денегъ... Мужъ меня донимаетъ: защити, батюшка...

Это она говоритъ уже мнѣ.

— Что же,—перебиваетъ Петръ Ивановичъ,—ты думаешь баринъ— правительствующій синодъ, что станетъ разводить тебя съ мужемъ?

Алена смущенно встаетъ.

— Мнѣ на что разводъ? Видъ бы хоть... Ушла бы съ дѣтками въ городъ отъ разорителя и полюбовницы его, чтобы сраму хоть не видать...

Петръ Ивановичъ важно распускаетъ свои толстыя губы, собираетъ ихъ колечкомъ, пыжится и брызжетъ, какъ сифонъ съ сельтерской.

— Э... я не одобряю, конечно, твоего мужа... э... но и жену, уходящую отъ мужа... э... по головкѣ гладить нельзя...

Петръ Ивановичъ вдохновенно мотаетъ головой.

Я не выдерживаю:

— Андрей,—обращаюсь я къ пьяницѣ и развратнику Андрею,—опять ты за жену принялся: вѣдь такой же человѣкъ она, какъ и ты... Только потому, что можешь за горло схватить... Ну, ты ее можешь, а она тебя бѣлымъ порошкомъ угоститъ *)...

Я обрываюсь, потому что сознаю всю безполезность такихъ уговоровъ и перехожу на практическую почву:

— Если ты дашь волю женѣ, я тебѣ лѣсу дамъ.

Андрей говоритъ, не поднимая глазъ съ земли:

— А пёсъ съ ней... дамъ паспортъ.

— Ну, спасибо! приходи ко мнѣ сегодня въ усадьбу за ярлыкомъ.

Андрей равнодушно и тихо отвѣчаетъ:

---

*) Мышьякъ—обычный пріемъ въ деревнѣ отдѣлываться отъ постылыхъ мужей и женъ.

— Слушаю.

Петръ Ивановичъ снисходительно шепчетъ мнѣ:

— Собственно противъ уговора... Своимъ рѣшеніемъ вы вѣдь подрываете мой авторитетъ.

Въ отвѣтъ, я обращаюсь къ толпѣ:

— Еще кто-нибудь, можетъ быть, имѣетъ ко мнѣ дѣло?

Въ толпѣ крестьянъ молчаніе, зато Петръ Ивановичъ говоритъ:

— Ну, э... я при владѣльцѣ заявляю, что если кто выйдетъ о чемъ просить, то я, все равно, не исполню... э... и тотъ мнѣ врагъ...

Онъ обращается ко мнѣ:

— Э... извините, пожалуйста: я предупреждалъ... э... что на три года... э...

Петръ Ивановичъ еще брызжетъ, но я, попрощавшись съ батюшкой, иду уже назадъ въ усадьбу.

Обѣдъ на террасѣ.

Передъ нами весь въ солнцѣ садъ съ цвѣтущими яблонями. Вершины душистыхъ тополей ушли въ лазурное небо и вокругъ нихъ гулъ отъ пчелъ. Вотъ онѣ золотыми нитями, то приближаясь, то удаляясь отъ деревьевъ, берутъ свою первую взятку. Сѣдыя ветлы надъ рѣкой лѣнивыя, громадныя, едва шевелятъ, какъ опахалами, своими вершинами и сквозитъ за ними другой берегъ рѣки съ высокими, какъ горы изъ красной глины, холмами Князевки.

Какой-то праздникъ, нѣга, сонъ съ этими неподвижными застывшими навѣки въ голубой дали красными холмами.

Я ѣздилъ по имѣнію, провѣрилъ кассу и отчетность. Во всемъ такой же порядокъ, какъ въ этомъ саду. Деревня моя даетъ доходъ! Петръ Ивановичъ прекрасно устроился и съ лѣсами: онъ поставляетъ дрова теперь въ казну, онъ въ дружбѣ съ интендантомъ, называя его офицеромъ.

Когда Петръ Ивановичъ бываетъ въ городѣ, они вмѣстѣ завтракаютъ, слегка выпиваютъ и говорятъ другъ другу „ты“.

— Такъ ужъ это у насъ, у офицеровъ заведено.

— Вы развѣ тоже офицеръ?

— Почти,—говоритъ уклончиво Петръ Ивановичъ.

Я воображаю себѣ этихъ двухъ „офицеровъ“, а Петръ Ивановичъ важно и въ то же время почтительно говоритъ:

— Э... онъ проситъ, чтобъ вы замолвили за него словечко...

— Какое словечко я могу за него замолвить?

Петръ Ивановичъ еще важнѣе и снисходительнѣе играетъ своими толстыми короткими пальцами.

— Ну, положимъ... э... если такой дворянинъ, какъ вы... э... такой вельможа...

— Петръ Ивановичъ, побойтесь вы Бога...

— Зачѣмъ же скромничать?

И Петръ Ивановичъ покровительственно, любовно, какъ человѣкъ, сообщившій мнѣ какое-то неожиданное громадное счастье, любуется первымъ ошеломляющимъ дѣйствіемъ этого извѣстія.

Петръ Ивановичъ быстро встаетъ и освѣдомляется:

— Э... собственно дѣло къ вечеру уже... на счетъ дальнѣйшаго осмотра имѣнья?

— Завтра...

— Слушаюсь... Въ такомъ случаѣ я пойду въ контору.

Вмѣсто него, появляется старый слуга его, Абрамъ. Абрамъ изъ николаевскихъ солдатъ. Бритое, въ сѣдой щетинѣ лицо, злые старые глаза, весь олицетвореніе неудовлетворенности. Онъ служитъ у Петра Ивановича „денщикомъ“ за два рубля въ мѣсяцъ. Абрамъ укоризненно смотритъ на меня и, качая головой, говоритъ наконецъ:

— Такъ вотъ какъ, сударь, пришлось намъ скоро узнать другъ дружку...

— Въ чемъ дѣло?

— Въ чемъ дѣло? — зло, не спѣша переспрашиваетъ меня Абрамъ,—а Петру Ивановичу кто на меня донесъ, что я водку изъ графина послѣ завтрака выпилъ... Хорошо: мѣтку онъ, положимъ, сдѣлалъ: нѣтъ водки,—вѣрно... Хорошо! Такъ почему же непремѣнно я?! Баринъ, говоритъ, самъ тебя видѣлъ, когда вошелъ въ столовую... Такъ неужели же барину доносами заниматься?!

Я защищаюсь всѣми силами передъ Абрамомъ во взведенной на меня Петромъ Ивановичемъ напраслинѣ.

Абрамъ недовѣрчиво слушаетъ и пренебрежительно отвѣчаетъ:

— Теперь, конечно, что жъ вамъ и отвѣчать... а Абрамъ виноватымъ остается.

— Ну, хорошо: вотъ придетъ Петръ Ивановичъ и я это дѣло выведу на свѣжую воду...

Абрамъ опять долго укоризненно смотритъ на меня.

— Выведете, а Абрама разсчитаютъ...

Онъ неумолимо торжествующе впился въ меня глазами.

— Что мнѣ дѣлать?

— Ну, такъ вотъ что: вотъ тебѣ деньги...

Абрамъ беретъ деньги и медленно уходитъ, а я по ступенькамъ спускаюсь въ садъ.

Нѣжный ароматъ цвѣтущихъ яблонь. Гдѣ-то въ саду звонко и отчетливо, подчеркивая безмятежный покой, насвистываетъ какая-то птичка. Тонетъ взглядъ въ лазури неба и рѣзче контрастъ этой молодой весны съ старымъ, все тѣмъ же садовникомъ,

Павломъ. Онъ стоитъ въ концѣ дорожки и нѣсколько ребятишекъ окружаютъ его.

Такъ окружаютъ молодые побѣги, закрывая, старое готовое уже къ смерти, дерево.

Все тотъ же Павелъ съ проповѣдью о спасеніи души и притчѣ о зазнавшемся богачѣ.

Въ этомъ смыслѣ все такой же неугомонный и послѣдавательный онъ, когда я подхожу къ нему, отпускаетъ мнѣ нѣсколько горькихъ фразъ.

Всѣ попытки съ моей стороны къ примиренію отвергнуты величественно и стоически.

— Баринъ вы—баринъ и есть,—разводитъ онъ пренебрежительно руками.

Я прихожу къ тому мѣсту сада, гдѣ за оградой извивается дорога въ Князевку, видна деревня, прудъ ясный, зеркальный, отражающій покой безмятежнаго неба. Тамъ на прудѣ утки и гуси и два дикихъ лебедя, которые ежегодно весной на недѣлю, другую прилетаютъ на этотъ прудъ. Иногда они вытягиваютъ свои длинныя шеи и кричатъ своими гортанными звуками. Звуки несутся и медленно замираютъ въ праздничной округѣ и снова наступаютъ минуты тишины, нѣги, безмятежнаго покоя. Вѣтеръ стихъ совсѣмъ, я стою подъ яблоней, въ ея ароматѣ и вокругъ меня падаютъ розовато-бѣлые лепестки ея цвѣта.

Я слышу голоса на дорогѣ. Я узнаю ихъ: это Матрена и Родивонъ. Ни я ихъ, ни они меня не видятъ. Грубый, рѣзкій голосъ Родивона:

— Ну да! Такъ и сказывали бы зимой: кто бъ тогда тебѣ давалъ муку?

Горькій голосъ Матрены:

— Давалъ муку... Много далъ... За полпуда три дня, не разгибаясь, жать...

Удаляющійся голосъ Родивона:

— Много-мало: не теперь толковать объ этомъ.

И Родивонъ быстро проходитъ мимо меня.

Матрена равняется съ моей засадой и я, подходя къ оградѣ, говорю:

— Здравствуй, Матрена!

Маленькая оливковая Матрена, съ черными, какъ у турчанки, глазами, изможденная и сухая, вздрагиваетъ и говоритъ:

— О, Господи, какъ я испугалась...

Она поправляется быстро:

— Отъ радости испугалась...

Мы оба улыбаемся и я спрашиваю ее:

— О чемъ это ты съ Родивономъ?

— Да-а!!

Матрена машетъ рукой:

— И слушать вамъ не стоитъ про наши глупыя дѣла... Остался теперь побогаче другихъ на деревнѣ и командуетъ, какъ знаетъ.

— Одинъ остался?

Матрена выздыхаетъ:

— Потянулись за нимъ и другіе: Сурковъ, Тычкинъ, Пимановъ... ну, тѣ ужъ и вовсе на красненькую гоношатъ обернуть всю деревню..

— Лучше значитъ не сдѣлалъ я, что кулаковъ удалилъ: новые растутъ?

Не замѣчая горечи для меня ея отвѣта, Матрена вскользь бросаетъ:

— Растутъ какъ грибы на навозѣ... не у чего жить въ деревнѣ... такъ вродѣ того, что у пустого стойла мордой лошадь тычется: нѣтъ, нѣтъ и ткнетъ опять,—не набѣжало ли? неоткуда... Посѣвъ въ наемку: сама нанимала и сама же нанимаюсь... и работать не на кого... Бѣдноты много уходитъ изъ деревни...

Матрена задумывается и уже повеселѣвшимъ голосомъ кончаетъ:

— Такъ мы глупые: уравнять всѣхъ насъ хотѣли вы,—богатыхъ выгнали, а мы, бѣднота, опять за ними тянемся...

Замолчала Матрена, молчу и я...

Тихо кругомъ. Словно подъ нашъ говоръ задумалось все или заснуло и спитъ въ молодой веснѣ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, какъ тѣ холмы, съ красными іероглифами, свидѣтели промчавшихся вѣковъ.

Стоимъ и мы съ Матреной, пигмеи своего мгновенія, напряженно думая каждый свое.

— Ну простите Христа ради... хоть изъ-за рѣшетки нынче довелось поглядѣть на васъ... Важные вы стали...

— Почему важный?

— Царь, баютъ, призывалъ васъ, убытки вернулъ, пенсію назначилъ....

— Это неправда. Кто это разсказывалъ?

— Упомнишь развѣ,—говоритъ уклончиво Матрена, кланяется и уходитъ.

Я слѣжу за ней; она идетъ погруженная въ свои думы и ея маленькая фигура точно больше становится и рельефнѣе вырисовывается на пустой дорогѣ.

Опять я одинъ въ саду.

Старая Анна, вдова Лифана Ивановича, съ внучкой и другой маленькой дѣвочкой.

Спрашиваетъ меня робко:

— Ничего, сударь, что я осмѣлилась въ садикъ зайти? Си-

ротка вотъ, Настя, ужъ больно любитъ глядѣть, какъ цвѣточки здѣсь цвѣтутъ... Говоритъ мнѣ: „я, баушка, гляжу и все мнѣ кажется, что тутъ и тятька съ мамкой изъ земли выйдутъ“...

Анна гладитъ хорошенькую пятилѣтнюю Настю и вздыхаетъ:

— Не выйдутъ, не выйдутъ, дитятко...

Она обращается ко мнѣ:

— Маленькая, а какъ убивается... Забыть никакъ не можетъ... Одна осталась—взяла...

Легкій весенній день безмятежно догораетъ. Послѣдними яркими штрихами разрисовываетъ заходящее солнце небесныя поля. Розовой, прозрачной дымкой подернулся прудъ и нѣжнѣе въ послѣднихъ лучахъ свѣтится зелень. Чувствуется прекрасное, мощное, и сильнѣе ароматъ цвѣтущихъ яблонь. Въ какую-то волшебную даль уходятъ округа и слышатся уже первые робкіе посвисты соловья.

Вечеромъ, на сонъ грядущій Петръ Ивановичъ самъ запираетъ окна въ моей спальнѣ и съ плутовской улыбкой показываетъ мнѣ еще одно нововведеніе — двѣ скобы у дверей и надежный засовъ, говоря:

— Э... спите и ничего не бойтесь... теперь полная перемѣна: шелковые теперь стали.

Петръ Ивановичъ удовлетворенъ, доволенъ, но черезъ мгновеніе это уже лучшій изъ Фарлафовъ, прыгая, тычетъ пальцемъ въ темную гостиную, гдѣ въ неясныхъ переливахъ луны движется какая-то фигура и растерянно кричитъ:

— Э... кто тамъ?! Кто тамъ?!!

Это крадется все та же старая благообразная Анна, и, почтительно кланяясь, шепчетъ:

— Успокойтесь, сударь, успокойтесь: Господь милостивъ, все благополучно,— я воду барину на ночь несу.

— А Богъ съ тобой,—говоритъ Петръ Ивановичъ,—съ твоей водой... и все оттого, что шляешься безъ толку по свѣту, вмѣсто того, чтобы давно лежать себѣ тамъ рядомъ съ Лифаномъ твоимъ Ивановичемъ.

Анна смиренно кланяется и говоритъ спокойно:

— Денно и нощно молю о томъ Господа Бога моего...

Петръ Ивановичъ уже добродушно бросаетъ ей:

— Плохо молишься, плохо молишься...

Петръ Ивановичъ прощается и уходитъ.

— Анна, хорошо умеръ Лифанъ Ивановичъ?

— Хорошо, сударь... Причастился, пособоровался, приказалъ мнѣ дѣтей блюсти... Сударыня здоровы?

— Спасибо, здорова.

— И дѣточки?

— И дѣти.

— Слава Бугу.

— Спите съ Богомъ... Господь надъ вами.

Анна тихо, сгорбившись, беззвучно движется и исчезаетъ въ обманчивомъ сумракѣ волшебной ароматной ночи. Какая ночь: живая, вся изъ молодыхъ жизней весны. Эти жизни трепещутъ, волнуются, живутъ... Какія-то уже чужія мнѣ жизни... Я стою у окна: даль загадочная передо мною. Въ эту даль уйду я, какъ ушелъ Лифанъ Ивановичъ, уходитъ Анна, какъ ушло все пережитое, что такой безнадежной щемящей болью сжимаетъ сердце. И что уйдетъ со мнóй вмѣстѣ въ эту даль? Такъ хотѣло сердце правды, такъ рвалось къ ней... Какъ неотразимо прекрасна природа. Неподвижно и тихо, и красавица ночи береза въ своей молодой зелени, какъ ажурная, поникла и свѣтится въ лучахъ мѣсяца. Такъ ясно видно все вокругъ нея и словно ближе мѣсяцъ къ ней, и шепчетъ ей какія-то сказки, и чутко слушаетъ ихъ округа: блѣдное нѣжное небо, даль, въ дворцахъ изъ молодого тумана, падающій въ какую-то бездну прудъ и растрепанная нахохлившаяся Князевка съ черной лентой убѣжавшей въ поля дороги.

И вотъ и всѣ небогатыя впечатлѣнія тогдашней моей поѣздки въ деревню и я уже ѣду назадъ, рѣшивъ завернуть по дорогѣ къ Чеботаеву и мысленно подбиваю итоги своей поѣздки.

Когда я дѣйствовалъ прежде въ деревнѣ, я имѣлъ опредѣленную программу.

Программа заключалась въ томъ, чтобы, не щадя усилій и жертвъ, повернуть рѣку жизни въ старое русло, гдѣ рѣка текла много лѣтъ тому назадъ, возстановленіе общины, уничтоженіе кулаковъ. Я такъ и дѣйствовалъ ровно до тѣхъ поръ, пока вдругъ какая-то сила не отшвырнула меня и не разломала всю мою усердную работу въ мгновеніе ока.

Конечно, когда такимъ дорогимъ путемъ появляется самосознаніе, то охота повторять дальнѣйшіе въ такомъ родѣ опыты пропадаетъ и главнымъ образомъ потому, что для такихъ опытовъ не хватитъ никакихъ средствъ.

Но сознаніе ошибки не даетъ еще отвѣта на вопросъ: какъ быть?

Я, конечно, желалъ какъ лучше... Я желалъ, онъ желалъ, мы желали, но гдѣ же истина, гдѣ то неотразимое, которое всѣ наши желанья приводитъ въ соотвѣтствіе съ жизнью, гдѣ то неумолимое, ясное, что заставитъ непоборимо признать себя?

Увы! всѣ эти вопросы оставались безъ отвѣта.

У Чеботаевыхъ все то же: тотъ же массивный домъ, та же неподвижность комнатъ, обстановки, хозяевъ,—словно вчера еще

только уѣхалъ отъ нихъ въ послѣдній разъ съ ощущеніемъ полной сытости отъ долгаго гощенія.

Но и чувствуется здѣсь черноземная, здоровая, честная сила.

И весь кружекъ Чеботаева, съѣхавшійся какъ разъ въ мой пріѣздъ, такой же: можетъ быть, и простые, и прозаичные люди, безъ горизонтовъ, съ изъянами по части образованія, но безусловно порядочные. И, конечно, эта партія выше интригано-шалопайной проскуринской партіи.

Все это такъ и тѣмъ не менѣе я подавленъ, и сильнѣе, чѣмъ раньше, я чувствую отсутствіе связующихъ меня съ деревней элементовъ.

За обѣдомъ Чеботаевъ, провозглашая и за меня тостъ, назвалъ меня по поводу моихъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ даже Скобелевымъ.

— Вамъ, батюшка, и книги тамъ въ руки,—говорилъ онъ,—дай вамъ Богъ всякихъ тамъ успѣховъ и только, ради Бога, вы не принимайтесь опять за хозяйство...

И когда пріятельскій хохотъ всѣхъ покрылъ его слова, онъ самъ хохоталъ и, поворачиваясь ко всѣмъ, твердилъ весело:

— А? Что? Ради Бога, не принимайтесь вы только за наше дѣло... Будьте министромъ, первымъ человѣкомъ, но, ради Бога... Объять необъятное—невозможно, коемуждо свое... Деревня, батюшка, наше дѣло простое, дѣло вѣковъ, сиди и прислушивайся, какъ трава растетъ... А что? Ей-Богу...

И дружескіе голоса кричали мнѣ:

— Правъ, тысячу разъ правъ онъ,—уѣзжайте!

Съ этимъ и выпроводили меня отъ Чеботаева.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка.

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(*Окончаніе* *).

Другой отраслью уральскаго хозяйства, которую изображаетъ Маминъ въ своихъ произведеніяхъ, служатъ золотые промысла. Тотъ разрушительный процессъ, который уже отмѣченъ Маминымъ въ разобранныхъ выше романахъ, здѣсь, подъ дѣйствіемъ магической силы, скрытой въ нѣдрахъ земли, принимаетъ особенно интенсивный характеръ. Золото—великій магъ и волшебникъ. Одно мановеніе волшебнаго жезла—и живыя фигурки завертѣлись, забѣгали, закружились, обгоняя одна другую, и изъ совокупности ихъ движеній, по какимъ-то своимъ особымъ законамъ, ткется причудливо сложная паутина человѣческихъ отношеній, въ которой одни заняли мѣста пауковъ, а другимъ выпадаетъ на долю роль бѣдной мухи. Происходятъ удивительныя и странныя превращенія. Честные и порядочные люди дѣлаются негодяями и мерзавцами; богомольныя старухи раскольницы, крѣпкія суровой догмой своей секты, мысли которыхъ прикованы къ могилѣ и будущей жизни, самоизнуренію и подвигу спасенія, какъ будто ураганомъ повергаются на землю и заражаются подвигомъ стяжанія. «Такъ бываетъ весной, когда полая вода подхватываетъ гнилушки, крутитъ и вертитъ ихъ и уноситъ вмѣстѣ съ другимъ соромъ».

Изъ всѣхъ произведеній Мамина, рисующихъ золотые промысла, я выберу наиболѣе типичныя—«Золото» и «Дикое счастье».

Въ первомъ романѣ передъ читателемъ развертывается оригинальная картина жизни промысловаго населенія на Балчуговской и Кедровской дачахъ. Балчуговская дача имѣла за собой длинную исторію. Когда то здѣсь былъ только казенный винокуренный заводъ, и только потомъ уже были открыты золотые промысла. Рабочее населеніе составилось изъ каторжниковъ, согнанныхъ сюда со всѣхъ концовъ крѣпостной тогда Россіи, и изъ рекрутовъ, набранныхъ съ открытіемъ промысловъ изъ трехъ уральскихъ губерній. «Промысловыя работы, какъ и каторжное винокуреніе, велись военной рукой, съ выслугой

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

лѣтъ, палочьемъ и солдатской муштрой. Тогда все горное вѣдомство поставлено было на военную ногу. Балчуговскій заводъ походилъ на военный лагерь, гдѣ вставали и ложились по барабану, обѣдали и шабашили по барабану и даже въ церковь ходили по барабану. На работу выступали по-ротно и по-взводно, отбивая шагъ. За каждой партіей рабочихъ, отправлявшихся на пріискъ, слѣдовалъ цѣлый возъ розогъ и казаки, производившіе наказаніе на самомъ мѣстѣ работъ. По праздникамъ на площади происходили жесточайшія экзекуціи и здѣсь же происходило настоящее солдатское ученіе пригнанныхъ рекрутъ. Съ одной стороны орудовалъ палачъ Никитушка, а съ другой—солдатская «зеленая улица». Людей не жалѣли и промыслы работали сильной рукой, т.-е. высылали на розсыпь тысячи рабочихъ. Добытое такимъ даровымъ трудомъ золото составляло для казны уже чистый дивидендъ». Послѣ упраздненія каторги, винокуренный заводъ былъ закрытъ, а промысловыя казенныя работы, переведенныя на вольнонаемный трудъ и лишенныя военной закваски, сразу захудали. Началось общее хищничество. Дѣло дошло до того, что «золотникъ золота обходился казнѣ въ 27 р. при номинальной его стоимости въ 4 руб.». Эта эпопея горнаго хищничества привела къ упраздненію казенныхъ работъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Отъ этой эпохи остались крупныя состоянія у горныхъ инженеровъ и чиновниковъ, заправлявшихъ казенными работами.

«На развалинахъ упраздненныхъ казенныхъ работъ, унаслѣдовавши отъ нихъ всю организацію, штатъ служащихъ, рабочихъ и территорію въ 50 кв. верстъ, возникла золотопромышленная компанія «генералъ Мансвѣтовъ и К.». Въ территорію компаніи, кромѣ казенныхъ земель попали и крестьянскія, какъ, напр., принадлежавшія жителямъ Тайболы. Но главная сила промысловъ заключалась въ томъ, что въ нихъ было заперто рабочее промысловое населеніе слишкомъ въ 10.000 человѣкъ, именно самъ Балчуговскій заводъ и Фотьянка. Рабочіе не имѣли даже собственнаго выгона, не имѣли усадебъ,—тѣмъ и другимъ они пользовались отъ компаніи условно, пока находившаяся подъ выгономъ и усадьбами земля не была надобна для работъ. Съ другой стороны, все населеніе рядомъ поколѣній выросло спеціально на золотомъ дѣлѣ, а это клало на всѣхъ неизгладимую печать».

И вотъ этому, запертому на компанейской территоріи населенію, внезапно открылся выходъ: открывалась сосѣдняя казенная дача, Кедровская, для вольныхъ работъ. «Еще задолго до открытія началась настоящая золотая лихорадка, охватившая не только предпринимателей, но и пріисковую голь, каждый день собиравшуюся въ кабакѣ Ермошки. Всѣ мечтали захватить лучшія мѣста на открывшейся дачѣ, какъ, напр., Мутяшку, о которой давно говорили, какъ о золотомъ днѣ. Явилась даже спекуляція на Мутяшку: нѣкоторые рабочіе ходили по кабакамъ, на базарѣ и вездѣ, гдѣ сбивался народъ; и въ самой таин-

ственной формѣ предлагали озолотить «за красную бумагу». На Мутяшку даже образовался свой курсъ. Таинственные обогатители сообщали подъ страшнымъ секретомъ о существованіи какого-нибудь ложка или ключика, гдѣ золото греби лопатой. Сложился цѣлый рядъ легендъ о золотѣ на Мутяшкѣ... Довѣрчивые люди съ замираніемъ слушали эти разсказы и все сильнѣе распалялись желаніемъ легкой наживы... Такова была жажда золота, что вѣрили даже пустымъ людямъ, сулившимъ золотыя горы. Азартъ носился въ самомъ воздухѣ. Центромъ разыгравшагося ажіотажа служилъ кабакъ Ермошки, куда сходились хоть послушать разсказовъ о золотѣ. Сюда же съѣзжались и городскіе обыватели, мѣщане, мелкіе купцы—охотники до легкаго золота, которыхъ тутъ же обирали рабочіе, записываясь заразъ въ нѣсколькихъ развѣдочныхъ партій и тотчасъ же пропивая задатки. Пріѣхалъ, наконецъ, и извѣстный городской скупщикъ краденаго золота, Ястребовъ, пріѣздъ котораго произвелъ настоящую сенсацію».

Начавшаяся промышленная горячка сразу отразилась на ближайшемъ селеніи Фотьянкѣ. «Мужики складывались въ артели, закупали харчи, готовили снасть, чтобы работать старателями на новыхъ вольныхъ промыслахъ; это была бѣшеная игра на свой трудъ. Своими хозяйскими работами могли добывать золото только двое—трое крупныхъ золотопромышленниковъ, въ родѣ Ястребова, а остальные, конечно, сдадутъ пріиски старателямъ, и это волновало поднятую рабочую массу, разжигая промысловую азартность и жажду легкой наживы». Фотьянскія бабы кормили пришлый народъ. Не было избы, гдѣ ни держали бы постояльцевъ, не готовили хлѣба на промысла, не обшивали рабочихъ. Дикая копѣйка залетѣла и сюда. Здѣсь останавливались «господа», т.-е. хозяева новыхъ промысловъ, и, какъ водится, сорили деньгами. Какая-нибудь бабушка Лукерья отъ роду не видала денегъ, а тутъ посыпались на нее легкія господскія деньги за всякіе пустяки: и за постой, и за самовары, и за харчи, и за сѣно лошадямъ и просто за разныя мелкія услуги. Крѣпкая старуха-каторжанка, до сихъ поръ вѣрная суровымъ завѣтамъ каторжнаго времени и бывшая въ общемъ почетѣ, совсѣмъ обжаднѣла. «Ей стало казаться, что все мало и что нужно пользоваться короткимъ счастьемъ. Не проходило дня, чтобы она не отложила рубля или двухъ. Особенно любила она, когда ей давали серебро,—вѣдь всю жизнь прожила на мѣдныя, а тутъ посыпались серебрушки. Бабушка Лукерья съ какой-то дѣтской радостью пересчитывала ихъ, прятала и опять добывала, чтобы лишній разъ полюбоваться. Это перерожденіе произошло всего въ нѣсколько недѣль, и бабушка Лукерья отлично изучила, кто, когда и сколько даетъ, и какъ лучше взять. Она смотрѣла на господъ жадными глазами, точно хотѣла ихъ съѣсть».

Золото всюду проникало: въ однихъ будило страсть наживы, въ другихъ зависть къ чужому богатству, тяжелой ржавчиной ложилось

на старческую душу, разбивало крѣпкія оковы семейной кабалы. Въ населеніи сохранилась еще старинная, патріархальная семья съ единоличной властью главы семьи—наслѣдіе каторжнаго времени. Прежде этотъ гнетъ мало сознавался. Теперь, когда дикая копѣйка проникла во всѣ углы и закоулки деревенской жизни и вездѣ появились новые люди, полное безправіе и тяжелая зависимость особенно сильно чувствовались. Подневольные члены семьи требуютъ выдѣла и бѣгутъ изъ подъ родительской опеки на вольные промысла. Такъ было съ семьей Зыкова, старѣйшаго балчуговскаго штейгера. «Всѣ разбредались, куда глаза глядятъ. Меньше чѣмъ въ годъ произошелъ полный разгромъ крѣпкой старинной семьи». Суровые завѣты и распорядки каторжнаго времени исчезали, какъ дымъ, подъ дѣйствіемъ магической силы золота.

Между тѣмъ, въ Кедровской дачѣ шла горячая работа. Народъ бѣжалъ съ компанейскихъ работъ на вольные промысла, гдѣ тысячи рабочихъ находили себѣ кусокъ хлѣба. Вскорѣ, однако, выяснилось, что золота въ Кедровской дачѣ не такъ много, какъ ожидали. По крайней мѣрѣ, за все лѣто никому не удалось открыть особенно богатыхъ розсыпей. Рабочіе также скоро поняли, что Кедровская дача дала имъ только призракъ настоящей работы. Вся разница съ компанейскими работами была только въ томъ, что здѣсь вмѣсто одного хозяина было нѣсколько. Неизбѣжный при такихъ условіяхъ антагонизмъ труда и капитала и конкуренція капиталистовъ вылились въ оригинальную форму: продажу золота на сторону, которая каралась закономъ, какъ уголовщина. Это явленіе было порождено органическими причинами, коренившимися въ самомъ строѣ промысловаго хозяйства и потому существовало вездѣ, гдѣ были старательскія работы. Старатель не получалъ отъ хозяина за золотникъ золота и двухъ рублей, между тѣмъ хозяева сдавали его въ казну по 4 р. 50 к. Рабочимъ выгодно было продавать золото на сторону скупщикамъ за повышенную цѣну. Эти послѣдніе, имѣя собственный пріискъ, разносили купленное золото по конторскимъ книгамъ и тѣмъ избѣгали кары закона. Самымъ крупнымъ скупщикомъ на Балчуговскомъ заводѣ и Кедровской дачѣ былъ Ястребовъ, который велъ дѣло съ чрезвычайной осторожностью. У него была цѣлая сѣть мелкихъ скупщиковъ, ходившихъ по пріискамъ и получавшихъ отъ Ястребова 20 к. за каждый купленный золотникъ.

Съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ большинство работъ въ Кедровской дачѣ прекратилось. Зимнее время требовало теплыхъ казармъ и значительнаго капитала, чѣмъ могли располагать только нѣсколько крупныхъ капиталистовъ. Масса мелкихъ предпринимателей покончила работы вплоть до весны. Настало глухое время. Народъ сидѣлъ безъ работы. Эта «волчья стая» отощала и жила, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Среди этого вынужденнаго бездѣлія и въ разгаръ общаго волненія, какъ электрическая искра, пробѣжало извѣстіе объ открытіи однимъ изъ мелкихъ предпринимателей, Кишкинымъ, богатѣйшаго пріиска.

Это открытіе подняло на ноги всю Фотьянку. «На фонѣ этого налетѣвшаго вихремъ богатства еще ярче выступала своя промысловая голь и нищета». Страсти разгорались все сильнѣе и сильнѣе.

Съ наступленіемъ весны въ Кедровской дачѣ опять закипѣла работа. «Народъ такъ и бѣжалъ съ компанейскихъ работъ: разъ—всѣхъ тянуло на свой вольный хлѣбъ, а второе — новый главный управляющій Ониковъ, очень ужъ круто принялся заводить свои новые порядки: служащимъ убавлялъ жалованье, а нѣкоторымъ совсѣмъ отказывалъ въ видалъ экономіи. Уцѣлѣвшимъ на мѣстахъ прибавилось работы, на фабрикѣ увеличены рабочіе часы, сбавлена плата ночной смѣнѣ, усиленъ надзоръ и сокращены два каморника, карауливпихъ старыя кучки золотоноснаго кварца... Но главное вниманіе обращено было на хищничество золота: Ониковъ объявилъ непримиримую войну этому исконному промысловому злу и поклялся вырвать его съ корнемъ во чтобы то ни стало... Старательскія работы были сведены на нѣтъ, и этимъ самымъ уничтожено было въ корнѣ хищничество, но вмѣстѣ съ тѣмъ компанія лишилась и главной части своихъ доходовъ, которые получались раньше отъ старателей». Но Ониковъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ и рѣшился вести дѣло исключительно компанейскими работами, разсчитывая на новую шахту Рублиху, надъ которой съ упорствомъ маньяка работалъ штейгеръ Зыковъ, и затѣмъ на новый пріискъ, расположившійся по руслу рѣки Балчуговки, для чего велись грандіозныя работы по отводу рѣки въ новое русло и по устройству плотины.

Прекращеніе старательскихъ работъ въ Балчуговской дачѣ грозило новыми бѣдствіями. «Правда, компанейскія работы давали крохи, но крохи эти были дороги, потому что приходились, главнымъ образомъ, на голодное зимнее время. Уничтоженіе старательскихъ работъ въ компанейской дачѣ отразилось прежде всего на податяхъ. Недоимки были и раньше, а тутъ онѣ выросли до громадной цифры... Глухое мужицкое недовольство росло и подступало, какъ выступившая изъ береговъ вода».

Въ довершеніе бѣдствій, одинъ изъ мелкихъ скупщиковъ Ястребова, жадный, двоедушный мужикъ, Петръ Васильевичъ, сынъ уже извѣстной намъ старухи Лукерьи, сдѣлалъ доносъ на Ястребова въ отместку за то, что тотъ не отдалъ ему денегъ за скупленное отъ старателей золото. Вся Фотьянка пожалѣла Ястребова, когда онъ попалъ въ острогъ и потомъ на каторгу. Въ лицѣ Ястребова старатели лишились главнаго покупателя. «Смѣлый былъ человѣкъ и принималъ золото со всѣхъ сторонъ, а послѣ него остались скупщики—мелкота-купятъ золотникъ и ожигаются. Однимъ словомъ, благодѣтель былъ Никита Яковлевичъ, всѣхъ кормилъ». Общественное мнѣніе было противъ Петра Васильевича, который изъ-за своей глупости подвелъ всѣхъ. Фотьянскій міръ жестоко расправился съ доносчикомъ. Раззоренный Петръ Васильевичъ обратился къ матери съ требованіемъ денегъ, чтобы

снова начать дѣло. Ожаднѣвшая старуха отказала. Произошла ссора. Старуха пожаловалась на сына въ волость. Волостные старички воспользовались этимъ предлогомъ и отпороли непокорнаго сына не за его непокорность, а за Ястребова. Опозоренный, онъ собирался бѣжать, но прежде рѣшилъ жестоко отомстить и подпалилъ свой домъ, думая выжечь всю Фотьянку. Бабушка Лукерья сгорѣла во время пожара, спасая свои сокровища; ее нашли обгорѣлой у сундука. Другой жертвой онъ выбралъ Кишкина, которому давно завидовалъ. Сговорившись съ однимъ изъ мелкихъ предпринимателей, Матюшкой, онъ ночью зарѣзалъ разбогатѣвшаго Кишкина на его пріискѣ, но самъ былъ убитъ Матюшкой, который заподозрѣлъ его въ намѣреніи бѣжать съ краденными деньгами. Матюшка выдалъ себя въ руки правосудія и повѣсился въ тюрьмѣ.

Процессъ разложенія семьи подъ вліяніемъ золота, слегка намѣченный Маминымъ въ «Трехъ концахъ» и въ «Золотѣ», настолько заинтересовалъ нашего писателя, что послужилъ для него темой отдѣльнаго романа «Дикое счастье».

Семья Брагиныхъ была крѣпкой, купеческой семьей стариннаго покроя, состоявшей изъ вдовой старухи Татьяны Власьевны, ея сына вдовца, Гордѣя Евстратыча, ея дочери, черноволосой бойкой Нюши, другого сына Зотушки и дѣтей Гордѣя — Михалки съ женой Аришей и Архипа съ женой Дуней. Эта была старинная, купеческая семья, торговавшая «панскимъ» товаромъ и державшаяся завѣтами предковъ, «Все въ этой семьѣ, и ничтожное, и важное,—покрой платья, кушанья, взаимныя отношенія, семейные праздники, торговля, повѣрья—оставалось въ томъ видѣ, какъ было при батюшкѣ. «Батюшка говорилъ», «батюшка велѣлъ», «батюшка наказывалъ»—это было своего рода закономъ для всего брагинскаго дома». «Самъ Гордѣй Евстратычъ былъ замѣчательно выдержанный, ровный и сосредоточенный человѣкъ, умѣвшій дѣлать уступки только для другихъ, а не для себя. Это былъ безупречный семьянинъ; ко всѣмъ въ семьѣ относился одинаково ровно, не любилъ дрязгъ и ссоръ и во всемъ, прежде всего, домогался спокойнаго порядка. Овдовѣвъ рано, онъ женился во второй разъ для дѣтей, которыхъ и воспитывалъ по батюшкинымъ строгимъ завѣтамъ, не давая потачки въ важномъ и не притѣсняя напрасно въ мелочахъ». Имъ держался весь внѣшній порядокъ въ домѣ, степенный, чинный и строгій. Самый духъ въ домѣ—свычаи и обычаи стариннаго церемоннаго житья-бытья—поддерживался Татьяной Власьевной. «Это была типичная представительница раскольничьей старухи, заправлявшей всѣмъ домомъ, какъ улитка раковиной, — въ мѣру строгая и въ мѣру милостивая, умѣвшая болѣть чужими напастями и не выдававшая своихъ, выдерживавшая характеръ даже въ микроскопическихъ пустякахъ, вообще задававшая твердый и рѣшительный тонъ не только своему дому, но и другимъ». Подъ началомъ такихъ людей жизнь въ брагинскомъ домѣ

*

текла образцово, чинно, степенно безъ крику и шуму, безъ ссоръ и дрязгъ. Молодежь исподволь втягивалась въ порядки брагинскаго дома и незамѣтно дѣлалась его неотъемлемой составной частью. Сыновья помогали отцу въ торговлѣ, пріучались къ батюшкину дѣлу, снохи жили въ домѣ, какъ родныя дочери. Только бойкая Нюша нарушала этотъ чинный порядокъ семьи и то до поры, до времени: она давно уже столковалась съ купеческимъ сыномъ, тихимъ и смирнымъ парнемъ, Алешкой Пазухинымъ. И это не было тайной для семьи; выборъ одобряли.

Но вотъ въ эту патріархальную семью попалъ золотой пріискъ; началась легкая нажива, и крѣпко сколоченный семейный союзъ сталъ разваливаться. Пріискъ достался Брагину отъ старателя Маркушки, который, умирая, рѣшилъ отдать его Гордѣю Евстратычу, «чтобы вѣчно за него Бога молилъ». Старшій сынъ Гордѣя, собирая долги въ деревнѣ Полдневской, привезъ отцу отъ Маркушки кусокъ бѣлаго кварца съ золотыми прожилками въ качествѣ образчика. Одинъ видъ этого «камешка» бросилъ Гордѣя въ холодный потъ; онъ не могъ оторвать глазъ отъ завѣтнаго камешка и не спалъ цѣлую ночь; всю ночь его мысли вертѣлисъ колесомъ вокругъ привезенной Михалкомъ жилки. Жилка разбудила въ немъ зависть къ другимъ, которые разбогатѣли «черезъ это самое золото», наполняла его воображеніе воздушными замками, которые сводились на громадный домъ съ колоннами, на сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, дорогое платье и сладкое привольное житье и на тотъ общій почетъ и уваженіе, которыми окружатъ его всѣ и будетъ за что: онъ будетъ много жертвовать и на церковь, и на бѣдныхъ, и на увѣчныхъ... Правда, много зла происходитъ отъ этого золота: многіе «ума рѣшаются», народъ морятъ на работѣ, не разсчитываютъ, мало-ли семей погибло черезъ него, — но вѣдь это другіе, а онъ, Гордѣй Евстратычъ, никогда бы такъ не сдѣлалъ... Крѣпкій старикъ, для котораго выѣздъ составлялъ цѣлое событіе, самъ съѣздилъ въ Полдневскую, говорилъ съ Маркушкой и рѣшилъ взять пріискъ. Нужно было только посовѣтоваться съ Татьяной Власьевной. Это извѣстіе въ ея старой крѣпкой душѣ пробудило самыя противоположныя мысли и чувства, которыя не давали ей покоя. Она чувствовала, что съ ней творится что-то страшное, точно она сама не своя сдѣлалась и теряла всякую волю надъ собой. Она боялась жилки, какъ чего-то страшнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла оторваться отъ нея. Жилка начинала владѣть ея мыслями и желаніями, и съ каждымъ часомъ эта власть дѣлалась все сильнѣе. Послѣ частнаго совѣщанія Татьяны Власьевны съ о. Крискентомъ, на семейномъ совѣтѣ было рѣшено взять жилку.

Золото было жильное, которое законъ запрещаетъ разрабатывать частнымъ золотопромышленникамъ. Законъ былъ обойденъ при помощи горнаго инженера Порфира Порфирыча Лапшина, и Брагинъ вступилъ въ дружную семью золотопромышленниковъ. Это вступленіе было ознаменовано неоднократными кутежами. Въ самомъ домѣ Брагина былъ

устроенъ безобразный кутежъ. Татьяна Власьевна угощала нежданныхъ и незванныхъ гостей, а у самой въ горлѣ стояли слезы, точно она потеряла или разбила что-то дорогое, чего нельзя уже было воротить. Этотъ кутежъ походилъ на поминки, которыя справляли о погибшемъ прошломъ. Въ этомъ старинномъ домѣ не осталось ни одного неприкосновеннаго уголка, даже ея половина, гдѣ спали ея невѣстки, подверглась нашествію пьянаго ревизора, у котораго Богъ знаетъ, что было на умѣ. Захватывающее вліяніе золота стало быстро отражаться на всей брагинской семьѣ. Первое появленіе Порфира Порфирыча съ компаніей въ этомъ домѣ было для всѣхъ истиннымъ наказаніемъ. Второе нашествіе уже никому не показалось такимъ дикимъ, и Татьяна Власьевна первая нашла, что онъ хотя и пьяница и любитъ покуражиться, но въ душѣ добрый человѣкъ. Первыя дикія деньги принесли съ собой и первую семейную ссору. Прежде невѣстки жили душа въ душу, а тутъ разссорились изъ-за подарковъ такъ, что ничто не могло помирить ихъ. У самого Гордѣя зашевелились корыстные разсчеты, и какой-то бѣсъ гордости обуялъ его прежде всего по отношенію къ родственникамъ—Колобовымъ и Савинымъ. Растущее богатство Брагиныхъ подняло зависть къ нимъ со стороны сосѣдей. Это чувство расло и увеличивалось, какъ катившійся подъ гору комъ снѣга, такъ что люди самые близкіе къ этой семьѣ, какъ Савины и Колобовы, начали теперь относиться къ ней какъ-то подозрительно, хотя къ этому не было подано ни малѣйшаго повода. Ссоры брагинскихъ невѣстокъ (взятыхъ изъ семей Колобовыхъ и Савиныхъ) подлили масла въ огонь; теперь Колобовы и Савины не только надулись на всю брагинскую семью, но и разошлись между собой. Брагинское золото достало и ихъ...

Между тѣмъ золото на пріискѣ шло богатьемъ, чѣмъ больше получалась дневная выручка, тѣмъ задумчивѣе и суровѣе становился Гордѣй Евстратычъ; имъ овладѣлъ тотъ бѣсъ наживы, который не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Брагину все было мало; его жадность росла вмѣстѣ съ приливавшимъ богатствомъ. Онъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и недовѣрчивымъ, вездѣ видѣлъ обманъ и подвохи; даже роднымъ дѣтямъ, которыхъ онъ душилъ безконечною работой, онъ не довѣрялъ и постоянно ихъ повѣрялъ. Рабочіе являлись въ его глазахъ скопищемъ воровъ и разбойниковъ, которые тащатъ на сторону его золото. Даже тѣ расходы, которые производились на больного Маркушку, замѣтно тяготили Гордѣя Евстратыча, и онъ въ душѣ желалъ ему отправиться поскорѣе на тотъ свѣтъ. Зотушка, котораго онъ прежде охотно держалъ у себя, сталъ тяготить его. Сначала скупость и жадность сына удивляли и огорчали Татьяну Власьевну, потомъ она какъ-то привыкла къ нимъ, а въ концѣ концовъ и сама стала соглашаться съ сыномъ, потому что и въ самомъ-то дѣлѣ не вѣкъ же жить дураками, какъ прежде. Всѣхъ не накормишь и не пригрѣешь. Этотъ старческій холодный эгоизмъ закрадывался къ ней

въ душу такъ же незамѣтно, шагъ за шагомъ, какъ одно время года смѣняется другимъ. Это была медленная отрава, которая покрывала живого человѣка мертвящей ржавчиной.

Скоро въ самой семьѣ открыто появился разладъ по поводу сватовства Нюши Пазухиными. Нюша любила Алексѣя первымъ молодымъ чувствомъ, чуждая корыстныхъ разсчетовъ семьи. Татьяна Власьевна и Зотушка были на сторонѣ ихъ, Гордѣй—противъ. Въ немъ заговорило расшевеленное самолюбіе: родниться съ какими-то Пазухиными не рука. Произошла тяжелая семейная сцена, дошедшая чуть не до драки между братьями и до полнаго, глубокаго разлада Гордѣя съ матерью. Отъ прежней покорности матери не осталось и слѣда. Маркушкино золото точно распаяло тѣ швы, которыми такъ крѣпко была связана брагинская семья: всѣ поползли врозь, т.-е. пока большаки, а за ними, конечно, поползутъ и остальные. За стариками, дѣйствительно, потянулась и молодежь. Сыновья Гордѣя, Михалко и Архипъ, жившіе на пріискѣ въ конторѣ, тихонько роптавшіе на отца, который морилъ ихъ работой и держалъ въ черномъ тѣлѣ, и мечтавшіе о разгульной жизни богатыхъ купеческихъ сынковъ, стали обворовывать отца и пустились въ разгульную жизнь. Слухи объ этомъ дошли до ихъ женъ; упреки и выговоры послѣднихъ повели только къ побоямъ и усилили общій семейный разладъ. Самъ Гордѣй уже давно засматривался на свою старшую невѣстку и преслѣдовалъ ее своими предложеніями. А когда получилъ отъ нея рѣшительный отказъ, сталъ доставать ее, спаивая ея мужа. Привольное житье постепенно затягивало его. Старикъ задумалъ жениться на молодой дѣвушкѣ, Ѳенѣ Пяровой. Ѳеня умерла, измученная тяжелыми впечатлѣніями.

Какъ случайно создалось брагинское богатство, такъ же случайно оно и рушилось. Одно неосторожное слово Гордѣя Порфиру Порфирычу взбѣсило ревизора; онъ сдѣлалъ доносъ, и пріискъ у Брагина отобрали. Къ нажитому на пріискѣ капиталу присосался одинъ ловкій дѣлецъ, который обобралъ Гордѣя до нитки и ввелъ въ неоплатные долги. А тутъ еще тяжелая семейная исторія. Гордѣй ночью забрался къ своей старшей снохѣ; Ариша убѣжала изъ дому въ одной рубашкѣ... Цѣлый длинный рядъ жертвъ—«мертвая Ѳеня, убѣжавшая чуть не въ одной рубашкѣ Ариша, таявшая, какъ свѣча, Нюша, пьяный Михалко, Архипъ съ своей болѣзнью... и позоръ, позоръ, позоръ». Окончательное разореніе и общее разложеніе семьи. «Въ брагинскомъ домѣ было теперь особенно скучно и мертвенно, точно въ домѣ былъ покойникъ. Всѣмъ чего-то недоставало и всѣхъ что-то давило, какъ кошмаръ. Разложеніе шло за-разъ извнѣ и изнутри, и разрушающее дѣйствіе этого процесса чувствовалось одинаково всѣми». Отъ погрома осталась небольшая сумма денегъ, 10 т. рублей, которую Гордѣй отдалъ на храненіе матери. «Татьяна Власьевна взяла деньги, связала ихъ въ узелокъ и запрятала туда, куда умѣютъ прятать только старушки. Но

съ этими деньгами она взяла на плечи такое бремя, которое окончательно придавило въ ней живого человѣка: старухой овладѣлъ какой-то не прерывавшійся ни на минуту страхъ и подозрѣніе ко всѣмъ окружающимъ. Она даже начала бояться Нюши, не сторожитъ ли та ее. Она не знала покою ни днемъ, ни ночью, и даже вздрагивала, когда гдѣ-нибудь стукнетъ».

Между тѣмъ брагинское имущество за долги пошло съ аукціона. Этотъ разгромъ Гордѣй перенесъ съ замѣчательной стойкостью, но не могъ перенести запирательства матери. Когда послѣ аукціона онъ спросилъ у нея деньги, она отвѣчала ему такъ, какъ будто ничего не знаетъ и никогда ихъ не брала. Не смотря ни на какіе уговоры, старуха заперлась на своемъ и не хотѣла сознаться. «Это въ ней Маркушкино золото заговорило», подумалъ Брагинъ, не вѣря своимъ глазамъ. Этого удара онъ не перенесъ и ночью умеръ. Татьяна Власьевна перенесла потерю съ христіанской твердостью и съ христіанской же твердостью дѣлалась все скупѣе и скупѣе, ко всѣмъ придиралась, ворчала и брюзжала съ утра до ночи. Скупость старухи доходила до смѣшного. Она всю семью сморила голодомъ.

Изъ всей семьи только «Божій» человѣкъ Зотушка да Нюша не были задѣты маркушкиной жилкой. Зотушка видѣлъ, что всѣ несчастія принесла съ собой маркушкина жилка, тотъ «камешекъ», который привезъ съ собою старшій сынъ Гордѣя. Зотушка взялъ его, истолокъ въ ступѣ и всыпалъ въ церковную кружку *).

До сихъ поръ капиталистическій процессъ изображается Маминымъ въ качествѣ завершительнаго момента, заканчивающаго работу предшествующихъ поколѣній. Онъ находилъ удобную для себя почву въ крѣпостныхъ и каторжныхъ промышленныхъ организаціяхъ, которыя не только стягивали и насильственно удерживали при себѣ рабочія массы, но и создавали поколѣнія, приспособленныя къ фабричной и пріисковой работѣ. Экспропріація населенія также въ достаточной мѣрѣ была подготовлена. Оставалось только достойнымъ образомъ «увѣнчать» зданіе и бороться съ пережитками старой эпохи.

Въ новомъ романѣ «Хлѣбъ» Маминъ вводитъ читателя въ другую среду, въ богатѣйшій Зауральскій край, съ исконнымъ земледѣльческимъ населеніемъ, которое совсѣмъ не знало крѣпостного права и «экономическая жизнь котораго шла и развивалась вполнѣ естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вмѣшательство». Экономическимъ центромъ этого края служилъ уѣздный городъ Заполье. Два главныя условія выдвинули этотъ небольшой уѣздный городокъ и сдѣлали его «бойкимъ, торговымъ и оборотистымъ». «Онъ залегъ въ низовьяхъ

*) На ту же тему, которая такъ обстоятельно разработана въ «Дикомъ счастьѣ», написана повѣсть для дѣтей—«Бѣлое золото». Здѣсь Маминъ набрасываетъ картину распаденія большой крѣпкой семьи—старателей Ковальчуковъ—и процессъ формированія «жаднаго» человѣка.

рѣки Ключевой, главной артеріи благословеннаго Зауралья», въ которомъ осѣло крѣпкое хлѣбопашественное населеніе; благодатный зауральскій черноземъ давалъ баснословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи». «Народъ жилъ справно, съ тугимъ крестьянскимъ достаткомъ; всего было въ волю—и земли, и хлѣба, и скотины». «Мужики богатые, а зёмла шуба шубой,—объяснялъ сторожъ Вахрушка мельнику Колобову,—этого и званья нѣтъ, чтобы навозъ вывозить на пашню: земля-матушка сама родитъ. Вотъ какія мѣста здѣсь... Крестьяне государственные, надѣлы у нихъ большіе,—однимъ словомъ, пшеничники. Рожь сѣютъ только на продажу». Сбывали ровно столько, сколько нужно было на подати; все остальное шло отчасти на свои потребности, которыя удовлетворялись своими домашними средствами, отчасти лежало въ запасахъ по два и по три года. «Такъ хозяйство ставилось отцами и дѣдами, отнимавшими благодатный край у неумытой орды». «Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что Заполье занимало границу, отдѣлявшую собственно Зауралье отъ начинавшейся за нимъ степи или орды, которая давала богатое степное сырье—сало, кожи, конскій волосъ, гурты курдючныхъ барановъ и степныхъ быковъ, косяки степныхъ лошадей и цѣлый рядъ бухарскихъ товаровъ. Бывшій пограничный городокъ захватилъ въ свои руки всю хлѣбную торговлю и всѣ операціи со степнымъ сырьемъ. Скупленный въ Зауральи хлѣбъ доставлялся запольскими купцами на всѣ уральскіе горные заводы и уходилъ далеко на сѣверъ, на холодную Печеру, а въ засушливые годы сбывался въ степь. Заполье пользовалось и степной засухой, и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лѣто, хлѣбъ родился хорошо въ степи, и этотъ дешевый ордынскій хлѣбъ запольскіе купцы сбывали въ Зауралье и на сѣверъ; въ сухое лѣто хлѣбъ родился хорошо въ полосѣ, прилегавшей къ уральскимъ горамъ, и запольскіе купцы везли его въ степь, обмѣнивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу—и засуха, и дождливые годы. Онъ получалъ свою выгоду и отъ дешеваго, и отъ дорогого хлѣба, а больше всего отъ тѣхъ темныхъ операцій въ безграмотной, простоватой средѣ, благодаря которымъ составилось не одно крупное состояніе». Во всемъ громадномъ краѣ купечество составляло высшій общественный классъ; въ цѣломъ уѣздѣ не было ни одного дворянскаго имѣнія. А въ самомъ Запольѣ купечество составляло все и на все наложило свою крѣпкую, хозяйственную руку. Это было старинное купечество, жившее по стариннымъ вѣковымъ обычаямъ и завѣтамъ. Жили такъ, какъ жили отцы и дѣды, и сторонились новшествъ; семью свою держали крѣпко, сами женили дѣтей и выдавали замужъ; торговля держалась родительскими капиталами и мелкимъ плутовствомъ. Весь край былъ переполненъ трудовымъ богатствомъ, которое выливалось за края обычной нормы удовлетворенія потребностей и осѣдало въ краѣ, съ одной стороны, въ видѣ хлѣбныхъ запа-

совъ, которые лежали у крестьянъ по два и по три года, гнили, подъѣдались мышами и не находили сбыта, съ другой стороны, въ видѣ свободныхъ капиталовъ, мелкихъ и крупныхъ сбереженій, которые непроизводительно лежали у поповъ, писарей, купцовъ. Ни хлѣбные запасы, ни эти сбереженія некуда было дѣвать: въ краѣ не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ; населеніе не было знакомо съ кредитомъ, съ банкомъ; деньги закапывали въ землю и держали по подпольямъ. Такова оригинальная картина жизни Сибири съ чисто земледѣльческой натуральной организаціей хозяйства въ основѣ и съ ея необходимымъ дополненіемъ—стариннымъ купцомъ, посредникомъ между различными частями страны, въ силу естественныхъ условій производящими различные продукты. Производитель живетъ самобытной жизнью, не зная власти рынка и рѣдко въ немъ нуждаясь. Читатель невольно переносится мыслью на нѣсколько вѣковъ въ глубь исторіи.

Но вотъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ началось какое-то броженіе, пробивался ростъ какой-то новой жизни, какой,—пока еще не ясно ни для кого въ этомъ дѣвственномъ, немножко лѣнивомъ и тяжеломъ на подъемъ краѣ. Процессъ формировки новой жизни начался извнутри, отъ своихъ людей, отъ наиболѣе предпріимчивой и энергичной части купечества. Мельникъ Колобовъ поставилъ въ Суслонѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ зауральскихъ селъ, новую мельницу-крупчатку. «Это была первая крупчатка на Ключевой, и всѣ инстинктивно чего-то боялись». Прежде всего поднялись на ноги старые мельники, работавшіе на своихъ раструсочныхъ мельницахъ.—«О девяти поставахъ будетъ мельница-то,—жаловался мельникъ Ермилычъ.—Ежели она, напримѣръ, ахаетъ въ сутки пятьсотъ мѣшковъ? Съѣстъ она насъ всѣхъ и съ потрохами. Гдѣ хлѣба набраться на такую прорву? Раздавятъ насъ, какъ лягушекъ. Разговоръ короткій. Однимъ словомъ, силища». Задумались и запольскіе купцы: въ Суслонѣ открылся новый хлѣбный рынокъ, обѣщавшій сдѣлаться серьезнымъ конкурентомъ Заполью.—«Нѣтъ, братъ, шабашъ,—повторяли запольскіе купцы.—По старому, братъ, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу отнимутъ, завтра куделю и льняное сѣмя, а тамъ и до степнаго сала доберутся. Что же у насъ-то останется?»—«Копѣечка съ пуда подешевле отъ провоза, и смерть запольскимъ толстосумамъ», — прикидывалъ въ умѣ старикъ Колобовъ, объѣзжая край, смотря на него съ чувствомъ собственности и думая, какъ «все здѣсь перемѣнится черезъ нѣсколько лѣтъ и что главной причиной перемѣны будетъ онъ, Михѣй Зотычъ Колобовъ». Многихъ смущало еще то обстоятельство, что старикъ повелъ дѣло въ кредитъ, заложилъ мельницу въ банкѣ и на полученную ссуду повелъ торговлю хлѣбомъ. Это было неслыханной новостью для запольскаго купечества, привыкшаго орудовать на тугіе родительскіе капиталы. Сынъ Колобова, Галактіонъ, центральная фигура романа, задавался еще болѣе широкими планами, чѣмъ отецъ. Это былъ пред-

пріимчивый и энергичный молодой человѣкъ, на котораго старикъ возлагалъ всѣ свои надежды,—«очень ужъ умный паренекъ издался. За что ни возьмется, всякая работа горитъ въ рукахъ. Онъ и механикъ, и мельникъ, и бухгалтеръ, и все, что хочешь. Никакое дѣло отъ рукъ не отобьется». Но Галактіонъ выросъ изъ плановъ отца, онъ мечталъ уже о пароходствѣ и широкой постановкѣ хлѣбной торговли. Его давила только и не давала ему развернуться тяжелая отцовская рука. Онъ и женился изъ-подъ палки, по приказу отца.

Если бы процессъ развитія новой жизни шелъ постепенно, своимъ естественнымъ путемъ, то онъ затянулся бы на многіе годы. Но такой богатый край служилъ лакомой приманкой для промышленныхъ дѣльцовъ послѣдней формаціи, которыя послѣ предварительныхъ развѣдокъ нахлынули сюда, какъ саранча на весенніе всходы. Въ Запольѣ уже давно проживалъ неизвѣстно откуда взявшійся нѣмецъ Штоффъ, успѣвшій обстоятельно познакомиться съ положеніемъ края и, можетъ быть, для этой цѣли женившійся на дочери мѣстнаго купца. За нимъ одинъ за другимъ стали набиваться новые люди: безыменный нѣмецъ Драке, ссыльный полякъ Май-Стабровскій, поразившій все Заполье своей роскошью, подозрительный еврей Ечкинъ, постоянно гдѣто разъѣзжавшій. «Около этихъ новыхъ людей жалась цѣлая кучка безыменныхъ и прожорливыхъ пановъ, нѣмцевъ и евреевъ. Они всѣ чего-то искали, куда-то ѣздили, по какимъ-то никому неизвѣстнымъ дѣламъ и вообще ужасно торопились. Не было, кажется, такого угла, котораго они не обнюхали бы и не обыскали. Появились также два адвоката, Мышниковъ и Черевинскій, сразу забившіе мѣстныхъ доморощенныхъ ходатаевъ и дѣльцовъ.

Это была летучая стайка хищниковъ, которые несли съ собой послѣднее слово экономическаго прогресса. Въ мѣстномъ обществѣ это былъ новый общественный слой, который рѣзко отличался отъ мѣстнаго купечества. Новые люди устраивались по своему и не хотѣли знать старыхъ порядковъ и вскорѣ же открыли въ Запольѣ клубъ, учрежденіе, не виданное доселѣ. Съ внѣшней стороны все это были очень милые, веселые и общительные люди, совсѣмъ не похожіе на мѣстнаго степеннаго и благообразнаго купца. Запольское купечество жило по старипнымъ завѣтамъ, надѣясь на русское «авось» и на родительскіе капиталы. У новыхъ людей, за исключеніемъ развѣ Стабровскаго, ничего не было, кромѣ энергіи, предпріимчивости, знаній, умѣнья вести дѣла, основываясь на самомъ строгомъ математическомъ разсчетѣ. Они долго ничего не предпринимали, а только все изслѣдовали, чего-то искали и куда-то ѣздили, однимъ словомъ, что-то готовили. Запольскихъ купцовъ уже заранѣе забиралъ страхъ; они напередъ чувствовали, что какая-то невидимая бѣда надвигается на Заполье все ближе и ближе.

Наконецъ, для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что новые люди подбираются къ старозавѣтному сырью и залежавшимся капиталамъ. Пер-

вымъ открылъ свои карты Май-Стабровскій, когда купилъ казенный винокуренный заводъ. Стабровскій затѣвалъ милліонное дѣло. На заводѣ все устраивалось по послѣднему слову науки. О размѣрахъ предпріятія можно было судить по тому, что ежегодно имѣлось въ виду скупать до милліона пудовъ ржи для завода. Въ краѣ были и свои винокуры, но это былъ народъ мелкій, работавшій для мѣстнаго потребленія. Настоящій винный король всего края, Прохоровъ, сидѣлъ въ степи. Съ нимъ-то и затѣвалъ Стабровскій войну. Ечкинъ, съ своей стороны, «обрабатывалъ» крупныхъ мѣстныхъ капиталистовъ въ интересахъ промышленнаго оживленія края. Это былъ настоящій агитаторъ промышленнаго прогресса. Его голова постоянно была полна разными промышленными проектами и планами. Вѣчно занятый, не сидѣвшій ни минуты на мѣстѣ, онъ старался теперь втянуть мѣстныхъ купцовъ въ устройство крупныхъ промышленныхъ предпріятій—стеариновыхъ заводовъ, вальцевыхъ мельницъ, подъѣздныхъ путей, золотыхъ пріисковъ, рыбныхъ промысловъ и пр. Предполагалось оживить дремавшій край цѣлымъ рядомъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, втянуть природныя застоявшіяся богатства въ общій промышленный круговоротъ. Вѣнцомъ и паровой машиной этого предполагавшагося ряда крупныхъ предпріятій долженъ былъ служить коммерческій зауральскій банкъ. Банкъ долженъ былъ стянуть залежавшіеся въ краѣ мертвые капиталы, служить паровой машиной промышленнаго движенія и всѣхъ и все покорить себѣ.

Весь край зашевелился и, прежде всего, мѣстные купцы, которыхъ новая сила била прямо по карману. Изъ ихъ рукъ уплывало степное и зауральское сырье, которое до сихъ поръ кормило ихъ. Стабровскій билъ своихъ конкурентовъ по всѣмъ боевымъ хлѣбнымъ пунктамъ, набавляя всего четверть копѣйки на пудъ. Его выручалъ банкъ, дававшій тѣ средства, которыхъ не доставало. Вездѣ чувствовалась гнетущая власть банка. Только теперь запольскіе купцы поняли, что жить по старому, безъ кредита, нельзя. Теперь всѣ набросились на новыя предпріятія и, главнымъ образомъ, на хлѣбъ. По Ключевой строились новые мельницы-крупчатки; прежнія запольскіе лавки и лавчонки превратились въ магазины съ зеркальными стеклами. Недостававшія деньги черпались полной рукой изъ банка.

Что же дѣлалъ мужикъ въ это время? Мужикъ продавалъ свои запасы, деньги тратилъ на ситцы, самовары и, главнымъ образомъ, на водку. Водка оказалась самымъ ходкимъ товаромъ. Стабровскій велъ отчаянную войну съ Прохоровымъ. Стороны усиленно понижали цѣну на водку. Мужики входили во вкусъ этой водки, спивались, пропивались и опивались на дешевкѣ. Въ сущности, вся эта война, какъ и все новое промышленное движеніе, была походомъ на мужика. Продукты крестьянскаго хозяйства усиленно втягивались въ товарное обращеніе.—«Которые были запасы, всѣ на базаръ свезены. Все теперь на деньги

пошло, а деньги пошли въ кабакъ, да на самовары, да на ситцы, да на трень-брень... Прежде-то все домашнее было, а теперь все съ рынка везутъ».

Правой рукой Стабровскаго въ его борьбѣ былъ уже извѣстный намъ Галактіонъ. Къ послѣднему Стабровскій долго присматривался и, наконецъ, повѣрилъ въ этого русскаго купца. Галактіонъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ Стабровскаго и повѣреннымъ въ его кабацкихъ дѣлахъ. Занявши свое опредѣленное мѣсто среди этихъ дѣльцовъ безъ страха и упрека, Галактіонъ пережилъ цѣлый мучительный процессъ перерожденія. Онъ вступилъ въ это общество тѣмъ простымъ русскимъ купцомъ, который жалѣлъ и себя, и другихъ и могъ мучиться муками совѣсти. Время отъ времени ему жаль было и своей жены, къ которой онъ былъ такъ несправедливъ, и голь, и бѣдноту, и этого маленькаго городка, который жилъ до сихъ поръ такъ тихо и смирно и на который надвигалась какая-то грозная сила. Совѣсть мучила его за то, что онъ съ самаго начала сдѣлался покорнымъ слугой этой силы и за то, что онъ зорилъ семью и за разныя нечистыя дѣла, въ которыхъ ему приходилось участвовать, и наконецъ, за его личныя увлеченія. Временами ему казалось, что онъ чему-то измѣняетъ, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному. Но стоило ему только подумать о Стабровскомъ или Ечкинѣ, которые ворочали милліонными дѣлами, какъ его все сильнѣе и сильнѣе охватывала жажда широкой дѣятельности и большихъ дѣлъ. Впереди рисовались радужныя картины. Его увлекала сила, борьба, крупная дѣятельность, которая въ данный моментъ выражалась въ этой радикальной ломкѣ цѣлаго края. Подъ обаяніемъ этой силы въ немъ мучительно умиралъ простой русскій купецъ съ его несложной психологіей и складывался новый человѣкъ. Галактіонъ постепеннно, шагъ за шагомъ, терялъ сознаніе разницы между промышленнымъ добромъ и промышленнымъ зломъ. У него «начинала вырабатываться философія крупныхъ капиталистовъ,—именно, что міръ созданъ спеціально для нихъ, а также для ихъ же пользы существуютъ и другіе людишки». Особенно сильно затянула его горячка кабацкой войны, гдѣ уже не было мѣста размышленіямъ, что худо, что хорошо, тѣмъ болѣе, что Стабровскій обѣщалъ ему пароходъ въ тотъ день, когда Прохоровъ принесетъ повинную; и Галактіонъ пропадалъ по деревнямъ и глухимъ волостямъ, устраивая новые винные склады, открывая кабаки и пр.

Протестомъ противъ банковскихъ воротилъ явилось оппозиціонно-прогрессивное направленіе въ городскомъ населеніи. До сихъ поръ этотъ городокъ тихо и мирно дремалъ. Теперь чувствовалась настоятельная потребность въ чтеніи. Отвѣтомъ на эту потребность явилась библіотека и ежедневная газета «Запольскій Курьеръ». Все это было дѣломъ учителя гимназіи Харченко, который сразу сталъ во главѣ оппозиціи. Вокругъ него сплотился маленькій кружокъ интеллигентныхъ разночинцевъ. Всѣ эти маленькіе люди явились протестующимъ элементомъ

противъ новыхъ дѣльцовъ и громили «плутократію» въ цѣломъ рядѣ статей и корреспонденцій.

Въ первое время дѣятельность банка сказалась небывалымъ оживленіемъ экономической жизни края. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше и больше выдвигались на рынокъ громадные капиталы. Въ хлѣбномъ дѣлѣ выростала такая же отчаянная конкуренція, какъ и въ винномъ. Мельницы-крупчатки росли, какъ грибы; въ дѣло выдвигались громадные капиталы, и обороты шли на милліоны рублей. Это оживленіе находило себѣ объясненіе въ крестьянскихъ запасахъ. Крестьянскаго хлѣба хватало на всѣхъ. Но всему бываетъ конецъ, такъ пришелъ конецъ и хлѣбнымъ запасамъ. Производитель зерна начиналъ жить отъ одной осени до другой и весь находился въ зависимости отъ одного урожая. А тутъ еще открылась Уральская желѣзная дорога, и зауральскій хлѣбъ полился широкой волной въ далекую Россію. Рынокъ все болѣе и болѣе сокращался. Произошла неизбѣжная борьба за преобладаніе на рынкѣ. Каждый хотѣлъ воспользоваться случаемъ. Хлѣбное дѣло постепенно перешло въ азартную игру, спекуляцію. Это обострившееся положеніе привело къ сплошному и поголовному раззоренію средней величины мельниковъ, въ родѣ извѣстнаго намъ старика Колобова. Крупные капиталисты давили ихъ, какъ крупные хищники давятъ хлѣбныхъ мышей. У нихъ былъ отнятъ и зерновой рынокъ, и кредитъ, и оптовый сбытъ. Крупные мельники также рѣзались не на животъ, а на смерть. Шла самая отчаянная игра. Рвалъ куши тотъ, кто умѣлъ поймать моментъ, воспользовавшись, напр., неурожаемъ, и на этой операціи нажить цѣлое состояніе. Двѣ-три неудачныхъ операціи раззоряли въ лоскъ, и милліонныя состоянія лопались, какъ мыльные пузыри. Банкъ доканчивалъ раззореніе, закрывая кредитъ пошатнувшимся фирмамъ и увеличивая ссуды тѣмъ, которыя и безъ этой помощи шли въ гору. Въ этомъ водоворотѣ промышленной жизни народъ пошатнулся. «Совсѣмъ не разберешь, гдѣ кончается хорошій человѣкъ и гдѣ начинается дурной. Не замѣтишь, какъ и самъ попадешь въ негодяи»— жаловался мѣстный купецъ Луковниковъ.

На помощь банку пришло стихійное бѣдствіе—пожаръ Заполья, докончившій раззореніе того средняго купечества, которое составляло силу стараго города. Въ новомъ городѣ вся промышленная жизнь строилась на кредитѣ: дома строились въ кредитъ, промысла, торговля велись въ кредитъ. Возникали новыя состоянія буквально изъ ничего, какъ на растительномъ перегноѣ растутъ грибы: во главѣ стояли банковскіе воротилы—Мышниковъ, Штоффъ и Галактіонъ,—а изъ-за ихъ широкихъ спинъ выдвигались совсѣмъ уже темные люди, какъ бывшій писарь Замараевъ, Голяшкинъ. Раззореніе ушло далеко въ степь. У банка была какая-то систетатическая задача раззорять все.

За раззореніемъ купечества послѣдовало раззореніе прежде богатаго крестьянства, закончившееся также стихійнымъ бѣдствіемъ—го-

лодомъ. Своихъ запасовъ у мужика давно уже не было; они ушли на винокуренные заводы, въ Ирбитъ, въ Поволжье и воротились къ мужику въ видѣ ситцевъ, самоваровъ и, главнымъ образомъ, водки. Мужикъ жилъ изъ года въ годъ; хозяйственное равновѣсіе нарушилось въ корнѣ. Около десяти лѣтъ выпадали недороды, но покрывались то степнымъ хлѣбомъ, то сибирскимъ, и закончившіеся настоящимъ неурожаемъ и голодомъ. Правда, пшеничники сами были виноваты во многомъ: землю пахали кое-какъ, объ удобреніи и знать ничего не хотѣли, какъ и прежде, когда поля не были еще такъ истощены. Но съ другой стороны, выдвигалась масса такихъ причинъ которыя уже не зависѣли отъ пшеничниковъ: налетѣла стая хищниковъ, воспользовалась невѣжествомъ и по закону раззорила цѣлый край. Картина этого раззоренія описана яркими красками. Голодъ былъ повсемѣстнымъ явленіемъ. Голодали и мерли прежде богатые пшеничники, голодали казаки, но особенно жалки и безпомощны были башкиры; и безъ того башкиры вымираютъ во время своихъ зимнихъ голодовокъ, а тутъ вымирали вдвойнѣ. Взрослое мужское населеніе брело изъ деревень и селъ, снималось съ насиженныхъ годами мѣстъ, оставляя за собой голодавшія семьи,—одни плелись на заводы въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ, другіе просто безцѣльно бродили по уѣзду, собирая милостыню, гдѣ можно; болѣе малодушные уходили изъ дому, куда глаза глядятъ, чтобы только не видѣть голодавшія семьи. Изъ деревень уходила рабочая сила. А изъ подъ Заполья вверхъ по Ключевой шелъ голодный тифъ.

Эти развалины крестьянскаго, натуральнаго хозяйства служили удобной почвой для произрастанія разнаго рода паразитовъ. На крестьянскомъ раззореніи спекулировали дѣльцы новой формаціи, смѣнившіе старое купечество. Ростовщики, въ родѣ мельника Ермилыча, уже давно держали весь край въ рукахъ, опутывая опускавшееся населеніе ссудами подъ залогъ имущества. Во время голода они очутились господами положенія. Крестьянину приходилось закладывать свои животы и некуда было идти кромѣ ростовщика. Закладывался настоящій деревенскій мужикъ, тащившій въ городъ самовары, конскую сбрую, полушубки, бабьи сарафаны и вообще мужицкое «барахло». Не дремали и банковскіе воротилы, разсчитывая сообща закупить партію хлѣба, перевезти ее въ Заполье и поставить свою цѣну; но ихъ предупредилъ Галактіонъ, закупившій самостоятельно милліонную партію хлѣба по ничтожной цѣнѣ и предложившій земству доставить хлѣбъ по 1 р. 70 к. за пудъ—кормить голодныхъ крестьянъ. Эта операція сдѣлала Галактіона героемъ дня. «Еще ничего подобнаго не видали въ Запольѣ, и самый банкъ съ его операціями являлся какою-то дѣтской игрушкой. Слава Галактіона выросла въ нѣсколько дней, какъ снѣговой комъ. Поднялись всѣ оппетиты и тайныя вожделѣнія ухватить свою долю. Но дорогъ былъ моментъ: другихъ пароходовъ не было, и Галактіонъ желѣзной рукой захватилъ весь хлѣбный рынокъ».

Такъ на развалинахъ двухъ ветхозавѣтныхъ міровъ, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, выросла крупная и мелкая буржуазія и ея необходимое дополненіе—земледѣльческій пролетаріатъ. Весь процессъ завершился въ продолженіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ.

Деревенскій міръ съ своими устоями—общиной и артелью—не служитъ предметомъ спеціальнаго изображеніе Мамина. Но тѣ отрывочныя указанія, которыя можно встрѣтить на этотъ счетъ въ его многочисленныхъ произведеніяхъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно убѣжденія Мамина въ прочности этихъ устоевъ. Вотъ, напр., что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ «Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ», помѣщенномъ въ недавно вышедшемъ сборникѣ его разсказовъ «Въ глуши». «Той идеальной деревни, описаніе которой мы когда-то читали у нашихъ любимыхъ беллетристовъ, нѣтъ и помину: современная деревня представляетъ арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремленія и инстинкты. Перестройка этой, если позволено такъ выразиться, классической деревни съ семейнымъ патріархатомъ во главѣ и общиннымъ устройствомъ въ основаніи, совершается на нашихъ глазахъ, такъ что можно прослѣдить во всей послѣдовательности это броженіе взбаломученныхъ рядомъ реформъ элементовъ, нарожденіе новыхъ комбинацій и постепенное наслоеніе новыхъ формъ жизни. Нынѣшняя деревня — это химическая лабораторія, въ которой идетъ самая горячая, спѣшная работа. Центръ тяжести, искусственно привязанный нашей исторіей къ жизни городовъ, самъ собой перемѣстился въ деревню» (стр. 117).

Блестящей, мелькомъ набросанной иллюстраціей этихъ мыслей можетъ служить разсказъ «Главный баринъ» («Сибирскіе разсказы»). Въ глухомъ, лѣсномъ углу засѣла деревня Грязнуха. Это былъ настоящій медвѣжій уголъ, представлявшій совершенно особый міръ, страничку изъ русской исторіи XVII вѣка. Грязнуха рѣшительно была никому не нужна, и сама ни въ комъ не нуждалась. Мимо нея никто и никуда не ѣздилъ, не было здѣсь никакого торжка — однимъ словомъ, какъ есть ничего. Сюда не проникли даже такіе всеразрушающіе элементы, какъ самоваръ-тулякъ и московскіе ситцы. Всѣ ходили въ домотканной пестрядинѣ, носили домотканную сермягу, укрывались своей домашней овчиной. Это былъ край свѣта, совершенно чуждый условіямъ современной общественно-экономической жизни. И вотъ черезъ этотъ медвѣжій уголъ проходитъ желѣзная дорога. Появляется первая развѣдочная партія. Инженеры сорятъ деньгами. Мужики и особенно бабы вошли въ настоящій азартъ: какая-нибудь бабушка Домна, отъ роду невидавшая четырехъ рублей, вдругъ получаетъ это огромное для нея богатство за какой-нибудь десятокъ яицъ. Старуха помутилась умомъ. Другія бабы завидуютъ ей и поѣдомъ ѣдятъ. Среди мужиковъ также проснулась жадность къ дикой копѣйкѣ· «Всѣ мужики-то какъ омморошные сдѣлались, такъ и рвутъ». Партія

ушла, а мужики остались въ ожиданіи чугунки.—Изъ своего семнадцатаго вѣка Грязнуха прямо перешагнула въ самый конецъ девятнадцатаго. Одно появленіе «главнаго барина» сразу перевернуло все вверхъ дномъ. Трущоба проснулась, а имѣющая выстроиться желѣзная дорога докончитъ остальное.

Что касается артели, то въ своемъ очеркѣ «Золотуха» Маминъ въ высшей степени рельефно обрисовалъ эту форму народной жизни. «Первичная клѣточка, въ которую отлилась безшабашная пріисковая жизнь,—говоритъ онъ,—заключается въ... русской артели, которая нашла себѣ здѣсь глубокое примѣненіе. Безъ артели русскій человѣкъ—погибшій человѣкъ, поэтому артель живетъ на всѣхъ вольныхъ промыслахъ, въ тюрьмахъ и монастыряхъ; даже разудалая вольница, ничего не хотѣвшая знать, кромѣ своей вольной волюшки—и та складывалась въ разбойничью артель. Если испоконъ вѣку русскій человѣкъ работалъ артелью и грабилъ артелью, отсиживался по тюрьмамъ и острогамъ артелью, то такое широкое примѣненіе артельныхъ началъ вносило въ нихъ, на каждый спеціальный случай, спеціальныя примѣненія въ формѣ и содержаніи. Старательская артель, въ которую, если позволено такъ выразиться, выкристаллизовалась пріисковая жизнь, рѣшила ту же задачу, какую рѣшаютъ всѣ русскія артели, т.-е. какъ при наличности minimum'а благопріятныхъ условій не только ухитриться просуществовать, но еще выполнить maximum работы»...

На пріискахъ «всѣ старательскія артели были устроены, какъ одна, и носили смѣшанный семейный характеръ, сближавшій ихъ съ кустарнымъ промысломъ. Малосильныя семьи соединялись по двѣ и по три, а если для артели не доставало одного человѣка,—его прихватывали на сторонѣ изъ тѣхъ лишнихъ людей, какихъ набирается на каждомъ пріискѣ очень много. Было нѣсколько и такихъ артелей, члены которыхъ не были связаны никакими родственными узами, а единственно соединились для одной работы. Но послѣдній, повидимому, самый чистый типъ артели представлялъ на пріискѣ исключеніе, а главнымъ правиломъ все-таки являлась артель-семья, какъ, напр., Зайцы... Трудъ всѣхъ членовъ семьи утилизировался съ замѣчательной послѣдовательностью, и не пропадала даромъ ни малѣйшая его крупица. Пріисковая тяга не миновала нашей головы.

«— Прежде, какъ за бариномъ жили,—разсуждалъ Заяцъ,—бывало, какъ погонятъ мужиковъ на пріиски, такъ бабы, какъ коровы, ревѣли... Потому, извѣстно, каторжная наша пріисковая жизнь! Ну, а тутъ, какъ волю объявили, да зачали по заводамъ рабочихъ сбавлять,—гдѣ робило сорокъ человѣкъ, теперь ставятъ тридцать, а то и двадцать—вотъ мы тутъ и ухватились за пріиски обѣими руками... Все-таки съ голоду не умрешь. Прежде одинъ мужикъ маялся на пріискѣ да прималъ битву, а теперь всей семьей страдаютъ... И выходитъ, что наша-то мужицкая воля поровнялась, прямо сказать, съ волчьей!

Много черезъ это самое золото, баринъ, нашихъ мужицкихъ слезъ льется. Вонъ погляди, бабы въ брюхѣ еще тащатъ ребятъ на пріиски, да такъ и пойдетъ съ самаго перваго дня, въ родѣ какъ колесо; въ зыбкѣ старатель комаровъ кормитъ-кормитъ, потомъ чуть подросъ—садись на тележку, вози пески, а потомъ становись къ грохоту, или полѣзай въ выработку. Еще мужику туды-сюды—оно тяжело, что говорить, а все мужикъ-мужикъ и есть—а вотъ бабамъ, тѣмъ, пожалуй, и не въ моготу въ другой разъ эти пріиски».

Я не знаю, что именно *хотѣлъ* Маминъ дать въ этомъ очеркѣ. По всей вѣроятности, вотъ что: та живая сила, которой держатся золотые пріиски—это старатели, организованные въ артели. Этотъ здоровый по своей природѣ и испытанный организмъ разрозненъ и сдавленъ. Въ силу разныхъ условій на немъ появились злокачественные, золотушные насыпи въ видѣ цѣлой клики эксплуататоровъ, нужды и пьянства. Отсюда выводъ о необходимости свободной артельной эксплоатаціи золотыхъ пріисковъ.

Но если мы всмотримся въ ту картину артельной жизни, которую нарисовалъ намъ Заяцъ, то увидимъ, что художникъ безсознательно для себя самого *далъ* нѣчто совсѣмъ другое,—именно: капиталъ пользуется артельнымъ организмомъ, какъ пружиной, которая, какъ нельзя лучше, помогаетъ ему рѣшить слѣдующую задачу: какъ при наличности minimum'a благопріятныхъ условій выжать maximum работы. Можетъ быть, и многія другія русскія артели играютъ ту же отвѣтственную роль?

Резюмирую: капитализмъ властно захватываетъ все кругомъ. На горныхъ заводахъ и золотыхъ промыслахъ онъ доканчиваетъ работу предшествующихъ поколѣній; экспропріація населенія идетъ рука объ руку съ безжалостными порядками промышленной свободы и конкуренціи. Въ результатѣ получилась та волчья воля, которая отдавала рабочія массы въ безконтрольное распоряженіе заводовладѣльцевъ и промышленныхъ компаній. Въ связи съ этимъ идетъ развращающее и разлагающее вліяніе золотой лихорадки.

Далѣе,—капитализмъ проникаетъ въ область чисто земледѣльческихъ натуральныхъ организацій хозяйства. Капиталистическій процессъ и здѣсь ведетъ къ той же цѣли—распаденію средневѣковыхъ организацій и образованію новыхъ общественныхъ классовъ капиталистическаго и пролетарскаго. Въ связи съ этимъ идетъ внутренній процессъ дифференціаціи массъ. Авторъ только мелькомъ, мимоходомъ отмѣчаетъ этотъ процессъ.

Гораздо обстоятельнѣе онъ изображаетъ разложеніе патріархальной семьи. Такъ распадаются патріархальные и полукрѣпостные союзы. А въ результатѣ этого процесса является капиталистическій и пролетарскій классы—не имѣющій традицій хищникъ и безземельный рабочій, свободный отъ власти патріархальной семьи, отъ полукрѣпост-

ныхъ, личныхъ связей съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми—эта двойная клѣточка новаго общества, которая растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Этотъ процессъ неизбѣженъ и неотвратимъ. Нѣтъ силы, которая могла бы остановить его развитіе. Напротивъ, онъ все покоряетъ себѣ. «Наростающій капитализмъ является своего рода громаднымъ маховымъ колесомъ, приводящимъ въ движеніе милліоны валовъ, шестерней и приводовъ». Передъ его громадной силой все отступаетъ на задній планъ, а дѣйствующія лица походятъ на пигмеевъ. «Желѣзный братецъ каждымъ своимъ движеніемъ давилъ кого-нибудь изъ пигмеевъ и даже не бымъ виноватъ, потому что пигмеи сами лѣзли ему подъ ноги на каждомъ шагу». Капитализмъ—это «безконечно широкая рѣка, которая затопляетъ города и деревни, бушуетъ на улицахъ, врывается въ домы, разбивается о стѣны, журчитъ въ ушахъ, переливается въ самомъ мозгу», измѣняя здѣсь прежній строй мыслей и чувствъ. Подъ его вліяніемъ происходитъ та глухая, подземная работа, въ результатѣ которой, какъ по мановенію волшебнаго жезла, являются передъ нами новые люди, новые взгляды, новыя отношенія.

Эта послѣдняя мысль—ничтожество и безсиліе человѣка передъ стихійнымъ процессомъ капиталистическаго развитія—составляетъ основную мысль послѣдняго большого романа Мамина «Приваловскіе милліоны». Это, безспорно, лучшее произведеніе его огромнаго художественнаго таланта и одно изъ лучшихъ украшеній нашей литературы. Какое чарующее впечатлѣніе производитъ, напр., типъ Нади Бахаревой. Это одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ, когда-либо созданныхъ нашей беллетристикой. А Заплатина,—этотъ замѣчательный типъ, въ которомъ не знаешь, чему больше удивляться: ея уму, доходящему до чисто собачьяго чутья, или узости ея интересовъ; ея алчности или безкорыстному преклоненію передъ милліонами, ея способности всюду пролѣзть, вездѣ сдѣлаться нужной, или ея наглости и нахальству, ея болтливости и сплетнямъ, или способности вести самую тонкую, запутанную интригу. Она первая обо всемъ узнаетъ, вездѣ пронюхаетъ, ко всему присосется, и изъ всего извлечетъ пользу. Это трехъэтажный паразитъ, какъ рекомендуетъ ее Веревкинъ: «Это, видите ли, вотъ какая штука: есть такой водяной жукъ... Въ этомъ жукѣ живетъ паразитъ червякъ, а въ червякѣ живетъ какая-то глиста... Червякъ жретъ жука, а глиста жретъ червяка... Такъ и наша Хіонія Алексѣевна жретъ насъ, а мы жремъ всякаго, кто попадетъ подъ руку». Заплатина, какъ и набобъ Лаптевъ, положительно новые типы въ нашей литературѣ. А другія лица романа—скряга Ляховскій, именующій себя славянофиломъ Половодовъ, дядюшка Оскаръ Шпигель, пріѣхавшій удить золотую рыбку, самъ Бахаревъ—какъ живые стоятъ передъ читателемъ. Но странно—критика до сихъ поръ ничего не сказала объ этомъ произведеніи Мамина. О другихъ его работахъ были хоть рецензіи въ жур-

налахъ, а это самое замѣчательное произведеніе не дождалось, насколько помнится, даже журнальнаго отзыва. Тѣмъ болѣе это странно, что романъ, такъ или иначе, отвѣчаетъ на одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, изъ-за котораго до сихъ поръ ломаются копья.

Канвой для того богатѣйшаго и разнообразнѣйшаго содержанія, какое даетъ Маминъ въ этомъ романѣ, послужила исторія одного громаднаго, милліоннаго наслѣдства—знименитыхъ въ исторіи Уральскаго края Шатровскихъ заводовъ, которые и правдами, и неправдами созидались въ продолженіе полутораста лѣтъ и выросли въ громадное предпріятіе съ 40-тысячнымъ заводскимъ нааселеніемъ и съ площадью въ четыреста тысячъ десятинъ богатѣйшей въ свѣтѣ земли. Заводы составляли фамильную собственность крѣпкаго когда-то, а теперь, вырождавшагося рода Приваловыхъ. Первымъ Приваловымъ, какъ однимъ изъ первыхъ насельниковъ въ этомъ, тогда вольномъ краѣ, приходилось выдерживать суровую борьбу, нерѣдко отсиживаться отъ нападеній кочевавшихъ тогда по вольнымъ степямъ башкиръ, которые не разъ побивали высылаемыя противъ нихъ воинскія команды. Въ этой борьбѣ съ природой и съ людьми закалялся характеръ, пріобрѣталась выдержка, сила воли, энергія—все то, что̀ давало имъ право на названіе крѣпкихъ людей. Послѣдніе представители, обезпеченные крупными дивидендами, жили паразитами, предоставивъ заводы на усмотрѣніе крѣпостныхъ управителей. Въ такихъ понятіяхъ и взглядахъ выростало одно поколѣніе за другимъ, и прежде крѣпкая семья вырождалась и разорялась. Отъ окончательнаго разоренія эта фамилія однако была спасена: въ половинѣ 40-хъ годовъ владѣльцу Шатровскихъ заводовъ, Александру Привалову, удалось жениться на дочери знаменитаго милліонера-золотопромышленника Павла Михайловича Гуляева, упрямаго крѣпкаго старика, въ которомъ произволъ, насиліе и всѣ темныя силы крѣпостничества уживались рядомъ съ самыми свѣтлыми проявленіями души и мысли. Въ его палатахъ проживала цѣлая толпа сиротъ, дѣвочекъ и мальчиковъ—по большей части, дѣти гонимыхъ раскольниковъ, получавшія у Гуляева вмѣстѣ съ кровомъ и родительской лаской тотъ особенный закалъ, которымъ они рѣзко отличались между другими людьми. Гуляевъ въ глаза и за глаза смѣялся надъ своимъ зятемъ, но не хотѣлъ допустить разоренія Шатровскихъ заводовъ и, главное, относился съ глубокимъ уваженіемъ къ той фамиліи, которую тотъ носилъ. Въ жертву этой фамиліи старикъ и принесъ свою единственную дочь, Варвару. Результатомъ этого брака былъ сынъ Сергѣй, герой разбираемаго романа. Старикъ Гуляевъ дождался наслѣдника своихъ капиталовъ и, умирая, завѣщалъ все ему, поручивъ его судьбу своему повѣренному, своей правой рукѣ, Василію Бахареву, одному изъ птенцовъ своего гнѣзда. Старикъ не разсчитывалъ на своего зятя, и былъ правъ. Тотчасъ по смерти тестя, Александръ Приваловъ развернулся во всю ширь своей русской натуры: дикій бѣше-

ный разгулъ, не щадившій ни своей, ни чужихъ жизней и неслыханныя оргіи чередовались съ земными поклонами до синяковъ на лбу; эти оргіи свели во гробъ жену Привалова и довели опустившагося окончательно золотопромышленника до второго брака на цыганкѣ Стешѣ. Послѣдняя явно жила съ благопріятелемъ мужа, Сашкой Холостовымъ и, когда эта связь сдѣлалась извѣстной мужу, боясь мести, ночью при помощи Сашки выбросила Привалова изъ окна съ третьяго этажа. На другой день нашли его окоченѣлый трупъ.

Послѣ Александра Привалова осталось три наслѣдника: старшій—Сергѣй отъ первой жены и двое—Иванъ и Титъ—отъ Стеши. Стеша вышла замужъ за Холостова, который сдѣлался опекуномъ надъ младшими наслѣдниками. Старшій наслѣдникъ, Сергѣй Приваловъ, еще послѣ смерти матери взятъ былъ Бахаревымъ, который послѣ смерти Александра Привалова сдѣлался его опекуномъ и употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать сиротѣ приличное воспитаніе. Сергѣй Приваловъ прожилъ у Бахарева до 15 лѣтъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ 15-ть лѣтъ въ занятіяхъ въ университетѣ и въ хлопотахъ по наслѣдству. У одного изъ его братьевъ—Ивана—открылось за это время тихое помѣшательство, а другой пропалъ безъ вѣсти.

Между тѣмъ, наслѣдство, остававшееся нераздѣленнымъ за малолѣтствомъ наслѣдниковъ, проходило за этотъ періодъ опеки естественныя стадіи своего развитія, причемъ изъ каждой стадіи оно выходило все тоще и тоще. Къ этому жирному кусу примазывались и присасывались разныя хищныя птицы. Первый опекунъ, Сашка Холостовъ, вотчимъ, дѣлаетъ милліонный долгъ при помощи мошеничества. Сашку судятъ, а его долгъ переводятъ на заводы. Потомъ заводы попали подъ казенную опеку, во время которой инженеръ Масманъ нахлопалъ на заводы новый почти милліонный долгъ. Съ процентами эти два долга составили около четырехъ милліоновъ. Когда, наконецъ, заводы перешли въ опекунское управленіе, Бахаревъ, назначенный опекуномъ, старался понемногу поднять заводское дѣло и добился своего: заводы стали приносить дивидендъ въ 300 тыс. рублей, которые шли на уплату долга, процентовъ по долгу и на наслѣдниковъ. Но Бахаревъ, прямая и честная натура, не могъ ужиться съ другимъ опекуномъ—Ляховскимъ и оставилъ опеку. На его мѣсто назначили Половодова. Уже порядочно ощипанная золотая курочка досталась опять-таки въ руки хищникамъ: Ляховскій уже присосался, а Половодовъ еще присматривается, нельзя ли сорвать свою долю.

Вотъ въ это-то самое время старшій наслѣдникъ и герой романа, Сергѣй Приваловъ пріѣзжаетъ на родину, въ Узелъ. Его пріѣздомъ открывается первая страница романа. Пріѣздъ Привалова въ уѣздномъ городѣ произвелъ большой переполохъ; но мы оставимъ мѣстное общество благоговѣть передъ приваловскими милліонами и посмотримъ, что

такое самъ Приваловъ, на котораго теперь устремлены взоры мѣстнаго общества, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, что думаетъ дѣлать. Мы знаемъ его родословную. Вмѣстѣ съ своими милліонами Приваловъ получилъ еще большое наслѣдство въ лицѣ того темнаго прошлаго, какое стоитъ за его фамиліей. Онъ представитель вырождающейся семьи. Тѣни его предковъ, изъ которыхъ самые хорошіе были все-таки ужасными людьми, грезятся ему, а самые худшіе напоминаютъ ему о своихъ ужасахъ. Родовые милліоны давятъ и душатъ его. За этими милліонами ему мерещатся ограбленные его предками, грязные, голодные башкиры, съ тупымъ безнадежнымъ отчаяніемъ въ испитыхъ лицахъ; ихъ худые, какъ скелеты, дѣти протягиваютъ къ нему руки; дальше выступаютъ приписные къ заводамъ крестьяне, обезземеленные уставной грамотой, составленной какимъ-то отчаяннымъ крючкотворомъ и докой; дальше слышатся стоны и вопли жертвъ его отца, Сашки Холостова, Стеши. Это темное прошлое давитъ его, и для себя лично онъ не воспользуется ничѣмъ изъ оставленнаго ему наслѣдства. На его совѣсти лежитъ историческій долгъ башкирамъ и приписному къ заводамъ, обезземеленному сорокатысячному крестьянскому населенію: заводы созданы на башкирскихъ земляхъ трудами крѣпостныхъ. Приваловъ намѣренъ разсчитаться съ своими историческими кредиторами.

Съ такимъ покаяннымъ настроеніемъ вполнѣ гармонируетъ его взгляды на экономическое развитіе Россіи. По его мнѣнію, русское заводское дѣло это «болѣзненный наростъ, который питается насчетъ здоровыхъ народныхъ силъ. Горное дѣло на Уралѣ создалось только благодаря безумнымъ привилегіямъ и монополіямъ, даровымъ трудомъ милліоновъ людей при несправедливѣйшей эксплоатація чисто національныхъ богатствъ... Уралъ со всѣми своими неистощимыми богатствами стоилъ правительству въ десять разъ дороже того, сколько онъ принесъ пользы... Системой покровительства заводскому дѣлу заводчикамъ навсегда обезпечены милліонные барыши, и все на заводахъ вертится черезъ третьи и четвертые руки, при помощи управителей, повѣренныхъ и управляющихъ». Съ другой стороны, эта система, вмѣсто развитія промышленности, «создала цѣлое поколѣніе государственныхъ нищихъ, которые, лежа на неисчислимыхъ сокровищахъ, едва пропитываютъ себя милостыней... И въ добавокъ—эти невѣроятныя жертвы правительства и въ будущемъ не принесутъ никакой пользы, потому что наши горные заводы всѣ до одного должны ликвидировать свои дѣла, какъ только правительство откажется вести ихъ на помочахъ. Стоитъ только отмѣнить правительству тарифъ на привозные металлы, оградить казенные лѣса отъ расхищенія заводчиками, обложить ихъ производительность въ той же мѣрѣ, какъ обложенъ трудъ всякаго мужика—и все погибнетъ сразу... вмѣсто развитія горной промышленности, мы загородили ей дорогу чудовищной монополіей». Чтобы вырваться изъ этой системы паразитизма заводчиковъ и нищенства

полумилліоннаго населенія, воспитываемой въ продолженіе полутораста лѣтъ, «нужны человѣческія усилія тѣмъ болѣе, что придется до основанія разломать уже существующія формы заводской жизни». Заводчики должны отдать свой историческій долгъ обобранному ими полумилліонному населенію и какъ можно скорѣе, «потому что на заводахъ въ недалекомъ будущемъ выработается настоящій безземельный пролетаріатъ, который будетъ похуже всякаго крѣпостнаго права».

Приваловъ самъ еще хорошо не знаетъ, въ какую форму выльется этотъ его разсчетъ съ историческими кредиторами. Для него это—дѣло будущаго. Теперь Шатровскіе заводы не свободны; разъ надъ ними опека и затѣмъ на нихъ громадный долгъ. Нужно сначала раздѣлаться съ опекой, затѣмъ поставить хорошо заводы, выплатить государственный долгъ, а тамъ, вдали, ему рисуется счастливая аркадія на мѣстѣ Шатровскихъ заводовъ, какъ поучительный примѣръ для всѣхъ другихъ заводчиковъ.

Это одна сторона его программы, за которую онъ держится по долгу, по обязанности. Онъ не любитъ заводскаго дѣла. Душа его лежитъ къ деревнѣ, къ земледѣльческой промышленности, которую онъ хочетъ спасти отъ нарождающейся буржуазіи, организовавъ пока торговлю продуктами этой промышленности на раціональныхъ основаніяхъ. Онъ намѣренъ построить мельницу, которая должна была служить началомъ его работъ въ этомъ отношеніи. Онъ знаетъ, что ему придется вступить въ борьбу съ организованной силой эксплоатаціи. На балѣ у Ляховскаго онъ познакомился съ представителями этой новой, молодой силы, обособившейся отъ прежняго купечества, «хотя до настоящаго барина этому полумужичью было еще далеко. Въ покроѣ платья, въ движеніяхъ, въ разговорѣ—вездѣ такъ и прорывалась настоящая крестьянская складка, которой ничто не могло вытравить. Были тутъ крупные хлѣбные коммерсанты, ворочавшіе милліонами пудовъ хлѣба ежегодно, были скупщики сала, пеньки, льняного сѣмени, были золотопромышленники, заводчики и просто крупные капиталисты, ворочавшіе банковскими дѣлами. Приваловъ съ глубокимъ интересомъ всматривался въ этотъ новый для него типъ, который создался и выросъ на нашихъ глазахъ, вмѣстѣ съ новыми требованіями, запросами и вѣяніями новой жизни... Онъ думалъ о томъ, что ему придется вступить въ борьбу съ этой всесильной кучкой. Вотъ его будущіе противники, а можетъ быть, и враги. Вѣрнѣе всего послѣднее. Но пока игра представляла закрытыя карты, и можно было только догадываться, у кого какая масть на рукахъ». Итакъ, у Привалова было двѣ цѣли—одна навязанная, другая—своя собственная.

Прежде всего нужно было вырвать поскорѣе заводы изъ рукъ присосавшихся къ нимъ опекуновъ. Приваловъ однако не торопится. Въ продолженіи двухъ недѣль по пріѣздѣ въ Узелъ, онъ никуда не выѣзжаетъ, кромѣ Бахаревыхъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Сюда

влекутъ не только дорогія воспоминннія дѣтства, но и старшая дочь Бахаревыхъ, Надя. Наконецъ, онъ рѣшается ѣхать къ опекунамъ. Авторъ шагъ за шагомъ описываетъ его дѣловые визиты къ Веревкинымъ, Половодовымъ, Ляховскимъ, въ подробностяхъ описываетъ строй этихъ семей и ту ловкую аферу, которую повели противъ него Половодовъ и дядюшка Оскаръ Шпигель, пріѣхавшій нарочно изъ Петербурга «удить золотую рыбку». Оказалось, что опекуны не дремлютъ. Сошлись два ловкихъ мошенника, Половодовъ и Шпигель, которые рѣшили прибрать заводы къ своимъ рукамъ при помощи самаго простого и вмѣстѣ геніальнаго мошенничества: объявивъ второго наслѣдника, формально не объявленнаго помѣшаннымъ, несостоятельнымъ по выданнымъ имъ векселямъ, вызвать, за устраненіемъ опекунства, назначеніе конкурса. Тогда всѣ наслѣдники дѣлаются пѣшками, а главный довѣренный отъ конкурса во всемъ будетъ зависѣть отъ одной дворянской опеки, которую легко купить. Приваловъ очутился жалкой игрушкой въ рукахъ этихъ дѣльцовъ безъ страха и упрека. Половодовъ игралъ имъ, какъ мальчикомъ: сначала сдѣлалъ его любовникомъ своей жены, а потомъ, страшась за свою шкуру, женилъ его на Зосѣ Ляховской, дочери другого опекуна, Ляховскаго. Пока Приваловъ хороводился сначала съ своей незаконной, а потомъ законной любовью, дядюшка Оскаръ успѣлъ выполнить планъ. Половодовъ назначенъ главнымъ довѣреннымъ отъ конкурса, т. е. чуть ли не полновластнымъ хозяиномъ заводовъ. Оставалось стричь золотого барашка. Въ первый же отчетный годъ обнаружилась громадная растрата. Половодовъ бѣжалъ за границу, а заводы для покрытія казеннаго долга министерство рѣшило пустить съ молотка. Ихъ купила какая-то компанія съ разсрочкой платежа въ 37 лѣтъ, т. е. немного больше, чѣмъ даромъ. «Кажется, вся эта компанія—подставное лицо, служащее прикрытіемъ ловкой чиновничьей аферы». Наслѣдники получили отступныхъ тысячъ сорокъ.

«— Всѣмъ по куску досталось,—негодовалъ Бахаревъ,—всѣ сорвали, а наслѣдниковъ ограбили! Отъ приваловскихъ милліоновъ даже дыму не осталось»...

Такъ разсчитался нашъ герой съ своими историческими кредиторами!

Посмотримъ теперь, камъ онъ спасаетъ крестьянство отъ нарождающейся буржуазіи. Онъ понимаетъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, что для осуществленія его плановъ нуженъ не одинъ человѣкъ, не два, а сотни и тысячи людей. Но онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти тысячи явятся и сдѣлаютъ то, чего онъ не успѣетъ или не съумѣетъ. Какъ первый опытъ борьбы, была построена мельница для крестьянскаго хлѣба и организована торговля мукой. Отъ крестьянскаго хлѣба отстранялись скупщики-эксплуататоры. «Работа закипѣла. Сотни подводъ ежедневно прибывали къ мельницѣ, сваливали зерно въ амбары и уступали мѣсто другимъ... Сотни рабочихъ были заняты на мельницѣ

переноской и перевозкой зерна, около зерносушилокъ и вѣялокъ, въ отдѣленіи, гдѣ вѣсили и ссыпали муку въ мѣшки... Черезъ недѣлю началась правильная отсылка намолотой муки въ Узелъ, гдѣ главный складъ при приваловскомъ домѣ. Приваловъ никогда не чувствовалъ себя такъ легко, какъ въ этотъ моментъ... Дѣло по хлѣбной торговлѣ пошло бойко въ гору. Приваловъ уже успѣлъ сбыть очень выгодно нѣсколько большихъ партій на заводы, а затѣмъ получилъ рядъ солидныхъ заказовъ отъ разныхъ торговыхъ фирмъ».

Разсчетъ и ожиданія оправдались скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Не доставало времени и рабочихъ рукъ. Приходилось вездѣ поспѣвать самому, чтобы поставить все дѣло сразу на твердую почву. Приваловъ увлекся осуществленіемъ своей идеи, думая найти въ ней суррогатъ разбитой личной жизни. Но вотъ онъ побывалъ на Ирбитской ярмаркѣ и тамъ ближе ознакомился съ той силой, съ которой думалъ бороться. «Ирбитъ— большое село въ обыкновенное время—теперь превратился въ какой-то лагерь, въ которомъ сходились представители всевозможныхъ государствъ, народностей, языковъ и вѣроисповѣданій. Это было настоящее ярмарочное море, въ которомъ тонулъ всякій, кто попадалъ сюда. Жажда наживы согнала сюда людей со всѣхъ сторонъ, и эта разноязычная и разноплеменная толпа отлично умѣла понять взаимные интересы, нужды и потребности. При первомъ ошеломляющемъ впечатлѣніи казалось, что катилось какое-то громадное колесо, вмѣстѣ съ которымъ катились и барахтались десятки тысячъ людей, оглашая воздухъ безобразнымъ стономъ». Въ ярмарочномъ театрѣ изъ своей ложи Приваловъ долго разсматривалъ размѣстившуюся въ креслахъ и стульяхъ публику; здѣсь размѣстилось все, что было именитаго на десятки тысячъ верстъ: московскіе тузы по коммерціи, сибирскіе промышленники, фабриканты, водочные короли, скупщики хлѣба и сала, торговцы пушниной, краснорядцы и т. д.

«— Картина,—говорилъ Nicolas, мотая головой въ партеръ.—Вотъ вамъ наша будущая буржуазія, которая тряхнетъ любезнымъ отечествомъ по своему... Силища, батенька, страшенная!..

«Приваловъ смотрѣлъ кругомъ взглядомъ посторонняго человѣка. Въ душѣ, тамъ, глубоко, образовалась какая-то особенная пустота, которая даже не мучила его: онъ только чувствовалъ себя частью этого громаднаго цѣлаго, которое шевелилось въ партерѣ, какъ тысячеголовое чудовище. Вѣдь, это цѣлое было неизмѣримо велико и влекло къ себѣ съ такой неудержимой силой... Вольготное существованіе только и возможно въ этой формѣ, а все остальное должно фигурировать въ пассивныхъ роляхъ. Даже злобы къ этому цѣлому Приваловъ не находилъ въ себѣ: оно являлось только колоссальнымъ фактомъ, который былъ правъ самъ по себѣ, въ силу своего существованія... Онъ машинально смотрѣлъ на сцену, гдѣ актеры казались куклами, па партеръ, на ложи, на раекъ. Къ чему? Зачѣмъ онъ здѣсь? Куда ему бѣжать отъ всей

этой ужасающей человѣческой нескладицы, бѣжать отъ самого себя? Онъ сознавалъ себя именно той жалкой единицей, которая служитъ только матеріаломъ въ какой-то сильной творческой рукѣ».

Еще раньше этихъ неудачъ, крушеній соціальныхъ идеаловъ началось паденіе нашего героя. Провинціальная тина постепенно затягивала его. Женитьба его была непоправимой ошибкой. Неудачи семейной жизни сильнѣе увлекали его въ этотъ омутъ: онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ клуба и завсегдатаемъ зеленаго стола, быстро входя во вкусъ клубной жизни. Измѣна жены была послѣдней каплею яда въ его личной жизни. Впереди оставалась еще надежда на то дѣло, которое было цѣлью его жизни. Поѣздка въ Ирбитъ разбила его послѣднюю иллюзію. Полное банкротство надеждъ, идеаловъ! Жизнь потеряла для него всякій смыслъ. Вернувшись съ ярмарки, Приваловъ съѣздилъ въ Гарчики, на мельницу, прожилъ тамъ съ недѣлю и вернулся въ Узелъ по послѣднему зимнему пути. Но и въ Узлѣ, и въ Гарчикахъ прежняго Привалова больше не было, а былъ совсѣмъ другой человѣкъ, котораго трудно было узнать: онъ не переставалъ пить послѣ Ирбитской ярмарки; въ Узлѣ онъ всѣ ночи проводилъ въ игорныхъ залахъ общественнаго клуба. Но, очевидно, ни въ винѣ, ни въ разсѣянной жизни онъ не нашелъ забвенія и сталъ думать о смерти—разомъ покончить всѣ счеты съ жизнью, освободиться отъ всѣхъ тяжелыхъ воспоминаній и непріятностей. «Для кого и для чего онъ теперь будетъ жить? Тянуть изо-дня въ день, какъ тянутъ другіе—это слишкомъ скучная вещь, для которой не стоитъ трудиться. Даже то дѣло, для котораго онъ столько работалъ, теперь какъ-то начинало терять интересъ въ его глазахъ. Онъ припомнилъ ирбитскую ярмарку, гдѣ лицомъ къ лицу видѣлъ ту страшную силу, съ которой хотѣлъ бороться. Его идея въ этомъ страшномъ и могучемъ хорѣ себялюбивыхъ интересовъ, безжалостной эксплоатаціи, организованнаго обмана и какой-то органической подлости жалко терялась, какъ послѣдній крикъ утопающаго».

Постараемся разобраться въ этой неудачной жизни, выяснить ея общественный смыслъ. Приваловъ очень сложная натура. Съ одной стороны, онъ представитель вырождающейся семьи. Онъ поступаетъ всегда какъ разъ наоборотъ съ своими собственными намѣреніями. Какая-то посторонняя сила властно вторгается въ его жизнь, отвлекаетъ его въ сторону отъ намѣченныхъ цѣлей, разстраиваетъ его планы и вмѣстѣ съ другими причинами доводитъ его до мрачнаго отчаянія. Онъ самъ сознаетъ непослѣдовательность въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Какая-то сила гнететъ и давитъ его. Эта сила—совокупность унаслѣдованныхъ имъ особенностей и признаковъ, гнѣздящихся въ его крови. Съ другой стороны, Приваловъ—практическій дѣятель въ духѣ народничества, мечтающій вырвать заводское населеніе изъ рукъ заводчиковъ и земледѣльческое—изъ когтей народив-

шейся буржуазіи. Эти стороны перемѣшались въ немъ самымъ причудливымъ образомъ. Пороки семьи отразились на немъ безхарактерностью и покаяннымъ настроеніемъ. Послѣднее служило удобной почвой для воспріятія народническихъ идей. Но практическое осуществленіе этихъ идей натолкнулось, между прочимъ, на безхарактерность Привалова. Онъ очутился жалкой игрушкой въ рукахъ кучки дѣльцовъ, которые играли на унаслѣдованныхъ имъ качествахъ. Та же безхарактерность и въ его борьбѣ съ деревенской буржуазіей. Первое, даже не столкновеніе, а простое знакомство съ этой новой силой—и онъ покорно сложилъ свое оружіе. Въ послѣднемъ счетѣ онъ жертва своего происхожденія.

Однако, это не просто страничка изъ исторіи рода Приваловыхъ, интересная только для антрополога. Маминъ даетъ нѣчто большее. Онъ отмѣчаетъ не только безхарактерность Привалова, но и утопичность его идеи. Привалову въ своей борьбѣ буквально не на что было опереться. Не было ни одного общественнаго слоя, который пошелъ бы за нимъ. Онъ былъ одинъ съ своей мечтой, а противъ него не только организованная сила хищничества, но и пассивное сопротивленіе массъ, какъ ясно понимаетъ Лоскутовъ. Онъ наглядно убѣдился въ полномъ безсиліи человѣка противъ стихійнаго процесса капиталистическаго развитія и почувствовалъ себя ничтожной частицей громаднаго цѣлаго, жалкимъ матеріаломъ въ какой-то всесильной творческой рукѣ, которая и привела его со всѣми его самыми возвышенными планами и блестящими утопіями къ одному общему знаменателю.

Подобная постановка вопроса очень характерна для Мамина. Честные и порядочные дѣятели, не захваченные стихійнымъ процессомъ капиталистическаго развитія, и просто честные люди, стоящіе въ сторонѣ отъ новой силы, являются въ романахъ Мамина не только одинокими, но кромѣ того больными, идіотами, выродками, слабовольными, вообще ненормальными. Такъ въ «Трехъ концахъ» Петръ Елисѣичъ Мухинъ съ Нюрочкой—единственно свѣтлыя точки во всемъ романѣ. Но самъ Мухинъ кончаетъ умопомѣшательствомъ, а по адресу его дочери Маминъ направляетъ слѣдующія слова, «наслѣдственность не знаетъ пощады, она въ крови, въ каждомъ волокнѣ нервной ткани, въ каждой органической клѣточкѣ, какъ отрава, какъ страшное проклятіе, какъ постоянный свидѣтель ничтожества человѣка и всего человѣчества». «Въ Горномъ гнѣздѣ» честныхъ людей только двое—Прозоровъ и Кормилицынъ, да и тѣ никуда не годятся: одинъ пьяница, другой—безхарактерный, слабый ребенокъ. Въ «Дикомъ счастьѣ» только «Божій человѣкъ» Зотушка стоитъ въ сторонѣ отъ охватившей всѣхъ жажды наживы. Въ романѣ «Золото» золотая лихорадка не миновала ничьей головы. На протяженіи всего романа глазу не на чѣмъ остановиться. Главный управляющій Карачунскій больше всѣхъ другихъ понимаетъ, что промысловое населеніе страдаетъ отъ недоста-

точнаго развитія капитализма, да и онъ ничего не можетъ подѣлать и въ концѣ-концовъ застрѣливается. Въ «Золотухѣ» полусумасшедшій и жалкій чудакъ Ароматовъ грезитъ о справедливомъ соціальномъ устройствѣ, о томъ времени, «когда всѣмъ будетъ хорошо». Вѣдь для осуществленія этихъ грезъ такъ немного нужно: стоитъ только написать «опытъ рѣшенія соціальнаго вопроса»... и поднести его просвѣщенному вниманію ликующей клики крупныхъ золотопромышленниковъ. И вотъ Ароматовъ съ дѣтской наивностью, униженно входитъ въ пьяную компанію золотопромышленниковъ и разыгрываетъ здѣсь роль паяца. Даже въ романѣ «Хлѣбъ», гдѣ авторъ выводитъ цѣлую кучку дѣятелей прогрессивно-оппозиціоннаго направленія, дѣйствительно дѣлающихъ свое маленькое, хорошее дѣло,—даже и здѣсь онъ поставилъ во главѣ этой кучки двоихъ—учителя Харченко, «золотушнаго, малорослаго субъекта, съ большой головой рахитика и кривыми ногами» и доктора Кочетова, безнадежнаго пьяницу, дошедшаго до помѣшательства. Та же перспектива сохранена и въ «Приваловскихъ милліонахъ»—безхарактерный, слабый, одинокій герой и всесильное хищничество. Настоящій сильный человѣкъ, Лоскутовъ стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, зарылся въ книги головой и кончаетъ сумасшествіемъ. Все это честное безсиліе и убожество только сильнѣе оттѣняетъ «пробойкость и прожорливость» всесильнаго хищничества, какъ природа у Мамина своимъ величіемъ оттѣняетъ общую пошлость и ничтожество царя природы *).

Но въ этомъ фактѣ есть и другая сторона. Маминъ не только оттѣняетъ силу хищничества, а даетъ нѣчто большее. Это не только художественный пріемъ, но и реальный фактъ, имѣющій глубокій общественный смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за странной была бы художественная манія—выставлять все злое, хищническое—сильнымъ, торжествующимъ, а все честное—безсильнымъ, слабымъ, больнымъ? И развѣ подобный художественный пріемъ можетъ что-нибудь если не доказать, то показать? Конечно, нѣтъ ничего легче показать непригодность той или иной программы, той или иной идеи, какъ отдать ея исполненіе въ руки неспособныхъ людей. Но развѣ это доказательство? Взять хотя бы того же Привалова. Онъ мечтаетъ вырвать горное населеніе изъ рукъ заводчиковъ и земледѣльческое изъ когтей буржуазіи,—ни больше, ни меньше, какъ отвести въ сторону русло стихійнаго историческаго развитія. Задача, поистинѣ, громадная, а ея исполнитель—безхарактерный, слабый мечтатель. Будь на его мѣстѣ сильный человѣкъ, онъ, по крайней мѣрѣ, спасъ бы свои заводы отъ рас-

---

*) Напротивъ, тамъ, гдѣ предметомъ изображенія Мамина не служитъ капиталистическій процессъ, какъ въ «Весеннихъ грозахъ» и въ романѣ «Безъ названія», выступаютъ исключительно честные и порядочные люди, съ своимъ маленькимъ, хорошимъ дѣломъ. Маминъ концентрируетъ тѣни и свѣтъ, мрачныя и свѣтлыя стороны жизни.

хищенія, а если бы задался, подобно Привалову, такими же широкими планами, то не отступилъ бы ни передъ какими препятствіями и скорѣе погибъ бы въ неравной борьбѣ, чѣмъ призналъ бы себя побѣжденнымъ. Отчего бы Мамину не вывести такого именно, «настоящаго» героя, надѣлить его если не всѣми, то необходимыми для его дѣятельности совершенствами человѣческой природы и поставить лицомъ къ лицу съ кучкой хищниковъ и дѣльцовъ? Своей энергіей онъ увлекъ бы массы и если бы не ввелъ ихъ въ счастливую аркадію, то, по крайней мѣрѣ, далъ бы сильный толчекъ по направленію къ этой счастливой странѣ. Вѣдь такіе люди всегда были, есть и будутъ, и подобная картина была бы вполнѣ реальной. Да зачѣмъ далеко ходить за примѣромъ? Тотъ же Лоскутовъ «могъ бы быть крупнымъ дѣятелемъ... Въ немъ есть эта цѣльность натуры, извѣстный фанатизмъ, словомъ, за такими людьми идутъ въ огонь и въ воду». А между тѣмъ онъ почему-то стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, а тряпка Приваловъ берется за непосильную задачу.

Да,—отвѣчаетъ Маминъ всѣми своими произведеніями,—въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, при другихъ условіяхъ,—эта картина была бы вполнѣ реальной. И Лоскутовъ былъ бы тамъ на своемъ мѣстѣ, и Кочетовъ, и Прозоровъ не спились бы съ кругу, и Галактіонъ Колобовъ нашелъ бы другое приложеніе своимъ крупнымъ силамъ. Но не забывайте, что мы въ Россіи и притомъ на далекой окраинѣ, на границѣ съ Азіей, и, кажется, толкуемъ объ общественномъ переустройствѣ въ интересахъ общественной правды... Общество и здѣсь перестраивается, но только совсѣмъ въ другомъ направленіи. Въ глубинахъ народныхъ массъ идетъ страшная ломка вѣковыхъ устоевъ. На смѣну старому идетъ новое, буржуазное общество. Хищникъ—самая характерная фигура современнаго періода. Онъ-то и есть «настоящій» герой даннаго момента и властно хозяйничаетъ на всей исторической сценѣ. Въ обществѣ идетъ глухая, подземная работа, сортировка человѣческихъ головъ по ихъ силѣ, энергіи, способностямъ, талантамъ. Все, что чѣмъ-нибудь выдѣляется изъ однородной, сѣрой массы, стягивается подъ знамя капитала. Все сильное, талантливое, выдающееся, стихійно тянетъ сюда: здѣсь идетъ самая спѣшная, горячая работа; здѣсь сходятся всѣ нити и всѣ средства самаго крупнаго дѣла—кореннаго измѣненія общественнаго строя. Все остальное остается въ тѣни: невѣжественная, инертная, эксплоатируемая масса; разрозненный, сдавленный, только формирующійся рабочій классъ; нестройные, сбитые съ толку, разнохарактерные слои «культурныхъ одиночекъ», оттертые отъ жизни и дѣла. Изъ-за мечтательной, невзрачной фигурки Привалова невольно встаетъ крупная фигура мистика по неволѣ, Лоскутова и безъ словъ говоритъ, что онъ «родился не въ свое время, ему негдѣ развернуться», что настоящаго честнаго дѣла у насъ пока нѣтъ.

Идеалистическіе, если можно такъ выразиться, «программные» эле-

менты въ міровоззрѣніи Мамина слабо представлены. Все его міровоззрѣніе, если только я вѣрно его понялъ и вѣрно изложилъ, отрицаетъ, по крайней мѣрѣ, въ данный историческій моментъ, возможность честной общественной дѣятельности, направленной на коренное измѣненіе общественнаго строя. Въ согласіи съ этимъ стоитъ та осторожность, съ которой, повидимому, онъ относится къ нѣкоторымъ теоріямъ, циркулирующимъ въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества. Такъ, въ романѣ «Весеннія грозы» Мамину представлялся прекрасный случай нарисовать блестящую картину дѣятельности интеллигенціи въ чисто народническомъ духѣ. Уволенный гимназистъ и впослѣдствіи народный учитель и вмѣстѣ съ тѣмъ сельскій хозяинъ и кузнецъ, поповичъ—Кубовъ,—эта оригинальная личность—могъ бы представить для него большой соблазнъ. Да и все общество—учительница, инспекторъ народныхъ школъ, священникъ, врачъ,—живущіе и работающіе въ деревнѣ, увлеченные этой жизнью и работой,—какую счастливую аркадію, какую идилистическую картину въ чисто народническомъ духѣ могъ бы нарисовать авторъ! Но онъ сохранилъ чувство дѣйствительности, чувство мѣры, и не увлекся фальшивой перспективой. Дѣйствующія лица—не доктринеры народники. Въ ихъ воззрѣніяхъ и дѣятельности нѣтъ ничего спеціально-народническаго. Это просто «хорошіе» люди, которыхъ тяготитъ пустая и нелѣпая жизнь глухого городка. Этимъ-то недовольствомъ, а не какими-нибудь вычитанными взглядами и объясняется ихъ тяга къ деревнѣ. Нѣкоторая идеализація, которую влагаетъ авторъ въ уста Кати, Огнева, Печаткина, Келькешоза,—относится не къ деревнѣ и ея порядкамъ, а къ тому хорошему дѣлу, которое манитъ ихъ къ себѣ изъ душной атмосферы города. Такъ, Катя мечтаетъ, что тамъ, въ деревнѣ «все другое, новое, здоровое, хорошее», «тамъ настоящая жизнь, настоящіе интересы», «главное-то заключается въ деревенской Россіи». Но вмѣстѣ съ тѣмъ она знаетъ, что «тамъ и настоящее горе, настоящая нужда, настоящая жизнь», въ сравненіи съ которой «всѣ наши культурныя горести—круглый нуль». И вотъ эта кучка интеллигентныхъ «хорошихъ» людей и желаетъ пролить лучъ свѣта въ эту темную среду, Катя учитъ дѣтей и лѣчитъ больныхъ, Огневъ, инспекторъ народныхъ школъ, Печаткинъ, врачъ,—каждый дѣлаетъ свое «маленькое, хорошее дѣло», какъ справедливо называетъ ихъ дѣятельность авторъ. Ни о какихъ «устояхъ» деревни нѣтъ и помину. Даже Кубовъ ни о чемъ больше не мечтаетъ, какъ только «основать образцовое хозяйство, какъ живой примѣръ для крестьянъ». Дѣйствующія лица романа заняты скорѣе рѣшеніемъ своего личнаго вопроса, а не соціальнаго. Даже тѣни соціальнаго вопроса не проходитъ передъ ними.

Та же осторожность и въ другомъ романѣ Мамина «Безъ названія». Главное лицо романа Окоемовъ предлагаетъ интеллигентному пролетаріату, который «растетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ», и жизненный вопросъ котораго «въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ

сводится на простое неумѣнье добыть себѣ черный кусокъ хлѣба», «здоровую и хорошую работу»,—устройство производительныхъ ассоціацій. «Наша компанія,—говоритъ онъ,—не рѣшеніе соціальнаго вопроса въ широкомъ смыслѣ этого слова, а только маленькій опытъ кучки людей, пожелавшихъ устроиться не по общему шаблону. Для меня лично самымъ дорогимъ было бы то, если бы наша компанія послужила примѣромъ для образованія другихъ». Это тоже «маленькое хорошее дѣло».

Но Окоемовъ вѣритъ, что изъ этого маленькаго дѣла выростетъ въ свое время громадное дѣло, подготовленное мелкой, кропотливой работой многихъ людей. «Жита по зернышку, горы наношены», мечтаетъ Огневъ. Можетъ быть, и Маминъ за одно съ ними вѣритъ, что какъ ни мрачно настоящее, какъ ни ужасно прошедшее, но коегдѣ, какъ свѣтлыя точки среди глубокаго ночного мрака, попадаются хорошіе люди съ хорошими, хотя и маленькими дѣлами, и что изъ этихъ дѣлъ въ свое время выростетъ настоящее большое честное дѣло, въ атмосферѣ котораго наши потомки будутъ счастливѣе насъ.

В. Альбовъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

(*Продолженіе* *).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

IX.

— Мнѣ хотѣлось бы,—сказала Сюзэта на другой день послѣ отъѣзда Нортвика,—устроить небольшой вечеръ съ танцами на будущей недѣлѣ. Луиза можетъ пріѣхать къ намъ денька на два, а вечеръ назначимъ въ четвергъ. Мы уже составили списокъ гостей их очень немного. Будетъ очень весело, какъ ты думаешь?

— Очень. А какъ ты думаешь, захочетъ придти мистеръ Уэдъ?— спросила Аделина.

Сюзэта улыбнулась.

— Мнѣ кажется, онъ придетъ. Я не подумала о немъ, когда мы составляли этотъ списокъ, но я не вижу причины, почему бы ему не придти.

— Я знаю,—сказала Аделина,—папѣ будетъ пріятно видѣть у насъ мистера Уэда. Онъ его ужасно полюбилъ.

— Мистеръ Уэдъ премилый,—равнодушно отвѣчала Сюзэта.—Мнѣ было бы жаль, еслибъ онъ не пришелъ.

Онѣ вышли изъ-за стола и отправились въ библіотеку переговорить на досугѣ объ этомъ танцовальномъ вечерѣ. Сюзэта чувствовала легкую дремоту отъ утомленія послѣ своей прогулки въ Бостонъ и вечера, проведеннаго большею частью на холодномъ воздухѣ. Отъ времени до времени она зѣвала и заявила, что пойдетъ спать. Затѣмъ разговорилась.

— Пригласишь ты кого-нибудь изъ Южнаго Гатборо?—спросила ея сестра.

— Миссисъ Мунгеръ со своими чадами и домочадцами?—сказала Сюзэта съ легкой презрительной улыбкой.—Не думаю, чтобы она внесла что-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

нибудь интересное въ нашъ кружокъ.—Затѣмъ прибавила совсѣмъ неожиданно:—Мнѣ кажется, я пошлю приглашеніе Джэку Уилмингтону.

Аделина вздрогнула и пристально посмотрѣла на сестру. Но молодая дѣвушка продолжала съ совершенно непроницаемымъ видомъ:

— Семейство Гилари знаетъ его. Моттъ Гилари былъ съ нимъ очень друженъ одно время. Да притомъ,—прибавила она, точно теперь только замѣтивъ значеніе взгляда Аделины,—я не хочу, чтобы Луиза думала, что между нами есть хоть какое-нибудь недоразумѣніе или ссора.

Аделина вздохнула съ облегченіемъ.

— Слава Богу, что только это. Я всегда боюсь, что ты...

— Снова примусь думать о немъ? Напрасно безпокоишься. Все былое прошло и быльемъ поросло.

— Нѣтъ,—продожала она такимъ тономъ, который самъ за себя говоритъ,—каково бы ни было мое чувство къ нему и что̀ бы оно ни сулило въ будущемъ, мистеръ Уилмингтонъ давно положилъ конецъ всему. Это былъ пустой капризъ съ моей стороны и ничѣмъ инымъ, я увѣрена, не могъ быть, если бы вопросъ былъ поставленъ категорически.

— Я рада, что тебѣ такъ кажется теперь, Сю,—сказала ея сестра,—но напрасно ты хочешь *меня* увѣрить, будто ты не была въ него страстно влюблена одно время. А если эта канитель опять начнется, то мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ сюда не являлся.

Сюзэта засмѣялась надъ тревогою старой дѣвы.

— Неужели ты воображаешь, что я такъ-таки упаду къ его ногамъ, прежде чѣмъ окончится вечеръ? Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось увидѣть его у своихъ ногъ хоть на одно мгновеніе, чтобы выслушать объясненіе его поведенія.

— Не вѣрю я, чтобы онъ былъ способенъ на гадкій поступокъ—вскричала Аделина.—Онъ просто безхарактерный человѣкъ.

— Прекрасно. Мнѣ бы хотѣлось знать, что̀ можетъ сказать мужчина въ оправданіе своей безхарактерности; а затѣмъ я бы сказала ему, что у меня есть тоже своя маленькая слабость и что я недостаточно сильна, чтобы вынести мужа, поступки котораго требуютъ объясненія.

— Ахъ, ты еще любишь его! Ни за что на свѣтѣ не допущу я, чтобы онъ пришелъ сюда послѣ того, какъ обошелся съ тобою!

— Не будь дурочкой, Аделина. Что у тебя за романтическія сантиментальности! Если бы ты была влюблена хоть разъ въ жизни, то знала бы, что это также переживается, какъ и все остальное. Пойдемъ посмотрѣть, хороша ли будетъ наша гостиная для танцевъ?

Она вскочила со стула и нажала пуговку электрическаго звонка у камина.

— Ты думаешь, что увлеченіе кончается только со смерью, однако никто не женится на предметѣ своей первой любви, и пропасть женщинъ выходитъ замужъ второй разъ.

Лакей показался въ дверяхъ и она быстро отдала ему приказаніе:

— Освѣтите гостиную, Джэмсъ, — затѣмъ вернулась къ своему разговору съ сестрою:—Нѣтъ, Аделина! Единственное, прочное, не умирающее чувство—презрѣніе. У *меня* его хватитъ на всю жизнь!

Аделина въ силу упрямой честности души и врожденной любви къ справедливости не могла не сказать:

— Не вѣрю, чтобы онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, Сю. Я увѣрена, онъ дѣйствовалъ только подъ вліяніемъ...

Сюзэта расхохоталась безъ малѣйшей горечи.

— О, да *ты* въ него влюблена! Ну, такъ, пожалуйста, возьми его себѣ, если только онъ когда-нибудь сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. А теперь пойдемъ взглянуть на гостиную.

Она подхватила Аделину за ея костлявую талію,—рука ея нащупывала каждое ребрышко,—и увлекла ее, танцуя, изъ библіотеки черезъ корридоръ въ бѣлую залу съ позолотой.

— Да,—сказала она, окинувъ внимательнымъ взглядомъ роскошную комнату,—тутъ будетъ великолѣпно. Танцовать будемъ прелестно... Да, вечеръ удастся отлично. Уфъ! уйдемъ, уйдемъ, уйдемъ отсюда скорѣе! Тутъ можно замерзнуть отъ холода!

Она побѣжала обратно въ теплую библіотеку, а сестра медленно послѣдовала за нею.

— А ты не думаешь,—замѣтила она, точно въ словахъ Сю что-то напомнило ей объ этомъ—что это будетъ черезчуръ скоро послѣ того, какъ маленькій мальчикъ миссисъ Ньютонъ...

— Ну, какъ это на тебя похоже, Аделина! Зачѣмъ ты объ этомъ вспомнила! Нѣтъ, конечно! вѣдь съ тѣхъ поръ пройдетъ почти цѣлая недѣля; да притомъ вѣдь онъ не родня намъ! Что за странныя мысли у тебя!

— Разумѣется, ты права,—согласилась ея сестра, сбитая съ толку презрительнымъ изумленіемъ Сю.

— Ужасно непріятно, что это случилось какъ разъ въ такое время!— сказала молодая дѣвушка, какъ бы раскаяваясь въ своей рѣзкости.— А когда его хоронятъ?

— Завтра, въ одиннадцать часовъ,—отвѣчала Аделина.

Она знала, что эгоизмъ Сю былъ скорѣе на словахъ; душой и сердцемъ она была несравненно добрѣе.

— Не безпокойся объ этомъ. Я скажу имъ, что ты нездорова, поэтому не можешь придти. Они поймутъ.

Она привыкла извиняться за Сюзету и эта материнская невинная выдумка, повидимому, ни крошки ее не смущала.

X.

На другой день утромъ, прежде чѣмъ сестра ея встала, Аделина пошла къ конюшнямъ, въ домъ кучера. У входа въ него она увидѣла мать умершаго ребенка.

— Войдите! — рѣзко сказала эта женщина, широко распахнувъ двери.—Вы, вѣроятно, пришли узнать, не можете ли вы сдѣлать что-нибудь для меня; всѣ спрашиваютъ у меня объ этомъ. Ну, такъ я вамъ прямо скажу: ничего мнѣ не нужно, такъ какъ вамъ его не воскресить. Я сегодня утромъ работала какъ всегда,—прибавила она. Изъ кухни, откуда она вышла чтобы принять свою гостью, слышалось шипѣнье чего-то жаренаго.—Намъ надобно ѣсть; намъ надобно жить.

Жена фермера вышла изъ комнаты рядомъ, гдѣ лежало тѣло малютки. Она была въ шляпкѣ и шали, точно собиралась уйти домой послѣ ночи проведенной безъ сна.

— Я ей говорила, что ему лучше тамъ, куда онъ ушелъ,—сказала она,—но она, кажется, не въ состояніи понять отрадное значеніе этой увѣренности.

— Какъ можете вы знать, что *тамъ* ему лучше?—спросила мать, гнѣвно набросившись на нее.—Меня выводятъ изъ терпѣнія такія нелѣпости. Кто станетъ заботиться о ребенкѣ тамъ, куда онъ ушелъ, больше, чѣмъ о немъ заботилась его мать? Не говорите такихъ глупостей, миссисъ Саундерсъ! Вы ничего не понимаете въ этомъ, никто изъ васъ не понимаетъ. Я могу перенести свое горе, да, во мнѣ есть силы, чтобы твердо смотрѣть въ лицо смерти, но мнѣ не надо никакихъ *утѣшеній*. Вы хотите повидать Элбриджда, миссъ Нортвикъ? Онъ, кажется, въ той комнатѣ, гдѣ хранится упряжь. Ему также не надо напоминать объ этомъ, иначе онъ совсѣмъ съ ума сойдетъ. Вотъ что... утѣшеній онъ не въ состояніи вынести. Я знаю, мужчины не говорятъ другъ о другѣ такихъ вещей, потому что они ужасно глупы!

Миссисъ Саундерсъ сдѣлала миссъ Нортвикъ знакъ сожалѣнія, указавъ глазами на миссисъ Ньютонъ, и сказала, что едва ли послѣдняя отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ рѣчахъ.

— Онъ все бранилъ меня, что я позволяла Арти бѣгать въ конюшню къ лошадямъ; но я знаю, онъ не сталъ бы безпокоиться черезчуръ по этому поводу...—сказала бѣдная мать. Вдругъ что-то въ лицѣ миссъ Нортвикъ, повидимому, остановило ея безумную рѣчь... Она спросила:

— Не позвать ли мнѣ его къ вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала Аделина,—я сама сейчасъ пройду къ нему.

Она знала дорогу изъ дома кучера въ конюшню. Она застала Элбриджа за смазываніемъ одной изъ принадлежностей конской сбруи. Онъ съ какимъ-то мрачнымъ вниманіемъ дѣлалъ свое дѣло и неохотно оставилъ его, чтобы взглянуть на нее.

— Элбриджъ,—спросила она,—вы отвозили отца на желѣзную дорогу вчера утромъ?

— Точно такъ, барышня.

— Сказалъ онъ вамъ когда вернется?

— Да, онъ говорилъ, что навѣрно незнаетъ когда. А я понялъ такъ—денька черезъ два.

— Не располагалъ-ли онъ побывать гдѣ-нибудь, кромѣ Понкуассэта?

— Нѣтъ, барышня, мнѣ онъ ничего объ этомъ не говорилъ.

— Тутъ ошибка; разумѣется, я такъ и знала, что это ошибка. Вѣдь на свѣтѣ не одинъ Нортвикъ.

Она засмѣялась слегка истерическимъ смѣхомъ. Въ рукахъ у нея была газета, которая заколебалась отъ охватившей ее нервной дрожи.

— Что случилось, миссъ Нортвикъ?—спросилъ Элбриджъ; тревога, звучавшая въ ея голосѣ, нашла откликъ въ тревогѣ его собственнаго сердца. Онъ остановился, мазнувъ жирною губкой постромку, что̀ держалъ въ рукѣ, и круто обернулся къ ней.

— О, ничего. На соединительной и главной линіяхъ желѣзной дороги случилось несчастіе... разумѣется, тутъ ошибка.

Она протянула ему газету свернутую на столбцѣ, который она хотѣла ему показать, онъ взялъ ее кончиками пальцевъ чтобы какъ можно меньше ее запачкать, и сталъ читать. Она продолжала говорить.

— Онъ не могъ быть на этомъ поѣздѣ, если былъ въ Понкассэтѣ. Мнѣ подали газету, какъ только я сошла внизъ; но я прочитала отчетъ объ этомъ только теперь. А затѣмъ я подумала, пойду и узнаю, что сказалъ вамъ отецъ о своей поѣздкѣ. Онъ говорилъ намъ, что побываетъ также на заводѣ и...

Голосъ ея становился все болѣе и болѣе задумчивымъ и вдругъ оборвался: она словно окаменѣла, замѣтивъ безконечно пораженный видъ Элбриджа, пробѣжавшаго полстолбца сенсаціонныхъ заглавій, а затѣмъ прочитавшаго ниже скудныя подробности депеши съ добавленіями въ двойной передовицѣ.

Было напечатано, что курьерскій поѣздъ Сѣверной дороги пришелъ на станцію Уэлуотеръ, гдѣ скрещиваются Союзная и Главная линіи. съ опозданіемъ на нѣсколько часовъ и, простоявъ здѣсь, по обыкновенію соединился съ Бостонскимъ поѣздомъ, отправлявшимся на Монрэаль, въ Соединенные Штаты и Канаду, затѣмъ, выйдя со станціи Уэлуотеръ, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. «Страшно натопленная печь поработала» при крушеніи и много людей погибло отъ пожара, особенно въ вагонѣ-гостиной. Невозможно было дать полный списокъ убитыхъ и раненыхъ, но личность нѣсколькихъ тѣлъ могла быть установлена. Въ числѣ именъ пассажировъ, занимавшихъ вагонъ Пулмана, значилось имя Т. У. Нортвика изъ депеши, полученной кондукторомъ въ Уэлуотерѣ, въ которой заключалась просьба удержать мѣсто у этого пункта въ Монрэаль.

— Не онъ это, я знаю, что не онъ, миссъ Нортвикъ,—сказалъ Элбриджъ. Прежде чѣмъ возвратить ей газету, онъ еще разъ пробѣжалъ ее.—Пропасть людей носятъ одну и ту же фамилію, это меня ничуть не заботитъ, да и первыя двѣ буквы имени не его.

— Нѣтъ,—промолвила она въ раздумьи;—но мнѣ непріятно, что фамилія одна и та же.

*

— Ну ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь. А такъ какъ начальныя буквы имени не его, притомъ вы знаете, что вашъ отецъ здравъ и невредимъ на заводѣ, то и безпокоиться вамъ не слѣдуетъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Аделина.—Вы хорошо помните, что онъ говорилъ вамъ о поѣздкѣ на заводъ?

— Да вѣдь онъ же сказалъ *вамъ* объ этомъ? Мнѣ не вспомнить, что именно онъ сказалъ мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ насчетъ той записки, что оставилъ для меня, въ которую были вложены деньги для похоронъ...

Элбриджъ остановился на минуту; потомъ продолжалъ:

— Онъ сказалъ, что пришлетъ телеграмму, съ какимъ поѣздомъ мнѣ его встрѣтить... Да что же это я, чортъ побери! Должно, я совсѣмъ съ ума спятилъ. Мы можемъ рѣшить въ какіе-нибудь полчаса времени... по большей мѣрѣ въ часъ, либо въ два... и нечего вовсе безпокоиться Телеграфирую на заводъ и узнаю, тамъ онъ или нѣтъ.

Онъ бросилъ сбрую, подошелъ къ телефону и вызвалъ къ аппарату телефонистку станціи Западной Союзной линіи. По обыкновенію, послѣ повторенныхъ усилій дать ей понять, кто онъ и что ему надо отъ нея, ему наконецъ удалось передать ей депешу въ Понкуассэтъ, въ которой онъ спрашивалъ: находился ли Нортвикъ на заводѣ?

— Сдѣлано!—сказалъ онъ.—Я увѣренъ, что такимъ манеромъ мы узнаемъ, что все благополучно. И я самъ принесу вамъ отвѣтъ, миссъ Нортвикъ.

— Какъ я зла на себя, что безпокою васъ своими глупыми страхами, когда...

— Пожалуйста, не огорчайте себя,—успокоилъ ее Элбриджъ.—Кажется, если бы весь міръ сгорѣлъ, и то хуже не будетъ для меня.

Она постояла и прибавила:

— Не знаю, зачѣмъ бы ему понадобилось быть на этомъ поѣздѣ, а вы что̀ думаете объ этомъ?

— Нѣтъ, его тамъ совсѣмъ не было. Вы узнаете это.

— Пойдутъ непріятные толки и пересуды,—сказала она. Несостоятельность серьезной тревоги вызвала безпокойныя мысли меньшей важности.—Всѣ начнутъ ломать себѣ голову, не объ отцѣ ли тутъ рѣчь, и намъ придется ихъ разувѣрять.

— Ну такъ что жъ, вѣдь куда хуже было бы сказать имъ, что это онъ,—возразилъ Элбриджъ, возвращаясь къ своей врожденной сухости обращенія.

— Правда,—согласилась Аделина.—Не говорите никому объ этомъ, пока не узнаете всего.

Онъ не отвѣтилъ ей ни слова и она знала, что это было знакомъ его повиновенія. Она спрятала газету въ карманъ, точно желая скрыть отъ всего остального міра извѣстіе, заключавшееся въ ней.

Она не будила Сюзэты, давъ ей проспать до поздняго утра послѣ утомительно проведеннаго дня въ Бостонѣ и волненій, вызванныхъ ихъ

вечернимъ разговоромъ, которыя,—она догадывалась,—помѣшали молодой дѣвушкѣ заснуть во-время. Сочувственное невѣріе Элбриджа утѣшило и ободрило—если не убѣдило—ее, и она, насколько это было для нея возможно, терпѣливо ждала отвѣта съ завода. Если отецъ ея тамъ, все обстоитъ благополучно. Не было ни малѣйшаго основанія предполагать, что онъ находился въ этомъ поѣздѣ; не могло быть у ея отца ничего общаго съ этимъ Т. У. Нортвикомъ въ сгорѣвшемъ вагонѣ. Вѣдь это не его имя и не то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ находиться.

XI.

Произошла какая-то задержка въ телеграфномъ и телефонномъ сообщеніи между Гатборо и Понкуассэтомъ и Аделинѣ пришлось пойти на похороны, не получивъ отвѣта на телеграмму, отправленную Элбриджемъ. Подъ наружнымъ участіемъ къ погребальной процессіи и къ огорченнымъ родителямъ умершаго ребенка она внутренно терзалась попеременно надеждой и страхомъ; ее осаждали тревожныя сомнѣнія, безпрестанно отвергаемыя ею путемъ разсудочныхъ доказательствъ; она увѣряла себя въ нелѣпости своихъ опасеній и черезъ минуту теряла эту самоувѣренность. Двойное напряженіе такъ сильно росшатало ея измученные нервы, что по окончаніи печальнаго обряда она послала пастору записку и жалобно попросила его поѣхать съ нею домой.

— Вы, кажется, нездоровы, миссъ Нортвикъ?—спросилъ онъ, взглянувъ въ ея смущенное лицо и усаживаясь возлѣ нея въ крытыя сани.

— О, да,—отвѣчала она, и, откинувшись на подушку, зарыдала.

— Горе бѣдной миссъ Ньютонъ очень тяжело видѣть, — сказалъ онъ мягко со своей обычной ясной улыбкой; затѣмъ прибавилъ, словно желая отвлечь сочувствіе миссъ Нортвикъ отъ меньшаго огорченія, которое мы испытываемъ къ горю своихъ ближнихъ, къ горю вообще:

— Это былъ для нея ужасный ударъ... такъ неожиданно потерять своего единственнаго ребенка.

— Охъ, я не объ этомъ...—откровенно призналась Аделина.—Читали ли вы... утреннюю газету?

— Ее подали мнѣ,—отвѣчалъ пасторъ,—но въ виду предстоявшей мнѣ обязанности, я отложилъ ея чтеніе. Развѣ тамъ есть что-нибудь особенное?

— Нѣтъ, ничего. Только... только...

Аделина была не въ силахъ разстаться съ ужаснымъ листкомъ и вынула его изъ бокового кармана экипажа.

— На желѣзной дорогѣ произошло несчастіе,—начала она увѣреннымъ голосомъ, но усилія сломили ее.—Я хотѣла, чтобы вы прочитали... прочитали...

Она смолкла и протянула ему газету.

Онъ взялъ ее, пробѣжалъ отчетъ объ этомъ желѣзнодорожномъ случаѣ и тотчасъ же приступилъ къ мучившему ее вопросу, что само по себѣ было въ нѣкоторомъ родѣ успокоеніемъ.

— Да развѣ у васъ есть какое-нибудь основаніе думать, что вашъ отецъ былъ въ этомъ поѣздѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчала она, ободренная его словами,—вотъ въ этомъ-то и заключается необъяснимая сторона случившагося. Вчера утромъ онъ отправился на заводъ и никоимъ образомъ не могъ попасть на этотъ поѣздъ. Только имя...

— Это совсѣмъ не его имя,—замѣтилъ Уэдъ съ кроткимъ спокойствіемъ, какъ бы не допуская даже возможности такого смѣшенія.

— Нѣтъ,—сказала Аделина, страстно хватаясь за эти утѣшительныя слова,—я увѣрена, что онъ на заводѣ. Элбриджъ послалъ телеграмму узнать, тамъ ли онъ, но, должно быть, что-нибудь случилось съ телеграфомъ. Мы не получили отвѣта до похоронъ; по крайней мѣрѣ, онъ не принесъ мнѣ отвѣта. И мнѣ ужасно непріятно обращаться къ нему послѣ...

— Вѣроятно, онъ еще не получилъ отвѣта,—сказалъ пасторъ успокоительнымъ тономъ,—а когда нѣтъ извѣстій, вы знаете, это хорошій признакъ. Но не лучше ли намъ прямо проѣхать на станцію и узнать, не было ли отвѣтной телеграммы...

— О, нѣтъ, я не могу!—нервно вскричала Аделина.—Отвѣтъ пришлютъ по телефону Элбриджу. Пожалуйста, если у васъ нѣтъ спѣшныхъ занятій, поѣдемъ къ намъ; останьтесь у насъ пока...

— О, съ большимъ удовольствіемъ!

Дорогою молодой пасторъ заговорилъ съ нею объ этомъ несчастномъ происшествіи. Онъ не увѣрялъ, что отцу ея было невозможно находиться въ этомъ поѣздѣ, но настоятельно доказывалъ крайнюю невѣроятность такого факта. Элбриджъ быстро проѣхалъ съ женою мимо нихъ въ крытыхъ санкахъ Симпсона, которыя по приказанію Аделины были предоставлены въ ихъ распоряженіе въ день похоронъ. А когда она вошла въ домъ, Элбриджъ уже ждалъ ее здѣсь. Онъ сразу заговорилъ:

— Миссъ Нортвикъ, я думаю только, что отца вашего что-нибудь задержало въ Спрингфильдѣ. Онъ говорилъ со мною на прошлой недѣлѣ насчетъ тамошнихъ лошадей...

— Развѣ онъ не на заводѣ?—рѣзко спросила она.

Элбриджъ перевернулъ въ рукѣ шляпу, прежде чѣмъ рѣшился взглянуть на нее.

— Ну, да, его тамъ не было, только...

Аделина не произнесла ни единаго звука и упала на полъ, какъ падаетъ водяной столбъ.

Послѣдовавшій затѣмъ смѣшанный шумъ движенія и голосовъ привлекъ Сюзэту, сидѣвшую въ библіотекѣ. Она подошла къ дверямъ

съ книгою въ рукѣ и съ удивленіемъ заглянула въ переднюю, гдѣ произошла вышеописанная сцена.

— Что такое случилось?—спросила она съ изумленіемъ при видѣ Элбриджа, поднимавшаго что-то съ полу.

— Не пугайтесь, миссъ Сюзэта,—сказалъ мистеръ Уэдъ,—съ вашей сестрой, кажется, легкій обморокъ и...

— Здѣсь ужасная духота!—вскричала молодая дѣвушка, подбѣжавъ къ двери и распахнувъ ее настежъ.—Я задыхаюсь, когда вхожу сюда съ свѣжаго воздуха. Сейчасъ я принесу воды.—Она исчезла и въ одно мгновеніе вернулась назадъ; она наклонилась надъ Аделиной, чтобы смочить ей лобъ и виски. Струя свѣжаго воздуха понемногу оживила ее. Она открыла глаза, а Сюзэта строго сказала:

— Что это съ тобой приключилось, Аделина?

Такъ какъ Аделина не отвѣчала, Сюзета продолжала:

— Мнѣ кажется, она еще не пришла въ себя. Перенесемъ ее въ библіотеку на кушетку.

Соединенными усиліями она и молодой пасторъ подняли и перенесли Аделину на кушетку. Сюзэта приказала Элбриджу, безпомощно торчавшему тутъ же, позвать кого-нибудь изъ женской прислуги. Онъ послалъ горничную и больше не возвращался.

Аделина не сводила глазъ съ сестры, точно страшась ее. Когда она оправилась настолько, что могла заговорить, она обратила глаза свои на пастора и сказала ему сухимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Скажите ей.

— Сестра ваша немного испугалась,—началъ онъ, глядя своими кроткими глазами въ глаза молодой дѣвушки; онъ продолжалъ наносить ей боль, какую должны причинять священники и врачи.

— Въ утренней газетѣ напечатанъ отчетъ о несчастьѣ, случившемся на желѣзной дорогѣ, и между пассажирами... погибшими... былъ одинъ, по имени Нортвикъ...

— Но, вѣдь, папа на заводѣ!

— Сестра ваша телеграфировала передъ похоронами для своего успокоенія... и получился отвѣтъ, что его... нѣтъ тамъ.

— Гдѣ газета?—спросила Сюзэта, съ какимъ-то надменнымъ недовѣріемъ.

Сюзэта взяла ее и отошла съ нею къ одному изъ оконъ. Она стоя читала отчетъ о происшествіи, а сестра ея наблюдала за нею, дрожа отъ страстнаго ожиданія ея поддержки

— Какая нелѣпость! Это не папино имя, да и не могъ онъ быть въ этомъ поѣздѣ. Зачѣмъ бы понадобилось ему ѣхать въ Монрэаль въ это время года, желала бы я знать? Это просто смѣшно!

Сюзэта бросила газету на полъ и вернулась къ нимъ обоимъ.

— Я считалъ это крайне невѣроятнымъ...—началъ было Уэдъ.

— Но гдѣ же могъ онъ находиться,—слабо замѣтила Аделина,—если его не было на заводѣ?

— Вездѣ, гдѣ угодно, исключая Уэлуотэрской станціи, — презрительно отвѣчала Сюзэта.—Можетъ быть, онъ остановился въ Спрингфильдѣ или...

— Да,—согласилась Аделина,—то же самое подумалъ и Элбриджъ.

— Или можетъ быть онъ проѣхалъ на станцію Уилугби.

— Правда, — сказала она позволяя себѣ немного ободриться, — вѣдь, онъ говорилъ, что хочетъ продать свою часть въ тамошнихъ каменоломняхъ и...

— Разумѣется, онъ тамъ,—рѣшительно объявила Сюзэта.—Если бы онъ поѣхалъ куда нибудь дальше, онъ извѣстилъ бы насъ объ этомъ телеграммой. Онъ всегда былъ очень внимателенъ къ намъ. Я ни крошечки не безпокоюсь, совѣтую и тебѣ, Аделина, не разстраивать себя по-пусту. Когда прочитала ты эту газету?

— Когда сошла внизъ къ утреннему завтраку,—спокойно отвѣчала Аделина.

— И я увѣрена, ты ничего не ѣла до сихъ поръ?

Молчаніе Аделины послужило признаніемъ.

— Вотъ что я думаю, намъ всѣмъ теперь надобно *закусить*,—рѣшила Сюзэта.

Она подошла къ камину и нажала пуговку звонка.

— Вы позавтракаете съ нами, мистеръ Уэдъ, не правда ли? Дайте намъ сейчасъ же закусить, Джэмсъ, — приказала она лакею, явившемуся на звонокъ.—Разумѣется, вы должны остаться, мистеръ Уэдъ, и помочь Аделинѣ прійти въ себя.

Она снова прикоснулась къ звонку, а когда показался лакей—«сани мои, Джэмсъ, немедленно»,—приказала она.

— Я отвезу васъ домой, мистеръ Уэдъ, по пути на станцію. Разумѣется, я не хочу оставить ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ этого глупаго переполоха. Я думаю, нетрудно узнать, гдѣ папа. Гдѣ этотъ желѣзнодорожный путеводитель? Вѣроятно, папа унесъ его къ себѣ наверхъ.

Она убѣжала наверхъ и вернулась съ книгой въ рукѣ.

— Теперь посмотримъ. По моему, онъ не могъ застать ни одного поѣзда въ Спрингфильдѣ, гдѣ ему пришлось бы пересѣсть на другую линію, чтобы проѣхать на заводъ, и такимъ образомъ ему пришлось бы миновать станцію скрещенія дорогъ въ этотъ часъ прошлой ночью. Курьерскій поѣздъ приходитъ изъ Бостона...

Она остановилась и пробѣжала росписаніе поѣздовъ.

— Ну, онъ *могъ* застать тотъ поѣздъ, который соединяется съ бостонскимъ на станціи скрещиванія дорогъ. Но это предположеніе вовсе не доказываетъ, что онъ это сдѣлалъ.

Она продолжала говорить, осмѣивая малѣйшій намекъ на такую мысль, и вдругъ опять позвонила лакея.

— Развѣ еще не готовъ завтракъ?—рѣзко спросила она.—Въ та-

комъ случаѣ подайте чай сюда. Я еще разъ телеграфирую на заводъ и пошлю телеграмму мистеру Гилари въ Бостонъ. Ему будетъ извѣстно, если папа уѣхалъ куда-нибудь далѣе. Позавчера у нихъ было собраніе совѣта, и папа отправился на заводъ неожиданно. Я пошлю также депешу на Понкуассэтскую соединительную станцію. Можешь быть спокойна, Аделина, я не вернусь домой, пока не узнаю чего-нибудь достовѣрнаго.

Принесли чай, и Сюзэта сама передавала чашки; ни разу нервы не измѣнили ей, руки ея не дрожали. Но она ужасно торопилась и при звукѣ саночныхъ бубенчиковъ поставила на столъ свою чашку, не прикоснувшись къ ней.

— Охъ, неужели ты хочешь увести мистера Уэда?—спрашивала Аделина слабымъ голосомъ.—Останьтесь, пока она вернется!—обратилась она къ нему съ мольбой.

Сюзэта съ минуту была въ нерѣшительности, затѣмъ взглянувъ на мистера Уэда рѣзко засмѣялась.

— Хорошо!—сказала она.

Она побѣжала въ переднюю и наверхъ, и черезъ минуту они снова услышали ея шаги внизу. Наружная двень захлопнулась за нею и затѣмъ зазвенѣли бубенчики отъѣзжавшихъ саней.

За завтракомъ старшая сестра немного оправилась и ѣла, какъ человѣкъ, на время сбросившій съ себя бремя тяжелаго волненія.

— Сестра ваша очень энергичный человѣкъ,—сказалъ пасторъ, повидимому, слегка смущенный этимъ запасомъ энергіи.

— Она ни за что бы не показала, что безпокоится. Но я отлично знаю, что она встревожена, по той манерѣ, какъ она говорила и каждую минуту за что-нибудь хваталась. А теперь, если бы она не отправилась телеграфировать, она бы... Я не должна задерживать васъ здѣсь долѣе, мистеръ Уэдъ,—прервала она вдругъ самое себя, ощутивъ ту физическую силу, которую придала ей пища. — Въ самомъ дѣлѣ, я не должна этого дѣлать. Не слѣдуетъ вамъ безпокоиться обо мнѣ. Я теперь буду молодцомъ. Да, буду!

Она просила его оставить ее, но онъ ясно видѣлъ, что, въ дѣйствительности она вовсе не желала, чтобы онъ ушелъ, и только почти черезъ часъ послѣ отъѣзда Сюзеты онъ ушелъ изъ ихъ дома. Онъ не хотѣлъ, чтобы она приказала отвезти его домой, и пѣшкомъ прошелся по деревни въ этотъ тихій, солнечный, холодный, зимній день. Онъ шелъ и думалъ о тонѣ презрѣнія, съ которымъ эта молодая дѣвушка отвергла всякую мысль о томъ, что ее могло коснуться несчастіе, считая эту мысль чѣмъ-то заслуживающимъ гнѣва и осмѣянія. Казалось, будто она пошла прослѣдить бѣду у ея источника и «помѣряться» съ нею тамъ; растоптать самонадѣянную молву и уничтожить ее.

Не успѣлъ онъ дойти до вершины холмовъ, за которою лежала деревня, какъ услыхалъ звяканіе бубенчиковъ. Показались сани, запря-

женные парой. Лошади мчались прямо на него, слегка сдерживая свой бѣгъ тѣмъ красивымъ вскидываніемъ копытъ, которое вы можете уловить только при такой неожиданной встрѣчѣ. Онъ отступилъ на боковую тропинку и услыхалъ голосъ миссъ Сю Нортвикъ. Она крикнула на лошадей и, подобравъ возжи, остановила ихъ. Она такъ же страстно любила лошадей, какъ ея отецъ, и эта пара маленькихъ сѣрыхъ лошадокъ вмѣстѣ съ красивыми санями были его подаркомъ. Человѣкъ, отвозившій ее на станцію, сидѣлъ позади экипажа. Въ саняхъ возлѣ Сюзэты сидѣла другая молодая лэди, которая протянула мистеру Уэду руку поверхъ блестящей медвѣжьей полости съ самымъ привѣтливымъ видомъ. Она засмѣялась, замѣтивъ его удивленіе при видѣ ея. Пока они говорили, сѣрыя лошади, съ коротко подстриженными хвостами и гривою, нетерпѣливо подымали и опускали свои переднія копыта въ снѣгъ, словно ощупывая его. Онѣ вбирали свѣжій воздухъ широкораздутыми ноздрями и выпускали его клубами бѣлаго пара.

Сюзета объяснила присутствіе своей подруги въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Луиза прочитала разсказъ объ этомъ приключеніи и попросила своего брата привезти ее сюда. Они думаютъ то же, что́ и я,—что все это пустяки. Въ одной изъ газетъ стоитъ имя «Нордекъ». Но мы оставили мистера Гилари на станціи; онъ привелъ въ дѣйствіе телеграфъ и телефонъ по всѣмъ направленіямъ и не прекратитъ своихъ разспросовъ, пока не добьется чего-нибудь положительваго. Теперь онъ обратился въ Уэлуотэръ.

Все это она высказала очень надменнымъ тономъ, но затѣмъ прибавила:

— Одного я не могу понять, почему моего папы не было на заводѣ? Вчера кто-то справлялся тамъ о немъ.

— Вѣроятно, онъ пріѣхалъ на станцію Уилугби, какъ вы полагали.

— Разумѣется, онъ поѣхалъ туда,—сказала Луиза.—Мы еще не получили отвѣта оттуда.

— О, я ни крошечки не безпокоюсь,—увѣряла Сю,—но, конечно, это можетъ вывести изъ терпѣнія.

Она приподняла возжи.

— Я спѣшу домой, чтобы разсказать все Аделинѣ.

— Она будетъ очень рада, — отвѣчалъ Уэдъ, точно увѣренный заранѣе, что она принесетъ съ собою добрыя вѣсти.—Я, кажется, пройду къ Матту на станцію,—обратился онъ къ Луизѣ.

— Пожалуйста!—отвѣчала она.—Навѣрно, вы оба придумаете что-нибудь хорошенькое. Маттъ будетъ такъ же радъ вашему приходу, какъ моему отъѣзду. Мы пріѣхали сюда, дума успокоить Сю, но, повидимому, я здѣсь совершенно лишняя.

— Ты можешь успокоить Аделину, — возразила Сю. Затѣмъ она

прибавила, обратившись къ Уэду,—я все думаю, какъ моему папѣ будетъ непріятенъ весь этотъ шумъ и гамъ по поводу его личности. По временамъ я сержусь на Аделину. Прощайте!

Отъѣхавъ немного, она подозвала его снова и остановила лошадей.

— Не зайдете ли къ намъ съ мистеромъ Гилари, когда узнаете что-нибудь достовѣрное?

Уэдъ обѣщалъ зайти и они еще разъ обмѣнялись прощальными привѣтствіями съ бодрымъ, рѣшительнымъ видомъ.

XII.

Исторія эта смѣшивалась съ воспоминаніемъ о чаѣ и завтракѣ и теперь вызывала мысль о веселомъ возвращеніи въ домъ Нортвика и о нѣсколькихъ новыхъ часахъ въ этомъ пріятномъ обществѣ милыхъ и умныхъ женщинъ, которое Уэдъ любилъ почти такъ же сильно, какъ любилъ правду Божію. Онъ зналъ, что на свѣтѣ есть такая неизбѣжная вещь, какъ смерть; онъ уже нерѣдко глядѣлъ въ ея странное, спокойное лицо; онъ даже сегодня стоялъ у свѣже разрытой могилы. Но въ эту минуту его молодость отрицала власть смерти совершенно и онъ несся по тяжелой дорогѣ, думая о гордой красотѣ Сюзеты Нортвикъ и о прелестномъ личикѣ Луизы Гилари. Какъ это было похоже на нее, прійти сейчасъ же къ своей подругѣ въ минуту этой мучительной тревоги. Онъ вѣрилъ, что она найдетъ въ себѣ силу, которая поможетъ ей перенести самое худшее, то худшее, что казалось теперь такимъ далекимъ и невѣроятнымъ.

Онъ не засталъ Матта Гилари на станціи. Но быстро пройдя вплоть до наружной платформы, Уэдъ замѣтилъ его неподалеку отъ нея, между двумя рельсами: Маттъ Гилари внимательнымъ взоромъ слѣдилъ за группою рабочихъ, которые были заняты укладкою новыхъ рельсовъ вмѣсто испортившихся.

— Маттъ! — позвалъ его Уэдъ; Маттъ обернулся и отвѣтилъ: «А, это ты, Карилъ!»—протянулъ ему разсѣянно руку, а самъ продолжалъ улыбаясь смотрѣть на рабочихъ. Нѣсколько человѣкъ держали рельсы въ надлежащемъ положеніи, а одинъ изъ нихъ вколачивалъ гвозди для прикрѣпленія рельсъ къ шпалѣ. Онъ вбивалъ гвозди съ изящной аккуратностью широкими, смѣлыми, равномѣрными взмахами своего молотка.

— Превосходно! Не правда ли? — сказалъ Маттъ.—Всякій разъ, какъ мнѣ приходится наблюдать ручной трудъ, даже тѣ его виды, которые низведены на степень животной силы и деморализованы благодаря ихъ ассоціаціи съ машинами, я думаю, насколько еще мало у искусствъ необходимыхъ способовъ и орудій. Если бы какой-нибудь скульпторъ могъ этимъ проникнуться, какой бы великолѣпный барельефъ онъ могъ создать!

Онъ отвернулся, чтобы снова наблюдать рабочихъ: въ разнообразіи ихъ небрежныхъ позъ, въ сосредоточенномъ вниманіи, съ которымъ они дѣлали свое дѣло, несмотря на ихъ грубую одежду, чувствовались красота и грація, облагораживавшія эту картину тяжелаго труда.

Когда Маттъ, наконецъ, повернулся къ своему другу, лицо его освѣтилось ясною улыбкою. Уэдъ, знавшій его уравновѣшенный умъ и его философскія воззрѣнія, былъ введенъ въ заблужденіе этимъ наружнымъ спокойствіемъ.

— Итакъ ты не раздѣляешь тревожныхъ сомнѣній миссъ Нортвикъ насчетъ ея отца?—началъ онъ, словно Маттъ былъ занятъ именно этимъ дѣломъ и уже успѣлъ высказать ему, почему оно не внушаетъ ему безпокойства.—Узналъ ты уже что-нибудь? Да нѣтъ, разумѣется ты ничего не знаешь, иначе...

Маттъ прервалъ его и заглянулъ ему въ лицо, опустивъ глаза, такъ какъ былъ гораздо выше его, съ какою-то сдержанною веселостью.

— А что извѣстно тебѣ относительно отца миссъ Нортвикъ?

— Очень мало... въ сущности ничего кромѣ того, что мнѣ дали прочитать въ утренней газетѣ она и сестра ея. Я знаю, онѣ ужасно безпокоятся о немъ; я только что встрѣтилъ миссъ Сюзету и твою сестру. Онѣ сказали мнѣ, что я застану тебя на станціи.

Маттъ снова началъ свою прогулку.

— Не можетъ быть, чтобы ты не слыхалъ какихъ-нибудь толковъ со стороны. Я ушелъ со станціи во избѣжаніе надоѣдливыхъ разспросовъ. Тутъ узнали какимъ-то манеромъ, что молодыя лэди поручили мнѣ телеграфировать. Я подумалъ, что публика оставитъ меня въ покоѣ, если я выйду пройтись.

Онъ взялъ Уэда подъ руку и провелъ его по рельсамъ въ улицу, гдѣ Эльбриджъ прохаживалъ своихъ лошадей въ тотъ вечеръ, когда пріѣхалъ за Нортвикомъ.

— Я сказалъ, чтобы за мною пришли, если получится какой-нибудь отвѣтъ; я подожду здѣсь гдѣ-нибудь на виду... Не странное ли объясненіе въ данномъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—что относительно каждаго человѣка, занимающаго положеніе довѣреннаго лица въ коммерческомъ мірѣ, личность котораго не можетъ быть удостовѣрена черезъ двадцать четыре часа послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ дому, составляется предположеніе на дѣловой подкладкѣ, что онъ бѣжалъ съ деньгами, не принадлежащими ему?

— Что хочешь ты этимъ сказать, Маттъ?

— Я хочу сказать, что въ Гатбаро, повидимому, всѣ думаютъ, что Нортвикъ отправился въ Канаду на поѣздѣ, гдѣ произошло крушеніе.

— Ужасно, ужасно!—повторилъ Уэдъ.—А изъ чего ты заключаешь, что думаютъ именно это?

— На станціи начались эти толки и пересуды въ ту минуту, какъ

уѣхала миссъ Нортвикъ; еще не знали, что я остался здѣсь, вмѣсто нея. Кажется, не найти бы ни одного человѣка изъ тѣхъ, кто здѣсь былъ, который не ввѣрилъ бы всего своего состоянія Нортвику; всѣ они навѣрное разбогатѣли бы, позаботься Нортвикъ какъ должно объ ихъ интересахъ. Я слышалъ рѣчи въ этомъ родѣ прежде, чѣмъ изъ уваженія ко мнѣ люди эти прикусили свой языкъ. Однако, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что они считаютъ его скрывшимся банкротомъ.

— Это ужасно,—печально сказалъ Уэдъ.—Боюсь, что ты правъ. Эти случаи стали такимъ заурядымъ явленіемъ, что люди склонны подозрѣвать безъ всякаго...

Но какъ разъ на этомъ словѣ Маттъ поднялъ голову, выйдя изъ задумчивости, въ которую, повидимому, погрузился.

— Ты часто видался съ этимъ семействомъ зимою?

— Да, довольно часто,—отвѣчалъ Уэдъ.—Сестры не состоятъ членами церкви, но исправно посѣщали церковную службу, и я часто бывалъ у нихъ въ домѣ. Онѣ, кажется, очень любятъ уединеніе. У нихъ очень мало общаго съ жителями южнаго Гатборо и никакой связи со здѣшними поселянами. Я не знаю, почему онѣ всю зиму провели здѣсь. Разумѣется, отъ сплетень не убережешься. Въ южномъ Гатборо кумушки увѣряютъ, будто миссъ Сюзета хотѣла опять видѣться съ молодымъ Уилмингтономъ и что *она*-то и удержала своихъ здѣсь. Но я рѣшительно не вѣрю такому предположенію.

— Отъ него вѣетъ деревенскою безыскусственностью понятій,— замѣтилъ Маттъ.—Но если Джэкъ Уилмингтонъ когда-нибудь серьезно любилъ эту дѣвушку, теперь ему представляется возможность показать себя мужчиной и защитить ее отъ нареканій.

Что-то въ тонѣ Матта заставило Уэда остановиться и спросить:

— Что ты хочешь сказать, Маттъ? Неужели, кромѣ...

— Да.

Маттъ снова подхватилъ своего друга подъ руку и упрямо потащилъ его впередъ, заставляя его идти, несмотря на его невольное стремленіе останавливаться на каждомъ шагу, причемъ онъ пытался привести какія-нибудь доказательства противъ правдоподобныхъ словъ Матта, но языкъ его какъ-то не подчинялся ему.

— Я хочу сказать, что люди эти правы въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Правы?

— Мой милый Карилъ, что Нортвикъ неоплатный должникъ общества на громадную сумму—несомнѣнная истина. Это открылось на собраніи директоровъ общества въ понедѣльникъ. Онъ сознался въ этомъ, такъ какъ не могъ отрицать факта въ виду доказательствъ приведенныхъ противъ него, и ему дали нѣсколько льготныхъ дней, чтобы онъ могъ пополнить утаенныя имъ суммы. Его оставили на свободѣ, положившись на его честное слово: это было въ дѣйствительности лучшее и благоразумнѣйшее, а такъ же наиболѣе снисходительное изъ всѣхъ

мѣропріятій; онъ, разумѣется, нарушилъ свое слово и при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ. Отецъ разсказалъ мнѣ всю исторію его растратъ тотчасъ же послѣ собранія. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Боже милостивый!—вскричалъ Уэдъ, окончательно лишенный точки опоры, чтобы оспаривать фактъ, который все еще оставался для него загадкою.—И ты считаешь возможнымъ... неужели ты полагаешь... думаешь... что именно онъ находился въ этомъ сгорѣвшемъ вагонѣ? Какая роковая судьба!

— Я думалъ о моемъ бѣдномъ отцѣ,—отвѣчалъ Маттъ.—Онъ сказалъ нѣсколько рѣзкостей этому злополучному человѣку на собраніи совѣта... назвалъ его воромъ и, по всей вѣроятности, наговорилъ ему много другихъ обидныхъ вещей... и сказалъ ему, что несчастный желѣзнодорожный случай по дорогѣ домой былъ бы для него лучшимъ исходомъ въ его положеніи.

— А!

— Понимаешь? Когда онъ прочиталъ въ сегодняшней утренней газетѣ объ этомъ несчастіи, когда увидалъ въ числѣ жертвъ имя, такъ близко напоминающее имя Нортвика, онъ былъ, разумѣется, ужасно пораженъ. Ему показалось, будто онъ какимъ-то образомъ являлся виновникомъ его смерти... Я понимаю это, хотя разумѣется, онъ тутъ не при чемъ...

— Конечно,—сказалъ Уэдъ съ состраданіемъ.

— Но по моему, всетаки не слѣдуетъ никоимъ образомъ призывать смерть. Она, что злой духъ, легка на поминѣ... Я не суевѣренъ; не думаю, чтобы и отецъ мой, въ сущности, былъ суевѣренъ. Но онъ былъ другомъ... или жертвою... той пагубной теоріи, по которой самоубійство считается благороднымъ исходомъ въ затруднительномъ положеніи въ родѣ того, въ какое поставилъ себя Нортвикъ. Мнѣ кажется, онъ говорилъ тогда согласно съ этой теоріей или подъ ея вліяніемъ. Онъ телеграфировалъ направо и налѣво, стараясь провѣрить газетныя извѣстія, притомъ же это во всякомъ случаѣ было его прямою обязанностью. Онъ схватился за мой пріѣздъ сюда съ Луизою, какъ за удобный случай узнать, не можемъ ли мы быть чѣмъ-нибудь полезны этимъ двумъ бѣднымъ женщинамъ.

— Бѣдныя женщины!—отозвался, какъ эхо, Уэдъ.—На нихъ должно обрушиться самое худшее, какъ это, повидимому, всегда бываетъ.

— Да, гдѣ только надобно обрушиться жестокому удару, онъ всегда, кажется, поражаетъ женщину. Понимаешь ли ты весь ужасъ этого бѣдствія, когда оно станетъ имъ извѣстно? Вѣдь, имъ прійдется узнать, что отца ихъ постигла такая ужасная смерть, а постигла она его потому, что онъ сдѣлался банкротомъ и убѣжалъ. Я думаю, газеты заговорятъ объ этомъ на всѣ лады.

— Это просто чудовищно. Развѣ нельзя какъ-нибудь запретить имъ это дѣлать?

— Ну ужъ дѣло это непремѣнно получитъ огласку. Счастье можно сохранить въ тайнѣ, но горе и позоръ должны выйти на свѣтъ Божій... Почему,—я не знаю, но ужъ такъ искони ведется. А когда они выходятъ на свѣтъ Божій, намъ кажется, будто способъ ихъ огласки былъ причиною ихъ. Но, вѣдь, это же нелѣпо!

Нѣсколько минутъ друзья продолжали тихо идти въ молчаніи. Затѣмъ, задумчивость Матта снова вырвалась потокомъ словъ:

— Что-жъ, теперь остается узнать, хватитъ ли у нея силы вынести, или же сила измѣнитъ ей. Она держала свою голову, когда взяла возжи и отъѣхала отсюда съ бѣдняжкой Луизой, которая дрожала отъ нѣжнаго сочувствія къ ея горю и отъ страха за ея лошадей,—она держала свою голову, говорю я, съ царственной гордостью, другаго выраженія не подыскать. Ахъ, несчастная дѣвушка!

— Пріѣздъ твоей сестры будетъ большимъ облегченіемъ для нея,—замѣтилъ Уэдъ.—Она очень хорошо сдѣлала, что пріѣхала.

— Ахъ, да развѣ могла она поступить иначе,—отвѣчалъ Маттъ, тряхнувъ головою.—У Луизы такое же золотое сердце, какъ у моего отца. Я мало посвященъ въ ея дружбу съ миссъ Нортвикъ,—сестра гораздо моложе меня и онѣ познакомились и сдружились, когда я жилъ за границей,—но мнѣ почему-то казалось, что она не пользовалась расположеніемъ своихъ сверстницъ, а Луиза была ея ярой поборницей. Когда Луиза прочитала извѣстіе объ этомъ, она рѣшила немедленно пріѣхать сюда.

— Само собою разумѣется.

— Но наше пребываніе здѣсь до извѣстной степени ставитъ отца въ неловкое положеніе. Онъ сдѣлалъ жертву, позволивъ намъ пріѣхать сюда.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Вѣдь, это онъ убѣдилъ директоровъ дать Нортвику отсрочку; а теперь инымъ покажется, что онъ помогалъ сокрытію безчестныхъ дѣяній, придавалъ имъ благовидную окраску, а тѣмъ временемъ мошеннику удалось ускользнуть отъ правосудія. Быть можетъ, даже заподозрятъ, что ему было выгодно дать Нортвику скрыться.

— О, я не думаю, чтобы тѣнь подозрѣнія могла коснуться такого человѣка, какъ мистеръ Гилари,—сказалъ Уэдъ съ нѣкоторой досадой на такое предположеніе даже со стороны сына этого человѣка.

— Въ цивилизованномъ мірѣ, который, подобно нашему государству, основанъ на коммерческихъ интересахъ, всяческія подозрѣнія могутъ коснуться кого угодно въ такомъ дѣлѣ, какъ это,—возразилъ Маттъ.

Уэдъ снялъ свою шляпу и вытеръ платкомъ свой лобъ.

— Не могу себѣ даже представить, чтобы могло случиться то, что ты говоришь. Для меня это китайская грамота. Мнѣ кажется это какой-то жалкой комедіей, какимъ-то нелѣпымъ самообманомъ. Не могу

простить себѣ, какъ мало меня трогаетъ это. Мы видимъ передъ собою нѣчто ужасное, что должно бы заставить насъ обнажить свои головы и пасть на колѣни и «возопіять ко Богу» о грѣхахъ нашихъ!

— Ахъ, въ *этомъ* я вполнѣ съ тобою согласенъ!—воскликнулъ Маттъ и дальше просунулъ руку свою подъ руку своего друга.

Обоимъ имъ еще не было тридцати лѣтъ и оба они горѣли тою жаждою знанія, которая охватываетъ насъ въ молодости. Во многихъ отношеніяхъ они уже были вполнѣ зрѣлыми мужчинами, которые составили себѣ извѣстные взгляды и убѣжденія или, вѣрнѣе, теоретическія воззрѣнія. А нынѣ они горѣли желаніемъ провѣрить свои размышленія путемъ эмоцій, которыя они испытывали. По многимъ вопросамъ у нихъ были одни и тѣ же взгляды, хотя исходныя точки ихъ мышленія были противоположны; и у обоихъ былъ, въ концѣ концовъ, одинъ и тотъ же идеалъ жизни. Ихъ дружба началась со школьной скамейки; въ Гарвардскомъ университетѣ они участвовали въ однихъ и тѣхъ же кружкахъ и шли по одному и тому же разряду. Отецъ Уэда былъ не изъ Бостона, но мать его была изъ роду Беллингамъ, колоніальнаго губернатора Моссачусэтса, и онъ выросъ въ традиціяхъ общественной жизни Гилари. И тотъ, и другой порвали съ этими традиціями; Уэдъ, однако, сдѣлавшись служителемъ церкви, относился къ нимъ нѣсколько снисходительнѣе, чѣмъ Гигари, навсегда отвернувшійся отъ промышленной дѣятельности.

Теперь они не безъ нѣкотораго рода гордости стояли такъ близко къ этому бѣдствію, свидѣтелями котораго имъ пришлось быть; къ ихъ сочувствію примѣшивалось любопытство, что будетъ съ одною изъ жертвъ несчастія, потому что жертва эта была молодая, прелестная дѣвушка. Въ своемъ состраданіи они не то̀, чтобы забывали о старшей дочери Нортвика, а какъ бы закрывали глаза на положеніе этой некрасивой, больной старой дѣвушки, мысль ихъ слѣдила съ какимъ-то жгучимъ страхомъ за судьбою младшей. Маттъ попробовалъ высказать эти мысли словами.

— Увѣряю тебя, еслибы я не старался по временамъ отдѣлаться отъ этихъ думъ, я бы не выдержалъ такого напряженія. Когда я увидалъ эту бѣдную молодую дѣвушку, мнѣ стало стыдно за себя, что у меня могли быть такія мысли. Мнѣ казалось, какъ будто я воспользовался какимъ-то подлымъ преимуществомъ передъ нею, зная эти вещи объ ея отцѣ, и я былъ такъ радъ, когда она уѣхала съ Луизой, позволивъ мнѣ одному возиться съ этими позорными справками. Только подумай! Вѣдь, это значитъ горе, это значитъ позоръ, это значитъ нищета! Имъ прійдется оставить свой домъ, свое пепелище. Она должна будетъ отдать все товариществу. Она теряетъ не только друзей и свое положеніе въ свѣтѣ,—она теряетъ деньги, ей нечего будетъ ѣсть, не во что одѣваться, негдѣ преклонить свою голову!

Уэдъ отказывался признать крайне печальную картину, нарисованную его другомъ.

— Ну, разумѣется, близкіе люди не допустятъ ее до такой крайности.

— Конечно, нѣтъ. Но, вѣдь, въ сущности, всѣхъ безчисленныхъ подробностей такого ужаснаго несчастія ни предусмотрѣть, ни измѣрить невозможно. Поражая, оно, словно крѣпкимъ кольцомъ, захватываетъ всѣхъ и вся.

— Что же ты думаешь дѣлать, если получишь дурныя извѣстія?— спросилъ Уэдъ.

— Ахъ, право, и самъ не знаю! Я долженъ буду сказать ей, такъ или иначе, если только ты не предполагаешь, что тебѣ...

Уэдъ сдѣлалъ испуганное движеніе, которое Маттъ вѣрно понялъ. Онъ разсмѣялся нервнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ! нѣтъ, сдѣлать это долженъ я. Я отлично понимаю это. Или же заставлю Луизу сдѣлать это. А! мнѣ кажется, тутъ что то есть для насъ.

Они вернулись снова къ станціи, и Маттъ увидалъ, какъ изъ окна конторы высунулись голова и рука, размахивавшая листочкомъ желтой бумаги. Повидимому, это движеніе относилось къ нимъ. И тотъ, и другой побѣжали было разомъ, а затѣмъ пріостановились и пошли быстрымъ шагомъ.

— Мы должны предоставить это дѣло твоей сестрѣ, — сказалъ Уэдъ,—а если она не захочетъ, помни, что я всегда готовъ поговорить съ миссъ Нортвикъ. Или же, если *по твоему* такъ лучше, я поговорю съ нею, не безпокоя твоей сестры.

— Охъ, Уэдъ, ты совершенно правъ. Тебѣ не слѣдуетъ безпокоиться объ этомъ. Мы увидимъ, какъ будетъ лучше. Хотѣлось бы мнѣ узнать поскорѣе, что тамъ въ телеграммѣ.

Старый начальникъ станціи вышелъ имъ навстрѣчу, спѣша передать депешу, уже надлежащимъ образомъ уложенную въ конвертъ. Передавъ ее Матту, онъ быстро ушелъ назадъ.

Маттъ разорвалъ конвертъ и прочиталъ: «Невозможно удостовѣрить личности пассажировъ вагона-салона». Телеграмма была подписана: «телеграфистка» и отправлена изъ Уэлуотэра. Въ первую минуту она ихъ ошеломила.

— Что-жъ,—молвилъ Уэдъ, глубоко вздохнувъ,—могло быть хуже.

Маттъ перечиталъ телеграмму нѣсколько разъ, затѣмъ улыбнулся,

— Охъ, нѣтъ. Дурного здѣсь я совсѣмъ не вижу. Мы собственно ничего не узнали. Но пока это скорѣе утѣшительно. Даже бездѣлица имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе. Ну, я думаю, мнѣ слѣдуетъ отнести эту телеграмму миссъ Нортвикъ. Подожди меня одну минуту; я долженъ имъ сказать, куда отправить слѣдующія телеграммы, если онѣ прійдутъ.

— Я пройду съ тобою до церкви Св. Михаила, — сказалъ Уэдъ, когда они выходили со станціи.

Они пошли вмѣстѣ посрединѣ улицы, гдѣ имъ было просторнѣе, идти подъ руку, чѣмъ по узкой боковой тропинкѣ, занесенной снѣгомъ.

Изъ большой лавки, мимо которой они проходили, на средину улицы выбѣжалъ маленькій, худощавый человѣчекъ, смотрѣвшій козыремъ. Онъ остановилъ молодыхъ людей.

— Извините меня, мистеръ Уэдъ! Извините меня, сэръ!—произнесъ онъ, быстро перебѣгая отъ Уэда къ Матту. — Смѣю ли спросить, не получали ли вы какихъ-нибудь дальнѣйшихъ свѣдѣній?

— Нѣтъ,—любезно отвѣчалъ Маттъ,—намъ отвѣтили только, что невозможно установить личности пассажировъ вагона—салона.

— А! большое вамъ спасибо, пребольшое вамъ спасибо, сэръ! Я такъ и зналъ, что это не могъ быть *нашъ* мистеръ Нортвикъ. Мм... до свиданія, сэръ.

Онъ раскланялся съ молодыми людьми и опять ушелъ въ свою лавку, а Маттъ обратился къ Уэду съ разспросами.

— Скажи, пожалуйста, что это за фигура?

— Мистеръ Гершъ... у него здѣсь большая лавка. Весьма непріятный типъ.

Маттъ улыбнулся.

— Онъ словно повѣрить не можетъ, чтобы такая жалкая участь могла постигнутя столь именитую особу, какъ Нортвикъ.

— Что-то въ этомъ родѣ,—поддакнулъ Уэдъ.—Онъ обожаетъ въ Нортвикѣ золотого тельца.

Маттъ поднялъ голову и оглянулся кругомъ.

— Мнѣ кажется, все это мѣстечкс переполошилось отъ любопытства.

Какъ разъ у того переулка, гдѣ Уэдъ разстался съ нимъ, чтобы пройти въ свою церковь, Маттъ увидалъ Сю Нортвикъ, ѣхавшую ему навстрѣчу въ своихъ саняхъ. Она правила лошадьми и была одна; безстрастный грумъ занималъ заднее сидѣнье.

— Узнали вы что-нибудь?—рѣзко спросила она.

Маттъ повторилъ содержаніе депеши отъ уэлуотерской телеграфистки.

— Я знала, что это ошибка,—сказала она съ какимъ-то смѣлымъ презрѣніемъ.—Это до нельзя глупо и смѣшно! Съ какой стати поѣхалъ бы онъ туда? Мнѣ кажется, слѣдовало бы подвергать какому-нибудь наказанію газеты за распространеніе ложныхъ извѣстій. Я говорила съ человѣкомъ, который отвозилъ моего отца на поѣздъ вчера утромъ; онъ говорилъ, что папа хотѣлъ недавно купить лошадей въ Спрингфильдѣ. Онъ какъ-то купилъ нѣсколько лошадей на фермѣ близь этого города. Я ѣду послать телеграмму этому фермеру; я нашла его имя въ папиныхъ счетахъ. Разумѣется, папа тамъ. Я уже приготовила депешу.

— Позвольте мнѣ, миссъ Норвикъ, отнести ее на станцію,—предложилъ Маттъ.

— Нѣтъ. Садитесь возлѣ меня и поѣдемъ вмѣстѣ, а потомъ я отвезу васъ домой. Или вотъ что! Послушайте, Денисъ! — обратилась она къ груму, отдавая ему телеграмму.—Снесите вотъ это на телеграфъ и скажите тамъ, чтобы немедленно отправили отвѣтъ черезъ Симпсона.

Ирландецъ отвѣтилъ «слушаю, сударыня» и соскочилъ съ своего сидѣнья, зажавъ бумагу въ рукѣ.

— Садитесь, мистеръ Гилари,—предложила она Матту; когда онъ сѣлъ въ сани, она ловко осадила ихъ и повернула лошадей домой.

— Если на мою депешу не будетъ отвѣта или отвѣтъ будетъ неблагопріятный, я сама уѣду съ первымъ поѣздомъ на станцію Уэлуотэръ. Я не въ состояніи долѣе ждать. Если случилось самое худшее, я хочу знать это худшее.

Маттъ не зналъ, что сказать этой мужественной дѣвушкѣ. Чтобы выиграть время, онъ спросилъ:

— Вы хотите поѣхать туда одна?

— Разумѣется! Въ такія минуты я предпочитаю быть одной.

Дома Маттъ узналъ, что Луиза ушла на минуту въ свою комнату. Онъ прошелъ туда, чтобы переговорить съ нею.

Она лежала кушеткѣ, когда онъ къ ней постучался. Она сказала «войдите!» а затѣмъ объяснила ему:

— Я только, что ушла сюда, чтобы дать маленькій отдыхъ моимъ волненіямъ. Вѣдь, я ложилась поздно почти всю эту недѣлю. Что же ты узналъ?

— Ничего, въ сущности, Луиза. Сколько времени думаешь ты здѣсь остаться?

— Не знаю. Я объ этомъ не думала. Пока я буду здѣсь нужна... А зачѣмъ ты спрашиваешь? Ты долженъ ѣхать домой?

— Нѣтъ... не совсѣмъ такъ.

— Не совсѣмъ такъ? Говори скорѣе, въ чемъ дѣло?

— Сколько бы не телеграфировали мы, намъ ничего не узнать этимъ способомъ. Кто-нибудь долженъ отправиться туда, гдѣ случилось это несчастіе. Она понимаетъ это и намѣрена поѣхать туда. Она рѣшительно не можетъ себѣ представить, что значитъ эта поѣздка туда. Положимъ, она пріѣхала туда, одна и все такое... а что же она будетъ дѣлать послѣ? Какъ можетъ она пойти осматривать то мѣсто, гдѣ произошло несчастіе, чтобы убѣдиться дѣйствительно ли отецъ ея...

— Маттъ,—вскричала его сестра,—перестань, иначе ты сведешь меня съ ума. Она не должна ѣхать туда,—вотъ и все! И не думай объ этомъ.

Луиза привстала съ кушетки съ выраженіемъ принятаго рѣшенія по этому вопросу.

*

— Пусть она пошлетъ кого-нибудь... кого-нибудь изъ своихъ слугъ. Она не должна ѣхать туда! Это просто чудовищно!

— Она не поѣдетъ,—задумчиво сказалъ Маттъ.—Поѣду я.

— Ты!

— Почему нѣтъ? Я буду тамъ въ четыре или въ пять часовъ утра, разузнаю все, какъ было, и такимъ образомъ избавлю ее отъ этого страшнаго недоумѣнія, въ которомъ она находится.

— Въ которомъ онѣ обѣ находятся,—поправила его Луиза.—Вѣдь и той несчастной, больной старой дѣвушкѣ не легче.

— Ну, разумѣется, — сказалъ Маттъ. Онъ чувствовалъ себя въ высшей степени пристыженнымъ, что позабылъ о той, другой, и поспѣшилъ прибавить,—думаю, для нея даже тяжелѣе. Вѣдь она дольше прожила на свѣтѣ и въ состояніи лучше понять всю громадность этого несчастія.

— Все же Сю была его любимицей,—возразила Луиза.—Разумѣется, ты долженъ ѣхать, Маттъ. Ты не можешь поступить иначе. Это великолѣпно съ твоей стороны, Маттъ. Ты уже сказалъ ей, что хотѣлъ бы поѣхать?

— Нѣтъ еще. Мнѣ хотѣлось прежде переговорить съ тобою объ этомъ.

— О, я вполнѣ согласна съ тобою. Тутъ только одно это и остается. А я останусь здѣсь до твоего возвращенія...

— Ну, это не годится, по моему.

Онъ подошелъ къ ней ближе и понизилъ голосъ.

— Ужъ лучше тебѣ узнать всю эту непріятную исторію, Луиза. Имъ предстоитъ ужасное огорченіе; умеръ онъ или живъ, все равно. У него какіе-то недочеты съ пайщиками товарищества и если только онъ былъ въ томъ поѣздѣ, онъ бѣжалъ въ Канаду, чтобы избавиться отъ тюремнаго заключенія.

Онъ замѣтилъ, что сестра его только отчасти поняла значеніе его словъ.

— Итакъ, если онъ погибъ, всему этому дѣлу конецъ! Понимаю! Ты, вѣроятно, надѣешься, что онъ погибъ.

Маттъ безнадежно вздохнулъ.

— Если онъ погибъ, положеніе отъ этого только ухудшится. Растрата во всякомъ случаѣ должна обнаружиться.

— А когда она обнаружится?

— Уже многіе пронюхали, въ чемъ дѣло. Да и трудно удержать такія вещи въ тайнѣ. Въ утреннихъ газетахъ, навѣрное по этому поводу идутъ пересуды... Вопросъ въ томъ, останешься ли ты здѣсь, пока до нихъ дойдутъ эти слухи? Благоразумно ли, полезно ли это?

— Конечно, мнѣ тутъ нечего дѣлать! Я бы охотно укокошила всѣхъ и каждаго, кто бы попался мнѣ подъ руку въ такую минуту! Да и Сю Нортвикъ не таковская, чтобы остаться равнодушной, она убьетъ меня. Я должна сейчасъ же убраться отсюда!

Она соскользнула съ кушетки, подбѣжала къ зеркалу поправить распустившіеся волосы.

— Я подумывалъ,—сказалъ Маттъ,—разсказать тебѣ все до твоего пріѣзда сюда, но мама была увѣрена, что ты поѣдешь во всякомъ случаѣ, а мои слова только стѣснятъ тебя.

— О, она была вполнѣ права!—отвѣчала Луиза.—Теперь важно, какъ выбраться отсюда.

— Надѣюсь, ты не покажешь ей виду...

— Ладно! Я думаю, ты въ этомъ можешь на меня положиться, Маттъ,—отвѣчала Луиза.

Если ея настоящее самообладаніе могло служить залогомъ ея будущаго поведенія, то Маттъ могъ положиться на нее. Но онъ боялся, что Луиза не уразумѣла всей важности совершившагося факта; и въ этомъ онъ былъ правъ. Ни теперь, ни впослѣдствіи она не могла вполнѣ освоиться съ мыслью о преступности Нортвика. Она поняла только, что семейство его постигло большое огорченіе и надобно было скрыть это огорченіе отъ ея подруги.

Маттъ сошелъ внизъ и засталъ Сю въ библіотекѣ.

— Я убѣждена, что намъ отвѣтятъ, что папа въ Спрингфильдѣ,—сказала она.—Одна изъ его здѣшнихъ лошадей стала хромать на ногу, вотъ онъ и остановился тамъ, чтобы пріискать другую вмѣсто нея на той же фермѣ.

Логичность этого соображенія не убѣдила Матта. Но молодая дѣвушка выказала такъ много энергіи, она старалась дышать такъ спокойно и ровно и такъ явно скрывала свою мучительную тревогу, рѣшившись увѣрить себя самое въ томъ, что говорила.

Маттъ притворился, что вѣритъ тому же.

— Да, весьма вѣроятно, оно такъ и есть.

— Во всякомъ случаѣ,—замѣтила она,—если я не получу извѣстій о немъ оттуда или изъ Уэлуотэра, я тотчасъ же поѣду туда сама. Я уже рѣшила сдѣлать это.

— Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты поѣхала туда одна, Сю,—сказала Аделина дрожащимъ голосомъ. Глаза ея были красны, губы ея распухли; видно было, что она плакала. И теперь слезы показались на ея глазахъ, когда она заговорила,—не можешь ты поѣхать туда одна ни въ какомъ случаѣ. Развѣ ты не помнишь, поѣздка въ Уэлуотэръ отняла у насъ цѣлый день, когда мы въ послѣдній разъ отправились въ Квэбекъ?

Сю сурово взглянула на сестру, словно желая заставить ее подавить, по крайней мѣрѣ, наружное проявленіе ея опасеній, а Маттъ спросилъ, какъ бы невзначай:

— Развѣ это по дорогѣ въ Квэбекъ?

Сю взяла «путеводитель» со стола, куда она его положила.

— Какъ сказать? И да, и нѣтъ.

Она раскрыла книгу и развернула передъ нимъ желѣзнодорожную карту.

— Поѣздъ раздѣляется на Уэлуотэръ. Одна часть его отправляется въ Монрэаль, другая—въ Квэбекъ. На Квэбекской вѣтви пропасть всякихъ остановокъ и задержекъ, такъ что въ Квэбекъ вовсе не попасть до слѣдующаго утра; а въ Монрэаль вы пріѣзжаете черезъ пять-шесть часовъ. Но все это нелѣпѣйшій вздоръ. Понять не могу, какое намъ дѣло до всего этого! Очевидно, папа остановился для чего-то въ Спрингфильдѣ. Только онъ всегда насъ увѣдомляетъ по телеграфу объ измѣненіи своихъ намѣреній...

Она задрожала, не будучи въ силахъ продолжать, и книга выпала у нея изъ рукъ. Маттъ поднялъ ее и принялся разсматривать росписаніе поѣздовъ, во-первыхъ, желая скрыть безпокойство, которое онъ почувствовалъ при видѣ ея унынія, а во-вторыхъ, придумывая, чѣмъ бы помочь ей.

— Изъ Бостона идетъ поѣздъ, который встрѣчается съ Спрингфильдскимъ поѣздомъ въ Уэлуотэрѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Она наклонилась, чтобы заглянуть въ книгу, которая была у него въ рукахъ, а онъ почувствовалъ то бурное волненіе, которое овладѣваетъ мужчиной, помимо его воли, вблизи молодой прелестной женщины, хотя онъ подчасъ и стыдится этого волненія.

— Въ такомъ случаѣ не лучше ли мнѣ поѣхать черезъ Бостонъ. Когда отходитъ этотъ поѣздъ? О, въ половинѣ восьмого. Я могу уѣхать съ этимъ поѣздомъ, если не будетъ никакихъ извѣстій изъ Спрингфильда. Но я увѣрена, что они будутъ.

Портьера зашевелилась, и Луиза показалась въ дверяхъ библіотеки. Сюзэта пошла ей навстрѣчу.

— Развѣ ты уѣзжаешь?—спросила она, явно не раздѣляя удивленія Матта при видѣ сестры въ шляпѣ и перчаткахъ, съ жакеткой, переброшенной черезъ руку.

— Да, я уѣзжаю, Сю. Я пріѣхала повидать тебя,—я должна была сдѣлать это... но мы знаемъ обѣ, что я здѣсь не нужна, поэтому намъ нечего притворяться.

Луиза говорила очень спокойно, почти холодно. Братъ ея почти не зналъ, какъ ему понять ее; она была блѣдна и говоря смотрѣла внизъ. Но застегнувъ свои перчатки, она подошла и положила обѣ свои руки въ руки Сюзеты.

— Мнѣ нечего говорить тебѣ, что я уѣзжаю, чтобы не мѣшать тебѣ. Теперь не время для красивыхъ дружескихъ изліяній; ты видѣла меня и знаешь, что я раздѣляю твое безпокойство относительно всего и, мнѣ кажется, лучше намъ не распространяться объ этомъ. Но помни, Сю, когда бы я тебѣ ни понадобилась, если ты, дѣйствительно, пожелаешь меня видѣть, пришли за мною; если я не пріду, пока ты меня

не позовешь, то знай, что я только жду твоего слова. Будешь ли ты это помнить... *что бы ни случилось?*

Маттъ въ молчаніи испустилъ глубокій вздохъ облегченія.

— Да, Луиза, я буду помнить,—отвѣчала Сюзэта.

Онѣ поцѣловались, словно хотѣли формально скрѣпить свой договоръ, имѣвшій для одной изъ нихъ несравненно больше значенія, чѣмъ для другой.

— Пойдемъ, Маттъ!—позвала Луиза брата.

Она поторопилась прибавить, во избѣжаніе возраженій противъ ея намѣренія, что они успѣютъ во время дойти пѣшкомъ на станцію и что ей хочется пройтись. А Маттъ сказалъ:

— Я посажу тебя въ поѣздъ, а затѣмъ вернусь сюда и подожду здѣсь извѣстій изъ Спрингфильда, миссъ Сюзэта.

— Вотъ это хорошая мысль,—сказала Луиза.

— Но развѣ вамъ не страшно будетъ отправиться въ Бостонъ одной?—произнесла Аделина дрожащимъ голосомъ.—Вы пріѣдете туда, какъ совсѣмъ стемнѣетъ!

— Путешествіе это не грозитъ большой опасностью, — шутливо сказала Луиза,—а когда я пріѣду, то отдамъ себя на попеченіе вѣрнаго бостонскаго извозчика и скажу ему, что особа моя представляетъ весьма высокую цѣнность и ему слѣдуетъ хорошенько поберечь меня. Такимъ образомъ я буду доставлена къ дверямъ нашего дома вполнѣ здравою и невредимою.

Всѣ слегка засмѣялись; даже Аделина невольно присоединилась къ этому смѣху.

Какъ только они вышли изъ дому, Маттъ обратился къ сестрѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, вспомнитъ ли она послѣ того, какъ наступитъ самое ужасное, твои слова и будетъ ли въ ней достаточно довѣрія къ твоей дружбѣ, чтобы позвать насъ?

— Не знаю. Вѣроятно, сперва въ ней заговоритъ ея гордость. Но я сама прійду къ ней, позоветъ она меня или нѣтъ. Если бы у нихъ были родные или связи, какъ у всякаго другого, тогда иное дѣло. Но въ данномъ случаѣ...

— Конечно, ты права,—замѣтилъ Маттъ.

— Мнѣ бы хотѣлось осязательно чувствовать, что Сю такъ же нѣжно его любитъ, какъ мы любимъ своего папу. Но я немогу. Меня всегда подиралъ морозъ по кожѣ при немъ. А ты не испытывалъ этого ощущенія?

— Онъ былъ человѣкъ сдержанный. Но насколько мнѣ приходилось имѣть съ нимъ дѣло на заводѣ, въ бытность мою тамъ, я находилъ, что онъ довольно честенъ. Онъ былъ провинціалъ.

— Мнѣ кажется, Сю заражена провинціальной гордостью,—сказала Луиза.

— Сдержанность его,—продолжалъ Маттъ,—была, вѣроятно, только своеобразною недовѣрчивостью. Богу извѣстно, я не хочу судить его.

Я думаю, что это запоздалое рѣшеніе его было усиліемъ поддержать свое достоинство. Разумѣется, теперь мы судимъ о немъ съ точки зрѣнія его плутовства, бѣдняга, и поступки его большей частью представляются намъ некрасивыми.

На станціи имъ пришлось подождать немного и они стали прохаживаться взадъ и впередъ по платформѣ, разговаривая между собою. Маттъ объяснялъ Луизѣ, что отецъ его будетъ радъ его поѣздкѣ въ Уэлуотэръ, такъ какъ рѣшится вопросъ, былъ ли Нортвикъ на поѣздѣ, потерпѣвшемъ крушеніе, или нѣтъ. Для отца его будетъ большимъ облегченіемъ узнать это. Маттъ старался подчеркнуть, что онъ ѣдетъ туда изъ двухъ различныхъ мотивовъ.

— Охъ, ты совершенно напрасно трудишься доказывать мнѣ все это, Маттъ,—возразила Луиза.—Я не осуждаю тебя за то, что ты хочешь отправиться туда даже безъ добрыхъ побужденій.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, въ такомъ поступкѣ нѣтъ ничего преступнаго,—отвѣчалъ Маттъ.

На станціи собралось очень много проѣздной публики—молодыхъ людей свободныхъ отъ занятій въ магазинахъ и лавкахъ въ этотъ день. Въ такихъ маленькихъ городкахъ, какъ Гатборо, желѣзнодорожная станція служитъ пріятнымъ мѣстомъ развлеченія; публика наслаждается здѣсь постоянно возбуждающимъ ея нервы созерцаніемъ приходящихъ и уходящихъ поѣздовъ. Молодежь обоего пола посматривала на брата и сестру Гилари, пока они прохаживались, съ чувствомъ зависти къ тому особенному изяществу, которое было въ нихъ обоихъ. Оба—и братъ, и сестра,—были высоки и стройны и отличались отъ своихъ сверстниковъ и сверстницъ тою красивою непринужденностью манеры и движеній, которыя, быть можетъ, есть слѣдствіе настолько же привычки всю жизнь хорошо одѣваться, какъ и всего остальнаго. Маттъ испытывалъ недовольство на все, что можетъ выдѣлять его среди другихъ людей, но помимо воли и желанія имѣлъ видъ вполнѣ культурнаго человѣка; что же касается Луизы, она и не думала бороться съ утонченностью своей особы. Она была всѣми признанная свѣтская молодая дѣвушка и соотвѣтственно этому на ней теперь былъ костюмъ изъ темнаго сукна. Корсажъ, въ формѣ жакета, былъ отдѣланъ спереди и вокругъ бедръ чернымъ мѣхомъ; гладкая юбка была обшита у подола такимъ же мѣхомъ. Она возбуждала въ душѣ всѣхъ этихъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя ихъ видѣли, цѣлую бурю зависти. Они, повидимому, вызвали такое же живое вниманіе и со стороны молодого человѣка съ тонкими изящными чертами лица. Луиза замѣтила его взглядъ, устремленный на нее. Сперва она приняла его за одного изъ тѣхъ образованныхъ или полуобразованныхъ ремесленниковъ, которыми все болѣе и болѣе осложняется рабочій вопросъ. Одѣтъ онъ былъ не лучше другихъ, толпившихся здѣсь молодыхъ людей, и не было основанія, почему бы ему не со-

стоять рабочимъ въ шляпной либо башмачной лавкѣ, и, однако, взглянувъ во второй разъ на него, она рѣшила про себя, что онъ не былъ имъ. Онъ стоялъ, уставясь на нее пристальнымъ взоромъ, нахмуривъ брови и чуть-чуть насмѣшливо улыбаяся своими гладко выбритыми красивыми губами. Но она знала, что онъ любуется ею, какъ бы онъ ее ни ненавидѣлъ; она сказала о немъ Матту, когда они повернули въ другую сторону, обѣщая показать брату заинтересовавшаго ее незнакомца. Но когда они снова приблизились къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, его уже тамъ не было. Пришелъ поѣздъ, Луиза сѣла въ вагонъ, а Маттъ отправился на станцію и зашелъ спросить у телеграфистки, нѣтъ ли депеши на имя миссъ Нортвикъ.

— Только что получена,—отвѣчала она.—Я ждала разсыльнаго, чтобы отправить ее.

— О, если позволите, я передамъ ее. Я сейчасъ возвращаюсь въ домъ мистера Нортвика,—объявилъ Маттъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Маттъ взялъ телеграмму и торопливо ушелъ съ вокзала, чтобы найти извозчика и поскорѣе передать депешу миссъ Нортвикъ. У вокзала не было экипажей; онъ пошелъ по улицѣ почти бѣгомъ, къ вящему увеселенію мальчишекъ, катавшихся на салазкахъ. Одинъ изъ нихъ, бросившійся въ сторону отъ саней, запряженныхъ рысаками, которыя мчались позади него, осыпалъ его насмѣшками за неловкость, съ которою Маттъ барахтался въ глубокомъ снѣгу, сойдя съ дороги. Сани внезапно остановились и правившая ими Сю Нортвикъ закричала:

— Мистеръ Гилари! Я не могла ждать дома; я только что со станціи. Телеграмма у васъ?

— Да, у меня.

— Ахъ, давайте ее сюда!

Онъ удержалъ ее одну минуту въ своей рукѣ.

— Я не знаю, что̀ въ ней, миссъ Нортвикъ. Но если въ ней не то, чего вы ждете, позвольте мнѣ... могу ли я...

Словно не сознавая, что дѣлаетъ, она вырвала депешу у него изъ руки и порывисто распечатала ее.

— Ну,—сказала она,—я такъ и знала. Онъ не заѣзжалъ туда. А теперь я поѣду въ Уэлуотэръ.

Она нервно скомкала въ рукѣ телеграмму и сдѣлала движеніе возжами.

Маттъ удержавъ ее за кисть руки.

— Вы не можете ѣхать туда. Вы... вы должны позволить мнѣ поѣхать туда.

— Вамъ?

— Мнѣ. Я буду въ Бостонѣ какъ разъ къ этому поѣзду, что уходитъ въ половинѣ восьмого и могу сдѣлать въ Уэлуоторѣ все то, чего вы не могли бы сдѣлать. Послушайте, будте умница! Вы должны по-

нять, что я предлагаю вамъ то, что лучше. Торжественно обѣщаю вамъ сдѣлать все возможное, не забыть, не опустить ничего, что могло бы успокоить васъ. Я сдѣлаю, что вы пожелаете. Отправляйтесь домой. Вы нужны сестрѣ своей, вы нужны самой себѣ. Если вамъ предстоитъ испытаніе болѣе тяжкое, чѣмъ эта неизвѣстность, которую вы перенесли съ такимъ мужествомъ, вамъ понадобятся всѣ ваши силы. Прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я понимаю, вамъ кажется малодушіемъ позволить другому заступить ваше мѣсто по такому важному дѣлу, но, въ дѣйствительности, это не такъ. Вы должны знать, что я не сталъ бы предлагать вамъ этого, если бы не былъ увѣренъ, что могу сдѣлать все, что бы сдѣлали вы и даже больше. Прошу васъ, позвольте мнѣ поѣхать вмѣсто васъ!

Онъ горячо высказалъ ей всѣ свои соображенія, а она сидѣла безмолвная, словно не находя въ себѣ силы для отвѣта. Когда онъ замолчалъ, прошла еще минута прежде чѣмъ она отвѣтила ему просто, почти сухо: «хорошо», не выразивъ никакихъ другихъ знаковъ своего согласія.

Но она повернула ту руку, которую онъ держалъ въ своей, и крѣпко сжала его руку. Слезы, первыя, что она проливала сегодня, покатились изъ ея глазъ.

Она приподняла возжи и поѣхала назадъ, а онъ стоялъ на дорогѣ смотря ей вслѣдъ, пока сани ея скрылись за холмистою дорогою, по направленію къ югу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ КОНТОРѢ.

Унынье и тоска... Накурено и душно...
Отъ пишущихъ машинъ, отъ щётъ—немолчный стукъ...
Писцы, средь толстыхъ книгъ, хлопочутъ равнодушно,
И въ лицахъ ихъ—ни думъ, ни радости, ни мукъ.

И такъ съ утра—до вечера... И нынѣ,
И завтра будетъ то-жъ... и дальше—безъ конца.
И некогда вздохнуть... Какъ дерево въ пустынѣ,
Безъ влаги жизненной мертвѣютъ ихъ сердца.

Нужда согнала́ ихъ, чтобъ подъ ярмо склониться,
Работать, чтобы ѣсть, и ѣсть, чтобъ только жить,
И жить затѣмъ, чтобъ также вновь трудиться,—
Пока не оборветъ судьба ихъ жизней нить.

И я средь нихъ– воловъ, покорныхъ темной долѣ
И ревностно, за кормъ, влачащихъ тяжкій плугъ,—
Томлюсь, какъ дикій конь, тоскующій о волѣ
И рвущійся туда, гдѣ блещетъ степь и лугъ...

А. Колтоновскій.

ЧЭМБЕРЛЕНЪ *).

(Очеркъ).

Англія переживаетъ кризисъ, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго будетъ, по всей вѣроятности, смѣна министерства. Но дальнѣйшія послѣдствія этого кризиса могутъ быть болѣе значительны, могутъ отразиться на всемъ внутреннемъ строѣ англійской жизни и вызвать даже европейскія осложненія. Кризисъ вызванъ трансваальскою войной, начавшейся при побѣдныхъ кликахъ англійскихъ «джинго» и ликованіи имперіалистовъ и въ короткое время принявшей такой оборотъ, что не только замолкли эти клики, но даже въ консервативномъ лагерѣ, всегда поддерживавшемъ нынѣшнее министерство, возникло сильное движеніе оппозиціи и всѣ англійскія партіи, за исключеніемъ неисправимыхъ джинго и людей, подобно Чэмберлену и Родсу, поставившихъ все на карту въ этой войнѣ, начинаютъ сходиться во взглядахъ на эту войну, какъ на роковую ошибку.

Англіи приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы съ честью выйти изъ труднаго положенія, созданнаго для нея политикой Чэмберлена. Само собою разумѣется, что честь Англіи, какъ націи, нисколько не пострадала бы отъ того, если бы она теперь же, признавъ себя побѣжденной храбрымъ маленькимъ народомъ, предложила бы заключить миръ на почетныхъ условіяхъ и прекратила бы кровопролитіе. Но политика и этика рѣдко сходятся. Не говоря уже о самолюбіи гордой британской націи, которому нанесенъ теперь чувствительный ударъ, въ эту войну впутано такъ много интересовъ, что врядъ ли возможно простое разрѣшеніе вопроса, на основаніи однихъ только этическихъ соображеній. Республики буровъ окружены англійскими владѣніями, за исключеніемъ только одного пункта, гдѣ они граничатъ съ португальскими владѣніями; они, значитъ, находятся какъ бы внутри англійскихъ колоній и, конечно, это представляетъ большое неудобство для Англіи, въ особенности съ той поры какъ было открыто золото, вызвавшее наплывъ иностранцевъ и иностранныхъ капиталовъ въ южную Африку, и нача-

*) Составлено по *Achille Viallate.* Ioseph Chamberlain avec une préface de *E. Boutmy,* Paris, 1889.

лось обогащеніе независимыхъ маленькихъ государствъ. Кромѣ того, существованіе этихъ республикъ можетъ помѣшать выполненію грандіознаго плана—образованія непрерывной цѣпи англійскихъ владѣній отъ Египта до Капа, который лелѣютъ англійскіе имперіалисты. Англія зашла слишкомъ далеко и отступать теперь ей трудно, тѣмъ болѣе, что ея пораженіе не только будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то величайшее неудобство, что побѣда усилитъ упорство и враждебность ея сосѣдей—буровъ въ Африкѣ,—но это сильно уменьшитъ ея престижъ

Чэмберленъ.

въ глазахъ темнокожаго населенія, а въ европейскомъ концертѣ голосъ ея потеряетъ свою силу, такъ какъ ее перестанутъ бояться.

Вотъ тѣ причины, которыя заставляютъ теперь Англію бороться изо всѣхъ силъ и вынуждаютъ многихъ изъ ея дѣятелей, прежде горячо возстававшихъ противъ войны, говорить, что она должна быть доведена до конца, т.-е. до побѣды. «Потомъ придетъ время критики; теперь нужно не говорить, а дѣйствовать,—и прежде всего дать полную свободу дѣйствій министру колоній (Чэмберлену), который, можетъ быть, со свойственной ему ловкостью, найдетъ способъ вывернуться изъ затрудненія». Таковъ смыслъ воззванія, недавно посланнаго въ «Times» однимъ «ультра-либераломъ».

Дѣйствительно, военныя неудачи сами собой выдвинули на первый

планъ вопросъ объ отвѣтственности нѣсколькихъ личностей, которыхъ съ полнымъ основаніемъ считаютъ авторами этой злополучной войны. Во главѣ ихъ стоитъ *Чэмберленъ*, нынѣшній министръ колоній. На него общественное мнѣніе указываетъ, какъ на главнаго виновника бѣдствій, обрушившихся на Англію. Его не щадитъ ни европейская публика, ни печать, но онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ переноситъ весь этотъ потокъ оскорбленій и упрековъ, въ ожиданіи того, что предстоитъ ему еще вынести и выслушать съ открытіемъ парламентской сессіи. Онъ самъ съ нѣкоторымъ презрительнымъ высокомѣріемъ назвалъ себя «человѣкомъ наиболѣе оскорбляемымъ во всей Англіи». Со времени его отпаденія отъ либеральной партіи въ 1886 г., его прежніе друзья и союзники не скупились на всевозможныя оскорбленія и упреки, расточаемыя по его адресу. Его называли измѣнникомъ, Іудой, его упрекали въ частыхъ перемѣнахъ фронта,—слишкомъ частыхъ, чтобы имъ могли соотвѣтствовать искренніе перемѣны въ убѣжденіяхъ. Чэмберленъ отвѣчалъ на это, болѣе ловко, чѣмъ правдиво: «я не измѣнился. Я остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ—старымъ радикаломъ». Развѣ его главною работой не было всегда увеличеніе благосостоянія народныхъ массъ? А на упреки въ непостоянствѣ и перемѣнчивости онъ возражалъ, тому назадъ лѣтъ десять: «обвиненіе въ непостоянствѣ меня не трогаетъ. Мнѣ кажется, что абсолютное постоянство не составляетъ добродѣтели, необходимой для государственнаго человѣка, я скорѣе готовъ допустить, что его долгъ — мѣнять свои мнѣнія, когда обстоятельства мѣняются». Надо признать, что этотъ аргументъ весьма вѣскій въ глазахъ англичанъ, для которыхъ слово «versatility» не имѣетъ того дурнаго смысла, какой оно имѣетъ на континентѣ. «I am a practical man», сказалъ про себя Чэмберленъ и это, быть можетъ, самое справедливое опредѣленіе. Какъ практическій человѣкъ, Чэмберленъ всегда имѣлъ въ виду, прежде всего, выгоду и цѣль, къ которой стремился, не раздумывая о средствахъ къ ея достиженію и о жертвахъ, которыя она потребуетъ. Въ этомъ отчасти, но только отчасти, можно искать объясненія его политической эволюціи.

Прослѣдить эту эволюцію интересно уже потому, что съ нею связана и эволюція демократической Англіи, созданной избирательными реформами 1867 и 1884 г., которыя увеличили число избирателей и лишили высшіе классы ихъ преобладанія. Исчезла аристократическая олигархія, въ теченіе столькихъ вѣковъ управлявшая Англіей, и парламентъ, т.-е. палата общинъ, дѣйствительно, сдѣлалась выразительницей воли народа въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Чэмберленъ выступилъ на политическомъ поприщѣ, когда только что началась упомянутая демократическая эволюція. Отецъ его, башмачный фабрикантъ въ Сити, считался зажиточнымъ человѣкомъ, но такъ какъ онъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ (Чэмберленъ былъ старшимъ изъ девяти дѣтей), то счелъ лишнимъ по-

слать своего сына въ университетъ для окончанія своего образованія, тѣмъ болѣе, что онъ предназначалъ его для торговой профессіи. Конечно, ему и въ голову тогда не приходило, что его сынъ будетъ когда-нибудь засѣдать въ совѣтѣ министровъ и даже имѣть шансы сдѣлаться главою англійскаго правительства.

Шестнадцати лѣтъ Чэмберлену пришлось покинуть школу и заняться изученіемъ торговаго дѣла, которое велъ его отецъ. Но любознательный отъ природы и страшный любитель чтенія, молодой Джо все свое свободное время проводилъ за книгами и такимъ образомъ пополнилъ свое образованіе, всегда оставаясь «au courant» современныхъ идей.

Чэмберленъ, слѣдовательно, не вышелъ изъ Оксфордскаго или Кэмбриджскаго университета, подобно большинству выдающихся англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Среди нихъ онъ былъ и остался homo novus, со всѣми преимуществами и недостатками этого положенія; не связанный ихъ идеями и традиціями, онъ могъ тѣмъ свободнѣе развить тѣ свои свойства, которыя завоевали ему положеніе: смѣлость мысли, граничившую въ ихъ глазахъ съ безразсудствомъ, и рѣшительность дѣйствій, граничившую съ опрометчивостью.

Въ настоящее время Чэмберленъ считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ Англіи, но эти лавры достались ему не легко. Онъ много упражнялся раньше, чтобы достигнуть той гибкости и элегантности языка, которую онъ теперь высказываетъ въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ порой къ десятитысячной аудиторіи. Съ такимъ же упорствомъ онъ стремился и къ усвоенію внѣшняго лоска и всѣхъ тѣхъ атрибутовъ, которые необходимы на политическомъ поприщѣ. Онъ дебютировалъ въ 1870 г. въ Бирмингамѣ, въ качествѣ президента радикальной «National Education League», поставившей на своемъ знамени обязательное, даровое и свѣтское обученіе. Въ этомъ званіи Чэмберленъ съ чрезвычайною пылкостью набросился на законъ Форстера, извѣстный подъ именемъ «закона компромиса». Этимъ закономъ вводилось, правда обязательное обученіе и учреждались свѣтскія школы, но удерживалось за религіозными школами право получать субсидіи, причемъ фондъ для этихъ субсидій долженъ быть образовываться изъ школьнаго налога, неосредственно уплачиваемаго отцомъ семейства. Чэмберленъ обвинялъ Форстера и Гладстона въ томъ, что они обманули нонконформистовъ, всегда поддерживавшихъ либеральную партію и считавшихъ ее союзницей. Онъ грозилъ либераламъ разрывомъ отъ имени всѣхъ «несогласныхъ» съ англійской господствующей церковью.

Въ муниципальномъ совѣтѣ Бирмингама, куда Чэмберленъ былъ также избранъ членомъ, онъ быстро создалъ себѣ многочисленныхъ враговъ рѣзкостью своихъ рѣчей и пылкою защитой либеральныхъ идей. Онъ требовалъ, чтобы интеллигентнымъ дѣтямъ бѣдныхъ семействъ былъ облегченъ доступъ въ высшія школы. Онъ настаивалъ на открытіи въ воскресные дни музея и публичной библіотеки, чтобы доставить

рабочимъ классамъ полезныя развлеченія въ часы отдыха. Тогда всѣ эти мѣры, которыя теперь осуществлены, казались выраженіемъ опаснаго радикализма. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что репутація радикала упрочилась за Чэмберленомъ, и на новыхъ муниципальныхъ выборахъ, происходившихъ въ 1872 году, возникла ожесточенная борьба между его сторонниками и противниками. Однако, ему удалось все-таки добиться своего избранія и затѣмъ, при помощи особой тактики, даже совершенно побѣдить консервативное большинство, въ теченіе столькихъ лѣтъ управлявшее городомъ, замѣнивъ его либеральнымъ большинствомъ. Въ первый разъ муниципальные выборы велись на почвѣ борьбы политическихъ партій: каждому консервативному кандидату либералы противопоставляли либеральнаго кандидата. Побѣжденная партія горько жаловалась на это вмѣшательство партійной политики въ муниципальныя дѣла, утверждая, что такое нововведеніе грозитъ серьезными опасностями въ будущемъ. Но на Чэмберлена эти упреки не дѣйствовали. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ открыто защищалъ свою новую тактику, доказывая, что управленіе съ помощью партіи прямо вытекаетъ изъ духа представительныхъ учрежденій и что если избиратели не будутъ руководствоваться на выборахъ политическою программой, то выборы будутъ производиться на основаніи личнаго предпочтенія, мѣстныхъ предразсудковъ и т. д. Но допуская политику и партійные вопросы въ избирательную борьбу, Чэмберленъ въ то же время горячо возставалъ противъ воздѣйствія ихъ на пренія совѣта, который долженъ былъ вѣдать только муниципальные интересы. Тутъ всѣ политическіе вопросы, по его мнѣнію, должны были уступать мѣсто вопросамъ чисто дѣлового характера.

Горячность избирательной борьбы пробудила Бирмингамъ отъ спячки и возбудила живой интересъ къ муниципальнымъ вопросамъ, къ которымъ большинство избирателей относилось раньше вполнѣ равнодушно. Чэмберленъ не замедлилъ воспользоваться этимъ оживленіемъ, чтобы осуществить реформы, о которыхъ онъ мечталъ уже нѣсколько лѣтъ. Весьма кстати для этихъ его цѣлей либеральное большинство новаго муниципальнаго совѣта выразило свою благодарность Чэмберлену, избравъ его меромъ въ 1873 году почти единогласно.

Бирмингамъ въ то время очень отсталъ отъ другихъ городовъ—Глазгова, Манчестера и Бредфорда—въ отношеніи своего благоустройства, хотя въ промышленномъ отношеніи онъ развивался быстро и въ 35 лѣтъ его населеніе болѣе чѣмъ удвоилось. Въ самомъ центрѣ города красовались старые полуразрушенные дома, гдѣ ютилось рабочее населеніе. Эти дома были настоящимъ разсадникомъ эпидемій, ежегодно производившихъ страшныя опустошенія въ городѣ. Грязь всюду была ужасная, а о какихъ-либо санитарныхъ мѣропріятіяхъ никто не заботился. Во всемъ городѣ не было ни одного публичнаго сада; ни одного свободнаго пространства, куда бы рабочее населеніе города

могло бы приходить, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ дневной работы.

Новый меръ тотчасъ же по своемъ избраніи энергично принялся за дѣло. Онъ рѣшилъ вновь перестроить цѣлый кварталъ съ 15 тысячами жителей, расширить водопроводъ и т. д. Эти широкіе планы испугали многихъ: единственный способъ достать необходимыя средства былъ—сильно увеличить прямые городскіе налоги.—На всѣ возраженія Чэмберленъ отвѣчалъ: «не забывайте, что это не только вопросъ о налогахъ, но также вопросъ о жизни и смерти!».

Чэмберленъ побѣдилъ по всей линіи. Его практическій дѣловой умъ указалъ ему способы согласовать гигіеническіе интересы съ интересами финансовыми. Онъ даже нашелъ источники дохода тамъ, гдѣ его сограждане ожидали однихъ потерь. Такимъ образомъ, ему удалось сломить сопротивленіе своихъ оппонентовъ. Бирмингамъ преобразовался. На мѣстѣ ужасныхъ лачугъ—«slums»—пролегаетъ теперь великолѣпная улица «Corporation Strect», на которой въ настоящее время возвышается фонтанъ въ готическомъ стилѣ, украшенный портретомъ Чэмберлена и воздвигнутый благодарнымъ городомъ въ его честь. Изъ первой своей борьбы Чэмберленъ вышелъ съ репутаціей «бирмингамскаго Наполеона».

Въ эту эпоху (въ 1874 г.) радикализмъ Чэмберлена получилъ нѣсколько болѣе яркую окраску—«a bit of Red», какъ говорили его сотоварищи въ совѣтѣ. Онъ даже до нѣкоторой степени примкнулъ къ коммунистической программѣ, выработанной въ Парижѣ три года назадъ и раздѣлялъ мнѣніе многихъ радикаловъ, что въ Англія должна быть республика. Тогда, впрочемъ, было довольно-таки распространено убѣжденіе, что все надвигающаяся волна демократіи непремѣнно должна снести въ Англіи престолъ, англиканскую церковь и палату лордовъ—эти остатки феодализма. Неудивительно, что и Чэмберленъ проникся этими взглядами, хотя надо сказать, что даже въ эпоху «зеленой молодости»—«saladdays», какъ говорятъ англичане,—Чэмберленъ никогда не увлекался крайностями и не былъ сторонникомъ революціи, а только постепенной политической эволюціи.

Въ Бирмингамѣ, сдѣлавшемся его второю родиной, Чэмберленъ стяжалъ себѣ самую почтенную репутацію, и городъ дѣйствительно ему многимъ обязанъ. Благодарные бирмингамцы отплачиваютъ ему за это преданностью и любовью и для нихъ онъ до сихъ поръ остается по прежнему «Our Joe» (нашъ Джо). Лордъ Рандольфъ Черчиллъ даже однажды подшутилъ сказавъ, что «Чэмберленъ и Бирмингамъ—синонимы». Однако, эта арена дѣятельности скоро перестала удовлетворять Чэмберлена. Честолюбіе его требовало другой болѣе широкой почвы; его влекло въ Вестминстерскій дворецъ и онъ не замедлилъ добиться своей цѣли. Въ первый разъ, выступивъ кандидатомъ въ Шеффильдѣ, онъ потерпѣлъ пораженіе на парламентскихъ выборахъ, но черезъ два

года его добрый городъ Бирмингамъ почти единогласно избралъ его своимъ представителемъ.

Сорока лѣтъ Чэмберленъ вступилъ въ парламентъ министерства Дизраэли. Нельзя сказать, чтобы тамъ ему былъ оказанъ радушный пріемъ. Онъ былъ величиною только въ провинціи, а въ столицѣ пользовался лишь весьма скромной репутаціей. Впрочемъ, и слухи, которые ходили о немъ, были не такого рода, чтобы снискать ему расположеніе большинства. Для виговъ, какъ и для торіевъ Чэмберленъ былъ *слишкомъ* радикалъ, мечтающій только о разрушеніи существующаго строя, сначала трона, потомъ церкви или наоборотъ, такъ какъ тутъ порядокъ не играетъ большой роли. Всѣ смотрѣли съ предубѣжденіемъ на «свирѣпаго радикала», хотя этотъ самый радикалъ принималъ въ Бирмингамѣ въ качествѣ мера принца Уэльскаго и даже сказалъ такую привѣтственную рѣчь, которая вызвала полное одобреніе консервативнаго «Times'а». Говорили даже, что принцъ Уэльскій, пожимая руку Чэмберлену, подумалъ о томъ, что онъ пожимаетъ руку будущему первому министру. Если, дѣйствительно, принцу пришла въ голову такая мысль, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ также подумать и о тѣхъ соціальныхъ превращеніяхъ, которымъ должна будетъ подвергнуться аристократическая Англія прежде чѣмъ это случится.

Неувѣренно и робко вступилъ Чэмберленъ въ залы Вестминстерскаго дворца. Въ Бирмингамѣ онъ игралъ первую роль, считался лучшимъ ораторомъ, но здѣсь онъ чувствовалъ себя на чужбинѣ. Однако, онъ побѣдилъ свою робость и, какъ «practical man», прежде всего старательно изучилъ всѣ парламентскіе обычаи, строго соблюдаемые всѣми депутатами и имѣющіе силу закона. Онъ тщательно выучилъ наизусть curriculum vitae своихъ многочисленныхъ парламентскихъ коллегъ, такъ какъ въ парламентѣ не принято называть депутатовъ по имени, а надо говорить: депутатъ отъ такого-то округа.

Надъ всѣмъ этимъ Чэмберленъ поработалъ очень усердно, прежде чѣмъ рѣшился выступить въ качествѣ оратора. Но когда онъ въ первый разъ поднялся, чтобы сказать свою рѣчь, то всѣ были поражены изумленіемъ. Репутація Чэмберлена какъ «свирѣпаго радикала» заставляла предполагать, что онъ явится въ парламентъ въ небрежномъ костюмѣ, а, между тѣмъ, когда онъ всталъ со своего мѣста, то всѣ увидѣли передъ собою истаго британскаго джентльмена съ моноклемъ въ глазу и орхидеей въ бутоньеркѣ. Этотъ монокль и орхидея сдѣлались впослѣдствіи достояніемъ каррикатуры, доставившей имъ огромную популярность въ Англіи. Чэмберленъ произнесъ свой «maiden speech» по поводу билля лорда Сандона о народномъ просвѣщеніи. Затѣмъ, послѣ этого вступленія онъ уже принималъ активное участіе въ преніяхъ.

Консервативное министерство Дизраэли, смѣнившее либеральное министерство Гладстона, управляло страной въ теченіе $6^1/_2$ лѣтъ. Программу этого министерства составляло охраненіе всѣхъ учрежденій ста-

рой Англіи: королевской власти, англиканской церкви и палаты лордовъ и поэтому, за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ реформъ, да законовъ о рабочихъ, правительство Дизраэли ничѣмъ особеннымъ не ознаменовало своей дѣятельности въ области внутренней политики; за то въ области внѣшней политики министерство стремилось поднять чувство націанальнальной гордости и чести. Либеральная партія категорически высказывалась противъ распространенія колоній и стояла за ихъ отдѣленіе, ибо онѣ только обременяли бюджетъ, но консерваторы ставили своимъ девизомъ неразрывность британской имперіи и положили начало имперіалистской политикѣ, плоды которой Англія пожинаетъ теперь.

Однако, несмотря на успѣхи Биконсфильда (Дизраэли) во внѣшней политикѣ, увеличеніе блеска англійскаго престижа за границей и торжественную встрѣчу, устроенную ему въ Лондонѣ послѣ возвращенія съ берлинскаго конгресса, онъ все-таки потерпѣлъ пораженіе на выборахъ 1880 года и на смѣну его министерству явилось снова министерство Гладстона. Для Чэмберлена эта перемѣна министерства послужила первымъ шагомъ къ достиженію намѣченной цѣли, такъ какъ Гладстонъ предложилъ ему портфель министра торговли (the Board of Trade) въ своемъ кабинетѣ.

Многихъ удивило такое быстрое возвышеніе Чэмберлена, такъ недавно, не болѣе четырехъ лѣтъ назадъ, вступившаго въ палату общинъ. Въ парламентской жизни Англіи существовалъ только одинъ примѣръ такого быстраго возвышенія. Питтъ послѣ четырехлѣтней парламентской дѣятельности занялъ мѣсто перваго министра. Но тотъ, кому была извѣстна закулисная сторона дѣла, не долженъ былъ изумляться назначенію Чэмберлена. Въ самомъ дѣлѣ, либеральная партія была ему обязана благодарностью. Сообразивъ, что онъ недалеко уйдетъ, если будетъ сражаться, какъ рядовой въ рядахъ либераловъ, Чэмберленъ рѣшилъ создать себѣ власть и вліяніе, которыхъ ему не хватало, внѣ парламента. Одинъ онъ, конечно, не могъ идти въ счетъ, но сдѣлавшись главою группы или политической ассоціаціи, онъ становился человѣкомъ, съ которымъ нужно было считаться, который могъ быть опасенъ какъ врагъ и нуженъ какъ другъ.

Съ этою цѣлью онъ создалъ въ своемъ миломъ Бирмингамѣ «Національную федерацію либеральныхъ ассоціацій» и превратилъ ее въ могущественное орудіе борьбы. Когда произошли выборы, давшіе большинство либеральной партіи, то это большинство было получено благодаря поддержкѣ Чэмберлена и его федераціи. Такимъ образомъ Чэмберлену удалось ясно показать будущему правительству, на что онъ способенъ, и внушить ему желаніе заручиться его содѣйствіемъ.

Пребываніе Чэмберлена въ кабинетѣ Гладстона не прошло безслѣдно. Съ его именемъ связано нѣсколько весьма полезныхъ законовъ и главнымъ образомъ двухъ: закона о патентахъ и закона о банкрот-

ствахъ. Кромѣ того, онъ предпринялъ энергичный походъ противъ возмутительныхъ злоупотребленій, чрезвычайно распространенныхъ среди кораблевладѣльцевъ. Онъ доказывалъ необходимость закона, который долженъ былъ бы препятствовать отправленію въ море никуда негодныхъ судовъ, такъ какъ это является преступною спекуляціей со стороны кораблевладѣльцевъ. за которую многія тысячи моряковъ платятся своею жизнью. Кораблевладѣлецъ заранѣе строитъ свои разсчеты на «счастливомъ крушеніи», которое дастъ ему возможность получить страховую премію и возобновить свой флотъ, не развязывая кошелька. Чэмберленъ потребовалъ такихъ законовъ, которые бы прекратили эту безсовѣстную спекуляцію. Конечно, это подняло страшную бурю среди кораблевладѣльцевъ и сильная оппозиція явилась причиною того, что билль провалился въ палатѣ общинъ. Возмущенный этимъ Чэмберленъ тотчасъ же хотѣлъ выйти въ отставку, но Гладстонъ успокоилъ своего черезчуръ пылкаго коллегу и тотъ остался. Организована была слѣдственная коммиссія для болѣе подробнаго разслѣдованія этого вопроса и, въ концѣ концовъ, законопроектъ, благодаря настойчивости Чэмберлена, былъ вотированъ палатой.

Вліяніе Чемберлена въ кабинетѣ усилилось и хотя онъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ общей политики иногда и вступалъ въ оппозицію старымъ либераламъ, но въ общемъ онъ мало расходился съ Гладстономъ въ это время. Вниманіе министерства было поглощено въ этотъ промежутокъ времени двумя вопросами: избирательною реформой и ирландскимъ вопросомъ. Этотъ роковой вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ и постоянно напоминалъ о себѣ. Положеніе Ирландіи было безвыходнымъ. Народъ бѣдствовалъ и волновался и такъ какъ единственнымъ его средствомъ къ существованію была земля, то ирландскіе фермеры оспаривали другъ у друга каждый ея клочекъ, повышая арендную плату. Но при первомъ же неурожаѣ наступало бѣдствіе; фермеры не могли уплатить арендной платы и ихъ выселяли. Эти «выселенія» вызывали возмездіе со стороны населенія, покушенія на жизнь землевладѣльцевъ и т. п. Въ 1870 г. Гладстонъ провелъ въ палатѣ аграрный законъ, который, однако, какъ всѣ полумѣры, не могъ разрѣшить положенія. Неурожай 1879 г. усилилъ бѣдствіе и къ концу этого несчастнаго года была основана въ Дублинѣ «аграрная лига», которая такъ много заставила говорить о себѣ впослѣдствіи. Второе министерство Гладстона, вступившее во власть въ 1880 году, было привѣтствовано съ радостью въ Ирландіи, такъ какъ всѣ ожидали отмѣны принудительныхъ мѣръ и репрессій, введенныхъ консервативнымъ правительствомъ. Дѣйствительно Гладстонъ выказалъ готовность провести дальнѣйшія аграрныя реформы въ Ирландіи и умиротворить ирландцевъ, но ирландская партія, во главѣ которой сталъ тогда Парнелль, не пошла на уступки и требовала болѣе радикальной реформы. Агитація усилилась, а вмѣстѣ съ нею и аграрныя преступленія, такъ

что статсъ-секретарь Ирландіи Форстеръ заявилъ о невозможности управлять страной обыкновенными средствами. Снова, несмотря на отвращеніе Гладстона къ принудительнымъ мѣрамъ, министерство рѣшилось бороться, конечно, неравнымъ оружіемъ. Палата вотировала «принудительный билль» въ засѣданіи, которое длилось безъ перерыва съ понедѣльника четырехъ часовъ до среды утра.

Завязалась борьба не на шутку. На мѣропріятія Гладстона Парнелль, съ своей стороны, отвѣчалъ воззваніемъ не платить арендной платы, пока народу не будутъ возвращены его конституціонныя права. «Противъ пассивнаго сопротивленія цѣлаго народа нѣтъ оружія у военной силы», говорилъ онъ. Арестъ Парнелля, вмѣстѣ съ другими вожаками ирландской агитаціи, нисколько не прекратилъ движенія; ирландскій вопросъ принималъ все болѣе и болѣе грозный характеръ и наконецъ Гладстонъ, уступая настояніямъ своихъ радикальныхъ коллегъ и въ особенности Чэмберлена, да и самъ убѣдившись, что съ принудительными мѣрами далеко не уйдешь, согласился вступать въ сношенія съ предводителями ирландскаго движенія, посаженными въ тюрьму въ Кильменгемѣ, и переговоры эти провели къ заключенію такъ называемаго «Килменгемскаго договора», послѣ котораго узникамъ была возвращена свобода. Переговоры происходили при посредствѣ Чэмберлена, выказывавшаго тогда самыя горячія симпатіи Ирландіи и настаивавшаго на томъ, чтобы Англія удовлетворила ея законныя требованія. Онъ находился тогда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ирландскою націоналистскою партіей и даже заслужилъ со стороны своихъ противниковъ ироническое прозвище «general solicitor» ирландской партіи.

Форстеръ, статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, тотчасъ же вышелъ въ отставку, какъ только состоялось соглашеніе Парнелля съ Гладстономъ, и Чэмберленъ надѣялся замѣнить его. Онъ былъ въ тѣ времена преданнымъ другомъ и союзникомъ ирландскихъ націоналистовъ и всегдашнимъ ихъ заступникомъ. Безъ сомнѣнія, они бы съ радостью встрѣтили его назначеніе и, быть можетъ, еслибъ оно состоялось, не было бы теперь кровопролитной войны въ южной Африкѣ, такъ какъ не только безпокойное честолюбіе Чэмберлена нашло бы удовлетвореніе, но и для его энергичной натуры открылось бы болѣе широкое поле дѣятельности.

Чэмберленъ считалъ себя въ силахъ справиться съ трудною задачей умиротворенія Ирландіи—задачей, разрѣшить которую не удавалось ни одному изъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Онъ даже совѣщался по этому поводу съ представителями ирландской партіи и и вынесъ изъ этого совѣщанія самыя радужныя надежды. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Мѣсто государственнаго секретаря или министра по дѣламъ Ирландіи не было предложено Чэмберлену. Гладстонъ почему-то выбралъ преемникомъ Форстера лорда Кэ-

вендиша, который вскорѣ былъ убитъ среди бѣлаго дня въ Дублинскомъ паркѣ. На это убійство министерство Гладстона тотчасъ же отвѣчало введеніемъ исключительнаго режима, который господствовалъ въ Ирландіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Чэмберленъ, хотя и уступилъ волѣ главы кабинета, но продолжалъ все-таки заявлять при всякомъ случаѣ о своей ненависти къ политикѣ репрессалій и своемъ горячемъ желаніи необходимыхъ реформъ, которыя однѣ только могли положить конецъ невозможному порядку вещей. Но и въ это время онъ, все-таки, отвергалъ всякую идею сепаратизма, выражая увѣренность, что она не только подвергла бы опасности Англію, но оказалась бы роковой и для благосостоянія самой Ирландіи.

Чэмберленъ продолжалъ сношенія съ Парнеллемъ и его друзьями, но его новый проектъ «національныхъ совѣтовъ» былъ отвергнутъ кабинетомъ въ концѣ 1884 года, а въ іюнѣ 1885 года министерство Гладстона вышло въ отставку, уступивъ свое мѣсто министерству лорда Сольсбёри.

Чэмберленъ, получивъ свободу дѣйствій, воспользовался ею, чтобы совершить политическую поѣздку въ Ирландію и, чтобы обезпечить себѣ благопріятный пріемъ, написалъ предварительно посланіе къ главнымъ вождямъ ирландскаго движенія. Въ этомъ посланіи онъ излагалъ программу реформъ, которыя, по его мнѣнію, должны быть проведены въ Ирландіи. Однако разсчеты его оказались ошибочными. Парнелль, требованія котораго все возрастали, настаивалъ теперь на независимомъ ирландскомъ парламентѣ и не допускалъ никакихъ уступокъ въ этомъ отношеніи, въ увѣренности, что которая-нибудь изъ англійскихъ партій дастъ ему то, что онъ требуетъ. Благодаря такой настойчивости Парнелля, соглашеніе между нимъ и Чэмберленомъ не могло просуществовать долго. На поставленныя Парнеллемъ категорическія условія его бывшій другъ и союзникъ отвѣтилъ самымъ формальнымъ отказомъ. «Если это требованіе будетъ выполнено, сказалъ Чэмберленъ,—то мы должны будемъ отказаться отъ всякой надежды сохранить.—«Соединенное королевство». Мы бы создали тогда на разстояніи какихъ-нибудь тридцати миль отъ нашихъ береговъ чужую страну, глубоко враждебную намъ. Я твердо увѣренъ, что такая политика была бы пагубной для Ирландіи, опасной для государства, и мы должны принять всѣ мѣры, чтобы предотвратить подобное бѣдствіе. Съ своей стороны я готовъ былъ бы даровать ирландскому народу мѣстное управленіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, совершенно такъ же, какъ я желалъ бы ввести его у англичанъ и у ирландцевъ».

Такимъ образомъ разрывъ между Чэмберленомъ и ирландскими націоналистами сталъ совершившимся фактомъ, обѣ стороны обвиняли другъ друга въ неискренности. Ирландскіе націоналисты открыто заявляли, нѣсколько времени спустя, что Чэмберленъ готовъ былъ пойти

въ началѣ 1884 г., по крайней мѣрѣ, такъ же далеко, какъ пошелъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гладстонъ; они утверждали даже, что Чэмберленъ, по его собственному шутливому заявленію Парнеллю, «ничего не имѣлъ хотя бы противъ республики въ Ирландіи»,—подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ирландцы помогли ему разъединить старую либеральную партію, на развалинахъ которой онъ думалъ создать новую радикальную партію подъ собственнымъ предводительствомъ. Комбинація не удалась,—и сейчасъ мы увидимъ нашего гибкаго политика—тоже во враждѣ съ либералами, и тоже изъ-за ирландскаго вопроса,—только не на сторонѣ радикализма, а на сторонѣ консерватизма.

Консервативное министерство Сольсбери на этотъ разъ продержалось не долго, такъ какъ въ томъ же 1885 г. на общихъ выборахъ либералы вернули большинство, и въ февралѣ 1886 года Гладстонъ снова сдѣлался первымъ министромъ. Значеніе Чэмберлена настолько уже возрасло, что Гладстонъ не могъ оставить его за флагомъ, тѣмъ болѣе, что именно его смѣлая программа соціальныхъ реформъ содѣйствовала побѣдѣ либераловъ на послѣднихъ выборахъ. Чэмберленъ принялъ условно предложенный ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ, хотя, въ письмѣ Гладстону, и подчеркнулъ свое разногласіе съ нимъ относительно ирландскаго вопроса. Въ воззрѣніяхъ Гладстона на этотъ вопросъ произошелъ рѣшительный поворотъ въ сторону радикальной реформы. Онъ присоединился къ ирландцамъ, такъ какъ его собственное либеральное большинство было слишкомъ слабо, чтобы дать возможность либераламъ управлять, не опираясь на голоса ирландскихъ націоналистовъ. Къ тому же, Гладстонъ былъ убѣжденъ, что дарованіе «Home rule» не только удовлетворитъ чувство справедливости, но въ то же время будетъ содѣйствовать больше всякихъ другихъ мѣропріятій умиротворенію Ирландіи. Чэмберленъ зналъ намѣренія Гладстона, но, очевидно, оба въ душѣ надѣялись повліять другъ на друга. Это не удалось ни тому, ни другому, и разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. Сюда присоединились еще неудовольствія, возникшія между Джономъ Морлеемъ и Чэмберленомъ, и какъ ни старался Гладстонъ примирить ихъ, это ему не удалось.

Господство ирландскаго вопроса въ англійской политикѣ вызвало такимъ образомъ расколъ либеральной партіи. Часть ея, высказывающаяся противъ Home rule и видящая въ немъ первый шагъ къ раздробленію имперіи, настаивала на сохраненіи «уніи» съ Ирландіей, вслѣдствіе чего и получила названіе уніонистовъ. Это были диссиденты-либералы, составившіе оппозицію ирландскимъ реформамъ, къ которымъ примкнулъ Чэмберленъ, подавшій въ отставку тотчасъ же, какъ только Гладстонъ представилъ министерству свой проектъ ирландскаго самоуправленія. Общественное мнѣніе Англіи заволновалось. Въ газетахъ возникла страстная полемика и даже въ самой Ирландіи, въ Ульстерѣ, такъ называемые *оранжисты*, начали самую ярую агитацію противъ

гомруля. Королевѣ Викторіи была отправлена изъ Ульстера петиція, подписанная 30.000 женщинъ, умолявшихъ ее ни за что не давать своего согласія на законъ о гомрулѣ.

Пренія, возникшія въ палатѣ, когда Гладстонъ внесъ свой законопроектъ, носили такой же страстный характеръ и законопроектъ былъ отвергнутъ 341 голосомъ противъ 311.

Это было въ іюнѣ 1886 г. Гладстонъ распустилъ парламентъ, и новые выборы произошли на почвѣ ирландскаго вопроса, причемъ борьба возникла не между либералами и консерваторами, какъ прежде, а между обѣими фракціями либеральной партіи и кончилась полнымъ пораженіемъ партіи Гладстона, такъ какъ Чэмберленъ, во главѣ уніонистовъ, оказалъ на выборахъ поддержку консерваторамъ.

Новое министерство Сольсбѳри вступило въ коалицію съ уніонистами, соединившимися съ консерваторами съ цѣлью сохранить зависимость Ирландіи отъ центральнаго правительства. Но зато Чэмберленъ не замедлилъ оказать давленіе на министерство въ пользу своихъ излюбленныхъ реформъ, и добился административной децентрализаціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, ирландское движеніе возобновилось съ новою силой. Снова въ Ирландіи начались выселенія при помощи вооруженной силы, вслѣдствіе отказа арендаторовъ платить аренду. Въ Ульстерѣ же происходили настоящія сраженія между оранжистами и націоналистами. Правительство возбудило судебныя преслѣдованія противъ вожаковъ движенія, но это не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ присяжные не соглашались выносить обвинительные приговоры. Введеніе аграрнаго закона, по которому арендаторы могли становиться собственниками, не успокоило однако движенія, а новыя репрессаліи только усиливали борьбу.

Попытка достигнуть примиренія между гладстоновцами и уніонистами также не увѣнчалась успѣхомъ. Знаменитая «конференція за круглымъ столомъ», въ которой участвовали со стороны гладстоновцевъ—Уилльямъ Гаркуръ и Морлей, а со стороны уніонистовъ—Чэмберленъ и Тревиліанъ, кончилась окончательнымъ разрывомъ. Въ іюнѣ 1887 года Чэмберленъ безповоротно отдѣлился отъ либеральной партіи и новая фракція, соединившись съ консервативною партіей, образовала партію либералъ-уніонистовъ. Этотъ союзъ уже въ силу необходимости скрѣпился еще больше съ теченіемъ времени, когда борьба разгорѣлась сильнѣе.

Такимъ образомъ совершился переходъ «Редикала» Чэмберлена отъ либераловъ къ консерваторамъ. Конечно, главнымъ побужденіемъ при этомъ переходѣ были честолюбивые планы Чэмберлена. Но орудіемъ честолюбія была для Чемберлена «радикальная» программа. Что сдѣлалось съ ней въ новомъ фазисѣ его политической карьеры?

Мы знаемъ, что Чэмберленъ давно уже выставилъ на своемъ знамени осуществленіе тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя, по его мнѣнію,

должны были обезпечить благосостояніе массъ. Онъ примкнулъ къ либеральной партіи именно потому, что надѣялся скорѣе добиться этихъ реформъ отъ нея, нежели отъ консерваторовъ. Однако, его программа реформъ, которую онъ съ истинно-воинственнымъ жаромъ проповѣдывалъ на выборахъ 1885 г., напугала не только старыхъ либераловъ, но и нѣкоторыхъ изъ послѣдователей радикальной манчестерской школы. Чэмберленъ выставилъ свою программу отъ имени молодой англійской демократіи, и Гладстонъ отказался сначала присоединиться къ ней, но эта «неутвержденная» главою либераловъ программа тѣмъ не менѣе въ значительной степени содѣйствовала побѣдѣ либеральной партіи на общихъ выборахъ, такъ какъ привлекла на ея сторону голоса рабочихъ въ городахъ и селахъ. Чэмберленъ имѣлъ такимъ образомъ право надѣяться, что его, не признанная оффиціально, программа будетъ всетаки усвоена партіей съ теченіемъ времени, но ирландскій вопросъ разрушилъ его надежды и это было толчкомъ, заставившимъ его обратиться въ другую сторону.

И такъ, какъ это ни странно, «радикализмъ» Чэмберлена оказалъ ему услугу, послуживъ ему мостомъ для перехода въ консервативный лагерь. Но здѣсь передъ честолюбивымъ политикомъ открылись новыя перспективы, передъ которыми поблѣднѣли и стушевались его филантропически-соціальныя затѣи.

Будущій имперіалистъ уже давно сказывался въ Чэмберленѣ. Онъ стоялъ за самыя широкія реформы мѣстнаго управленія, но не хотѣлъ раздробленія имперіи. «Если великая Великобританія будетъ нераздѣльной, то ни одна имперія въ мірѣ не превзойдетъ ее величіемъ, населенностью, богатствомъ и разнообразіемъ средствъ», говорилъ онъ впослѣдствіи. Эта мысль была преобладающей еще тогда, когда онъ стоялъ рядомъ съ Гладстономъ, и вообще проходитъ красною нитью черезъ всю его политическую карьеру. Теперь старая идея получаетъ новую пищу.

Лордъ Сольсбёри, сдѣлавшись главою кабинета послѣ пораженія либеральною партіей на выборахъ въ 1886 г. и понимая, что Чэмберлену неудобно тотчасъ же вступить въ торійское министерство, предложилъ своему новому союзнику отправиться въ качествѣ представителя Великобританіи въ Америку, чтобы разрѣшить старинный споръ о канадскихъ рыбныхъ промыслахъ. Чэмберленъ охотно согласился и прекрасно справился со своею задачей, но эта поѣздка, повидимому, имѣла рѣшающее вліяніе на его образъ мыслей. Въ немъ укрѣпилась идея объединенія всѣхъ народовъ англо-саксонской расы въ обширную федерацію, грандіозная мечта о созданіи такой великой Великобританіи, съ могуществомъ которой уже не въ состояніи была бы соперничать ни одна держава въ мірѣ.

«Великимъ имперіямъ принадлежитъ будущее,—говорилъ онъ,—а второстепенныя государства, которыя не прогрессируютъ, повидимому, обречены на подчиненное положеніе. Такова характерная черта и преобладающая тенденція современной эпохи».

Эта идея, которой Чэмберленъ отдался со свойственною ему страстностью, была главнымъ стимуломъ, заставившимъ его съ такою же энергіей поддерживать торійское министерство, съ какою онъ поддерживалъ раньше либеральное. Несмотря однако на свое вліяніе и большую популярность, ему не удалось все-таки побѣдить «великаго старца», который въ 1892 г. въ четвертый разъ сдѣлался первымъ министромъ. Чэмберленъ тогда вступилъ въ ряды оппозиціи и горячо сражался противъ ирландскаго билля Гладстона. Билль былъ принятъ въ палатѣ общинъ большинствомъ 301 голоса противъ 267, но провалился въ верхней палатѣ, гдѣ лорды высказались противъ него подавляющимъ большинствомъ 419 голосовъ противъ 41. Чэмберленъ, горячо возстававшій прежде противъ палаты лордовъ, считавшій ее остаткомъ феодализма, который давно бы слѣдовало уничтожить безслѣдно, сказалъ тутъ, что «палата лордовъ, отвергнувъ ирландскій билль, заслужила неувядаемую благодарность современнаго поколѣнія Англіи».

Побѣжденный и измученный Гладстонъ не только удалился съ поля битвы, но сошелъ и съ политической спены, передавъ бразды правленія лорду Розберри. Впрочемъ, существованіе министерства Розберри было очень непрочно и незначительное большинство, на которое оно опиралось, словно таяло въ воздухѣ послѣ каждаго голосованія. Чэмберленъ, по прежнему, былъ въ оппозиціи и только разъ вотировалъ вмѣстѣ съ либералами, когда Асквитъ внесъ свой билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Уэльсѣ. Какъ нонконформистъ чистой крови, Чэмберленъ въ этомъ вопросѣ никогда не дѣлалъ никакихъ уступокъ своимъ новымъ союзникамъ консерваторамъ и всегда упорно боролся противъ привилегій государственной церкви. Въ 1895 г. министерство Розберри пало вслѣдствіе недостатка единодушія, и новое министерство Сольсбёри составилось изъ членовъ обѣихъ фракцій консерваторовъ и либералъ-уніонистовъ.

Чэмберленъ, вступившій въ торійское министерство, долженъ былъ, конечно, представить своимъ избирателямъ объясненіе, какимъ образомъ онъ, радикалъ, превратился въ союзника главы партіи тори. Мы видѣли, что ему легко было найти эти объясненія. Вотъ что онъ сказалъ: «Въ послѣдніе годы я преслѣдовалъ только одну цѣль—сохраненіе уніи между Великобританіей и Ирландіей. Для этого я и поддерживалъ консервативное правительство съ 1886 г. по 1892 г., и еслибъ было возможно, то продолжалъ бы его поддерживать, сохраняя свою независимость, но настало время, когда либералы-уніонисты должны нести свою долю отвѣтственности въ управленіи страной. Ихъ вступленіе въ уніонистскую администрацію, которая только что сформировалась, должно служить для васъ гарантіей, что, поддерживая величіе имперіи и обезпечивая ея вліяніе за границей, новое правительство не будетъ упускать изъ виду народныхъ желаній и не уменьшитъ своихъ усилій, направленныхъ къ улучшенію благосостоянія массъ. Если я согласился теперь вступить въ министерство, то изъ этого вы не должны

выводить заключенія, что мои взгляды на соціальныя реформы сколько-нибудь видоизмѣнились. Но я думаю, что въ своемъ новомъ положеніи я скорѣе буду въ состояніи достигнуть цѣли, нежели въ томъ случаѣ, если я останусь независимымъ членомъ». И его вѣрные избиратели ни на одну минуту не заподозрили его искренности. Не все ли равно, будетъ ли онъ сражаться рядомъ съ либералами противъ консерваторовъ или рядомъ съ консерваторами противъ либераловъ! Джо-радикалъ не могъ быть поглощенъ ни тѣми, ни другими, онъ всегда останется самимъ собой и постарается доставить народу наибольшія выгоды!

Итакъ, Чэмберленъ, по его словамъ, вступилъ въ министерство Сольсбери въ надеждѣ, что оно будетъ болѣе либеральнымъ, нежели консервативнымъ, и въ особенности въ надеждѣ занимать въ немъ преобладающее мѣсто. Но всѣ были искренно удивлены, когда Чэмберленъ взялъ портфель министра колоній. До сихъ поръ эта должность считалась второстепенной и никто не могъ понять, какъ это честолюбивый Чэмберленъ обратилъ на нее свои взоры. Конечно, никто еще не подозрѣвалъ тогда той эволюціи, которая совершилась во взглядахъ Чэмберлена, раньше столь же рѣзко какъ и Гладстонъ нападавшаго на «авантюристскую политику» лорда Биконсфильда въ 1880 году. Но то было время, когда онъ съ чувствомъ удовлетворенія взиралъ на проведенныя имъ крупныя реформы въ муниципальной администраціи Бирмингама и со скептической улыбкой относился къ «результатамъ имперіалистской политики, которая наградила Англію Кипромъ и Трансвааломъ». Когда послѣ событій 1882 года Гладстонъ былъ поставленъ въ необходимость оккупировать Египетъ, то Чэмберленъ не менѣе другихъ своихъ коллегъ въ министерствѣ сожалѣлъ объ этой оккупаціи и надѣялся, что вскорѣ Англіи можно будетъ избавиться отъ этого «новаго бремени».

Такъ думалъ Чэмберленъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но по мѣрѣ того какъ онъ знакомился съ государственными дѣлами, вопросы внѣшней политики, которымъ онъ раньше придавалъ второстепенное значеніе, стали занимать его больше и онъ мало-по-малу началъ приходить къ заключенію, что между иностранною политикой какой-нибудь страны и ея внутреннимъ благосостояніемъ и развитіемъ существуетъ болѣе или менѣе тѣсная связь. Въ началѣ своей политической карьеры онъ думалъ, что смѣлыя законодательныя реформы, являющіяся необходимымъ результатомъ демократизаціи Англіи, достаточны будутъ для того, чтобы обезпечить счастіе массѣ населенія. Но скоро ему пришлось убѣдиться въ тщетѣ этой надежды. Соціальное законодательство, апостоломъ котораго онъ сдѣлался, показалось ему недостаточнымъ, проведенныя реформы не уничтожили рабочихъ кризисовъ и являлись только слабымъ палліативомъ противъ многихъ соціальныхъ золъ. Онъ чувствовалъ, какъ его вѣра въ тѣ мѣропріятія, которыя онъ всегда такъ горячо защищалъ, постепенно слабѣетъ, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, что о реализаціи крупныхъ реформъ и думать нечего, по

крайней мѣрѣ при существующихъ обстоятельствахъ, и что въ силу заключеннаго имъ компромисса, ему приходится довольствоваться только лишь частичными реформами, да и то въ искаженномъ видѣ. Тогда у него явилась мысль, что судьбы рабочихъ классовъ и благосостояніе населенія можно улучшить посредствомъ другого рода способовъ. Англія, менѣе чѣмъ всякая другая страна, можетъ изолировать себя отъ внѣшняго міра, сношенія съ которымъ являются для нея необходимымъ условіемъ существованія. Въ этомъ внѣшнемъ мірѣ она находитъ рынки, куда можетъ сбывать свои продукты и поэтому ея благосостояніе тѣсно связано съ вопросомъ о рынкахъ. Придя же къ такому заключенію, Чэмберленъ объявилъ, что главною заботою правительства должно быть «пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ», а обратившись къ рабочимъ началъ ихъ убѣждать въ необходимости обращать больше вниманія на вопросы иностранной политики. «Посмотрите на результаты нашей связи съ колоніями, послѣдствія нашего вліянія въ Египтѣ и могущества въ Индіи,—говорилъ онъ,—на громадныя усилія, дѣлаемыя нашими соотечественниками, чтобы развить еще неизвѣданныя и громадныя области африканскаго континента, и вы убѣдитесь, что будущность трудящихся классовъ больше зависитъ отъ успѣха нашихъ заграничныхъ предпріятій, распространившихся по всей вселенной, нежели отъ какихъ-либо искусственныхъ мѣръ, направленныхъ къ поощренію производительности». Какъ видимъ, и на этотъ разъ хитроумный Джо съумѣлъ найти мостъ для своего новаго перехода отъ «радикализма» къ имперіализму.

Такова была перемѣна во взглядахъ на относительное значеніе внутренней и внѣшней политики, которая побудила Чэмберлена выбрать въ 1895 году министерство колоній. Теперь, въ противуположность прежнему, онъ отводилъ первое мѣсто колоніальнымъ и иностраннымъ дѣламъ и даже порицалъ вождей радикальной партіи за то, что они болѣе обращаютъ вниманіе на разныя «домашнія пререканія», которыя имѣютъ во всякомъ случаѣ лишь второстепенное значеніе, чѣмъ бы ни разрѣшились они впослѣдствіи.

Со свойственной ему энергіей Чэмберленъ принялся теперь трудиться въ пользу осуществленія своей идеи объединенія имперіи «великой Великобританіи», какъ прежде онъ трудился надъ успѣхомъ своихъ соціальныхъ реформъ. И мало-по-малу эти послѣднія, отодвинутыя на задній планъ, совершенно исчезли, поглощенныя доминирующей идеей, которая овладѣла умомъ и дѣятельностью Чэмберлена.

Первымъ шагомъ къ осуществленію идеи «великой федераціи имперіи» (Imperial Federation), которая должна была обезпечить величіе и могущество еще «болѣе великой Великобританіи» (Greater Great-Britain), былъ проектъ колоніальнаго таможеннаго союза. Чэмберленъ, вѣрный своимъ словамъ: «J am a practical man», и тутъ приступалъ къ вопросу съ практической, коммерческой, стороны. Чтобы укрѣпить связь между колоніями и митрополіей, Чэмберленъ предложилъ коммерческое согла-

шеніе—«Britich Customs Union», устанавливающее свободу торговли между колоніями и метрополіей, но вводящее пошлины для иностраннаго ввоза. Образцомъ для такого таможеннаго союза, повидимому, послужилъ Чэмберлену германскій «Zollverein». Англія, по мнѣнію Чэмберлена, предоставивъ полную свободу и автономное правительство своимъ колоніямъ, неосторожно поступила, допустивъ ихъ создать нѣкоторыя препятствія для ввоза продуктовъ англійскаго производства. Почти всѣ колоніи установили у себя протекціонистскую политику и учредили одинаковыя пошлины какъ для продуктовъ иностраннаго производства, такъ и для всѣхъ продуктовъ метрополіи,—и Англіи никогда не заявляла никакого протеста противъ этого. Понимая, что измѣнить положеніе вещей невозможно, такъ какъ колоніи слишкомъ ревниво оберегаютъ свою независимость, Чэмберленъ и выдвинулъ на сцену свой проектъ коммерческаго союза. Но, противъ ожиданія, его проектъ не встрѣтилъ въ Англіи того пріема, на который Чэмберленъ разсчитывалъ; колоніи же отнеслись къ нему несочувственно. Австралія, Канада, Новая Зеландія опасаются, что ихъ бюджеты сильно пострадаютъ, если англійскіе товары будутъ свободно допущены на рынки и торговля ихъ не въ состояніи будетъ выдержать конкуренціи. Чэмберленъ, однако, не изъ тѣхъ людей, которые складываютъ оружіе послѣ первой же неудачи, но ему пришлось волей-неволей на время отодвинуть свой проектъ коммерческаго союза въ виду сопротивленія колоній и новыхъ событій, отвлекшихъ его вниманіе.

Знаменитый набѣгъ Джемсона, агента «Chartered Company», произошелъ въ концѣ 1895 г., вскорѣ послѣ того какъ Чэмберленъ вступилъ въ управленіе дѣлами колоній. Какъ извѣстно, эта революціонная попытка была вызвана желаніемъ добиться насильственнымъ путемъ удовлетворенія требованій уитлэндеровъ. Попытка кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ, потому что въ организаціи этого набѣга англичане проявили свойственное имъ высокомѣрное отношеніе къ противнику и не потрудились освѣдомиться о его способности дать отпоръ. Мы видимъ въ настоящее время, что фіаско, испытанное Джемсономъ, не послужило для нихъ урокомъ.

Какъ бы поступило правительство, если бы набѣгъ Джемсона увѣнчался успѣхомъ, рѣшать не беремся, но въ данномъ случаѣ оно сдѣлало то, къ чему вынуждали его обстоятельства, т.-е. отреклось отъ Джемсона и его предпріятія. Конечно, трудно было допустить, чтобы министръ колоній не былъ своевременно освѣдомленъ о выступленіи Джемсона,—и Чэмберленъ не подумалъ отрицать это; онъ заявилъ парламентской слѣдственной коммиссіи, что онъ немедленно телеграфировалъ въ Капштадтъ, чтобы были употреблены всѣ средства остановить Джемсона, но... вслѣдствіе роковой случайности телеграфъ между Капомъ и Питзани оказался перерѣзаннымъ!

Джемсона судили, посадили въ тюрьму и такимъ образомъ внѣшность была соблюдена, но трансваальскій вопросъ, вызванный откры-

тіемъ въ Трансваалѣ богатѣйшихъ золотыхъ пріисковъ, остался неразрѣшеннымъ. Чэмберленъ, мечтающій о «Greater Great Britain», не могъ не обратить взоры на Трансвааль и не примкнуть къ Сесилю Родсу, основателю «южно-африканской компаніи», получившей привиллегію (хартію) на разслѣдованіе и пріобрѣтеніе земель въ южной Африкѣ, и къ его грандіознымъ планамъ. Развѣ же англійское владычество, объединивъ колоніи въ Южной Африкѣ, не должно было поставить эти послѣднія въ лучшія условія для прогресса и свободнаго культурнаго развитія?

Чэмберлена справедливо упрекаютъ въ томъ, что онъ подготовлялъ войну, т.-е. старался сдѣлать ее неизбѣжной всѣми зависящими отъ него средствами, даже до подстрекательства, подлога и подтасовки фактовъ включительно. Насколько вѣрно то, что его и Родса побуждали къ этому финансовыя затрудненія и неизбѣжное банкротство южно-африканской компаніи—это вопросъ пока открытый, такъ какъ трудно разобраться въ потокѣ обвиненій и упрековъ, которые посыпались теперь на Чэмберлена и всѣхъ его сподвижниковъ. Но несомнѣнно все-таки, что идея южно-африканской федераціи играла тутъ не послѣднюю роль. Агрессивная политика Чэмберлена встрѣтила сочувствіе во всѣхъ классахъ англійскаго общества. Онъ осмѣлился громко и рѣзко высказать то, что другіе думали или говорили втихомолку. Какъ бы тамъ ни было, но онъ указалъ на опасность, которую составляли для могущества Англіи соперничества молодыхъ и сильныхъ націй, на необходимость поставить ихъ въ извѣстныя границы пока еще не поздно, если Англія желаетъ сохранить въ своихъ рукахъ экономическое первенство, составляющее для нея источникъ богатства и политическаго господства. Это господство, которое Англія пріобрѣла съ самаго начала этого вѣка, необходимо для ея существованія; потеря его была бы равносильна смерти. Безъ сомнѣнія Чэмберленъ предпочелъ бы достигнуть своей цѣли, не прибѣгая къ кровопролитію, но если нѣтъ другого средства, то не слѣдуетъ упускать благопріятнаго момента, не дожидаясь, когда окрѣпнутъ силы молодыхъ соперничествующихъ націй и борьба окажется болѣе трудной.

Такъ разсуждалъ Чэмберленъ, поощряя набѣгъ Дженсома. Но онъ ошибся въ разсчетахъ. Онъ мечталъ повысить обаяніе и престижъ англійскаго имени и обезпечить Великобританіи преобладаніе на морѣ еще на нѣкоторый промежутокъ времени. Онъ думалъ, что подчиненіе Трансвааля обойдется недешево, но рѣшаясь дѣйствовать смѣло и настойчиво въ этомъ вопросѣ, онъ конечно, никогда не предполагалъ, что соперникъ окажется настолько сильнымъ, а Англія настолько мало подготовленной къ войнѣ.

Пораженія Англійскихъ войскъ, слѣдовавшія быстро одно за другимъ, вызвали поворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи. Джинго притихли и все громче и громче начинаютъ раздаваться протесты противъ войны, начатой такъ опрометчиво и обезславившей Англію. Вся

европейская печать, безъ различія партій, обрушивается на Чэмберлена и Англію и въ этомъ отношеніи можно наблюдать весьма трогательное единодушіе между людьми діаметрально противоположныхъ взглядовъ въ политикѣ. Въ Англіи, однако, имя Чэмберлена не возбуждаетъ такого взрыва негодованій, какъ это можно было бы ожидать. Страшныя обвиненія сыпятся на генераловъ, на все военное вѣдомство, оказавшееся не на высотѣ своего долга, но главный виновникъ того, что кровь теперь льется рѣкой въ южно-африканскихъ степяхъ, словно забывается при этомъ; лишь изрѣдка въ рѣчи какого нибудь либеральнаго оратора упомянутъ его и въ аудиторіи раздадутся свистки по его адресу, да во враждебныхъ ему газетахъ появятся разоблаченія его подвиговъ въ дѣлѣ Джемсона и злыя каррикатуры. Но это все, если можно такъ выразиться, единичныя манифестаціи. Народъ какъ будто прощаетъ ему всѣ тѣ ошибки, которыя сдѣланы имъ въ послѣдніе годы. Дѣйствительно, почва имперіализма оказалась менѣе податливой и менѣе подготовленной для воспріятія честолюбивыхъ плановъ Чэмберлена, чѣмъ обѣщала быть почва соціальной дѣятельности, въ которой онъ уже связалъ свое имя съ цѣлымъ рядомъ демократическихъ реформъ. На новой почвѣ Чэмберленъ роковымъ образомъ началъ терпѣть пораженія одно за другимъ. Его пылкость здѣсь особенно вредила дѣлу, мѣшала обдуманности его поступковъ. Его мечты о грандіозной федераціи, которая должна объ единить въ одно цѣлое Великобританію со всѣми ея колоніями, такъ и остались мечтами. Такая же участь постигла и его пресловутый «British Customs Union» и идею союза народовъ англосаксонской расы, «противъ котораго никто въ мірѣ не могъ бы устоять.» Онъ не встрѣтилъ сочувствія въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ не нашелъ его и въ Германіи, съ которою тоже хотѣлъ вступить въ соглашеніе. Но англійскій народъ обладаетъ способностью восхищаться тѣми, «кто умѣетъ хотѣть», и безусловно довѣряетъ имъ. Чэмберленъ высказалъ неуклонную энергію и стремительность въ достиженіи своихъ цѣлей. Онъ властно завладѣлъ англійскою политикой и въ короткое время, безъ всякихъ связей, лишь силою воли и таланта, прошелъ въ первые ряды, не дѣлая при этомъ никакихъ уступокъ и не подчиняясь формамъ, установленнымъ старинною британскою аристократіей. Директоръ «Ecole libre des sciénces politiques» очень удачно сравниваетъ Чэмберлена съ кометой, которая насильственно внѣдрилась въ плеяду величественныхъ свѣтилъ и продолжаетъ въ ней свой путь, не теряя ни одного изъ присущихъ ей свойствъ. Несомнѣнно, что это одна изъ самыхъ оригинальныхъ и сильныхъ фигуръ на современной политической сценѣ, и было бы преждевременно считать его роль въ Англіи оконченной, вслѣдствіе того оборота, который принимаютъ событія въ южной Африкѣ.

Э. Пименова.

Исторія животнаго населенія Европы въ его постепенномъ развитіи.

(*Продолженіе* *).

II.

Ледниковый періодъ.—Его причины.—Климатъ и ландшафты ледниковаго періода.—Ледниковые періоды повторяются.—Отдаленность ледниковаго періода отъ нашего времени.

Говоря коротко, вліяніе ледниковаго періода на фауну Европы сказалось въ томъ, что населявшая до того времени нашъ материкъ тропическая фауна смѣнилась приблизительно современной намъ. Пока мы не станемъ разбирать, какимъ образомъ это произошло. Намъ важно теперь отмѣтить лишь то, что продолжительность ледниковаго періода измѣряется тысячелѣтіями и что онъ принадлежитъ началу такъ наз. четверичной эры **) или періоду плейстоценовыхъ отложеній.

Какъ показываетъ само названіе этого періода, въ теченіе его ледники достигали огромнаго развитія во всемъ сѣверномъ полушаріи, т. е. въ Европѣ, Азіи, и Сѣверной Америкѣ, одновременно съ чѣмъ значительная часть этихъ материковъ опустилась много ниже тепершнаго уровня и была затоплена моремъ. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно, такъ какъ это сразу даетъ намъ возможность составить себѣ понятіе о климатѣ ледниковаго періода: если поверхность моря занимала бóльшую площадь, нежели теперь, мы не имѣемъ основанія думать, что климатъ ледниковаго періода отличался особой суровостью—это несовмѣстимо съ его влажностью. Съ другой стороны,

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

**) Мы различаемъ четыре эры въ исторіи развитія земной коры, соотвѣтственно съ чѣмъ всѣ слои земной коры дѣлятся на четыре группы, характеризуемыя, помимо петрографическихъ свойствъ ихъ отложеній, находящимися въ нихъ остатками организмовъ. Эти группы слѣдующія: 1) архейская (системы: лаврентьевская и гуронская); 2) палеозойная (системы: силурійская, девонская, каменноугольная и пермская, такъ называемыя первичныя): 3) мезозойная группа (системы: тріасовая, юрская и мѣловая, такъ называемыя вторичныя); 4) кэнозойная группа (системы третичная, эоценовая, міоценовая, пліоценовая) и послѣтретичная или четверичная, которой принадлежитъ, какъ первый членъ ряда, плейстоценъ.

влажность климата объясняетъ намъ обиліе водяныхъ осадковъ, поддерживавшихъ чрезмѣрное развитіе ледниковаго покрова.

Однако, вникая въ слѣды, оставленные ледниковымъ періодомъ болѣе пристально, мы безъ особаго труда приходимъ къ заключенію, что огромный промежутокъ времени, захваченный этимъ періодомъ, вовсе не характеризовался однимъ оледенѣніемъ значительныхъ площадей сѣвернаго полушарія: повидимому, извѣстныя области нѣсколько разъ и въ разной степени покрывались ледниковымъ покровомъ, тогда какъ въ промежутки между этими періодами оледенѣнія ледники сокращались до minimum'а и мѣстами даже исчезали совсѣмъ. Такимъ образомъ, мы должны говорить не объ одномъ ледниковомъ періодѣ, а о нѣсколькихъ, раздѣленныхъ межледниковыми. Въ теченіе послѣднихъ не только происходило сокращеніе ледниковъ, но также поднятіе прежде затопленныхъ площадей суши и болѣе или менѣе значительное смягченіе климата, не смотря на его большую сухость, подъ вліяніемъ очень важныхъ астрономическихъ причинъ.

Это возстановленіе оро-гидрографіи и климата сѣвернаго полушарія въ давно прошедшія времена возможно вслѣдствіе того, что и ледниковые, и межледниковые періоды оставили намъ по себѣ совершенно ясные слѣды. Слѣды эти нѣсколькихъ категорій: одни прямо принадлежатъ ледниковому покрову, другіе являются его слѣдствіемъ въ фаунистическомъ и флористическомъ отношеніи. Непосредственные слѣды ледниковаго покрова выражены въ шлифованныхъ, покрытыхъ тонкими штрихами (въ опредѣленномъ направленіи) скалахъ, въ валунахъ, занесенныхъ туда, гдѣ теперь нѣтъ и ничтожныхъ ледниковъ, и въ такъ называемыхъ моренныхъ образованіяхъ, т. е. обломкахъ скалъ, принесенныхъ и отложенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ ледникомъ, въ долинахъ. На фаунѣ и флорѣ вліяніе развитія ледниковаго покрова сказывается въ появленіи въ умѣренныхъ широтахъ такихъ формъ животной и растительной жизни, которыя нормально принадлежатъ арктическимъ странамъ. Хотя, какъ было замѣчено, средняя годовая температура ледниковаго періода не могла быть особенно низкой, однако въ извѣстныхъ предѣлахъ она была понижена и сравнительно съ прежней температурой, напр., западной или южной Европы была гораздо ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежніе обитатели этихъ областей не могли оставаться здѣсь болѣе и должны были отступить къ югу или даже вымереть, тогда какъ имъ на смѣну могли явиться арктическія формы съ одной стороны нашедшія себѣ въ болѣе южныхъ широтахъ при измѣнившихся климатическихъ условіяхъ подходящія условія жизни, съ другой — вытѣсненныя изъ ихъ прежней родины сильно развившимся оледенѣніемъ.

Само собою разумѣется, заключая о развитіи ледниковаго покрова и о нѣкоторыхъ климатическихъ измѣненіяхъ на основаніи присутствія въ относительно южныхъ широтахъ сѣверныхъ формъ, мы опираемся

на нынѣ извѣстные факты. Къ плейстоценовому періоду на земномъ шарѣ уже сказалась климатическая разница по широтамъ и въ связи съ этимъ животныя и растительныя формы приспособились къ разнымъ климатическимъ условіямъ, или, лучше сказать, ко всей суммѣ жизненныхъ условій въ разныхъ широтахъ, какъ это наблюдается, только въ болѣе рѣзкой формѣ, теперь. Въ общемъ мы несомнѣнно правы, дѣлая такой выводъ, хотя, конечно, возможно, что при продолжительной геологической исторіи какого-либо животнаго оно могло приспособляться къ довольно разнообразнымъ климатическимъ условіямъ, не измѣняясь сколько-нибудь значительно. Къ подобнымъ частнымъ случаямъ мы еще вернемся позднѣе.

Ледниковые слѣды той и другой категоріи такъ многочислены и такъ широко распространены, что нечему удивляться, если мы скажемъ, что въ общемъ явленія ледниковаго періода могутъ считаться одними изъ наилучше изученныхъ, не смотря на всю ихъ сложность. Особенно хорошо они изслѣдованы въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ, пока еще очень недостаточно въ Азіи. Однако, насколько извѣстно, сѣверная Азія ледниковаго періода сильно отличалась отъ Европы и Сѣв. Америки соотвѣтствующей эпохи, и это объясняетъ многое въ современной группировкѣ животныхъ.

Начиная съ чередованія ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ, мы имѣемъ передъ собою въ краткомъ изложеніи слѣдующее.

Въ предшествовавшій ледниковому періоду пліоценовый вѣкъ Сѣверное море было населено фауной, несомнѣнно указывающей на мягкій климатъ, что̀ подтверждается также прѣсноводными и наземными ископаемыми. Море занимало въ это время значительныя части восточной и южной Англіи, Бельгіи, Голландіи, сѣверной и западной Франціи и береговую полосу средиземноморской области. Съ теченіемъ времени климатъ сталъ суровѣе и прежніе обитатели оставили Сѣверное море, которое заняли сѣверныя формы, проникшія даже до Средиземнаго моря. На сушѣ пышная пліоценовая растительность и млекопитающія тропическаго характера также постепенно отступали передъ холодными зимами перваго ледниковаго періода. Внѣшнимъ образомъ этотъ періодъ характеризовался развитіемъ огромнаго ледника на мѣстѣ Балтійскаго бассейна, оледенѣніемъ горныхъ частей Британскихъ о-въ, горъ Оверньи и другихъ во Франціи, и, безъ сомнѣнія, многихъ горъ центральной Европы.

Однако, этотъ холодный періодъ мало-по-малу пришелъ къ концу, сѣверная фауна отступила на сѣверъ, на мѣстѣ южной части Сѣвернаго моря поднялась суша, соединившая Британскіе о-ва съ материкомъ Европы, пышная растительность развилась въ низменностяхъ и поднялась высоко въ горы, а вмѣстѣ съ нею изъ болѣе южныхъ широтъ явились и такія млекопитающія, какъ бегемотъ, слоны, олени и пр. Это—первый межледниковый періодъ, въ свою очередь уступив-

шій постепенно мѣсто второму или великому ледниковому періоду, когда ледники получили наибольшее развитіе, какого только достигали въ теченіе всѣхъ ледниковыхъ періодовъ, оказавъ огромное вліяніе на составъ европейской фауны. Именно это оледенѣніе охватило собою значительную часть Европейской Россіи, сокративъ вмѣстѣ съ моремъ до minimum'а ея сушу. Вмѣстѣ со вторымъ оледенѣніемъ опять появляются подъ южными широтами сѣверные жители, вытѣсняя болѣе южныя формы, и огромное *ледяное море* покрываетъ сѣверныя части материка, спускаясь до Саксоніи, тогда какъ вся центрально-европейская альпійская горная страна и многія другія горы западной, центральной и отчасти южной Европы представляли самостоятельные центры оледенѣнія. Само собою разумѣется, что такія огромныя физическія измѣненія должны были вызвать столь же значительныя измѣненія въ распространеніи животныхъ и растеній, и въ это время арктическія альпійскія растенія занимаютъ низменности центральной Европы, тогда какъ сѣверныя животныя доходятъ до Средиземноморскаго побережья. Продолжительность второго ледниковаго періода была огромна, какъ это доказываютъ принадлежащія ему моренныя и наносныя рѣчныя образованія. Тѣмъ не менѣе и онъ пришелъ къ концу, когда Британскіе о-ва снова соединились съ материкомъ, благодаря поднятію морского дна, и умѣренный, даже теплый климатъ опять распространился на большую часть материка. Принадлежащіе этому періоду ископаемые остатки растеній сѣверной Германіи и центральной Россіи несомнѣнно указываютъ, что климатъ второго межледниковаго періода былъ и мягче, и лишенъ тѣхъ контрастовъ по временамъ года, которые характеризуютъ современный. Въ это же время Европа соединилась съ сѣверной Африкой нѣсколькими перешейками и на ея почвѣ вмѣстѣ съ пышной флорой опять появилась богатая фауна съ бегемотомъ и слонами. Повидимому, этотъ межледниковый періодъ былъ очень продолжителенъ, о чемъ можно судить по глубинѣ рѣчныхъ долинъ этой эпохи, но постепенно и онъ кончился, снова значительная часть суши Европы была затоплена наступившимъ моремъ и наступилъ третій ледниковый періодъ.

Въ теченіе его ледники опять покрыли значительную часть сѣверной и сѣверо-западной Европы, равно какъ южныя страны средней и отчасти южной Европы, но ихъ развитіе было много меньше, нежели во второй ледниковый періодъ, хотя въ Россіи ледяной покровъ покрывалъ собою еще всю область Бѣлаго моря, Финляндію и сѣверо-западный край.

Третій ледниковый періодъ смѣнился послѣдовательно третьимъ межледниковымъ, четвертымъ ледниковымъ и такъ далѣе еще два или три раза, пока въ результатѣ послѣдовательныхъ опусканій и поднятій въ своихъ разныхъ частяхъ материкъ не принялъ сначала очертаній, описанныхъ ранѣе для послѣледниковаго періода, а потомъ и совре-

*

менныхъ. При каждомъ новомъ ледниковомъ періодѣ границы оледенѣній все болѣе и болѣе сокращались, и суша, говоря вообще, все болѣе и болѣе выигрывала въ размѣрѣ, тогда какъ измѣненіе климата изъ теплаго и равномѣрнаго въ современный намъ докончило измѣненіе фауны и флоры въ ранѣе указанномъ направленіи.

Такимъ образомъ, въ теченіе плейстоценоваго вѣка нѣсколько ледниковыхъ періодовъ чередовались съ межледниковыми и только въ теченіе одного или великаго ледниковаго періода ледниковый покровъ достигалъ необычайнаго развитія, а затѣмъ, говоря вообще, сокращался.

Въ Сѣв. Америкѣ ледники также достигали огромнаго развитія и захватывали большую часть материка, при чемъ, повидимому, это по времени совпадало съ ледниковыми періодами Европы.

Что же касается Азіи, то, кромѣ оледенѣній горъ центральной Азіи, мѣстами весьма значительныхъ, мы не знаемъ здѣсь другихъ ледниковыхъ образованій. Сибирь, повидимому, не покрывалась льдомъ, хотя, при общемъ пониженіи температуры на сѣверѣ, климатъ здѣсь становился постепенно все болѣе суровымъ, съ контрастами, свойственными континентальному климату. Это состояніе Сибири для насъ очень важно: здѣсь передъ нами огромная площадь, гдѣ третичное животное населеніе, повидимому, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какимъ въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ былъ ледниковый періодъ, могло мало-помалу измѣниться въ современное, преимущественно путемъ вымиранія третичныхъ и плейстоценовыхъ формъ. Это само собою опредѣляетъ Сибирь, какъ центръ распространенія для очень многихъ формъ животныхъ послѣ того, какъ въ результатѣ окончательнаго сокращенія ледниковъ почва Европы стала пригодной для такого разселенія.

Огромный интересъ представляетъ собою рѣшеніе вопроса о климатѣ ледниковаго періода и ледниковомъ ландшафтѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ климатъ былъ очень влажнымъ, такъ какъ безъ обилія водяныхъ осадковъ не могло образоваться скопленія льдовъ въ такомъ количествѣ, чтобы они захватили собою огромныя площади. Но что касается средней годовой температуры ледниковаго періода, то на это отвѣтить вовсе не легко. Можетъ быть самое правильное идти въ этомъ случаѣ путемъ аналогій и изученія подходящихъ примѣровъ, однако и это не даетъ совершенно удовлетворительнаго рѣшенія вопроса. Такъ, ледники Новой Зеландіи лежатъ подъ широтою гораздо низшей, нежели наши Альпы, и на горахъ сравнительно невысокихъ, но спускаются далеко въ долины, климатъ которыхъ очень мягкій, равномѣрный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень влажный. На небольшомъ разстояніи отъ ледниковъ Новой Зеландіи въ долинахъ растутъ даже такія нѣжныя растенія, какъ древовидные папоротники, и такимъ образомъ, повидимому, климатическіе контрасты сталкиваются на самомъ небольшомъ разстояніи. Обращаясь отсюда къ ледниковому періоду, мы, конечно, понимаемъ теперь нѣкоторыя изъ сопровождающихъ его явленій, какъ, напр., нахо-

жденіе недалеко другъ отъ друга остатковъ бегемота, гіены и мускуснаго быка: первые могли держаться дальше отъ края ледниковъ, на незанятыхъ льдомъ участкахъ суши, гдѣ сохранилась болѣе богатая растительность, послѣднее животное могло занимать участки суши между вклинивающимися языками ледника. Но почти совмѣстное нахожденіе остатковъ названныхъ животныхъ можно объяснять и другимъ образомъ: въ ледниковый періодъ лѣто также чередовалось съ зимою, какъ и теперь, но лѣто было гораздо короче, а зима гораздо длиннѣе. Возможно, что въ связи съ этою смѣною временъ года и животныя ледниковаго періода совершали небольшія переселенія, то поднимаясь далѣе къ сѣверу (лѣтомъ), то спускаясь нѣсколько къ югу (зимою). Въ такомъ случаѣ бегемотъ и гіена могли доходить лѣтомъ туда, гдѣ зимою появлялся мускусный быкъ. Но какое изъ этихъ двухъ объясненій вѣрно, рѣшить нѣтъ возможности.

Однако, что касается занятой ледниками площади, то мы не можемъ думать, чтобы климатъ здѣсь былъ особенно мягкимъ. По вычисленіямъ Гёфера, средняя годовая температура вблизи фирновой линіи въ ледниковый періодъ была около —2,2° R., т. е. почти та же, что и температура вблизи нынѣшней альпійской фирновой линіи. Лѣто въ сѣверной Гренландіи холоднѣе, нежели зима на Британскихъ о-вахъ, такъ какъ средняя лѣтняя температура не превышаетъ здѣсь +1° и +2° R. Слѣдовательно, объ особенно энергичномъ проявленіи животной и растительной жизни въ занятой льдами области Европы нечего и говорить; но было бы ошибочно думать, что ледниковый ландшафтъ представлялъ собою просто ледяную пустыню, по крайней мѣрѣ этого не должно было быть въ области ледниковъ ближе къ ихъ южной границѣ. Въ этомъ отношеніи для насъ особенно поучительны ледники Аляски и, преимущественно, система глетчеровъ, спускающихся теперь до уровня океана съ альпійской цѣпи горъ Св. Иліи и самой горы Св. Иліи. «Располагаясь около 60° сѣв. шир., между годичными изотермами +4° и +6° (около —8° январьской и +14° іюльской средней температуры), ледники горы Св. Иліи представляютъ, къ тому же, замѣчательное и въ высшей степени поучительное явленіе въ томъ отношеніи, что на поверхности ихъ льда (отъ 300′ до 700′ мощности), покрытой толстымъ моренньмъ отложеніемъ, произрастаютъ настоящіе, хотя и острововидные, лѣса и чащи, пробраться черезъ которыя, на разстояніи одной (англ.) мили, стоило путешественникамъ многихъ часовъ усиленной работы. Самый значительный изъ такихъ, если можно такъ выразиться, наледниковыхъ лѣсовъ располагается восточнѣе устья подглетчерной рѣки «Jones revier», въ Icebay, покрывая собою окраину ледника, опускающагося здѣсь въ море. Лѣсъ этотъ имѣетъ около 8 англ. миль въ длину и до 4 миль въ ширину! Нѣсколько гораздо меньшихъ лѣсныхъ оазисовъ располагается и далѣе, въ глубь ледника, даже около самаго основанія горы Св. Иліи, гдѣ такіе островки или «лѣсныя пятна»,

среди «зеленѣющей тамъ травы», дѣйствительно достойны были названія «запрещеннаго рая». На одномъ, высоколежащемъ ледниковомъ озерѣ найденъ былъ также и настоящій островокъ, поросшій лѣсомъ. Кромѣ преимущественно хвойныхъ деревьевъ, въ ледниковыхъ лѣсахъ этихъ встрѣчена была также береза и ива. Части ледника, возобновившія и усилившія свое движеніе, надвигаются мѣстами на такіе оазисы и опрокидываютъ стволы покрывающаго ихъ лѣса, подготовляя такимъ путемъ отложенія, которыя, при другихъ условіяхъ, мы должны были бы разсматривать, какъ лучшія доказательства неоднократнаго обледенѣнія этой мѣстности, такъ какъ въ межледниковыхъ пластахъ этихъ находили бы растительные остатки, а, можетъ быть, и пни въ ихъ естественномъ положеніи».

Чтобы составить себѣ наилучшее представленіе о вліяніи ледниковаго періода на животное населеніе страны, надо еще коснуться причины этого явленія и опредѣлить, не происходило ли чего-либо подобнаго въ сѣверномъ полушаріи въ болѣе ранніе періоды.

Изъ всѣхъ теорій, предложенныхъ для объясненія ледниковаго періода, наиболѣе удачной, т.-е. наиболѣе согласной съ геологическими данными, является астрономическая теорія Кролля. Согласно этой теоріи, климатическія измѣненія, вызвавшія ледниковый періодъ, являются результатомъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ агентовъ: предваренія равноденствій и вѣковыхъ измѣненій въ эксцентрицитетѣ земной орбиты. Въ настоящее время зима въ сѣверномъ полушаріи бываетъ тогда, когда земля находится на ближайшемъ разстояніи отъ солнца (въ такъ наз. перигеліи), и лѣто тогда, когда земля наиболѣе отстоитъ отъ него (въ такъ наз. афеліи). Но такое положеніе дѣлъ не всегда бываетъ. Лѣто въ афеліи постепенно будетъ переходить на лѣто въ перигеліи, и черезъ 10.500 лѣтъ наступленіе въ сѣверномъ полушаріи временъ года будетъ какъ разъ обратное тому, что есть здѣсь теперь (т.-е. зима будетъ, когда земля будетъ наиболѣе отстоять отъ солнца, и лѣто, когда она будетъ наиболѣе приближена къ нему), и совершенно соотвѣтствующее тому, что теперь есть въ южномъ полушаріи. Еще черезъ 10.500 лѣтъ сѣверное полушаріе опять возвратится къ современному своему состоянію и т. д., что и называется предвареніемъ равноденствій. Что касается измѣненій эксцентрицитета, то это состоитъ въ слѣдующемъ. Земля обращается вокругъ солнца по эллипсису, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце. Но, благодаря притяженію земли другими планетами, форма эллипсиса измѣняется: онъ то приближается къ кругу, когда его длинная ось укорачивается, то становится болѣе вытянутымъ, когда его длинная ось удлиняется. Эти колебанія эллипсиса происходятъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и выражаются величиною эксцентрицитета, т. е. отношеніемъ разстоянія между фокусами къ длинной оси эллипсиса. Въ теченіе длиннаго періода лѣтъ эксцентрицитетъ уменьшается, пока не достигнетъ извѣстнаго minimum'а, причемъ эллипсисъ

наиболѣе приближается къ кругу, хотя никогда не становится кругомъ. Послѣ этого эксцентрицитетъ начинаетъ увеличиваться и эллипсисъ становится все болѣе и болѣе вытянутымъ, пока эксцентрицитетъ не достигнетъ извѣстнаго maximum'a. Затѣмъ эксцентрицитетъ опять уменьшается и т. д. Въ настоящее время эллипсисъ, по которому обращается земля вокругъ солнца, равняется одному изъ наиболѣе приближающихся къ кругу; черезъ 24.000 лѣтъ этотъ эллипсисъ будетъ однимъ изъ наиболѣе укороченныхъ; но затѣмъ земля опять начнетъ описывать все болѣе и болѣе удлиняющіеся эллипсисы, пока, черезъ нѣсколько тысячелѣтій, ея орбита не достигнетъ наибольшаго эксцентрицитета, чтобы въ слѣдующій періодъ снова обращаться по уменьшающимся эллипсисамъ.

При наибольшемъ удлиненіи эллипсиса земля, находясь въ афеліи, само собою разумѣется, будетъ дальше отъ солнца, нежели занимая тоже положеніе теперь, и, находясь въ перигеліи, будетъ соотвѣтственно ближе къ нему. Теперь среднее разстояніе земли отъ солнца около 92.400.000 миль, но когда планеты силою своего притяженія наиболѣе удаляютъ землю отъ солнца, другими словами, при наибольшемъ эксцентрицитетѣ земной орбиты, земля въ афеліи находится на разстояніи 99.584.100 миль отъ солнца и въ перигеліи только на разстояніи 85.215.000 миль. Такимъ образомъ, разница между наибольшимъ и наименьшимъ разстояніемъ земли отъ солнца равняется 14.368.200 милямъ. При этомъ, надо помнить, что, несмотря на измѣненія въ формѣ земной орбиты, земля совершаетъ свой путь вокругъ солнца въ одно и то же время. При теперешнемъ состояніи эксцентрицитета, земля въ перигеліи въ данную единицу времени получаетъ на $^{1}/_{15}$ болѣе тепла, чѣмъ находясь въ афеліи. Слѣдовательно, если-бы земля во всѣхъ частяхъ своей орбиты вращалась вокругъ солнца съ одинаковой скоростью, или, другими словами, если бы времена года были равно продолжительны, то южное полушаріе, какъ находящееся лѣтомъ въ перигеліи, не только получало бы ежедневно большее количество тепла, но получало бы его избытокъ и за годъ. Но земля движется въ разныхъ частяхъ своей орбиты съ разною скоростью, и въ результатѣ оба полушарія получаютъ теперь, приблизительно, одинаковое количество тепла. При наибольшемъ же эксцентрицитетѣ сѣверное полушаріе при зимѣ въ афеліи получаетъ на $^{1}/_{5}$ тепла меньше, нежели получаетъ его теперь, и лѣтомъ на $^{1}/_{5}$ болѣе. Если же зима наступаетъ при положеніи земли въ перигеліи, то результатъ большаго эксцентрицитета скажется въ томъ, что разница между зимою и лѣтомъ почти сгладится. Такимъ образомъ, тогда какъ въ одномъ полушаріи будетъ постоянное лѣто, въ другомъ между лѣтомъ и зимою будетъ огромный контрастъ.

При наибольшемъ эксцентрицитетѣ и при томъ условіи, что въ сѣверномъ полушаріи зима будетъ наступать при нахожденіи земли въ афеліи, эта зима должна отличаться и продолжительностью, и су-

ровостью. Водяные осадки подъ широтою средней Европы должны въ такомъ случаѣ выпадать въ формѣ снѣга, моря должны замерзнуть и даже значительное приближеніе земли къ солнцу въ перигеліи (лѣтомъ) не могло-бы устранить результатовъ такой зимы. На первый взглядъ это можетъ казаться парадоксальнымъ, такъ какъ лѣтомъ сѣверное полушаріе должно получить огромный избытокъ тепла; но мы сейчасъ же увидимъ, что выводъ совершенно вѣренъ, если принять во вниманіе другія условія. Въ Гренландіи, какъ замѣчено, лѣто холоднѣе британской зимы, хотя солнце грѣетъ такъ сильно, что растапливаетъ смолу, которою обмазаны суда, и свѣтитъ день и ночь. Причина этого въ томъ, что Гренландія покрыта снѣгомъ и льдомъ. Безъ этого покрова солнце нагрѣвало бы почву, отдавала бы часть всего тепла атмосферѣ и температура лѣта поднялась бы. Теперь же почти все тепло, доставляемое солнцемъ, идетъ на таяніе снѣга и льда, а не на нагрѣваніе почвы,—и только ничтожная часть тепла отдается атмосферѣ путемъ лучеиспусканія. Поэтому совершенно понятно утвержденіе Кролля, что при большомъ эксцентрицитетѣ солнце не можетъ дать теплаго климата тому полушарію, которое имѣетъ лѣто въ перигеліи. Конечно, испареніе лѣтомъ усиливается, но отъ соприкосновенія со льдомъ пары сгущаются и въ томъ или другомъ видѣ падаютъ обратно. Если даже принять крайне дождливое лѣто, то окажется, что выпадающаго дождя не можетъ хватить на таяніе болѣе чѣмъ одной восьмой снѣга и льда и, слѣдовательно, значительная часть зимняго снѣга ни въ какомъ случаѣ не можетъ стаять. Впрочемъ, обращеніе къ тому, что мы сейчасъ видимъ, поможетъ еще болѣе уяснить это. Въ южномъ полушаріи лѣто приходится въ такіе мѣсяцы, когда земля находится въ ближайшемъ разстояніи отъ солнца (при современномъ эксцентрицитетѣ), и тѣмъ не менѣе отличается крайне низкой температурой, густыми туманами и не имѣетъ ничего общаго съ лѣтомъ сѣвернаго полушарія.

При наибольшемъ эксцентрицитетѣ и при зимѣ въ афеліи, когда число зимнихъ дней на 36 было болѣе лѣтнихъ, здѣсь должны были скопляться такія массы снѣга и льда, что даже значительное приближеніе земли къ солнцу лѣтомъ было безсильно, чтобы уничтожить ихъ. Напротивъ, въ южномъ полушаріи въ то же время лѣто было на 36 дней длиннѣе, зима (въ перигеліи) мягче и сравнительно короче и въ результатѣ разницы между лѣтомъ и зимой почти не было.

Однако, однѣ эти астрономическія причины еще не могли бы вызвать значительнаго накопленія снѣга и льда: для этого столь же необходимъ запасъ влажности. Кролль указываетъ, что при большомъ эксцентрицитетѣ и зимѣ въ афеліи воздушныя теченія отъ сѣвернаго полюса къ экватору, которыя должны уравновѣшивать восходящіе токи нагрѣтаго воздуха подъ экваторомъ, отличались очень большой силой и въ результатѣ сильнаго воздѣйствія различныхъ воздушныхъ теченій

какъ отъ сѣвернаго, такъ и отъ южнаго полюса Гольфстремъ фактически тогда почти не существовалъ. Благодаря этому отсутствію теплаго океаническаго теченія въ Атлантическомъ океанѣ и соотвѣтствующаго въ Тихомъ, сѣверное полушаріе имѣло еще болѣе низкую температуру, тогда какъ сохраненіе нагрѣтыхъ массъ воды въ южномъ повышало его температуру. Но на экваторѣ огромное количество воды продолжало испаряться и образующіеся здѣсь пары переносились къ сѣверному полюсу, давая, особенно лѣтомъ, огромное количество снѣга. Такимъ образомъ, даже лѣтомъ снѣгъ, вѣроятно, не только не стаивалъ, но все болѣе и болѣе накоплялся, и въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ въ сѣверномъ полушаріи образовалось, наконецъ, такое количество льда, что подъ его массой полярныя страны опустились, море залило значительныя площади и огромные ледники закрыли собою какъ части Европы, такъ и Сѣверной Америки. Коротко говоря, извѣстное совмѣщеніе астрономическихъ и географическихъ причинъ вызвало, по мнѣнію Кролля, ледниковый періодъ, и намъ остается теперь только сопоставить данныя его теоріи съ геологическими, чтобы провѣрить, насколько они соотвѣтствуютъ другъ другу.

Прежде всего мы видимъ, что Кролль для своей теоріи беретъ тоже расположеніе материковъ, какое есть теперь. Затѣмъ, выводимыя имъ явленія не есть что-нибудь совершенно новое, а только новыя комбинаціи хорошо извѣстныхъ явленій. Охлажденію сѣверныхъ морей вполнѣ соотвѣтствуетъ доказанное геологами распространеніе далеко къ югу морскихъ животныхъ. Измѣненію климата, при зимѣ въ перигеліи, соотвѣтствуетъ постепенное отступаніе ледниковъ и возвращеніе сѣверныхъ видовъ животныхъ въ сѣверныя страны. Кролль говоритъ, что холодные и теплые періоды должны были чередоваться, и геологія также насчитываетъ нѣсколько ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ. Соотвѣтствіе въ этомъ случаѣ можно провести даже еще далѣе. Какъ выше указано, за первымъ ледниковымъ періодомъ слѣдовалъ второй, когда ледники достигали наибольшаго развитія, и еще нѣсколько, когда ледники, говоря вообще, все болѣе и болѣе отставали въ своемъ развитіи, пока не приняли теперешнихъ размѣровъ. По теоріи Кролля въ теченіе послѣдняго цикла развитія большого эксцентрицитета, который охватывалъ огромный періодъ свыше 160.000 лѣтъ, наибольшій эксцентрицитетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и наиболѣе продолжительныя и холодныя зимы для сѣвернаго полушарія въ афеліи, стоятъ также ближе къ началу этого періода. Стало быть, геологи и Кролль совершенно сходятся въ томъ, что великому ледниковому періоду предшествовали нѣсколько меньшихъ, равно какъ нѣсколько меньшихъ было и послѣ него, какъ и въ томъ, что до этого періода болѣе слабыхъ оледенѣній было меньше, нежели послѣ него. Кролль говоритъ, что межледниковые періоды, изъ коихъ одинъ былъ до великаго ледниковаго, другой послѣ него, должны были отличаться наиболѣе благопріят-

ными климатическими условіями изъ всѣхъ такихъ періодовъ, и геологическія данныя не противорѣчатъ этому, поскольку мы знакомы съ фауной и флорой этихъ періодовъ. Наконецъ, теорія Кролля требуетъ, чтобы ледниковому періоду сѣвернаго полушарія сотвѣтствовалъ межледниковый южнаго и обратно. Недостатокъ геологическихъ данныхъ для южнаго полушарія не позволяетъ придти въ этомъ случаѣ къ какому-либо опредѣленному заключенію; изученіе современнаго состоянія сѣвернаго и южнаго полушарія, благодаря малому эксцентрицитету земной орбиты, также очень неблагодарно. Однако, если уже хотятъ отыскивать ледниковый и межледниковый періоды,—простого взгляда на карту распространенія льдовъ въ сѣверномъ и южномъ полушаріи достаточно, чтобы признать, что южное нынѣ ближе къ ледниковому и сѣверное къ межледниковому.

Возвращаясь теперь еще разъ къ Сибири, мы не можемъ не видѣть, что выше отмѣченное отсутствіе въ этой странѣ въ ледниковый періодъ ледниковъ совершенно согласно съ континентальностью ея климата. Несомнѣнно, температура воздуха понижалась постепенно здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ сѣвернаго полушарія, тогда какъ влажность увеличивалась. Но степень влажности, благодаря географическому положенію страны, не повысилась до такой степени, чтобы дать начало обильнымъ водянымъ осадкамъ, и обусловила собою развитіе лишь незначительныхъ и отдѣльныхъ глетчеровъ по ея южной окраинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какова бы ни была степень влажности, она должна была умѣрять собою измѣненіе къ худшему третичнаго климата континентальной Сибири и тѣмъ самымъ способствовать сохраненію видовъ населявшихъ ее животныхъ и растеній. Но и эта степень влажности должна была прекратиться вмѣстѣ съ исчезновеніемъ причинъ, вызвавшихъ въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ чрезмѣрное обиліе водяныхъ осадковъ, и вмѣстѣ съ усыханіемъ Арало-Каспійскаго бассейна; иначе говоря, когда въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ ледники сократились настолько, что о ледниковомъ періодѣ уже нѣтъ основанія говорить, въ Сибири климатическія условія рѣзко измѣнились къ худшему. Теперь сибирскій климатъ пріобрѣлъ рѣзко выраженныя континентальныя особенности, а такъ какъ вмѣстѣ съ уменьшившейся влажностью здѣсь уменьшилась и толщина снѣжнаго покрова въ зимнее время,—почва начала промерзать настолько, что на извѣстной глубинѣ уже не оттаивала лѣтомъ, давъ этотъ характерный для Сибири слой вѣчно-мерзлой почвы. Само собою разумѣется, въ связи съ всеобщемъ охлажденіемъ страны, шедшимъ съ сѣвера, и этотъ слой вѣчно-мерзлой почвы образовался сначала на сѣверѣ и лишь постепенно распространялся къ югу. Вмѣстѣ съ тѣмъ отступала съ сѣвера къ югу лѣсная и луговая растительность, тѣснимая надвигающимися съ сѣвера тундрами, и все это привело Сибирь, въ концѣ концовъ, къ ея современному состоянію, при огромномъ вымираніи населявшихъ ее въ по-третичную эпоху животныхъ.

Итакъ, бросивъ общій взглядъ на сѣверное полушаріе разсматриваемаго періода, мы видимъ, что тогда какъ въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ ледники достигали необычайнаго развитія, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и тѣмъ самымъ вызывая движенія животныхъ и растеній то къ югу, въ мѣста свободныя отъ ледниковаго покрова, то къ сѣверу и изъ низменностей въ горы, слѣдомъ за отступавшими ледниками, въ Сибири огромная площадь, измѣряемая 130° долготы, была свободна отъ ледниковаго покрова. Очевидно, состояніе животнаго населенія этихъ материковъ должно было быть совершенно различно: въ Европѣ періодъ, предшествовавшій ледниковому, самъ ледниковый и ранній послѣледниковый могутъ, по справедливости, назваться періодами выселяющихся животныхъ; въ Сибири въ то же время фауна измѣнялась на мѣстѣ и по отношенію къ Европейской играла роль метрополіи, высылающей отъ себя въ отдаленныя страны колонистовъ. Въ это же приблизительно время третичная фауна Европы выселилась въ Африку, гдѣ и осталась отрѣзанною послѣ того, какъ произошло окончательное разъединеніе двухъ материковъ, тогда какъ остатки третичной фауны вымерли въ теченіе ледниковаго періода на почвѣ Европы. Отсюда понятно то огромное значеніе, которое Сибирь и Европ. Россія имѣютъ въ объясненіи исторіи фауны Европы вообще и на чемъ намъ еще предстоитъ остановиться.

Чтобы не затемнять выясненія общей картины развитія ледниковаго періода, мы почти не говорили до сихъ поръ объ обледенѣніяхъ Кавказа, Тянь-Шаня и Гималая. Дѣло въ томъ, что эти обледенѣнія, какъ бы значительны они не были, все-таки имѣли мѣстное значеніе, вызывая, съ одной стороны, разселеніе горныхъ животныхъ при наибольшемъ развитіи ледниковъ въ прилежащія относительно низкія области, съ другой—вымираніе нѣкоторыхъ формъ, возвратъ другихъ и измѣненіе третьихъ. Само собою разумѣется, обледенѣніе такихъ горныхъ массивовъ, какъ Тянь-Шань и Гималай, оказало огромное вліяніе на животное населеніе центральной Азіи, но въ нашемъ очеркѣ это не представляетъ интереса и только съ значеніемъ ледниковаго періода на Кавказѣ намъ еще предстоитъ подробнѣе познакомиться въ слѣдующей главѣ.

Какъ извѣстно, при описаніи ледниковаго періода обыкновенно говорятъ о двухъ оледенѣніяхъ Европы съ раздѣляющимъ ихъ межледниковымъ періодомъ. Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія съ указанною выше послѣдовательностью и многократною смѣною ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ. Дѣло въ томъ, что первое, а можетъ быть даже и не одно первое, а нѣсколько оледенѣній, предшествовавшихъ великому ледниковому періоду, по своимъ размѣрамъ настолько уступали ему, что могутъ разсматриваться только какъ подготовительныя явленія къ собственно ледниковому періоду, съ его огромными слѣдствіями для фауны и флоры. Слѣдующій затѣмъ періодъ—

межледниковый, послѣ котораго наступило новое меньшее оледенѣніе, обнимающее собою въ глазахъ большинства всѣ остальныя постепенно уменьшающіяся оледенѣнія, которыя можно разсматривать, какъ большія колебанія въ размѣрахъ одного и того же ледника. Съ геологической точки зрѣнія сущность дѣла совершенно не измѣняется отъ того, считать ли послѣдніе ледниковые періоды за одинъ или нѣсколько. Установить чередованіе относительно теплыхъ и относительно холодныхъ періодовъ, какъ мы видѣли, важно для объясненія всего этого цикла климатическихъ измѣненій астрономическими причинами, такъ какъ это давало возможность найти соотвѣтствіе между геологическими данными и астрономической теоріей Кролля даже въ частностяхъ.

Отвѣтивъ болѣе или менѣе удовлетворительно на вопросъ о причинахъ и о самомъ характерѣ ледниковыхъ явленій ближайшаго къ намъ періода, пойдемъ въ этомъ направленіи далѣе.

Сущность астрономической гипотезы Кролля такова, что мы въ правѣ предполагать существованіе ледниковыхъ періодовъ и въ прежнія геологическія эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, какого бы взгляда мы не держались на возрастъ земного шара, очевидно, что образованіе палеозойныхъ, мезозойныхъ и кэнозойныхъ системъ требовало огромнаго промежутка времени, втеченіе котораго эксцентрицитетъ земной орбиты не разъ достигалъ своего maximum'а. Но тутъ мы должны помнить, что для образованія огромныхъ ледниковъ, подобныхъ плейстоценовымъ, нужны общирныя площади суши. Если нѣтъ площадей, на которыхъ можетъ скопляться снѣгъ и ледъ, то ни высокій эксцентрицитетъ земной орбиты, ни какая угодно степень влажности не могутъ вызвать оледенѣнія значительныхъ участковъ суши. Обращаясь теперь къ палеозойной эрѣ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что тогда такихъ площадей суши не было. Лишь группы большихъ или меньшихъ острововъ поднимались изъ моря тамъ, гдѣ теперь простираются материковыя площади суши. Въ мезозойную эру отдѣльныя островныя группы начали сливаться между собою для образованія большихъ участковъ, но послѣдніе все-таки были очень разъединены и полярныя моря сѣвернаго и южнаго полушарія свободно соединилось между собою. Климатъ, конечно, также оставался островнымъ и равномѣрнымъ, но въ меньшей степени нежели въ палеозойную эру, такъ какъ все же долженъ былъ утратить въ своей влажности. Дѣло измѣнилась въ кэнозойную эру, когда суша продолжала возрастать въ размѣрахъ, приближаясь постепенно къ формѣ современныхъ материковъ, температура полярныхъ странъ стала замѣтно понижаться, и все болѣе и болѣе дифференцировались климатическіе пояса.

Слѣдовательно, географическія условія вообще не благопріятствовали развитію обширныхъ оледенѣній въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ мы говоримъ, но въ подходящихъ мѣстахъ отдѣльные ледники, конечно, могли образовываться и могли увеличиваться въ размѣрахъ

при извѣстной величинѣ эксцентрицитета. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что ледяныя горы или эйсберги отрывались отъ такихъ ледниковъ, которые спускались въ моря, и уносились морскими теченіями на болѣе или менѣе значительное разстояніе въ направленіи къ экваторіальнымъ странамъ, разнося съ собою валуны. И у насъ имѣются указанія не только на подобные валуны, но и на обтертыя ледниками скалы, которыя относятся во всякомъ случаѣ къ палеозойной эрѣ. Весьма интересно, что думаютъ найти слѣды ледниковъ въ слояхъ пермской системы и переходныхъ между пермской и каменноугольной, притомъ въ разныхъ частяхъ обѣихъ полушарій, когда растительный міръ палеозойной эры началъ вымирать, что сказалось въ исчезновеніи большинства характерныхъ каменноугольныхъ формъ. Въ виду этого, предположеніе Форбса, Дана и Уоллэса, что это замѣчательное оскудѣніе палеозойной флоры было вызвано пониженіемъ температуры, вполнѣ возможно.

Надо еще помнить, что удаленность отъ насъ описываемыхъ эпохъ лишаетъ насъ одного очень важнаго средства опредѣленія, были климатическія измѣненія или нѣтъ. Это—всѣ фаунистическія данныя. Теперь, зная распространеніе животныхъ разныхъ группъ и видя, что остатки арктическихъ формъ сохранились до извѣстнаго времени въ умѣренныхъ широтахъ, мы, конечно, можемъ говорить о переселеніяхъ этихъ животныхъ, вызванныхъ распространеніемъ холоднаго климата къ югу. Но что мы можемъ думать о палеозойныхъ животныхъ? Каковы были условія ихъ жизни, сколь легко они могли примѣняться къ разнымъ условіямъ, какъ они разселялись—всё это для насъ совершенно темно. Какъ ни много сдѣлано изслѣдованій для изученія животнаго населенія древнѣйшихъ морей, въ общемъ наше знакомство съ біологіей этихъ формъ совершенно недостаточно.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное на послѣднихъ страницахъ, мы видимъ, что и для раннихъ эръ жизни земного шара геологическія данныя не противорѣчатъ астрономической теоріи ледниковыхъ періодовъ. Теперь попробуемъ подойти къ вопросу, можно ли опредѣлить цифрами, когда былъ ледниковый періодъ. Хотя мы отлично знаемъ, что геологія всегда имѣетъ дѣло съ временами столь удаленными, что выражать ихъ отдаленность въ цифрахъ совершенно безполезно, однако, мы никакъ не можемъ отказаться отъ попытокъ провести хоть какое-нибудь сравненіе между нашей жизнью и существованіемъ нашей планеты.

По мнѣнію Кролля, послѣдній циклъ развитія большого эксцентрицитета, которому приписываютъ ледниковый періодъ, начался около 240.000 лѣтъ тому назадъ, продолжался около 160.000 лѣтъ и окончился около 80.000 лѣтъ до нашего времени. Именно этому циклу принадлежали наиболѣе рѣзко выраженные ледниковые и межледниковые періоды. Что же касается болѣе новыхъ и менѣе рѣзкихъ измѣненій климата, которыя геологами обыкновенно и не разсматриваются въ

качествѣ ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ, то они принадлежатъ современному циклу слабо выраженнаго эксцентрицитета. Согласно съ этимъ взглядомъ, послѣднее сколько-нибудь значительное оледенѣніе Европы отстоитъ отъ насъ не болѣе какъ на 10 или на 12 тысячъ лѣтъ. Но само собою разумѣется, что установить границу между ледниковымъ и послѣледниковымъ періодами, строго говоря, невозможно. Тѣ колебанія температуры, которыя начались въ концѣ пліоценоваго вѣка и привели къ развитію ледниковыхъ періодовъ, закончились не вдругъ, а совершенно постепенно перешли путемъ послѣдовательныхъ ослабѣваній въ настоящее время. Но если уже ради классификаціонныхъ цѣлей устанавливать границу между ледниковымъ и послѣледниковымъ періодами, то первый надо закончить послѣднимъ развитіемъ Балтійскаго ледника (четвертое оледенѣніе по Гейки) и именно это время Кролль считаетъ удаленнымъ отъ насъ на 80.000. Нѣкоторые возражаютъ противъ этого и, кладя въ основу своихъ вычисленій глубину рѣчныхъ долинъ и толщи аллювіальныхъ образованій, говорятъ, что время, протекшее съ конца ледниковаго періода, въ десять разъ меньше. Другіе вычисляютъ время, отдѣляющее насъ отъ конца ледниковаго періода, въ 32.000 лѣтъ. Но справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти вычисленія не могутъ считаться точными, такъ какъ въ основу ихъ положены весьма условныя соображенія. По всей вѣроятности послѣднее развитіе великаго Балтійскаго ледника удалено отъ насъ не на 80.000 лѣтъ, какъ вычислилъ Кролль, а на меньшее число лѣтъ. Но съ другой стороны, никто изъ геологовъ не станетъ утверждать, что это было 8—10.000 лѣтъ тому назадъ, во времена египетскихъ фараоновъ. Тутъ мы еще разъ убѣждаемся, что примѣненіе къ геологическимъ періодамъ нашего лѣтосчисленія не пригодно и что надо довольствоваться лишь общими указаніями, говоря, напр., что ледниковый періодъ былъ относительно недавно.

Теперь мы можемъ кончить со всѣмъ, что относится непосредственно до ледниковаго періода, и зная измѣненія площади суши, на которой проходила свои послѣдовательныя стадіи исторія животнаго населенія Европы, зная измѣненія климатическихъ данныхъ, попытаемся возстановить смѣну фаунъ, приведшую къ современной группировкѣ животныхъ формъ, независимо отъ вмѣшательства человѣка. Но это не значитъ, что человѣка тогда не было: слѣды его существованія въ это отдаленное время несомнѣнны, только онъ былъ еще безсиленъ въ борьбѣ съ окружающими его животными и лишь рядомъ невѣроятныхъ усилій пріобрѣлъ умѣніе господствовать надъ ними.

М. Мензбиръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Андрея Немоевскаго.

Переводъ съ польскаго М. Траповской.

(*Продолженіе* *).

ПИСЬМО XVII.

Дорогой Людвигъ!

Сегодня въ половину перваго у меня были съ формальнымъ вызовомъ секунданты Юлія: Медвей и еще какой-то. Почему не возвращается Шанявскій? Я хочу, чтобы онъ былъ моимъ вторымъ секундантомъ. У меня непремѣнно долженъ быть хоть одинъ художникъ, такъ какъ у нихъ одни художники, и если я пошлю къ этимъ сверхъ-людямъ простого смертнаго, то они никогда между собою не столкуются. Слѣдовательно, Шанявскій мнѣ необходимъ.

Чѣмъ мнѣ объяснить себѣ ваше молчаніе? Что тамъ у васъ творится такое?? Можетъ быть, Шанявскій снова простудился??

Отчего вы меня такъ безчеловѣчно терзаете?

Они все еще тамъ—вы молчите—а тутъ эта дуэль—помилуйте, да неужели вы хотите возвести мое безуміе въ квадратъ??

. . . .

Мой секундантъ просилъ у нихъ отсрочки на два—три дня. Онъ самъ ни коимъ образомъ не можетъ съ ними сговориться. Да и неудивительно! Вѣдь, въ сущности, вся эта исторія вышла изъ-за того только, что я не умѣлъ говорить съ сверхъ-человѣкомъ!!!

. . . .

Въ третій разъ сажусь за письмо.

Можетъ, у васъ денегъ нѣтъ? Телеграфируйте!!

Намъ дали два съ половиною дня сроку. Если вы не вышлете немедленно Шанявскаго, то, по всей вѣроятности, слѣдующее письмо отъ меня вы получите откуда-нибудь изъ четвертаго измѣренія...

---

*). См. «Міръ Божій», № 1, январь 1900 г.

XVIII. ТЕЛЕГРАММА.

Срочная!!!

Краковъ—Епископская 6—Колаковскому.

Въ отчаяніи—дѣло чести—Гутекъ—необходимъ—безпокоюсь—завтра—курьерскимъ.

ПИСЬМО XIX.

Дорогой Людвикъ!

Стрѣляемся завтра на разсвѣтѣ за Гроховской заставой въ первой рощицѣ.

Шанявскій вернулся, но что это онъ такой задумчивый и словно разстроенный? Отчего Бронка осталась? Что это тамъ у васъ случилось такое?? Отъ Шанявскаго не добьешься ни слова. Не произошло ли чего-нибудь между вами??

Да побойтесь же вы Бога! Вѣдь, этакъ вскорѣ все человѣчество обратиться въ двѣ враждующія стороны съ пистолетами въ рукахъ!

Снѣгъ падаетъ большими хлопьями, какъ бы нашимъ каретамъ не увязнуть гдѣ-нибудь на дорогѣ.

Стрѣляться будемъ нарѣзными пистолетами—этобудто бы смягчающія дѣло условія. Пистолетами гладкими говорятъ, въ большинствѣ случаевъ какъ разъ попадешь, если промахнешься. У всего есть своя специальная логика! Неправда ли?!

Что это мнѣ все Бронка въ голову лѣзетъ. Эй, Людвигъ, Людвигъ!!

Скажите по правдѣ, что это вы вдругъ перестали мнѣ писать??

Кончаю, нужно пойти выкупаться. Ночку сегодняшнюю проведу у Шанявскаго. Смѣю надѣяться, что съ пистолетомъ въ рукѣ я уже не удеру... А что, если вдругъ и я въ глубинѣ души—художникъ??.. Вѣдь вотъ художники будто никогда не могутъ поручиться за то, куда ихъ увлечетъ чувство... Если же страхъ не считается такимъ же чувствомъ, какъ всѣ другія чувства, которыя нынѣ захватили себѣ бразды правленія и сдѣлали рабомъ своимъ характеръ человѣка, то на чорта мнѣ тогда вся психологія... Я перейду на сторону сверхълюдей... По крайней мѣрѣ, тогда никто не станетъ стрѣлять въ меня за Гроховской заставой на разсвѣтѣ...

ПИСЬМО XX.

Черезъ два часа трогаемся въ путь. Пишу вамъ у Шанявскаго, съ которымъ у насъ только что произошелъ крупный разговоръ. Теперь только я вижу, какъ несправедливо я осудилъ васъ въ моемъ воображеніи. Честное слово, я позволилъ себѣ предположить, что вы совсѣмъ расклеились подъ дѣйствіемъ зеленыхъ очей Бронки.

Но и по отношенію къ Шанявскому я былъ несправедливъ и недостаточно оцѣнилъ его. Оказывается, что онъ не только сверхъ-человѣкъ, но и просто человѣкъ.

Ну—съ, такъ, значитъ, Бронка будетъ работать? И не здѣсь, у насъ, гдѣ, къ сожалѣнію, благодаря искусству, она слишкомъ прославлена и обезславлена, а тамъ? Бѣдное дитя! Черезъ сколько рукъ пришлось ей перейти, и какъ они съ нею поступали! Въ сущности, мнѣ бы слѣдовало въ данную минуту думать только о собственной шкурѣ, но что подѣлаешь? Ужъ такъ я эту дѣвушку полюбилъ, что и теперь, когда, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ «шальная пуля оборветъ нить дней моихъ», я радуюсь, что въ Бронкѣ пробудилось сознаніе своего собственнаго достоинства, что въ ней проснулась женщина, что она задумалась надъ своею будущностью и надъ своей душою.

Мы съ Густавомъ спорили вотъ о чемъ. По моему мнѣнію, художники должны первое время хоть чѣмъ-нибудь помогать ей; а Гутекъ находитъ, что художникамъ вовсе нельзя вмѣнять этого въ обязанность, что если бы у нихъ водились деньги, ну, тогда, пожалуй, они бы еще могли чувствовать себя передъ нею въ долгу, но такъ какъ у нихъ этихъ денегъ не имѣется, то они объ этомъ и не думаютъ. На это я ему возразилъ, что чувствовать себя передъ кѣмъ-либо въ долгу можно всегда, а не только тогда, когда есть средства, чтобы заплатить этотъ долгъ, но Гутекъ нашелъ подобное сужденіе крайне нехудожественнымъ и обозвалъ меня метафизикомъ. Я пересталъ спорить, но не потому, что согласился съ нимъ. Что-то шепнуло мнѣ, что если я не замолчу, то я лишусь одного секунданта, да еще, вмѣсто того, наживу себѣ другого противника, съ которымъ, пожалуй, придется опять ѣхать на разсвѣтѣ за Гроховскую заставу въ первую рощицу...

Сейчасъ Рымковскій (мой секундантъ) принесъ пистолеты.

Прелестные аппаратики!..

Какая причудливая работа на этихъ рукояткахъ! Вотъ Юлекъ возьметъ такъ... прицѣлится.!. пафъ! Стволы съ синеватымъ отливомъ — чудо! Но больше всего мнѣ понравились пули. Этакой вотъ «ангелочекъ смерти» на видъ довольно-таки не апетитенъ. Онъ имѣетъ форму маленькой остроконечной луковицы, и вотъ этимъ-то острымъ кончикомъ онъ врѣзывается не только въ тѣло, но и въ кости. Я держалъ этого «ангелочка» въ рукѣ и, разглядывая его, думалъ про себя: что унесетъ онъ меня черезъ два часа къ Господу Богу или нѣтъ. Вотъ теперь я его поглаживаю рукой, а черезъ два часа онъ меня погладитъ... Вотъ какъ иной разъ мѣняются роли! Однако, я вижу, что Юлій хочетъ вникать не только въ себя, но и въ меня. А этотъ молодецъ, кажется, здорово стрѣляетъ. Ахъ, и я когда-то стрѣлялъ отлично, да вотъ только съ той поры, какъ рѣшилъ, что это предразсудокъ... Вотъ

и радуйся результатамъ подобныхъ отреченій отъ предразсудковъ, когда въ то же самое время другіе и не думаютъ отъ нихъ отрекаться и преспокойно готовы стрѣлять въ безоружнаго... Но, вѣдь, я, въ сущности, анти-дуэлистъ, я поединковъ не признаю... Гм... немного слишкомъ поздно я про это вспомнилъ... Жаль... А теперь еще, пожалуй, сказали бы, что я желаю, чтобы меня чувство увлекло...

Но вотъ чего единственно я не могу понять, хотя казалось-бы, что это такъ просто. Отчего это чувству дозволено вступать въ сношенія не со всѣми, а только съ извѣстными людьми. Ихъ оно можетъ «увлекать», а меня не можетъ «увлекать»... И вотъ, вслѣдствіе этого самаго «увлеченія», они выходятъ настоящими артистами-художниками, которые умѣютъ рисовадь даже «совсѣмъ новыя» вещи, между тѣмъ какъ я, грѣшный, по той же самой причинѣ, оказался бы довольно жалкимъ артистомъ по части стрѣлянія.

Вѣроятно, я и въ самомъ дѣлѣ ненормальный человѣкъ, если никоимъ образомъ не могу связать между собой этихъ двухъ нитей.

Добрякъ Рымковскій замѣтилъ, что я философствую надъ пулей, и, потянувъ меня на диванъ, предложилъ мнѣ рюмочку. Славный коньякъ! Выпилъ двѣ рюмочки—и продолжаю письмо.

Эхъ, не умѣютъ у насъ цѣнить этого Рымковскаго! Ему ставятъ въ упрекъ, что въ его стихахъ нѣтъ худужественности, ибо онъ не пишетъ ни сонетовъ, ни секстетовъ...

Не могу больше писать! Мной овладѣлъ какой-то безумный...

...Славная штука—коньякъ! Мнѣ вспоминается одно замѣчательное мѣсто изъ греческой поэзіи. Ну, положимъ, греки коньяку не пили, но зато они пили вино. Помните: «Знаешь ли ты что-либо практичнѣе вина? Охмѣлѣешь—и любишь тогда всѣхъ людей, и они тебя любятъ; ты имъ помогаешь, и они тебѣ помогаютъ»... Рымушка хорошій, Рымушка славный парень... А мы только что выпили за ваше здоровье...

Знаете, мнѣ стихотренія Рымушки удивительно нравятся, мнѣ кажется, что онъ именно и долженъ нравиться, какъ художникъ. Посудите сами, Рымушка горячо интересуется всѣмъ, что творится на свѣтѣ, интересуется и искусствомъ, и пишетъ онъ такъ:

Словно бездомныя птицы, блуждая
Вѣчно безъ пристани, цѣли не зная,
Мчимся мы вслѣдъ за беэпечною тучей...

Между тѣмъ, искусники наши, которыхъ ничто на свѣтѣ, кромѣ искусства, не интересуетъ, пишутъ такъ:

Въ причудливыя формы мысль мою влагаю
И длань усталую сектинѣ подаю.
Я духомъ постигаю весь міръ въ его красѣ.
И, самъ себя не зная, всѣмъ повелѣваю.
Какъ вѣчность, такъ и Богъ вникаютъ въ грудь мою.
Внимаю я всему и все внимаетъ мнѣ!
А всемогущъ вѣдь тотъ, кто въ мірѣ всему внемлетъ;

Все въ мірѣ можетъ вникнуть въ грудь мою.
Я, самъ себя не зная, всѣмъ повелѣваю
И духъ мой во вселенной все объемлетъ,
Когда усталу длань секстинѣ подаю
И въ формы блѣдныя себя я разлагаю...

Вотъ тебѣ! Карета пріѣхала. Бррр...

До свиданія! Собственно говоря, я намѣревался написать необыкновенно патетическое прощальное свое посланіе міру, но у меня не хватаетъ времени даже на то, чтобы составить завѣщаніе...

Хоть убейте меня, не знаю, на кой чортъ мы ѣдемъ на разсвѣтѣ за Гроховскую заставу въ первую рощицу...

Ну, я, допустимъ, сумасшедшій... Но они-то! они!

XXI. ЗАЯВЛЕНІЕ.

Чтобы положить предѣлъ какъ судебнымъ разслѣдованіямъ, такъ и всевозможнымъ сплетнямъ, я, при полномъ сознаніи, симъ свидѣтельствую, что собственноручно лишаю себя жизни, ибо жизнь не представляетъ для меня болѣе никакого интереса. Быть можетъ, нормальные люди меня осудятъ, но пускай они не торопятся вынести мнѣ приговоръ. Волею судебъ, я принужденъ былъ проводить свою жизнь среди художниковъ, ни чувствъ, ни понятій которыхъ я никогда раздѣлять не умѣлъ; а мнѣ говорятъ, что кто такъ не чувствуетъ и такъ не понимаетъ, тотъ, въ сущности, не живетъ. Слѣдовательно, если я, такимъ образомъ, въ сущности, не жилъ, то и смерть моя не будетъ, въ сущности, смертью, а просто, такъ сказать, манипуляціей, подобной тому, что въ бухгалтеріи называется «регулированіемъ счетовъ посредствомъ переноса съ одной позиціи на другую». Итакъ, я смѣю надѣяться, что костелъ не откажетъ моимъ останкамъ въ погребеніи по христіанскому обычаю.

ПИСЬМО XXII.

Дорогой другъ мой!

Я живъ, хоть и лежу въ постели. Письмо сіе диктую моему славному Рымушкѣ (протестую противъ эпитета «славный»—*Рымковскій*), который въ данное время исполняетъ должность моей придворной сестры милосердія. Ничего особеннаго не случилось, только въ боку немного жжетъ... По всей вѣроятности, мнѣ завтра уже можно будетъ встать. Вашу телеграмму я получилъ и весьма радъ; что вы, наконецъ, отозвались. А то я ужъ, право, думалъ, что мы съ вами встрѣтимся *тамъ*...

Сейчасъ отъ меня ушли Юлій съ Медвеемъ.

Еслибъ вы только видѣли, какая тутъ разыгралась курьезная сцена!

Рымушка только что успѣлъ написать «Дорогой другъ мой», какъ кто-то постучался въ дверь, Рымушка крикнулъ: «войдите!», дверь от-

крывается, и входятъ оба вышеупомянутыхъ сверхчеловѣка. Въ торжественномъ безмолвіи снимаютъ они съ себя калоши, пальто, и предстаютъ передъ нами въ великолѣпныхъ черныхъ сюртукахъ и еще болѣе великолѣпныхъ перчаткахъ. Затѣмъ Юлій вынимаетъ раздушенный платокъ (поистинѣ сверхчеловѣческій запахъ—*Рымковскій*), сморкается, прячетъ платокъ обратно, и, держа въ лѣвой рукѣ цилиндръ, а правую слегка согнувъ и приподнявъ надъ грудью (это здѣшній сверхчеловѣческій обычай протягиванія руки—*Рымковскій*), легкими и плавными шагами скользитъ ко мнѣ, останавливается у постели и, стараясь говорить какъ можно болѣе мягкимъ голосомъ, произноситъ слѣдующее:

— Милостивый государь! Я имѣю обыкновеніе ухаживать за своими противниками, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи подняться съ постели. Я готовъ проводить съ вами дни и ночи, попеременно съ моимъ секундантомъ (г. Медвей кланяется—*Рымковскій*). Итакъ, вы можете располагать мною. Ахъ, это, кажется, господинъ Рымковскій? Честь имѣю кланяться (руку подалъ). Но, я думаю, г-ну Рымковскому не приходилось имѣть столько практики, сколько мнѣ. А потому вы мнѣ позволите...

— Но... я вамъ очень благодаренъ...

— Я ожидалъ такого недовѣрія, но это меня не смущаетъ... Я знаю превосходно обязанности джентльмена и съумѣю ихъ выполнить, какъ подобаетъ художнику. Вы мнѣ позволите осмотрѣть рану... Да—это прежде всего—съ этого мы и начнемъ. (Онъ снимаетъ перчатки).

— Спасибо... но я не нуждаюсь въ помощи... Съ меня довольно доктора и Рымковскаго...

— Доктора наши мало знаютъ толкъ въ такихъ вещахъ, а что касается господина Рымковскаго, то я покорнѣйше прошу его извинить меня, но я ему не совсѣмъ довѣряю. (Онъ снимаетъ съ себя сюртукъ).

Меня, наконецъ, начинаетъ передергивать.

— Послушайте, Юлій,—говорю я ему,—вы—герой, вы—достойный человѣкъ, но прошу васъ, не морочьте мнѣ головы...

А онъ (отстегивая манжеты, со сладенькой улыбочкой—*Рымковскій*) мнѣ на это въ отвѣтъ:

— Вы хотите меня обидѣть, но ничего, я не обижаюсь—я исполняю свой долгъ, вы больны—я не долженъ обижаться; хирургъ тоже не можетъ обидѣться на паціента, если тотъ станетъ брыкаться во время операціи...

— Но...

— Какое тутъ «но»—вы въ моихъ рукахъ—и вы должны меня слушаться...

Тутъ Рымушка хотѣлъ-было отвести его въ сторону и началъ ему шептать что-то на ухо, но онъ отскочилъ на шагъ и произнесъ:

— Господинъ Рымковскій, я ничего не слышалъ, что вы мнѣ сказали—мнѣ теперь нельзя ничего слушать; вы мнѣ это скажете въ другой разъ—васъ здѣсь теперь нѣтъ; теперь здѣсь только я и Медвей—я знаю, что мнѣ надо дѣлать; да-съ, да-съ...

Я не въ силахъ былъ больше выдержать и, приподнявшись немного, несмотря на сильную боль въ боку, указалъ ему рукою на дверь и крикнулъ на всю комнату:

— Убирайтесь отсюда прочь, къ ста милліонамъ дьяволовъ!!!

Юлій поморщился-было, но тутъ же сложилъ свои губы въ кисло-сладкую улыбку и, застегивая манжеты, проговорилъ:

— Итакъ, вы рѣшительно отказываетесь отъ моей помощи, хорошо, превосходно, нечего дѣлать—я свое сдѣлалъ. Медвей, ты свидѣтель (тутъ онъ сталъ надѣвать на себя свой великолѣпный сюртукъ), мнѣ очень жаль; разумѣется, у каждаго могутъ быть свои взгляды ну да я принужденъ уступить передъ вашимъ настойчивымъ требованіемъ, да (тутъ онъ сталъ натягивать свои великолѣпныя перчатки—*Рымковскій*) я вамъ мѣшать не стану. Медвей, наша задача окончена—идемъ (тутъ онъ поклонился намъ, но руки не подалъ—*Рымковскій*); въ такомъ случаѣ, я не рѣшаюсь предлагать вамъ и матеріальную помощь. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что графиня Жиглинская купила у меня «Меланхолію тополя». Признаться, я еще нѣсколько колебался, но женщинамъ—и больнымъ—приходится уступать (тутъ онъ надѣлъ свое пальто и калоши—*Рымковскій*). Мое почтеніе, вашъ покорный слуга! Медвей, ты можешь попрощаться...

— Мое почтеніе,—произнесъ Медвей, раскрывая дверь.

— Мое нижайшее почтеніе,—крикнулъ я имъ вслѣдъ (а Рымковскій прибавилъ: «Запирайте пожалуйста, дверь, а то холодно»—*Рымковскій*).

Что за странные люди эти сверхлюди!

ПИСЬМО XXIII.

Дорогой Людвикъ!

Горячка у меня еще не прошла, но это ничего. Я думалъ, что смогу сегодня уже встать, но выходитъ, что такія прогулки на разсвѣтѣ за Гроховскую заставу въ первую рощицу довольно-таки утомительны...

Сердечное вамъ спасибо за письмо и за заботливость. Но отчего вы мнѣ ничего не пишете о Бронкѣ?? Ну, какъ у ней тамъ идетъ работа?? Вѣдь вы знаете, какъ меня интересуетъ судьба этой дѣвушки!

Черезъ окно въ мою комнату льются лучи золотого солнца. На дворѣ стоитъ трескучій морозъ.

Рымковскій не хочетъ писать; мнѣ приходится торговаться съ нимъ за каждое слово.

Докторъ увѣряетъ меня, что все пустяки.

Вотъ и онъ самъ. Кончаю...

ПИСЬМО XXIV.

Я сказалъ Рымковскому, что если онъ не будетъ писать, то я сойду съ постели. Я долженъ непремѣнно разсказать вамъ тотъ удивительный, оригинальный сонъ, который я видѣлъ сегодня ночью.

Вы мнѣ ничего не пишете о Бронкѣ, такъ вотъ зато она мнѣ приснилась. Но что скверно, такъ это то, что и вы мнѣ приснились. Вы должны это знать, и тогда, быть можетъ, вы, наконецъ, захотите облегчить страданія больного человѣка хоть какой-нибудь вѣсточкой объ этой дѣвушкѣ.

Снилась мнѣ вотъ какая исторія. Небольшая комнатка. На окнѣ горшки съ цвѣтами. Слышенъ стукъ швейной машины. Гляжу: за нею сидитъ Бронка. Она одѣта скромно, въ бѣломъ передникѣ, пристегнутомъ на груди булавочками. На порогѣ, въ цилиндрахъ и пальто, стоятъ Юлій и Медвей и смѣются. Но вотъ ихъ ужъ и нѣту. А машина все стучитъ и стучитъ, и цѣлая груда бѣлаго полотна то и дѣло выходитъ изъ-подъ иголки.

На порогѣ появляется какой-то мужчина съ лысиной и какая-то толстая женщина. Я инстинктивно узнаю въ нихъ Стефка съ «теткой». Они смотрятъ на машину и смѣются. Мгновеніе—и они тоже исчезаютъ. Груда полотна все увеличивается и увеличивается, наполняетъ почти всю комнату.

Нагнувшись надъ машиной, Бронка быстро двигаетъ ногою и въ то же время рукой передвигаетъ полотно. Лицо у ней разгорѣлось, волосы распустились и густыми прядями упали на плечи. А полотно бѣжитъ и бѣжитъ изъ-подъ иголки, вотъ уже окружаетъ дѣвушку, вотъ ужъ она почти вся утонула въ этой бѣлой массѣ.

Вдругъ на порогѣ показываются двѣ фигуры, которыхъ я никакъ не ожидалъ здѣсь увидѣть: одна—низенькая, немного сгорбленная, съ характернымъ, точно искривленнымъ въ сторону, носомъ, но съ чудными глазами: они горятъ титаническимъ огнемъ; другая—высокая, худая, лицо съ маленькими усиками и выдающимся лбомъ, точно раздѣленнымъ на двѣ половины. Они оба глядятъ на Бронку и наклоняются другъ къ другу. Это—Матейко и Гротгеръ.

Машина стучитъ, Бронка нагибается все ниже, лицо у ней разгорается все ярче, а полотно крутится, летитъ, шумитъ. Смотрю, Гротгеръ, переглянувшись съ Матейкой, беретъ съ печи уголь, становится передъ стѣной и принимается рисовать, то и дѣло поворачивая голову къ Бронкѣ. Она ихъ не видитъ, все вертитъ да вертитъ ногою колесо, а полотно волнистыми рядами подымается все выше и выше, къ самому потолку. Гротгеръ сдѣлалъ на стѣнѣ нѣсколько штриховъ, глядитъ на Бронку, глаза его загораются: въ нихъ чувствуешь силу генія.

Вдругъ на порогѣ появляются снова Юлій съ Медвеемъ, въ своихъ

цилиндрахъ, въ пальто. Смотрятъ они на то, что творится, и смѣются. Въ маленькой комнаткѣ слышится скрипѣніе угля по стѣнѣ, стукъ машины, шелестъ полотна и смѣхъ.

Картина мѣняется. Все исчезаетъ. Но вотъ я опять вижу пустую комнатку, машину; передъ нею на стулѣ сидитъ, задумавшись, Бронка, и изъ ея зеленыхъ глазъ медленно катятся слезы. Полотна уже нѣтъ, и не стучитъ машина. Слезы, одна за другою, все катятся по блѣдному лицу дѣвушки, льются на бѣлый передникъ, падаютъ на полъ, и каждая слеза обращается на полу въ цвѣточекъ черемухи. Вотъ они разсыпались у ногъ дѣвушки, но они падаютъ все чаще и чаще, вотъ ужъ нѣсколько лежитъ на машинѣ, на колѣняхъ у ней. Все ихъ больше и больше! Вотъ ужъ они покрыли весь полъ, доходятъ до окна. Мгновеніе—и размечтавшаяся дѣвушка утопаетъ въ потокѣ бѣлой черемухи, всю комнату наполнившей одуряющимъ ароматомъ.

Вдругъ потолокъ исчезаетъ, исчезаютъ и стѣны; наверху чистое, синее небо. Бронка все сидитъ въ глубокомъ раздумьи, но на ней ужъ нѣтъ ни передника, ни скромнаго, коричневаго платьица—на ней одна лишь розовая, тонкая рубашка. Вотъ она заломила надъ головою руки, заглядѣлась въ ясное небо и запрокинулась назадъ.

Вотъ она плыветъ на облакѣ черемухи, съ распущенными, каштановыми волосами; въ нихъ тамъ и сямъ вплетаются цвѣты, а она улыбается лежа, поворачиваетъ лицо, протягиваетъ руки—но кто же это, протянувъ и къ ней свои руки, стоитъ передъ ней на колѣняхъ? Вглядываюсь и вижу ясно — кого я вижу? — васъ, васъ, васъ вижу я, Людвикъ!! ....

. . . .

Что это значитъ??? Людвикъ, скажите??? Это было видѣніе безумнаго, больного человѣка! Ради Бога, пишите, не то у меня голова треснетъ!!! ....

Приписка пишущаго письма.

Несмотря на то, что я не имѣю удовольствія знать васъ и никогда не позволилъ бы себѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла, я, однако, рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: будьте столь добры успокоить больного какимъ-либо извѣстіемъ относительно m-lle Брониславы, хоть бы даже ложнымъ извѣстіемъ, такъ какъ больному очень плохо, и горячка у него усиливается.

Рымковскій.

ПИСЬМО XXV.

Я пробудился отъ тяжелаго, долгаго сна, съ отяжелѣвшей, больной головой; но какое же это было пріятное пробужденіе, когда, раскрывъ глаза, я увидалъ нагнувшееся надо мною лицо Бронки!

Спасибо вамъ, добрый мой Людвикъ, за то, что вы ее прислали, а

то бѣдный Рымушка совсѣмъ ужъ изъ силъ выбился (положимъ, дѣло еще не было такъ плохо—*Рымковскій*). Зато теперь Рымушка выспится немного, отдохнетъ мой Рымушка....

Какъ видите, я поневолѣ обратился въ эгоиста, который отнимаетъ у другихъ драгоцѣнное время. А въ жизни на все такъ мало времени!

Если мы возьмемъ, напримѣръ, среднюю норму человѣческой жизни въ шестьдесятъ лѣтъ, такъ изъ этого, первымъ дѣломъ, половина тратится на сонъ. Половину жизни нашей мы спимъ!.. Остается, значитъ, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ. Изъ нихъ мы тратимъ половину на одѣванье и раздѣванье, мытье, чесанье, отпираніе и запираніе дверей, протягиваніе рукъ друзьямъ, знакомымъ, родственникамъ; на веденіе часовъ, на завтраки, обѣды, ужины, на визиты, рауты, балы... Остается намъ, значитъ, еще какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ. Половину этого мы должны посвятить, чтобы научиться чему-либо, а остальное, т: е. какихъ-нибудь семь съ половиною лѣтъ, намъ остается на то, чтобы создать что нибудь-такое, что должно явиться результатомъ нашего шестидесятилѣтняго странствія по земному шару. Семь съ половиной лѣтъ на все! Въ теченіе семи съ половиной лѣтъ Дарвинъ долженъ справиться съ построеніемъ своей теоріи, Матейко — создать новую школу въ искусствѣ, Вагнеръ—заглушить всѣхъ музыкантовъ Европы, Сенкевичъ—написать какихъ-нибудь тридцать томовъ, Крашевскій—шестьсотъ... А что, если бы такимъ, какъ напр., Шопенъ или Гротгеръ, суждено было прожить еще на половину меньше—какъ они тутъ вывернулись бы?? Право, голова кругомъ идетъ... Не были ли они истинными геніями въ умѣньи совладать со временемъ и съ собою?? Какъ же тутъ во все это втиснуть еще любовь. да поѣздки на разсвѣтѣ въ первую рощицу за Гроховской заставой...

Рымушка отказывается слушаться меня: онъ говоритъ, что не хочетъ марать бумагу на записываніе подобнаго бреда и счетовъ...

Приписка пишущаго.

Совсѣмъ не въ этомъ дѣло. Но больной слишкомъ много занимается умствованіями, а это, по словамъ доктора, для него безусловно вредно. Я даже и самъ не знаю, какъ опредѣлить эту неустанную потребность связывать одно съ другимъ и выводить какія-то заключенія. Во всякомъ случаѣ, считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, какъ другу его, что опасность миновала. (Зараженіе крови, вызванное слишкомъ позднимъ извлеченіемъ застрявшихъ въ ранѣ частей платья, благополучно предотвращено).

Рымковскій.

ПИСЬМО XXVI.

Evoe Bacche!..

Въ первый разъ послѣ болѣзни я сижу въ креслѣ, напротивъ окна, у котораго виднѣется сѣрый силуэтъ пишущаго эти слова Ры-

мушки. Погода чудная, солнышко свѣтитъ! Съ улицы то и дѣло доносится звонъ колокольчиковъ и людской говоръ. Бронка занята приготовленіемъ завтрака

Evoe Bacche!.:.

Горячій бульонъ съ виномъ приводятъ меня въ какое-то полусонное состояніе. Мнѣ кажется... мнѣ кажется, вонъ тамъ, надъ покрытыми снѣгомъ полями, стелется густой туманъ. Еще темно. По дорогѣ катятся двѣ кареты. Въ первой каретѣ—они, во второй—мы. Я, какъ амфитріонъ нынѣшняго дня, сижу на второмъ мѣстѣ, рядомъ со мною. Рымушка, а спереди—Шанявскій. Колеса кареты скрипятъ по замерзшему снѣгу. Мы молчимъ и только отъ времени до времени выглядываемъ черезъ окошко, чтобъ посмотрѣть, не слишкомъ ли мы отстали отъ противниковъ. У Шанявскаго на колѣняхъ, въ желтомъ ящичкѣ—«аппаратики». Мы, разумѣется, во фракахъ, въ цилиндрахъ; лица у насъ всѣхъ самыя торжественныя.

Карета вдругъ останавливается. Рымушка высовываетъ въ окошко голову и спрашиваетъ кучера: «Что̀ случилось?»

Кучеръ молчитъ. Стоимъ мы этакъ съ добрую четверть часа—а у меня по тѣлу легкая дрожь пробѣгаетъ...

Наконецъ, трогаемся. Мы все молчимъ. Я замѣчаю только, что Рымушка отъ времени до времени косится въ мою сторону. Наконецъ, онъ начинаетъ вертѣться на своемъ мѣстѣ, суетъ руку въ боковой карманъ, вынимаетъ оттуда манерку, откупориваетъ и, повернувъ ко мнѣ свое лицо, съ кроткой улыбкой говоритъ:

— За ваше здоровье, коллега...

Буль, буль, буль... Выпилъ — подаетъ мнѣ. Глотнулъ я — подаю Шанявскому. Онъ отрицательно качаетъ головой, беретъ у меня манерку и передаетъ Рымушкѣ, тотъ ее затыкаетъ пробкой и прячетъ обратно въ карманъ. Опять молчаніе. Слышенъ только скрипъ колесъ, напоминающій шумъ угасающагося самовара.

Взглядъ мой падаетъ на колѣни Шанявскаго, собственно, не на колѣни, а на лежащіе на нихъ «аппаратики». Начинаетъ понемногу свѣтать.

— Условія назначены?—спрашиваю я Шанявскаго,

— Пятнадцать шаговъ,—отвѣчаетъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ,—позиціи измѣнять нельзя, одинъ обмѣнъ выстрѣлами въ теченіе пяти секундъ, паденіе курка считается выстрѣломъ.

— Что, нормально?—обращаюсь я къ Рымушкѣ.

— Да, кажется.

Карета снова останавливается.

— Что тамъ опять такое?—кричитъ Рымушка, высовываясь въ окно. Кучеръ не отвѣчаетъ.

— Эй ты, болванъ, тебѣ говорятъ!

Молчаніе.

— Не отвѣчаетъ бестія!—обращается ко мнѣ Рымушка.—Господинъ Шанявскій, потрудитесь, пожалуйста, вы къ нему обратиться, можетъ вамъ больше повезетъ...

Шанявскій кладетъ «аппаратики» на скамейку, запахиваетъ шубу, отпираетъ дверцу, выходитъ и исчезаетъ въ туманѣ. Издали доносятся голоса. Я нагибаюсь къ сидѣнію, беру ящичекъ и открываю его.

«Аппаратики» чинно лежатъ въ предназначенныхъ для нихъ углубленіяхъ, отдѣланныхъ сукномъ. Между ними—двѣ круглыя, мѣдныя касетки, въ одной—коробочка съ пистонами, въ другой — съ «посланниками смерти», сбоку шомполъ... И все такъ искусно устроено и уложено.

Рымушка снова начинаетъ безпокойно вертѣться, опять достаетъ манерку и пьетъ за мое здоровье...

Я опять прикладываюсь—буль, буль, буль...

Рымушка, между тѣмъ, преспокойно отбираетъ у меня «аппаратики», запираетъ ящичекъ и ставитъ позади себя, «чтобы-де не упали, когда карета тронется».

Опять молчаніе. Меня начинаетъ передергивать. Шанявскаго нѣтъ, какъ нѣтъ. Рымушка отпираетъ дверцу и тоже выходитъ. Я остаюсь одинъ и ни съ того, ни съ сего начинаю напѣвать себѣ подъ носомъ:

«Ой, Мотька, Матюша... Ма-тю-ша, ужъ намъ тебя не видати... Будешь ты съ святыми на небѣ плясати... Ой, Матюша, Матюшенька...»

Туманъ сталъ разсѣеваться, кой-гдѣ ужъ можно было разглядѣть снѣжныя полосы.

«Ой, Матюша, Матюшенька... пляши-жъ ты съ нимъ помаленьку... Ой,—тара-тари-тара, тара-рара-та!»

Въ это время въ окошкѣ появляется голова Рымушки.

— Выходите,—говоритъ онъ.

Я еще продолжаю напѣвать свое: «ой,-тара-тари-тара», но вдругъ у меня захватываетъ дыханіе, я смолкаю и принимаюсь вылѣзать изъ кареты.

Выпрямился я, встряхнулся, озираюсь вокругъ.

Передъ нами, внизу—небольшая рощица; легкій туманъ шевелился надъ нею и уходилъ все дальше и дальше, чернѣя:; впереди стоялъ густой, старый лѣсъ.

Въ противуположной сторонѣ туманъ разсѣевался, клубился и какъ будто не рѣшался, куда ему направиться: уйти ли въ даль или тянуться къ небу. Надъ нами, чуть чуть подернутое мглою, простиралось чистое небо.

«Ой, Матюша, Матюшенька... пляши жъ ты съ нимъ... пляши-жъ ты съ нимъ... помаленьку...» не вылѣзаетъ у меня изъ головы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей кареты виднѣется группа людей въ цилиндрахъ. Слышенъ сдержанный шепотъ. Черезъ нѣсколько времени одна фигура отдѣляется отъ группы и направляется къ намъ. Это—Шанявскій.

Онъ подходитъ къ намъ съ такими словами:

— Кареты съѣдутъ по дорогѣ внизъ и будутъ ждать за склономъ горы. А мы сойдемъ внизъ по насыпи въ рощицу: тамъ въ одномъ мѣстѣ есть замѣчательная полянка. Тамъ въ прошломъ году Юлій стрѣлялся съ Стасемъ...

«Ой, Матюша... Матюшенька... пляши-жъ ты съ нимъ... пляши-жъ ты съ нимъ...» — точно пьяный бормочу я.

— Вы готовы, господа?—кланяясь, спрашиваетъ Шанявскій.

— Кажется,—отвѣчаетъ Рымушка, косясь на меня.

— Идемъ,—говорю я, поправляя цилиндръ.

Шанявскій взялъ изъ кареты «аппаратики», заклопнулъ дверцу и крикнулъ кучеру:

— Поѣзжай... вонъ за тѣмъ!

Кучеръ, окутанный двумя бурками, въ потертой барашковой шапкѣ, надвинутой на уши, дернулъ возжи, и чмокнувъ озябшими губами, протяжно крикнулъ:

— Ааа - ууууу!

И карета покатилась, скрыпя колесами по снѣгу. Я остановился на краю насыпи, смотря, гдѣ бы тутъ сойти, какъ вдругъ темнѣвшая вдали группа нѣсколько приблизилась къ намъ и оттуда раздался сладкій голосъ Юлія.

— Густавъ... на пару словъ!

Мы остановились. Шанявскій отошелъ къ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ о чемъ-то шептался съ Юліемъ, а затѣмъ оба они стали жестикулировать, указывая по направленію къ востоку.

Мы съ Рымушкой взглянули туда: за бѣлѣвшимся туманомъ что-то особенное готовилось на небѣ...

Въ эту минуту Шанявскій вернулся къ намъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Такъ какъ сейчасъ предвидится весьма интересное зрѣлище восхода солнца, а у насъ, живущихъ въ городѣ, возможность наблюдать игру свѣта и красокъ въ такую раннюю пору бываетъ крайне рѣдка, то Юлій предлагаетъ отложить поединокъ на нѣсколько минутъ...

— Скажите, пожалуйста, вашему Юлію, что онъ дуракъ,—перебивая его, отрѣзалъ ему самымъ преспокойнымъ образомъ Рымушка.

— Скажите ему, что я охотно соглашаюсь подождать...—отвѣтилъ я.

Шанявскій удалился, а Рымушка, постукивая ногою о снѣгъ, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

Я посмотрѣлъ на востокъ.

Все пространство было еще покрыто туманной пеленой, и вдругъ чья то волшебная рука съ неимовѣрной быстротой отдернула эту пелену и откинула ее далеко за горизонтъ. И цѣлое море деревъ съ верхушками, сплошь усыпанными снѣгомъ, горделиво подымавшимися къ самому небу, вдругъ открылось передъ нами; каза-

лось, видишь предъ собою какой-то замерзшій ледникъ гдѣ-нибудь за полюсомъ, одинъ изъ тѣхъ ледниковъ, куда Нансенъ, оставивъ своихъ товарищей, пускался одинъ, взявъ себѣ въ проводники лишь могучую свою отвагу. Верхушки безчисленныхъ деревьевъ въ дали освѣщались все больше и больше, кой-гдѣ, точно алмазами, сверкая крупными снѣжинками. А на востокѣ небо переливалось то зеленымъ, то оранжевымъ цвѣтомъ, окрашивая своими красками усыпанныя снѣгомъ верхушки. Но вдругъ на самомъ краю небеснаго свода блеснулъ какой-то ослѣпительно-золотой шаръ. Мнѣ почудилось, что я вижу чью-то обнаженную грудь, и вотъ вдругъ ударила въ нее какая-то тѣнь и въ то же мгновеніе изъ этой золотой груди брызнула крупная капля крови—крупная, какъ голова, яркая, какъ огонь. Верхушки деревьевъ, виднѣвшіяся въ дали, облились ослѣпительнымъ багрянцемъ... Я бросаю взглядъ въ сторону задумавшагося и заглядѣвшагося на небо Рымушки...Что это? И на его лицѣ я вижу что-то красное...

Съ минуту мнѣ всюду мерещится эта капля крови: на небѣ, на снѣгу, на шубѣ Рымушки. Но вотъ она исчезаетъ и вмѣсто нея на всемъ, на что ни упадетъ мой взглядъ, я вижу какой-то зеленоватый кружокъ. Вотъ исчезаетъ и этотъ кружокъ, смѣняясь какими-то не то синими, не то сѣрыми пятнышками, которыя мелькаютъ между мною и Рымушкой въ воздухѣ.

Издали доносится голосъ Юлія.

— Господа,—объясняетъ онъ столпившимся вокругъ него художникамъ,—обратите вниманіе вотъ на эти краски—да, положимъ, пурпуръ тутъ немного черезчуръярокъ—это шаблонно—рисовать такъ нельзя было-бъ, не правда ли? Съ этимъ согласится всякій—небо вотъ хорошо, нѣжно, томно, но тоже нѣсколько шаблонно—въ этомъ, впрочемъ, виновато географическое положеніе, въ которомъ мы находимся; да, это такъ—несомнѣнно—на югѣ все это выходитъ не такъ рѣзко, сливается одно съ другимъ, видоизмѣняется, потому-то тамъ и народъ болѣе совершенный, чѣмъ у насъ—тамъ выше цѣнятъ искусство—да—а, главное, художниковъ—да—не такъ ли? Ну, посмотрите, господа, теперь, какъ это рисовать такую пестроту, въ такіе цвѣта наряжаются Катеньки и Машеньки, когда идутъ въ костелъ, но небу это не подобаетъ—фи! Хи, хи, хи, хи... Сравненіе недурно, правда? Я нахожу, что было-бы гораздо лучше, если бы вмѣсто этого однообразнаго лѣса тутъ были какіе-нибудь холмы—да—или вотъ озеро...

— Милостивый государь,—перебилъ вдругъ его разглагольствованія Рымушка,—не разрѣшите ли вы намъ покуда вернуться въ Варшаву выпить чаю?

— Что? Что? Что онъ сказалъ? Что?—посыпались тамъ вопросы. Кто-то шепотомъ повторилъ Рымушкины слова и вслѣдъ за этимъ послышался сладко-иронический голосъ Юлія.

— Этимъ господамъ къ спѣху... Видно, у нихъ мало хладнокровія...

Мы сходимъ съ насыпи въ глубь рощицы.

Шанявскій и Рымушка идутъ впереди, совѣтуясь о чемъ-то. Мы торопливо пробираемся сквозь чащу; снѣгъ, падая съ вѣтокъ, осыпаетъ намъ плечи, руки.

Черезъ нѣсколько минутъ кусты и деревья раздвигаются, передъ нами довольно широкая полянка. Противъ насъ группируется партія Юлія. Они о чемъ-то переговариваются, и вотъ подходитъ къ намъ Медвей и что-то шепчетъ Шанявскому на ухо. Шанявскій пожимаетъ плечами, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Есть ли у васъ при себѣ заявленіе?

— Какое заявленіе?

— Нѣтъ? Такъ нужно сейчасъ написать... Вотъ можно тутъ, на пенькѣ. У васъ есть кусочекъ бумаги? Нѣтъ? Ну, такъ у нихъ, пожалуй, найдется,—сказалъ онъ, направляясь къ нашимъ противникамъ.

— Что это за такое заявленіе имъ понадобилось?—спрашиваю я Рымушку.

— Ничего не понимаю,—отвѣчаетъ онъ.

Шанявскій возвращается, подаетъ мнѣ бумагу и карандашъ и, отряхая съ пенька снѣгъ, говоритъ:

— На всякій случай надо приготовить заявленіе о томъ, что вы покончили съ собою самоубійствомъ.

— Ага, понимаю!.. Что-жъ, это можно, я сейчасъ...

Я присѣлъ на пенекъ и, подложивъ подъ листокъ цилиндръ, принялся писать заявленіе.

— Всего нѣсколько словъ—довольно будетъ,—приставалъ Шанявскій.

— Не мѣшайте, пожалуйста,—замѣтилъ Рымушка.—Идемте покуда, отсчитаемъ шаги.

Шанявскій снялъ шубу, положилъ ее на снѣгу, а на нее ящикъ съ «аппаратиками». На половинѣ дороги они сошлись съ секундантами Юлія. Медвей взялъ Шанявскаго подъ руку и хотѣлъ было начать отмѣривать разстояніе. Но Рымушка мой Шанявскаго отодвинулъ и пошелъ самъ съ Медвеемъ.

— Позвольте, что вы называете шагомъ?—спросилъ останавливаясь Медвей.

— То, что называютъ всѣ люди. Ну, пожалуйста, нечего время терять.

И Рымушка пошелъ шагать своими длинными ногами, дѣлая какіе-то сверхъ-человѣческіе скачки. Медвей едва поспѣвалъ за нимъ.

— Разъ—два—три—четыре.

— Этакъ вы, господа, до Варшавы дойдете!—воскликнулъ, смѣясь, Юлій.

— Пять—шесть, потише тамъ!—Семь.

— Ха, ха, ха, ха, ха, ха,—хрипло заливался Юлій.

Шанявскій сдѣлалъ въ платкѣ узелокъ и протянулъ мнѣ.

— Узелокъ означаетъ 1-ый № пистолета.

Я потянулъ не глядя и продолжалъ писать.

Черезъ минуту кто-то опять протянулъ ко мнѣ кончики бѣлаго платка.

— Узелокъ означаетъ 1-ый № позиціи.

Я опять потянулъ и писалъ дальше.

Когда стали заряжать «аппаратики,» Рымушка вдругъ оттолкнулъ Шанявскаго и Медвея и съ настойчивостью, удивительной при его голубиномъ характерѣ (вовсе не такомъ голубиномъ—*Рымковскій*), произнесъ:

— Я, кажется, тутъ тоже имѣю право голоса.

Я кончилъ мое заявленіе.

— На мѣста!—послышалась команда.

Я скинулъ шубу и пошелъ: въ глазахъ у меня немного потемнѣло

Меня поставили на мѣсто и сунули въ руку пистолетъ. Я взглянулъ на Юлія: онъ стоялъ передо мною въ позѣ Адониса.

И тутъ я почувствовалъ, какъ будто во мнѣ происходитъ какая-то перемѣна. Воздухъ показался мнѣ какъ-то прозрачнѣй, всѣ предметы я различалъ яснѣе, ближе. Я взглянулъ на мою спущенную руку: она слегка покраснѣла отъ холода, но была совершенно спокойна, точно держала не «аппаратикъ», а самую что ни на есть скучную рукопись, присланную какимъ-нибудь провинціаломъ въ редакцію. Я еще разъ взглянулъ на Юлія. Вотъ я вижу его близко, близко, все ближе, все яснѣе... Чортъ возьми! Еще, пожалуй, и вправду... поневолѣ... этакъ прихлопнешь его...

На половинѣ разстоянія, нѣсколько въ сторонѣ, группируются секунданты, докторъ. Рымковскій выходитъ впередъ и не совсемъ твердымъ голосомъ произноситъ (что очень естественно!—*Рымковскій*):

— Въ качествѣ главнаго секунданта, я предлагаю вамъ, господа, отказаться отъ враждебныхъ намѣреній по отношенію другъ къ другу... Вы оба еще молоды, вы еще не исполнили своихъ обязанностей по отношенію къ обществу...

— У меня ихъ вовсе нѣтъ,—перебилъ Юлій.

Рымушка обращается ко мнѣ.

— Господа, протяните другъ другу руки въ знакъ примиренія.

Молчаніе.

— По долгу секунданта,—начинаетъ Медвей,—предлагаю вамъ примириться... Молчаніе принимается за отказъ... Вы молчите, господа... Слово за вами, господинъ Шанявскій.

— По долгу секунданта,—говоритъ Шанявскій,—предлагаю вамъ помириться. Молчаніе etc. etc. etc.

Мнѣ приходитъ въ голову мысль, что если бы ксендзъ на исповѣди такимъ тономъ призывалъ грѣшниковъ къ раскаянію, то черти тотчасъ же наградили-бы его титуломъ почетнаго предсѣдателя въ своемъ учрежденіи.

Раздается команда, сперва тихо, потомъ громко:

— Слушай!.. Разъ...

Не успѣлъ я поднять пистолетъ, какъ что-то блеснуло предо мною, что-то ударило меня въ бокъ и въ ту же секунду послышался громкій выстрѣлъ.

Я вижу: ко мнѣ подбѣгаютъ, хотятъ поддержать меня.

— Позвольте, я еще своего не сдѣлалъ...

Подымаю пистолетъ... Вотъ, вотъ, я вижу его ясно... Прогремѣлъ выстрѣлъ... Дымъ разсѣевается... Съ головы Юлія летитъ цилиндръ...

— Цилиндръ прострѣлилъ! Цилиндръ! Если бы чуточку ниже...— слышны голоса.

— Коли цѣлиться, такъ ужъ цѣлиться!—улыбаясь, говорю я подбѣгающему ко мнѣ Рымушкѣ.

Черезъ мгновеніе я вижу только разстилающееся надо мною небо. Руки ощупываютъ что-то холодное... Это снѣгъ... Шанявскій поддерживаетъ мнѣ голову...

Небо становится изъ голубаго синимъ, потомъ сѣрымъ, потомъ чернымъ...

Кругомъ что-то жужжитъ... Я падаю въ какую-то пропасть...

ПИСЬМО XXVII.

Дорогой другъ!

Вотъ и опять послѣ долгаго перерыва будете читать вы первое письмо, написанное вашимъ пріятелемъ собственноручно.

Вечеръ. Рымушка куда-то ушелъ. Бронка чинитъ мой костюмъ; однако, что-то у ней не клеится какъ-будто . . . .

Простите... прерываю на минутку... . . . .

Только что былъ у насъ съ Бронкой длинный разговоръ. Я считаю святымъ долгомъ привести вамъ его цѣликомъ, безъ какихъ бы то ни было комментарій съ моей стороны.

— Броничка, когда ты думаешь ѣхать обратно въ Краковъ?

— Когда вы совсѣмъ выздоровѣете

— Да, вѣдь, я ужъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

— Куда мнѣ ѣхать?

— Какъ куда? Въ Краковъ.

— Зачѣмъ??

— Какъ зачѣмъ? Работать!

— А...

— Ты ужъ и такъ тутъ много времени потратила на эти глупости.

— Это вовсе не глупости.

— Все равно, но они у тебя, Броня, отняли много времени...

— У меня всегда много времени...

— Это нехорошо...

— Нѣтъ, хорошо!

— Эхъ, какая ты, съ тобой не сговоришь...

— А вотъ другіе же умѣли сговориться...

— Но я не хочу быть такимъ, какъ другіе...

— Э...

— Что это за «э»... Ты должна вернуться въ Краковъ и взяться за работу.

— Какой вы нынче скучный!

— Ну, разскажи мнѣ, какъ ты тамъ жила, въ Краковѣ?

— Нечего мнѣ разсказывать.

— Какъ ты тамъ работала? На машинѣ?

— На машинѣ...

— Бѣлье шила?

— Бѣлье шила...

— А, можетъ быть, и не бѣлье шила?

— Можетъ быть...

— Броня, какъ это ты со мной разговариваешь?

— Ой, какой вы нынче надоѣдливый, страсть! прямо выдержать нельзя...

— Броня, я тебя серьезно спрашиваю...

— Знаю, знаю, вы всегда серьезный... Я за всю мою жизнь такого еще не встрѣчала.

— Какъ по твоему, Броня, стоитъ ли такой работой заниматься? По моему, стоитъ. Первое время мы бы тебѣ немножко помогали... Что это ты такъ въ зеркало смотришься?

— Правда, я похорошѣла за время вашей болѣзни? Скажите, правда?

— Ты знаешь, Броня, что я въ этомъ ничего не смыслю.

— Смотрите, святоша какой... подумаешь, и вправду...

— Пожалуйста, Броня, ты мнѣ зубы-то не заговаривай. Густавъ разсказывалъ мнѣ, что ты рѣшила взяться за работу и представилъ мнѣ тебя въ очень миломъ свѣтѣ...

— Кто??

— Я тебѣ сказалъ: Густавъ...

— Густавъ?? Вотъ негодяй...

— Какъ ты выражаешься, Броня...

— Густавъ—лгунъ, а я лгуновъ не люблю.

— Да отчего же онъ лгунъ? Я вовсе этого не вижу...

— Густавъ пересталъ теперь рисовать женщинъ, такъ я ужъ ему больше не нужна.

— Онъ говоритъ, что онъ самъ поощрялъ это твое желаніе работать.

— Ой-ой-ой, что это вы за человѣкъ! Разумѣется, онъ самъ меня уговаривалъ взяться за работу, потому что ему нужно было отъ меня избавиться, а уступить меня кому-нибудь другому ему жаль было...

— Что это ты какая нынче горькая, Броня?

— Горькая, потому что не сладкая...

— Впрочемъ, къ чорту Гутка. Вернемся лучше къ проектамъ господина Колаковскаго. Что, онъ тебѣ комнату нанялъ, правда? И машину помогъ тебѣ выбрать? И отыскалъ тебѣ портниху, у которой ты могла бы научиться кройкѣ и шитью? Скажи!

— Ну да, да, да... Говорите, что вамъ дать сегодня на ужинъ: сырую ветчину или вареную?

— Это послѣ, а теперь я хочу знать, занялся ли тобой Людвикъ. Вѣдь мнѣ надо его поблагодарить.

— Поблагодарите. Занялся онъ мной, занялся.

— Ну, и какъ вы... что вы дѣлали вмѣстѣ?

— Не будьте, сударь, такъ любопытны...

— Броня, я съ тобой серьезно говорю...

— Да развѣ вы умѣете говорить не серьезно?..

— Скажи, онъ тебѣ понравился, Людвикъ?

— А вамъ это зачѣмъ??

— Броня, подойди-ка сюда вотъ, поближе ко мнѣ, и дай мнѣ твою руку...

— Что это съ вами?

— Ну, подойди же.

— Что это... Какой вы нынче странный. Ну, вотъ вамъ... Вы-то — добрый, я знаю, что вы добрый. Ай, что это? Сѣдой волосъ? Сейчасъ, сейчасъ, мы его вырвемъ...

— Оставь... что за глупости...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это у васъ отъ болѣзни... Вотъ и нѣту его уже... Ай-ай-ай! А тутъ, на другомъ вискѣ, какая масса... Погодите... Да, право же, вы еще совсѣмъ красивый мужчина...

— Не садись ты мнѣ на колѣни, Броня, прошу тебя...

— Знаете, я васъ очень, очень люблю, потому что вы очень добрый человѣкъ. У васъ—сердце доброе, а такихъ людей на свѣтѣ немного... И, право, вы еще хороши собой. Какіе у васъ умные глаза... Я еще ни разу не влюблялась въ человѣка съ умными глазами... У Стефка были такіе огненные, страстные глаза... У всѣхъ у нихъ страстные глаза... Только не умные...

— Ну, Бронка, перестань ты, послушай лучше, что я тебѣ скажу...

— А вы, вы могли бы хоть немножечко полюбить такую бѣдную, бѣдную дѣвушку, какъ я? Погодите немного, вотъ я васъ перечешу... Вы такъ некрасиво причесываетесь...

— Слушайте, Бронка...

— Я бы васъ по одному запаху узнала, хоть не знаю гдѣ, хоть бы въ потемкахъ... Посмотрите-ка мнѣ въ глаза... Только прошу не хмуриться...

— Дура ты, Бронка—вотъ тебѣ и все!

— Вотъ какъ! Ну, ужъ я вижу, что съ вами шалить нельзя... Ну говорите ужъ, чего вамъ надо, только живо...

— Послушай меня, Бронка. Вѣдь вотъ же этихъ Стефковъ, Шевявскихъ, Юліевъ ты цѣлыми дюжинами слушала, что жъ ты не хочешь хоть одинъ разъ послушать умнаго человѣка...

— Ну, говорите же скорѣе, а то ужъ, право, злость беретъ... Ну!

— Бронка... Скажи мнѣ, какъ обращался съ тобою тамъ... въ Краковѣ... этотъ...

— Оставьте меня, я сейчасъ расплачусь...

— Послушай... неужто и онъ??

— Ну, что вы, право, точно ребенокъ маленькій... Какъ вы не понимаете, что я изъ всего этого вырваться хотѣла?? Какъ?? Неужто жъ и вы не вѣрите, что вся эта жизнь у меня вотъ гдѣ стоитъ? Ну, что я такое?? Натурщица?? Ха, ха, ха, ха! А вотъ женщинъ рисовать перестали—ну, я попробовала взяться за шитье... Да знаете ли вы, сколько этимъ за день заработаешь? Двадцать копѣекъ, ужъ самое большее—такъ двадцать пять... И никто тебя даже и за человѣка не считаетъ! Вѣдь жизнь какая: нужда, холодъ, голодъ, ночей не досыпаешь, на руки смотрѣть нельзя—такъ спухнутъ, глаза красные, вѣчная боль въ спинѣ и въ груди... А въ придачу тебя еще и выругаютъ, иной разъ такъ и ударятъ... Ха, ха, ха, ха, ха!.. Да развѣ же этимъ я бы себѣ на такое платье заработала!? И откуда бы у меня такіе часики взялись?!. Вамъ, небось, хорошо толковать: работай, работай, да будто вы знаете, что значитъ работа для такихъ дѣвушекъ, какъ я!?. О, я знаю, знаю, отлично знаю, кто я такая, но не хочу я такъ больше, не могу... Я должна, должна за что-нибудь взяться... Кто я!? Просто чья-нибудь... и всегда чья-нибудь... всегда въ неволѣ... Нынче у того, завтра у другого...

Она смолкла и закрыла лицо руками. Наступило молчаніе. Сердце у меня сжалось, глядя на бѣдную дѣвушку, я ласково взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Послушай, Броня, что я тебѣ скажу... Мы съ тобой здѣсь станемъ работать... Ужъ я этимъ позаймусь... Я вѣрю, Броничка, что изъ тебя еще можетъ что-нибудь выйти.. искренне вѣрю, ей-Богу! Ты вѣдь, въ сущности, дѣвушка хорошая, только вотъ испортили тебя злые люди, испортили, душу твою хорошую исковеркали... Жаль, право, что тамъ, въ Краковѣ, ничего не вышло, а то Людвикъ...

Бронка вдругъ вскочила, какъ ужаленная.

— Людвикъ? Что Людвикъ? Какой Людвикъ?! Эхъ... Лучше бы вы ужъ не притворялись... Право, иной разъ начнете говорить, будто пятилѣтній ребенокъ. Ужъ я бы на вашемъ мѣстѣ не заботилась о чужихъ людяхъ, волочилась бы за красивыми дѣвушками—и конецъ! Людвикъ! Да и онъ такой же, какъ и всѣ, только на руку пошире... За то ужъ какъ пустились мы тамъ съ нимъ... гулять напропалую, что называется... Пришлось, голубчику, немного карманы-то пообчистить... Что вы такъ на меня глядите? Ну, что, что? Вы вѣдь уже не

больны, такъ съ вами можно поговорить, какъ съ мужчиной... Ха, ха, ха, ха, ха!.. Смотрите на него!.. Еще не понимаетъ... Ха, ха, ха, ха, ха, ха!..

И, дико расхохотавшись, она быстро выбѣжала изъ комнаты, захлопнувъ за собою дверь.

ПИСЬМО XXVIII.

Я васъ не спрашиваю, какое впечатлѣніе произвело на васъ мое послѣднее письмо. Я васъ не спрашиваю, правда или нѣтъ то, что мнѣ разсказала Бронка. Я васъ не спрашиваю, какую изъ экономическихъ системъ вы признаете, въ какую философскую теорію вѣрите, каковы ваши взгляды на прошлое, настоящее и будущее земного шара, такъ называемаго человѣчества, расъ, племенъ, народовъ, мужчинъ и женщинъ. Я васъ не спрашиваю, какую теорію искусства вы чтите, не спрашиваю, кто были ваши родители и не имѣете ли вы намѣренія жениться. Я васъ, наконецъ, не спрашиваю и о томъ, набожный ли вы человѣкъ и вѣруете ли вы въ Бога? Послушайте только, что я вамъ разскажу.

Только что ушелъ отъ меня Рымковскій. Мы съ нимъ очень сблизились за время моей болѣзни. Рѣдко встрѣтишь человѣка съ такою простой, чистой душой.

Говорятъ, что онъ еще ни разу въ своей жизни не любилъ. Тутъ, разумѣется, нужно подразумѣвать любовь къ женщинѣ, ибо вообще Рымковскій любилъ много и многое любитъ. Я еще не видалъ человѣка, который былъ бы такъ добръ, такъ кротокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовъ бороться и постоять за себя. Да только онъ не изъ тѣхъ звѣрей, что дѣйствуютъ когтями и клыками, онъ побѣждаетъ взглядомъ голубя и кротостью агнца.

Онъ постоянно пишетъ, но почти ничего не печатаетъ. Имя его не пользуется извѣстностью. Но я увѣренъ, что если когда-либо люди доберутся до его письменнаго стола, то они тамъ найдутъ именно то, въ чемъ теперь ощущаютъ такой сильный недостатокъ. Но если бы Рымковскій вздумалъ теперь преподнести имъ свои труды, его бы вышвырнули за дверь. Чтобы приносить что-нибудь людямъ, необходимо обладать какимъ-нибудь величіемъ, иначе съ тобой и говорить не станутъ. А такимъ бѣднякамъ, какъ Рымковскій, величіе придаетъ одна лишь смерть.

А между тѣмъ, этотъ простодушный человѣкъ бываетъ порою язвителенъ, какъ Гейне. Какъ-то разъ, во время моей болѣзни, зашелъ у насъ разговоръ объ «Androgyne».

— Девизъ этихъ господъ,—заговорилъ, улыбаясь, Рымковскій,— девизъ ихъ: искусство для искусства. Не спорю, девизъ этотъ можетъ быть такъ же хорошъ, какъ и всѣ другіе великіе девизы, но я его

*

не понимаю. Допустимъ, что я бы вдругъ сказалъ нищимъ, хромымъ и калѣкамъ, что Богъ—для Бога, а не для нихъ, вѣдь я бы лишилъ ихъ послѣдней надежды и опоры въ житейскихъ невзгодахъ. Скажи я имъ: небо для небожителей, а не для людей—они пришли бы въ самое безъисходное отчаяніе. Но допустимъ, что путемъ какихъ-нибудь дедуктивныхъ умозаключеній мы съумѣемъ обосновать подобный тезисъ и найдемъ, что человѣкъ можетъ усовершенствоваться до степени небожителя, и тогда передъ нимъ откроются врата небесъ. Но вѣдь въ искусствѣ ничего не сдѣлаешь никакими теоріями и никакими выводами, тутъ главную роль играетъ не теоріи, а практика, не слово, а дѣло, тутъ за себя должно говорить само произведеніе. Посмотримъ же, какъ эти господа, провозглашающіе девизъ: «искусство для искусства», прилагаютъ свои теоріи на практикѣ, т. е. въ своихъ произведеніяхъ? По моему, это—литература всякаго сброда безъ малѣйшаго критическаго выбора, литература, которую я назвалъ бы не искусствомъ для искусства, но искусствомъ для возбужденія чувственныхъ инстинктовъ... Эти господа громятъ якобы отсталыхъ людей за то, что они не слушаютъ ихъ сладострастныхъ пѣсенъ. Но мнѣ сдается, что отсталые-то они сами и что они составляютъ придворную свору художниковъ у какой-то ничтожной кучки такихъ же отсталыхъ. Съ какимъ презрѣніемъ мы нынѣ отзываемся о наемныхъ пѣвцахъ среднихъ вѣковъ или о придворныхъ художникахъ! А кто они? Развѣ они не проданы тѣмъ, кто изгналъ изъ своей души все, что въ ней было прекраснаго, развѣ они не проданы фабрикантамъ, банкирамъ, однимъ словомъ, набобамъ, потому что кто же имъ лучше заплатитъ? А съ какимъ наслажденіемъ эти самые праздные богачи, которые, предварительно хорошенько выспавшись, цѣлый день только и думаютъ о томъ, какъ бы удовлетворить свою чувственность, съ какимъ наслажденіемъ покупаютъ они то, что такъ хорошо возбуждаетъ ихъ грубые инстинкты!.. Нѣтъ, это не свободные художники, это спекуляторы, которые не творятъ, а лишь болѣе или менѣе искусно обдѣлываютъ свой товаръ, чтобы выгоднѣе было его продать, это люди, по рукамъ и по ногамъ связанные невидимыми цѣпями, которыя они же сами на себя накладываютъ, обманывая свѣтъ какими-то придуманными теорійками о независимости своего искусства. А мнѣ кажется, что истинное искусство, великое, безсмертное, свободное искусство должно всегда имѣть доступъ къ сердцамъ нашей бѣдной, обездоленной массы, а не къ сердцамъ банкировъ. Впрочемъ, если какая-нибудь отрасль искусства можетъ стать доступной для людей только тогда, когда всѣ станутъ жить въ палатахъ, разукрашенныхъ голыми женщинами, такъ не погодить ли намъ, въ такомъ случаѣ, заниматься живописью до той поры, когда на свѣтѣ уже не будетъ ни голыхъ калѣкъ, ни скверно одѣтыхъ рабочихъ, ни швеекъ съ красными отъ безсонныхъ ночей глазами. Поэтому мнѣ кажется, что у такого сверхчеловѣка, который, видя на

каждомъ шагу нужду и страданія, отворачивается отъ нихъ съ сладко-ироническої улыбочкой и отправляется рисовать свои картины для тѣхъ, которые сплошь да рядомъ являются причиною этой нужды и этихъ страданій, у такого человѣка, повторяю, который послѣ этого въ состояніи рисовать замирающихъ въ сладострастіи вакханокъ, у такого человѣка, у такого художника должно быть не сердце, а камень...

Такъ разглагольствовалъ Рымковскій. Само собою разумѣется, что все это ненормальные взгляды, съ которыми вы, пожалуй, и не согласитесь. Но вѣдь я уже выше сказалъ, что не стану васъ разспрашивать про ваши взгляды и теоріи. Я только прошу васъ внимательно выслушать то, что я вамъ буду разсказывать дальше.

Когда Рымковскій вошелъ ко мнѣ сегодня, я, по его болѣе, чѣмъ когда-либо, смущенному виду, тотчасъ догадался, что у него «что-то есть на душѣ» и что онъ, значитъ, пришелъ ко мнѣ не даромъ. Вошелъ онъ, сѣлъ на стулъ, опустилъ глаза и принялся вертѣть въ рукахъ шляпу.

Мы заговорили-было о моей ранѣ, но эта тема была скоро исчерпана. Наступила пауза.

Мы заговорили было о живописи, но и эта тема исчерпалась очень скоро. Наступила вторая пауза.

Заговорили мы о поэзіи. Мнѣ показалось, что у него что-то кроется за пазухой. Не принесъ ли, думаю, мнѣ чего нибудь почитать. Я пробую навести на это разговоръ, наконецъ, прямо спрашиваю его—нѣтъ, ничего, оказывается. Наступаетъ третья пауза.

Я заговариваю объ общественныхъ вопросахъ. Рымковскій поднимаетъ глаза. А, вотъ оно! Но черезъ минуту глаза его потухаютъ, онъ ихъ опять опускаетъ и опять вертитъ свою шляпу. Я умолкаю Четвертая пауза.

Я перехожу къ философіи мысли и незамѣтно чуть чуть касаюсь философіи сердца. Рымковскій перестаетъ вертѣть шляпу. Я чувствую, что ключъ ужъ у меня въ рукахъ, нужно еще только замокъ отыскать.

Вдругъ Рымушка мой кидаетъ шляпу на кровать и, внимательно разсматривая ногти, тихо говоритъ:

— Видите ли, я пришелъ къ вамъ по одному, крайне трудному и сложному дѣлу...

— Говорите. Я васъ слушаю.

Онъ глубоко вздохнулъ, принялся постукивать пальцами по ручкѣ кресла и, помолчавъ немного, произнесъ:

— Я хотѣлъ поговорить съ вами о паннѣ Брониславѣ.

Это меня, признаюсь, поразило.

— Во время вашей болѣзни,—продолжалъ Рымковскій, глядя въ окно,—я имѣлъ возможность поближе присмотрѣться къ этой дѣвушкѣ. Мнѣ кажется, ее ждетъ не особенно блестящая будущность. Эта дѣвушка живетъ безпечной жизнью, изо дня въ день, какъ говорятъ.

Пока она еще молода, здорова, весела—все еще идетъ, какъ по маслу...

— Это еще тоже вопросъ...—замѣтилъ я.

— Да? Вы такъ думаете? Значитъ, тѣмъ болѣе.

— Что тѣмъ болѣе?

— Я сейчасъ объяснюсь. Видите ли, мнѣ кажется, у этой дѣвушки очень доброе сердце.

— Скажите: испорченное...

— Ну, этого я не скажу. Вѣдь я же видѣлъ, какъ она хлопотала во время вашей болѣзни. Она нарочно пріѣхала изъ Кракова ухаживать за вами, не спала ночей, когда вы были въ безпамятствѣ, сама подымала васъ, чтобы переложить подушку... Ради кого и ради чего она это дѣлала? Вѣдь вы ей, въ сущности, совершенно чужой, а, насколько мнѣ извѣстно, она это дѣлала безкорыстно...

Тутъ настала за мною очередь смутиться. Я молчалъ. Рымковскій взглянулъ на меня своими голубиными очами и промолвилъ:

— Гдѣ же вы тутъ видите испорченное сердце?

— Да, вы правы—отвѣтилъ я и, въ свою очередь, поглядѣлъ въ окно.

Не могъ же я дурно отзываться о той, которая была для меня сестрой милосердія. Притомъ, я не находилъ раціональнаго аргумента противъ словъ Рымушки.

— Значитъ,—началъ Рымковскій,—вы согласны съ тѣмъ, что у этой дѣвушки доброе сердце?

— Вполнѣ согласенъ,—отвѣтилъ я, постукивая пальцами по ручкѣ кресла и чувствуя, что теперь Рымковскій становится ключемъ, а я замкомъ.

Рымковскій помолчалъ съ минуту и опять заговорилъ:

— Я не думаю, что судьба этой дѣвушки можетъ считаться обезпеченной. Художники, т. е. тѣ люди, съ которыми ей приходится имѣть дѣло, отличаются непостоянствомъ своихъ настроеній, если ужъ не сказать характера. Притомъ, какъ мнѣ кажется, они ее самымъ безчестнымъ образомъ эксплуатируютъ и обманываютъ.

— Или, лучше сказать,—обманули!

— Почему? Я полагаю, что они и теперь продолжаютъ поступать точно такъ же.

— А я полагаю, что теперь, въ свою очередь, она сама примиряется съ подобнымъ положеніемъ вещей.

— Потому что она не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета.

— Я полагаю, что она превосходно уже отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ этомъ...

— А я все таки позволю себѣ возразить вамъ. Можетъ быть, вы и согласитесь со мною.

— Говорите.

— Панна Бронислава—натурщица и въ данное время ничѣмъ инымъ быть не умѣетъ. Теперь она еще свѣжа, молода, красива, оригинальна. Но вѣдь это все скоро пройдетъ. Еще немного—и этотъ цвѣтокъ станетъ блекнуть, и кто жъ ее тогда станетъ рисовать?

— Я въ Германіи встрѣчалъ и пятидесятилѣтнихъ натурщицъ.

— Знаю, и я такихъ встрѣчалъ. Но Германія—не Варшава, гдѣ рисуютъ только «головки» и «одалисокъ».

— Правда. Я позабылъ о нашей нормальности... Итакъ?

— Итакъ, по моимъ соображеніямъ, дѣло это представляется въ такомъ видѣ. Панна Бронислава отдаетъ художникамъ всю свою жизнь въ степени наибольшаго расцвѣта своей красоты. Между тѣмъ, художники даютъ ей вознагражденіе не за всю ея жизнь, а всего только за эти нѣсколько лѣтъ. Вѣдь во всѣхъ явленіяхъ спроса и предложенія при вычисленіи цѣнъ, принимается во вниманіе и стоимость отбросовъ. Простите, пожалуйста, что я такъ прозаически выражаюсь, но, по моему, только хорошій поэтъ и умѣетъ надлежащимъ образомъ цѣнить прозу... Такъ вотъ, значитъ, по моему выходитъ, что художники, вознаграждая панну Брониславу, нисколько не думаютъ о томъ, что этого вознагражденія должно ей хватить и на то, чтобы обезпечить на будущее свою жизнь. Пройдетъ еще немного времени—и они вышвырнутъ ее, точно негодную тряпку. И вотъ въ этомъ то, мнѣ сдается, панна Бронислава нисколько не отдаетъ себѣ отчета. Что, убѣдилъ я васъ?

— Вполнѣ!—отвѣтилъ я, разсматривая свои ногти.

— Слѣдовательно, вы согласны съ тѣмъ, что они ее и теперь продолжаютъ обманывать?

— Да, согласенъ, я вижу, что это такъ...

— Этого то мнѣ и нужно было. Теперь, мнѣ кажется, я уже могу перейти къ слѣдующему. Я думаю, что слѣдовало бы позаботиться о ея судьбѣ...

— Ужъ это пробовали...

— Я что-то объ этомъ не слыхалъ.

— А я слыхалъ.

— Что вы слыхали?

— Ей совѣтывали взяться за работу.

— Кто это ей совѣтовалъ?

— Я—другіе...

— Ну, а каковъ результатъ?

— Неважный...

— Вы меня простите, коллега, но позвольте мнѣ сказать вамъ, что я подобнымъ попыткамъ не особенно-то довѣряю. Работа—это понятіе весьма и весьма растяжимое. Тутъ главное въ томъ, какъ держала себя въ этомъ случаѣ панна Бронислава: было ли съ ея стороны искреннее желаніе работать или нѣтъ...

— Вотъ то-то что и нѣтъ...

— Я опять позволю себѣ выступить съ маленькимъ возраженіемъ. Вы говорите, что панна Бронислава не проявила искренняго желанія заняться какой-нибудь работой. Но помилуйте! Во время вашей болѣзни она вѣдь работала, какъ простая служанка, руки себѣ обжигала антисептическими средствами, поднимала васъ,—а вѣдь вы не легкій,—бѣгала за докторомъ, въ аптеку, варила бульоны... Да развѣ перечислить все, что эта дѣвушка дѣлала тогда? И вѣдь, какъ мы уже замѣтили, все это она дѣлала совершенно безкорыстно.. Откудаже, скажите на милость, вы взяли, что эта дѣвушка не любитъ труда, что у ней нѣтъ искренняго желанія работать?

Ну, что ему отвѣтить на это: вѣдь онъ правъ, глубоко правъ! Вѣдь не смѣю же я ссылаться на то, что было тамъ, въ Краковѣ, когда—то я зналъ только въ теоріи, между тѣмъ, какъ то, что происходило здѣсь, я видѣлъ на практикѣ. Рымковскій употребилъ въ дѣло настоящее «argumentum ad hominem». Вѣдь развѣ я имѣю право обвинять кого-либо въ оскорбленіи меня въ теоріи, когда онъ же на практикѣ по отношенію ко мнѣ поступаетъ, какъ милосердный самаритянинъ.

— Вы совершенно правы,—пришлось мнѣ отвѣтить.

— Итакъ, вы согласны съ тѣмъ, что панна Бронислава трудолюбива и что у ней даже можетъ быть весьма искреннее желаніе работать?

— Я согласенъ вполнѣ.

— Вотъ этого-то мнѣ и нужно... А теперь я могу приступить къ изложенію настоящей и самой главной сути дѣла. Когда, за время вашей болѣзни, я имѣлъ возможность убѣдиться въ добросердечности этой дѣвушки, въ ея трудолюбіи, въ ея искренности, тогда у меня—у меня появилась мысль...

Онъ не договорилъ. У меня духъ захватило.

— Какая же у васъ мысль?...

— У меня явилась мысль, что бы было, еслибы я, на ней женился?...

Я замеръ.

— Слушайте, что вы на это скажите?—едва слышно прошепталъ Рымковскій, обливаясь яркимъ румянцемъ.

Что я на это скажу?? Мысли безсвязной вереницей замелькали у меня въ головѣ... Я безпокойно завертѣлся на моемъ креслѣ, руки у меня дрожали... А онъ, краснѣлъ все больше и больше, все ниже и ниже опуская голову, ждалъ моего отвѣта...

Что я ему скажу?!.. Людвикъ... вы, вы тоже знаете, какое у ней *доброе сердце*, вы знаете также, кто такой Рымковскій—можетъ быть, вы скорѣе сумѣете на это отвѣтить...

ПИСЬМО XXIX.

Объясните мнѣ, пожалуйста, Людвикъ, какимъ образомъ я очутился въ этой грязи?? И какъ же это я очутился въ грязи, а, между тѣмъ,

глядя на себя въ зеркало, ни на рукахъ, ни на лицѣ, я не вижу ни малѣйшаго пятнышка?? Какъ это такъ?

Я полагаю, что вы сами поняли, что вопросъ, который я вамъ поставилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, есть ни что иное, какъ просто риторическая фигура, т.-е. одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣта не ждутъ. Не отрицаю, что я, дѣйствительно, нахожусь въ довольно затруднительномъ положеніи, но въ данномъ случаѣ я не жду отвѣта—отъ васъ.

Вотъ каковъ былъ эпилогъ нашего съ Рымковскимъ разговора.

Рымковскій вдругъ поднялся съ своего мѣста, поднялся и я.

— Вы мнѣ не отвѣчаете?—проговорилъ онъ запинаясь.

— Видите-ли...—пробормоталъ я, схватывая обѣ его руки,—что-же я вамъ... Я въ этихъ дѣлахъ... какъ бы тутъ сказать...

— Я предложилъ вамъ, кажется, очень простой вопросъ; я думалъ, что вы мнѣ сумѣете на него такъ же просто отвѣтить...

— Простите меня, но... у меня сейчасъ немного закружилась голова... видно, я еще не совсѣмъ... въ порядкѣ...

— Боже мой! Вамъ дурно?! Какой же я дуракъ: мучаю васъ такими дѣлами... Я у васъ останусь ночевать...

— Нѣтъ, зачѣмъ? Благодарю васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы непремѣнно съ панной Брониславой останемся у васъ, я самъ такой неловкій...

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ прошу!.. Я не хочу, не хочу!

— Ну, ну, ну! Больныхъ не спрашиваютъ. Докторъ насъ предупреждалъ, что вы еще не совсѣмъ окрѣпли... Воздуху свѣжаго тутъ мало... Нѣтъ, нѣтъ, вы, пожалуйста, оставьте эти церемоніи! Ну, что тутъ такое? Не все ли равно одной ночкой больше или меньше... Я побѣгу за панной Брониславой... Прощайте...

— Да погодите-же!

Дверь захлопнулась передъ самымъ моимъ носомъ. На лѣстницѣ послышались быстрые шаги...

ПИСЬМО XXX.

Вы себѣ представить не можете, что у насъ теперь творится! Мартъ, оттепель, то пасмурно, то ясно—чортъ его знаетъ что за погода!

Тучи бѣшенно гонятся по небу одна за другой. Порой проглянетъ изъ-за нихъ солнышко, промелькнетъ надъ землей и исчезнетъ. Не то дождь, не то снѣгъ, каша какая-то, а то вдругъ опять ярко свѣтитъ солнце. Одинъ только вѣтеръ безустанно играетъ, то и дѣло мѣняя интонацію.

Что за удивительный музыкантъ, этотъ нашъ польскій вѣтеръ! Милліономъ смычковъ онъ играетъ на своей милліоно-струнной лирѣ.

Самый тонкій дискантъ мгновенно смѣняется у него громовымъ басомъ, и тихая мелодія, напоминающая жужжаніе комара, заглушается мощными аккордами. Вотъ откуда-то изъ глубины онъ октавами начинаетъ хроматическую гамму и кончаетъ ее какимъ-то адскимъ свистомъ, дикимъ хохотомъ—вотъ онъ стихъ—тихо, тихо—и вдругъ страшный ревъ, точно стада обезумѣвшихъ быковъ, точно военный окликъ дикихъ племенъ, точно свистъ крылатыхъ стрѣлъ, точно ржаніе коней, разносится въ воздухѣ...

Что это?? Вся земля залита водою, вода все прибываетъ и прибываетъ; слышны дикіе крики и вопли, видны толпы людей, карабкающихся по обрывамъ скалъ. Тамъ отцы сбрасываютъ внизъ сыновей, а тамъ сыновья въ отчаяніи кусаютъ отцовъ, борясь изъ-за пяди земли, изъ-за обломка скалы надъ необъятною водною массой. Волны бушуютъ, ревутъ, жадно поглощая толпу за толпой, и съ дикимъ хохотомъ вздымаются къ небу, гдѣ нависли свинцовыя тучи. Вотъ пѣнистые валы словно притаились въ дали, глядятъ на утесы и горы, гдѣ копошатся безформенныя груды судорожно вцѣпившихся другъ въ друга человѣческихъ тѣлъ и рукъ. Взглянули—и съ дикимъ ревомъ рванулись впередъ, наперли, увлекая въ свою ненасытную пасть цѣлыя кучи лоснящихся тѣлъ, рвутъ ихъ, кидаютъ и мечутъ во всѣ стороны, то выбрасывая ни поверхность какія-то головы, руки, ноги, то опять заливая ихъ пѣной и поглощая навѣки. А гдѣ-то тамъ, на высочайшей вершинѣ Гималаевъ, какой-то Геркулесъ угрюмо глядитъ на грозно нависшія тучи; у ногъ его лежатъ тяжело дыша мальчикъ и полумертвая дѣвушка. Силачъ изъ силачей, онъ ринулся впередъ сквозь обезумѣвшую толпу, взобрался на высочайшую вершину и втащилъ за собою мальчика и полумертвую дѣвушку. Толпа кинулась было за ними, вцѣпилась зубами въ ихъ ноги, но онъ, полубогъ, нагнулся къ безумцамъ, сильной рукою сдавилъ имъ горло, и судорожно стиснутыя челюсти разнялись, выпуская ноги мальчика и полумертвой дѣвушки. Въ то же мгновеніе бушующія волны хлынули на толпу и увлекли ее внизъ... полубогъ приложилъ руку къ облитому водою лбу и посмотрѣлъ въ даль... Всюду вода, вода, вода, вода!.. Онъ взглянулъ на небо... Тучи разверзлись, и безъ устали льются и льются потоки, съ шумомъ ударяясь о пѣнистую, зеленую, все выше и выше вздымающуюся водную пиръ! Мальчикъ обнимаетъ его колѣни, подымаетъ къ нему лицо свое съ мольбою, указывая рукою на лежащую подлѣ безъ чувствъ дѣвушку... Полубогъ положилъ одну руку на мокрыхъ волосахъ мальчика, а другую все еще держитъ у лба и озирается вокругъ. Лицо его точно вылито изъ бронзы, глаза, какъ у вампира, губы полураскрыты... На волнахъ пусто, пусто, пусто... Онъ слыхалъ о какомъ-то ковчегѣ—о томъ, будто голубь какой-то взлетитъ съ зеленою вѣтвью и будетъ кружить надъ водами... Вдругъ гдѣ-то на самомъ дальнемъ краю горизонта показалось надъ

водами какое-то чудовище и огласило пространство страшнымъ ревомъ. Волны зарокотали. Чудовище поднялось еще выше и еще страшнѣе заревѣло; волны запѣнились, съ глухимъ рокотомъ вздымаются кверху, катятся, напираютъ на послѣднюю, еще не смытую горную вершину, но водянымъ ихъ когтямъ не достигнуть ея. Но вотъ чудовище на краю горизонта сдѣлало движеніе въ сторону горной вершины, въ воздухѣ что-то дрогнуло, дико загудѣлъ и забушевалъ вихрь и, шумя и крутясь, вбирая въ себя, точно воронка, воды по дорогѣ, съ визгомъ, съ свистомъ, съ ревомъ и съ пѣніемъ ринулся въ сторону утеса. Согнулся полубогъ въ три погибели, ноги разставилъ, напрягъ всѣ свои мускулы въ послѣднемъ судорожномъ усиліи. Вотъ ужъ воздушная воронка брызнула на него водою... Съ быстротою молніи хватаетъ онъ за руку лежащую безъ чувствъ дѣвушку, обнимаетъ полуживого мальчика... Потокъ хлынулъ на скалистую вершину, рванулъ ее, завертѣлъ и отбросилъ далеко впередъ...

Колышутся изумрудныя водяныя горы, стряхивая пѣну съ вздымающихся къ небу вершинъ. Разсѣкая одною рукой волнующіяся воды, полубогъ крѣпко держитъ въ другой полумертвую дѣвушку. Съ другой стороны его плыветъ мальчикъ и, охватывая цѣпенѣющей рукой его шею, поворачиваетъ къ нему свое посинѣлое лицо и молитъ голубинымъ взглядомъ:

— Ты—полубогъ... ты всемогущъ... ты насъ вырвешь изъ этого потопа... изъ этого хаоса... скажи!

А полубогъ, разсѣкая воду, едва слышнымъ, прерывистымъ шепотомъ, чуть не захлебываясь, шепчетъ ему въ отвѣтъ:

— Я— только человѣкъ... жалкій, ничтожный человѣкъ... и не знаю ничего... ничего... ничего...

ПИСЬМО XXXI.

Уложили они меня, значитъ, въ постель и приказали сейчасъ уснуть. Я притворился спящимъ, но самъ сталъ наблюдать за ними.

Вѣтеръ, между, тѣмъ усиливался, шумя и свистя на разные лады. Вотъ-вотъ, казалось, онъ развалитъ нашъ домъ и разнесетъ его по бѣлу свѣту.

Бронка и Рымковскій сидѣли за столомъ, другъ противъ друга, и попивали чай. Лампа съ бѣлымъ рефлекторомъ освѣщала комнату и кидала свѣтлое пятно на лицо Рымушки. Онъ былъ въ замѣчательно веселомъ настроеніи, смѣялся и шутилъ. Бронка намазывала ему булочку масломъ, накладывая сверху ветчину.

— Ужъ, навѣрное, полночь пробило.

— А вамъ спать хочется?

— Это вамъ спать хочется, а не мнѣ...

— Неправда—мнѣ шалить хочется!

— Посмотрите-ка! А еще серьезный человѣкъ!

— Какой тамъ серьезный?!

— Какъ же не серьезный—поэтъ вѣдь...

— Поэтъ, который ничего не пишетъ, только вѣчно съ планами носится...

— Ишь, какой скромненькій! Скажите на милость!

— Хорошо хоть и то, что скромный...

— Совсѣмъ нѣтъ, скромнымъ нехорошо на свѣтѣ...

— А мнѣ вотъ хорошо... и какъ еще хорошо!

— Какой же вы счастливецъ, если вы всегда довольны!

— Потому что мнѣ немного нужно, чтобы быть довольнымъ.

— А мнѣ нужно много!

— Это вамъ только такъ кажется, Броня...

— Нате, съѣшьте еще кусочекъ ветчины, а то голодны будете. Приснятся вамъ цыгане...

— Ничего мнѣ не будетъ сниться, потому что я вовсе не намѣренъ идти спать...

— Не говорите такъ громко, а то вы его разбудите...

— Развѣ онъ уже спитъ?

— Кажется спитъ... Нужно посмотрѣть... Спитъ... Онъ теперь, знаете, лучше выглядитъ...

— Онъ, навѣрно, спитъ?

— Пойдите сами, посмотрите...

— Я и вамъ вѣрю, Броня...

— Нельзя быть такимъ легковѣрнымъ.

— Почему такъ?

— Никому нельзя вѣрить...

— А я хотѣлъ бы всѣмъ вѣрить... Это такъ пріятно!

— Спасибо вамъ за такую пріятность!

— Ой-ой, посмотрите только, что за горечь!

— Горечь—не горечь, а просто такъ!

— Вотъ теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ можно будетъ съ вами свободно поговорить..

— Почему это теперь какъ разъ?

— А потому что онъ спитъ.

— Со мной всегда можно свободно говорить.

— Вотъ вы, Броня, мнѣ еще никогда не разсказывали ничего изъ вашей жизни...

— Вотъ такъ такъ... А вы, сударь, мнѣ разсказывали?

— Я всегда готовъ, только захотите...

— Мнѣ вовсе не такъ интересно...

— Да и мало въ жизни моей интереснаго.

— Ну, такъ разсказывайте.

— Вы не шутите? Правда, вы хотите слушать?

— Да разумѣется. Про васъ разсказываютъ такія странныя вещи...

— Да кто же можетъ обо мнѣ что-либо разсказывать, когда я ни съ кѣмъ не знакомъ?

— Вы съ Юліемъ не знакомы?

— Собственно говоря, нѣтъ. Мнѣ разъ только приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

— И вы съ нимъ никогда не говорили?

— Никогда.

— Да? Вы правду говорите?

— Честное слово.

— А съ Густавомъ вы знакомы?

— Нѣтъ, я его не знаю.

— Ни съ Стасемъ? Ни съ Медвеемъ?

— Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

— Господи Боже мой! Да гдѣ же вы жили, скажите? Вы, значитъ, совсѣмъ никого не знаете!

— Я обыкновенно ежедневно просиживаю часъ въ редакціи, два часа въ библіотекѣ, иногда сюда заглядываю, а такъ больше не имѣю никакихъ сношеній ни съ здѣшними литераторами, ни съ художниками, ни во что не вмѣшиваюсь; есть у меня свой кружокъ изъ нѣсколькихъ товарищей—съ ними мнѣ хорошо и пріятно...

— Такъ, значитъ, вы совсѣмъ не знаете, какъ мы живемъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Значитъ, вы и обо мнѣ никогда ничего не слышали?

— Нѣтъ, о васъ слышалъ...

— Что вы обо мнѣ слышали?... Что, скажите!.. Ну, миленькій, скажите...

— Я вотъ отъ него, отъ коллеги, слышалъ только то, что у васъ очень доброе сердце и что изъ васъ могла бы выйти славная женщина...

— Подождите, спитъ онъ или нѣтъ?... Тихо... Спитъ, кажется... Вы слышали вздохъ?

— Это онъ сквозь сонъ. Ну, Броня, вы мнѣ что-нибудь разскажете о себѣ?

— Да вѣдь вы ужъ все знаете!

— Какъ все?

— Вы сами только что говорили.

— Но я хотѣлъ бы отъ васъ самихъ услышать...

— Ну, такъ разскажите раньше о себѣ.

— Хорошо. Я вамъ охотно разскажу. Я—сирота, родился я въ деревнѣ, крестьянскаго, значитъ, происхожденія...

— А я дворянка, знаете? Дворянка! У меня всѣ бумаги въ порядкѣ...

— О, въ такомъ случаѣ позвольте вамъ засвидѣтельствовать мое почтеніе... Я васъ боюсь, Броня... Кто я? Простой мужикъ!

— Ну, ну, ну, пожалуйста, прошу васъ не смѣяться надо мной!

— Да какъ бы я посмѣлъ!—Мать моя, добрая женщина, бѣдная крестьянка, мыкавшаяся по чужимъ угламъ...

— А кто былъ вашъ отецъ?

— Отецъ мой??

— Ну да, отецъ.

— Знаете ли, отца своего я совсѣмъ не помню.

— Вы о немъ ничего не слышали?

— Къ сожалѣнію, ничего...

— Такъ... вы... вѣрно...

— Не знаю ничего, ничего не помню... Знаю только то, что мы съ матушкой недолго жили въ моей родной деревнѣ и скоро оттуда выѣхали. Матушка никогда со мной потомъ въ этой деревнѣ не бывала и когда даже не говорила мнѣ, какъ эта деревня называется.

— Почему?

— И самъ не знаю почему... Эти вопросы мнѣ теперь часто въ голову приходятъ, а тогда я ихъ матушкѣ не задавалъ...

— Вотъ какъ!.. Странно... Ну, а дальше что было?

— Попали мы съ матушкой въ какой-то маленькій городишко и тамъ моя бѣдная матушка померла.

— А у кого вы остались?

— Меня хотѣли отправить обратно въ мою родную деревню, но никакъ не могли доискаться, гдѣ она. Тогда меня принялъ къ себѣ одинъ докторъ на воспитаніе. Я ему частенько сапоги чистилъ, а иногда и ружье; онъ страстно любилъ на охоту ходить. Онъ былъ старый холостякъ, у него жила еще и сестра, она меня читать и писать выучила. Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, оба они умерли отъ появившейся тогда у насъ холеры.

— Ну, и то сказать, везло же вамъ!

— Вотъ я, поплакавъ на ихъ похоронахъ, взялъ, собрался да и пошелъ, куда глаза глядятъ. Попалъ я въ Плоцкъ.

— А я, знаете, родомъ изъ Кѣлецкой губерніи.

— У васъ еще есть тамъ родители?

— Ну, ну, о себѣ разсказывайте. Это что такое!

— Въ Плоцкѣ мнѣ сперва очень плохо было, приходилось поклажу на пароходы таскать, но потомъ какъ-то удалось мнѣ поступить къ одному нотаріусу въ писаря. Вечера у меня были свободные, познакомился я съ гимназистами, и они меня стали учить.

— И чему же вы научились?

— Научился у нихъ всему тому, что они сами знали.

— Какой же вы способный, погляжу я на васъ!

— Расходы у меня были небольшіе, такъ что даже кой-что и оставалось. Гимназисты мнѣ даже потомъ и уроки доставали. Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что я, не будучи самъ въ гимназіи,

давалъ другимъ уроки, репетировалъ, но такъ это ужъ было. Между тѣмъ, знакомые мои гимназію окончили, уѣхали въ Варшаву, въ университетъ. Тоскливо такъ стало у меня на душѣ, когда я одинъ остался, и что же? Недолго думая, махнулъ и я туда же.

— Куда это вы махнули!

— Къ нимъ, въ Варшаву, въ университетъ.

— А васъ приняли?

— Ну, прямо въ университетъ я поступить не могъ, потому что я гимназіи не окончилъ. Но я часто къ нимъ захаживалъ, прислушивался къ ихъ разговорамъ, учился вмѣстѣ съ ними, пользуясь ихъ книжками и лекціями.

— А чѣмъ вы жили?

— Разныя у меня были занятія. То въ канцеляріяхъ у адвокатовъ, у нотаріусовъ служилъ, то лекціи переписывалъ. А потомъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день—я сталъ литераторомъ!

— Какъ же это?

— Потому что для этого, къ счастію, не нужно никакихъ гимназій, никакихъ экзаменовъ.

— Тише, тише... тссс... проснулся кажется...

— Пойдите, посмотрите...

— Нѣтъ, спитъ крѣпко... почти не дышетъ... Это хорошо... Налить вамъ еще чаю? Самоваръ еще теплый... Подайте-ка вашъ стаканъ, я вамъ налью...

— Я себѣ самъ налью...

— Ну, ну, а на что женщина?—Тише, право... Вы его разбудите... А знаете, что? Вы мнѣ про одну вещь ничего не разсказали...

— Про что это?

— Угадайте.

— Не знаю, долго думать...

— Такъ я вамъ помогу. Вы мнѣ не разсказали, сколько разъ вы были влюблены...

— Я? Я никогда не былъ влюбленъ... Вы, Броня, первая женщина, съ которой я такъ свободно разговариваю...

— Потому-то вотъ про васъ и говорятъ...

— Что говорятъ?

— Что вы—ангелъ.

— Чортъ я, а не ангелъ!

— И если бы передъ смертью дотронуться только до васъ, то этого одного было бы довольно, чтобы попасть прямо въ рай...

— Что вы такъ подшучиваете надо мною, бѣднымъ мужикомъ? Ну, теперь ваша очередь, Броня...

— Я думала, что вы обо мнѣ немного больше слышали.

— Ей-Богу, больше ничего не слыхалъ...

— Тише... разбудите.

— Да онъ спитъ... мы можемъ говорить вполнѣ свободно...

— Что же мнѣ вамъ о себѣ разсказывать? Спросите художниковъ.

— Во-первыхъ, я бы ихъ не спрашивалъ оттого, что я имъ не вѣрю, а во-вторыхъ, съ меня будетъ вполнѣ достаточно того, что вы мнѣ сами о себѣ разскажете.

— Ну, такъ спросите у него—вотъ.

— Онъ мнѣ ничего больше не говорилъ, какъ только то, что я вамъ уже сказалъ.

— Ахъ, Боже мой, такъ что-же мнѣ, бѣдной, дѣлать?!

— Возьмите да разсказывайте...

— А на что это вамъ?

— На что! Вотъ такъ себѣ... потому что вы мнѣ нрав...

— Да, сейчасъ!

— Честное слово. Право, Броня, я васъ полюбилъ...

— Я—хорошенькая??

— Э, хорошенькихъ на свѣтѣ много, а вы, Броня,—хорошая, добрая...

— Ну, что-же я могу вамъ о себѣ разсказать. Вѣтеръ меня принесъ, сама не знаю, откуда... Вотъ и вы тоже не знаете... Занялись мною... добрые... люди... а потомъ-потомъ я ихъ изъ виду потеряла... И вы своихъ опекуновъ потеряли... Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я сдѣлалась натурщицей, позирую... ну, и больше нечего разсказывать!

— И вы думаете, Броня, что это такъ всегда будетъ продолжаться?..

— Что будетъ продолжаться?

— А вотъ, жизнь ваша, Броня... Вы не думаете, что она можетъ прекратиться... что такъ жить изо дня въ день долго нельзя...

— Ну, такъ что же прикажете мнѣ дѣлать...

— Броня, средство нашлось бы...

— Какое? Гдѣ? У кого?

— Послушайте, Броня... Правда, вы дворянка, а я простой крестьянинъ...

— Что это у васъ такъ рука дрожитъ?

— Но вѣдь мы съ вами, Броня, словно птицы бездомныя... Знаете, Броня, что?

— Тише говорите... Ну, что?

— Не знаю, можетъ быть, это и безумная мысль...

Я громко кашлянулъ и поднялся съ постели. Они вмигъ отшатнулись другъ отъ друга.

ПИСЬМО XXXII.

Было уже утро.

Я долго расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, заложивъ за спину руки, и смотрѣлъ то въ окно, то на Бронку, не зная, какъ начать.

Рымковскій ушелъ уже часа два тому назадъ.

Бронка тоже расхаживала по комнатѣ. Она нѣсколько разъ взглядывала на меня и, наконецъ, подошла къ зеркалу и стала надѣвать шляпку.

— Не уходи...

Она повернулась ко мнѣ съ вопросительнымъ взглядомъ. Потомъ положила шляпку, стала у стѣны и остановилась въ ожиданіи.

А я, ей-Богу, не зналъ, какъ начать.

Она, видно, поняла, что тутъ что-то сейчасъ произойдетъ: лицо ея чуть-чуть поблѣднѣло. Глаза у ней были опущены, но я замѣтилъ, что она слѣдитъ исподлобья за моими движеніями.

Наконецъ, я подошелъ къ ней и прошепталъ:

— Бронка... а вѣдь я... эту ночь... совсѣмъ не спалъ...

Она молчала. Я сталъ опять расхаживать по комнатѣ, придумывая, что еще сказать. Я сильно волновался.

По дорогѣ къ окну я опять взглянулъ на нее и сказалъ:

— Я слышалъ весь вашъ разговоръ, Бронка... и не только то, что онъ говорилъ, но и то, что говорила—ты!

Она—ни слова.

— Ты ему не сказала всего...

Ни слова.

— Ты даже позволила ему понять все совершенно иначе... Ты ему солгала!

Молчаніе.

Я провелъ рукою по лицу.

— Слушай, Бронка... Ты должна ему сказать... все... слышишь?. все...

Я пошелъ-было къ двери, но вдругъ остановился, не поворачивая головы; тихій плачъ донесся до моего слуха.

Я подошелъ къ ней. Она закрыла лицо руками. Я отнялъ ихъ отъ лица и, крѣпко держа ея обѣ руки, произнесъ:

— Все!.. Слышишь??.. И какъ можно скорѣе...

— Такъ скажите ему сами!—крикнула она.

— Я не имѣю права... Это ты должна сдѣлать...

— Не могу—не могу!

— Ты должна!

Меня начинала разбирать досада. Мнѣ становилось тяжело дышать. Я взглянулъ въ окно. Погода была хорошая.

Нужно пойти немного пройтись... подышать свѣжимъ воздухомъ.. Здѣсь нельзя выдержать... такъ душно...

Я сталъ надѣвать пальто.

— Бронка... я ухожу... можетъ быть, я его встрѣчу... Ты будь дома... можетъ быть, онъ сюда придетъ... одинъ... Помни же!

Я взялся за ручку двери. Но въ то же мгновеніе я услышалъ позади себя шаги и черезъ минуту—Бронка лежала у моихъ ногъ.

— Что ты дѣлаешь, Бронка!

— Я не скажу ему... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не могу, не могу... Скажите вы ему все, добавьте, что хотите, представьте меня, какъ самую скверную дѣвушку, но я сама на могу, не могу, не могу... дорогой мой, хорошій, голубчикъ... онъ—первый человѣкъ, который мнѣ повѣрилъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... я не могу...

Я высвободился изъ ея объятій и вышелъ, заперевъ за собою дверь. Потомъ я подумалъ, повернулся и на цыпочкахъ подошелъ къ двери.

Бронка сидѣла на полу и плакала... плакала... плакала...

ПИСЬМО XXXIII.

Я забрелъ къ самой Вислѣ. Я остановился и смотрѣлъ, какъ катятся ея мутныя, нынче, быть можетъ, мутнѣе, чѣмъ всегда, воды; смотрѣлъ, не несутъ ли они мнѣ какой-нибудь вѣсточки отъ васъ, Людвикъ. Солнце слабо свѣтило; гдѣ-то вверху шумѣла и кипѣла сутолока варшавской жизни. Долго стоялъ я на берегу, размышляя, разсчитывая, разсуждая, сопоставляя одно съ другимъ и вдругъ меня охватило сильное желаніе махнуть на все рукой и броситься въ воду.

Ужъ очень, знаете ли, много мы разсуждаемъ.

Впрочемъ, нечего еще было бы жаловаться на такое наше пристрастіе къ разсужденіямъ, еслибъ въ результатѣ не получалось вѣчно одно и то же: желаніе махнуть на все рукой и броситься въ Вислу.

Да, рукой-то мы махнемъ, а въ Вислу, пожалуй, не бросимся...

Неужели же наше внутреннее состояніе мы въ силахъ проявить однимъ лишь единственнымъ внѣшнимъ движеніемъ, т. е. махнуть рукою?

Дешевый пессимизмъ, нечего сказать!..

За неимѣніемъ настоящаго дѣла мы придумываемъ разныя теоріи о дѣлахъ. Какъ легко создавать теоріи, проводя свою жизнь въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты! Какъ легко разрушать ихъ и на ихъ развалинахъ воздвигать новыя!

Да только впрямь ли это созданіе теорій?! Не игра ли это «въ жмурки» съ нашими непостоянными настроеніями?! Ей-Богу же, сколько ихъ у насъ, этихъ «теорій», сколько «настроеній». Богъ далъ человѣку разумъ въ проводники его житейскихъ странствованій; между тѣмъ, человѣкъ, желая изслѣдовать тайну зрѣнія этого проводника, взялъ да и выкололъ ему глава. Ну, и бредутъ теперь оба ощупью, ежеминутно отставая другъ отъ друга и бранясь между собою...

А жизнь не ждетъ, она беретъ свое. И мнѣ вдругъ почудилось, что это я тотъ человѣкъ, который стоялъ на вершинѣ Гималаевъ, когда вокругъ бурлилъ потопъ. У ногъ моихъ валяется дѣвушка, а сбоку глядитъ мнѣ въ глаза Рымковскій. Мы ушли съ необъятной земли, на которой столько дорогъ и тропинокъ, и столько людей, не знающихъ и

не понимающихъ другъ друга, и взобрались на эту вершину. Бурный потокъ жизненныхъ явленій сталкиваетъ насъ другъ съ другомъ, сближаетъ—и вотъ-вотъ снесетъ онъ насъ на бушующія волны, а тамъ уже колебаться нельзя, нельзя ждать, нужно что-нибудь рѣшить, нужно что-нибудь сдѣлать! Жаль мнѣ, жаль эту бѣдную дѣвушку, что валяется у моихъ ногъ, но... нѣтъ! Это немыслимо! Кроткій голубь—Рымковскій и она! Да вѣдь тутъ можетъ разыграться самая ужасная трагедія! Да и притомъ... это даже... смѣшно!

Ай, я, кажется, опять махнулъ на что-то рукой.

Наконецъ, если Бронка въ самомъ дѣлѣ уже сдѣлалась «векселемъ», переходящимъ изъ рукъ въ руки, такъ почему это дисконтировать его суждено какъ разъ Рымковскому! Почему именно онъ дастъ восторжествовать идеѣ справедливости?!

Нѣтъ, нельзя на это махнуть рукой... Нужно рѣшить что-нибудь, что-нибудь предпринять!..

Но что?! Вотъ вопросъ!

Во всякомъ случаѣ это должно быть что-нибудь такое, что сравняло бы шансы обѣихъ сторонъ.

Когда я выходилъ на желѣзный мостъ, я лицомъ къ лицу встрѣтился съ Рымковскимъ. Онъ летѣлъ, какъ угорѣлый, щеки у него раскраснѣлись, глаза блестѣли.

— Коллега, одну минуту!—остановилъ я его.

Рымковскій страшно обрадовался нашей встрѣчѣ. А я уже зналъ теперь, что сдѣлать.

— Куда вы такъ спѣшите?—спросилъ я.

— На Золотую, на урокъ...

— Прекрасно. Вамъ будетъ какъ разъ по дорогѣ. Вы у меня оставили свою...

— Ахъ, такъ это у васъ я мою книжечку позабылъ! А я себѣ все время голову ломалъ, гдѣ это я могъ ее оставить...

— Идите сейчасъ туда!

— А какъ же я зайду?

— Тамъ... Бронка...

Онъ страшно покраснѣлъ и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Возьмеите извощика и поѣдемте вмѣстѣ—а?

— Нѣтъ... я теперь не могу...

— Такъ я вечеромъ зайду за книжкой...

— Нѣтъ, идите теперь... сейчасъ...

— Мнѣ что-то не хочется... Отчего это вы просите, чтобы я сейчасъ пошелъ? Можетъ быть, нужно тамъ что-нибудь сдѣлать для васъ?

— Нѣтъ, ничего. Но... тамъ Бронка... она хочетъ съ вами поговорить...

Рымковскій поблѣднѣлъ.

— Это другое дѣло. До свиданія!

Какая-то тяжесть свалилась у меня съ груди. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ скоро исчезъ въ толпѣ, а я двинулся дальше, но передъ глазами у меня все стояло его поблѣднѣвшее лицо.

ПИСЬМО XXXIV.

Я рѣшилъ, что вернусь домой только вечеромъ, а тамъ пускай дѣлается, что угодно...

Принявъ такое рѣшеніе, я не болѣе чѣмъ черезъ полчаса очутился въ воротахъ—своего дома.

Я медленно взобрался по лѣстницѣ и на цыпочкахъ подошелъ къ двери. Прислушиваюсь. А сердце у меня такъ и колотитъ, такъ и колотитъ. Глубокая тишина. Что жъ это такое? Я хватаюсь за ручку открываю дверь. Посреди комнаты стоитъ Бронка въ шляпкѣ, въ пальто: собирается, какъ видно, уходить.

— Рымковскій былъ здѣсь?

Она молчитъ. Я громче повторяю вопросъ.

— Былъ.

— Ты ему сказала?

Она опускаетъ глаза. Я хватаю ее за руку.

— Сказала,—тихо говоритъ она, не подымая глазъ.

Я сталъ снимать пальто. Бронка приняла его у меня и повѣсила на вѣшалку у двери. Я сѣлъ на стулъ; руки у меня дрожали.

— Броничка... поди сюда,—тихо говорю я.

Она подошла, стала около меня и молчитъ.

— Слушай, Броня... право, мнѣ тебя, бѣдную, жаль... очень жаль... Ну, скажи, что онъ??

Бронка не отвѣчаетъ ни слова.

— Какъ онъ это принялъ? Скажи! Да говори же! Вѣдь онъ мнѣ другъ, ты знаешь.

— У меня нѣтъ друзей,—прошептала она сквозь зубы.

Мнѣ больно стало.

— Ты во мнѣ имѣешь самаго лучшаго друга, Броня...

— Спасибо вамъ...

Это «спасибо» было сказано такимъ тономъ, что меня такъ и кольнуло въ сердце.

— Ты мнѣ уже не вѣришь, Бронка?..

— Никто меня не научилъ вѣрить... Ни Стефекъ, ни «тетка», ни Гутекъ, ни Юлій...

— Бронка, посмотри мнѣ прямо въ глаза!

Бронка гордо подняла свою голову. Брови у ней сдвинулись и нахмурились надъ горѣвшими гнѣвомъ глазами.

— Бронка, ты ему *ничего* не сказала!—воскликнулъ я, хватая ее съ силой за руку. Но она вырвалась отъ меня и бросилась къ двери. Я кинулся за ней и задержалъ ее на порогѣ.

— Пустите меня,—крикнула она, тяжело дыша.

— Бронка, ты лжешь!

Грудь ея высоко подымалась и опускалась, глаза засверкали нехорошимъ огонькомъ.

— Да? Вы думаете, что я вѣчно буду такой дурой?—заговорила она прерывистымъ, задыхающимся отъ бѣшенства, голосомъ.—Хорошо, я скажу ему, а что будетъ потомъ?? Знаете ли вы? Вѣдь онъ, какъ сюда вошелъ, руку мнѣ поцѣловалъ! Слышите, руку?? Эхъ вы... умный вы человѣкъ! Да ужъ лучше вы о насъ не заботьтесь, мы и безъ васъ обойдемся!.. Спасибо вамъ за такую дружбу... Меня Богъ все друзьями наградилъ... Я при васъ ночи цѣлыя просиживала, ухаживала, берегла, ногъ подъ собою не чувствовала... Никогда еще мнѣ не приходилось кого-либо упрекать такъ—и жаль мнѣ, что это я вамъ должна говорить: вѣдь вы со мной по-человѣчески обращались... Но ужъ коли считаться, такъ считаться... Я съ вами такъ—а вы со мной вотъ какъ.

Я глядѣлъ на нее, проводя рукою по лицу, и опустилъ глаза... Потомъ я медленно, шатаясь, подошелъ къ окну и сѣлъ на постели.

И опять мнѣ почудилось, что я плыву среди бурнаго потока, съ трудомъ разсѣкая волны, но я уже не вижу ни голубиныхъ глазъ мальчика, ни полумертвой дѣвушки. Волны унесли ихъ куда-то далеко далеко,—а на меня напираютъ воды, окружаютъ со всѣхъ сторонъ увлекаютъ и кружатъ въ бѣшеномъ водоворотѣ...

Бронка стояла у порога и искоса поглядывала на меня. Вдругъ она подошла ко мнѣ, взяла мою руку и быстро поднесла ее къ губамъ..

Я вскочилъ.

— Бронка!

Ея уже не было въ комнатѣ.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(*Продолженіе* *).

II.

Общій характеръ историческаго перелома въ концѣ XV вѣка.—Житейскіе элементы новой московской программы.—Традиція скопидомства.—Традиція «единства», превратившаяся въ традицію «объединенія».—Традиція религіознаго единства и ея отношеніе къ идеѣ національнаго объединенія.—Религія, какъ средство въ рукахъ московской политики.—Идеологическіе элементы московской программы и ихъ общій источникъ.—Идея крестоваго похода противъ турокъ, какъ главная причина интереса Европы конца XV в. къ Россіи.—Левантинцы: итальянцы и греки, какъ посредники при первыхъ сношеніяхъ.—Женитьба на Софьѣ Палеологъ, какъ первый результатъ сношеній.—Политическія послѣдствія брака и первыхъ сношеній съ европейскими государями.—Неудачныя попытки ввести Ивана III въ международную іерархію государей.—Быстрый ростъ и практическій успѣхъ идеи «панруссизма».—Теорія и дѣйствительность «борьбы съ исламомъ».—Дальнѣйшее развитіе московской политической идеологіи при помощи южныхъ славянъ.—Національное самосознаніе, какъ продуктъ исторіи южныхъ славянъ.—Его формулировка въ соотвѣтственной политической идеологіи. -Перенесеніе этой идеологіи на Москву.—Славянскіе литераторы (Кипріанъ, Пахомій) овладѣваютъ русскими національными темами.—Московскій князь рисуется въ чертахъ славянскаго «царя и самодержца».—Москва становится «новымъ Царьградомъ».—Пропаганда новыхъ идей русскими писателями (Филоѳей).—Связь славянскихъ идей съ русской идеей «панруссизма» при помощи легенды объ историческомъ преемствѣ власти отъ Византіи.

Послѣднія двадцать лѣтъ XV-го вѣка въ русской исторіи отличаются цѣлымъ рядомъ нововведеній, рѣзко отдѣляющихъ ихъ отъ всего предъидущаго времени. Русская политическая жизнь круто поворачиваетъ на новую дорогу. Вмѣсто нѣсколькихъ великихъ княжествъ, дробящихся на множество мелкихъ удѣловъ, мы встрѣчаемъ компактную массу московскихъ владѣній, почти уже поглотившихъ всѣ земли своихъ крупныхъ и мелкихъ сосѣдей. Вмѣсто прежняго великаго князя, договаривающагося и воюющаго съ этими ближайшими сосѣдями, мы видимъ «государя всея Руси». Онъ заботится не о мелкихъ прикупкахъ и «примыслахъ», а объ окончательномъ объединеніи подъ своей властью всей русской народности. И для достиженія этой цѣли онъ не хлопочетъ больше о томъ, чтобы подкупить ханскихъ совѣтниковъ и какъ-

---

*) См. «Міръ Божій», январь 1900 г.

нибудь выклянчить у хана ярлыкъ. Онъ теперь самъ «царь», не хуже ордынскаго, и «самодержецъ», не нуждающійся ни въ какой чужеземной санкціи своей власти. Его дипломаты, во что бы то ни стало, хотятъ быть на равной ногѣ не только съ правительствомъ венеціанской республики, но и съ самимъ цесаремъ римскимъ. Словомъ, на почвѣ стихійныхъ успѣховъ, достигнутыхъ «прародителями», московскій государь вырабатываетъ широкую программу политики, которой сознательно и твердо придерживается съ этихъ поръ его правительство и его потомки. И,—что̀ насъ особенно интересуетъ здѣсь,—въ этой программѣ текущія государственныя задачи впервые получаютъ болѣе или менѣе отвлеченную идеологическую формулировку. Политическая идеологія московской государственной программы скоро становится достояніемъ «народнаго сознанія», и надолго переживаетъ создавшую ее историческую обстановку. Вотъ почему намъ предстоитъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ этой программѣ и тщательно выдѣлить въ ней элементы житейскіе и элементы идеологическіе.

Заранѣе можно сказать, что именно послѣдніе т. е. идеологическіе элементы и составляютъ то новое, что даетъ особую, бросающуюся въ глаза окраску всему періоду, въ теченіе котораго осуществляется новая программа. Напротивъ, элементы, непосредственно вытекающіе изъ потребностей текущей жизни, связываютъ московскую дѣйствительность съ прошлымъ, составляя лишь прямой и логическій результатъ медленной, стихійной работы предъидущихъ поколѣній. Попытаемся же анализировать и тѣ, и другіе составные элементы московской политической программы.

Въ только что упомянутой «стихійной работѣ» прародителей московскаго самодержца, безъ сомнѣнія, была своя сознательность и своя традиція. Еще сынъ Калиты, Симеонъ Гордый, вполнѣ отчетливо подчеркиваетъ эту традицію, кончая свое духовное завѣщаніе (1353) такими выраженіями: «а пишу вамъ это слово того ради, чтобъ не перестала память родителей нашихъ и наша, и *свѣча бы не угасла*». Симеонъ могъ быть спокоенъ. Свѣча, зажженная Калитой, не гасла, а разгоралась яркимъ пламенемъ при его сыновьяхъ, внукахъ, правнукахъ и праправнукахъ. Первый русскій самодержецъ стоялъ на плечахъ пяти поколѣній, и потому видѣлъ такъ далеко и широко. Но вѣрно, однакожъ, и то, что его предкамъ никогда и не снились такія широкія перспективы. Прикупая и «примышляя» деревню къ деревнѣ, волость къ волости, копя въ своей казнѣ золото и серебро, ожерелья и мониста, кожухи червленые жемчужные и пояса «съ каменьемъ», обсчитывая татаръ на дани и насильничая надъ «своей братьей», князьями,—эти «прародители» не шли въ своихъ политическихъ мечтахъ дальше смутной надежды, что придетъ когда-нибудь время и «Богъ освободитъ ихъ отъ Орды». Если бы спросить ихъ, что они будутъ дѣлать съ своей свободой, они, вѣроятно, не смогли бы развить

никакой иной програмы, кромѣ все той же старой, привычной, ставшей инстинктомъ: еще больше примышлять и копить, обманывать и насильничать,—съ единственной цѣлью добиться какъ можно больше власти и какъ можно больше денегъ. Такимъ образомъ, традиція «скопидомства» была самой коренной, самой натуральной и наименѣе идеологической изъ всѣхъ традицій московской великокняжеской семьи.

Самая необходимость борьбы съ татарами намѣчала, правда, иныя, болѣе отвлеченныя цѣли; но онѣ едва ли отчетливо сознавались, тѣмъ болѣе, что отчасти противорѣчили очереднымъ задачамъ практической политики. Въ томъ самомъ завѣщаніи Симеона, непосредственно передъ цитированными словами, находятся совѣты, хотя и традиціонные, но сохранявшіе тогда очень реальный смыслъ. «Какъ отецъ мой приказалъ вамъ жить заодно, такъ и я вамъ приказываю; лихихъ людей не слушайте, а если кто васъ будетъ ссорить, слушайте отца нашего, владыки Алексѣя». Дѣйствительно, необходимость быть «за одинъ» была особенно осязательна, въ виду перспективы борьбы съ татарами. Но такое единство могло быть достигнуто на практикѣ лишь цѣной уничтоженія однимъ изъ соперниковъ всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ, въ устахъ счастливаго побѣдителя эта мораль «прародителей» должна была по необходимости принять другую форму. Быть «за одинъ»—ему больше не нужно было; но онъ твердо запомнилъ, что не надо дѣлиться съ другими. Старорусская, шедшая еще съ кіевскаго юга традиція «единства» превратилась, въ силу обстоятельствъ, въ традицію «объединенія». Не единеніе князей-родичей, а единство власти въ рукахъ одного «господаря» — таковъ былъ практическій урокъ, вынесенный московскимъ княземъ какъ разъ изъ безплодности прадѣдовской морали. Какъ отчетливо и сознательно усвоилъ себѣ Иванъ III этотъ урокъ, мы знаемъ, по счастливой случайности, изъ его собственныхъ выраженій. Вѣсть о томъ, что зять Александръ литовскій князь, женатый на дочери Ивана, Еленѣ, хочетъ дать брату Сигизмунду *удѣлъ* въ литовской землѣ, подняла въ умѣ Ивана цѣлую тучу воспоминаній, и онъ продиктовалъ своимъ посламъ, ѣхавшимъ къ Еленѣ, въ Вильну, слѣдующее внушительное предостереженіе. «Передали мнѣ, что князь великій и паны хотятъ Сигизмунду дать въ литовскомъ великомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города. Вотъ что, дочь моя: слыхалъ я, каково было нестроенье въ литовской землѣ, когда было государей много. Да и въ нашей землѣ, ты слышала, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а послѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюсь, слыхала, а иное и сама помнишь. И если Сигизмундъ будетъ въ литовской землѣ, какая вамъ отъ того польза? Я это велю тебѣ передать потому, что ты—дитя наше и что дѣло ваше начнетъ дѣлаться не какъ слѣдуетъ, а мнѣ того жаль».

Самъ Иванъ велъ свое «дѣло» «какъ слѣдуетъ», но онъ былъ не совсѣмъ справедливъ къ своимъ предкамъ. Дѣло въ томъ, что извѣст-

ные намъ совѣты—быть заодно съ «братьею»—эти предки чѣмъ дальше, тѣмъ больше сопровождали такими распоряженіями, при которыхъ нравственная обязанность младшей братьи превращалась въ политическую необходимость. «Прародители Ивана» все болѣе и болѣе увеличивали долю старшаго въ наслѣдствѣ и обдѣляли младшихъ. Старшій сынъ Дмитрія Донского, какъ извѣстно, вносилъ съ своей доли 34% татарской дани, т. е. владѣлъ третью русскихъ доходовъ, а самъ Иванъ III, его правнукъ, получилъ отъ отца уже половину всѣхъ русскихъ городовъ, и притомъ лучшую. Онъ передалъ своему сыну такую долю, съ которой шло уже цѣлыхъ 72% татарской дани, т. е. недалеко до трехъ четвертей всѣхъ русскихъ доходовъ.

Какъ видимъ, Иванъ III всецѣло стоялъ на плечахъ своихъ предковъ, когда критиковалъ ихъ политику съ высоты достигнутыхъ имъ результатовъ. Онъ только видѣлъ, какъ мы сказали, лучше и дальше, а потому могъ отнестись гораздо сознательнѣе къ ихъ идеѣ. А главное, препятствія къ осуществленію этой идеи были настолько ослаблены къ его времени, что онъ имѣлъ полную возможность провести идею несравненно послѣдовательнѣе.

Въ завѣщаніи Симеона мы отмѣтимъ еще одинъ совѣтъ, кромѣ совѣта о нравственномъ единеніи, участь котораго мы только-что прослѣдили. «Слушайте владыки Алексѣя», писалъ Симеонъ. Этотъ совѣтъ напоминаетъ намъ о другомъ элементѣ, роль котораго въ новой политической идеологіи намъ предстоитъ оцѣнить: элементѣ религіозномъ. Казалось, по самому своему существу, этотъ элементъ толкалъ на путь идеологіи гораздо сильнѣе, чѣмъ элементъ политической борьбы. Однако, какъ увидимъ, московская политика и изъ него прежде всего создала себѣ орудіе для достиженія своихъ ближайшихъ житейскихъ цѣлей.

Борьба только-что зачинавшихся политическихъ центровъ за то, которому изъ нихъ быть резиденціей митрополита, началась, какъ извѣстно, съ очень давняго времени. Митрополитъ былъ религіознымъ представителемъ «*всея* Руси» гораздо раньше, чѣмъ московскій князь сдѣлался ея политическимъ представителемъ. Онъ былъ по самому своему положенію представителемъ *всей* русской народности, пока вся Русь оставалась единственной восточно-славянской епархіей въ вѣдомствѣ константинопольскаго патріарха. Мало того, что самъ митрополитъ являлся невольнымъ представителемъ «всея Руси», онъ переносилъ это положеніе и на того князя, возлѣ котораго избиралъ свою постоянную резиденцію. Когда тверскому князю Михаилу Ярославичу удалось заручиться содѣйствіемъ митрополита Петра, онъ тотчасъ же, въ подражаніе титулу митрополита, сталъ называть и себя «великимъ княземъ *всея Руси*». Такимъ образомъ, московскій соперникъ тверскихъ князей, Иванъ Калита, не вводилъ ничего новаго, а просто копировалъ своихъ враговъ , когда, перетянувъ митрополита Петра на свою сторону, и онъ тоже перенялъ этотъ самый титулъ «великаго князя всея Руси». Не

забудемъ, что то и другое произошло за полтора вѣка до того времени, когда Иванъ III положилъ этотъ же самый титулъ въ основу своей національной политики.

Ничего подобнаго его политикѣ мы не найдемъ, однако же, у этихъ его предшественниковъ по титулу. Одно это сопоставленіе показываетъ, что въ XIV в. религіозный элементъ еще не могъ играть такой политической роли, какую онъ сталъ играть съ конца XV в. Идея всероссійскаго религіознаго единства, очевидно, не вызывала въ умахъ идеи всероссійскаго политическаго единства, и даже титулъ великаго князя «всея Руси» звучалъ совершенно безопасно и невинно. Имъ, самое большее, отмѣчались претензіи на гегемонію въ своеобразной политической федераціи, какую представляла система княжествъ удѣльнаго періода, а вовсе не стремленія къ политическому объединенію всей русской народности.

Эта старая роль церкви, какъ представительницы моральнаго единства, была уже съиграна, когда началась объединительная политика Ивана III-го. Церковь уже потому не могла долѣе служить носительницей національной идеи, что сама она раскололась къ этому времени на двѣ половины, соотвѣтственно двумъ частямъ Руси: литовской и московской. Литовская Русь получила въ срединѣ вѣка своего собственнаго духовнаго главу, который шелъ по слѣдамъ митр. Исидора, т. е. стремился провести въ жизнь формальное признаніе юго-западной русской церковью флорентійской уніи. Напротивъ, іерархія сѣверо-восточной Руси съ этихъ же самыхъ поръ вполнѣ подчинилась цѣлямъ княжеской политики и цѣной своей свободы и независимости отъ свѣтской власти пріобрѣла независимость, сперва фактическую, а позже и формальную, отъ византійскаго патріарха. Такимъ образомъ, церковь не ведетъ здѣсь за собой національную идею, а сама слѣдуетъ за ея развитіемъ, какъ послушное орудіе въ рукахъ государства.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XV вѣка изъ этого орудія было сдѣлано первое широкое примѣненіе. Государь «всея Руси» объявилъ войну государю литовской Руси во имя защиты православія противъ «римскаго закона». Защитой православія онъ оправдывалъ всѣ свои захваты у Литвы не только передъ своей непосредственной жертвой, но и передъ государями Европы, и даже передъ самимъ папой. Это была идеологія, соприкасавшаяся очень близко съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе, не совпадавшая съ нею всецѣло. Въ литовской Руси была своя православная партія, боровшаяся противъ окатоличенія Литвы; но борьбу свою она вела совсѣмъ другими средствами, и помощь Ивана являлась для нея тѣмъ болѣе непрошенной, что онъ, въ сущности, и не думалъ вступать съ этой партіей въ болѣе близкія отношенія. Для его ближайшихъ цѣлей достаточно было имѣть постоянный предлогъ къ вмѣшательству въ литовскія дѣла: этотъ предлогъ давали ему—въ значительной степени мнимыя— притѣсненія его дочери католиками. Нужно только прочитать въ дипломатическихъ бумагахъ того времени эти постоян-

ные упреки зятю и внушенія дочери, все въ тѣхъ же словахъ, превратившихся, въ концѣ концовъ, въ условныя формулы, отлично служившія въ рукахъ московскихъ дипломатовъ, но совершенно игнорировавшія дѣйствительность. Иванъ объяснялъ, далѣе, и переѣздъ къ нему на службу мелкихъ пограничныхъ князей и передачу Москвѣ ихъ владѣній — все той же «нужею, что ихъ нудятъ приступити къ римскому закону».

Мы видимъ теперь, что и объединительная политика, и употребленіе, въ ея видахъ, религіозно-національной идеи хотя и имѣютъ свои корни въ болѣе или менѣе далекомъ прошломъ, въ политикѣ предковъ московскаго самодержца, но, тѣмъ не менѣе, въ его собственномъ употребленіи эти старыя идеи обогащаются новыми чертами и совершенно теряютъ, въ концѣ концовъ, свой старый характеръ. Такимъ образомъ, идея моральнаго единства всей «братьи» уступила мѣсто безусловному политическому подчиненію всѣхъ остальныхъ передъ «старѣйшимъ», ихъ «господиномъ». Такимъ же образомъ и идея религіознаго единства всей русской народности послужила средствомъ для оправданія завоевательной политики московскаго князя. Та и другая перемѣна могла бы совершиться, и частью совершилась,—просто въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, безъ всякаго воздѣйствія постороннихъ идеологій. Но теперь мы должны обратить вниманіе на другую сторону дѣла,—на чисто идеологическій элементъ московской программы. Только разборъ этого элемента можетъ намъ объяснить, почему новая программа была такъ быстро и такъ сознательно формулирована, и откуда взялись тѣ идейные наросты на этой программѣ, съ которыми намъ еще предстоитъ познакомиться.

Секретъ этого быстраго идейнаго перелома, переодѣвшаго великаго князя удѣльнаго періода въ царскій костюмъ, находится тамъ же, гдѣ и двѣсти лѣтъ спустя, въ моментъ переодѣванія московскаго царя въ европейское платье. Тогда, при Петрѣ, Россія заинтересовалась Европой и принялась черпать полными руками изъ ея культурной сокровищницы новые нравы и новыя мысли. Теперь, при Иванѣ, московская Русь была еще слишкомъ некультурна, чтобы заинтересоваться Европой; но теперь Европа заинтересовалась Россіей и обронила на русской почвѣ скудныя сѣмена, давшія скоро на этой нетронутой почвѣ совсѣмъ своеобразные всходы.

Въ эпоху Ивана III всю интеллигентную Европу проникала одна мысль—общаго крестоваго похода противъ турокъ. За исключеніемъ Бѣлграда, оставшагося (до 1521 г.) за венграми, Балканскій полуостровъ былъ въ послѣднія десятилѣтія XV в. уже въ турецкихъ рукахъ. Съ Дуная турки грозили румынамъ и венграмъ, австрійскимъ славянамъ и нѣмцамъ. Они начинали также присматриваться и къ Италіи, куда не разъ призывали ихъ внутреннія ссоры мелкихъ династовъ. Всѣ эти земли уже испытали на себѣ въ то время тяжесть турецкихъ на-

бѣговъ. Естественнымъ вождемъ оппозиціи противъ торжества ислама являлся глава западнаго христіанскаго міра, папа. Кромѣ него, больше всего въ Италіи заинтересованы были въ борьбѣ двѣ торговыя республики, соперничавшія на южноевропейскомъ востокѣ и имѣвшія тамъ повсюду свои колоніи: Генуя и Венеція. Внѣ Италіи заинтересованными лицами были наслѣдники послѣдняго византійскаго императора, продававшіе свои права тому, кто дороже дастъ, и римскій императоръ германской націи, старавшійся наловить въ замутившейся водѣ европейской политики какъ можно больше добычи на своей восточной границѣ. У всѣхъ этихъ лицъ и государствъ было слишкомъ много противорѣчащихъ другъ другу интересовъ и эгоистическихъ побужденій, чтобы можно было надѣяться на осуществленіе идейнаго союза между ними. Тѣмъ охотнѣе они предоставляли честь и мѣсто всякому, кто согласился бы принять безкорыстно участіе въ такомъ союзѣ.

Таковъ былъ историческій моментъ, когда Европа открыла Россію. Честь этого открытія принадлежитъ, главнымъ образомъ, левантинцамъ. Этотъ типъ людей безъ отечества, съ тонкимъ умомъ и растяжимой моралью, охотно балансирующихъ на той неуловимой границѣ, которая отдѣляетъ дипломатію отъ шарлатанства, несомнѣнно, сложился вполнѣ уже въ то время. Наблюдательные и проницательные, они умѣли угадать, что̀ кому нужно, и торговали тѣмъ товаромъ, на который былъ спросъ. Въ Италіи они открывали каѳедры поэзіи и толковали Гомера и Демосѳена; въ Москвѣ они сосватали великому князю племянницу византійскаго императора, Зою (Софію) Палеологъ. Дѣло было щекотливое, такъ какъ папа считалъ Зою, которую онъ пріютилъ у себя, ревностною католичкой, а для московскаго князя нужна была «православная христіанка». Два левантинца, одинъ итальянецъ, другой грекъ, уладили это затрудненіе, какъ нельзя лучше. Итальянецъ (Джанъ-Баттиста делла Вольпе, монетчикъ Ивана) взялъ на себя обмануть папу, обѣщавъ ему, что Россія подчинится св. престолу; грекъ (Юрій Траханіотъ, magister domus или дворецкій отца невѣсты, Ѳомы Палеолога, перешедшій потомъ на московскую службу) обманулъ Ивана III, засвидѣтельствовавъ, яко бы отъ имени византійскаго кардинала Виссаріона, «православное христіанство» Зои и разсказавъ при этомъ кучу небылицъ о ея женихахъ, которымъ она будто бы отказала изъ отвращенія къ латинству (на дѣлѣ, женихи ей отказывали). По дорогѣ, посланный Вольпе успѣлъ еще провести венеціанцевъ, поманивъ ихъ перспективой союза съ Золотой Ордой и предложивъ себя въ комиссіонеры. Второе дѣло сорвалось, зато первое наладилось. Московскій «варваръ» сталъ мужемъ «византійской царевны», какъ не переставала себя величать католическая Зоя, превратившаяся на русской почвѣ въ православную Софію (1472).

Отдавалъ ли себѣ Иванъ III ясный отчетъ во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ, которыя онъ получалъ въ глазахъ Европы отъ этого брака?

—

Европа, съ своей стороны, не упускала случая ему напомнить объ этихъ преимуществахъ. Иванъ получилъ теперь право войти въ семью цивилизованныхъ государей Европы въ почетной роли защитника христіанства противъ турокъ,—въ роли, въ которой заинтересована была, какъ мы видѣли, прежде, всего, сама Европа. Вотъ почему венеціанскій сенатъ уже въ 1473 г. напоминаетъ Ивану, что «въ случаѣ прекращенія мужскаго потомства византійскихъ императоровъ, наслѣдственныя права переходятъ къ нему, Ивану, по женѣ». Является въ Москву (1480 и вторично 1490) и самъ наслѣдникъ, готовый продать свои права за деньги. Должно быть, разсчетливому московскому князю права эти показались не стоящими цѣны, которую за нихъ требовали, и скоро Андрей Палеологъ нашелъ себѣ болѣе выгоднаго покупателя въ лицѣ французскаго Карла VIII. Но въ европейской владѣтельной семьѣ долженъ же былъ московскій государь имѣть какое-нибудь опредѣленное положеніе. И вотъ, начались попытки купить у Ивана его услуги цѣной королевскаго титула. Уже въ 1484 году папа Сикстъ IV спѣшитъ успокоить волненія по этому поводу польскаго короля Казимира. Онъ обѣщаетъ ему, что если Иванъ попроситъ у папы званія императора или короля «всей русской націи» (in tota ruthenica natione), то онъ не дастъ ему этого званія, не спросившись предварительно у поляковъ. Про польскіе страхи узналъ тогда же и одинъ случайный германскій путешественникъ, заѣхавшій въ Россію въ 1486 г. (Николай Поппель). По его свѣдѣніямъ, которыя онъ черезъ два года сообщилъ въ Москвѣ самому великому князю, «королю польскому очень не хочется, чтобы римскій папа сдѣлалъ великаго князя королемъ; онъ посылалъ къ папѣ великіе дары, чтобы папа этого не дѣлалъ... Ляхи очень боятся того, что если твоя милость будетъ королемъ, то тогда *вся Русская земля, которая подъ королемъ польскимъ, отступитъ отъ него и твоей милости будетъ послушна*».

На этотъ разъ, какъ и въ наше время, «черезчуръ большая забота о больномъ сдѣлалась причиной болѣзни». Московскій князь выслушалъ очень равнодушно увѣренія Поппеля, что не въ папѣ дѣло, что титулъ короля можетъ дать только императоръ, и что Иванъ можетъ, если захочетъ, получить этотъ титулъ на извѣстныхъ условіяхъ отъ его господина. Громкое имя «римскаго императора» было пустымъ звукомъ для невѣжественныхъ ушей Ивана III. Титулъ «короля» не только оставлялъ его вполнѣ равнодушнымъ, но даже раздражалъ, какъ знакъ какого-то подчиненія. Входя въ европейскую семью, онъ хотѣлъ, если не быть первымъ, то остаться самимъ по себѣ, совершенно несоизмѣримымъ съ установленными ступенями европейской іерархіи государей. Первые московскіе послы не хотѣли уступать въ чести ни Франціи, ни Испаніи, тогдашнимъ сильнѣйшимъ державамъ Европы. Въ соборѣ св. Марка и въ Ватиканскомъ дворцѣ они претендовали на первое мѣсто; въ Вѣнѣ они требовали, чтобы императоръ назначилъ въ женихи

дочери московскаго князя своего наслѣдника: герцоги и маркграфы были для нея слишкомъ ничтожными особами. Самая тонкая государственная мудрость не могла продиктовать Ивану болѣе ловкаго отвѣта, чѣмъ тотъ, который онъ далъ Поппелю въ своемъ наивномъ невѣдѣніи европейскихъ отношеній. «Что ты намъ говорилъ о королевствѣ», отвѣчали дипломаты московскаго князя германскому послу,—«то мы, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога—какъ наши прародители такъ и мы, просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ и быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а поставленія, какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ». Однако, скоро въ самой Москвѣ такая мотивировка, подсказанная старой житейской традиціей, показалась недостаточной; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ московскіе послы придумали для императора новый, болѣе пышный отвѣтъ, въ которомъ, какъ скоро увидимъ, уже играла роль принесенная изъ-за-границы политическая идеологія.

Какъ бы то ни было, къ соблазнамъ западнаго государственнаго права Иванъ III остался холоденъ. Совершенно иначе отнесся онъ къ подсказанной Поппелемъ идеѣ «панруссизма». Мы не знаемъ, насколько основательны были страхи короля польскаго; но если бы даже у Ивана III не было раньше никакой мысли о томъ, чтобы добыть оружіемъ литовскую Русь, то теперь напоминанія и намеки изъ-за-границы должны были запасть въ душу Ивана. Нельзя ли было добыть «всю русскую землю, которая подъ королемъ польскимъ (и подъ великимъ княземъ литовскимъ)» и *безъ* королевскаго титула, безъ папской или императорской санкціи? Отвѣтъ на это заключался въ только что приведенныхъ словахъ, сказанныхъ Поппелю московскими дипломатами. Если москвичи забыли, что южная Русь когда-то тоже принадлежала великому князю кіевскому и что послѣдняго можно тоже разсматривать, какъ «прародителя», а его владѣнія, какъ московскую «отчину», то теперь императоръ и папа должны были имъ объ этомъ напомнить. Вотъ почему Иванъ, отвергнувъ королевскій титулъ, такъ энергично ухватился за сдѣланные ему намеки на возможность претензіи съ его стороны—владѣть всею Русью. И онъ отвѣчаетъ императорскому послу, Георгу фонъ-Турну (1490), что хочетъ съ «королемъ» Максимиліаномъ и любви, и дружбы, и «единачества», что готовъ «быть съ нимъ за одинъ на своихъ недруговъ», т. е. на польскаго короля, съ тѣмъ, чтобы каждый «доставалъ своихъ отчинъ» у этого своего соперника: Максимиліанъ—Угорскаго королевства, а Иванъ—«Кіевскаго великаго княжества». И онъ торопитъ императора, упрекаетъ его въ охлажденіи, убѣждаетъ «поотставить иныя свои дѣла и пристать къ тому своему дѣлу накрѣпко». Не дождавшись помощи Максимиліана, онъ, наконецъ, рѣшается приняться за дѣло самъ, и ведетъ его съ упрямой настойчивостью, поражавшей постороннихъ наблюдателей и приведшей къ же-

ланному концу. Въ 1493 году онъ формально принимаетъ титулъ, подсказанный историческими прецедентами и такъ кстати освѣженный въ памяти дипломатами папы и императора: титулъ «государя всея Руси». На протестъ литовскаго зятя, держащаго подъ собой половину этой «всея Руси», московскіе дипломаты отвѣчаютъ уже съ увѣренностью и апломбомъ, которые надолго остаются ихъ привилегіей. «Государь нашъ ничего высокаго не писалъ и никакой новости не вставилъ. Онъ отъ начала—правый *уроженецъ-государь* всея Руси, чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ». И по мѣрѣ своихъ мирныхъ захватовъ и военныхъ пріобрѣтеній, Иванъ III послѣдовательно развиваетъ разъ принятую точку зрѣнія. Все, отнятое у Литвы,—«наша вотчина». «Да и не то одно—наша вотчина, что нынѣ за нами: и вся русская земля, Божіей волей, изъ старины отъ нашихъ прародителей—наша вотчина», не забываютъ прибавлять всякій разъ москвичи. За годъ до смерти Ивана (1504) этотъ тезисъ развивается еще опредѣленнѣе. «Вся русская земля—Кіевъ и Смоленскъ и иные города—отъ нашихъ прародителей—наша вотчина, и онъ бы (король) намъ русской земли *всей*—Кіева, Смоленска и *иныхъ городовъ*... поступился». Эта глухая ссылка на «иные» города даетъ возможность постоянно расширять требованія: такъ, въ 1517 г., уже при Василіи III, встрѣчаемъ формулу: «Кіевъ, *Полоцкъ*, *Витебскъ*» и, опять-таки, «иные города». На самаго хладнокровнаго читателя сухихъ посольскихъ донесеній этотъ тяжелый, размѣренный шагъ московскаго «каменнаго гостя» способенъ произвести впечатлѣніе какого-то давящаго кошмара.

Но что же сталось съ миссіей великаго князя, какъ защитника христіанства отъ «невѣрныхъ»? Въ этомъ отношеніи новый союзникъ такъ же разочаровалъ западное христіанство, какъ разочарованы были и сами его представители другъ въ другѣ. Вся разница была только въ томъ, что Иванъ III не чувствовалъ даже потребности и не давалъ себѣ труда прикрывать громкими фразами эгоистическую подкладку своей политики. Онъ не прочь былъ побороться противъ «поганства»; но онъ предусмотрительно спрашивалъ всегда, противъ «*котораго* поганства». Какъ у европейскихъ государей, какъ у польско-литовскаго короля и князя, у Ивана III было «поганство», съ которымъ онъ дружилъ не только противъ другого «поганства» же, но и противъ своихъ христіанскихъ сосѣдей. Такимъ былъ его старый другъ, крымскій ханъ Менглы-герай, оказавшій Ивану незамѣнимыя услуги въ борьбѣ съ Золотой Ордой и съ польско-литовскимъ государствомъ. Какъ разъ въ то время крымскій ханъ сдѣлался вассаломъ турецкаго султана, только что вытѣснившаго генуэзцевъ съ южнаго берега Крыма. Дружба Ивана съ Менглы-гераемъ открывала ему путь къ прямымъ сношеніямъ съ самимъ падишахомъ. Послѣ предварительной переписки черезъ крымскаго пріятеля, московскій посланникъ (1494) появился на берегахъ Босфора. Въ столицѣ вождя правовѣрныхъ, какъ въ столицѣ

римскаго императора, представитель московскаго князя игнорировалъ установившіеся обычаи этикета и требовалъ для себя исключительнаго положенія. Потомокъ пророка былъ жестоко шокированъ, что не помѣшало, однако, Высокой Портѣ отправить въ Москву отвѣтъ, наполненный самыми утонченными любезностями въ восточномъ вкусѣ, и дать, спустя нѣсколько лѣтъ, русскимъ купцамъ значительныя преимущества въ торговлѣ (1499). А еще черезъ нѣсколько лѣтъ (1503) на новое предложеніе помириться съ польско-литовскимъ государствомъ для общей войны противъ турокъ, Иванъ III отвѣчалъ папѣ, что онъ «какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стоялъ, такъ и нынѣ и впредь, если дастъ Богъ, хочетъ за христіанство противъ поганства стоять»; но что въ войнѣ съ Литвой виноватъ не онъ, а его противникъ, и что «русская земля отъ нашихъ предковъ, изстарины, наша вотчина».

Такова была единственная идеологія, непосредственно извлеченная самимъ Иваномъ III изъ сношеній съ западно-европейскими дипломатами. Но самый фактъ этихъ сношеній долженъ былъ послужить источникомъ для другихъ идеологій, и, прежде всего, для дальнѣйшаго развитія той, которую мы только-что отмѣтили. Чтобы прослѣдить это дальнѣйшее развитіе русской національной идеологіи, мы должны вернуться изъ Европы въ Москву,—на этотъ разъ обогащенную плодами своихъ первыхъ сношеній съ Европой.

Здѣсь мы прежде всего встрѣтимся съ вліяніемъ новаго элемента, до сихъ поръ мало отмѣченнаго учеными. Итальянцы и греки были самыми подходящими людьми, чтобы завести внѣшнія сношенія Россіи съ Европой. Но чтобы воздѣйствовать на русскую національную психологію, многаго не хватало не только первымъ, но и вторымъ. У грековъ былъ свой національный патріотизмъ, узкій и исключительный, проводившій рѣзкую границу между своими и чужими. Если еще и въ настоящее время они не перестали считать русскихъ, по старой привычкѣ, «варварами», то можно себѣ представить, что было въ эпоху Ивана III. Принужденные льстить и кланяться, выпрашивая подачекъ у московскаго государя, они затаивали въ душѣ презрѣніе и недоброжелательство къ своимъ покровителямъ-дикарямъ. Московскіе люди платили имъ за эти чувства подозрительностью и недовѣріемъ. Несравненно ближе чувствовали себя къ русскимъ *южные славяне*: они-то и явились самыми естественными воспитателями русскаго національнаго чувства въ его первыхъ проявленіяхъ въ разсматриваемую нами эпоху.

Въ нихъ самихъ вся ихъ исторія воспитала это національное чувство и періодически приводила къ самому рѣзкому обостренію его. И всякій разъ причиной такого обостренія національнаго чувства являлась вражда южныхъ славянъ къ грекамъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда среди балканскихъ славянъ обнаруживалось сколько-нибудь самостоя-

тельное культурное движеніе, въ основѣ его всегда лежала ненависть къ цивилизаціи «ромеевъ», или, точнѣе говоря, къ проявленіямъ ихъ національнаго высокомѣрія. Цѣлью подобныхъ національныхъ движеній всегда становилась политическая борьба за независимость отъ византійскаго императора и религіозная борьба за независимость отъ константинопольскаго патріарха. Свой собственный, славянскій императоръ и свой патріархъ—таковы были вѣковѣчные идеалы южно-славянскихъ національныхъ стремленій.

Въ послѣдній разъ передъ турецкимъ завоеваніемъ это національное чувство вспыхнуло въ XIV в. при болгарскомъ Александрѣ и сербскомъ Душанѣ. Оба носились съ мыслью—завоевать самимъ Константинополь и водворить на мѣстѣ Византіи славянскія державы: сербско-греческую и болгаро-греческую. Для начала, оба стали титуловать себя «царями» и «самодержцами», а Стефанъ Душанъ и формально короновался (1346). Что касается церковной независимости, въ Болгаріи самостоятельное патріаршество (сперва въ Охридѣ, потомъ въ Тырновѣ) существовало уже издавна. Душанъ завелъ у себя вновь такого же самостоятельнаго патріарха для сербовъ. Византійскій этикетъ полновластно воцарился при дворахъ славянскихъ государей, давно уже привыкшихъ величаться византійскими придворными титулами и окружать себя внѣшними знаками почета, принятыми при императорскомъ дворѣ.

Какъ видимъ, программа для Москвы, новой наслѣдницы Царьграда, была во всѣхъ главныхъ чертахъ намѣчена югославянскими прецедентами. Намѣчена была тогда же и тамъ же и самая идеологія, пригодная для Москвы въ ея новомъ положеніи.

Въ одной болгарской рукописи средины XIV вѣка, писанной по повелѣнію «царя и самодержца» Іоанна Александра, мы уже находимъ не только тѣ же самыя мысли, которыя полтора вѣка спустя найдемъ въ Москвѣ, но даже и тѣ же самыя выраженія. Писецъ вставляетъ въ текстъ старой византійской хроники (Манассіи) вотъ какую новую замѣтку. «Все это приключилось съ *старымъ* Римомъ; нашъ же *новый* Царьградъ стоитъ и растетъ, крѣпится и омлаждается. Пусть онъ и до конца растетъ,—о Царь, всѣми царствующій,—принявши (въ себя) такого свѣтлаго и свѣтоноснаго царя, великаго владыку и изряднаго побѣдоносца, происходящаго изъ корени Асѣня, преизящнаго царя болгаръ,—я разумѣю Александра прекроткаго, и милостиваго и мнихолюбиваго, нищихъ кормильца, великаго царя болгаръ, чью державу да исчислятъ неисчислимыя солнца». По смыслу этой фразы, подъ «новымъ Царьградомъ» надо разумѣть болгарскую столицу Іоанна Александра, многократно воспѣтый преславный градъ Тырновъ.

Трубные звуки національнаго величанія «царя» и столицы прерываются, правда, по временамъ раскатами турецкаго грома, сперва отдаленными, потомъ все болѣе близкими. На первыхъ порахъ, однако, это

не мѣняетъ темы національнаго гимна, и только вноситъ новый аккомпанементъ,—то радостный и торжественный, то мистическій и мрачный. Славянскій царь уже раньше представлялся въ національныхъ легендахъ возстановителемъ всеобщаго мира и благоденствія. Теперь его начинаютъ сближать съ Александромъ Македонскимъ, его тезкой по имени, и къ нему относятъ древнія пророчества. При немъ выйдутъ изъ горъ запертые Александромъ народы, Гогъ и Магогъ (въ послѣднихъ видятъ турокъ); никто не устоитъ противъ нихъ, но Господь пошлетъ архистратига, который перебьетъ ихъ всѣхъ, а тамъ наступитъ скоро и антихристово пришествіе и кончина, міра.

Событія мало-по-малу разрушили до основанія эти надежды и эту эсхатологію. Прежде всего не сбылись ожиданія болгарскаго переписчика Манассіи. «Новый Царьградъ» не устоялъ «до конца». Турки пришли и взяли все. И «новый», и «старый» Царьградъ раздѣлили участь «стараго Рима». Оскорбленное національное чувство не могло, конечно, примириться съ такимъ плачевнымъ исходомъ. Отчаявшись въ возможности побѣдить своими силами, югославянская интеллигенція перенесла свои упованія на сосѣднихъ государей, до которыхъ доходила очередь борьбы съ турками послѣ потери Балканскаго полуострова. Поочередно, балканскіе поэты и политики, дипломаты и духовныя лица возлагали надежды то на венгровъ, то на поляковъ. Но время шло, и эти надежды точно такъ же рушились, какъ и мечты о національной державѣ. Ближайшіе сосѣди оказывались безсильными помочь балканскимъ славянамъ. Тогда-то ревностные патріоты принялись искать помощи дальше, на сѣверѣ Европы. Таинственная, мало извѣстная тогда Москва должна была явиться въ этой роли, предназначенной когда-то для стольнаго града Тырнова; единоплеменный и единовѣрный московскій князь занялъ мѣсто національнаго «царя и самодержца», «изряднаго побѣдоносца», которое оказалось не по силамъ государямъ ближайшихъ странъ. Взамѣнъ тѣхъ услугъ, которыхъ отъ него ожидали, на него перенесли теперь древнія пророчества, его окружили ореоломъ «единственнаго православнаго царя во всей вселенной», Москву сдѣлали «новымъ Царьградомъ» и «третьимъ Римомъ», а въ москвичахъ впервые пробудили всѣмъ этимъ болѣе сознательное національное чувство.

Въ посредникахъ между Москвой и Тырновомъ недостатка не было. Уже въ самую эпоху расцвѣта національнаго самосознанія на Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV вѣкѣ, отдаленные отголоски этого славянскаго движенія проникли до Москвы и оказали здѣсь кое-какое вліяніе. Навязанный московскому князю изъ Константинополя болгаринъ митр. Кипріанъ, дважды прогнанный изъ Москвы сторонниками московской независимости, кончилъ тѣмъ, что примирился съ Василіемъ I и посвятилъ остатокъ дней тому же дѣлу, надъ которымъ трудились свои, московскіе созидатели, Петръ и Алексѣй. Онъ первый примѣнилъ литературную манеру, выработанную въ болгарскомъ Тырновѣ знаменитымъ

Евфиміемъ, къ возвеличенію памяти митрополита-сотрудника Калиты. Скромный, сдержанный стиль прежнихъ русскихъ «списателей» житій не позволялъ разгуляться фантазіи: напротивъ, при новой литературной манерѣ церковнаго витійства, заимствованной юго-славянами изъ Византіи— національной легендѣ открывался широкій доступъ въ духовную литературу,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, создавалось новое, могущественное средство въ рукахъ московскихъ князей для пропаганды новой религіозно-политической идеологіи. На примѣрѣ «житія» митрополита Петра Кипріанъ показалъ москвичамъ, какъ надо дѣлать это дѣло. Прежній русскій біографъ, Прохоръ, выражался, напримѣръ, о Москвѣ, какъ о «градѣ *честномъ кротостію*». Подъ перомъ Кипріана это выраженіе превращается въ «*градъ славный*, зовомый Москвой». Онъ вноситъ въ житіе Петра и ту знаменитую легенду, по которой будущая роль «славнаго града» была провидѣна случайнымъ гостемъ Калиты. «Если меня послушаешься», говорилъ, будто-бы, Калитѣ митр. Петръ, «и построишь храмъ пречистой Богородицы, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные грады»».

Послѣ паденія Константинополя, особенно же послѣ потери надеждъ на ближайшихъ сосѣдей, т. е. во второй половинѣ XV вѣка, юго-славяне появляются въ Россіи въ еще большемъ количествѣ и смѣло идутъ по стопамъ знаменитаго іерарха, своего земляка и предшественника, создавая отдѣльные элементы національной легенды и проводя ихъ въ литературу при помощи тенденціозныхъ вставокъ или цѣльныхъ сказаній. До самаго послѣдняго времени эта литературная работа южныхъ славянъ оставалась анонимной; только въ наше время анонимы начинаютъ вскрываться, и по тому, что удалось обнаружить, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о происхожденіи цѣлой группы аналогичныхъ идей, вторгнувшихся замѣтной струей въ нашу политическую литературу конца XV в. и начала XVI в., или, лучше сказать, впервые создавшихъ на Руси политическую литературу.

Начинается съ того, конечно, что къ московскому князю примѣняются понятія и идеи, установившіяся относительно юго-славянскихъ государей. Такъ, предваряя событія, сперва юго-славянское, а потомъ и русское духовенство начинаетъ безъ стѣсненія титуловать князя «царемъ», обильно уснащая свои обращенія къ нему всевозможными эпитетами славянско-византійскаго происхожденія. Онъ «боговѣнчанный», онъ «благородный», «благовѣрный», «великодержавный», онъ «богошественный поспѣшникъ истины», «высочайшій исходатай благовѣрія» и т. д. Одинъ духовный писатель, оказавшійся, по новымъ изслѣдованіямъ, не кѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ «списателемъ житій» XV вѣка по манерѣ Евфимія Тырновскаго, сербомъ Пахоміемъ, даже влагаетъ въ уста самого греческаго царя, Іоанна Палеолога, признаніе за московскимъ государемъ царскаго титула—вмѣстѣ съ объясненіемъ, почему

онъ его еще не носитъ оффиціально. Въ Москвѣ, по этому мнимому заявленію византійскаго императора передъ Флорентійскимъ соборомъ, сохраняется «большее православіе» и «высшее христіанство»; и только «смиренія ради и по величеству разума» московскій князь «не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ».

Затѣмъ на московскаго князя, какъ нѣкогда на болгарскаго Іоанна Александра, переносятся всѣ предсказанія и пророчества. «*Русый* родъ», которому, по греческимъ преданіямъ, суждено побѣдить Измаила и овладѣть, въ концѣ концовъ, семью холмами Царяграда,—превращается теперь въ «*русскій* родъ». «Если всѣ преждереченныя Меѳодіемъ Патарскимъ и Львомъ Премудрымъ *) знаменія о градѣ семъ сбылись», читалъ русскій читатель,—«то и послѣднія не минуютъ, но тоже сбудутся; ибо писано: русскій родъ всего Измаила побѣдитъ и Седмихолмный возьметъ, и въ немъ воцарится». Такова орѳографическая ошибка, положившая начало русской «исторической миссіи» относительно св. Софіи Цареградской. Въ умахъ широкой публики, подобная легенда, очевидно, могла произвести болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ признаніе венеціанскаго сената или торговля своимъ титуломъ дяди Софіи Палеологъ,—извѣстныя только двору и дипломатамъ.

Однако, дожидаться осуществленія легендарныхъ или юридическихъ правъ на Константинополь—вовсе не входило въ разсчеты московской политики, тѣмъ болѣе, что легенда, по обыкновенію, связывала это событіе съ послѣдними временами (наступленіе ихъ ожидалось тогда правда, уже въ концѣ XV в.). Съ своей обычной практичностью, московскій князь спѣшитъ дисконтировать долгосрочный вексель и пустить выручку немедленно въ оборотъ. Отблескъ св. Софіи долженъ былъ упасть на Москву и сообщить ей новый ореолъ дома и за-границей. И на этомъ пути вдохновленное юго-славянскими идеями духовенство первое пошло впередъ.

Мы видѣли, какъ болгарскій литераторъ пытался въ срединѣ XIV вѣка перенести славу «стараго Рима» и «стараго Царьграда» на «новый Царьградъ»—Тырновъ. Теперь эта красивая метафора, заключающая въ себѣ цѣлую историческую схему, цѣлую философію всемірной исторіи, безъ труда переносится на Москву. Міръ совсѣмъ не кончается на седьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія; напротивъ, со вступленіемъ въ восьмую тысячу (1492 годъ) начинается новый періодъ міровой исторіи, и этотъ періодъ характеризуется именемъ Москвы. Эти идеи впервые развиваются въ русской литературѣ въ сочиненіи, написанномъ въ этотъ самый критическій годъ и имѣвшемъ цѣлью опровергнуть распространенные въ публикѣ страхи передъ кончиной міра: въ пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ, составленной митропо-

*) Подъ этими двумя именами ходили наиболѣе распространенныя пророчества о судьбѣ Царяграда и о послѣднихъ временахъ.

литомъ Зосимой. «Царь Константинъ создалъ новый Римъ—Царьградъ,—замѣчаетъ Зосима,—а государь и самодержецъ всея Руси Иванъ Васильевичъ, «новый царь Константинъ», положилъ начала «новому Константинограду—Москвѣ». Какъ бы для того, чтобы подчеркнуть юго-славянское происхожденіе этихъ идей, другой русскій авторъ, извѣстный псковскій инокъ Филоѳей, прямо воспользовался для выраженія ихъ знакомой намъ формулой болгарскаго «списателя» XIV вѣка. Въ 1511 г. царскій дьякъ Мунехинъ привезъ ему во Псковъ изъ Москвы новинку—«Хронографъ» или очеркъ юго-славянской исторіи въ связи съ византійской и русской, составленный для русской публики въ 1442 году упомянутымъ выше списателемъ житій, ученикомъ Евфимія Тырновскаго, сербомъ Пахоміемъ. Филоѳей рѣшилъ передѣлать этотъ хронографъ для своихъ псковичей, и кончивъ (1512) передѣлку, прибавилъ въ концѣ свое собственное заключеніе. По его идеѣ, это резюме должно было подчеркивать тотъ главный философско-историческій выводъ, который читатель долженъ былъ сдѣлать изъ чтенія подобранныхъ сербомъ историческихъ данныхъ, доведенныхъ до паденія Царяграда. Вотъ этотъ выводъ, соединяющій въ одно цѣлое древнія пророчества и новыя мечты. «Православные питаютъ надежду, что, послѣ достаточнаго наказанія, снова всесильный Господь возжетъ во тьмѣ злочестивыхъ властей погребенную, словно въ пеплѣ, искру благочестія, и попалитъ, какъ терніи, царства измаильтянъ злочестивыхъ, и просвѣтитъ свѣтъ благочестія и вновь поставитъ благочестіе и царя православнаго. Ибо всѣ эти благочестивыя царства (о которыхъ разсказывалъ хронографъ), греческое и сербское, босенское и албанское и иныя за множество грѣховъ нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожные турки поплѣнили и въ запустѣніе привели и подъ свою власть покорили. Наша же россійская земля, Божіей милостью и молитвами Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, растетъ и молодѣетъ и возвышается. Дай ей, Христе милостивый, расти и молодѣть и шириться до скончанія вѣка».

Недовольный этимъ исповѣданіемъ своей политической вѣры въ «Хронографѣ», Филоѳей принимается за настоящую пропаганду новыхъ ученій и развиваетъ ихъ въ цѣломъ рядѣ посланій. Онъ пишетъ (1517) упомянутому уже дьяку Мисюрю Мунехину, одному изъ выдающихся интеллигентныхъ людей того времени, который около 1493 года самъ путешествовалъ на православномъ востокѣ и уже этимъ путешествіемъ втянутъ былъ въ кругъ новыхъ идей. Онъ пишетъ также и самому великому князю (между 1514—1521). Въ своихъ посланіяхъ онъ особенно подчеркиваетъ ту мысль, что политическое паденіе православныхъ царствъ связано съ ихъ религіозной измѣной и что политическое господство Москвы есть слѣдствіе ея религіозной непоколебимости. «Девяносто лѣтъ прошло,—пишетъ онъ Мунехину,—какъ греческое царство разорено, и оно не воскреснетъ, такъ какъ греки предали православную вѣру въ латинство». Подобнымъ же образомъ и «всѣ хри-

стіанскія царства пришли въ конецъ и сошлись въ единое царство нашего государя: въ *россійское* царство, какъ предсказали пророческія книги». И этому «нынѣшнему православному царствію пресвѣтлѣйшаго и высокостольнѣйшаго государя нашего,—единаго во всей поднебесной христіанамъ царя»,—нѣтъ конца, какъ нѣтъ конца православію на землѣ. Онъ является, по необходимости, единственнымъ уцѣлѣвшимъ въ мірѣ «браздодержателемъ святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской церкви», представительницей которой служитъ, «вмѣсто римской и константинопольской, церковь святаго и славнаго Успенія Богородицы въ богоспасенномъ градѣ Москвѣ, которая одна во всей вселенной паче солнца свѣтится». Однимъ словомъ, по резюмирующей формулѣ Филоѳея, «два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не бывать». И онъ усердно старается натвердить эти религіозно-политическія аксіомы великому князю Василію *).

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о томъ, какія національно-религіозныя послѣдствія вытекали изъ только что изложенныхъ теорій. Эти теоріи вели, въ концѣ концовъ, къ полной націонализаціи русской церкви. Теперь намъ важнѣе другая сторона ихъ, именно та національно-политическая санкція, которая изъ нихъ вытекала. И въ этомъ смыслѣ намъ остается прослѣдить еще одинъ важный шагъ, который сдѣлали эти завезенныя съ юга теоріи уже на русской почвѣ, чтобы приноровиться къ мѣстной дѣйствительности.

Московскій «царь и самодержецъ», по новой теоріи, являлся прямымъ продолжателемъ дѣла царя Константина. Однако же, скачекъ былъ слишкомъ великъ—отъ «стараго» Константина къ «новому». Затѣмъ, это преемство представлялось *логическимъ* результатомъ событій въ православномъ мірѣ; но, для полной убѣдительности и наглядности, надо было представить его *историческимъ* фактомъ, совершившимся въ пространствѣ и времени, въ опредѣленный моментъ въ извѣстномъ мѣстѣ. То же самое нужно было и для того, чтобы согласовать юго-славянскую формулу политическихъ притязаній Москвы—съ мѣстной, московской. Въ своей реальной политикѣ московскій князь выступалъ въ качествѣ наслѣдника своихъ «прародителей»; онъ добивался этого наслѣдства, «великаго княжества Кіевскаго», какъ своей «отчины и дѣдины». Онъ готовъ былъ, конечно, фигурировать и въ роли наслѣдника царя Константина, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы это идейное наслѣдство не затемняло другого, несравненно болѣе реальнаго и доступнаго. Итакъ, надо было теперь балканскую идеологію примирить съ московской политикой.

Задача была разрѣшена блистательно, при помощи все тѣхъ же пришельцевъ съ христіанскаго востока. Чтобы византійское наслѣдство

---

*) См. цитаты изъ письма Филоѳея къ государю въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», т. II, стр. 22.

не затемняло кіевскаго, лучше всего было—самого кіевскаго «прародителя» надѣлить этимъ византійскимъ наслѣдствомъ, связать его непосредственно съ великими именами древности. Изъ двухъ кіевскихъ прародителей,—двухъ Владиміровъ, крѣпче всѣхъ другихъ князей засѣвшихъ въ народной памяти,—къ кому роль наслѣдника византійской власти могла идти лучше, какъ не къ тому, кто носилъ греческое прозвище Мономаха, напоминавшее о его родственныхъ связяхъ съ Византіей?

Выдумывать фантастическія генеалогіи для оправданія національныхъ политическихъ притязаній—не было новостью для славянскихъ литераторовъ. Они еще въ XI—XII вѣкѣ вывели болгарскихъ Асѣней отъ «знатнаго римскаго рода», а въ XIV вѣкѣ породнили сербскихъ Нѣманей съ Константиномъ Великимъ и даже съ кесаремъ Августомъ. Безъ сомнѣнія, и Иванъ III чувствовалъ уже потребность въ такихъ же, болѣе пышныхъ историческихъ связяхъ, которыя бы могли лучше поставить его на высоту съ самимъ императоромъ, чѣмъ это могла сдѣлать простая ссылка на кіевскихъ прародителей. Онъ уже дѣлаетъ и оффиціальную попытку связать себя съ Царьградомъ и Римомъ, и притомъ не прямо, какъ легко было бы сдѣлать мужу Софьи Палеологъ, и именно черезъ своихъ «прародителей». Онъ не рѣшается еще говорить о родствѣ и о формальной передачѣ власти, но вотъ что уже говорятъ послѣ его германскому императору въ 1489 году, нѣсколько мѣсяцевъ послы посольства Поппеля. «Во всѣхъ земляхъ извѣстно,—надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ—великій государь, урожденный изначала отъ своихъ прародителей *и что прародители* его отъ давнихъ лѣтъ были въ пріятельствѣ и въ дружбѣ съ *прежними римскими царями*, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи». Въ началѣ XVI в. (1513—1523) наконецъ, легенда принимаетъ конкретныя формы: появляется въ Москвѣ цѣлое сказаніе «о князьяхъ владимірскихъ», удовлетворяющее всѣмъ только что указаннымъ требованіямъ московскаго правительства. «Августъ кесарь», по этому сказанію, ставитъ «Пруса, сродника своего» на берегахъ Вислы; потомка этого Пруса въ четвертомъ колѣнѣ, Рюрика, приглашаютъ «мужи Новгородскіе» изъ «Прусской земли» на Русь. Четвертый потомокъ Рюрика—Владимиръ Святой, а четвертый потомокъ Владимира Святаго—Владимиръ Мономахъ, и это прозвище даетъ поводъ составителю разсказать цѣлую исторію, для которой, собственно, и придумано все сказаніе. Владимиръ, по совѣту съ «князьями своими и съ боярами и съ вельможами», предпринимаетъ побѣдоносный походъ «на Ѳракію»; тогдашній благочестивый царь Константинъ Мономахъ, занятый борьбой «съ персами и съ латинами», шлетъ къ нему пословъ съ дарами: съ «коробочкой сердоликовой, изъ которой Августъ кесарь римскій веселился», съ ожерельемъ, «сирѣчь, святыми бармами» съ своихъ плечъ, съ золотой цѣпью и «иными многими дарами царскими». Послы просятъ «боголюбиваго и благовѣрнаго князя» принять «сіи честные дары,—царскій

жребій на славу и честь и на вѣнчаніе» его «вольнаго и самодержавнаго царства», уготованный ему «отъ начатка вѣчныхъ лѣтъ» его «родства и поколѣнія»,—«чтобы церкви Божіи были безмятежны и все православіе пребывало въ покоѣ подъ властью» византійскаго «царства» и московскаго «вольнаго самодержавства великія Россіи», чтобы московскій князь, «вѣнчанный симъ царскимъ вѣнцомъ», «назывался боговѣнчаннымъ царемъ». «Съ тѣхъ поръ, — прибавляетъ сочинитель сказанія нужное ему заключеніе,—и донынѣ великіе князья владимірскіе, когда ставятся на великое княженіе россійское, вѣнчаются тѣмъ царскимъ вѣнцомъ, что прислалъ греческій царь Константинъ Мономахъ».

Кто бы ни оказался авторомъ «Сказанія о князьяхъ владимірскихъ»,—сербъ ли Пахомій, какъ предположилъ было одинъ новѣйшій изслѣдователь, или какой-нибудь другой литераторъ изъ той же среды,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что «Сказаніе» явилось логическимъ выводомъ изъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя распространялись на Руси югославянскимъ духовенствомъ со второй половины XV вѣка. Несмотря на всю важность этихъ идей для правительства, несмотря на оффиціозный характеръ этого литературнаго творчества, московская государственная власть не сразу рѣшилась воспользоваться имъ открыто и придать новымъ политическимъ взглядамъ оффиціальную санкцію.

Надо прибавить, что въ эпоху Ивана III эти взгляды находились еще въ процессѣ выработки. Вмѣстѣ съ этой струей изъ того же юго-славянскаго міра вынесена была другая, прямо противоположная, рѣзко оппозиціонная. Броженіе оффиціозныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ продолжалось съ конца XV вѣка до середины XVI, и только къ этому послѣднему моменту инвентарь идей, имѣющихъ войти въ національное сознаніе, окончательно опредѣлился и закрѣпленъ былъ оффиціальными правительственными актами. Раньше, чѣмъ мы остановимся на этомъ окончательномъ итогѣ, мы должны поэтому познакомиться съ перешедшими на Русь оппозиціонными идеями и прослѣдить ихъ судьбу въ новой для нихъ обстановкѣ.

Литература по исторіи политическихъ идеологій XV вѣка, какъ и вообще литература по исторіи русскаго національнаго самосознанія, грѣшитъ тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что большинство изслѣдователей оказываются заинтересованными въ томъ или другомъ содержаніи этого самосознанія, считая послѣднее—своего рода высшей инстанціей въ вопросахъ національной жизни, не допускающей дальнѣйшихъ обжалованій. Такъ, напр., новѣйшее сочиненіе по исторіи національной политики Ивана III (*Е. Церетели*, Елена Ивановна великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898) смотритъ на эту политику глазами самого Ивана III. Гораздо научнѣе и безпристрастнѣе, несмотря на католическія тенденціи автора, составлена сводная работа о. *П. Пирлинга* (S. J.) «La Russie et le saint Siége», Etudes diplomatiques, Paris, 1896. Въ первый томъ этого почтеннаго труда вошла и изданная раньше въ русскомъ переводѣ монографія Пирлинга: Россія и Востокъ, Спб. 1892. Завѣщаніе Симеона см. въ Собр. грамотъ и Договоровъ, т. I. О принятіи Михаиломъ Ярославичемъ титула в. к. всея Руси см. Библіографъ,

1889, № 1, замѣтку: «кто былъ первый великій князь всея Руси». Личность Юрія Траханіота и его положеніе до пріѣзда въ Россію только-что выяснилось теперь, см. замѣтку г. Peregrinus въ Новомъ Времени, 19 января 1900 г. о протоколѣ Ѳомы Палеолога по поводу передачи папѣ Пію II мощей св. Іоанна Крестителя. Протоколъ, хранящійся, повидимому, при мощахъ, въ Сьенѣ, подписанъ: Georgius Trachagnoti, magister domuss praetati (?) illustrissimi. Эта подробность помогаетъ уяснить ходъ сватовства Ивана III, ср. *Pierling*, I, 132—133. Подлинные документы дипломатіи Ивана III см. въ «Сборникѣ историческаго общества», т. 35 и въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній», ч. I, см. также статью *В. Бауера*, въ журналѣ Министерства Нар. Просв., ч. CXLVIII, отд. 2. «Сношенія Россіи съ германскими императорами въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій». О южно-славянскихъ политическихъ стремленіяхъ см. *К. Радченко*, «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ Турецкимъ завоеваніемъ», Кіевъ, 1898. О славянскихъ надеждахъ на сосѣдей (венгровъ и поляковъ) см. *Іосифа Перволъфа*, «Славяне ихъ взаимныя отношенія и связи», Варшава, 1888. Взгляды русскаго и южно-русскаго духовенства на государственную власть см. въ изслѣдованіи *М. Дьяконова*, «Власть московскихъ государей», Спб. 1889 и въ *его же* статьѣ: «Къ исторіи древнерусскихъ церковныхъ отношеній», «Историческое обозрѣніе» т. III. О литературной манерѣ Кипріана и Пахомія см. *В. Ключевскаго*, «Древне-русскія житія святыхъ», М. 1871 (о ихъ учителѣ Евфиміи Тырновскомъ см. упомянутую книгу Радченка). Предположеніе о составленіи хронографа 1512 года въ первоначальной формѣ (1442) Пахоміемъ и о передѣлкѣ его Филоѳеемъ выставлено и очень солидно аргументировано акад. *А. А. Шахматовымъ*; см. его статью «Къ вопросу о происхожденіи хронографа», Спб. 1899 и *его же* «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на востокъ и хронографъ редакціи 1512 г.», Спб. 1899, въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.» т. IV, кн. 1. Текстъ приписки Филоѳея къ хронографу—въ «Изборникѣ» *Андрея Попова*, М. 1869. Текстъ его посланій—въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1861, II и 1863, I. Изслѣдованіе о происхожденіи «Сказанія о князехъ Владимірскихъ», указаніе на связь его съ юго-славянскими идеями и самый текстъ памятника см. въ книгѣ *Ив. Жданова*, «Русскій былевой эпосъ», I—V, Спб. 1895.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАЛАХАЙНСКІЙ ЭКСПЕРИМЕНТЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи Ирландіи. 1830—1833).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу разсказать интересный эпизодъ изъ Ирландской исторіи, затерянный въ спеціальной литературѣ, но способный возбудить интересъ болѣе широкой публики *). Я имѣю въ виду Ралахайнскую кооперативную ассоціацію, представляющую попытку осуществленія идей Р. Овена; она образуетъ pendant къ эксперименту самого Овена въ Нью-Ленаркѣ, но превосходитъ этотъ послѣдній по чрезвычайно неблагопріятнымъ и тяжелымъ условіямъ своего осуществленія.

Дѣйствительная трудность этого эксперимента, а вмѣстѣ правильная историческая перспектива можетъ быть установлена лишь по знакомствѣ съ тогдашнимъ положеніемъ Ирландіи.

Когда кто-либо говоритъ объ Ирландіи, особенно объ Ирландіи 30-хъ годовъ XIX вѣка, то самыя смѣлыя гиперболы кажутся блѣдно выражающими ужасную дѣйствительность. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ преувеличеніяхъ, я предоставлю лучше говорить очевидцамъ. У насъ есть описанія Ирландіи, данныя путешественниками, которые посѣщали ее именно въ эту эпоху. Начнемъ съ ближайшихъ сосѣдей ирландцевъ—англичанъ **).

«Вы встрѣтите въ деревнѣ,—говоритъ намъ одинъ авторъ,—лачуги того многочисленнаго класса, который поддерживаетъ свое существованіе

---

*) Исторія Ралахайнской коопераціи разсказана въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *William Pare.* «Cooperative Agriculture: a solution of the Land Question, as exemplified in the History of the Ralahine Cooperative Agricultural Association, County Clare, Ireland». London. 1870, *Sedley Taylor.* «Profit-sharing between capital and labour. six essays». London, 1884. *E. T. Craig* (бывшій управляющій Ралахайна и самъ дѣйствующее лицо въ этой исторіи) «The land and labour question, illustrated in the History of Ralahine and cooperative Farming.» 1882. *Albert Grey* «Profit Sharing in Agriculture» («Journal of the Royal Agricultural Society», 1891). *Benjamin Jones.* «Cooperative production». 1894. 2 vol. *Henry Lloyd.* «Labour Copartnerships. New.-Jork. 1898. *Victor Böhmert.* «Die Gewinnbetheiligung. Untersuchungen über Arbeitslohn und Unternemergewinn». 2 Theile. Leipzig. 1878.—«Der Arbeiterfreund». 1874. S. 320 flg.

**) *G. L. Smyth.* Ireland. «Historical and Statistical». Vol. III. London. 1849. (Стр. 34—5).

воздѣлываніемъ половины акра земли, одного, двухъ, какъ случится. Кучи навоза и свиныхъ испражненій непосредственно примыкаютъ къ лачугѣ. Болѣе чѣмъ половина населенія занята здѣсь съ колыбели до могилы однимъ—добыть какъ-нибудь такое количество самой грубой пищи, чтобы просуществовать. Здѣсь рѣдко можно встрѣтить настоящую трудовую жизнь, но она всегда чрезвычайно жалка. Можно ли гдѣ-либо найти человѣчество на еще болѣе низкомъ уровнѣ? Человѣкъ имѣетъ хижину и кусочекъ земли: разъ онъ располагаетъ этимъ, значитъ у него есть защита отъ непогоды и возможность добыть пищу. Куча торфа составитъ топливо. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ все необходимое для жизни, онъ обращается къ ея удовольствіямъ и, заведя жену, становится отцомъ семейства. Жалкое существо, подготовляющее себѣ въ старости и своему потомству нищету, заслуживаетъ, пожалуй, сожалѣнія; онъ невѣжественъ и не руководится ничѣмъ, кромѣ животнаго инстинкта... Наряду съ женою, предметъ великихъ вождѣленій ирландца составляетъ свинья, — люди ѣдятъ картошку, свинья ѣстъ шелуху; но зато свинья платитъ ренту, и этимъ кончается вся экономія нищеты. Потребности и желанія болѣе чѣмъ трехъ милліоновъ ирландцевъ выражаются въ этомъ короткомъ перечнѣ. Спрашивается, могутъ-ли они быть еще ниже? Съ одной стороны двери находится хлѣвъ для свиньи, съ другой—яма съ навозомъ для картофельной почвы. Отъ нихъ въ лачугѣ всегда сыро, грязно, нездорово. Отъ хлѣва къ ямѣ, а отъ ямы къ хижинѣ свинья гуляетъ какъ ей угодно. Когда приходитъ время посадки картофеля, хозяинъ разворачиваетъ навозную кучу и въ корзинахъ переноситъ навозъ черезъ хижину на находящееся позади ея поле, гдѣ жена и дѣти разбрасываютъ его часто руками и опускаютъ сѣмена въ ямочки, которыя они же помогаютъ вырывать. Продуктъ труда ихъ и составляетъ пищу семейства. Два раза въ день варится пища: картофель изъ корзинки высыпается на столъ въ кучу, и семейство, одни сидя на скамьѣ, другіе, за отсутствіемъ ея, на камняхъ, а иногда, когда нѣтъ даже достаточно и камней, стоя окружаютъ эту кучу, и каждый служитъ самъ себѣ, беря картофелину въ одну руку и очищая другой. По близости къ столу становится горшокъ, а къ этому горшку, въ который бросаютъ нѣкоторыя картофелины, оказавшіяся черезчуръ плохими для ѣды, присосѣживается свинья. Такимъ образомъ, свинья въ семействѣ бѣдныхъ ирландцевъ играетъ роль дога или кошки въ нашихъ домахъ; когда они ѣдятъ, она проситъ, протягивая свою морду, а когда обѣдъ кончается, то шкурки собираются со стола и бросаются въ горшокъ,— и кушанье свиньи готово. Нерѣдко свинья живетъ лучше чѣмъ хозяева: свинья платитъ ренту, и зимою ей дается мука и нѣкоторая другая пища, чтобы откормить ее, дѣти же живутъ однимъ картофелемъ. Привилегіи свиньи этимъ не ограничиваются: часто она является пред-

метомъ такого вниманія, которое, по настоящему, принадлежало бы дѣтямъ,—ее гонятъ въ прудъ, моютъ и тщательно чистятъ» *).

Подобную же характеристику ирландскаго населенія даетъ сэръ Джорджъ Никольсъ, извѣстный авторъ сочиненій относительно законовъ о бѣдныхъ въ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, въ отчетѣ, представленномъ имъ въ парламентскую коммиссію **). «Ирландское крестьянство, въ общемъ, имѣетъ чрезвычайно угнетенный и апатичный видъ. Это сказывается въ ихъ образѣ жизни, въ ихъ жилищахъ, одеждѣ, одеждѣ ихъ дѣтей и во всемъ ихъ хозяйствѣ и поведеніи. Повидимому, у нихъ нѣтъ ни гордости, ни соревнованія, они беззаботны въ настоящемъ и безпечны о будущемъ. Они не стремятся улучшить свою обстановку или увеличить свой комфортъ. Ихъ хижины неопрятны, дымны, грязны, почти лишены мебели и всякихъ предметовъ удобства или обычнаго обихода. При входѣ въ хижину видишь жену и дѣтей сидящими на полу, окруженными свиньями и птицей; мужчина зѣваетъ у дверей, къ которымъ нельзя приблизиться иначе какъ черезъ грязь или соръ. Онъ даже настолько безпеченъ, что не дѣлаетъ сухого хода къ своему жилью, хотя матеріалы для того подъ руками, а его жена слишкомъ неряшлива, чтобы вычистить мѣсто, гдѣ они живутъ, или смести грязь и объѣдки отъ входа. Если вы указываете на эти недостатки и пытаетесь показать, какъ легко они могутъ улучшить свое положеніе и увеличить свой комфортъ, вы неизмѣнно услышите въ отвѣтъ ссылку на ихъ бѣдность. Если и жена, и дѣти и все грязно, и вода потоками льется въ дверь,—отвѣтъ неизмѣнный: «конечно, какъ же этому помочь, вѣдь, мы такъ бѣдны!» Съ мужчинами то же самое: вы найдете его праздно грѣющимся на солнцѣ или праздно сидящимъ у огня, тогда какъ въ его лачугѣ едва можно пройти отъ грязи, и онъ, навѣрное, будетъ восклицать: «конечно, какъ помочь этому, вѣдь мы такъ бѣдны», а самъ въ это время куритъ табакъ и, навѣрное, не отказываетъ себѣ въ удовольствіи виски. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность не есть причина или, по крайней мѣрѣ, единственная причина такого положенія ирландскаго крестьянства» ***).

Гораздо болѣе откровенную и потому еще болѣе мрачную картину даютъ иностранцы.

Чопорный фонъ-Раумеръ (это тотъ самый фонъ-Раумеръ, Исторію

*) Энгельсъ говоритъ: «ирландецъ связанъ съ своей свиньей такъ, какъ арабъ съ своимъ конемъ, съ той только разницей, что онъ продаетъ ее, какъ только она достаточно разжирѣетъ, на убой, но зато онъ ѣстъ съ ней, его дѣти играютъ съ ней и ѣздятъ на ней верхомъ, валяются съ ней въ грязи, какъ это можно наблюдать тысячи разъ во всѣхъ большихъ городахъ Англіи». *F. Engels*. «Die Lage der arbeitenden Klassen in England», 1845. Стр 119—18. Ср. всю главу: «Die irische Einwanderung»).

**) *Nichols*. «History of Irish Poor-Laws». 1856. Стр. 162.

***) Ср. еще извѣстную характеристику ирландскихъ иммигрантовъ въ Англіи у Карлейля. «Chartism». «Essays», томъ V. Стр. 348 и сл. (Полн. собр. соч. томъ X).

Гогенштауфеновъ котораго читаетъ тургеневскій Берсеневъ во время романа съ Еленой),—проѣхавши Соединенное Королевство въ началѣ 30-хъ годовъ, такъ пишетъ, возвращаясь изъ Ирландіи *): «мною владѣетъ только *одна* мысль, я не могу остановиться ни какой другой,—мысль о неописуемыхъ страданіяхъ столькихъ тысячъ людей. Я напрасно искалъ бѣдности въ Англіи и всѣ жалобы на нее нашелъ односторонними и преувеличенными: здѣсь же не хватаетъ словъ, чтобы выразить то, что бросается въ глаза съ ужасающей реальностью. Нужно видѣть эти дома,—не дома, а лачуги,—не лачуги, а норы, большей частью безъ оконъ и отверстій, одинъ общій входъ и одно ничтожное помѣщеніе для людей и для свиней. Послѣднія свѣжи, толсты, откормлены, первые закутаны въ лохмотья или, точнѣе, на нихъ болтаются обрывки лохмотьевъ въ разныхъ мѣстахъ, такимъ образомъ, что мы не можемъ составить себѣ объ этомъ ни малѣйшаго понятія. Если не считать достаточныхъ людей въ городахъ, то на тысячахъ ирландцевъ я не видалъ ни одного крѣпкаго платья, ни одной цѣльной рубашки, ни однихъ цѣльныхъ штановъ: все разорвано, и какъ разорвано!»

Еще болѣе яркую картину даетъ другой нѣмецкій путешественникъ Коль **): «кто видѣлъ Ирландію, тому не покажутся жалкими уже никакія условія жизни въ Европѣ. Даже состояніе дикарей начинаетъ казаться ему переноснымъ и понятнымъ.

«Деревянный, заботливо оконопаченный мхомъ домикъ? Какая роскошь! Падди (прозвище ирландцевъ), какъ правило, дѣлаетъ свой домъ только изъ земли, и притомъ какъ? А такъ: нѣсколько лопатъ земли одна на другую! Между ними нѣсколько камней съ поля, пока стѣна все-таки не станетъ достаточно высока. Домикъ старательно покрытъ соломой или березовой корой? Какъ бы не такъ! Падди имѣетъ въ распоряженіи только дернъ, который онъ срѣзаетъ съ своихъ болотъ. А въ стѣнахъ хотя небольшія оконца? Старательно задѣланныя стеклами, или, по крайней мѣрѣ, полупрозрачнымъ пузыремъ животныхъ, какъ это практикуется въ разныхъ частяхъ Валахіи и въ нѣкоторыхъ Россіи? Пузыремъ! Боже мой, какая роскошь! У Падди найдется достаточно домовъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда оконъ, лишь единственное четыреугольное отверстіе, которое служитъ и окномъ, и трубой, и дверью въ домѣ, и ходомъ въ хлѣвъ, всѣмъ сразу, потому что черезъ это отверстіе входитъ и выходитъ свѣтъ, дымъ, люди, свиньи».

«Здѣсь мы имѣемъ предъ собой народъ нищихъ, среди которыхъ состоятельные являются исключеніемъ. И именно это является характернымъ для Ирландіи, что не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ» ***).

---

*) «England, von Friedrich von Raumer. Zweite, verbesserte und mit einem Band vermehrte Auflage. 2-r Band. Leipzig. 1842 Стр. 403.

**) *Kohl*. «Reisen in Irland». Erster Theil. 1843. Стр. 175—176.

***) ib. 178.

Этотъ однообразный списокъ свидѣтельствъ я позволю себѣ дополнить только еще однимъ. На этотъ разъ путешественникъ-французъ Бомонъ, проѣхавшій Ирландію въ 30-хъ годахъ. Онъ говоритъ *): «бѣдность голая, неприкрытая; эта бѣдность, бродячая и бездѣльная, бѣдность нищенствующая, покрываетъ всю страну. Она показывается вездѣ, во всевозможныхъ формахъ, во всѣ часы дня; ее вы, прежде всего, видите, высаживаясь на берега Ирландіи, и, съ этого момента, она уже не перестаетъ быть у васъ постоянно передъ глазами, то въ видѣ слабыхъ, лепещущихъ свои жалобы, то въ видѣ нищихъ, одѣтыхъ въ свои лохмотья; она слѣдуетъ за вами повсюду, осаждаетъ васъ безъ устали, вы слышите издалека ея стенанія и плачъ; и если ея голосъ не волнуетъ васъ чувствомъ глубокаго состраданія, онъ васъ безпокоитъ или внушаетъ вамъ страхъ. Эта бѣдность кажется прирожденной самой этой почвѣ и составляетъ одинъ изъ ея продуктовъ; подобно ядовитымъ испареніямъ, отравляющимъ атмосферу, она заражаетъ все, къ чему прикасается, и достигаетъ даже богатаго, который не можетъ, среди своихъ удовольствій, отдѣлаться отъ нищеты бѣдняка, и дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобы стряхнуть съ себя этого червя, котораго онъ самъ создалъ и который держится на немъ».

«Всѣ, будучи бѣдны, употребляютъ въ пищу только продукты, самые дешевые въ странѣ, картофель, но не всѣ потребляютъ его въ равномъ количествѣ: одни, и это привилегированные, ѣдятъ его три раза въ день; другіе, менѣе счастливые, два раза; третьи, уже недостаточные, только одинъ разъ; но есть и такіе, еще болѣе бѣдные, которые живутъ по дню, по два, не принимая никакой пищи.

«Такая жизнь ужасна, и тѣмъ не менѣе, нужно ее терпѣть, подъ страхомъ еще большихъ страданій. Тотъ, кто ѣстъ однимъ разомъ больше, чѣмъ ему по средствамъ, можетъ быть увѣренъ, что ему нечѣмъ будетъ одѣться, и даже это воздержаніе, эти страданія часто бываютъ напрасны.

«Каково должно быть мужество бѣднаго пахаря, удерживавающагося отъ удовлетворенія чувства голода, чтобы дать мѣсто другимъ потребностямъ! И онъ остается, какъ правило, безъ одежды или покрытъ лохмотьями, передаваемыми въ семействѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Во многихъ бѣдныхъ домахъ есть только одинъ полный костюмъ для двухъ лицъ, и это почти всегда обязываетъ приходскаго священника служить нѣсколько обѣдень въ воскресенье. Какъ только одинъ отслушалъ первую мессу, онъ возвращается къ себѣ домой, снимаетъ одежду и отдаетъ ее другому, который тотчасъ же отправляется присутствовать при второй мессѣ.

«Я видѣлъ индѣйца въ его лѣсахъ и негра въ его оковахъ, и,

*) Irlande sociale, politique et religieuse par O. de Beaumont. 7-me ed Paris. 1863, I, 220.

смотря на ихъ достойное жалости положеніе, я думалъ, что я вижу послѣдній предѣлъ человѣческой нищеты; но я не зналъ тогда судьбы бѣдныхъ ирландцевъ» *).

Таковы были среднія, обычныя условія жизни ирландскаго народа; что же было при голодовкахъ, которыя постоянно посѣщали Ирландію!

Подробное изложеніе причинъ, которыя привели Ирландію въ такое состояніе, завело бы насъ слишкомъ далеко, и ему здѣсь не мѣсто. Ограничусь краткимъ указаніемъ, что главной причиной этого, передъ которой блѣднѣютъ всѣ остальные, было угнетеніе Ирландіи Англіей во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, экономическомъ, политическомъ, религіозномъ. Ирландія была буквально раздавлена Англіей. Цѣною многихъ преступленій куплена теперешняя мощь британской цивилизаціи, но едва ли не величайшее между ними—судьбы Ирландіи. Никакая ненависть Ирландіи не чрезмѣрно горяча, никакая месть не слишкомъ мстительна, чтобы заплатить Англіи за все сдѣланное ею. Кровь моя на васъ и на дѣтяхъ вашихъ,—могла бы сказать Ирландія сынамъ Альбіона. И дѣйствительно, ирландскій вопросъ сталъ какъ бы наслѣдственною болѣзнью для Англіи. Герой теперешняго момента Чемберленъ, котораго никто не заподозритъ въ недостаткѣ патріотизма извѣстнаго рода, однажды сказалъ: «Положеніе Ирландіи въ теченіе послѣдняго полустолѣтія было почти непрерывнымъ возстаніемъ. Мы имѣемъ здѣсь народъ, который, по единодушнымъ отзывамъ друга и недруга, замѣчателенъ въ спокойное время по своему повиновенію обычному закону,—народъ, исторія котораго отмѣчена особеннымъ и удивительнымъ отсутствіемъ обыкновенныхъ преступленій, и вы видите его время отъ времени возбуждающимся въ пароксизмѣ аграрныхъ насилій и безпорядковъ... Ирландскій вопросъ—это не новая проблема. Каждыя 10 лѣтъ, каждыя 20 лѣтъ, иногда безъ малѣйшей подготовки, какъ громъ иръ ясномъ небѣ, ирландскій вопросъ является на сцену. Каждое поколѣніе, въ теченіе послѣднихъ 400 лѣтъ имѣло съ нимъ дѣло. Каждый занимался имъ столько, сколько позволяло ему время, и каждый оставлялъ его неразрѣшеннымъ своимъ преемникамъ **).

Конечно, чрезвычайно важною, хотя и второстепенною по сравненію съ указанной причиной являются своеобразныя аграрныя отношенія, система крупнаго землевладѣнія и мелкихъ краткосрочныхъ арендъ.

Легко заключить при такомъ положеніи населенія, каковы могли быть отношенія между лэндлордами и фермерами. Отношенія эти характеризуются лучше его врядомъ аграрныхъ преступленій, наполняющихъ собою прошлый и нынѣшній вѣкъ въ Ирландіи. Кромѣ возстаній, болѣе или менѣе организованныхъ заговоровъ (примѣромъ которыхъ

---

*) Ib. 1, 222.

**) «Home Rule und the Irish Question. A collection of speeches delivered between 1861 and 1887 By Joseph Chamberlain. London. 1887. Стр. 2 и 18».

могутъ послужить Whiteboys въ началѣ XIX вѣка), убійства ненавистныхъ людей совершались среди бѣла дня съ поразительной дерзостью и безнаказаностью. Достаточно сказать, что въ статистикѣ Ирландіи была заведена особая статья «Agrarian Outrages», и каждый годъ издавался особый сборникъ, посвященный спеціально статистикѣ аграрныхъ преступленій (не считая нѣсколькихъ изслѣдованій коммиссій).

Спеціально относительно графства Клэръ (Clare), гдѣ имѣетъ мѣсто дѣйствіе нашего разсказа, мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство современниковъ: «въ графствѣ Клэръ, Роскоммонъ, Голуэй и Типперари, кажется, не существуетъ закона. Убійство, грабежъ, вооруженныя нападенія,—всѣ такія вещи, совершаемыя людьми, съ которыми могла бы справиться только военная сила, были обычными, повседневными событіями. Полиція, хотя и вооруженная, была все-таки недостаточна, чтобы бороться со зломъ въ тысячахъ мѣстъ, гдѣ оно обнаруживалось, и ея обязанности были во всѣхъ отношеніяхъ связаны съ опасностью. Однажды, когда она преслѣдовала толпу, завѣдомо отправлявшуся для осады одного дома, послѣдняя напала на полицію, и было убито пять человѣкъ. Къ обычнымъ способамъ преступленія здѣсь присоединился еще новый. Крестьяне, мужчины и женщины, вооруженные сельскохозяйственными орудіями, объявили войну противъ пастбищъ. Среди бѣла дня они отправлялись на поля и взрывали ихъ. Въ графствѣ Клэръ, въ частности, всѣ приличные люди всякихъ мнѣній объявили, что въ этой странѣ нельзя болѣе оставаться на жительство. Посылая угрожающія извѣстія, срывая изгороди, угоняя скотъ, избивая пастуховъ, насильственно удаляя фермеровъ, взимая подать деньгами, грабя жилые дома, безъ колебаній совершая убійства, они вынудили лучшіе классы общества оставить свои дома и переселиться въ другую часть».

Въ графствѣ Клэръ было помѣстье около 618 акровъ, носившее названіе Ралахайна (Ralahine) и принадлежавшее, вмѣстѣ съ другимъ имѣніемъ, сэру Джону Скотту Ванделеру (Vandeleur), по вѣроисповѣданію протестанту (небезразличное обстоятельство, если вспомнимъ, какую роль играетъ религіозная вражда въ Ирландіи, гдѣ угнетатели—лэндлорды были протестанты, а большая часть крестьянъ—католики). Ванделеръ испытывалъ такія же затрудненія, какъ и всѣ окрестные владѣльцы, отъ пьянства, грубости и лѣни своихъ рабочихъ.

Въ 1823 году, послѣ одной изъ безчисленныхъ ирландскихъ голодовокъ, Ирландію посѣтилъ Робертъ Овенъ (слѣды этого посѣщенія увѣковѣчены въ Minutes of evidence коммиссіи по изслѣдованію состоянія Ирландіи, которая дважды вызывала Овена въ качествѣ свидѣтеля, причемъ Овенъ развивалъ планъ кооперативнаго возрожденія Ирландіи). Овенъ держалъ рядъ митинговъ въ Дублинѣ и другихъ мѣстахъ Ирландіи, проповѣдуя свои идеи. Ванделеръ присутствовалъ на этихъ митингахъ и вошелъ въ личное общеніе съ учителемъ. Идеи

Овена и его опытъ въ Нью-Лэнаркѣ произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ воодушевился мыслью попытаться пьяное и дикое населеніе Ралахайна превратить въ трезвое, честное, рабочее населеніе, ведущее вполнѣ человѣческую жизнь. Онъ не встрѣтилъ сочувствія и довѣрія къ своей идеѣ не только у окружающихъ лордовъ, родственниковъ, но и у своей жены; всѣ старались удержать его отъ фантастическаго предпріятія. Но не этимъ можно было ослабить его энтузіазмъ.

Въ 1830 году Ванделеръ началъ строить нѣсколько зданій, что продолжалось зиму и лѣто слѣдующаго года. Они представляли собой нѣсколько хорошо устроенныхъ коттэджей для женатыхъ рабочихъ, въ два этажа, крытые, оштукатуренные; спальни для холостыхъ мужчинъ и женщинъ, лавку, школу и большую столовую, сверхъ того комнаты для митинговъ, классовъ и лекцій. Чтобы показать, что Ванделеру пришлось бороться при этомъ не только съ недовѣріемъ окружающихъ, но и съ гораздо худшимъ отношеніемъ населенія, приведемъ слѣдующій эпизодъ.

Управляющій Ванделера Гастингсъ былъ очень строгъ и грубъ съ рабочими, которые, въ концѣ концовъ, чрезвычайно раздражились противъ него. Митингъ въ полночь въ сосѣднемъ лѣсу рѣшилъ, какъ думаютъ, смерть Гастингса, и здѣсь же былъ брошенъ жребій о выполненіи приговора. Одинъ вечеръ, когда онъ запиралъ двери своего жилища, онъ былъ убитъ двумя пулями, пущенными изъ окна противуположнаго дома, и это на глазахъ у молодой жены. Конечно, преступникъ никогда не былъ розысканъ. Это случилось въ отсутствіе Ванделера. Его семья, терроризованная убійствомъ, удалилась въ сосѣдній Лимрикъ, оставивъ домъ на вооруженную охрану полиціи, то-есть Ванделеръ остался одинъ. Ему уже некому было мѣшать, но зато онъ и не имѣлъ ни малѣйшей поддержки, которая была ему совершенно необходима въ виду тяжелой задачи. Эту поддержку благосклонная судьба послала ему въ лицѣ его новаго управляющаго Крэга (Craig) изъ Манчестера, который во всѣхъ отношеніяхъ оказался вполнѣ достойнымъ помощникомъ Ванделера (онъ и описалъ потомъ исторію Ралахайна).

Появленіе новаго управляющаго, помимо всего прочаго «чужестранца» и потому уже человѣка подозрительнаго, не содѣйствовало улучшенію положенія дѣлъ. Вскорѣ Крэгъ получилъ предостереженіе не возвращаться по одной и той же дорогѣ, ему въ догонку былъ пущенъ камень, а другой разъ металлическая пластинка съ грубо нарисованнымъ на ней гробомъ—знакъ смертнаго приговора. Но и Крэгъ, и Ванделеръ разсуждали подобно тому греческому послу, который воскликнулъ: «бей меня, но выслушай». Вскорѣ, когда устроены были зданія, Ванделеръ собралъ жителей Ралахайна (1-го ноября 1831 г.) и предложилъ имъ основаніе «Ралахайнской земледѣльческой и промышленной коопераціи» (The Ralahine Agricultural and Manufacturing Cooperative Association). Собраніе согласилось, сначала въ видѣ опыта, на основаніе коопераціи, и въ качествѣ учредителей въ нее вошло:

Взрослыхъ холостыхъ мужчинъ	21
Женатыхъ мужчинъ	7
	28
Незамужнихъ женщинъ	5
Зумужнихъ женщинъ	7
	12
Всего взрослыхъ	40
Сиротъ до 17 лѣтъ:	
Мальчиковъ	4
Дѣвочекъ	3
Дѣтей ниже 9-лѣтвяго возраста	5—12
Всего . . .	52

Собраніемъ принята была «конституція», опредѣлявшая права и обязанности членовъ (Laws of the Ralahine Agricultural und Manufacturing Cooperative Association). Цѣли ассоціаціи были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: I. Пріобрѣтеніе общаго капитала. II. Взаимная поддержка членовъ отъ бѣдствій нищеты, болѣзни, слабости, старости. III. Достиженіе большей степени жизненнаго комфорта, чѣмъ рабочій классъ имѣетъ въ настоящее время. IV. Умственное и нравственное совершенствованіе его взрослыхъ членовъ. V. Воспитаніе ихъ дѣтей.

Взаимныя отношенія членовъ и Ванделера опредѣлялись особымъ условіемъ, о которомъ мы скажемъ ниже. Постройки, хозяйство и пр. составляютъ собственность Ванделера, пока ассоціація не накопитъ достаточно денегъ, чтобы ихъ выкупить, послѣ чего они становятся общей собственностью ассоціаціи. Ванделеръ сохраняетъ за собою право въ теченіе ближайшихъ 12 мѣсяцевъ удалить изъ общины члена, оказавшагося вреднымъ; также каждый членъ имѣетъ право самъ въ каждую минуту выйти изъ состава ассоціаціи. Новые члены въ томъ случаѣ, если окажется, что у ассоціаціи не хватитъ рабочихъ силъ, могутъ быть принимаемы, по предложенію кого-либо изъ членовъ, послѣ баллотировки. Ванделеръ является предсѣдателемъ и ассоціаціи, и комитета, который замѣняетъ его во время его отсутствія и непремѣнными членами котораго являются секретарь и казначей, избираемые Ванделеромъ же. Цѣль дѣятельности коопераціи была опредѣлена въ уставѣ такимъ образомъ: «мы признаемъ, какими бы индивидуальными способностями—умственными или мускульными, земледѣльческими, промышленными или научными—мы ни отличались, всѣ они должны были направляемы къ общему благу». Важнымъ нововведеніемъ въ организаціи было отсутствіе управляющаго, должность давно ненавистная населенію. Малолѣтніе должны обучаться земледѣлію и промышленности въ обществѣ. Рабочій день, обязательный для всѣхъ работоспособныхъ, опредѣленъ отъ 6-ти и до 6-ти лѣтомъ и отъ разсвѣта до сумерокъ зимою съ часовымъ перерывомъ на обѣдъ. Распредѣленіе

работъ на каждый день совершается комитетомъ наканунѣ вечеромъ. Каждый рабочій получаетъ плату въ 8 пенсовъ (около 32 коп.) въ день, а каждая женщина 5 п. (около 20 к.),—плата обычная въ этой мѣстности. Эта плата выплачивается, главнымъ образомъ, товарами, производимыми самимъ обществомъ или же закупаемыми на сторонѣ. Тотъ и иной видъ работы избирается каждымъ сообразно его склонности; но если какой-либо членъ находитъ, что другой не достаточно утилизируетъ свое время, онъ можетъ заявить объ этомъ митингу, который можетъ, въ случаѣ необходимости исключить безполезнаго члена. Обязанности прислуги возложены на дѣтей младше 17 лѣтняго возраста, которыя содержатся на счетъ всего общества. Далѣе слѣдуютъ частныя постановленія домашней экономіи (относительно топлива, стряпни и т. д.). Въ отдѣлѣ устава, озаглавленномъ «Education and Formation of Character», гарантируется, что сироты, оставшіяся послѣ смерти членовъ общества, содержатся и воспитываются обществомъ; рѣзко признается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія; воспрещаются азартныя игры и употребленіе табаку и спиртныхъ напитковъ, которые совершенно изгоняются изъ кооперативной лавки. Послѣднее было особенно смѣлымъ новшествомъ среди пьянаго населенія. Затѣмъ, предусматриваются случаи вступленія въ бракъ членовъ и не членовъ общины и исключеніе недостойныхъ членовъ общества большинствомъ трехъ четвертей.

Общество управляется комитетомъ изъ девяти членовъ, избираемыхъ изъ взрослыхъ членовъ ассоціаціи полугодичною баллотировкой. Упомянутое выше условіе состояло въ томъ, что Ванделеръ сдаетъ землю подъ условіемъ ежегодной уплаты натурой: 320 баррелей пшеницы, 240 б. ячменя. 50 овса, 10 центнеровъ масла, 30 центнеровъ свинины, 70 ц. мяса. По переводѣ на деньги, это даетъ среднюю въ странѣ ренту. Кромѣ того, община обязуется поставлять въ его хозяйство солому и сѣно за 30 шиллинговъ тонну; въ случаѣ желанія, Ванделеръ можетъ брать рабочія деньги (о чемъ ниже) и получать за нихъ въ общинной лавкѣ соотвѣтственные продукты. То, что будетъ оставаться сверхъ уплаты ренты и заработной платы членами коопераціи, ея прибыль, не должно поступать въ индивидуальную собственность, а должно накопляться до тѣхъ поръ, пока не образуется капиталъ, достаточный для пріобрѣтенія Ралахайна у его владѣльца въ общую собственность членовъ коопераціи. Выбывающіе члены получаютъ свою долю прибыли при выходѣ. Община обязуется воздѣлывать землю наилучшимъ образомъ, въ противномъ случаѣ земля отходитъ назадъ къ лэндлорду. Нѣкоторыя несущественныя постановленія опускаемъ.

Естественно, что первое время крестьяне относились къ «новой системѣ» со страхомъ и недовѣріемъ, но оно быстро исчезло, какъ только они убѣдились на практикѣ въ выгодности новаго положенія. По словамъ Крэга, уже черезъ два мѣсяца установился надлежащій

рабочій распорядокъ. Вотъ, для образца, свѣдѣніе о распредѣленіи рабочихъ и платъ имъ въ іюнѣ:

		въ недѣлю.	
1	секретарь	8 шилл.	— п.
1	лавочникъ	8 »	— »
1	сельскохозяйственный надзиратель	8 »	— »
1	плотникъ	8 »	— »
1	помощникъ плотника	6 »	— »
1	кузнецъ	8 »	— »
1	помощникъ кузнеца	6 »	— »
1	садовникъ	7 »	— »
1	мясникъ	6 »	— »
3	главныхъ рабочихъ, каждый	5 »	— »
23	земледѣльческихъ рабочихъ, каждый	4 »	— »
22	женщины-работницы, каждая	2 »	6 п.
7	мальчиковъ	содержатся изъ общаго дохода.	
16	дѣтей ниже 9 лѣтъ въ школѣ		
81	все населеніе, 50 муж и 31 жен.		

Но, въ случаѣ недостатка рукъ въ одной отрасли производства, онъ восполнялся изъ другой; въ земледѣліи принимали участіе всѣ, особенно во время жатвы.

Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ неудовольствія, неисправности, лѣни, работа шла чрезвычайно гладко. Одинъ изъ рабочихъ такъ объяснилъ причины этого Mr. Finch'у, посѣтившему Ралахайнъ: «прежде мы не имѣли интереса ни въ томъ, чтобы сдѣлать возможно больше и лучше, ни въ улучшеніяхъ, потому что всѣ выгоды отъ этого шли жестокому надзирателю, за его вниманіе и бдительность. Мы разсматривались только какъ машины, чтобы дѣлать ихъ дѣла; поэтому, какъ только онъ скрывался изъ вида, мы дѣлали возможно меньше; но теперь мы заинтересованы и обязаны дѣлать сами, и мы совсѣмъ не нуждаемся въ управляющемъ». Въ другомъ письмѣ тотъ же Финчъ пишетъ: «сначала два или три рабочихъ имѣли наклонность лѣниться, но они были излѣчены способомъ, который подѣйствовалъ бы на дикихъ слоновъ. Комитетъ, зная ихъ характеры, ставилъ каждаго изъ такихъ лѣнтяевъ на работу между двумя другими, которые были прилежны, напр., на земляныя работы; онъ былъ обязанъ не отставать отъ нихъ или становился предметомъ общихъ насмѣшекъ. Такія средства скоро помогли; когда я былъ тамъ, не было ни одного лѣнтяя, ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ, ни изъ дѣтей во всей общинѣ».

Одною изъ самыхъ интересныхъ особенностей общины были рабочія деньги, которыми выплачивалось жалованье,—взамѣнъ обыкновенныхъ денегъ. Это были лоскутки бумаги съ написанною на нихъ цѣнностью,—родъ кредитныхъ билетовъ. Денежной единицей естественно

явился билетъ въ 8 пенсовъ, стоимость рабочаго дня взрослаго мужчины, но затѣмъ были и болѣе и менѣе крупныя деньги. Эти деньги сначала вызывали особенное недовѣріе и подозрительность, но затѣмъ убѣдились, что при данныхъ условіяхъ онѣ служатъ какъ и всякія другія деньги. Въ кооперативной лавкѣ за эти деньги можно было получить всѣ товары, какъ производимые общиной, такъ и покупаемые извнѣ; послѣдніе, покупаемые въ большихъ количествахъ и потому на болѣе выгодныхъ условіяхъ были высшаго качества, чѣмъ можно было купить за ту же цѣну въ лавкахъ; кромѣ того, рабочія деньги ограничивали кругъ доступныхъ товаровъ лишь тѣми, которые имѣлись въ кооперативной лавкѣ, а оттуда, какъ помнитъ читатель, было удалено вино и табакъ; такимъ образомъ, населеніе было вполнѣ изолировано отъ этого соблазна.

За короткое время существованія коопераціи она почти не успѣла осуществить своихъ задачъ какъ земледѣльческой *и промышленной* коопераціи. Въ этомъ направленіи сдѣланы были только предначертанія. Посрединѣ Ралахайна протекала рѣка и на этой рѣкѣ была безъ употребленія одна водяная мельница; свободную водяную силу этой мельницы было рѣшено утилизировать въ качествѣ двигателя для мануфактуры, гдѣ община могла бы производить для себя одежду. Но этотъ планъ такъ и остался неосуществленнымъ.

Общее положеніе, въ которомъ находились жители Ралахайна, лучше всего можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма уже цитированнаго нами Финча: «Я лично и подробно ознакомился со всѣмъ домашнимъ устройствомъ Ралахайна. Я нашелъ, что всѣ коттеджи женатыхъ рабочихъ снабжены комфортабельными постелями, постельнымъ бѣльемъ, столами, стульями и т. д. и въ общемъ такъ чисто и опрятно, какъ въ обыкновенныхъ домахъ *лучшей части* рабочаго населенія Великобританія». Такъ же выгодно онъ аттестуетъ дѣтскія школу, столовую и т. д. Ѣда опредѣлялась ирландскими условіями и въ будніе дни состояла, главнымъ образомъ, изъ картофеля съ парнымъ молокомъ. Но въ праздникъ появлялось и мясо.

Видѣвшіе Ралахайнъ утверждаютъ, что и въ нравахъ жителей произошло большое смягченіе подъ совокупнымъ вліяніемъ трезвости, лучшихъ условій жизни, болѣе независимаго положенія женщинъ. Прилагались усиленныя заботы къ обученію дѣтей; по вечерамъ читались иногда лекціи для взрослыхъ.

Успѣхъ общины слѣдуетъ приписать, въ значительной степени, удачно составленному уставу, который, при всей широтѣ идеала, отличается чрезвычайной трезвостью и даже практичностью; это лучше всего можно видѣть въ томъ, что онъ, примѣняясь къ окружающимъ экономическимъ условіямъ, не дѣлаетъ подарка рабочимъ, который они могли бы получить какъ подачку, безъ всякаго труда, но обусловливаетъ благосостояніе трудомъ. Съ другой стороны, учрежденіе,

носившее столь ярко выраженную окраску индивидуальности Ванделера, стоявшей гораздо выше своего времени, могло отвѣчать своей идеѣ—хорошо ли это или плохо, другой вопросъ—только при условіи сильнаго личнаго, порою деспотическаго его вліянія. И многія статьи устава—излишне ихъ особо указывать—широко открываютъ дверь такому вліянію. Нужно сознаться, что при всѣхъ данныхъ условіяхъ, такое вліяніе было conditio sine qua non самого существованія коммуны. Тотъ же Финчъ весьма остроумно характеризуетъ систему ралахайнскаго «правительства»: «Форма правленія, принятая въ Ралахайнѣ, соединяла всѣ выгоды торизма, вигизма и радикализма, не имѣя недостатковъ ни одного изъ нихъ. Оно имѣло всю силу, единство плана и единство дѣйствія монархіи и торизма,—всю умѣренность, искусство, осмотрительность и осторожность вигизма, и болѣе свободы и равенства, чѣмъ радикализмъ. Правительство состояло изъ короля, палаты лордовъ и общинъ. Ванделеръ былъ король, наслѣдственный и почти абсолютный монархъ; ралахайнское помѣстье было его королевствомъ; ралахайнское общество—его народомъ; секретарь, казначей и завѣдующій лавкой были вмѣстѣ и его министрами, исполнительною властью, и палатой лордовъ, избранною ими самими и распускаемой по его волѣ; комитетъ былъ вмѣстѣ и совѣтниками его, и постоянной коммиссіей палаты общинъ; палата общинъ состояла изъ всего народа, мужчинъ и женщинъ, свыше 17 лѣтъ отъ роду».

Въ 1833 году, незадолго до своей смерти, Ралахайнъ отпраздновалъ свой праздникъ жатвы, торжественный и радостный. На праздникѣ исполнялся гимнъ: «Each for all», настолько интересный, что я позволю себѣ привести его въ подлинникѣ.

«Each for all».

A Ralahine Harvest-Home Song.

Air—«Rule Britannia».

The social brotherhood of man
Alone can bless the boon of birth,
And Nature, in her generous plan,
Has taught us how to use the earth.

Chorus:

Hail! brothers, hail! in bark, or hut, or hall,
Hail! for each must live for all.

Why should not generous sympathy
Prevail throughout the breathing world,
And o'er the human family
The flag of *Union* float unfurled?
Why should a difference of birth
Of creed, or country, men divide?
Behold the flowers of the earth,
Though various, blooming Side by Side,
The trees that love the mountain height,

And they that in the valley grew,
Transplanted, will they not unite,
And join their shade and share their dew?
Man, poor and feeble when alone—
The sport of every passing wind—
In War, in Trade, in Art, has shown
He's all-resistless when combined.
If, then, when fears or interests plead,
Instaining crowds together press,
Why should not social kindness lead
Mankind to join for happiness?
Chorus—Hail! brothers, hail! etc. *).

Ралахайнъ посѣщали въ эпоху его разцвѣта различныя лица, и всѣ удивлялись образцовому порядку и трудолюбію жителей, достигаемому безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Описаніе танцоваляннаго вечера въ Ралахайнѣ попало даже въ отчетъ парламентской коммиссіи 1833 года (въ показаніяхъ свидѣтелей, minutes of evidence). Посѣтилъ

*) *Переводъ*: **Каждый для всѣхъ.**

Пѣснь Ралахайнскаго Дома Жатвы.

(На мотивъ: «Царствуй Британія»).

Соціальное братство людей
Одно можетъ освятить дарованную намъ жизнь;
Природа въъ своемъ великодушіи,
Научила насъ пользоваться землей.

Хоръ.

Привѣтъ вамъ, братья, на морѣ, и въ хижинѣ, и въ чертогахъ;
Привѣтъ! Пусть каждый живетъ для всѣхъ.

Отчего благородному чувству симпатіи
Не владѣть всѣми живыми существами,
Отчего развернутому знамени единенія
Не развѣваться надъ человѣчествомъ?
Зачѣмъ раздѣлять людей по различіямъ происхожденія,
Или вѣры, или отечества?
Взгляните на цвѣты, покрывающіе землю,
Деревья, любящія горныя высоты,
И тѣ, которыя растутъ въ долинѣ—
Неужели они не могутъ, хоть они и различны,
Соединить свою тѣнь и подѣлиться своей росой,
Цвѣтя другъ возлѣ друга?
Человѣкъ, слабый и жалкій, когда онъ одинъ,
Игрушка перваго подувшаго вѣтра—
Въ союзѣ съ другими показалъ свое могущество—
Въ войнѣ, въ торговлѣ, въ искусствѣ.
И если толпа скучивается,
Движимая чувствомъ страха или выгодой,
То отчего же общественному чувству любви
Не руководить человѣчествомъ къ счастью?

Хоръ.

Привѣтъ вамъ, братья, и т. д.

Ралахайнъ и духовный отецъ его, Р. Овенъ, и выразилъ въ письмѣ къ Крэгу свои впечатлѣнія слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ кажется, на основаніи полнаго знакомства съ вашимъ образомъ дѣйствій въ Ралахайнѣ, что, принимая во вниманіе средства, которыми располагаетъ ваша ассоціація, ваши учрежденія для производства и распредѣленія богатства, для воспитанія и образованія характера населенія и для управленія имъ были превосходны и проникнуты истиннымъ духомъ коопераціи.

«Народъ показался мнѣ болѣе счастливымъ, чѣмъ кто бы то ни было изъ этого класса въ Ирландіи, которую я посѣщалъ въ разныя времена».

Мы близимся къ развязкѣ,—печальной и неожиданной катастрофѣ, которая положила конецъ ралахайнской коопераціи. Въ дублинскихъ газетахъ появилось сенсаціонное извѣстіе о *«бѣгствѣ Джона Скотта Ванделера»* въ Америку. Вскорѣ это извѣстіе подтвердилось. Ванделеръ имѣлъ страсть, наслѣдственную въ его семьѣ, къ картежной игрѣ, и, нарушая соотвѣтственный параграфъ собственнаго устава, часто ѣздилъ въ свой Дублинскій клубъ, гдѣ затягивался «долгами чести» все больше и больше, пока не проигрался въ прахъ. Чтобы избѣжать позора и упрековъ, которые ждали его и тамъ, гдѣ было самое близкое и дорогое его сердцу, въ Ралахайнѣ, онъ сѣлъ на корабль, ѣдущій въ Америку, и исчезъ на вѣки. Никто изъ самыхъ близкихъ его друзей не слыхалъ о немъ ничего съ тѣхъ поръ, ни даже того, живъ онъ или умеръ.

Извѣстіе это произвело тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе о Ралахайнѣ, что оно было совершенно неожиданно. Но предоставимъ разсказъ Крэгу, душѣ Ралахайна и правой рукѣ Ванделера,—Крэгу, которому пришлось пережить одни изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, какія только возможны въ жизни человѣка. «Народъ принялъ это извѣстіе ужаснымъ и до послѣдней степени потрясающимъ образомъ. Когда оно подтвердилось, я слышалъ женщинъ и даже крѣпкихъ мужчинъ, горько жалующихся и оплакивающихъ свою потерю, такъ, какъ будто у нихъ былъ похищенъ внезапной смертью самый дорогой другъ или родственникъ. Хотя комнаты, занимаемыя нами съ женой находились надъ коттеджами двухъ женатыхъ членовъ, рыданія народа доносились до насъ среди ночи и производили тяжелое и даже душераздирающее впечатлѣніе. Нужно знать глубину ихъ чувства и манеру ирландцевъ выражать свое глубокое горе вслухъ, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, чтобы представить себѣ это.

«Было въ высшей степени потрясающе слышать въ тиши ночи дикія рыданія, какъ по покойникѣ. Происходило ли это отъ полученнаго тяжкаго удара, который разсѣялъ самыя мои лучшія надежды и, очевидно, внесъ внезапный перерывъ во всѣ мои труды, и который соединялся съ сильнымъ безпокойствомъ, что кассовая наличность окажется недостаточна, чтобы покрыть «рабочія деньги», бывшія на рукахъ у членовъ *),—я не знаю; но я глубоко мучился, когда время отъ времени

*) Денегъ этихъ не хватило, и Крэгъ доплатилъ изъ своихъ недостающее.

въ эту ночь, которую никогда нельзя забыть, доносились до меня крики рабочихъ, испускаемые ими въ припадкѣ горя. «Ohone! ohone! Shahn (Джонъ) Vandeler! Зачѣмъ ты ушелъ отъ насъ? Ohone! Vandeler! Зачѣмъ ты покинулъ насъ?»

«Эти чувства сильно отразились на моемъ здоровьѣ, и, хотя мнѣ было только 28 лѣтъ, я всталъ на утро со множествомъ сѣдыхъ волосъ, что было вызвано, несомнѣнно, сильнымъ потрясеніемъ, внезапно обрушившимся на нервную систему».

Члены, желая отмѣтить то, что они получили отъ Ралахайна, на общемъ митингѣ Ралахайна отъ 23 ноября 1833 года, приняли и подписали слѣдующую декларацію: «Мы, нижеподписавшіеся, члены «Ралахайнской земледѣльческой и промышленной кооперативной ассоціаціи», пользовались за послѣдніе два года довольствомъ, миромъ и счастьемъ при учрежденіяхъ, заведенныхъ Ванделеромъ и Крэгомъ. Первоначально мы относились враждебно къ предлагавшимся ими планамъ; но, послѣ осуществленія, мы нашли свое положеніе улучшившимся, наши нужды регулярно удовлетворялись, а наши чувства другъ къ другу сразу и всецѣло измѣнились изъ зависти, ненависти, мстительности въ довѣрчивость, дружбу, предупредительность.

«Лекціи, которыя читались намъ президентомъ (Ванделеромъ) и Крэгомъ, были предназначены для нашего развитія, и дѣйствительно оказывали таковое дѣйствіе на наши умы, и правила, принятыя въ началѣ, оказались очень полезны въ ихъ практическомъ осуществленіи обществомъ».

Вскорѣ Ралахайнъ былъ проданъ съ молотка за долги, — пьеса съиграна, занавѣсъ упалъ... Прекрасный цвѣтокъ, словно чудомъ выросшій на гноищѣ аграрнаго пауперизма, не выдержалъ перваго порыва холоднаго вѣтра и погибъ, не оставивъ никакого слѣда *).

С. Булгаковъ.

*) Читатель видитъ, что Ралахайнская кооперація, основанная на идеяхъ Овена и представляющая одинъ изъ немногихъ случаевъ такъ называемыхъ profitsharing въ земледѣліи, кореннымъ образомъ отличается и по характеру, и по значенію отъ теперешнихъ земледѣльческихъ коопераций, которымъ предстоитъ еще огромное развитіе. Значеніе этихъ коопераций—не безъ значительнаго, впрочемъ, увлеченія—хорошо выяснено въ новой книжкѣ *O. F. Hertz.* «Die Agrarfragen in ihrem Verhältniss zum Socialismus». Wien. 1899. Пользуюсь случаемъ, чтобы рекомендовать эту во многихъ отношеніяхъ замѣчательную книжку молодого и очень даровитаго автора вниманію русскаго читателя. Представляя собою въ большей части критику книги Каутскаго, книжка эта представляетъ самостоятельную научную цѣнность, на мой взглядъ превосходящую цѣнность тенденціозной работы Каутскаго. Въ настоящее время Герцъ ревностный пропагандистъ идей Бернштейна, котораго однако, я думаю, онъ скоро оставитъ позади. Бернштейнъ написалъ предисловіе къ его книгѣ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Шабашъ вѣдьмъ.

1494.

Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху,—звѣзды—внизу,
Все, что вверху—все и внизу:
Если поймешь,—благо тебѣ.
Tabula smaragdina.

I.

На пустынной окраинѣ Милана, въ предмѣстіи Верчельскихъ воротъ, тамъ, гдѣ на каналѣ Катарана находились шлюзы и рѣчная таможня, стоялъ одинокій ветхій домикъ съ большою, закоптѣлою и покривившейся трубой, изъ которой днемъ и ночью подымался къ небу дымъ.

Этотъ домикъ принадлежалъ повивальной бабкѣ, монѣ Сидоніи. Верхніе покои сдавала она въ наемъ алхимику, мессэру Галеотто Сакробоско, въ нижнихъ жила сама вмѣстѣ съ Кассандрой, дочерью Галеоттова брата, купца Луиджи, знаменитаго путешественника, изъѣздившаго Грецію, острова Архипелага, Сирію, Малую Азію, Египетъ въ неустанной погонѣ за древностями.

Онъ собиралъ все, что попадалось ему подъ руку: и прекрасную греческую статую, и кусочекъ янтаря съ мухою, застывшею въ немъ, и поддѣльную надпись съ могилы Гомера, и новую трагедію Эврипида, и ключицу Демосѳена.

---

*) См. «М. В.», январь.

Одни считали его помѣшаннымъ, другіе — хвастуномъ и обманщикомъ, третьи—великимъ человѣкомъ. Воображеніе его было такъ напитано языческими воспоминаніями, что, оставаясь до конца дней добрымъ католикомъ, Луиджи не на шутку молился «святѣйшему генію Меркурію» и вѣрилъ въ среду, посвященную крылатому вѣстнику олимпійцевъ, какъ въ день особенно счастливый для торговыхъ оборотовъ. Ни передъ какими лишеніями и трудами не останавливался онъ въ своихъ поискахъ: однажды, сѣвъ на корабль и уже отъѣхавъ по морю съ десятокъ миль, узналъ онъ о любопытной греческой надписи, не прочитанной имъ, и тотчасъ вернулся на берегъ, чтобы списать. Потерявъ во время кораблекрушенія драгоцѣнное собраніе рукописей, онъ посѣдѣлъ отъ горя. Когда спрашивали его, зачѣмъ разоряетъ онъ себя, терпитъ всю жизнь столь великіе труды и опасности, Луиджи отвѣчалъ всегда одними и тѣми же словами:

— Я хочу воскресить мертвыхъ.

Въ Пелопонесѣ, близь пустынныхъ развалинъ Лакедемона, въ окрестностяхъ городка Мистры, встрѣтилъ онъ дѣвушку необыкновенной красоты, похожую на изваяніе древней богини Артемиды, дочь бѣднаго, пившаго запоемъ сельскаго дьякона, женился на ней и увезъ ее въ Италію вмѣстѣ съ новымъ спискомъ Иліады, обломками мраморной Гекаты и черепками глиняныхъ амфоръ. Дочери, родившейся у нихъ, Луиджи далъ имя Кассандры во славу великой Эсхиловой героини, плѣнницы Агамемнона, которой онъ тогда увлекался.

Жена его скоро умерла. Отправляясь въ одно изъ своихъ многочисленныхъ странствованій, онъ оставилъ маленькую дочь-сиротку, на попеченіе старому другу, ученому греку изъ Константинополя, приглашенному въ Миланъ герцогами Сфорца, философу Деметрію Халкондилѣ.

Семидесятилѣтній старикъ, двуличный, лукавый и скрытный, притворяясь пламеннымъ ревнителемъ церкви христіанской, на самомъ дѣлѣ, какъ въ то время многіе ученые греки въ Италіи съ кардиналомъ Бессаріономъ во главѣ, былъ приверженцемъ послѣдняго изъ учителей древней мудрости, неоплатоника Гемиста Плетона, умершаго лѣтъ сорокъ назадъ въ Пелопонесѣ, въ томъ самомъ городкѣ Мистрѣ на развалинахъ Лакедемона, откуда родомъ была мать Кассандры. Ученики его вѣрили, что душа великаго Платона для проповѣданія мудрости сошла на землю съ Олимпа и воплотилась въ Плетонѣ. Христіанскіе учителя утверждали, что этотъ философъ желаетъ возобновить антихристову ересь императора Юліана - Отступника — поклоненіе древнимъ олимпійскимъ богамъ, и что бороться съ нимъ должно отнюдь не учеными доводами и словопреніями, а лишь орудіями священной инквизиціи и пламенемъ костровъ. Приводились точныя слова Плетона: за три года до смерти говорилъ онъ, будто бы, ученикамъ своимъ: «немного лѣтъ спустя послѣ моей кончины надъ всѣми племенами и народами земными возсіяетъ единая истина, и всѣ люди обратятся

единымъ духомъ въ единую вѣру—unam eandemque religionem universum orbem esse suscepturum». Когда же его спрашивали: «въ какую— въ Христову или Магометову?»—онъ отвѣчалъ: «ни въ ту, ни въ другую, но въ вѣру отъ древняго язычества не отличную, — neutram, inquit, sed a gentilitate non differentem ».

Въ домѣ Деметрія Халкондилы маленькую Кассандру воспитали въ строгомъ, хотя и лицемѣрномъ, христіанскомъ благочестіи. Но изъ подслушанныхъ разговоровъ ребенокъ, не понимая философскихъ тонкостей платоновыхъ идей, сплеталъ себѣ волшебную сказку о томъ, какъ умершіе боги Олимпа воскреснутъ.

Дѣвочка носила на груди подарокъ отца, талисманъ противъ лихорадки, рѣзную печать съ изображеніемъ бога Діониса. Порой, оставаясь одна, украдкой вынимала она древній камень, смотрѣла сквозь него на солнце, — и въ темно-лиловомъ сіяніи прозрачнаго аметиста выступалъ передъ нею, какъ видѣніе, обнаженный юноша Вакхъ съ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградной кистью въ другой; скачущій барсъ хотѣлъ лизнуть эту кисть языкомъ. И любовью къ прекрасному богу полно было сердце ребенка.

Мессэръ Луиджи, разорившись на древности, умеръ въ нищетѣ, въ лачугѣ пастуха, отъ гнилой горячки, среди только что открытыхъ имъ развалинъ одного финикійскаго храма. Въ это время, послѣ многолѣтнихъ скитаній въ погонѣ за тайною философскаго камня, вернулся въ Миланъ алхимикъ Галеотто Сакробоско, дядя Кассандры, и поселившись въ домикѣ у Верчельскихъ воротъ, взялъ къ себѣ племянницу.

Джіованни Бельтраффіо помнилъ подслушанный имъ разговоръ моны Кассандры съ механикомъ Зороастро о ядовитомъ деревѣ. Потомъ встрѣчался съ нею у Деметрія Халкондилы, гдѣ Мэрула досталъ ему переписку. Онъ слышалъ отъ многихъ, что она—вѣдьма, но загадочная прелесть молодой дѣвушки влекла его къ ней.

Почти каждый вечеръ, окончивъ работу въ мастерской Леонардо, отправлялся Джіованни къ уединенному домику за Верчельскими воротами для свиданія съ Кассандрой. Они садились на пригоркѣ надъ водою тихаго и темнаго канала, недалеко отъ запруды, у полуразвалившейся стѣны монастыря св. Редегонды, и бесѣдовали подолгу. Чуть видная тропа, заросшая лопухомъ, бузиной и крапивою, вела на пригорокъ. Никто сюда не заглядывалъ.

II.

Былъ душный вечеръ. Изрѣдка налеталъ вихрь, подымалъ бѣлую пыль на дорогѣ, шелестѣлъ въ деревьяхъ, замиралъ, и становилось еще тише. Только слышалось глухое, точно подземное, ворчаніе далекаго грома. На этомъ слабомъ, грозно-торжественномъ гулѣ выдѣлялись визгливые звуки дребезжащей лютни, пьяныхъ пѣсенъ таможенныхъ солдатъ въ сосѣднемъ кабачкѣ. Было воскресеніе.

Порою блѣдная зарница вспыхивала въ небѣ, и тогда на мгновеніе выступалъ изъ мрака ветхій домикъ на томъ берегу съ кирпичною трубою, съ клубами чернаго дыма, валившаго изъ плавильной печи алхимика, долговязый, худощавый пономарь съ удочкой на мшистой плотинѣ, прямой каналъ съ двумя рядами лиственницъ и ветлъ, уходившими въ даль, плоскодонныя лагомаджіорскія барки съ глыбами бѣлаго мрамора для Собора, шедшія на ободранныхъ клячахъ, и длинная бичева, ударявшая по водѣ. Потомъ опять сразу все, какъ видѣніе, исчезало во тьмѣ. Лишь на томъ берегу краснѣлъ огонекъ алхимика, отражаясь въ темныхъ водахъ Катараны. Отъ шлюзовъ вѣяло запахомъ теплой воды, увядшихъ папоротниковъ, дегтя и гнилого дерева.

Джіованни съ Кассандрой сидѣли на обычномъ мѣстѣ, надъ каналомъ.

— Скучно!—молвила дѣвушка, потянулась и заломила надъ головой тонкіе, бѣлые пальцы. — Каждый день одно и то же. Сегодня какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Такъ же глупый, долговязый пономарь удитъ рыбу на плотинѣ и ничего не можетъ выудить, такъ же дымъ валитъ изъ трубы лабораторіи, гдѣ мессэръ Галеотто ищетъ золота и ничего не можетъ найти, такъ же лодки тащатся на ободранныхъ клячахъ, такъ же дребезжитъ заунывная лютня въ кабачкѣ. Хоть бы что-нибудь новое! Хоть бы французы пришли и разорили Миланъ, или пономарь выудилъ рыбу, или дядя нашелъ золото... Боже мой, какая скука!..

— Да, я знаю,—возразилъ Джіованни,—мнѣ самому иногда бываетъ такъ скучно, что хочется умереть. Но фра Бенедетто научилъ меня прекрасной молитвѣ объ избавленіи отъ бѣса унынія. Хотите я вамъ скажу ее?

Дѣвушка покачала головой:

— Нѣтъ, Джіованни. Я бы и желала порою, но давно уже не умѣю молиться вашему Богу.

— Нашему? Но развѣ есть другой Богъ, кромѣ нашего, кромѣ единаго?—спросилъ Джіованни.

Быстрое пламя зарницы освѣтило ея лицо. Никогда еще оно не казалось ему такимъ загадочнымъ, унылымъ и прекраснымъ.

Она помолчала и провела рукою по черному ореолу пушистыхъ волосъ.

— Слушай, другъ. Это было давно, тамъ, въ родной землѣ моей. Я была ребенкомъ. Однажды отецъ взялъ меня съ собою въ путешествіе. Мы посѣтили развалины древняго храма. Онѣ возвышались на мысѣ. Кругомъ было море. Чайки стонали. Волны съ шумомъ разбивались о черные камни, изглоданные соленою влагою, заостренные, какъ иглы. Пѣна взлетала и падала, стекая по игламъ камней шипящей струею. Отецъ мой читалъ полустертую надпись на обломкѣ мрамора. Я долго сидѣла одна на ступеняхъ передъ храмомъ, слушала море и дышала его свѣжестью, смѣшанной съ горькимъ благоуханіемъ полыни. Потомъ вошла въ покинутый храмъ. Колонны изъ пожелтѣвшаго мрамора стояли, почти не тронутыя временемъ, и между ними синее небо

казалось темнымъ; тамъ, въ высотѣ, изъ расщелинъ камней росли маки. Было тихо. Только заглушенный гулъ прибоя наполнялъ святилище какъ бы молитвеннымъ пѣніемъ. Я прислушалась къ нему,—и вдругъ сердце мое дрогнуло. Я упала на колѣни и стала молиться нѣкогда здѣсь обитавшему богу, неизвѣстному и оскорбленному людьми. Я цѣловала мраморныя плиты, плакала и любила его за то, что больше никто на землѣ не любитъ его и не молится ему,—за то, что онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ я больше никому никогда уже такъ не молилась. То былъ храмъ Діониса.

— Что вы, что вы, Кассандра,—проговорилъ Джіованни,—это грѣхъ и кощунство! Никакого бога Діониса нѣтъ и никогда не было.

— Не было, — повторила дѣвушка съ презрительной улыбкой, — а какъ же святые отцы, которымъ ты вѣришь, учатъ, что изгнанные боги въ тѣ времена, какъ Христосъ побѣдилъ, превратились въ могущественныхъ демоновъ? Какъ же въ книгѣ знаменитаго астролога Джіорджіо да Новара есть прорицаніе, основанное на точныхъ наблюденіяхъ надъ свѣтилами небесными: соединеніе планеты Юпитера съ Сатурномъ породило ученіе Моисеево, съ Марсомъ — халдейское, съ солнцемъ — египетское, съ Венерой — Магометово, съ Меркуріемъ — Христово, а грядущее соединеніе съ луной должно породить ученіе Антихристово,—и тогда умершіе боги воскреснутъ!

Раздался гулъ приближающагося грома. Зарницы вспыхивали все ярче, озаряя громадную, тяжелую тучу, которая медленно ползла. Назойливые звуки лютни по-прежнему дребезжали въ душной, грозной тишинѣ.

— О мадонна!—воскликнулъ Бельтраффіо, складывая руки съ горестной мольбой. — Какъ же вы не видите, — это дьяволъ искушаетъ васъ, чтобы вовлечь въ погибель? Будь онъ проклятъ, окаянный!

Дѣвушка быстро обернулась, положила ему обѣ руки на плечи и прошептала:

— А тебя онъ развѣ никогда не искушаетъ? Если ты такой праведный, Джіованни,—зачѣмъ ты ушелъ отъ учителя своего фра Бенедетто, зачѣмъ поступилъ въ мастерскую безбожника Леонардо да Винчи? Зачѣмъ ходишь сюда, ко мнѣ? Или ты не знаешь, что я—вѣдьма, а вѣдьмы—злыя, злѣе самого дьявола? Какъ же ты не боишься погубить со мной душу свою?

— Съ нами сила Господня!..—пролепеталъ онъ, вздрогнувъ.

Она молча приблизилась къ нему, вперила въ него глаза свои, желтые и прозрачные, какъ янтарь. Уже не зарница, а молнія разрѣзала тучу и освѣтила лицо ея, блѣдное, какъ лицо той мраморной богини, которая нѣкогда на Мельничномъ Холмѣ вышла передъ Джіованни изъ тысячелѣтней могилы.

— Она!..—подумалъ онъ съ ужасомъ,—опять она, Бѣлая Дьяволица!

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы вскочить, и не могъ. Чувствовалъ на щекѣ своей горячее дыханіе дѣвушки и прислушивался къ ея шопоту:

— Хочешь, я скажу тебѣ все, все до конца, Джіованни? Хочешь, милый, полетимъ со мною туда, гдѣ Онъ? Тамъ хорошо, тамъ не скучно! И ничего не стыдно, какъ во снѣ, какъ въ раю,—тамъ все позволено! Хочешь туда?

Холодный потъ выступилъ на лбу его. Но съ любопытствомъ, которое преодолѣвало ужасъ, онъ спросилъ:

— Куда?...

И, почти касаясь его щеки губами, она отвѣтила чуть слышно, какъ будто вздохнула, страстно и томно:

— На шабашъ!

Ударъ уже близкаго грома, потрясая небо и землю, загрохоталъ торжественными раскатами, полными грознаго веселья, подобными смѣху невидимыхъ подземныхъ великановъ, и медленно замеръ въ бездыханной тишинѣ.

Ни одинъ листъ не шелохнулся на деревьяхъ. Звуки дребезжащей лютни оборвались.

И въ то же мгновеніе раздался унылый, мѣрный звонъ монастырскаго колокола,—вечерній Angelus.

Джіованни перекрестился. Дѣвушка встала и молвила.

— Пора домой. Поздно. Видишь, факелы? Это герцогъ Моро ѣдетъ къ мессэру Галеотто. Я и забыла, что сегодня дядя долженъ показывать опытъ, —превращеніе свинца въ золото.

Послышался топотъ копытъ. Всадники вдоль канала отъ Верчельскихъ воротъ направлялись къ дому алхимика, который, въ ожиданіи герцога, кончалъ въ лабораторіи послѣднія приготовленія для предстоящаго опыта.

III.

Мессэръ Галеотто всю жизнь провелъ въ поискахъ философскаго камня.

Окончивъ медицинскій факультетъ Болонскаго университета, поступилъ онъ ученикомъ-фамулусомъ къ знаменитому въ тѣ времена адепту сокровенныхъ знаній, графу Бернардо Тревизано. Потомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ искалъ превращающаго Меркурія во всевозможныхъ веществахъ,—въ повареной соли и нашатырѣ, въ различныхъ металлахъ, самородномъ висмутѣ и мышьякѣ, въ человѣческой крови, желчи и волосахъ, въ животныхъ и растеніяхъ. Шесть тысячъ дукатовъ отцовскаго наслѣдія вылетѣли въ трубу плавильной печи. Истративъ собственныя деньги, принялся онъ за чужія. Заимодавцы посадили его въ тюрьму. Онъ бѣжалъ и въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ дѣлалъ опыты надъ яйцами, извелъ 20.000 штукъ. Затѣмъ работалъ съ папскимъ протонотаріемъ, маэстро Генрико, надъ купоросами, заболѣлъ отъ ядовитыхъ испареній, пролежалъ четырнадцать мѣсяцевъ,

всѣми покинутый, и едва не умеръ. Терпя нищету, униженія, преслѣдованія, посѣтилъ онъ странствующимъ лаборантомъ Испанію, Францію, Австрію, Голландію, сѣверную Африку, Грецію, Палестину и Персію. У короля венгерскаго подвергли его пыткѣ, надѣясь вывѣдать тайну превращенія. Наконецъ, уже старый, утомленный, но не разочарованный, вернулся онъ въ Италію, по приглашенію герцога Моро, и получилъ званіе придворнаго алхимика.

Середину лабораторіи занимала неуклюжая печь изъ огнеупорной глины съ множествомъ отдѣленій, заслонокъ, плавильниковъ и раздувальныхъ мѣхомъ. Въ одномъ углу, подъ слоемъ пыли, валялись закоптѣлые выгарки и окалины, подобные застывшей лавѣ.

Рабочій столъ загромождали сложные приборы—кубы, перегонные шлемы, химическіе пріемники, реторты, воронки, ступы, колбы со стеклянными пузырями и длинными горлами, змѣевидныя трубки, громадныя бутылки и крошечныя баночки. Острый запахъ отдѣлялся отъ ядовитыхъ солей, щелоковъ, кислотъ. Цѣлый таинственный міръ заключенъ былъ въ металлахъ,—семь боговъ Олимпа, семь планетъ небесныхъ: въ золотѣ—солнце, луна—въ серебрѣ, въ мѣди—Венера, въ желѣзѣ—Марсъ, въ свинцѣ—Сатурнъ, въ оловѣ—Юпитеръ, и въ живой, блистающей ртути—вѣчно подвижный Меркурій. Здѣсь были вещества съ именами варварскими, внушавшими страхъ непосвященнымъ: киноварный Мѣсяцъ, волчье Молоко, мѣдный Ахиллесъ, астеритъ, андродама, анагаллисъ, рапонтикумъ, аристолохія. Драгоцѣнная капля многолѣтнимъ трудомъ добытой львиной крови, которая исцѣляетъ всѣ недуги, даетъ вѣчную молодость,—алѣла, какъ рубинъ.

Алхимикъ сидѣлъ за рабочимъ столомъ. Худощавый, маленькій, сморщенный, какъ старый грибъ, но все еще живой, подвижный, неугомонно-бойкій, мессэръ Галеотто, подпирая голову обѣими руками, внимательно смотрѣлъ на колбу, которая съ тихимъ звономъ закипала и бурлила на голубоватомъ жидкомъ пламени спирта. То было «масло Венеры»—Oleum Veneris,—цвѣта прозрачно-зеленаго, какъ смарагдъ. Свѣча, горѣвшая рядомъ, кидала сквозь колбу изумрудный отблескъ на пергаментъ открытаго ветхаго фоліанта, сочиненіе арабскаго алхимика Джабира Абдаллы.

Услышавъ на лѣстницѣ говоръ и шаги, Галеотто всталъ, оглянулъ лабораторію,—все ли въ порядкѣ, сдѣлалъ знакъ слугѣ, молчаливому фамулусу, чтобы онъ подложилъ углей въ плавильную печь, и пошелъ навстрѣчу гостямъ.

IV.

Общество было веселое, только что послѣ ужина съ мальвазіей. Въ свитѣ герцога былъ главный придворный врачъ Марліани, человѣкъ съ большими свѣдѣніями въ алхиміи, и Леонардо да Винчи.

Дамы вошли,—и тихая келья ученаго наполнилась запахомъ духовъ, шелковымъ шелестомъ платьевъ, легкомысленнымъ женскимъ щебетаніемъ, смѣхомъ, словно птичьимъ гомономъ.

Одна изъ нихъ нечаянно задѣла рукавомъ и уронила стеклянную реторту.

— Ничего, синьора, не безпокойтесь,—молвилъ Галеотто съ любезностью,—я подберу осколки, чтобы вы не обрѣзали ножку.

Другая попробовало взять въ руку закоптѣлый кусокъ желѣзнаго выгарка, запачкала свѣтлую, надушенную фіалками, перчатку, и ловкій кавалеръ, тихонько пожимая маленькую ручку, старался кружевнымъ платкомъ отчистить пятно.

Бѣлокурая, шаловливая донзелла Діана, замирая отъ веселаго страха, прикоснулась къ чашкѣ, наполненной ртутью, пролила двѣ-три капли на столъ и, когда онѣ покатились блестящими шариками, вскрикнула отъ восхищенія:

— Смотрите, смотрите, синьоры, чудеса: жидкое серебро,—само бѣгаетъ, живое!

И донзелла Діана чуть не прыгала отъ радости, хлопая въ ладоши.

— Правда ли, что мы увидимъ чорта въ алхимическомъ огнѣ, когда свинецъ будетъ превращаться въ золото?—спросила своего любовника, испанскаго рыцаря Марадеса, хорошенькая, плутоватая Филиберта, жена стараго консула соляного приказа.—Какъ вы полагаете, мессэре, не грѣхъ ли присутствовать при такихъ опытахъ?

Филиберта была очень набожной, и про нее разсказывали, что любовнику позволяетъ она все, кромѣ поцѣлуя въ губы, полагая, что цѣломудріе не совсѣмъ нарушено, пока остаются невинными уста, которыми она клялась предъ алтаремъ въ супружеской вѣрности.

Алхимикъ подошелъ къ Леонардо и шепнулъ ему на ухо:

— Мессэре, вѣрьте, я умѣю цѣнить посѣщеніе такого человѣка, какъ вы...

Онъ крѣпко пожалъ ему руку. Леонардо хотѣлъ возразить, но старикъ перебилъ его, закивавъ головою:

— О, понимаю, все понимаю. Тайна для толпы! Но мы-то, вѣдь, кое-что разумѣемъ?...

Потомъ съ привѣтливой улыбкой обратился къ гостямъ:

— Съ позволенія моего покровителя, свѣтлѣйшаго герцога, такъ же, какъ этихъ дамъ, моихъ прелестныхъ владычицъ, приступаю къ опыту божественной метаморфозы. Вниманія, синьоры!

Для того, чтобы не могло возникнуть никакихъ сомнѣній въ достовѣрности опыта, онъ показалъ тигель, плавильный сосудъ съ толстыми стѣнками изъ огнеупорной глины, попросилъ, чтобы каждый изъ присутствующихъ осмотрѣлъ его, ощупалъ, постучалъ пальцами въ дно и убѣдился, что въ немъ нѣтъ никакого обмана, причемъ объяснилъ, что алхимики иногда скрываютъ золото въ плавильныхъ сосудахъ съ

двойнымъ дномъ, изъ которыхъ верхнее отъ сильнаго жара трескается и обнажаетъ золото. Куски олова, угля, раздувальные мѣха, палки для размѣшиванія застывающихъ окалинъ металла и остальные предметы, въ которыхъ могло или, повидимому, даже вовсе не могло быть спрятано золото, были также осмотрѣны.

Потомъ нарѣзали олово на малые куски, положили его въ тигель и поставили въ устье печи на пылающіе угли. Молчаливый, косоглазый фамулусъ, съ такимъ блѣднымъ, мертвеннымъ и угрюмымъ лицомъ, что одна дама чуть не упала въ обморокъ, принявъ его въ темнотѣ за дьявола, началъ работать громадными раздувальными мѣхами. Угли разгорались подъ шумною струею вѣтра.

Галеотто занималъ гостей разговоромъ. Между прочимъ возбудилъ онъ всеобщую веселость, назвавъ алхимію casta meretrix, «цѣломудренною блудницею», которая имѣетъ много поклонниковъ, всѣхъ обманываетъ, всѣмъ кажется доступной, но до сихъ поръ еще не бывала ни въ чьихъ объятіяхъ,—in nullos unquam pervenit amplexus.

Придворный врачъ Марліани, человѣкъ тучный и неуклюжій, съ обрюзглымъ, умнымъ и важнымъ лицомъ, сердито морщился, внимая болтовнѣ, потиралъ свой лобъ, наконецъ, не выдержалъ и произнесъ:

— Мессэре, не пора ли за дѣло? Олово уже кипитъ.

Галеотто досталъ синюю бумажку и развернулъ ее бережно. Въ ней оказался порошокъ свѣтло-желтаго, лимоннаго цвѣта, жирный, блестѣвшій, какъ стекло, натолченное крупно, пахнувшій жженою морскою солью. То была завѣтная тинктура, неоцѣнимое сокровище алхимиковъ, чудотворный камень мудрецовъ—lapis philosophorum.

Остріемъ ножа отдѣлилъ онъ едва замѣтную крупинку не болѣе рѣпнаго сѣмени, завернулъ въ бѣлый пчелиный воскъ, скаталъ шарикъ и бросилъ въ кипящее олово.

— Какую силу полагаете вы въ тинктурѣ?—сказалъ Марліани.

— Одна часть на 2.820 частей превращаемаго металла,—отвѣтилъ Галеотто,—конечно, тинктура еще несовершенна, но я думаю, что въ скоромъ времени достигну силы единицы на милліонъ. Довольно будетъ взять порошинку вѣсомъ съ просяное зерно, растворить въ бочкѣ воды, зачерпнуть скорлупою лѣсного орѣха и брызнуть на виноградникъ, чтобы уже въ маѣ появились спѣлыя гроздья! Mare tingerem, si Mercurius esset! Я превратилъ бы въ золото море, если бы ртути было достаточно!

Марліани пожалъ плечами и отвернулся. Хвастовство мессэра Галеотто взбѣсило его. Онъ началъ доказывать невозможность превращенія доводами схоластики и силлогизмами Аристотеля. Алхимикъ улыбнулся.

— Погодите, domine magister,—произнесъ онъ тихо,—сейчасъ я представлю силлогизмъ, который вамъ будетъ не легко опровергнуть.

Онъ бросилъ на угли горсть бѣлаго порошка. Облака дыма напол-

нили лабораторію. Съ шипѣніемъ и трескомъ вспыхнуло пламя, разноцвѣтное, какъ радуга, то голубое, то зеленое, то красное.

Въ толпѣ зрителей произошло смятеніе. Впослѣдствіи мадонна Филиберта разсказывала, что въ багровомъ пламени видѣла дьявольскую рожу. Алхимикъ длиннымъ чугуннымъ крючкомъ приподнялъ крышку на тигелѣ, раскаленную до бѣла: олово бурлило, пѣнилось и клокотало. Тигель снова закрыли. Мѣхъ засвистѣлъ, засопѣлъ—и, когда минутъ десять спустя въ олово погрузили тонкій желѣзный прутъ, всѣ увидѣли, что на концѣ его повисла желтая капля.

— Готово!—произнесъ алхимикъ.

Глиняный плавильникъ достали изъ печи, дали ему остынуть, разбили и, звеня и сверкая, передъ толпой, онѣмѣвшей отъ изумленія, выпалъ слитокъ золота.

Алхимикъ указалъ на него и, обращаясь къ Марліани, произнесъ торжественно:

— Solve mihi hunc syllogismum! Разрѣши мнѣ этотъ силлогизмъ!

— Неслыхано... невѣроятно... противъ всѣхъ законовъ природы и логики!—пролепеталъ Марліани въ смущеніи, разводя руками.

Лицо мессэра Галеотто было блѣдно. Глаза горѣли вдохновенно. Онъ возвелъ ихъ къ небу и воскликнулъ:

— Laudetur Deus in aeternum, qui partem suae infinitae potentiae nobis, suis abjectissimis creaturis communicavit. Amen.

— Слава Вышнему Богу, который намъ, недостойнѣйшимъ тварямъ, даруетъ часть безконечнаго могущества Своего. Аминь.

При испытаніи золота на смоченномъ селитренною кислотою пробирномъ камнѣ, осталась желтая, блестящая полоска: оно оказалось чище самаго тонкаго венгерскаго и арабскаго.

Всѣ окружили старика, поздравляли, пожимали ему руки.

Герцогъ Моро отвелъ его въ сторону:

— Будешь ли ты мнѣ служить вѣрой и правдой?

— Я хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ одну жизнь, чтобъ посвятить ихъ всѣ на служеніе вашей свѣтлости,—отвѣчалъ алхимикъ.

— Смотри же, Галеотто, чтобы никто изъ другихъ государей...

— Ваше высочество, если кто-нибудь изъ нихъ только пронюхаетъ,—велите повѣсить меня, какъ собаку!

И, помолчавъ, съ подобострастнымъ поклономъ прибавилъ:

— Я попрошу васъ...

— Какъ? Опять?

— О, послѣдній разъ, видитъ Богъ—послѣдній.

— Сколько?

— Пять тысячъ дукатовъ.

Герцогъ подумалъ, выторговалъ одну тысячу и согласился.

Было поздно. Мадонна Беатриче могла обезпокоится. Собрались уѣзжать. Хозяинъ, провожая гостей, каждому поднесъ на память кусочекъ новаго золота. Леонардо остался.

*

V.

Когда гости уѣхали, Галеотто подошелъ къ нему и сказалъ:

— Учитель, какъ вамъ понравился опытъ?

— Золото было въ палкахъ,—отвѣчалъ Леонардо спокойно.

— Въ какихъ палкахъ? Что вы хотите сказать, мессэре?

— Въ палкахъ, которыми вы мѣшали олово. Я видѣлъ все.

— Вы сами осматривали ихъ?

— Нѣтъ, не тѣ.

— Какъ, не тѣ? Позвольте!

— Я же говорю вамъ, что видѣлъ все,—повторилъ Леонардо съ улыбкой,—не отпирайтесь, Галеотто. Золото спрятано было внутри выдолбленныхъ палокъ и, когда деревянные концы ихъ обгорѣли, оно выпало въ тигель.

У старика подкосились ноги. На лицѣ его было выраженіе покорное и жалкое, какъ у пойманнаго вора.

Леонардо подошелъ и положилъ ему руку на плечо.

— Не бойтесь,—никто не узнаетъ. Я не скажу.

Галеотто схватилъ его руку и съ усиліемъ проговорилъ:

— Правда? Не скажете?

— Нѣтъ. Я не желаю вамъ зла. Только зачѣмъ вы?..

— О мессэръ Леонардо,—воскликнулъ Галеотто, и сразу послѣ безмѣрнаго отчаянія такая же безмѣрная надежда вспыхнула въ глазахъ его.—Клянусь вамъ Богомъ, если оно и вышло такъ, какъ будто я обманываю, то вѣдь это на время, на самое короткое время и для блага герцога, для торжества науки,—потому что я вѣдь нашелъ, я въ самомъ дѣлѣ нашелъ камень мудрецовъ! Пока-то еще у меня его нѣтъ, но можно сказать, что онъ уже есть, все равно, что есть, ибо я путь нашелъ, а вы знаете, въ этомъ дѣлѣ главное—путь. Еще три—четыре опыта, и кончено! Что же было дѣлать, учитель? Неужели такой маленькой лжи не стоитъ открытіе величайшей истины?..

— Что это мы съ вами, мессэръ Галеотто, точно въ жмурки играемъ,—молвилъ Леонардо, пожимая плечами.—Вы знаете такъ же хорошо, какъ я, что превращеніе металловъ—вздоръ, что камня мудрецовъ нѣтъ и быть не можетъ. Алхимія, некромантія, черная магія также, какъ всѣ прочія науки, не основанныя на точномъ опытѣ и математикѣ—обманъ или безуміе,—раздуваемое вѣтромъ знамя шарлатановъ, за которымъ слѣдуетъ глупая чернь, прославляя своимъ лаемъ ихъ могущество...

Алхимикъ продолжалъ смотрѣть на Леонардо широко-открытыми, ясными и круглыми отъ изумленія глазами. Вдругъ склонилъ онъ голову на бокъ, лукаво прищурилъ одинъ глазъ и засмѣялся:

— А вотъ уже это и нехорошо, учитель, право нехорошо! Развѣ я непосвященный, что ли? Какъ будто мы не знаемъ, что вы—вели-

чайшій изъ алхимиковъ, обладатель сокровеннѣйшихъ тайнъ природы, новый Гермесъ Трисмегистъ и Прометей!

— Я?

— Ну да, вы, конечно.

— Шутникъ вы, мессэръ Галеотто!

— Нѣтъ, это вы шутникъ, мессэръ Леонардо! Ай, ай, ай, какой же вы скрытный и хитрый! Видалъ я на своемъ вѣку алхимиковъ ревнивыхъ къ тайнѣ науки, но такого—еще никогда!

Леонардо внимательно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ разсердиться и не могъ.

— Такъ, значитъ, вы въ самомъ дѣлѣ,—произнесъ онъ съ невольной улыбкой,—вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите?

— Вѣрю ли — воскликнулъ Галеотто, — да знаете ли вы, мессэре, что, если бы самъ Богъ сошелъ ко мнѣ сейчасъ и сказалъ: Галеотто, камня мудрецовъ нѣтъ, — я отвѣтилъ бы ему: Господи, какъ то, что Ты создалъ меня,—истинно, что камень есть, и что я его найду!

Леонардо болѣе не возражалъ, не возмущался и слушалъ съ любопытствомъ.

Когда зашла рѣчь о помощи дьявола въ сокровенныхъ наукахъ, алхимикъ съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ, что дьяволъ есть самое бѣдное созданіе во всей природѣ, что нѣтъ ни единаго существа въ мірѣ болѣе слабаго, чѣмъ онъ. Старикъ вѣрилъ только во всемогущество человѣческихъ знаній, утверждалъ, что для науки все возможно.

Потомъ вдругъ, безъ всякаго перехода, какъ будто вспомнивъ что-то забавное и милое, спросилъ, часто ли видаетъ Леонардо стихійныхъ духовъ. Когда же собесѣдникъ признался, что онъ еще ни разу ихъ не видѣлъ, Галеотто опять не повѣрилъ и съ удовольствіемъ подробно объяснилъ, что у Саламандры тѣло продолговатое, пальца полтора въ длину, пятнистое, тонкое и жесткое, а у Сильфиды прозрачно-голубое, какъ небо, и воздушное. Разсказалъ о нимфахъ, ундинахъ, живущихъ въ водѣ, подземныхъ гномахъ и пигмеяхъ, растительныхъ дурдалахъ и рѣдкихъ діемеяхъ, обитателяхъ драгоцѣнныхъ камней.

— Я вамъ и передать не могу,—заключилъ онъ свой разсказъ,— какіе они добрые и прелестные...

— Почему же стихійные духи являются не всѣмъ, а только избраннымъ?—спросилъ Леонардо.

— Какъ можно—всѣмъ?—отвѣтилъ Галеотто.—Они боятся грубыхъ людей,—развратниковъ, ученыхъ, пьяницъ, обжоръ. Любятъ дѣтскую простоту и невинность. Они только тамъ, гдѣ нѣтъ злобы и хитрости. Иначе становятся пугливыми, какъ дикіе лѣсные звѣри, и прячутся отъ взоровъ человѣка въ родную стихію.

Лицо старика озарилось мечтательной, нѣжной улыбкой,

«Какой странный, бѣдный и милый человѣкъ!»—подумалъ Леонардо, уже не чувствуя негодованія на алхимичекія бредни, стараясь гово-

рить съ нимъ бережно, какъ съ ребенкомъ, готовый притвориться обладателемъ какихъ угодно тайнъ, только бы не огорчить мессэра Галеотто.

Они расстались друзьями.

Когда Леонардо уѣхалъ, алхимикъ погрузился въ новый опытъ съ масломъ Венеры.

VI.

Въ то время передъ громаднымъ очагомъ, въ нижней горницѣ, находившейся подъ лабораторіей, сидѣла хозяйка мона Сидонія и Кассандра.

Надъ вязанкой пылающихъ стеблей корицы висѣлъ чугунный котелъ, въ которомъ варилась похлебка съ чеснокомъ и рѣпою на ужинъ. Однообразнымъ движеніемъ сморщенныхъ пальцевъ старуха вытягивала изъ кудели и сучила нить, то подымая, то опуская быстро вращавшееся веретено. Кассандра глядѣла на пряху и думала: опять все то же, опять сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня; сверчокъ поетъ, скребется мышь, жужжитъ веретено, трещатъ сухіе стебли корицы, пахнетъ чеснокомъ и вареною рѣпою; опять старуха тѣми же словами попрекаетъ ее, точно пилитъ тупою пилою: она, мона Сидонія, бѣдная женщина, хотя люди болтаютъ, что кубышка съ деньгами зарыта у нея въ виноградникѣ. Но это вздоръ. Мессэръ Галлеотто разоряетъ ее. Оба, дядя и племянница, сидятъ у нея на шеѣ, прости Господи! Она держитъ и кормитъ ихъ только по добротѣ сердечной. Но мона Кассандра уже не маленькая: надо подумать о будущемъ. Дядя умретъ и оставитъ ее нищею. Отчего бы не выйти ей замужъ за богатаго лошадинаго барышника изъ Абіатеграссо, который давно уже сватается? Правда, онъ не молодъ,—зато человѣкъ разсудительный, богобоязненный, не вѣтрогонъ, не шалопай. У него — лабазъ, мельница, оливковый садъ съ новымъ точиломъ. Господь посылаетъ ей счастія. Зачѣмъ же дѣло стало? Какого ей рожна?

Мона Кассандра слушала, и тяжелая скука подкатывалась комомъ къ ея горлу, душила, сжимала виски, такъ что хотѣлось плакать, кричать отъ скуки, какъ отъ боли.

Старуха вынула изъ котелка дымящуюся рѣпу, проколола острой деревянной палочкой, очистила ножомъ, облила густымъ, алымъ винограднымъ морсомъ и начала ѣсть, чавкая беззубымъ ртомъ.

Молодая дѣвушка обычнымъ движеніемъ, съ видомъ покорнаго отчаянія, потянулась и заломила надъ головой свои тонкіе, блѣдные пальцы.

Когда, послѣ ужина, сонная пряха, какъ унылая парка, закивала головой, и глаза ея начали слипаться, скрипучій голосъ сдѣлался лѣнивымъ, болтовня о лошадиномъ барышникѣ несвязной, — Кассандра вынула украдкой изъ-подъ одежды подарокъ отца, мессэра Луиджи,

талисманъ, висѣвшій на тонкомъ шнуркѣ, драгоцѣнный камень, согрѣтый ея тѣломъ,—подняла его передъ глазами такъ, чтобы пламя очага просвѣчивало, и стала смотрѣть на изображеніе Вакха: въ темно-лиловомъ сіяніи аметиста выступалъ передъ нею, какъ видѣніе, обнаженный юноша Вакхъ съ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградною кистью въ другой; скачущій барсъ хотѣлъ лизнуть эту кисть языкомъ. И любовью къ прекрасному богу полно было сердце Кассандры.

Она тяжело вздохнула, спрятала талисманъ и молвила робко:

— Мона Сидонія, сегодня ночью въ Барко ди Феррара и въ Беневентѣ собираются... Тетушка!.. Добрая, милая!.. Мы и плясать не будемъ... Только взглянемъ и сейчасъ—назадъ. Я сдѣлаю все, что хотите, я подарокъ у барышника выманю,—только полетимъ, полетимъ сегодня,—сейчасъ!..

Въ глазахъ ея сверкнуло безумное желаніе. Старуха посмотрѣла на нее, и вдругъ синеватыя, морщинистыя губы ея широко осклабились, открывая единственный, клыкообразный, желтый зубъ. Лицо сдѣлалось страшнымъ и веселымъ.

— Хочется?—молвила она,—очень, а? Во вкусъ вошла? Вишь, бѣдовая дѣвка! Каждую бы ночь летала, не удержишь! Помни же, Кассандра: грѣхъ на твоей душѣ. У меня сегодня и въ мысляхъ не было. Я только для тебя, по добротѣ сердечной...

Не торопясь, обошла старуха горницу, закрыла наглухо ставни, заткнула щели тряпицами, заперла двери на ключъ, залила водою золу въ очагѣ, засвѣтила огарокъ чернаго волшебнаго сала и вынула изъ желѣзнаго рундучка глиняный горшокъ съ остро-пахучею мазью. Она притворялась медлительной и благоразумной. Но руки у нея дрожали, какъ у пьяной, маленькіе глазки то становились мутными и шалыми, то вспыхивали, какъ уголья, отъ вожделѣнія. Кассандра вытащила на середину горницы два большихъ корыта, употребляемыхъ для закваски хлѣбнаго тѣста.

Окончивъ приготовленія, мона Сидонія раздѣлась до нага, поставила горшокъ между корытами, сѣла въ одно изъ нихъ, верхомъ на помело и стала натирать себя по всему тѣлу жирною, зеленоватою мазью изъ горшка. Пронзительный запахъ наполнилъ горницу. Это снадобье для полета вѣдьмъ приготовлялось изъ ядовитаго латука, болотнаго сельдерея, болиголова, паслёна, корней мандрагоры, снотворнаго мака, бѣлены, замѣиной крови и жира некрещеныхъ, колдуньями замученныхъ, дѣтей.

Кассандра отвернулась, чтобы не видѣть уродства голаго тѣла старухи. Въ послѣднее мгновеніе, когда уже было близко и неминуемо то, чего ей такъ хотѣлось, изъ глубины ея сердца подымалось омерзѣніе.

— Ну, ну, чего копаешься? — проворчала старая вѣдьма, сидя на корточкахъ въ корытѣ,—сама же торопила, а теперь кочевряжешься. Я одна не полечу. Раздѣвайся!

— Сейчасъ. Потушите огонь, мона Сидонія. Я не могу при свѣтѣ...

— Вишь ты, скромница! А на Горѣ-то небось не стыдишься?..

Она задула огарокъ, сотворивъ въ угоду дьяволу, принятое вѣдьмами, кощунственное крестное знаменіе лѣвою рукою. Молодая дѣвушка раздѣлась, только нижней сорочки не сняла. Потомъ стала на колѣни въ корыто и начала поспѣшно натираться мазью.

Въ темнотѣ слышалось бормотаніе старухи,—безсмысленныя, отрывочныя слова заклинаній:

— Emen Hetan, Emen Hetan. Палудъ, Баальберитъ, Астаротъ — помогите! Agora, agora, Patrisa—помогите!

Жадно вдыхала Кассандра крѣпкій запахъ волшебнаго зелья. Кожа на тѣлѣ горѣла. Голова кружилась. Сладостный холодъ пробѣгалъ по спинѣ. Красные и зеленые круги, сливаясь, поплыли передъ глазами, и какъ будто издалека вдругъ донесся пронзительный, торжествующій крикъ моны Сидоніи:

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая!

VII.

Изъ трубы очага вылетѣла Кассандра, сидя верхомъ на черномъ козлѣ съ мягкою шерстью, пріятною для голыхъ ногъ. Восторгъ наполнялъ ея душу, и, задыхаясь, она кричала, визжала, какъ ласточка, утопающая въ небѣ:

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Летимъ! Летимъ!

Нагая, простоволосая, безобразная тетка Сидонія мчалась рядомъ, верхомъ на помелѣ.

Онѣ летѣли такъ быстро, что разсѣкаемый воздухъ свистѣлъ въ ушахъ, какъ ураганъ.

— Къ сѣверу! Къ сѣверу!—кричала старуха, направляя свое помело, какъ послушнаго коня.

Кассандра упивалась полетомъ.

«А механикъ-то нашъ, бѣдный Леонардо да Винчи со своими летательными машинами!»—вспомнила она вдругъ,—и ей сдѣлалось еще веселѣе.

То подымалась она въ высоту: черныя тучи громоздились подъ нею, и въ нихъ трепетали голубыя молвіи. Вверху было ясное небо съ полнымъ мѣсяцемъ, громаднымъ, ослѣпительнымъ, круглымъ, какъ мельничный жерновъ, и такимъ близкимъ, что, казалось, можно было рукою прикоснуться къ нему.

То снова внизъ направляла она козла, ухвативъ его за крутые рога, и летѣла стремглавъ, какъ сорвавшійся камень, въ бездну.

— Куда? Куда? Шею сломаешь! Взбѣсилась ты, чортова дѣвка?—вопила тетка Сидонія, едва поспѣвая за ней.

И онѣ уже мчались такъ близко къ землѣ, что сонныя травы въ

болотѣ шуршали, блуждающіе огни освѣщали имъ путь, голубыя гнилушки мерцали, филинъ, выпь, козодой жалобно перекликались въ дремучемъ лѣсу.

Онѣ перелетѣли черезъ вершины Альпъ, сверкавшія на лунѣ прозрачными глыбами льда и опустились къ поверхности моря. Кассандра, зачерпнувъ воду рукою, подбрасывала ее вверхъ, любуясь сапфирными брызгами.

Съ каждымъ мигомъ полетъ становился быстрѣе. Попадались все чаще попутчики: сѣдой, косматый колдунъ въ громадномъ ушатѣ, веселый каноникъ, толстобрюхій, румянорожій, какъ Силенъ,—на кочергѣ, бѣлокурая дѣвочка лѣтъ десяти, съ невиннымъ лицомъ, съ голубыми глазами, — на вѣникѣ, молодая, голая, рыжая вѣдьма - людоѣдка — на громадномъ хрюкающемъ боровѣ, и множество другихъ.

— Откуда, сестрицы?—крикнула тетка Сидонія.

— Изъ Эллады, съ острова Кандіи!

Другіе голоса отвѣчали:

— Изъ Валенціи. Съ Брокена. Изъ Салагуцци подъ Мирандолой. Изъ Беневента. Изъ Норчіи.

— Куда?

— Въ Битернъ! Въ Битернъ! Тамъ празднуетъ свадьбу великій Козелъ—el Boch de Biterne. Летите, летите! Собирайтесь на вечерю!

Теперь уже цѣлою стаей, какъ вороны, неслись онѣ надъ печальной равниной.

Въ туманѣ луна казалась багровой. Вдали затеплился крестъ одинокаго сельскаго храма. Рыжая, та, что скакала верхомъ на свиньѣ, съ визгомъ подлетѣла къ церкви, сорвала большой колоколъ, швырнула его со всего размаха въ болото и, когда онъ шлепнулся въ лужу съ жалобнымъ звономъ,—захохотала, точно залаяла. Бѣлокурая дѣвочка на вѣникѣ захлопала въ ладоши съ шаловливою радостью.

VIII.

Луна спряталась за тучи. При свѣтѣ крученыхъ изъ воска зеленыхъ факеловъ, съ пламенемъ яркимъ и синимъ, какъ молнія, на бѣлоснѣжномъ, мѣловомъ плоскогоріи ползали, бѣгали, переплетались и расходились громадныя, черныя, какъ уголь, тѣни пляшущихъ вѣдьмъ.

— Гарръ! Гарръ! Шабашъ, шабашъ! Справа налѣво, справа налѣво!

Вокругъ Ночного Козла—Hyrcus Nocturnus, возсѣдавшаго на скалѣ, тысячи за тысячами, онѣ проносились, какъ черные, гнилые листья осени, безъ конца, безъ начала.

— Гарръ! Гарръ! Славьте Ночного Козла! El Boch de Biterne! El Boch de Biterne! Кончились всѣ наши бѣдствія! Радуйтесь!

Тонко и сипло пищали волынки изъ выдолбленныхъ мертвыхъ костей; и барабанъ, натянутый кожею висѣльниковъ, ударяемый волчьимъ

хвостомъ, мѣрно и глухо гудѣлъ, рокоталъ: «тупъ, тупъ, тупъ». Въ гигантскихъ котлахъ закипала ужасная снѣдь, несказанно-лакомая, хотя и не соленая, ибо здѣшній Хозяинъ ненавидѣлъ соль.

Въ укромныхъ мѣстечкахъ заводились любовныя шашни—дочерей съ отцами, братьевъ съ сестрами, черпаго кота-оборотня, жеманнаго, зеленоглазаго, съ маленькой, тонкой и блѣдной, какъ лилія, покорною дѣвочкой,—безликаго, сѣраго, какъ паукъ, шаршаваго инкуба съ безстыдно оскалившей зубы монахиней. Всюду копошились мерзостныя пары.

Бѣлотѣлая, жирная вѣдьма-исполинша съ глупымъ и добрымъ лицомъ, съ материнской улыбкой кормила двухъ новорожденныхъ бѣсенятъ: прожорливые сосунки жадно припали къ ея могучей груди и, громко чмокая, глотали молоко.

Трехлѣтнія дѣти, еще не принимавшія участія въ шабашѣ, скромно пасли на окраинѣ поля стадо бугорчатыхъ жабъ съ колокольчиками, одѣтыхъ въ пышныя попонки изъ кардинальскаго пурпура, откормленныхъ святыми гостіями.

— Пойдемъ, пойдемъ плясать! — нетерпѣливо тащила Кассандру тетка Сидонія.

— Лошадиный барышникъ увидитъ! — молвила дѣвушка смѣясь.

— Песъ его заѣшь, лошадинаго барышника!—отвѣчала старуха.

И обѣ пустились въ пляску, которая закружила, понесла ихъ, какъ буря,—съ гуломъ, воемъ, визгомъ, ревомъ и хохотомъ:

— Гарръ! Гарръ! Справа налѣво! Справа налѣво!

Чьи-то длинные, мокрые, словно моржевые усы, сзади кололи шею Кассандрѣ; чей-то тонкій, твердый хвостъ щекоталъ ее спереди; кто-то ущипнулъ больно и безстыдно; кто-то укусилъ, прошептавъ ей на ухо чудовищную ласку. Но она не противилась: чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше, чѣмъ страшнѣе,—тѣмъ упоительнѣе.

Вдругъ всѣ мгновенно остановились, какъ вкопанные, окаменѣли и замерли.

Отъ чернаго престола, гдѣ возсѣдалъ Невѣдомый, окруженный ужасомъ, послышался глухой и хриплый голосъ, подобный гулу землетрясенія:

— Примите дары мои,—кроткіе—силу мою, смиренные—гордость мою, нищіе духомъ—знаніе мое, скорбные сердцемъ—радость мою, — примите!

Благолѣпный, сѣдобородый старикъ, одинъ изъ верховныхъ членовъ святѣйшей инквизиціи, патріархъ колдуновъ, служившій черную мессу, торжественно провозгласилъ:

— Sanctificetur nomen tuum per universum mundum,—et libera nos ab omni malo.—Поклонитесь, поклонитесь, вѣрные!

Всѣ пали ницъ, и, подражая церковному пѣнію, грянулъ кощунственный хоръ:

— Credo in Deum patrem Luciferum, qui creavit coelum et terram. Et in filium ejus Belzebub.

Когда послѣдніе звуки умолкли, и опять наступила тишина, раздался тотъ же голосъ, подобный гулу землетрясенія:

— Приведите невѣсту мою неневѣстную, голубицу мою непорочную!

Первосвященникъ вопросилъ:

— Какъ имя невѣсты, голубицы моей непорочной?

— Мадонна Кассандра! Мадонна Кассандра!—прогудѣло въ отвѣтъ.

Услышавъ имя свое, вѣдьма почувствовала, какъ въ жилахъ ея леденѣетъ кровь, волосы встаютъ дыбомъ на головѣ.

— Мадонна Кассандра! Мадонна Кассандра! — проносилось надъ толпой,—гдѣ она? Гдѣ владычица наша? Ave, archisponsa Cassandra!

Она закрыла лицо руками, хотѣла бѣжать,—но въ это же мгновеніе костяные пальцы, когти, щупальцы, хоботы, шершавыя паучьи лапы протянулись, охватили ее, сорвали рубашку, и голую, дрожащую повлекли къ престолу.

Козлинымъ смрадомъ, холодомъ смерти пахнуло ей въ лицо. Она потупила глаза, чтобы не видѣть.

Тогда сидѣвшій па престолѣ молвилъ:

— Приди!

Она еще ниже опустила голову и увидѣла у самыхъ ногъ своихъ огненный крестъ, сіяющій во мракѣ.

Она сдѣлала послѣднее усиліе, побѣдила омерзѣніе, сдѣлала шагъ и подняла глаза свои на того, кто всталъ передъ нею.

И чудо совершилось.

Козлиная шкура упала съ него, какъ чешуя съ линяющаго змѣя, и древній олимпійскій богъ Діонисъ предсталъ передъ моной Кассандрой, съ улыбкой вѣчнаго веселья на губахъ, съ поднятымъ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградною кистью въ другой; пантера прыгала, стараясь лизнуть эту кисть языкомъ.

И въ то же мгновеніе дьявольскій шабашъ превратился въ божественную оргію Вакха: старыя вѣдьмы—въ юныхъ менадъ, чудовищные демоны—въ козлоногихъ сатировъ; и тамъ, гдѣ были мертвыя глыбы мѣловыхъ утесовъ,—вознеслись колонады изъ бѣлаго мрамора, освѣщеннаго солнцемъ, между ними вдали засверкало лазурное море, и Кассандра увидѣла въ облакахъ весь лучезарный сонмъ боговъ Эллады.

Сатиры, вакханки, ударяя въ тимпаны, поражая себя ножами въ сосцы, выжимая сокъ винограда въ золотые кратеры и смѣшивая его съ собственной кровью, плясали, кружились и пѣли:

— Слава, слава Діонису! Воскресли великіе боги! Слава великимъ богамъ!

Обнаженный юноша Вакхъ открылъ объятья Кассандрѣ, и голосъ его подобенъ былъ грому, потрясшему небо и землю.

— Приди, приди, невѣста моя, голубица моя непорочная!

Кассандра упала въ объятія бога.

IX.

Послышался утренній крикъ пѣтуха. Запахло туманомъ и ѣдкою, дымною сыростью. Откуда-то изъ безконечной дали донесся торжественный благовѣстъ колокола. Отъ этого звука на горѣ произошло великое смятеніе: вакханки опять превратились въ чудовищныхъ вѣдьмъ, козлоногіе фавны въ уродливыхъ дьяволовъ и богъ Діонисъ—въ Ночного Козла, въ смраднаго Hyrcus Nocturnus.

— Домой, домой! Бѣгите, спасайтесь!

— Кочергу мою украли!—съ отчаяніемъ вопилъ толстобрюхій каноникъ-Силенъ и метался, какъ угорѣлый.

— Боровъ, боровъ, ко мнѣ!—кликала рыжая, голая, пожимаясь отъ утренней сырости, кашляя.

Заходящій мѣсяцъ выплылъ изъ-за тучъ, и въ его багровомъ отблескѣ, взвиваясь рой за роемъ, перетрусившія вѣдьмы, какъ черныя мухи, разлетались съ Мѣловой Горы.

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Спасайтесь, бѣгите!

Ночной Козелъ заблеялъ жалобно и провалился сквозь землю, распространяя зловоніе удушливой сѣры.

Церковный благовѣстъ гудѣлъ все торжественнѣе.

X.

Кассандра очнулась на полу темной горницы въ домикѣ у Верчельскихъ воротъ.

Ее тошнило, какъ съ похмѣлья. Голова была точно налита свинцомъ. Тѣло разбито усталостью.

Колоколъ сосѣдней обители св. Редегонды звенѣлъ уныло и однообразно. Сквозь этотъ звонъ раздавался упорный, должно быть уже давній стукъ въ наружную дверь. Кассандра прислушалась и узнала голосъ жениха своего, лошадинаго барышника изъ Абіатеграссо.

— Отоприте! Отоприте! Мона Сидонія! Мона Кассандра! Оглохли всѣ вы, что ли? Какъ собака, промокъ. Не возвращаться же назадъ по этой чертовской слякоти!

Дѣвушка встала съ усиліемъ, подошла къ окну, наглухо закрытому ставнями, вынула паклю, которую тетка Сидонія тщательно заткнула щели. Свѣтъ печальнаго дня упалъ синеватой полоской, озаряя голую, старую вѣдьму, спавшую мертвымъ сномъ на полу рядомъ съ опрокинутой квашнею. Кассандра заглянула въ щель.

Утро было ненастное. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Передъ дверями дома за мутною сѣткой дождя виднѣлся влюбленный барышникъ. Рядомъ стоялъ, низко понуривъ голову, вислоухій, крошечный осликъ, запряженный въ повозку. Изъ нея выставилъ морду теленокъ со связанными ногами, порой издавая мычаніе.

Барышникъ, не унимаясь, стучалъ все громче.

Кассандра ждала, чѣмъ это кончится.

Наконецъ, ставня на верху, въ одномъ изъ оконъ лабораторіи стукнула. Выглянулъ старый алхимикъ, не выспавшійся, съ взъерошенными волосами, съ угрюмымъ и злымъ лицомъ, какое бывало у него въ тѣ мгновенія, когда, пробуждаясь отъ грезъ, онъ начиналъ сознавать, что свинецъ не можетъ превратиться въ золото.

— Кто тутъ буянитъ?—молвилъ онъ, высовываясь изъ окна,—чего тебѣ нужно? Рехнулся ты, что ли, старый хрычъ? Да пошлетъ тебѣ Господь безвременія. Развѣ не видишь—всѣ въ домѣ спятъ. Убирайся!

— Мессэръ Галеотто! Помилуйте, за что же вы ругаетесь? Я по важному дѣлу,—насчетъ племянницы вашей. Вотъ и теленочка молочнаго въ подарочекъ...

— Къ чорту!—закричалъ Галеотто съ яростью,—убирайся негодяй, со своимъ теленкомъ къ черту подъ хвостъ!

И ставня захлопнулась. Озадаченный барышникъ на минуту притихъ. Но тотчасъ, опомнившись, съ удвоенной силой принялся стучать кулаками, какъ будто хотѣлъ выломать дверь.

Осликъ еще ниже понурилъ голову. Дождевыя струйки медленно стекали по его безнадежно-висѣвшимъ, мокрымъ ушамъ.

— Господи, какая скука!—прошептала мона Кассандра и закрыла глаза.

Ей припомнилось веселіе безумнаго шабаша, превращеніе Ночного Козла въ Діониса, воскресеніе великихъ боговъ, и она подумала:

— Во снѣ это было или наяву? Должно быть, во снѣ. А вотъ то, что теперь,—наяву. Послѣ воскресенія—понедѣльникъ!

— Отоприте! Отоприте!—вопилъ барышникъ уже осипшимъ, отчаяннымъ голосомъ.

Тяжелыя капли изъ водосточной трубы однозвучно шлепались въ грязную лужу. Теленокъ жалобно мычалъ. Монастырскій колоколъ звенѣлъ уныло и торжественно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Да будетъ воля Твоя.

1494.

O mirabile giustizia di te, Primo Motore, tu non ài voluto mancare a nessuna potenzia l'ordine e qualità de'sua necessari effetit.—O stupenda neccessità!

Leonardo da Vinci.

О дивная справедливость твоя, Первый Двигатель, ты не пожелалъ лишить никакую силу порядка и качества необходимыхъ дѣйствій.—О божественная Необходимость!

Изъ Механики Леонардо да Винчи.

Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ. *Молитва Господня.*

I.

Миланскій гражданинъ, башмачникъ Корболо, вернувшись ночью домой навеселѣ, получилъ отъ жены, по собственному выраженію, больше ударовъ, чѣмъ нужно для того, чтобы лѣнивый оселъ дошелъ отъ Милана до Рима. По утру, когда отправилась она къ сосѣдкѣ своей, лоскутницѣ, отвѣдать «мильяччи» — студня изъ свиной крови, Корболо ощупалъ въ мошнѣ нѣсколько утаенныхъ отъ супруги монетъ, оставилъ лавченку на попеченіе подмастерія и пошелъ опохмѣлиться.

Засунувъ руки въ карманы истертыхъ штановъ, выступалъ онъ лѣнивой походкой по извилистому темному переулку, такому тѣсному, что всадникъ, встрѣтившись съ пѣшимъ, долженъ былъ задѣть его носкомъ или шпорой. Пахло чадомъ оливковаго масла, тухлыми яйцами, кислымъ виномъ и плѣсенью погребовъ.

Насвистывая пѣсенку, поглядывая вверхъ на узкую полосу темносиняго неба между высокими домами, на пронизанныя утреннимъ солнцемъ пестрыя лохмотья и тряпки, развѣшанныя хозяйками на веревкахъ черезъ улицу, Корболо утѣшалъ себя мудрою пословицей, которой, впрочемъ, самъ никогда не приводилъ въ исполненіе:

«Mala femina, buona femina vuol bostone. Всякая женщина злая и добрая въ палкѣ нуждается».

Для сокращенія пути прошелъ онъ черезъ соборъ.

Здѣсь была вѣчная суета, какъ на рынкѣ. Изъ одной двери въ другую, несмотря на пеню въ пять сольдовъ, назначенную строителями,—проходило множество людей съ брентами вина, корзинами, плетенками, ящиками, лотками, досками, бревнами, узлами, даже съ мулами и лошадьми.

Патеры служили молебны гнусливыми голосами. Слышался шопотъ въ исповѣдальняхъ, горѣли лампады на алтаряхъ, а рядомъ уличные мальчишки играли въ чехарду, собаки обнюхивались, толкались ободранные нищіе.

Корболо остановился на минуту въ толпѣ ротозѣевъ, съ лукавымъ и добродушнымъ удовольствіемъ прислушиваясь къ перебранкѣ двухъ монаховъ.

Братъ Чипполо, босоногій францисканецъ, низенькій, рыжій, съ веселымъ лицомъ, круглымъ и маслянымъ, какъ пышка, доказывалъ своему противнику доминиканцу брату Тимотео, что Францискъ, будучи подобенъ Христу въ сорока отношеніяхъ, занялъ мѣсто, оставшееся на небѣ свободнымъ послѣ паденія Люцифера, и что сама Божья Матерь не могла бы отличить его стигматовъ отъ крестныхъ ранъ Іисуса.

Угрюмый, высокій и блѣднолицый братъ Тимотео противопоставлялъ язвамъ серафимскаго угодника язвы Св. Катерины, у которой на лбу былъ кровавый слѣдъ терноваго вѣнца, чего у Св. Франциска не было.

Корболо долженъ былъ прищурить глаза отъ солнца, выйдя изъ тѣни собора на площадь Аренго, самое бойкое мѣсто въ Миланѣ, загроможденное лавками мелкихъ торговцевъ, рыбниковъ, лоскутниковъ и зеленщицъ, такимъ множествомъ ящиковъ, навѣсовъ и лотковъ, что между ними едва оставался узкій проходъ. Съ незапамятныхъ временъ угнѣздились они на этой площади передъ соборомъ, и никакіе законы и пени не могли прогнать ихъ отсюда.

«Салатъ изъ Валтеллины, лимоны, померанцы, артишоки, спаржа, спаржа хорошая!»—зазывали покупателей зеленщицы. Лоскутницы торговались и кудахтали, какъ насѣдки.

Маленькій упрямый осликъ, исчезавшій подъ горою желтаго и синяго винограда, апельсиновъ, баклажановъ, свеклы, цвѣтной капусты, фенноки и лука, ревѣлъ раздирающимъ голосомъ: іо, іо, іо! Сзади погонщикъ звонко хлопалъ его дубиною по облѣзлымъ бокамъ и понукалъ отрывистымъ гортаннымъ крикомъ: arri! arri!

Вереница слѣпыхъ съ посохами и поводыремъ пѣла жалобную Intemerata.

Уличный шарлатанъ-зубодеръ, съ ожерельемъ зубовъ на выдровой шапкѣ, съ быстрыми и ловкими движеніями фокусника, стоя позади человѣка, сидѣвшаго на землѣ, и сжимая ему голову колѣнами, выдергивалъ зубъ громадными щипцами.

Мальчишки показывали жиду свиное ухо и пускали траттолу-волчокъ подъ ноги прохожихъ. Самый отчаянный изъ шалуновъ—черномазый, курносый Фарфаниккіо, принесъ мышеловку, выпустилъ мышь, и началъ охотиться за нею съ метлою въ рукахъ, съ пронзительнымъ гикомъ и свистомъ: «eccola, eccola! Вотъ она, вотъ она!» Убѣгая отъ

погони, мышь бросилась подъ широчайшія юбки мирно вязавшей чулокъ толстогрудой, дебелой зеленьщицы Барбаччіи. Она вскочила, завизжала, какъ ошпаренная, и при общемъ хохотѣ подняла платье, стараясь вытряхнуть мышь.

— Погоди, возьму я булыжникъ, разобью тебѣ обезьянью башку, негодяй!—кричала она въ бѣшенствѣ.

Фарфаниккіо издали показывалъ ей языкъ и прыгалъ отъ восторга.

На шумъ обернулся носильщикъ съ громадною свиною тушей на головѣ. Лошадь доктора мессэра Габбадео испугалась, шарахнулась, понесла, задѣла и уронила цѣлую груду кухонной посуды въ лавченкѣ торговца старымъ желѣзомъ. Уполовники, сковороды, кастрюли, терки, котлы посыпались съ оглушительнымъ грохотомъ и дребезжаніемъ. Перетрусившій мессэръ Габбадео скакалъ, отпустивъ поводья и вопилъ: «Стой, стой, чертова перечница!»

Собаки лаяли. Любопытныя лица высовывались изъ оконъ.

Хохотъ, визги, ругань, свистъ, человѣческій крикъ и ослиный ревъ стояли надъ площадью.

Любуясь на это веселое зрѣлище, башмачникъ думалъ съ кроткой улыбкой:

«А славно было бы жить на свѣтѣ, если бы не жены, которыя ѣдятъ мужей своихъ, какъ ржавчина ѣстъ желѣзо!»

Заслонивъ глаза отъ солнца ладонью, взглянулъ онъ вверхъ на громадное, неоконченное строеніе, окруженное плотничьими лѣсами. То былъ соборъ, воздвигаемый народомъ во славу Рождества Богородицы—Mariae Nascenti.

Малые и великіе принимали участіе въ созиданіи храма. Королева Кипрская прислала драгоцѣнные воздухи, тканные золотомъ. Бѣдная старушка-лоскутница Катерина положила на главный алтарь, какъ приношеніе Дѣвѣ Маріи, не думая о холодѣ предстоящей зимы, ветхую, единственную шубенку свою, цѣною въ двадцать сольдовъ.

Корболо, съ дѣтства привыкшій слѣдить за постройкой, замѣтилъ въ это утро новую башню и обрадовался ей.

Каменьщики стучали молотками. Съ выгрузной пристани въ Лагэтто у Санъ-Стефано неподалеку отъ Оспедале Маджіоре, гдѣ причаливали барки, подвозились огромныя, искрящіяся глыбы бѣлаго мрамора изъ Лагомаджіорскихъ каменоломенъ. Лебедки скрипѣли и скрежетали цѣпями. Желѣзныя пилы визжали, распиливая мраморъ. Рабочіе ползали по лѣсамъ, какъ муравьи.

И великое зданіе росло, высилось безчисленнымъ множествомъ сталактитоподобныхъ стрѣльчатыхъ иглъ, колоколенъ и башенъ изъ чистаго бѣлаго мрамора въ голубымъ небесахъ, — вѣчная хвала народа Дѣвѣ Маріи Рождающейся.

II.

Корболо спустился по крутымъ ступенямъ въ прохладный, сводчатый, установленный винными бочками, погребъ нѣмца-харчевника Тибальдо.

Вѣжливо поздоровался башмачникъ съ гостями, подсѣлъ къ знакомому лудильщику Скарабулло, спросилъ себѣ кружку вина и горячихъ миланскихъ пирожковъ съ тминомъ—оффэлэттъ, не спѣша отхлебнулъ, закусилъ и сказалъ:

— Если хочешь быть умнымъ, Скарабулло, никогда не женись!

— Почему?

— Видишь ли, другъ,—продолжалъ башмачникъ глубокомысленно,—жениться,—все равно, что запускать руку въ мѣшокъ со змѣями, чтобы вынуть угря. Лучше имѣть подагру, чѣмъ жену, Скарабулло!

За столикомъ рядомъ, краснобай и балагуръ, златошвей Маскарелло разсказывалъ голоднымъ оборванцамъ чудеса о невѣдомой землѣ Берлинцонѣ, блаженномъ краѣ, именуемомъ Живи-Лакомо, гдѣ виноградныя лозы подвязываются сосиськами, гусь идетъ за грошъ да еще съ гусенкомъ въ придачу. Есть тамъ гора изъ тертаго сыру, на которой живутъ люди и ничѣмъ другимъ не занимаются, какъ только готовятъ макароны и клецки, варятъ ихъ въ отварѣ изъ каплуновъ и бросаютъ внизъ. Кто больше поймаетъ,—у того больше и бываетъ. А по близости течетъ потокъ изъ верначчіо,—лучшаго вина никто не пивалъ, и нѣтъ въ немъ ни капли воды.

Въ погребъ вбѣжалъ маленькій человѣкъ, золотушный, съ глазами подслѣповатыми, какъ у щенка, не совсѣмъ прозрѣвшаго, —Горгольо, выдувальщикъ стекла, большой сплетникъ и любитель новостей.

— Синьоры,—приподымая запыленную, дырявую шляпу и вытирая потъ съ лица, объявилъ онъ торжественно,—синьоры, я только что отъ французовъ!

— Что ты говоришь, Горгольо? Развѣ они уже здѣсь?

— Какъ же,—въ Павіи... Фу, дайте духъ перевести. Запыхался. Бѣжалъ сюда, сломя голову. Что—думаю—если кто-нибудь раньше меня поспѣетъ.

— Вотъ тебѣ кружка, пей и разсказывай, что за народъ французы.

— Бѣдовый, братцы, народъ, — не клади имъ пальца въ ротъ. Люди—буйственные, дикіе, иноплеменные, богопротивные, звѣроподобные—одно слово—варвары! Пищали и аркебузы восьмилоктевые, ужевицы мѣдныя, бомбарды чугунныя съ ядрами каменными, кони—какъ чудища морскія, лютые, съ ушами, съ хвостами обрѣзанными.

— А много ли ихъ?—спросилъ Мазо.

— Тьмы темъ! Какъ саранча, всю равнину кругомъ обложили,—конца краю не видать. Послалъ намъ Господь за грѣхи черную немочь, сѣверныхъ дьяволовъ!

— Что же ты бранишь ихъ, Горгольо — замѣтилъ Маскарелло,— вѣдь, они намъ друзья и союзники...

— Союзники! Держи карманъ! Этакій другъ хуже врага,—купитъ рога, а съѣстъ быка...

— Ну, ну, не растабаривай, говори толкомъ: чѣмъ французы намъ враги?—допрашивалъ Мазо.

— А тѣмъ и враги, что нивы наши топчутъ, деревья рубятъ, скотину уводятъ, поселянъ грабятъ, женщинъ насилуютъ. Король-то французскій плюгавый—въ чемъ душа держится,—а на жещинъ лихъ. Есть у него книга съ портретами голыхъ итальянскихъ красавицъ. Ежели,—говорятъ они,—Богъ намъ поможетъ,—отъ Милана до Неаполя ни одной невинной дѣвушки не оставимъ...

— Негодяи! — воскликнулъ Скарабулло, со всего размаха ударяя кулакомъ по столу такъ, что бутылки и стаканы зазвенѣли.

— Нашъ-то Моро, — продолжалъ Горгольо, — на заднихъ лапкахъ подъ французскую дудку пляшетъ. Они насъ и за людей не считаютъ. «Всѣ вы—говорятъ—воры и убійцы. Собственнаго законнаго герцога ядомъ извели, отрока невиннаго уморили. Богъ васъ за это наказываетъ и землю вашу намъ передаетъ». Мы-то ихъ, братцы, отъ добраго сердца подчуемъ, а они угощеніе наше лошадямъ отвѣдать даютъ: нѣтъ ли, молъ, въ пищѣ того яда, которымъ герцога отравили.

— Врешь, Горгольо!

— Лопни глаза мои, отсохни языкъ! И послушайте-ка, мессэры, какъ они еще похваляются: завоюемъ, говорятъ, сначала всѣ народы Италіи, всѣ моря и земли покоримъ, великаго турку полонимъ, Константинополь возьмемъ, на Масличной Горѣ въ Іерусалимѣ крестъ водрузимъ, а потомъ опять къ вамъ вернемся. И тогда судъ Божій совершимъ надъ вами. И если вы намъ не покоритесь, самое имя ваше сотремъ съ лица земли.

— Плохо, братцы,—молвилъ златошвей Маскарелло, — ой, плохо! Такого еще никогда не бывало.

Всѣ притихли.

Братъ Тимотео, тотъ самый монахъ, что спорилъ въ соборѣ съ братомъ Чипполо, воскликнулъ торжественно, воздѣвая руки къ небу:

— Слово великаго пророка Божьяго, Джироламо Савонаролы: се грядетъ мужъ, который завоюетъ Италію, не вынимая меча изъ ноженъ. О Флоренція, о Римъ, о Миланъ,—время пѣсенъ и праздниковъ миновало! Покайтесь! Покайтесь! Кровь герцога Джіана Галеаццо, кровь Авеля, убитаго Каиномъ, вопіетъ о мщеніи къ Господу!

III.

— Французы! Французы! Смотрите!—указывалъ Горгольо на двухъ солдатъ, входившихъ въ погребъ.

Одинъ—гасконецъ, стройный молодой человѣкъ съ рыжими усиками, съ красивымъ и наглымъ лицомъ, былъ сержантъ французской конницы, по имени Бонниваръ. Товарищъ его—пикардіецъ, пушкарь Гро-Гильошъ, толстый, приземистый старикъ съ бычачьей шеей, съ лицомъ, налитымъ кровью, съ выпуклыми рачьими глазами и мѣдною серьгой въ ухѣ. Оба были навеселѣ.

— Sacrement de l'autel!—хлопая по плечу Гро-Гильоша, молвилъ сержантъ,—найдемъ ли мы, наконецъ, въ этомъ анаѳемскомъ городѣ кружку добраго вина? Отъ ломбардской кислятины горло деретъ, какъ отъ уксуса!

Бонниваръ съ брезгливымъ, скучающимъ видомъ развалился за однимъ изъ столиковъ, высокомѣрно поглядывая на прочихъ посѣтителей, постучалъ оловянною кружкою и крикнулъ на ломаномъ итальянскомъ языкѣ:

— Бѣлаго, сухого, самаго стараго! Соленой червеллаты на закуску.

— Да, братецъ,—вздохнулъ Гро-Гильошъ,—какъ вспомнишь родное бургонское или драгоцѣнное «бомъ», золотистое, точно волосы моей Лизонъ, — сердце отъ тоски защемитъ! И то сказать: каковъ народъ—таково вино. Выпьемъ-ка, дружище, за милую Францію.

Du grand Dieu soit mauldit à outrance,
Qui mal vouldroit au royaume de France!

— О чемъ они?—шепнулъ Скарабулло на ухо Горгольо.

— Привередничаютъ, наши вина бранятъ, свои похваляютъ.

— Вишь, хорохорятся пѣтухи французскіе,—проворчалъ, нахмурившись, лудильщикъ,—зудитъ у меня рука, ой, зудитъ проучить ихъ, какъ слѣдуетъ!

Тибальдо, хозяинъ-нѣмецъ, съ толстымъ брюхомъ, на тонкихъ ножкахъ, съ громадной связкой ключей за широкимъ кожаннымъ поясомъ, нацѣдилъ изъ бочки полбренты и подалъ французамъ въ запотѣвшемъ отъ холода, глиняномъ кувшинѣ, недовѣрчиво посматривая на чужеземныхъ гостей.

Бонниваръ однимъ духомъ выпилъ кружку вина, которое показалось ему превосходнымъ, плюнулъ и выразилъ на лицѣ своемъ отвращеніе,

Мимо него прошла дочь хозяина Лотта, маловидная, стройная, бѣлокурая дѣвушка, съ такими же добрыми голубыми глазами, какъ у Тибальдо.

Гасконецъ лукаво подмигнулъ товарищу и съ ухарствомъ закрутилъ свой рыжій усъ. Потомъ, выпивъ еще, затянулъ солдатскую пѣсенку о Карлѣ VIII:

Charles fera si grandes batailles,
Qu'il conquerra les Itailles,
En Jerusalem entrera
Et mont Olivet montera.

*

Гро-Гильошъ подпѣвалъ сиплымъ голосомъ.

Когда Лотта, возвращаясь, опять проходила мимо нихъ, скромно потупивъ глаза, сержантъ обнялъ ея станъ, желая посадить дѣвушку къ себѣ на колѣни.

Она оттолкнула его, вырвалась и убѣжала. Онъ вскочилъ, поймалъ ее и поцѣловалъ въ щѣку губами, мокрыми отъ вина.

Дѣвушка вскрикнула, уронила на полъ глиняный кувшинъ, который разбился въ дребезги и, обернувшись, со всего размаха ударила француза по лицу такъ сильно, что тотъ на мгновеніе опѣшилъ.

Гости захохотали.

— Ай да дѣвка!—воскликнулъ златошвей,—клянусь святымъ Джервазіемъ, отъ роду не видывалъ я такой здоровенной пощечины! Вотъ такъ утѣшила!

— Ну ее, брось, не связывайся! — удерживалъ Гро-Гильошъ Боннивара.

Гасконецъ не слушалъ. Хмѣль сразу ударилъ ему въ голову. Онъ засмѣялся насильственнымъ смѣхомъ и крикнулъ:

— Ah, ventrebleu! Вотъ ты какъ! Ну подожди же, красавица, — теперь ужъ я не въ щеку, а прямо въ губы!

Бросился за нею, опрокинулъ столъ, догналъ и хотѣлъ поцѣловать. Но могучая рука лудильщика Скарабулло схватила его сзади за шиворотъ.

— Ахъ ты, собачій сынъ, французская твоя рожа безстыжая! — кричалъ Скарабулло, встряхивая Боннивара и сдавливая ему шею все крѣпче,—погоди, намну я тебѣ бока, будешь помнить, какъ оскорблять миланскихъ дѣвушекъ!..

— Sacrebleu! — завопилъ въ свою очередь разсвирѣпѣвшій Гро-Гильошъ,—прочь негодяи! Vive la France! Saint Denis et Saint George!

Онъ замахнулся шпагой и вонзилъ бы ее въ спину лудильщику, еслибы Маскарелло, Горгольо, Мазо и другіе собутыльники не подскочили и не удержали пикардійца за руки.

Между опрокинутыми столами, скамейками, бочками, черепками разбитыхъ кувшиновъ и лужами вина произошла свалка.

Увидѣвъ кровь, оголенныя шпаги и ножи, испуганный Тибальдо выскочилъ изъ погреба и завопилъ на всю площадь:

— Смертоубійство! Французы грабятъ!

Ударили въ рыночный колоколъ. Ему отвѣтилъ другой на Бролетто. Осторожные купцы запирали лавки. Лоскутницы и овощницы уносили лотки съ товарами.

— Святые угодники, заступники наши, Протазій! Джервазій!—голосила Барбаччіа.

— Что тамъ такое? Пожаръ, что ли?

— Бейте, бейте французовъ!

Маленькій Фарфаниккіо прыгалъ отъ восторга, свистѣлъ и визжалъ пронзительно:

— Бейте, бейте французовъ!

Появились городскіе стражники—берровьеры съ аркебузами и алебардами.

Они подоспѣли во время, чтобы предупредить убійство и вырвать изъ рукъ черни Боннивара и Гро-Гильоша. Забирая кого ни попало, схватили они и башмачника Корболо.

Жена, прибѣжавшая на шумъ, всплеснула руками и завыла:

— Смилуйтесь, отпустите муженька моего, отдайте мнѣ его! Я ужъ съ нимъ расправлюсь по-свойски,—впередъ въ уличную свалку не полѣзетъ! Право же синьоры, этотъ дуракъ и веревки не стоитъ, на которой его повѣсятъ!..

Корболо печально и стыдливо потупилъ глаза, притворяясь, что не слышитъ угрозъ жены, и спрятался отъ нея за спину городскихъ стражниковъ, которые казались ему менѣе грозными, чѣмъ его супруга.

IV.

Надъ лѣсами неконченнаго собора, по узкой веревочной лѣстницѣ влѣзалъ на одну изъ тонкихъ колоколенъ, недалеко отъ отъ главнаго купола, молодой каменьщикъ съ маленькимъ изваяніемъ св. великомученицы Екатерины, которое надо было прикрѣпить на самомъ концѣ стрѣльчатой башни.

Кругомъ подымались и какъ будто рѣяли сталактитоподобныя, остроконечныя башни, иглы, ползучія арки, каменное кружево изъ небывалыхъ цвѣтовъ, побѣговъ и листьевъ, безчисленные пророки, мученики, ангелы, смѣющіяся рожи дьяволовъ, чудовищныя птицы, сирены, гарпіи, драконы съ колючими крыльями, съ разинутыми пастями на концахъ водосточныхъ трубъ. Все это изъ чистаго мрамора, ослѣпительно бѣлаго, съ тѣнями голубыми, какъ дымъ, походило на громадный зимній лѣсъ, покрытый сверкающимъ инеемъ.

Было тихо. Только ласточки съ крикомъ проносились надъ головой каменьщика. Шумъ толпы на площади долеталъ къ нему, какъ слабый шелестъ муравейника. На краю безконечной зеленой Ломбардіи сіяли снѣжныя громады Альпъ, такія же острыя, бѣлыя, какъ вершины собора. Порою снизу чудились ему отзвуки органа, какъ бы молитвенные вздохи изъ внутренности храма, изъ глубины его каменнаго сердца, и тогда казалось, что все великое зданіе живетъ, дышетъ, растетъ и возносится къ небу, какъ вѣчная хвала Маріи Рождающейся, какъ радостный гимнъ всѣхъ вѣковъ и народовъ Дѣвѣ Пречистой.

Вругъ шумъ на площади усилился. Послышался набатъ.

Каменьщикъ остановился, посмотрѣлъ внизъ, и голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло. Ему казалось, что исполинское зданіе шатается подъ нимъ, тонкая башня, на которую онъ влѣзалъ, гнется, какъ тростникъ.

— Кончено, падаю,—подумалъ онъ съ ужасомъ,—Господи, прими душу мою!

Съ послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ уцѣпился онъ за веревочную ступень, закрылъ глаза и прошепталъ:

— Ave dolce Maria di grazia piena:

Ему стало легче.

Съ высоты повѣяло прохладнымъ дуновеніемъ.

Онъ перевелъ дыханіе, собралъ силы и продолжалъ путь, не слушая болѣе земныхъ голосовъ, подымаясь все выш и выше къ тихому чистому небу, повторяя съ великою радостью:

— Ave dolce Maria di grazia piena.

Въ это время по мраморной широкой, почти плоской крышѣ собора проходили члены строительнаго совѣта «Consiglio della Fabbrica», — зодчіе итальянскіе и чужеземные, приглашенные герцогомъ для совѣщанія о тибуріо,—главной башнѣ надъ куполомъ храма.

Среди нихъ былъ Леонардо да Винчи. Онъ предложилъ свой замыселъ, но члены совѣта отвергли его, какъ слишкомъ смѣлый, необычайный и вольнодумный, противорѣчившій преданіямъ церковнаго зодчества.

Спорили и не могли придти къ соглашенію. Одни доказывали, что внутренніе столбы не достаточно прочны. «Если бы,—говорили они,— тибуріо и башни были окончены, то скоро зданіе рухнуло бы, такъ какъ постройка начата людьми невѣжественными». По мнѣнію другихъ,—соборъ простоитъ вѣчность.

Леонардо, по обыкновенію не принимая участія въ спорѣ, стоялъ, одинокій и молчаливый, въ сторонѣ.

Одинъ изъ рабочихъ подошелъ къ нему и подалъ письмо.

— Мессэре, внизу на площади ожидаетъ вашей милости верховой изъ Павіи.

Художникъ распечаталъ письмо и прочелъ:

«Леонардо, пріѣзжай поскорѣе. Мнѣ нужно тебя видѣть. Герцогъ Джіанъ-Галеаццо. 14 октября».

Онъ извинился передъ членами совѣта, сошелъ на площадь, сѣлъ на коня и отправился въ Кастелло ди Павія, замокъ, который былъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Милана.

V.

Каштаны, вязы и клены громаднаго парка сіяли на солнцѣ золотомъ и пурпуромъ осени. Порхая, какъ бабочки, падали мертвые листья. Въ заросшихъ травою фонтанахъ не била вода. Въ запущенныхъ цвѣтникахъ увядали астры.

Подходя къ замку, Леонардо увидѣлъ карлика. Это былъ старый шутъ Джіана-Галеаццо, оставшійся вѣрнымъ своему господину, когда всѣ прочіе слуги покинули умирающаго герцога.

Узнавъ Леонардо, ковыляя и подпрыгивая, побѣжалъ онъ ему навстрѣчу.

— Какъ здоровье его свѣтлости?—спросилъ художникъ.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, только безнадежно махнулъ рукою.

Леонардо пошелъ было главной аллеей.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сюда,—остановилъ его карликъ,—тутъ могутъ увидѣть. Ихъ свѣтлость просили, чтобы тайно.., А то, если герцогиня Изабелла узнаетъ, пожалуй не пустятъ. Мы лучше обходцемъ, боковою дорожкою..

Войдя въ угловую башню, поднялись они по лѣстницѣ и миновали нѣсколько мрачныхъ покоевъ, должно быть, нѣкогда великолѣпныхъ, теперь необитаемыхъ. Обои изъ кордуанской златотисненой кожи содраны были со стѣнъ. Герцогское сѣдалище подъ шелковымъ навѣсомъ заткано паутиною. Сквозь окна съ разбитыми стеклами вѣтеръ осеннихъ ночей занесъ изъ парка желтые листья.

— Злодѣи, грабители,—ворчалъ себѣ подъ носъ карликъ, указывая спутнику на слѣды запустѣнія,—вѣрите ли, мессэре, глаза бы не смотрѣли на то, что здѣсь творится! Убѣжалъ бы на край свѣта, если бы не герцогъ, за которымъ и ухаживать-то некому, кромѣ меня, стараго урода... Сюда, сюда пожалуйте.

Пріотворивъ дверь, онъ впустилъ Леонардо въ пропитанную запахомъ лѣкарствъ душную, темную комнату.

VI.

Кровопусканіе, согласно съ правилами врачебнаго искусства, дѣлали при свѣчахъ и закрытыхъ ставняхъ. Помощникъ цирульника, держалъ мѣдный тазъ, въ который стекала кровь. Самъ брадобрѣй, скромный старичокъ, засучивъ рукава, производилъ надрѣзъ вены. Врачъ, «мастеръ физики», съ глубокомысленнымъ лицомъ, въ очкахъ, въ докторскомъ наплечникѣ изъ темно-лиловаго бархата на бѣличьемъ мѣху, не принимая участія въ работѣ цирульника, — такъ какъ прикосновеніе къ хирургическимъ орудіямъ считалось унизительнымъ для достоинства врача,—только наблюдалъ.

— Передъ ночью снова извольте пустить кровь,—сказалъ онъ повелительно, когда рука была перевязана, и больного герцога уложили на подушки.

— Domine magister, — произнесъ брадобрѣй учтиво и робко,—не лучше ли подождать? Кажется больной ослабѣлъ. Какъ бы чрезмѣрная потеря крови?..

Онъ замялся.

Врачъ посмотрѣлъ на него съ презрительной усмѣшкой:

— Постыдитесь, любезнѣйшій! Пора бы вамъ знать, что изъ двадцати четырехъ фунтовъ крови, находящихся въ человѣческомъ тѣлѣ,

можно выпустить двадцать, безъ всякой опасности для жизни и здоровья. Чѣмъ больше берете испортившейся воды изъ колодца, тѣмъ больше остается свѣжей. Я пускалъ кровь груднымъ младенцамъ, не жалѣя, и, благодаря Бога,—всегда помогало.

Леонардо, слушавшій этотъ разговоръ внимательно, хотѣлъ возразить, но подумалъ, что спорить съ врачами столь же безполезно, какъ съ алхимиками.

Докторъ и цирульникъ удалились. Карликъ поправилъ подушки и окуталъ ноги больного одѣяломъ.

Леонардо оглянулъ комнату. Надъ постелью висѣла клѣтка съ маленькимъ зеленымъ попугаемъ. На кругломъ столикѣ валялись карты, игральныя кости, стоялъ стеклянный сосудъ, наполненный водою, съ золотыми рыбками. Въ ногахъ у герцога спала, свернувшись, бѣлая собачка. Все это были послѣднія забавы, которыя вѣрный слуга придумывалъ для развлеченія своего господина.

— Отправилъ ты письмо?—молвилъ герцогъ, не открывая глазъ.

— Ахъ, ваша свѣтлость,—заторопился карликъ,—мы-то ждемъ,—думаемъ, вы спите. Вѣдь мессэръ Леонардо здѣсь...

— Здѣсь?

Больной съ радостной улыбкой сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться.

— Учитель, наконецъ-то! Я боялся, что ты не пріѣдешь.

Онъ взялъ художника за руку, и прекрасное, совсѣмъ молодое лицо Джіана Галеаццо,—ему было двадцать четыре года,—оживилось блѣднымъ румянцемъ.

Карликъ вышелъ изъ комнаты, чтобы сторожить у двери.

— Другъ мой,—продолжалъ больной,—ты, конечно, слышалъ о клеветѣ?

— О какой клеветѣ, ваша свѣтлость?—спросилъ художникъ.

— Не знаешь? Ну, если такъ, то и вспоминать не надо. А впрочемъ все равно,—скажу: вмѣстѣ посмѣемся. Они говорятъ...

Онъ остановился, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и докончилъ съ тихою усмѣшкою:

— Они говорятъ, что ты—мой убійца.

Леонардо подумалъ, что больной бредитъ.

— Да, да, неправда ли, какое безуміе. Ты мой убійца,—повторилъ герцогъ.—Недѣли три назадъ мой дядя Моро и Беатриче прислали мнѣ въ подарокъ корзину персиковъ. Мадонна Изабелла увѣрена, что съ тѣхъ поръ, какъ я отвѣдалъ этихъ плодовъ, мнѣ сдѣлалось хуже, что я умираю отъ медленнаго яда, и будто бы въ саду твоемъ есть такое дерево...

— Правда,—молвилъ Леонардо,—у меня есть такое дерево.

— О другъ мой! Неужели?..

— Нѣтъ, Богъ спасъ меня, если только плоды въ самомъ дѣлѣ изъ моего сада. Теперь я понимаю, откуда эти слухи: изучая дѣйствіе ядовъ, я хотѣлъ отравить персиковое дерево. Я сказалъ моему ученику

Зороастро да Перетола, что персики отравлены. Но опытъ не удался. Плоды безвредны. Должно быть, ученикъ поторопился и сообщилъ кому-нибудь.

— Ну, вотъ, вотъ, я такъ и зналъ, — воскликнулъ герцогъ радостно,—никто не виноватъ въ моей смерти! А, между тѣмъ, всѣ они другъ друга подозрѣваютъ, ненавидятъ, боятся. О, если бы можно было сказать имъ все, какъ мы съ тобой теперь говоримъ! Дядя считаетъ себя моимъ убійцей, а я знаю, что онъ—добрый, только слабый и робкій. Да и зачѣмъ бы ему убивать меня? Я самъ готовъ отдать ему власть. Ничего мнѣ не нужно. Я ушелъ бы отъ нихъ, жилъ бы на свободѣ, въ уединеніи, съ друзьями. Сдѣлался бы монахомъ или твоимъ ученикомъ, Леонардо. Но никто не хотѣлъ повѣрить, что я въ самомъ дѣлѣ не жалѣю власти. И зачѣмъ, Боже мой, зачѣмъ они теперь это сдѣлали? Не меня, себя они отравили невинными плодами твоего невиннаго дерева, бѣдные, слѣпые! Я прежде думалъ, что я несчастенъ, потому что долженъ умереть. Но теперь я понялъ все, учитель. Я больше ничего не хочу, ничего не боюсь. Мнѣ хорошо, спокойно и такъ отрадно, какъ будто въ знойный день я сбросилъ съ себя пыльную одежду и вхожу въ чистую, холодную воду. О, другъ мой, я не умѣю сказать, но ты понимаешь, о чемъ я говорю? Ты вѣдь самъ такой...

Леонардо молча, съ тихою улыбкою, пожалъ ему руку.

— Я зналъ,—продолжалъ больной еще радостнѣе,—я зналъ, что ты одинъ поймешь меня... Помнишь,—ты сказалъ мнѣ однажды, что созерцаніе вѣчныхъ законовъ механики, естественной необходимости учитъ людей великому смиренію и спокойствію? Тогда я понялъ. Но теперь, въ болѣзни, въ одиночествѣ, въ бреду, какъ часто вспоминалъ я тебя, твое лицо, твой голосъ, каждое слово твое, учитель! Знаешь ли, мнѣ иногда кажется: разными путями мы пришли съ тобой къ одному, ты—въ жизни, я—въ смерти...

Двери открылись, вбѣжалъ карликъ и съ испуганнымъ видомъ объявилъ:

— Мона Друда!

Леонардо хотѣлъ уйти, но герцогъ его удержалъ.

Въ комнату вошла старая няня Джіана-Галеаццо, держа въ рукахъ небольшую стклянку съ желтоватою мутною жидкостью,—скорпіоновою мазью. Въ срединѣ лѣта, когда солнце находится въ созвѣздіи Пса, ловили скорпіоновъ, опускали ихъ живыми въ столѣтнее оливковое масло съ крестовикомъ, митридатомъ и змѣевикомъ, отстаивали на солнцѣ въ теченіе пятидесяти дней и каждый вечеръ мазали больному подъ мышками, виски, животъ и грудь около сердца. Знахарки утверждали, что нѣтъ лучшаго лекарства не только противъ всѣхъ ядовъ, но и противъ всякаго колдовства, навожденія и порчи.

Старуха, увидѣвъ Леонардо, сидѣвшаго на краю постели, останови-

лась, поблѣднѣла, и руки ея такъ затряслись, что она едва не уронила стклянки.

— Съ нами сила Господня! Матерь, пресвятая Богородица!

Крестясь, бормоча молитвы, пятилась она къ двери и, выйдя изъ комнаты, побѣжала такъ поспѣшно, какъ только позволяли ей старыя ноги, къ своей госпожѣ, мадоннѣ Изабеллѣ, сообщить страшную вѣсть.

Мона Друда была увѣрена, что злодѣй Моро и его приспѣшникъ Леонардо извели герцога, если не ядомъ, то глазомъ, порчею, вынутымъ слѣдомъ или какими-либо другими бѣсовскими чарами.

Горцогиня молилась въ часовнѣ, стоя на колѣняхъ передъ образомъ.

Когда мона Друда доложила ей, что у герцога — Леонардо, она вскочила и воскликнула въ гнѣвѣ:

— Не можетъ быть! Кто его пустилъ?

— Кто пустилъ,—пробормотала старуха, покачавъ головой,—вѣрите ли, ваша свѣтлость, и ума не приложу, откуда онъ взялся, окаянный! Точно изъ земли выросъ или въ трубу влетѣлъ, прости Господи! Дѣло, видно, нечистое. Я уже давно докладывала вашей свѣтлости...

Въ часовню вошелъ пажъ и почтительно преклонилъ колѣно:

— Свѣтлѣйшая мадонна, угодно ли будетъ вамъ и вашему супругу принять его величество, христіаннѣйшаго короля Франціи?

VIII.

Карлъ VIII остановился въ нижнихъ покояхъ Павійскаго замка, роскошно убранныхъ для него герцогомъ Лодовико Моро.

Отдыхая послѣ обѣда, король слушалъ чтеніе только что по его заказу переведенной съ латинскаго на французскій языкъ, довольно безграмотной книги «Чудеса города Рима»—«Mirabilia Urbis Romae».

Одинокій, запуганный отцомъ своимъ, болѣзненный ребенокъ, Карлъ, проведя печальные годы въ пустынномъ замкѣ Амбуазѣ, воспитывался на рыцарскихъ романахъ, которые окончательно вскружили ему и безъ того уже слабую голову. Очутившись на престолѣ Франціи и вообразивъ себя героемъ сказочныхъ приключеній во вкусѣ тѣхъ, какія повѣствуются о странствущихъ рыцаряхъ Круглаго Стола, Ланчелотѣ и Тристанѣ, двадцатилѣтній мальчикъ, неопытный и застѣнчивый, добрый и взбалмошный, задумалъ исполнить на дѣлѣ то, что вычиталъ изъ книгъ. «Сынъ бога Марса, потомокъ Юлія Цезаря», по выраженію придворныхъ лѣтописцевъ—спустился онъ въ Ломбардію во главѣ громаднаго войска для завоеванія Неаполя, Сициліи, Константинополя, Іерусалима, для низверженія великаго турка, совершеннаго искорененія ереси Магометовой и освобожденія Гроба Господня отъ ига невѣрныхъ.

Слушая «Чудеса Рима» съ простодушнымъ довѣріемъ, король предвкушалъ славу, которую пріобрѣтетъ завоеваніемъ столь великаго города.

Мысли его путались. Онъ чувствовалъ боль подъ ложечкой и тяжесть въ головѣ отъ вчерашняго слишкомъ веселаго ужина съ миланскими дамами. Лицо одной изъ нихъ, Лукреціи Кривелли, всю ночь снилось ему.

Карлъ VIII ростомъ былъ малъ и лицомъ уродливъ. Ноги имѣлъ кривыя, тонкія, какъ спицы, плечи узкія, одно выше другого, впалую грудь, непомѣрно-большой крючковатый носъ, волосы рѣдкіе, блѣдно-рыжіе, странный желтоватый пухъ вмѣсто усовъ и бороды. Въ рукахъ и въ лицѣ было у него непріятное судорожное подергиваніе. Вѣчно открытыя, какъ у маленькихъ дѣтей, толстыя губы, вздернутыя брови, громадные, бѣлесоватые и близорукіе глаза на выкатѣ придавали ему выраженіе унылое, разсѣянное и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженное, какое бываетъ у людей слабыхъ умомъ. Рѣчь его была неявственной и отрывочной. Разсказывали, будто бы король былъ шестипалымъ и для того, чтобъ это скрыть, ввелъ при дворѣ безобразную моду широкихъ, закругленныхъ на подобіе лошадиныхъ копытъ, мягкихъ туфель изъ чернаго бархата.

— Тибо, а, Тибо,—обратился онъ къ придворному варлэ-де-шамбру, прерывая чтеніе, со своимъ обычнымъ разсѣяннымъ видомъ, заикаясь и не находя нужныхъ словъ,—мнѣ, братецъ, того... какъ-будто пить хочется. А?.. Изжога, что-ли?.. Принеси-ка вина, Тибо...

Вошелъ кардиналъ Бриссонэ и доложилъ, что герцогъ ожидаетъ короля.

— А? А? Что такое? Герцогъ?.. Ну, сейчасъ. Только выпью...

Онъ взялъ кубокъ, поданный придворнымъ.

Бриссонэ остановилъ короля и спросилъ Тибо:

— Наше?

— Нѣтъ, монсиньоръ,—изъ здѣшняго погреба. У насъ все вышло.

Кардиналъ выплеснулъ вино.

— Простите, ваше величество. Здѣшнія вина могутъ быть вредными для вашего здоровья. Тибо, вели кравчему поскорѣе сбѣгать въ лагерь и принести боченокъ изъ походнаго погреба.

— Почему? А? Что, что такое?—бормоталъ король въ недоумѣніи.

Кардиналъ шепнулъ ему на ухо, что опасается отравы, ибо отъ людей, которые уморили законнаго государя своего, можно ожидать всякаго предательства, и, хотя нѣтъ явныхъ уликъ, осторожность не мѣшаетъ.

— Э, вздоръ! Зачѣмъ? Хочется пить,—молвилъ Карлъ, подергивая плечомъ съ досадою, но покорился.

Герольды побѣжали впередъ.

Четыре пажа подняли надъ королемъ великолѣпный балдахинъ изъ голубого шелка, затканный серебряными французскими лиліями, сенешаль накинулъ ему на плечи мантію съ горностаевой оторочкой, съ вышитыми по красному бархату золотыми пчелами и рыцарскимъ де-

визомъ: «король пчелъ не имѣетъ жала» — le roi des abeilles n'a pas d'aiguillon—и по мрачнымъ, запустѣлымъ покоямъ Павійскаго замка направилось шествіе въ комнаты умирающаго.

Проходя мимо часовни, Карлъ увидѣлъ герцогиню Изабеллу.

Онъ почтительно снялъ беретъ, хотѣлъ подойти къ ней и по старозавѣтному обычаю Франціи поцѣловать даму въ уста, назвавъ ее «милой сестрицей».

Но герцогиня подошла къ нему сама и бросилась къ его ногамъ.

— Государь,—начала она заранѣе приготовленную рѣчь,—сжалься надъ нами, Богъ тебя наградитъ,—защити невинныхъ, рыцарь великодушный! Моро отнялъ у насъ все, похитилъ престолъ, отравилъ супруга моего, законнаго герцога миланскаго Джіана-Галеаццо. Въ собственномъ домѣ своемъ окружены мы наемными убійцами...

Карлъ плохо понималъ и почти не слушалъ того, что она говорила.

— А? А? Что такое? — лепеталъ онъ, точно съ просонокъ, судорожно подергивая плечомъ и заикаясь.—Ну, ну, не надо!.. Прошу васъ... не надо же, сестрица... Встаньте, встаньте!

Но она не вставала, ловила его руки, цѣловала ихъ, хотѣла обнять его ноги и, наконецъ, заплакавъ, воскликнула съ непритворнымъ отчаяніемъ:

— Если и вы меня покинете, государь, — я наложу на себя руки!

Король окончательно смутился, и лицо его болѣзненно сморщилось, какъ-будто онъ самъ готовъ былъ заплакать.

— Ну, вотъ, вотъ!.. Боже мой... я не могу... Бриссонэ... пожалуйста... я не знаю... скажи ей...

Ему хотѣлось убѣжать. Она не пробуждала въ немъ никакого состраданія, ибо въ самомъ униженіи, въ отчаяніи была слишкомъ горда и прекрасна, похожа на величавую героиню трагедіи.

— Яснѣйшая мадонна, успокойтесь. Его величество сдѣлаетъ все, что можно, для васъ и для вашего супруга мессира Жана-Галеасса,— молвилъ кардиналъ вѣжливо и холодно, съ оттѣнкомъ покровительства, произнося имя герцога по-французски.

Герцогиня оглянулась на Бриссонэ, внимательно посмотрѣла въ лицо королю и вдругъ, — какъ-будто теперь только поняла, съ кѣмъ говоритъ,—умолкла.

Уродливый, смѣшной и жалкій, стоялъ онъ передъ нею съ открытыми, какъ у маленькихъ дѣтей, толстыми губами, съ безсмысленной, напряженной и растерянной улыбкой, выкативъ свои огромные бѣлесоватые глаза.

«Я — у ногъ этого заморыша, слабоумца, я — внучка Фердинанда Аррагонскаго!»

Она встала. Блѣдныя щеки ея вспыхнули. Король чувствовалъ, что необходимо сказать что-то, какъ-нибудь выйти изъ нелѣпаго молчанія. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, задергалъ плечомъ, заморгалъ

глазами и пролепетавъ только свое обычное: «А? А? Что такое?»— заикнулся, безнадежно махнулъ рукой и умолкъ.

Герцогиня смѣрила его глазами съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Карлъ опустилъ голову, уничтоженный.

— Бриссонэ, пойдемъ, пойдемъ... что ли... А?

Пажи распахнули передъ нимъ двери. Карлъ вошелъ въ комнату герцога.

Ставни были открыты. Тихій свѣтъ осенняго вечера падалъ въ окно сквозь высокія, золотыя вершины парка.

Король подошелъ къ постели больного, назвалъ его двоюроднымъ братцемъ—«mon cousin» и спросилъ о здоровьѣ...

Джіанъ-Галеаццо отвѣтилъ съ такою ясною, привѣтливою улыбкою, что Карлу тотчасъ сдѣлалось легче, — смущеніе прошло, и онъ мало-по-малу успокоился.

— Господь да пошлетъ побѣду вашему величеству, государь,— сказалъ, между прочимъ, герцогъ.—Когда вы будете въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, помолитесь и за мою бѣдную душу, ибо къ тому времени я...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, братецъ, какъ можно, что вы это? зачѣмъ?— перебилъ его король,—Богъ милостивъ. Вы поправитесь. Мы еще вмѣстѣ въ походъ пойдемъ, съ нечестивыми турками повоюемъ,—вотъ помяните слово мое! А? Что?..

Джіанъ-Галеаццо покачалъ головою:

— Нѣтъ, куда ужъ мнѣ.

И, посмотрѣвъ прямо въ глаза королю глубокимъ испытующимъ взоромъ, прибавилъ:

— Когда я умру, государь, не покиньте моего мальчика Франческо, а также Изабеллу. Она несчастная, — нѣтъ у нея никого на свѣтѣ...

— Ахъ ты, Господи! Господи!—воскликнулъ Карлъ въ неожиданномъ, сильномъ волненіи; толстыя губы его дрогнули, углы ихъ опустились и, словно внезапнымъ внутреннимъ свѣтомъ, лицо озарилось необычайной добротою.

Онъ быстро наклонился къ больному и, обнявъ его съ порывистою нѣжностью, пролепеталъ:

— Братецъ мой, миленькій!.. Бѣдный ты мой, бѣдненькій!..

Оба они улыбнулись другъ другу, какъ жалкія больныя дѣти, и губы ихъ соединились въ братскомъ поцѣлуѣ.

Выйдя изъ комнаты герцога, король подозвалъ кардинала:

— Бриссонэ, а, Бриссонэ... знаешь, надо какъ-нибудь... того... а?.. заступиться... Нельзя такъ, нельзя... Я — рыцарь... Надо защитить... слышишь?

— Ваше величество, — отвѣтилъ кардиналъ уклончиво, — онъ все равно умретъ. Да и чѣмъ могли бы мы помочь? Только себѣ повредимъ. Герцогъ Моро—нашъ союзникъ...

— Герцогъ Моро — злодѣй, вотъ что—да, да, человѣкоубійца!—воскликнулъ король, и глаза его сверкнули разумнымъ гнѣвомъ.

— Что же дѣлать?—молвилъ Бриссонэ, пожимая плечами, съ тонкой, снисходительной усмѣшкой, — герцогъ Моро—не хуже, не лучше другихъ. Политика, государь! Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

Кравчій поднесъ королю кубокъ французскаго вина. Карлъ выпилъ его съ жадностью. Вино оживило его и разсѣяло мрачныя мысли.

Вмѣстѣ съ кравчимъ вошелъ вельможа отъ герцога Моро съ приглашеніемъ на ужинъ. Король отказался. Посланный умолялъ. Но, видя, что просьбы не дѣйствуютъ, подошелъ къ Тибо и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и, въ свою очередь, шепнулъ королю:

— Ваше величество, мадонна Лукреція...

— А? Что?.. Что такое?.. Какая Лукреція?

— Та, съ которой вы изволили танцовать на вчерашнемъ балу.

— Ахъ, да, какъ же, какъ же... Помню... Мадонна Лукреція... Прехорошенькая!.. Ты говоришь,—будетъ на ужинѣ?

— Будетъ непремѣнно и умоляетъ ваше величество..,

— Умоляетъ... Вотъ какъ! Ну что же, Тибо? А? Какъ ты полагаешь? Я, пожалуй... Все равно... Куда ни шло!.. Завтра въ походъ... Въ послѣдній разъ... Поблагодарите герцога, мессиръ,—обратился онъ къ посланному,—и скажите, что я того... а?.. пожалуй...

Король отвелъ Тибо въ сторону:

— Послушай, кто такая эта мадонна Лукреція?

— Любовница Моро, ваше величество.

— Любовница Моро, вотъ какъ! Жаль...

— Сиръ, только словечко, — и все мигомъ устроимъ. Если угодно, сегодня же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно?.. Я—гость...

— Моро будетъ польщенъ, государь. Вы здѣшнихъ людишекъ не знаете...

— Ну, все равно, все равно. Какъ хочешь. Твое дѣло...

— Да ужъ будьте спокойны, ваше величество. Только словечко...

— Не спрашивай... Не люблю... Сказалъ,—твое дѣло... Ничего не знаю... Какъ хочешь...

Тибо молча и низко поклонился.

Сходя съ лѣстницы, король опять нахмурился и съ безпомощнымъ усиліемъ мысли потеръ себѣ лобъ:

— Бриссонэ, а, Бриссонэ... Какъ ты думаешь?.. Что бишь я хотѣлъ сказать?.. Ахъ, да, да... Заступиться... Невинный... Обида... Такъ нельзя. Я—рыцарь!..

— Сиръ, оставьте эту заботу, право же: намъ теперь не до того. Лучше потомъ, когда мы вернемся изъ похода, побѣдивъ турокъ, завоевавъ Іерусалимъ.

— Да, да, Іерусалимъ!—пробормоталъ король, и глаза его расширились, на губахъ выступила блѣдная, неясная и мечтательная улыбка.

— Рука Господня ведетъ ваше величество къ побѣдамъ,—продолжалъ Бриссонэ,—перстъ Божій указуетъ путь крестоносному воинству.

— Перстъ Божій! Перстъ Божій! — повторилъ Карлъ VIII торжественно и вдохновенно, подымая глаза къ небу.

VIII.

Восемь дней спустя молодой герцогъ скончался.

Передъ смертью онъ молилъ жену о свиданіи съ Леонардо. Она отказала ему. Мона Друда увѣрила Изабеллу, что порченные всегда испытываютъ неодолимое и пагубное для нихъ желаніе видѣть того, кто навелъ на нихъ порчу. Старуха усердно мазала больного скорпіоновою мазью. Врачи до конца мучили его кровопусканіями.

Онъ умеръ тихо.

— Да будетъ воля Твоя!—были послѣдними словами его.

Моро велѣлъ перенести изъ Павіи въ Миланъ и выставить въ соборѣ тѣло усопшаго.

Вельможи собрались въ Миланскій замокъ. Лодовико, увѣряя, что безвременная кончина племянника причиняетъ ему неимовѣрную скорбь, предложилъ объявить герцогомъ маленькаго Франческо, сына Джіана-Галеаццо, законнаго наслѣдника. Всѣ воспротивились и, утверждая, что не слѣдуетъ довѣрять несовершеннолѣтнему столь великой власти, отъ имени народа упрашивали самого Моро принять герцогскій жезлъ.

Онъ лицемѣрно отказывался. Наконецъ, какъ бы по неволѣ, уступилъ мольбамъ.

Принесли пышное одѣяніе изъ золотой парчи. Новый герцогъ облекся въ него, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ церковь Сантъ-Амброджіо, окруженный толпою приверженцевъ, оглашавшихъ воздухъ криками: «viva il Moro, viva il duca!»—при звукѣ трубъ, пушечныхъ выстрѣлахъ, звонѣ колоколовъ и безмолвіи народа.

На Торговой площади съ Лоджіи дельи Озіи на южной сторонѣ дворца Ратуши, въ присутствіи старѣйшинъ, консуловъ, именитыхъ гражданъ и синдиковъ, прочитана была герольдомъ «привилегія», дарованная герцогу Моро вѣчнымъ Августомъ Священной Римской Имперіи, Максимиліаномъ:

«Maximilianus divina favente clementia Romanorum Rex semper Augustus—всѣ области, земли, города, селенія, замки и крѣпости, горы, пастбища и равнины, лѣса, луга, пустоши, рѣки, озера, охоты, рыбныя ловли, солончаки, руды, владѣнія вассаловъ, маркизовъ, графовъ, бароновъ, монастыри, церкви, приходы, — всѣхъ и все даруемъ тебѣ, Лодовико Сфорца, и наслѣдникамъ твоимъ, утверждаемъ, назначаемъ, возвышаемъ, избираемъ тебя и сыновей твоихъ, и внуковъ, и правнуковъ въ самодержавные властители Ломбардіи до скончанія вѣковъ».

Черезъ нѣсколько дней объявлено было торжественное перенесеніе въ соборъ величайшой святыни Милана, одного изъ тѣхъ гвоздей, коими распятъ былъ Господь на крестѣ.

Моро надѣялся угодить народу и укрѣпить свою власть этимъ празднествомъ.

IX.

Ночью на площади Аренго, передъ виннымъ погребомъ Тибальдо собралась толпа. Здѣсь былъ Скарабулло лудильщикъ, златошвей Маскарелло, скорнякъ Мазо, башмачникъ Корболо и выдувальщикъ стекла Горгольо.

Посрединѣ толпы, стоя на боченкѣ, доминиканецъ фра Тимотео проповѣдовалъ:

— Братья, когда св. Елена подъ капищемъ богини Венеры обрѣла живоносное Древо Креста и прочія орудія страстей Господнихъ, зарытыя въ землю язычниками,—императоръ Константинъ, взявъ единый отъ святѣйшихъ и страшныхъ гвоздей сихъ, велѣлъ кузнецамъ задѣлать его въ удила боевого коня своего, да исполнится слово пророка Захаріи — «Будетъ сущее надъ конскою уздою святыня Господу». И сія неизреченная святыня даровала ему побѣду надъ врагами и супостатами римской имперіи. По смерти кесаря гвоздь былъ утраченъ и черезъ долгое время найденъ великимъ святителемъ Амвросіемъ Медіоланскимъ въ городѣ Римѣ, въ лавкѣ нѣкоего Паолино, торговца старымъ желѣзомъ, перевезенъ въ Миланъ, и съ той поры нашъ городъ обладаетъ самымъ драгоцѣннымъ и наисвятѣйшимъ изъ четырехъ гвоздей,—тѣмъ, коимъ пронзена была правая длань всемогущаго Бога на Древѣ Спасенія. Точная мѣра длины его—пять онцій съ половиной. Будучи длиннѣе и толще римскаго, имѣетъ онъ и остріе, тогда какъ римскій притупленъ. Въ теченіе трехъ часовъ находился нашъ гвоздь въ длани Спасителя, какъ это доказываетъ ученый падре Алессіо многими тончайшими силлогизмами.

Фра Тимотео остановился на мгновеніе, потомъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, воздѣвая руки къ небу:

— Нынѣ же, возлюбленные мои, совершается великое кощунство! Моро, злодѣй, человѣкоубійца, похититель престола, соблазняя народъ нечестивыми праздниками, святѣйшимъ гвоздемъ укрѣпляетъ свой шаткій престолъ!

Толпа заволновалась и зашумѣла.

— И знаете ли вы, братья мои,—продолжалъ монахъ,—знаете ли кому поручилъ онъ устройство машины для вознесенія гвоздя въ главномъ куполѣ собора надъ алтаремъ?

— Кому?

— Флорентинцу Леонардо да Винчи!

— Леонардо? Кто такой?—спрашивали одни.

— Какъ же, знаемъ,—отвѣчали другіе,—тотъ самый, что молодого герцога плодами отравилъ...

— Колдунъ, еретикъ, безбожникъ!

— А какъ же слышалъ я, братцы,—робко заступился Корболо,—будто бы этотъ мессэръ Леонардо человѣкъ добрый? Зла никому не дѣлаетъ. Не только людей, но и всякую тварь живую милуетъ...

— Молчи, Корболо! Чего вздоръ мелешь?

— Развѣ можетъ быть добрымъ колдунъ?

— О, чада мои,—объяснилъ фра Тимотео,—нѣкогда скажутъ люди и о великомъ обольстителѣ, о грядущемъ во тьмѣ: «Онъ добръ, онъ благъ, онъ совершенъ»,—ибо ликъ его будетъ подобенъ лику Христа, и данъ ему будетъ голосъ увѣтливый, сладостный, какъ звукъ цѣвницы. И многихъ соблазнитъ милосердіемъ лукавымъ. И созоветъ съ четырехъ вѣтровъ неба племена и народы, какъ созываетъ куропатка обманчивымъ крикомъ въ гнѣздо свое чужой выводокъ. Бодрствуйте же, братья мои! Се ангелъ мрака, князь міра сего, именуемый Антихристомъ, пріидетъ въ образѣ человѣческомъ: флорентинецъ Леонардо—слуга и предтеча Антихриста!

Выдувальщикъ стекла Горгольо, который никогда ничего не слыхивалъ о Леонардо, молвилъ съ увѣренностью:

— Истинно такъ! Онъ, говорятъ, душу дьяволу продалъ и собственной кровью договоръ подписалъ.

— Заступись, Матерь Пречистая, и помилуй!—верещала торговка Барбаччіа.—Намедни сказывала дѣвка Стамма,—въ судомойкахъ она у палача тюремнаго,—будто бы мертвыя тѣла этотъ самый Леонардо,—не къ ночи будь помянутъ,—съ висѣлицъ воруетъ, ножами рѣжетъ, потрошитъ, кишки выматываетъ...

— Ну, это не твоего ума дѣло, Барбаччіа,—замѣтилъ съ важностью Корболо,—это есть наука, именуемая анатоміей...

— Машину, говорятъ, изобрѣлъ, чтобы по воздуху летать на птичьихъ крыльяхъ,—сообщилъ златошвей Маскарелло.

— Древній крылатый зміи Веліаръ возстаетъ на Бога,—пояснилъ опять фра Тимотео,—Симонъ волхвъ тоже поднялся на воздухъ, но былъ низверженъ апостоломъ Павломъ.

— По морю ходитъ, какъ по суху,—объявилъ Скарабулло,—«Господь, молъ, ходилъ по водѣ, и я пойду»,—вотъ какъ богохульствуетъ!

— Въ стеклянномъ колоколѣ на дно моря опускается,—добавилъ скорнякъ Мазо.

— И, братцы, не вѣрьте. На что ему колоколъ? Обернется рыбой и плаваетъ, обернется птицей и летаетъ!—рѣшилъ Горгольо.

— Вишь ты, оборотень окаянный, чтобъ ему издохнуть!

— И чего отцы инквизиторы смотрятъ? На костеръ бы!

— Колъ ему осиновый въ горло!

— Увы, увы! Горе намъ, возлюбленные!—возопилъ фра Тимотео,—святѣйшій гвоздь, святѣйшій гвоздь—у Леонардо!

— Не быть тому!—закричалъ Скарабулло, сжимая кулаки,—умремъ, а не дадимъ святыни на поруганіе. Отнимемъ гвоздь у безбожника!

— Отомстимъ за гвоздь! Отомстимъ за убитаго герцога!

— Куда вы братцы?—всплеснулъ руками башмачникъ,— сейчасъ, обходъ ночной стражи. Капитанъ юстиціи...

— Къ черту Капитана юстиціи! Ступай подъ юбку къ женѣ своей, Корболо, ежели трусишь!

Вооруженная палками, кольями, бердышами, камнями, съ крикомъ и бранью, двинулась толпа по улицамъ.

Впереди шелъ монахъ, держа Распятіе въ рукахъ, и пѣлъ псаломъ:

«Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его, и да бѣгутъ отъ лица Его ненавидящіе Его.

«Какъ исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ, какъ воскъ отъ огня, такъ нечистивые да погибнутъ отъ лица Господня».

Смоляные факелы дымились и трещали. Въ ихъ багровомъ отблескѣ блѣднѣлъ опрокинутый серпъ одинокаго мѣсяца. Меркли тихія звѣзды.

X.

Леонардо работалъ въ своей мастерской надъ машиной для подъема святѣйшаго гвоздя. Зороастро дѣлалъ круглый ящикъ со стеклами и золотыми лучами, въ которомъ должна была храниться святыня. Въ темномъ углу мастерской сидѣлъ Джіованни Бельтраффіо, изрѣдка поглядывая на учителя.

Погруженный въ отвлечённое изслѣдованіе вопроса о передачѣ силы посредствомъ блоковъ и рычаговъ, Леонардо забылъ машину.

Только что кончилъ онъ сложное вычисленіе. Внутренняя необходимость разума—законъ математики—оправдывалъ внѣшнюю необходимость природы—законъ механики. Двѣ великія тайны сливались въ одну еще бо̀льшую.

— Никогда не изобрѣтутъ люди, — думалъ онъ съ тихой, радостной улыбкой,—ничего столь совершеннаго, легкаго и прекраснаго, какъ явленіе природы. Божественная необходимость принуждаетъ законами своими вытекать изъ причины слѣдствіе кратчайшимъ путемъ.

Въ душѣ его было знакомое чувство благоговѣйнаго изумленія передъ бездною, въ которую онъ заглядывалъ, чувство, не похожее ни на одно изъ другихъ доступныхъ людямъ чувствъ.

На поляхъ, рядомъ съ чертежомъ подъемной машины для святѣйшаго гвоздя, рядомъ съ цифрами и вычисленіями, написалъ онъ слова, которыя въ сердцѣ его звучали, какъ молитва:

«O mirabilé giustizia di te, primo Motore, tu non ài voluto mancare a nessuna poténzia l'ordine e qualità de sua necessari effeti.—О дивная

справедливость твоя, первый Двигатель! Ты не пожелалъ лишить никакую силу порядка и качества необходимыхъ дѣйствій, ибо, ежели должно ей подвинуть тѣло на сто локтей, и на пути встрѣчается преграда, Ты повелѣлъ, чтобы сила удара произвела новое движеніе, получая замѣну непройденнаго пути, различными толчками и сотрясеніями, о божественная необходимость твоя, первый Двигатель!»

Раздался громкій стукъ въ наружную дверь дома, пѣніе псалмовъ, брань и вопль разъяренной толпы.

Джіованни и Зороастро побѣжали узнать, что случилось.

Стряпуха Матурина, только что вскочившая съ постели, полуодѣтая, растрепанная, бросилась въ комнату съ крикомъ:

— Разбойники! Разбойники! Помогите! Матерь Пресвятая, помилуй насъ!

Вошелъ Марко д'Оджіоне съ аркебузой въ рукахъ и поспѣшно заперъ ставни на окнахъ.

— Что это, Марко?—спросилъ Леонардо.

— Не знаю. Какіе-то негодяи ломятся въ домъ. Должно быть монахи взбунтовали чернь.

— Чего они хотятъ?

— Чортъ ихъ разберетъ, сволочь полоумную! Святѣйшаго гвоздя требуютъ.

— У меня его нѣтъ. Онъ въ ризницѣ у архіепископа Арчимбольдо.

— Я и то имъ говорилъ. Не слушаютъ. Бѣснуются. Вашу милость отравителемъ герцога Джіана Галеацпо называютъ, колдуномъ и безбожникомъ.

Крики на улицѣ усиливались:

— Отоприте! Отоприте! Или гнѣздо ваше проклятое спалимъ! Подожди, доберемся мы до шкуры твоей, Леонардо, антихристъ окаянный!

— Да воскреснетъ Богъ, да расточатся враги Его!—возглашалъ фра Тимотео,—и съ пѣніемъ его сливался пронзительный свистъ шалуна Фарфаниккіо.

Въ мастерскую вбѣжалъ маленькій слуга Джьякопо, вскочилъ на подоконникъ, отворилъ ставню и хотѣлъ выпрыгнуть на дворъ, но Леонардо удержалъ его за край платья.

— Куда ты?

— За беровьеррами. Стража Капитана юстиціи въ этотъ часъ неподалеку проходитъ.

— Что ты? Богъ съ тобою, Джьякопо,—тебя поймаютъ и убьютъ!

— Не поймаютъ! Я черезъ стѣну къ теткѣ Труллѣ въ огородъ, потомъ въ канаву съ лопухомъ, и задворками... А если и убьютъ, лучше пусть меня, чѣмъ васъ!

Оглянувшись на Леонардо съ нѣжной и храброй улыбкой, мальчикъ вырвался изъ его рукъ, выскочилъ въ окно, крикнулъ со двора «выручу, не бойтесь!»—и захлопнулъ ставню.

— Шалунъ, бѣсенокъ,—покачала головой Матурина,—а вотъ въ бѣдѣ-то пригодился. И вправду, пожалуй, выручитъ...

Зазвенѣли разбитыя камнемъ стекла въ одномъ изъ верхнихъ оконъ.

Стряпуха жалобно вскрикнула, всплеснула руками, выбѣжала изъ комнаты, нащупала въ темнотѣ крутую лѣстницу погреба, скатилась по ней и, какъ потомъ сама разсказывала, залѣзла въ пустую винную бочку, гдѣ и просидѣла бы до утра, если бы ее не вытащили.

Марко побѣжалъ наверхъ запирать ставни.

Джіованни вернулся въ мастерскую, хотѣлъ опять сѣсть въ свой уголъ, съ блѣднымъ, убитымъ и ко всему равнодушнымъ лицомъ, но посмотрѣлъ на Леонардо, подошелъ и вдругъ упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Что съ тобой? О чемъ ты, Джіованни?

— Они говорятъ, учитель... Я знаю, это неправда... Я не вѣрю... Но скажите... ради Бога, скажите мнѣ сами!

Онъ не кончилъ, задыхаясь отъ волненія.

— Ты сомнѣваешься,—молвилъ Леонардо съ печальной усмѣшкой,—правду ли они говорятъ, что я—убійца?

— Одно слово, только слово, учитель, изъ вашихъ устъ!

— Что я могу тебѣ сказать, другъ мой? И зачѣмъ? Все равно ты не повѣришь, если могъ усумниться.

— О мессэръ Леонардо, — воскликнулъ Джіованни, — я такъ измучился, я не знаю, что со мной... я съ ума схожу, учитель... Помогите! Сжальтесь! Я больше не могу... Скажите, что это неправда!

Леонардо молчалъ.

Потомъ, отвернувшись, молвилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— И ты съ ними, и ты противъ меня!

Послышались такіе удары, что весь домъ задрожалъ: лудильщикъ Скарабулло рубилъ дверь топоромъ.

Леонардо прислушался къ воплямъ черни, и сердце его сжалось отъ знакомаго тихаго унынія, отъ чувства безпредѣльнаго одиночества.

Онъ опустилъ голову. Глаза его упали на строки, только что имъ написанныя:

«O mirabile giustizia di te primo Motore! О дивная справедливость твоя, первый Двигатель»!

«Такъ,—подумалъ онъ,—все благо, все отъ Тебя!

Онъ улыбнулся и съ великой покорностью повторилъ слова умирающаго герцога Джіана Галеацдо:

«Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ».

Д. С. Мережковскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Воскресеніе», романъ Л. Толстого.—Неувядающая сила творчества Толстого.—Безпощадная правда его критики.—Характеръ главныхъ героевъ.—Пассивность Катюши.—Нехлюдовъ—представитель обыкновеннаго средняго человѣка.—Превосходное изображеніе его постепеннаго возрожденія.—Блестящія характеристики высшей бюрократіи.—Описаніе этапной жизни.—Политическіе ссыльные въ изображеніи Толстого.—Огромное значеніе этого романа.

«Воскресеніе» Л. Толстого, конечно, уже знакомо читателямъ, и намъ не приходится излагать его содержаніе. Въ этомъ великомъ произведеніи, равнаго которому не появлялось за послѣднее десятилѣтіе ни у насъ, ни въ иностранной литературѣ, больше чѣмъ достаточно матеріала для самыхъ разнообразныхъ выводовъ и заключеній. И какъ ни дерзко говорить о немъ въ бѣглой журнальной замѣткѣ, нельзя удержаться, чтобы не высказать хотя отчасти того, что такъ волнуетъ при чтеніи этого произведенія.

Прежде всего невольное изумленіе охватываетъ читателя при видѣ этой неувядающей силы творчества, какую проявилъ великій писатель, семидесятилѣтіе котораго еще такъ недавно было отпраздновано литературой и въ Россіи, и за границей. Не смотря на очевидную порчу, которой несомнѣнно подвергся романъ въ различныхъ мѣстахъ,—и вся концепція его, и отдѣльныя удивительной красоты мѣста вполнѣ напоминаютъ того Толстого, какимъ мы его знаемъ въ «Войнѣ и мирѣ» или «Аннѣ Карениной». Та же широта захвата жизни, легкость и естественная простота, съ какими геніальной авторъ переноситъ насъ изъ тюрьмы въ залу суда, изъ суда въ великосвѣтское общество, изъ деревни въ столицу, изъ пріемной министра въ камеру сибирскаго этапа. При этомъ не чувствуется не малѣйшей дѣланности, какъ будто сама жизнь развертывается предъ нами во всемъ своемъ разнообразіи.

И какъ развертывается! Вы испытываете одновременно и потрясеніе отъ видимаго ужаса и несправедливости человѣческихъ отношеній, и умиленіе и радость за неугасимую жажду правды, которая все время чувствуется въ каждомъ моментѣ этихъ отношеній. Даже въ сценахъ самаго дикаго разгула насилія и неправды слышится неумолчный голосъ недремлющей совѣсти, къ которому чутко прислушивается авторъ и съ потрясающей силой передаетъ читателю. Благодаря этому чувству умиленія при видѣ торжества совѣсти надъ видимымъ господствомъ лжи, дикости, произвола, тягостныхъ и ненужныхъ жестокостей, чѣмъ такъ опутана жизнь человѣчества,—выносишь ощущеніе бодрящей свѣжести и радостнаго настроенія. Это общее впечатлѣніе можно бы сравнить съ тѣмъ, какое производятъ старинныя легенды о мученичествѣ праведниковъ. Какъ въ этихъ легендахъ, такъ и здѣсь вся эта власть грубой силы и лжи кажется чѣмъ-то не настоящимъ, безъ корней, чѣмъ-то такимъ, что не прочно, не имѣетъ внутренняго развитія, а лишь временно и преходяще, что отпадетъ, какъ шелуха, когда наступитъ «полнота временъ».

Какъ въ прежнихъ романахъ Толстого, читатель сразу вводится въ центръ дѣйствія и интереса повѣствованія, которое развертывается съ поразительной быстротой, захватывая и увлекая, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше усиливается эта стремительность дѣйствія. Оба центральныхъ лица романа обрисованы на первыхъ же страницахъ во всей сложности ихъ душевной драмы, на-ряду съ которой затѣмъ также быстро начинается другая, болѣе высокая общественная драма, борьба воскресающаго человѣка съ общественной неправдой. Вторая драма непосредственно вытекаетъ изъ первой, являясь первымъ необходимымъ актомъ воскресенія души, до того мертвой, погрязшей въ ложной условности и грязи жизни. И далѣе обѣ драмы идутъ параллельно, дополняя и освѣщая одна другую. Съ искусствомъ, доступнымъ только великому художнику, Толстой не отвлекается ни на одну минуту въ сторону, не теряетъ ни одной лишней строчки. Каждый штрихъ — это новая черта въ характерѣ главныхъ лицъ, въ ихъ душевной и общественной борьбѣ, новое явленіе, необходимое для усиленія правды общей картины нашей общественной жизни. Сжатость описанія доведена до виртуозности, что придаетъ всему роману особую силу, крѣпость и выразительность. Такая простота изложенія, почти лѣтописная, доступна только или великимъ художникамъ, какъ Пушкинъ, напр., или тѣмъ простымъ и сильнымъ душамъ, для которыхъ всегда важенъ лишь самый предметъ разсказа, а все остальное кажется слишкомъ ненужнымъ и лишнимъ, чтобы стоило о немъ распространяться и останавливаться на немъ. Но эта простота не имѣетъ въ себѣ ничего торопливаго или спѣшнаго; напротивъ, въ ней есть что-то важное и строгое, что удивительно отвѣчаетъ важности содержанія.

А содержаніе это дѣйствительно такъ важно, что въ сравненіи съ нимъ все представляется и ничтожнымъ, и преходящимъ, какъ мимолетныя настроенія будничнаго дня. Воскресеніе Нехлюдова—это вопросъ о возможности воскресенія для каждаго, кто погрязъ въ тинѣ нечистой животныхъ страстей и мелкихъ будничныхъ интересовъ и потерялъ свободу души. Воскресаетъ въ романѣ не Катюша Маслова, которую погубилъ Нехлюдовъ, а онъ самъ. Катюша чиста, ея душа не тронута и свѣжа, она только усыплена ужасами жизни, которую съ легкой руки Нехлюдова ей пришлось вести. Катюша не воскресаетъ, а просыпается, какъ только услышала благую вѣсть, что есть человѣкъ, который видитъ въ ней не просто предметъ для удовольствія, а человѣка такого же, какъ онъ самъ. Ей не съ чѣмъ бороться. Послѣ перваго момента оживленія старой острой боли, которая ей напомнила все ужасное, когда-то пережитое благодаря Нехлюдову, Катюша покорно отдается новому настроенію, которое и есть ея настоящее подлинное настроеніе, всецѣло отвѣчающее ея складу души. Съ того ужаснаго момента, какой она пережила, когда бѣжала за поѣздомъ, уносившимъ Нехлюдова, она не жила, не была человѣкомъ, а превратилась въ предметъ купли и продажи, и когда по временамъ что-то просыпалось въ душѣ, обострялась боль смутнаго сознанія причиненной ей несправедливости, Катюша сейчасъ же старалась подавить ее обычнымъ въ ея положеніи средствомъ: «станетъ скучно—покурила или выпила, и пройдетъ». Катюша—жертва, и все время ея роль пассивная. Только въ послѣднемъ моментѣ ея окончательнаго пробужденія, когда она, любя Нехлюдова, жертвуетъ этимъ чувствомъ для болѣе высокаго дѣла служенія страждущимъ и обремененнымъ, Катюша становится активнымъ существомъ. И все время въ романѣ не столько сама Катюша интересна, сколько окружающая ее обстановка, которая заслоняетъ ее постоянно. Сначала судъ, тюрьма, потомъ этапная жизнь, кружокъ политическихъ ссыльныхъ настолько привлекаютъ вниманіе, что даже подчасъ забываешь о ней, хотя она и должна бы быть центральнымъ лицомъ. Но ея пассивность, какъ жертвы, мѣшаетъ этому. И мѣсто, отведенное ей художникомъ въ романѣ, въ сущности незначительное. Только въ первыхъ главахъ она выступаетъ съ яркостью и

полнотой художественнаго изображенія, какія по силамъ одному Толстому. Удивительно чарующее впечатлѣніе производятъ эти главы, гдѣ описывается первое время сближенія ея съ Нехлюдовымъ, сцена въ церкви во время заутрени, да еще то мѣсто, когда она бѣжитъ за поѣздомъ. Послѣдняя сцена, пожалуй, самое сильное въ художественномъ отношеніи мѣсто романа. Эти главы прекрасны и не уступаютъ лучшимъ мѣстамъ прежнихъ романовъ Толстого.

Тѣмъ не менѣе, главный интересъ сосредоточенъ на Нехлюдовѣ, который и является центральнымъ лицомъ романа. Его душевная борьба и борьба, которую онъ ведетъ съ общественными условіями, сосредоточиваютъ все вниманіе автора и читателей. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ дѣйственная роль принадлежитъ Нехлюдову съ начала и до конца. Онъ—преступникъ, сначала только мучающійся сознаніемъ совершоннаго проступка, потомъ всѣ силы кладущій на то, чтобы исправить причиненное зло и возстановить хотя отчасти нарушенную справедливость. Въ то же время онъ долженъ являться выразителемъ взглядовъ самого автора, что усложняетъ его личность въ романѣ и придаетъ ему двойной интересъ.

Что такое Нехлюдовъ? Прежде всего, какъ намъ кажется, онъ, по замыслу автора, человѣкъ вполнѣ простой, отнюдь не выше средняго уровня. Конечно, въ своей средѣ, гдѣ онъ росъ, воспитывался и дѣйствовалъ, онъ несомнѣнно выше этого уровня, настолько выше, что его тамъ и не понимаютъ вовсе. Благодаря его знатности, богатству, родовитымъ связямъ, его уважаютъ, но подсмѣиваются, какъ надъ чудакомъ, который самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Этой средѣ онъ чуждъ всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, его увлеченія, сомнѣнія, раскаяніе—все непонятно и смѣшно въ глазахъ его окружающихъ, даже преступно и не должно быть терпимо, какъ увѣренно заявляетъ мужъ его сестры, готовый требовать надъ нимъ опеки, какъ надъ расточителемъ и ненормальнымъ субъектомъ. Но вся эта среда такъ чудовищно низменна, такъ плоска и ничтожна внутри, что внѣ ея Нехлюдовъ—только средній человѣкъ, не выдающійся ни особыми способностями, ни особой силой воли, ни темпераментомъ. Какъ большинство людей интеллигентнаго круга, онъ получилъ рядъ взглядовъ, признаваемыхъ имъ правильными, но лишь въ отвлеченномъ смыслѣ имѣющими для него значеніе. Его убѣжденія—одно, а жизнь и практика—другое, и нужно что-либо страшно выдающееся, чтобы заставить его проникнуться сознаніемъ этого противорѣчія и увидѣть, какъ онъ опустился отъ того идеала, который нѣкогда лелѣялъ въ душѣ. Развѣ это не обычная исторія массы среднихъ людей? Вначалѣ «честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло», потомъ—«развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только свое наслажденіе». «Тогда міръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадать; теперь все въ этой жизни было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился. Тогда нужно и важно было общеніе съ природой и съ людьми, жившими, мыслившими и чувствовавшими до него (философами, поэтами); теперь нужны и важны были человѣческія учрежденія и общеніе съ товарищами. Тогда женщина представлялась таинственнымъ и прелестнымъ,—именно этою таинственностью прелестнымъ существомъ; теперь значеніе женщины, всякой женщины, кромѣ своихъ семейныхъ и женъ друзей, было очень опредѣленное: женщина была однимъ изъ лучшихъ орудій испытаннаго уже наслажденія. Тогда не нужно было денегъ и можно было не брать и третьей части того, что давала мать, можно было отказаться отъ имѣнья отца и отдать его крестьянамъ; теперь же не доставало тѣхъ 1.500 р. въ мѣсяцъ, которые давала мать, и съ ней бывали уже непріятные разговоры изъ-за денегъ. Тогда своимъ настоящимъ *я* онъ считалъ свое духовное существо; теперь онъ считалъ собою свое здоровое, бодрое, животное *я*»,—такъ характе-

ризуетъ Толстой прежняго и теперешняго Нехлюдова, и развѣ эта характеристика не приложима цѣликомъ къ любому изъ массы среднихъ людей?

Авторъ по своему объясняетъ эту рѣзкую перемѣну, какую каждый можетъ найти въ себѣ, сравнивъ себя въ юности съ тѣмъ, какимъ, онъ становится потомъ. Но перемѣна вѣрно указана, и исторія Нехлюдова—это обычная исторія огромнаго большинства, что и дѣлаетъ его типичнымъ представителемъ середины. Немногимъ, правда, приходится пережить такую душевную катастрофу, какъ Нехлюдову, и большинство опускается постепенно, даже не замѣчая паденія.

Съ Нехлюдовымъ случилось не такъ, и не потому, чтобы онъ обладалъ особой чувствительностью, но и его проступокъ самъ по себѣ былъ выдающимся и возмездіе, обрушившееся на его голову, било таковымъ же. Нехлюдовъ не просто соблазнилъ дѣвушку, первую попавшуюся подъ руку, что такъ часто случалось и случается въ обыденной жизни. И такой поступокъ былъ-бы подлостью, для которой нѣтъ и не можетъ быть снисхожденія. Но обстоятельства, которыми сопровождался его поступокъ, дѣлаютъ его поистинѣ чудовищнымъ. Для него эта дѣвушка была раньше дорогимъ, любимымъ существомъ, одно присутствіе котораго освѣщало жизнь. «Какъ только Катюша входила въ комнату или даже издалека Нехлюдовъ видѣлъ ея бѣлый фартукъ, такъ все для него какъ-бы освѣщалось солнцемъ, все становилось интереснѣе, веселѣе, значительнѣе, жизнь становилась радостной... Но не только присутствіе и близость Катюши производили это дѣйствіе на Нехлюдова; это дѣйствіе производило на него одно сознаніе, что есть Катюша... Получалъ-ли Нехлюдовъ непріятное письмо отъ матери, или не ладилось его сочиненіе, или онъ чувствовалъ юношескую безпричинную грусть, стоило ему только вспомнить о томъ, что есть Катюша и онъ увидитъ ее, и все это разсѣивалось». И потомъ, когда онъ снова пріѣзжаетъ вторично къ теткѣ въ деревню, гдѣ жила Катюша, его влечетъ къ ней любовь. Какъ и прежде, хотя самъ онъ уже измѣнился и изъ чистаго юноши превратился въ зауряднаго офицера, его охватываетъ то же чувство при видѣ ея. «Такъ же, какъ и прежде, онъ не могъ безъ волненія видѣть теперь бѣлый фартукъ Катюши, не могъ безъ радости слышать ея походку, ея голосъ, ея смѣхъ, не могъ безъ умиленія смотрѣть въ ея черныя, какъ мокрая смородина, глаза, особенно когда она улыбалась, не могъ главное, безъ смущенія видѣть, когда она краснѣла при встрѣчѣ съ нимъ». Съ особой чарующей силой и радостью онъ испытываетъ это чувство любви во время заутрени, когда онъ съ изумленіемъ думаетъ, какъ это другіе не замѣчаютъ «что все, что существуетъ здѣсь да и вездѣ на свѣтѣ—существуетъ только для Катюши, и что пренебречь можно всѣмъ на свѣтѣ, только не ею, потому что она—центръ всего. Для нея блистало золото иконостаса и горѣли всѣ эти свѣчи на паникадилѣ и въ подсвѣчникахъ, для нея были эти радостные напѣвы: «Пасха Господня, радуйтесь людіе». И все, что только было хорошаго на свѣтѣ, было для нея.» Словомъ, Нехлюдовъ любилъ ее всѣмъ пыломъ хорошаго, молодого чувства, и тѣмъ ужаснѣе, безобразнѣе былъ его поступокъ, которымъ завершилась эта любовь, когда на другой, день, прощаясь съ соблазненной имъ дѣвушка, онъ далъ ей сто рублей, думая, этимъ не то что искупить, а хотя отчасти возмѣстить обиду. «Нѣтъ, возьми,—проборматалъ онъ (когда Катюша отбивается отъ его денегъ), и сунулъ ей конвертъ за пазуху и, точно какъ будто онъ обжегся, онъ, морщась и стоная, побѣжалъ въ свою комнату. И долго послѣ это онъ все ходилъ по своей комнатѣ, и корчился, и даже прыгалъ, и вслухъ охалъ словно отъ физической боли, какъ только вспоминалъ эту сцену». Поступивъ какъ самый послѣдній негодяй, Нехлюдовъ не понялъ, не могъ даже представить себѣ всей глубины жестокости и обиды своего дѣла. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что всѣ его знакомые такъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, и это

до извѣстной степени его успокаивало. А праздная, барская жизнь, «новыя мѣста, товарищи, война», помогла ему и окончательно забыть весь этотъ эпизодъ.

И не встрѣть онъ случайно ту же Катюшу десять лѣтъ спустя на скамьѣ подсудимыхъ, Нехлюдовъ такъ и не вспомнилъ бы загубленную имъ дѣвушку. Вся жизнь его за это время сложилась такъ, какъ бываетъ въ его средѣ, обезпеченной, не знающій никакой цѣли, кромѣ наслажденій. Въ своихъ глазахъ и въ мнѣніи окружающихъ онъ считался вполнѣ порядочнымъ, «корректнымъ» господиномъ, и даже, самъ не отдавая себѣ отчета, питалъ въ душѣ особыя требованія на особую къ нему почтительность и уваженіе. Онъ унаслѣдовалъ послѣ матери огромное состояніе, намѣревается обзавестись семьей, имѣетъ любовницу «изъ вполнѣ порядочнаго дома», и лишь смущается неудобствомъ ухаживать за дѣвушкой, на которой онъ хочетъ жениться, и въ то же время находится въ связи съ замужней женщиной.

Чтобы встряхнуть такую легко и удобно примѣняющуюся къ текущей обычной жизни натуру, надо что-либо ужасное, страшное, подавляющее. Но и послѣ встрѣчи, когда онъ видитъ уже послѣдствія своего поступка, онъ не сразу мѣняется, и здѣсь Толстой проявилъ удивительное пониманіе такихъ слабыхъ натуръ. Еще въ судѣ, когда Нехлюдовъ ясно видитъ, что Катюша невинна, онъ могъ-бы энергичнымъ вмѣшательствомъ при обсужденіи присяжными ея вины, измѣнить ихъ приговоръ. Но все время онъ молчитъ, погрузившись въ свои терзанія, и допускаетъ грубую неправильность въ окончательномъ рѣшеніи присяжныхъ,—неправильность, благодаря которой невинная женщина должна идти на каторгу. Въ томъ «безуміи эгоизма», въ которомъ Нехлюдовъ жилъ всѣ десять лѣтъ, иначе и быть не могло. Сначала у него является дрянной страхъ, что Катюша его узнала и сейчасъ при всѣхъ осрамитъ его. Потомъ—терзанія воспоминаніемъ о своемъ поступкѣ и даже затаенная жалость къ себѣ, и только уже затѣмъ просыпается другое чувство, заставляющее Нехлюдова забыть на время себя и подумать о ней, предъ которой онъ провинился вторично, не отстоявъ ея интереса на судѣ, что было такъ просто и легко. Всѣ эти колебанія, попытка какъ-нибудь вывернуться изъ труднаго положенія и, наконецъ, отчаянное рѣшеніе жениться на обиженной имъ дважды Катюшѣ, обрисованное съ тонкостью и мастерствомъ великаго психолога-художника, дѣлаютъ изъ Нехлюдова вполнѣ живое лицо. Такъ легко было-бы впасть въ мелодраматизмъ и фальшь, только немного усиливъ героизмъ положенія, въ которомъ очутился Нехлюдовъ. Ничего подобнаго, однако, мы не видимъ, и все время предъ нами не герой, а жалкій и слабый человѣкъ, выбитый изъ такъ хорошо, казалось, налаженной колеи жизни. Даже рѣшеніе жениться на Катюшѣ и начать новую жизнь не возвышаютъ его, ибо Толстой, отмѣтивъ облегченіе, какое при этомъ почувствовалъ Нехлюдовъ, немедленно ловитъ его: «На глазахъ его были слезы, когда онъ говорилъ себѣ это, и хорошія, и дурныя слезы, хорошія потому, что это были слезы радости, пробужденія въ себѣ того духовнаго существа, которое всѣ эти годы спало въ немъ, и дурныя потому, что они были слезы умиленія надъ самимъ собой, надъ своей добродѣтелью».

Отсюда еще далеко до воскресенія, до полнаго пониманія и себя, и своего поступка, и до того душевнаго подъема, когда человѣкъ сознательно дѣлаетъ добро не ради себя, а ради самого добра и въ этомъ испытываетъ великую радость. Нехлюдовъ долженъ пройти рядъ испытаній, которыя постепенно раскрываютъ ему глаза и очищаютъ его засоренную эгоизмомъ душу. Какъ всѣ слабые, не энергичные люди, Нехлюдовъ не въ силахъ управлять своей жизнью, скорѣе событія его влекутъ и направляютъ. Въ новомъ его настроеніи онъ не противится, когда эти событія его влекутъ въ хорошую сторону, какъ раньше не противился, когда жизнь, окружающіе, товарищи, мать—влекли его въ дурную.

И та же Катюша первая вскрываетъ ему истину его героическаго рѣшенія жениться на ней. При второмъ свиданіи въ тюрьмѣ происходитъ объясненіе, поразительное по силѣ и правдѣ. Даже у самого Толстого трудно указать такую потрясающую сцену, какъ это свиданіе. Когда Нехлюдовъ говоритъ, что пришелъ просить у нея прощенія, Катюша, предъ тѣмъ нѣсколько выпившая, смущается.

«— Ну что, все простить, простить, ни къ чему это... вы лучше...

«— Я хочу загладить свою вину,—продолжалъ Нехлюдовъ:—и загладить не словами, а дѣломъ. Я рѣшилъ жениться на васъ.

«Лицо ея вдругъ выразило испугъ. Косые глаза ея, остановившись, смотрѣли и не смотрѣли на него.

«— Это еще зачѣмъ понадобилось?—проговорила она, злобно хмурясь.

«— Я чувствую, что я передъ Богомъ долженъ сдѣлать это.

«— Какого еще Бога тамъ нашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вотъ вы бы тогда помнили Бога, — сказала она и, раскрывъ ротъ, остановилась.

«Нехлюдовъ только теперь почувствовалъ сильный запахъ вина изъ ея рта и понялъ причину ея возбужденія.

«— Успокойтесь,—сказалъ онъ.

«— Нечего мнѣ успокаиваться. Ты думаешь, я пьяна? Я и пьяна, да помню, что говорю,—вдругъ быстро заговорила она и вся багрово покраснѣла:—я каторжная, а вы баринъ, князь, и нечего тебѣ со мной мараться. Ступай къ своимъ княжнамъ...

«— Какъ бы жестоко ты ни говорила, ты не можешь сказать того, что я чувствую, — весь дрожа, тихо сказалъ Нехлюдовъ:—не можешь себѣ представить, до какой степени я чувствую свою вину передъ тобою!..

«— Чувствую вину»!—злобно передразнила она.—Тогда не чувствовалъ, а сунулъ 100 рублей. Вотъ—твоя цѣна!..

«— Знаю, знаю, но что же теперь дѣлать?—сказалъ Нехлюдовъ,—Теперь я рѣшилъ, что не оставлю тебя,—повторилъ онъ:—и что сказалъ, то сдѣлаю.

«— А я говорю, не сдѣлаете!—проговорила она и громко засмѣялась.

«— Катюша!—началъ онъ.

«— Уйди отъ меня! Я — каторжная, а ты—князь и нечего тебѣ тутъ быть,—вскрикнула она, вся преображенная гнѣвомъ, вырывая у него руку.— Ты мной хочешь спастись,—продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось въ ея душѣ.—Ты мной въ этой жизни услаждался, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Противенъ ты мнѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты!—закричала она, энергическимъ движеніемъ вскочивъ на ноги.

«Надзиратель подошелъ къ нимъ.

«— Ты что скандалишь! Развѣ такъ можно...

«— Оставьте, пожалуйста,—сказалъ Нехлюдовъ.

«— Чтобъ не забывалась,—сказалъ надзиратель.

«— Нѣтъ, подождите, пожалуйста,—сказалъ Нехлюдовъ. Надзиратель отошелъ къ окну.

«Маслова опять сѣла, опустивъ глаза и крѣпко сжавъ свои скрещенныя пальцами маленькія руки. Нехлюдовъ стоялъ надъ ней, не зная, что дѣлать.

«— Ты не вѣришь мнѣ,—сказалъ онъ.

«— Что вы жениться хотите—не будетъ этого никогда. Повѣшусь скорѣе! Вотъ вамъ.

«— Я все-таки буду служить тебѣ.

«— Ну, это ваше дѣло. Только мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Это я вѣрно вамъ говорю,—сказала она.—И зачѣмъ я не умерла тогда,—прибавила она, и заплакала жалостнымъ тономъ».

Это ужасное объясненіе, при которомъ Нехлюдовъ играетъ такую жалкую роль, открываетъ ему глаза, и съ этого момента начинается для него настоящая казнь и вмѣстѣ съ тѣмъ воскресеніе. «Да, такъ вотъ оно что! вотъ что! думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ острога и только теперь вполнѣ понимая всю вину свою. Если бы онъ не попытался загладить, искупить свой проступокъ, онъ никогда бы не почувствовалъ всей преступности его, мало того, и она бы не чувствовала всего зла, сдѣланнаго ей. Только теперь это все вышло наружу во всемъ своемъ ужасѣ. Онъ увидалъ теперь только, что онъ сдѣлалъ съ душой этой женщины, и она увидала и поняла, что было сдѣлано съ нею. Прежде Нехлюдовъ игралъ своимъ чувствомъ, любовался самимъ собой и своимъ раскаяніемъ, теперь ему просто было страшно. Бросить ее,—онъ чувствовалъ это теперь,—онъ не могъ, а между тѣмъ не могъ себѣ представить, что выйдетъ изъ его отношеній къ ней».

И первое, въ чемъ начинаетъ проявляться новый человѣкъ, пробуждающійся въ Нехлюдовѣ, это вниманіе и сочувствіе къ чужимъ страданіямъ. Въ романѣ идутъ рядомъ двѣ работы, совершаемыя Нехлюдовымъ: работа надъ собой, надъ своимъ воскресеніемъ, и безкорыстная чистая работа для другихъ. Этотъ параллелизмъ, превосходно проведенный до мельчайшихъ деталей, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ окончательное торжество новаго человѣка, исполненнаго готовности на любое самопожертвованіе, надъ прежнимъ эгоистическимъ животнымъ, которое въ теченіе десяти лѣтъ подавляло всякое проявленіе духовнаго существа Нехлюдова. Такая побѣда не дается сразу и даромъ, какъ казалось вначалѣ Нехлюдову послѣ его скоропалительнаго рѣшенія: «женюсь на ней, если надо». Онъ увидѣлъ, что отъ Катюши это зависитъ гораздо больше, чѣмъ отъ него, а кромѣ того, въ самомъ этомъ рѣшеніи было больше фарисейскаго самолюбія, чѣмъ искренняго горячаго чувства.

Трудно совлекается старый человѣкъ со всѣмъ его комплексомъ привычекъ, взглядовъ, отношеній къ другимъ людямъ, съ которыми онъ сжился и связанъ тысячами неуловимыхъ, но весьма прочныхъ нитей. Вся вторая часть романа посвящена описанію той внутренней и внѣшней борьбы, которую ему приходится вести съ той минуты, когда свое рѣшеніе посвятить себя Катюшѣ и страждущимъ онъ начинаетъ приводить въ исполненіе. Эта часть далеко уступаетъ первой по художественности. Въ ней больше отведено мѣста размышленіямъ и наблюденіямъ, устами Нехлюдова то и дѣло говоритъ самъ Толстой, что такъ любитъ авторъ вообще. Въ деревнѣ Нехлюдовъ пытается растолковать мужикамъ теорію Генри Джоржа о національзаціи земли,—теорію, которой Толстой, видимо, придаетъ вполнѣ серьезное значеніе. Въ столицѣ авторъ водитъ Нехлюдова по разнымъ пріемнымъ высокопоставленныхъ лицъ, и здѣсь его мѣткія характеристики и опредѣленія разныхъ учрежденій болѣе интересны и важны, чѣмъ увлеченіе Генри Джоржемъ. Здѣсь для него открывается широкое поле для уничтожающей критики, съ которою Толстой относится къ обществу. Сцена въ сенатѣ, разборъ кассаціонной жалобы, поданной Нехлюдовымъ отъ имени Масловой, превосходна. Лучше всего, однако, удивительныя характеристики сановныхъ лицъ, по истинѣ подлинные историческіе портреты, напоминающіе его же характеристики въ «Войнѣ и мирѣ». Въ нихъ сконцентрировано все бездушье и формализмъ высшей бюрократіи, далекой всего живого, неспособной понять даже, когда это живое стонетъ и корчится въ мукахъ отъ тѣхъ экспериментовъ, какіе продѣлываетъ надъ нимъ формализмъ. Припомнимъ, напр., стараго генерала-спирита, съ бѣлымъ крестомъ въ петличкѣ, къ которому Нехлюдовъ обращается съ просьбой о смягченіи участи одного заключеннаго. «Онъ строго исполнялъ предписанія высшаго начальства и особенно дорожилъ этимъ исполненіемъ. Приписывая этимъ предписаніямъ особенное значеніе, онъ считалъ, что все на свѣтѣ можно измѣнить, но только не эти предписанія». Въ изображеніи этого

живого мертвеца есть что-то почти мистическое, апокалипсическое, и васъ невольно охватываетъ тоже чувство безнадежности, какъ и Нехлюдова. Не менѣе хороши и типы сенаторовъ, обсуждающихъ кассаціонную жалобу, но полнѣе и ярче другихъ изображеніе дяди Нехлюдова, бывшаго министра, «главныя качества котораго состояли въ томъ, во-первыхъ, что онъ умѣлъ понимать смыслъ написанныхъ бумагъ и законовъ и хотя и нескладно, но умѣлъ составлять удобопонятныя бумаги и писать ихъ безъ орѳографическихъ ошибокъ; во-вторыхъ, въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно представителенъ, и, гдѣ нужно было, могъ являть видъ не только гордости, но неприступности и величія, а гдѣ нужно было, могъ быть подобострастенъ; въ-третьихъ, въ томъ, что у него не было никакихъ общихъ принциповъ или правилъ, ни нравственныхъ, ни государственныхъ, и что онъ поэтому со всѣми могъ быть согласенъ, когда это нужно было, и когда это нужно было, могъ быть со всѣми не согласенъ. Поступая такъ, онъ старался только о томъ, чтобы былъ выдержанъ тонъ и не было явнаго противорѣчія самому себѣ; къ тому же, нравственны или безнравственны его поступки сами по себѣ, и произойдетъ ли отъ нихъ величайшее благо или величайшій вредъ для Россійской имперіи или для всего міра,—онъ былъ совершенно равнодушенъ. Когда онъ сдѣлался министромъ, не только всѣ зависѣвшіе отъ него, а зависѣло отъ него очень много людей и приближенныхъ, но и всѣ посторонніе люди, и онъ самъ были увѣрены, что онъ очень умный государственный человѣкъ. Но когда прошло извѣстное время, и онъ ничего не устроилъ, ничего не показалъ и когда, по закону борьбы за существованіе, точно такіе же, какъ и онъ, научившіеся писать и понимать бумаги, представительные и безпринципные чиновники вытѣснили его, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку, то всѣмъ стало ясно, что онъ былъ не только не особенно умный человѣкъ, но очень ограниченный и мало образованный, хотя и очень самоувѣренный человѣкъ, который едва-едва поднимался въ своихъ взглядахъ до уровня передовыхъ статей консервативныхъ газетъ. Оказалось, что въ немъ ничего не было отличающаго его отъ другихъ мало образованныхъ и самоувѣренныхъ чиновниковъ которые его вытѣснили, и онъ самъ это понялъ, но это нисколько не поколебало его убѣжденія въ томъ что онъ долженъ каждый годъ получать большое количество казенныхъ денегъ и новые ордена».

Единственное, до извѣстной степени человѣческое лицо, съ которымъ сталкивается Нехлюдовъ, это его бывшій товарищъ Селенинъ, по крайней мѣрѣ, въ немъ еще живо чувство не внѣшней, а внутренней порядочности. Но и онъ уже почти совсѣмъ отравленъ мертвечиной бюрократіи, и для него важнѣе форма, а не сущность. Онъ стоитъ за отказъ въ пересмотрѣ дѣла Катюши только потому, что не соблюдена формальность—«надо было записать въ протоколъ». Этого не сдѣлано, и пусть гибнетъ человѣкъ. Встрѣча съ Селенинымъ является послѣднимъ толчкомъ, окончательно заставляющимъ Нехлюдова махнуть рукой на этотъ мертвый кругъ, гдѣ онъ нѣкогда вращался. Примѣръ Селенина, когда-то такого правдиваго, вѣрнаго, честнаго и чистаго, котораго этотъ кругъ все-таки превратилъ въ мумію,—убѣждаетъ его, что для живой души, для хорошей, умной и честной работы на пользу людей здѣсь нѣтъ мѣста. И служба, и семья здѣсь все «не то», одна ложь и взаимный обманъ. Въ то же время есть что-то подкупающее и заманчивое въ тѣхъ мягкихъ, культурно-утонченныхъ формахъ, въ которыя отлились здѣсь ложь и обманъ. Нехлюдовъ это испытываетъ на себѣ въ мимолетномъ флиртѣ, завязывающемся у него съ женой того больного чиновника, отъ котораго зависитъ судьба политическихъ. У него возникаетъ мучительное сомнѣніе. «Хорошо ли я сдѣлаю, уѣхавъ въ Сибирь? И хорошо ли сдѣлаю, лишивъ себя богатства?» Но разъ понявъ ложь всего этого круга, онъ уже не можетъ вернуться туда, его гонитъ чувство гадливости, какое онъ испытываетъ отъ общаго лганія, взаимнаго лицемѣрія и

чудовищной наглости царящаго здѣсь животнаго эгоизма. И прежде приходилось ему испытывать такое же ощущеніе гадливости, въ тѣ минуты, когда онъ производилъ, по его выраженію, «чистку души», но раньше дальше «чистки» дѣло не шло. Очищенную душу онъ снова и не медля засорялъ тѣмъ же хламомъ. Теперь въ его душѣ была забота, много заботъ о другихъ, о самыхъ важныхъ для нихъ дѣлахъ, и эта забота не позволила ему удаляться съ избранной дороги.

Изъ Петербурга Нехлюдовъ возвращается наполовину возрожденнымъ и вполнѣ воскресаетъ къ новой жизни, пройдя тягостный путь отъ Москвы до Иркутска по ужаснымъ этапамъ вмѣстѣ съ партіей, въ которой идетъ Маслова. Третья часть, самая краткая, видимо много-много сокращенная, едва ли не самая интересная, хотя и не такъ сильно написана, какъ первая. Въ литературѣ послѣдняго времени впервые выступаютъ здѣсь политическіе ссыльные, съ которыми удается Нехлюдову помѣстить Маслову и тѣмъ уберечь ее отъ ужасовъ уголовной среды. Огромный талантъ, его несравненная психологическая проницательность помогли Толстому справиться съ этой новой задачей. Онъ обрисовалъ рядъ типовъ политическихъ ссыльныхъ, избѣжавъ двухъ крайностей—не возводя на пьедесталъ и не принизивъ ихъ. Они вышли у него такими же живыми людьми, какъ и остальные, кого только онъ коснулся своимъ магическимъ творческимъ перомъ. Онъ съумѣлъ подмѣтить въ нихъ и то, что сближаетъ ихъ съ обыкновенными людьми, и то, что выдѣляетъ ихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Художественная перспектива соблюдена съ поразительной вѣрностью, и въ свою огромную галлерею типовъ Толстой ввелъ рядъ новыхъ. Послѣдующей литературѣ остается только ихъ дополнять и развивать,—тонъ данъ вѣрный и путь указанъ настоящій.

Нехлюдовъ, видя ихъ благотворное вліяніе на Маслову, сближается съ ними дорогой и, узнавъ ихъ ближе, убѣждается. «что это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ многіе, и не были сплошные герои, какими нѣкоторые изъ нихъ считали людей своей партіи, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошіе и дурные, и средніе люди. Были между ними и такіе, которые руководствовались эгоистическими, тщеславными мотивами; большинство же было привлечено знакомымъ Нехлюдову, по военному времени, желаніемъ опасности, риска, наслажденіемъ игры своей жизнью, чувствами, свойственными самой обыкновенной энергической молодежи... Это были такіе же люди, какъ и всѣ, но съ тою разницей, что тѣ изъ нихъ, которые были выше средняго уровня, были гораздо выше его, тѣ же, которые были ниже средняго уровня, были гораздо ниже его, представляя изъ себя часто людей несправедливыхъ, притворяющихся и вмѣстѣ съ тѣмъ самоувѣренныхъ и гордыхъ».

Въ описаніи Толстого, однако, большинство, если не всѣ, несомнѣнно выше того средняго уровня, которымъ ихъ мѣряетъ авторъ. Только одинъ, нѣкто Новодворовъ, производитъ нѣсколько иное впечатлѣніе, и Нехлюдовъ, «не смотря на то благодушное настроеніе, въ которомъ онъ находился во время путешествія», не любитъ его и даже презираетъ въ душѣ. Всѣ портреты набросаны бѣгло, за исключеніемъ двухъ—дѣвушки Марьи Павловны и Симонсона, къ которымъ Толстой постоянно возвращается, рисуя ихъ съ необычайной теплотой и любовью. Первая является у него олицетвореніемъ истинной дѣйственной доброты и дѣятельной любви къ людямъ, идеаломъ настоящаго человѣка. Одинъ изъ ея товарищей, тотъ самый Новодворовъ, столь несимпатичный автору, «шутя, говоритъ про нее, что она предается спорту благотворенія. И это была правда. Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни. И дѣлала она это такъ естественно, что всѣ, знав-

шіе ее, уже не цѣнили, а требовали этого». Другой, Симонсонъ, выступаетъ олицетвореніемъ самостоятельной мысли, всецѣло стремящейся къ правдѣ жизни. Онъ никогда не подчиняется чужому мнѣнію, а только голосу собственнаго разума, и что признаетъ правильнымъ, тому слѣдуетъ неуклонно. Съ людьми онъ былъ кротокъ и скроменъ, но «когда онъ рѣшилъ что-нибудь, ничто уже не могло остановить его».

Эти два человѣка оказали рѣшительное вліяніе на судьбу Масловой. Марья Павловна своей любовью къ ней, какъ къ несчастной, нуждающейся въ помощи. Симонсонъ тѣмъ, что горячо и безповоротно полюбилъ ее. «Маслова женскимъ чутьемъ очень скоро догадалась объ этомъ, и сознаніе того, что она могла возбудить любовь въ такомъ необыкновенномъ человѣкѣ, подняло ее въ ея собственномъ мнѣніи. Нехлюдовъ предлагалъ ей бракъ по великодушію и по тому, что было прежде, но Симонсонъ любилъ ее такою, какою она была теперь, и любилъ прямо за то, что любилъ». Судьба Катюши рѣшилась такимъ образомъ, и Толстой съумѣлъ сдѣлать это рѣшеніе вполнѣ жизненнымъ и простымъ. Окончательное преображеніе Катюши въ обществѣ хорошихъ людей подъ вліяніемъ двухъ равно сильныхъ чувствъ вполнѣ естественно. Не испорченная, по существу здоровая и хорошая натура дѣвушки очнулась изъ подъ наслоенія житейскаго хлама и проявила себя такою, какою она была до роковой для нея встрѣчи съ Нехлюдовымъ. Катюша нѣсколько колеблется между Нехлюдовымъ и Симонсономъ. Перваго она сама любитъ, старое чувство къ нему не могло не проснуться при видѣ его раскаянія и тѣхъ усилій, какія онъ дѣлалъ для облегченія ея жизни. Второй любитъ ее, и она принимаетъ его предложеніе. Съ тѣмъ же женскимъ инстинктомъ она поняла, что въ Нехлюдовѣ говоритъ только великодушіе, а не любовь къ ней, и что жизнь съ нимъ въ Сибири превратилась бы для обоихъ въ своего рода каторгу. Ее подавляла бы ежедневно мысль о его великодушіи, его—сознаніе необходимости выполнить долгъ до конца. Тогда какъ Симонсонъ предлагалъ ей чистое и горячее чувство, жизнь на правахъ равной съ равнымъ, общее дѣло и общіе интересы. Въ этомъ рѣшеніи ея сказывается полная побѣда прежней Катюши, только возвышенной и очищенной страданіемъ, надъ грѣшной Катюшей, какою встрѣтилъ ее Нехлюдовъ на скамьѣ подсудимыхъ. Она вторично приноситъ ему себя въ жертву, сознательно отказываясь отъ любимаго человѣка, чтобы не испортить ему жизни.

Катюша, дѣйствительно, воскресла. Какъ бы ни сложилась ея дальнѣйшая жизнь, будетъ она счастлива съ новымъ мужемъ или нѣтъ—это уже не важно. Одно несомнѣнно—это будетъ жизнь хорошихъ людей, тружениковъ, честно несущихъ крестъ свой и въ мѣру силъ помогающихъ другимъ нести его. Иное дѣло Нехлюдовъ. Онъ тоже преобразился, и для него нѣтъ возврата къ прежней, сытой и праздной, жизни тунеядца, жизни гриба-паразита, высасывающаго соки изъ благороднаго дерева. Онъ понялъ это при послѣднемъ свиданіи съ Катюшей. Одинъ моментъ на него напала слабость, когда онъ видѣлъ счастливую семейную чету въ губернаторскомъ домѣ, «и ему стало завидно и захотѣлось себѣ такого же изящнаго, чистаго какъ ему казалось, счастья». Но то, что онъ снова увидѣлъ въ тюрьмѣ, пробудило его. «То, что было въ домѣ генерала, то былъ сонъ, а это, все то, что онъ видѣлъ теперь, и вся та дѣятельность, которую вызывало и которой требовало отъ него все то, что онъ видѣлъ, была настоящая жизнь, настоящая дѣйствительность». Только усыпленные и ослѣпленные «изящнымъ и чистымъ» личнымъ счастьемъ могутъ чувствовать себя далекими отъ ужаса этой настоящей жизни. Кто разъ пробудился и понялъ эту дѣйствительную жизнь, лишенную всякихъ прикрасъ изящества и чистоты, тотъ не можетъ искать для себя такого личнаго счастья. Для него—иной путь, иное счастье.

Этотъ путь Толстой указываетъ словами евангелія, въ притчѣ о виногра-

даряхъ. «Въ этомъ все»—думалъ Нехлюдовъ.—«Я жилъ и всѣ мы живемъ въ нелѣпой увѣренности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана намъ для нашего наслажденія. А, вѣдь, это, очевидно, нелѣпо. Вѣдь, если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы, какъ грибы: родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на земли установится царство Божіе и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ».

Романъ на этомъ оканчивается, а новая жизнь для Нехлюдова этимъ должна начаться. Толстой не даетъ никакихъ указаній, въ какой формѣ проявится новая жизнь Нехлюдова. Мы можемъ, конечно, предположить, что онъ станетъ продолжать ту работу для другихъ, которую дѣлалъ для Катюши и всѣхъ, такъ или иначе связанныхъ съ нею. Но этого, однако, мало, хотя и страшно много само по себѣ. Вопросъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ онъ представляется Нехлюдову. Недаромъ же люди почти двѣ тысячи лѣтъ слышать ученіе Христа и все еще не могутъ устроить своей жизни согласно этому ученію. Значитъ, есть что-то, что сильнѣе ихъ, что мѣшаетъ имъ, и ссылка на это ученіе, какъ на разрѣшеніе всего, еще не даетъ отвѣта на вопросъ, поставленный Нехлюдовымъ, что дѣлать? Какъ устроить жизнь, чтобы не было ни «ослѣпленныхъ», ни «сумасшедшихъ», ни «озвѣрѣвшихъ» людей? Громадная, неоцѣненная заслуга автора въ томъ и заключается, что онъ съ страшной силой возбуждаетъ въ читателѣ этотъ вопросъ. Его романъ сильнѣе его проповѣди, какъ, вообще, жизнь сильнѣе самыхъ умныхъ и строго логическихъ разсужденій. А «Воскресеніе»—это сама жизнь, это—печальная и ужасная правда. Исторія Катюши—это исторія тысячи-тысячъ Катюшъ, гибнущихъ на зарѣ жизни и не воскресающихъ никогда. Исторія Нехлюдова—тоже обычная исторія постепеннаго паденія огромной массы когда-то хорошихъ и чистыхъ юношей, превращающихся въ сытыхъ самодовольныхъ животныхъ, въ «безуміи эгоизма» не замѣчающихъ этого паденія. А вся обстановка, при которой разъигрывается драма этихъ двухъ людей, жизнь въ тюрьмѣ, судъ, этапъ, высшая бюрократія—развѣ это не сама дѣйствительность, та «настоящая жизнь», къ которой мы такъ привыкли, что уже и не замѣчаемъ всѣхъ ея ужасовъ? И нуженъ такой огромный талантъ, какъ Толстого, чтобы заставить насъ очнуться и задуматься надъ нею.

Этого результата Толстой несомнѣнно достигъ. Ни одно крупное художественное произведеніе не было до сихъ поръ такъ распространено, какъ «Воскресеніе», такъ читаемо и обсуждаемо. Оно проникло въ самые далекіе уголки, куда рѣдко проникаетъ книга, и тамъ возбудило еще большее вниманіе, чѣмъ на поверхности жизни. Огромное значеніе этого факта скажется въ той или иной формѣ въ свое время. Теперь же можно сказать, что результатъ будетъ самый благотворный, ибо мысли и чувства, возбуждаемыя романомъ, очищаютъ душу и воскресятъ не одного Нехлюдова, спасутъ не одну Катюшу.

А. Б.

ПОЭТЪ „СЕРМЯЖНЫХЪ ГЕРОЕВЪ".

(Памяти Дмитрія Васильевича Григоровича).

22-го декабря 1899 г. въ 4 ч. пополудни скончался послѣ кратковременной болѣзни Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ; 26-го декабря схоронили его на Волковомъ кладбищѣ подлѣ его великихъ современниковъ и друзей, Тургенева, Салтыкова и Кавелина.

Послѣдній могиканъ изъ славнаго кружка писателей сороковыхъ годовъ,—Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго, Герцена, Некрасова, Писемскаго, Бѣлинскаго,—онъ пережилъ ихъ всѣхъ, достигнувъ рѣдкой для русскаго писателя старости, почти 78 лѣтъ. Мало того, что, за исключеніемъ одного Державина (даже Крыловъ дожилъ только до 76 лѣтъ), онъ по годамъ былъ старше всѣхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей за цѣлыя два вѣка;—онъ остался бодръ и живъ духомъ до конца, молодъ и отзывчивъ на добро, «сохранивъ въ душѣ желаніе, въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ». Почти 60 лѣтъ, до самой смерти, онъ трудился для литературы, какъ писатель, и для русскаго искусства, какъ основатель и директоръ художественно-ремесленнаго музея въ Петербургѣ въ обществѣ поощренія художествъ, гдѣ способствовалъ развитію и упроченію прекрасной рисовальной школы, поддерживалъ и руководилъ многихъ русскихъ художниковъ, къ которымъ относился всегда съ величайшимъ участіемъ.

Но всего болѣе дорогъ онъ для русской литературы, въ которой на вѣки занялъ почетное и совершенно особое мѣсто, тѣсно примыкая, по духу и характеру, къ писателямъ сороковыхъ годовъ. Всѣ они, подъ вліяніемъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, съ одной стороны, и соціальныхъ теченій съ запада, съ другой, звали къ свѣту и правдѣ, явившись проповѣдниками гуманности и служенія униженнымъ, оскорбленнымъ и забытымъ; къ тому же свѣту и правдѣ звалъ, то же проповѣдывалъ и тому же служилъ горячо и искренно и Григоровичъ, но только по своему. Въ то время, какъ его товарищи по перу отличались разнообразіемъ содержанія, изображая съ одинаковымъ талантомъ и русскую интеллигенцію, и русскую женщину, жизни же крестьянской касаясь, сравнительно, мало, какъ, напр., Тургеневъ, съ этой стороны прославившійся только *Записками охотника*,—Григоровичъ, если оставить въ сторонѣ уже и теперь его забытыя повѣсти изъ жизни петербургскихъ чиновниковъ и романъ «Проселочныя дороги», и началъ свою извѣстность, и закончилъ ее въ смыслѣ почти исключительно изобразителя крѣпостной, до-реформенной Руси. Съ освобожденіемъ крестьянъ въ 1861 г. онъ почти вовсе прекращаетъ свою литературную дѣятельность, точно сознавая, что его великая миссія—проповѣдь освобожденія—кончена, и весь отдается дѣятельности чисто художественной, явившись въ литературѣ опять только много позже и уже болѣе не производя ничего по значенію равнаго своимъ прежнимъ произведеніямъ. Григоровичъ—писатель дальняго до-реформеннаго прошлаго. Теперь его читаютъ рѣдко и не безъ основанія считаютъ нѣсколько устарѣлымъ по многорѣчивости нѣкоторой сентиментальности. Но въ то же время онъ и писатель настоящаго и еще долгаго будущаго, но только для школы, для народа, для котораго онъ интересенъ,

какъ мастерской разсказчикъ, завлекательно дѣйствуя на читателя, нерѣдко глубоко потрясаемаго силою его яркаго драматизма и правдиваго эффекта, не говоря уже объ уясненіи народу его собственной жизни.

Но если теперь онъ и представляетъ для образованной публики явленіе, отчасти уже историческое, не то было 54 года назадъ. Тогда, въ 1846 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще за годъ до появленія перваго разсказа изъ *Записокъ охотника*—первой своей повѣстью изъ крестьянскаго быта, *Деревня*, сразу доставившей ему извѣстность, сказалъ онъ свое *новое*, горячее и высокоталантливое слово. Это слово было о сѣромъ и темномъ русскомъ мужикѣ, о простой русской бабѣ, о бѣдномъ крестьянскомъ ребенкѣ. До того времени писали у насъ о помѣщикѣ, о влюбленной барышнѣ, о чиновникѣ; правда, кое-что изъ современной крестьянской жизни изобразилъ и Пушкинъ (знаменитое стихотвореніе *Деревня* было тогда извѣстно только въ первой половинѣ, да и то подъ особымъ заглавіемъ *Уединеніе*); пропѣлъ свои пѣсни и Кольцовъ;—но сѣрой, мужицкой жизни, мужицкаго, бабьяго, дѣтскаго горя, всей ужасающей прозы этой каторжной жизни до Григоровича, за исключеніемъ мало кому извѣстнаго Радищева, еще не изображалъ никто. Десятки милліоновъ живыхъ людей изнывали подъ властью помѣщиковъ, управляющихъ и чиновниковъ, влача жалкую жизнь въ грязи, убожествѣ, нищетѣ и поражающемъ невѣжествѣ, и никому до этого цѣлаго царства тьмы не было никакого дѣла. Но раздалось новое слово Григоровича, какъ Колумба, открывшаго новую Америку, и на всѣхъ произвело оно впечатлѣніе, по истинѣ, ошеломляющее,—впечатлѣніе, которое, до нѣкоторой степени, напоминаетъ эффектъ, произведенный позже въ Америкѣ и Европѣ знаменитымъ романомъ Бичеръ-Стоу «Хижина дядя Тома». О чемъ же разсказывалось въ повѣсти? Разсказывалось о горькой судьбѣ крестьянской дѣвочки-сиротки Акулины, объ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ растутъ по нищетѣ и невѣжеству народа крестьянскіе дѣти, о подневольномъ, по барской волѣ, замужествѣ сиротки, объ ея бабьей долѣ и о томъ, что претерпѣла она отъ мужниной родни и пьянаго-дикаря мужа, вколотившаго свою бабу въ гробъ.

Еще большее впечатлѣніе произвела въ слѣдующемъ 1847 году явившаяся въ «Современникѣ» повѣсть *Антонъ-Горемыка*, гдѣ разсказывалась судьба мірского ходатая и радѣтеля, котораго крестьяне забытой бариномъ деревни послали жаловаться барину на управляющаго; разсказывалось о томъ, какъ управляющій перехватилъ ходока и сгноилъ мірового заступника въ острогѣ. Здѣсь еще шире и глубже захватывался смыслъ и содержаніе крестьянской тогдашней жизни, и самъ цензоръ, извѣстный профессоръ Никитенко, рѣшился, какъ говорятъ, передѣлать конецъ повѣсти, который въ настоящемъ своемъ видѣ въ цензурномъ отношеніи былъ немыслимъ, такъ какъ повѣсть оканчивалась поджогомъ крестьянами дома управляющаго и его гибелью. Третій разсказъ, напоминающій по мысли Пушкинскаго «Утопленника» (добрая барыня и мужики, изъ боязни суда, ночью, въ непогодь, выгоняютъ больного старика умирать въ полѣ, на чужой землѣ), съ честью поддержалъ быстро создавшуюся славу молодого писателя, и извѣстность его была упрочена. И вотъ, послѣдовательно, чуть не изъ года въ годъ, появляются все новыя и новыя его произведенія и не только изъ крестьянскаго, но и чиновничьяго быта. Всѣ они въ свое время имѣли успѣхъ, но только одни крестьянскіе сюжеты возбуждаютъ особенное вниманіе и поддерживаютъ его славу, какъ горячаго и правдиваго изобразителя народной жизни, въ которой отыскиваетъ онъ не только однѣ мрачныя стороны («Мать и дочь», «Смедовская долина»), но и свѣтлыя, стараясь именно возбудить особенную любовь и участіе къ своимъ *сермяжнымъ героямъ*. Во всѣхъ нихъ онъ всегда видитъ человѣка, нашего меньшаго, угнетеннаго крѣпостничествомъ и невѣжествомъ брата, съ тѣмъ же сердцемъ и душой, какъ и у насъ, людей образованныхъ («Пахарь», «Четыре времени

года», «Прохожій», «Свѣтлое Христово воскресеніе» и др.). Нельзя не замѣтить, однако, что, при всѣхъ достоинствахъ литературныхъ, въ большей или меньшей степени отличающихъ всѣ народныя произведенія Григоровича, ему удались особенно тѣ, гдѣ онъ рисуетъ отрицательныя стороны крестьянской жизни, прекрасно изображенныя въ «Рыбакахъ» и преимущественно въ «Переселенцахъ»—этихъ, первыхъ по времени и до сихъ поръ еще не потерявшихъ значенія, двухъ большихъ романахъ изъ крестьянскаго быта, настолько сильныхъ и интересныхъ, что въ послѣдніе годы до-реформенной эпохи и даже позже ими зачитывалась вся образованная публика. И если такія вещи, какъ «Пахарь» и «Прохожій», справедливо кажутся теперь слащавыми и наивными, то *Деревня*, *Антонъ-Горемыка*, *Мать и дочь*, *Бобыль*, *Рыбаки и Переселенцы*, составляя, особенно для школы и народа, интереснѣйшее чтеніе, останутся въ литературѣ навсегда драгоцѣнною лѣтописью того, въ какомъ положеніи и какимъ былъ, вслѣдствіе условій жизни, темный русскій народъ въ послѣднія десятилѣтія передъ великимъ актомъ освобожденія. Если же къ собственно крестьянскимъ произведеніямъ покойнаго присоединить еще разсказы изъ жизни вообще обездоленнаго люда, какъ *Капельмейстеръ Сусликовъ*, *Неудавшаяся жизнь*, *Петербургскіе шарманщики*, *Зимній вечеръ* и прекрасный разсказъ *Гуттаперчевый мальчикъ*, писанный уже въ старости, разсказы о неудачныхъ художникахъ, бѣднякахъ гаерахъ и несчастныхъ дѣтяхъ акробатахъ,—то нельзя не признать, что въ лицѣ Григоровича сошелъ въ могилу послѣднимъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ и талантливѣйшихъ писателей-гуманнистовъ сороковыхъ годовъ, въ жестокій вѣкъ до-реформенной Руси всегда остававшійся глашатаемъ правды, человѣческаго достоинства, свободы и просвѣщенія массъ, особенно много послужившій русскому закрѣпощенному народу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его можно бы сравнить съ Кольцовымъ. Какъ послѣдній въ задушевныхъ пѣсняхъ своихъ изобразилъ мужицкое горе и немногія радости въ лирикѣ, въ общихъ чертахъ, намеками, робко и непосредственно, чутьемъ геніальной души,—такъ первый, просвѣщенный образованіемъ, вполнѣ сознательно, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ (1846—1861 г.) въ яркихъ, нерѣдко полныхъ драматизма и всегда задушевности, подробностяхъ рисовалъ то же самое, что и Кольцовъ,—только эпически, со всѣми деталями народной обстановки и быта, захватывая этотъ бытъ съ разныхъ сторонъ, въ великомъ разнообразіи сюжетовъ и типовъ, которыхъ до Григоровича не касался еще никто. Примыкая, съ одной стороны, къ Кольцову, народнику-запѣвалѣ, иниціатору, съ другой—Некрасову и послѣдующимъ изобразителямъ народной жизни, Григоровичъ, этотъ баринъ, помѣщикъ, эстетикъ, первымъ выступилъ на защиту сѣраго мужика. Такимъ образомъ, онъ сталъ первымъ писателемъ-народникомъ, открывъ своею послѣдовательною и настойчивою дѣятельностью широкій путь писателямъ-народникамъ послѣдующей эпохи—Успенскому, Златовратскому, Слѣпцову, Левитову, Рѣшетникову, Засодимскому, Наумову и многимъ другимъ, представившимъ русскую крестьянскую жизнь съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Эта заслуга Григоровича, какъ иниціатора, не забудется никогда, какъ не забудутся «Записки Охотника» Тургенева.

Но отъ послѣдняго Григоровичъ отличается нѣкоторыми, весьма важными, специфическими особенностями. Не ограничиваясь только очерками, встрѣчами, какъ Тургеневъ, онъ, взявъ лицо или семейство, подробно разсказываетъ цѣлую его исторію съ дѣтства, съ образованія семейства до самой смерти лица или разложенія семьи («Рыбаки», «Деревня», «Пахарь», «Переселенцы»), а обстоятельностью описаній быта, драматичностью разсказа, любовью къ яркимъ потрясающимъ эффектамъ, изображеніемъ дѣтскихъ характеровъ и трогательныхъ семейныхъ сценъ напоминаетъ Диккенса. Тургеневъ—собственно изображаетъ только крѣпостное право, съ точки зрѣнія его гибельнаго вліянія и на крестьянъ, и на

господъ; Григоровичъ, кромѣ того, и вообще имѣетъ ввиду познакомить читателя съ народомъ и заставить полюбить его, «*чтобы*, какъ онъ говоритъ, *оживилась и взволновалась душа тѣхъ, кто не окаменѣлъ еще до такой степени, чтобы оживляться лишь за преферансомъ и волноваться при словахъ: пасъ, ремизъ, куплю и прочей дряни*». Сравнительно съ Тургеневымъ сочиненія Григоровича представляютъ матеріалъ для ознакомленія съ народомъ несравненно большій. Вы знакомитесь у Григоровича съ бытомъ земледѣльческимъ, фабричнымъ, рыбачьимъ, съ жизнью нищихъ, съ ярмарками, народными праздниками, со множествомъ личностей страдающихъ, надломленныхъ, порочныхъ, но страдающихъ и уродливыхъ не только изъ-за помѣщика или управляющаго, но и изъ-за другихъ соціальныхъ причинъ, какъ семейный деспотизмъ, невѣжество, растлѣвающія условія фабричной жизни, пьянство, взглядъ на женщину, узкій эгоизмъ, недостатокъ образованія и просторъ дѣятельности для натуръ широкихъ. Рядомъ съ потрясающей правдой народныхъ бѣдствій и страданій, рядомъ съ личностями—отребьемъ общества, авторъ любитъ изображать и простое тихое счастіе и радости, правда, рѣдкія у простолюдина, личности непреклонной силы и упорнаго труда, сцены семейнаго вечера, молитву, крестины, свадьбу, образы матерей, женъ, отцовъ и дѣдовъ. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ положительныхъ сторонъ народной жизни, конечно, есть доля сентиментальности, объясняемая похвальнымъ стремленіемъ возбудить особенное сочувствіе къ народу, но въ свое время, въ эпоху дореформенной Руси, эти изображенія, проникнутыя благороднымъ идеализмомъ и любовью къ народу, имѣли значеніе очень большое, возбуждая въ обществѣ вниманіе и гуманное отношеніе къ *сермяжнымъ героямъ*, какъ въ насмѣшку называли современники изображаемыхъ Григоровичемъ мужиковъ.

Такъ-то, въ тяжелую для литературы эпоху сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, до самаго освобожденія крестьянъ, этому старѣйшему изъ русскихъ писателей выпало на долю великая заслуга перваго бытописателя крестьянской крѣпостной Руси. И если его великіе сверстники—Тургеневъ, за исключеніемъ однѣхъ *Записокъ охотника*, и Гончаровъ могутъ быть названы поэтами *барскими*, какъ изобразители быта помѣщичьяго, то Григоровичъ, по справедливости, заслуживаетъ имени перваго поэта *героевъ сермяжныхъ*, и въ этомъ, и только въ этомъ, неумирающее значеніе и смыслъ всей его литературной дѣятельности. Все, что ни писалъ онъ за свою долгую жизнь, всѣ его фельетоны, повѣсти изъ Петербургской жизни, пьесы, очерки — все это забывается и забудется скоро совсѣмъ, но *Деревня*, *Антонъ-Горемыка*, *Бобыль*, *Рыбаки*, *Переселенцы*, *Мать и дочь* останутся вѣчнымъ памятникомъ тому, кто первый въ русской литературѣ гуманно и правдиво въ яркихъ, потрясающихъ картинахъ показалъ намъ горькую жизнь закрѣпощеннаго мужика.

Интересна и своеобразна сама личность Григоровича. Сынъ гусара-помѣщика и матери француженки (Григоровичъ родился 19 матра 1822 г.), онъ унаслѣдовалъ отъ послѣдней чрезвычайно живой, впечатлительный, сангвиническій темпераментъ, сохранившійся въ немъ до глубокой старости, истинно французскую живость, веселость, ясную, не унывающую бодрость духа, остроуміе и воспріимчивость. Это былъ совсѣмъ особый характеръ, очень добрый, отзывчивый, крайне сообщительный; можетъ быть, неглубокій, немножко легкомысленный, но чрезвычайно симпатичный; талантливый разказчикъ и душа общества, несшій съ собой всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, за что бы ни брался, оживленіе и иниціативу. Таковъ онъ былъ всю свою долгую жизнь и среди литераторовъ, и среди художниковъ, и актеровъ и въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества, гдѣ вращался. Воспитанный въ дѣтствѣ двумя француженками, матерью и бабушкой, въ русской деревнѣ, онъ рано узналъ и полюбилъ русскую природу и мужика, и впечатлѣнія дѣтства дали ему впослѣдствіи богатый мате-

ріалъ для крестьянскихъ повѣстей, а ранняя страсть къ рисованію и обученіе живописи въ инженерномъ училищѣ и въ классахъ Академіи Художествъ изощрили его наблюдательность и помогли точности и яркости описаній. Прекрасное образованіе домашнее и въ отличномъ пансіонѣ Монигетти, откуда онъ поступилъ въ инженерное училище, и разнообразное чтеніе, особенно близкое знакомство съ французскими писателями соціальной школы расширили его горизонтъ, поселили чувство общественности и направили къ сочувствію къ человѣческимъ страданіямъ; дружба же съ Ѳ. М. Достоевскимъ, его товарищемъ по инженерному училищу, курса въ которомъ Григоровичъ не кончилъ, вмѣстѣ съ знакомствомъ съ людьми, близкими къ кружку петрашевцевъ, должны были еще больше утвердить въ воспріимчивомъ юношѣ инстинкты общественные. Знакомство съ Некрасовымъ, Тургеневымъ, Боткинымъ, Бѣлинскимъ и другими сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», естественно подогрѣло въ немъ сочувствіе къ закрѣпощенному народу, съ которымъ онъ продолжалъ знакомиться въ свои поѣздки въ деревню, и вотъ въ 1846 году передъ нами уже готовый, въ своемъ родѣ единственный русскій французъ, поэтъ сермяжныхъ героевъ, не хуже любого чистаго русскаго знающій и любящій русскій народъ, на служеніе которому онъ отдаетъ себя всей увлекающейся своей душой, до самаго освобожденія крестьянъ, послѣ котораго онъ почти оставляетъ литературу, и только иногда, что называется, ею балуется, какъ баловался и раньше въ своихъ фельетонныхъ повѣстяхъ.

Литературная миссія Григоровича была кончена; но дѣятельная натуру, упорная въ трудѣ, не успокоилась. Не кончивъ курса въ Академіи Художествъ, онъ пріобрѣлъ однако основательныя свѣдѣнія по искусству, которыя еще болѣе углубились и расширились въ бытность его сначала секретаремъ Эрмитажа, а затѣмъ Общества поощренія художествъ, служенію которому посвятилъ много лѣтъ, весь отдавшись новому дѣлу и тѣмъ оказавъ неоцѣненныя услуги русскому искусству, въ смыслѣ литографскаго и ксилографскаго дѣла, выпуска многихъ художественныхъ изданій, благоустройства художественно-ремесленной школы, музея и т. п. И если первая половина его жизни была посвящена всецѣло литературѣ, то всю почти вторую, до самой смерти съ начала шестидесятыхъ годовъ, отдалъ онъ служенію русскому искусству, оставаясь всегда чуткимъ къ общественной жизни, просвѣщеннымъ и тонкимъ эстетикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, служа не одному только искусству живописи, но, отчасти, и страстно любимому имъ драматическому театру, при которомъ состоялъ онъ членомъ литературнаго комитета и конференціи драматическихъ курсовъ.

Такъ въ постоянныхъ неутомимыхъ трудахъ до глубокой старости, можно сказать, до самой смерти въ концѣ истекающаго восьмаго десятка земного своего поприща, прошла, на рѣдкость для русскихъ интеллигентныхъ дѣятелей, долгая жизнь этого, въ своемъ родѣ единственнаго у насъ по живучести, трудолюбію и, главное, по признанному всѣми значенію, маститаго старца, сохранившаго въ себѣ бодрость, ясность ума и отзывчивое сердце. Схоронивъ всѣхъ своихъ сверстниковъ сороковыхъ годовъ, онъ оставался одинъ среди новыхъ поколѣній живымъ примѣромъ хорошаго прошлаго, свято сберегая въ себѣ всѣ лучшія черты людей той стародавней эпохи: широкое разностороннее образованіе, благоговѣйное отношеніе къ наукѣ, и особенно искусству, въ значеніе котораго они такъ горячо вѣрили, упорный трудъ, безкоего искусства нѣтъ, благородный идеализмъ, вѣру въ лучшее будущее, которое создается наравнѣ съ условіями и самими людьми, отвращеніе, брезгливость ко всему пошлому, грязному, мелкому, но въ то же время гуманное, снисходительное отношеніе къ людямъ, стремленіе къ просвѣщенію, спасающему

отъ пошлости и поддерживающему человѣка, а всего больше—любовь и вѣру въ родину и народъ.

Эту любовь къ народу доказалъ Григоровичъ своимъ служеніемъ сермяжнымъ героямъ, какъ писатель. Съ честью прошелъ послѣдній представитель нашихъ литературныхъ ветерановъ, этотъ поэтъ сермяжныхъ героевъ, свое земное поприще, взявъ отъ жизни все, чтò только могла она ему дать, но и самъ, въ свою очередь, отдавъ ей все, чтò только могли дать его натура и талантъ.

Викторъ Острогорскій.

ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, 9 января 1870 года скончался въ Парижѣ А. И. Герценъ. Онъ умеръ какъ-то случайно, на перепутьѣ,—какъ жилъ въ свои послѣдніе годы. Жизнь отняла у него столько личныхъ привязанностей и сокрушила столько идейныхъ начинаній, а подъ конецъ такъ круто отхлынула отъ него въ другое русло, что онъ давно уже остался одинъ, безъ близкихъ друзей, безъ вѣрныхъ единомышленниковъ, безъ учениковъ и продолжателей, даже безъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ жизненныхъ цѣлей, которымъ онъ могъ бы отдать свои вѣчно жаждавшія дѣла руки и голову. Его послѣднія письма дышатъ апатіей отчаянія. Какъ будто все, что было трагичнаго въ его положеніи, въ его характерѣ, сгустилось надъ его головой, чтобы лишить его нравственнаго сопротивленія передъ слѣпой силой, заносившей надъ нимъ руку для рокового удара. Такая богатая жизнь—и такая одинокая смерть! Философъ сказалъ правду, что самое невѣроятное изъ всего—это то, что случается въ дѣйствительности.

Семьюдесятью восьмью годами раньше въ томъ же Парижѣ, умиралъ другой народный трибунъ, въ разгарѣ великой жизненной борьбы, тайну успѣха которой онъ уносилъ съ собой въ могилу. Парижъ его зналъ и Парижъ пришелъ его оплакать. Народъ почувствовалъ послѣ его смерти, что для своихъ великихъ людей онъ долженъ создать особую національную усыпальницу: одна изъ лучшихъ церквей города была обращена въ Пантеонъ и великій трибунъ легъ въ немъ первый. Народная гвардія дала при его похоронахъ залпъ изъ двадцати тысячъ ружей: «всѣ стекла полопались; казалось въ ту минуту, что церковь сокрушится надъ гробомъ». Жизнь точно хотѣла замереть на мигъ надъ прахомъ того, кто умѣлъ проводить въ ней такія глубокія борозды.

И Герценъ умѣлъ это... и не могъ. И что хуже всего,—онъ зналъ самъ лучше всѣхъ и то, что онъ умѣетъ, и то, что онъ не можетъ. Прибавьте къ этому еще горячее, глубокое убѣжденіе его въ томъ, что онъ *долженъ* дѣлать то, что умѣлъ и чего не могъ,—и вы получите понятіе о великой душевной драмѣ, жертвой которой палъ этотъ человѣкъ, этотъ гигантъ.

За тѣ сорокъ пять лѣтъ, которыя отдѣляютъ «аннибалову клятву» ребенка-Герцена отъ мрачной «резиньяціи» его кончины,—эта драма прошла, конечно, черезъ много перипетій. Мы видимъ первые юношескіе порывы, которые смѣняются скоро житейскимъ опытомъ изгнанника. Житейскій опытъ этотъ въ первый разъ ведетъ Герцена-чиновника къ открытому разрыву съ окружающей дѣйствительностью. Онъ рѣшаетъ, что «пора кончить комедію».

Дѣйствительно, дальше мы видимъ «драму». Чиновникъ превращается въ добровольнаго эмигранта и сразу попадаетъ на блестящій праздникъ европейскаго радикализма. Но, съ своимъ обычнымъ ясновидѣніемъ, онъ скоро разсматриваетъ

подъ праздничнымъ нарядомъ будничное настроеніе; мишурный блескъ мѣщанскаго убранства становится ему противенъ. Онъ чувствуетъ себя чужимъ на этомъ пиру и снова уходитъ въ себя.

Тутъ нежданно-негаданно набѣгаетъ новая волна русской жизни и высоко поднимаетъ Герцена надъ европейской дѣйствительностью. Онъ снова въ своей стихіи: гдѣ-то вдали ему брежжитъ огонекъ идеала, и онъ рвется къ этому огоньку напроломъ, нанося направо и налѣво богатырскіе удары, разя враговъ, призывая друзей, «живыхъ»—подъ общее знамя. Онъ полонъ самыхъ радушныхъ надеждъ; онъ вѣритъ въ себя и въ свой народъ; мечты юности кажутся ему близкими къ осуществленію. Онъ живетъ и дышетъ всѣми порами своего существа.

И снова смолкаетъ буря. Wilde Jagd уносится куда-то въ пространство, куда уже не можетъ проникнуть жадный взоръ Герцена, и только по временамъ онъ слышитъ отдаленные раскаты грома, да волны очередного прилива выбрасываютъ на «тотъ берегъ» одиночныя жертвы далекихъ кораблекрушеній. И это все оказываются другіе люди, «чужаго. незнакомаго» поколѣнія, говорящіе какимъ-то непонятнымъ языкомъ о невѣдомыхъ вещахъ. Понять ихъ можно, можно часто и сочувствовать, но къ нимъ не лежитъ душа Герцена. И такъ умираетъ онъ, чужой своимъ и чужимъ, одинокій обломокъ исчезнувшей породы.

Но съ нимъ не умираетъ правдивая, потрясающая повѣсть его душевной драмы; не умираетъ память о томъ, чѣмъ сумѣлъ онъ быть, когда русская волна подняла его высоко. Можно только дивиться тому, какъ мало умерло въ Герценѣ съ его смертью,—если вспомнимъ, что вѣдь, въ сущности, онъ говоритъ съ нами языкомъ своего времени, своего общественнаго круга, «языкомъ современнаго ему міровоззрѣнія—или даже нѣсколькихъ поочередно смѣнившихся въ его время міровоззрѣній. Но дѣло въ томъ, что Герценъ никогда не умѣлъ уложить своей мысли и своего чувства въ рамки какого-нибудь случайнаго и временнаго воззрѣнія. Въ своемъ дневникѣ сороковыхъ годовъ онъ уже находитъ случайными и временными тѣ идейныя формы, въ которыхъ тогда укладывалась борьба славянофильства и западничества; позднѣе, онъ найдетъ такими же условными тѣ формы, въ которыя одѣвалъ свою теорію современный ему европейскій радикализмъ. И при всемъ томъ его отрицаніе никогда не доходитъ до голаго скептицизма, потому что онъ всегда отрицаетъ во имя чего-нибудь положительнаго, во что онъ вѣритъ. Лучше, пожалуй, будетъ сказать, что онъ ничего не отрицаетъ, такъ какъ умѣетъ найти положительное въ любомъ очередномъ міровоззрѣніи, не принимая въ то же время его доктринерства, его условности. Изъ самаго плохого матеріала однимъ прикосновеніемъ своего ума, своей фантазіи—онъ создаетъ подъ часъ глубокую мысль, поразительно яркую и вѣрную картину.

Но гдѣ же источникъ этой свободы Герцена отъ подчиненія всему случайному и временному, гдѣ то, что ставило его при жизни выше текущей минуты, что надолго спасетъ его отъ забвенія по смерти, надолго сохранитъ за нимъ привилегію быть «властителемъ думъ» нашего времени? Это—его широкій захватъ, та смѣлость съ которой онъ бралъ жизнь такъ, какъ она есть, и не останавливался передъ радикальными рѣшеніями вытекавшихъ изъ нея вопросовъ. Тонкій знатокъ человѣческой психологіи, Герценъ въ то же время врагъ всякаго оппортюнизма, врагъ компромиссовъ и временныхъ рѣшеній. Онъ видѣлъ далеко,—и еще дальше ставилъ цѣль, достойную своей дѣятельности. Вотъ почему жизнь, съ ея черепашьимъ ходомъ, долго не исчерпаетъ его критики и не оставитъ позади его идеаловъ.

* * *

Русскія газеты,—даже такія, какъ «Новое Время» и «Россія», — нашли приличныя случаю тонъ и выраженія, чтобы помянуть знаменательную годовщину. Попробуемъ подвести маленькій итогъ всему сказанному—надо приба-

вить, впервые сказанному съ такой силой и значительностью въ русской печати объ усопшемъ учителѣ.

«Литературный юбилей,—говорили 9 января «Русскія Вѣдомости», есть своего рода экзаменаціонное испытаніе... «Изъ всѣхъ критиковъ—самый великій, самый геніальный, самый непогрѣшительный—время», писалъ Бѣлинскій. Можно прибавить, что это—и самый строгій критикъ. Лишь немногіе избранные выдерживаютъ съ честью испытаніе на право быть читаемыми и перечитываемыми наравнѣ съ современниками, а можетъ быть и болѣе послѣднихъ. Лишь немногіе способны по истеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ возбуждать тѣ чувства, которыя возбуждали въ своихъ современникахъ, производить грустное впечатлѣніе или воодушевлять, вызывать на размышленіе или поучать. Среди этихъ немногихъ избранныхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, несомнѣнно, занимаетъ Герценъ».

Въ то время какъ эти строки писались въ Москвѣ, въ Петербургѣ постоянный сотрудникъ «Россіи», г. Дорошевичъ, набрасывалъ, какъ нарочно, поучительную иллюстрацію къ словамъ «Русскихъ Вѣдомостей». Онъ подтвердилъ на собственномъ примѣрѣ вліяніе Герцена на современнаго читателя. «Кровь бросилась мнѣ въ голову, слезы подступили мнѣ къ горлу,—разсказываетъ г. Дорошевичъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ «Съ того берега» за русской границей.—Передо мной открылся новый міръ, какъ открывается новый міръ всегда, когда вы открываете геніальную книгу. Передо мной счастливымъ, радостнымъ, взволнованнымъ вставалъ, въ величіи слова и мысли, новый для меня писатель, мыслитель, художникъ,—умершій, безсмертный. Какое благородство мысли, какая красота формы»!

Я говорилъ раньше, что величіе Герцена не только въ этомъ и, конечно, не отъ одного этого «кровь бросилась въ голову и слезы подступили къ горлу» г. Дорошевича. Кто знаетъ,—при его крупномъ талантѣ и при засвидѣтельствованной имъ теперь нравственной возбудимости,—чѣмъ могъ бы сдѣлаться г. Дорошевичъ, если бы эти впечатлѣнія повторялись чаще, а, главное, если бы они пришли во время. Но г. Дорошевичъ прочелъ книгу, «поцѣловалъ» ее—и... приближаясь къ границѣ, выбросилъ за окошко. Не знаемъ, по сю сторону границы имѣлъ ли онъ случай перечитывать Герцена...

Во всякомъ случаѣ, Герценъ блестяще выдержалъ свой экзаменъ, — даже на такомъ недюжинномъ и требовательномъ читателѣ, какъ г. Дорошевичъ, на такомъ, повидимому, мало подготовленномъ къ воспріятію Герцена экземплярѣ, какъ постоянный сотрудникъ «Россіи» *).

Другой сотрудникъ той же газеты, г. Old Gentleman, взглянулъ на вопросъ съ иной, прямо противоположной стороны. Онъ предложилъ проэкзаменовать не Герцена современной Россіей, а современную Россію—Герценомъ.

«Помню,—разсказываетъ онъ,—въ Генуѣ встрѣтился я съ однимъ полякомъ, эмигрантомъ, который въ спорѣ со мною, нападая на Россію, цитиро-

---

*) Къ признанію г. Дорошевича мы должны прибавить теперь и признаніе г. Old Gentleman'а, напечатанное въ № 261 его газеты и попавшееся намъ на глаза, когда эта замѣтка была уже набрана. «Герценъ—моя литературная любовь еще съ университетской скамьи. Въ послѣдніе годы я вновь перечиталъ его, и онъ много содѣйствовалъ душевному перевороту, тяжко и болѣзненно пережитому мною въ прошлую весну. Онъ указалъ мнѣ новыя цѣли, новыя свѣтлыя точки, ради которыхъ стоитъ еще съ людьми жить и людское творить. *Онъ указалъ мнѣ, гдѣ грѣхъ и гдѣ раскаяніе*. Онъ научилъ меня не страшиться прошлаго и вѣрить въ будущее. Я люблю его, какъ полубога. И, когда пришла 30-я годовщина дня его смерти, мнѣ страстно, мучительно захотѣлось сложить словесный гимнъ въ честь его, и Надсонъ пришелъ мнѣ на помощь со стихомъ своимъ, и я заговорилъ». Можно сказать только: въ добрый часъ.

валъ изъ Герцена факты, касающіеся эпохи Николая I.—Развѣ можно приводить такіе аргументы, возразилъ я,—вѣдь этому пятьдесятъ лѣтъ, все это давно прошло, старая правда стала для насъ неправдой.

«Неправдою, — усмѣхнулся полякъ язвительно, — ну, если эта неправда отжила свой вѣкъ и обратилась въ историческій матеріалъ, тогда зачѣмъ же Герценъ запрещенъ у васъ въ Россіи».

Г. Old Gentleman, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ, какъ онъ отвѣтилъ на возраженіе своего собесѣдника. Но отъ себя онъ дѣлаетъ такой выводъ изъ разговора: «сдѣлать Герцена—доступнымъ къ общему прочтенію и изученію—значитъ проэкзаменовать Россію, насколько шагнулъ впередъ народъ ея, «освобожденный по манію царя» — и убѣдиться въ огромности этого шага, Герценомъ предвидѣннаго, предсказаннаго и благословеннаго».

> ... es ist ein gross Ergetzen
> Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht
> Und wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht,

какъ сказалъ бы гётевскій Вагнеръ.

Въ мнѣніи, что пора снять съ сочиненій Герцена тяготѣющій на нихъ цензурный запретъ и сдѣлать ихъ доступными русскому читателю,—въ этомъ мнѣніи сошлись всѣ писавшіе объ Герценѣ органы русской печати. Г. Дорошевичъ предлагаетъ отдѣленію словесности академіи наукъ—«добиться пересмотра этого приговора» и «вернуть Россіи любящей и осторожной рукой ея достояніе». Г. Перцовъ въ «Новомъ Времени» находитъ даже, что такой возвращенный Россіи Герценъ, исправленный ad usum delphini, предстанетъ предъ читающей публикой въ совершенно новомъ свѣтѣ,—именно въ томъ, въ которомъ представляли себѣ Герцена эпигоны славянофильства. «Только это личное знакомство съ Герценомъ,—говоритъ онъ (№ 8.568 «Новаго Времени»),—можетъ устранить изъ мысли нашего общества общераспространенное фальшивое представленіе о немъ прежде всего, какъ о радикальномъ «бойцѣ», и показать, что если въ Герценѣ скрывался какой-либо боевой талантъ, то только тотъ,—который нашелъ въ немъ Страховъ» (а именно талантъ «борца съ западомъ»).

Увы, эту послѣднюю мысль питаетъ, по слѣдамъ Страхова, не одинъ г. Перцовъ. Ея отчасти держится, съ той же ссылкой на Страхова, и г. Арабажинъ въ «Сѣверномъ Курьерѣ». И въ самомъ дѣлѣ, отчего же Страхову съ его единомышленниками не побивать «гнилой» Западъ сокрушительной критикой Герцена? Вѣдь, и господинъ пасторъ, по признанію Гретхенъ, говорилъ почти то же самое, что Фаустъ, «только немножко другими, словами».

Когда, такимъ образомъ, разрушенъ будетъ магическій кругъ, осѣнявшій ореоломъ имя Герцена для однихъ и дѣлавшій его неприступнымъ—для другихъ, тогда, пожалуй, наступитъ время для осуществленія и другой мечты, высказанной г. Old Gentleman'омъ въ годовщину 9 января. Переносясь мыслью къ тому «бронзовому Герцену, что освящаетъ своимъ грустнымъ величіемъ таинственную тишину прелестнаго кладбища въ Ниццѣ», г. Old Gentleman кончилъ свою статью о Герценѣ такими словами: «конечно, если не мы, такъ дѣти или внуки наши дождутся торжественнаго дня, когда тѣло А. И. Герцена возвратится въ предѣлы Россіи, какъ возвратилось тѣло Мицкевича изъ Парижа на краковскій Вавель, а тѣло Наполеона съ острова св. Елены—въ Парижъ. И какъ святы эти двѣ могилы для французовъ и поляковъ, такъ для Россіи станетъ народною святынею могила возвращеннаго изъ загробной ссылки Герцена, и не зарастетъ къ ней, во вѣкъ не зарастетъ народная тропа»...

Хорошія слова, хорошія мысли... Но не знаемъ почему, намъ, когда мы читали въ «Россіи» эти слова и процитированныя г. Old Gentleman'омъ строфы надсоновскаго стихотворенія, вспоминался старый итальянскій анекдотъ, разсказанный болтливымъ Вазари. Вотъ этотъ анекдотъ, а можетъ быть и истинное

происшествіе, въ подлинной передачѣ флорентійскаго историка искусства. Рѣчь идетъ о знаменитой статуѣ «Ночи», одной изъ четырехъ, созданныхъ геніемъ Микель-Анджело для погребальной капеллы Джуліано и Лоренцо Медичи во Флоренціи.

«Что могу я сказать о «Ночи»,—статуѣ не только рѣдкой, но единственной? Видѣлъ ли кто-либо когда-нибудь античную или современную статую, которая бы была сдѣлана съ такимъ искусствомъ, что изображала бы не только покой спящаго, но также и скорбь и печаль человѣка, потерявшаго нѣчто дорогое и важное? Пусть же мнѣ повѣрятъ, что именно такова эта «Ночь», затмившая всѣхъ, кто когда-либо пытался—не скажу превзойти ее, но хотя бы сравниться съ нею въ скульптурѣ или въ живописи... Ученѣйшія особы слагали въ честь ея не мало латинскихъ виршей и итальянскихъ строфъ, подобныхъ слѣдующимъ стихамъ неизвѣстнаго автора:

«Изваянъ Ангеломъ, кусокъ скалы бездушной
Сталъ «Ночью»: посмотри, какъ сладко Ночь та спитъ!
Спитъ? Нѣтъ живетъ обломокъ, Ангелу послушный;
Не вѣришь? Разбуди: она заговоритъ!

«На каковые стихи Микель-Анджело отъ лица Ночи отвѣтилъ такъ:

«Мой сонъ мнѣ сладокъ; радъ я, что не слышу,
Не чувствую стыда и бѣдъ въ родной странѣ:
Пусть буду камнемъ я,—оставь то счастье мнѣ;
Эхъ, не буди, пріятель! Говори потише!»

Да, пріятель,—погоди будить Герцена; говори потише, не пробуй экзаменовать Россію по его сочиненіямъ и мѣрить ее его аршиномъ.

П. Милюковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земля и фабрика во Владимірской губерніи. «Курьеръ» сообщаетъ очень интересныя и поучительныя данныя объ отношеніи земледѣльческаго населенія во Владимірской губ. къ фабрикѣ и о томъ переворотѣ, какой уже произошелъ теперь въ хозяйствѣ мѣстнаго населенія подъ вліяніемъ фабрики.

«Земледѣльческое хозяйство среди крестьянскаго населенія Владимірской губерніи,—говоритъ авторъ сообщенія,—съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе, все сильнѣе отодвигается на задній планъ, уступая мѣсто сильно развивающейся промысловой дѣятельности прежнихъ хлѣбопашцевъ. За 3 послѣдніе года, по которымъ имѣются данныя текущей земской статистики, повсюду въ губерніи наблюдается пониженіе арендныхъ цѣнъ на пахотную землю и сильное уменьшеніе спроса на аренду. По Суздальскому уѣзду есть нѣсколько помѣщичьихъ хозяйствъ, гдѣ вся пахоть заросла былинникомъ, такъ какъ крестьяне уже и даромъ не берутъ землю. Проѣзжая по деревнямъ Владимірской губ., наблюдатель поражается массой пустующихъ, совсѣмъ не обрабатываемыхъ полосъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ Ковровскомъ уѣздѣ есть нѣсколько уголковъ, гдѣ крестьяне не пашутъ до 1/2 полей. Изъ Покровскаго уѣзда одинъ изъ корреспондентовъ статистическаго бюро пишетъ: «въ аренду у насъ земли не берутъ, и своей валяется подъ залогами почти 1/3 земли». Почти такого же рода

голоса раздаются и изъ другихъ уѣздовъ. Тамъ, гдѣ земледѣліе еще крѣпко держится, жалуются на выпаханность почвы, на забрасываніе культуры льна и др. красныхъ хлабовъ, замѣняемыхъ посѣвами картофеля. «На землю охотниковъ стало мало; нѣтъ желанія заниматься хлѣбопашествомъ,—пишутъ мѣстные жители.—У насъ въ деревняхъ—старый да малый, остальные всѣ на фабрикахъ». Мѣстами «всѣ жители мужского пола отъ 14 до 60-лѣтняго возраста живутъ въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ по плотницкой и столярной части, для каковыхъ людей дѣлъ всегда достаточно».

«Только что вышедшій сборникъ по Владимірскому уѣзду даетъ и точныя цифровыя указанія, какое значеніе заняли промыслы во владимірской деревнѣ. Изъ 100 работниковъ уѣзда земледѣліемъ совсѣмъ не занимаются 70,3 и только 12,8 человѣкъ не занимаются никакими подсобными промыслами. Большая часть хозяйствъ, 57,4%, совсѣмъ не держатъ лошадей. Земля уже не даетъ больше достаточнаго заработка крестьянамъ, принужденнымъ добывать кусокъ хлѣба другими путями. Прародительница бумажнаго ткачества, Владимірская губ. развила теперь у себя сотни самыхъ разнообразныхъ промысловъ. Тутъ есть и плотники, и каменьщики, и фабричные, и богомазы, и портные, и плетельщики лаптей и рогожныхъ кульковъ, и знаменитые владимірскіе офени, торгующіе всѣмъ чѣмъ угодно: «косами, серпами, ножницами и колеснымъ дегтемъ, а послѣдніе годы чаемъ и св. иконами новоявленнаго чудотворца, архіепископа черниговскаго»—какъ пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ, и т. д., и т. д. Промышленный пульсъ владимірской деревни съ каждымъ годомъ бьется все сильнѣе и сильнѣе. Раньше кустарные промыслы, составляя главное занятіе свободныхъ отъ хлѣбопашества рукъ, крѣпко еще держали крестьянина у земли, въ послѣднее же время мѣстные промыслы, за ихъ малодоходностью, падаютъ, и наблюдается массовый отливъ населенія на сторону. Только еще возка и пилка лѣса и домашнее ткачество пользуются широкимъ распространеніемъ, да и послѣдняго дни уже сочтены. Пониженіе заработка и требованіе, благодаря конкуренціи машинъ, чистоты выдѣлки окончательно подорвали этотъ нѣкогда кормившій всю губернію промыселъ. Свѣтелки окончательно исчезаютъ, да и по избамъ станки становятся рѣдкостью. Въ самомъ дѣлѣ, жалкій заработокъ въ 8—15 руб. во всю длинную зиму, стукъ и грохотъ въ избѣ, сырость въ углу отъ станка, портящая самый срубъ, — все это рѣшительно не оправдываетъ труда. Валка и возка лѣса на многочисленныя мѣстныя фабрики, занимая массу рукъ въ деревняхъ, хотя и даютъ довольно порядочный заработокъ, но представляютъ ужасныя условія по обстановкѣ. Всю зиму рабочему приходится возиться въ лѣсу мокрымъ по поясъ; ночуютъ тутъ же въ конторѣ, гдѣ набиваютъ такую массу народа, что негдѣ даже присѣсть за ѣдой; нары въ 3—4 яруса; сушить мокрую одежду негдѣ и потому такъ и ложатся спать въ сырой рубахѣ и шароварахъ. Ревматизмы, колики въ бокахъ и спинѣ—вѣчные спутники пильщиковъ. Неудивительно, что послѣднее время крестьяне всячески избѣгаютъ этого промысла, этого «ломанія спины», и предпочитаютъ хоть какъ-нибудь, но идти на сторону. Вообще, по даннымъ текущей статистики владимірскаго бюро за послѣдніе 3 года, мѣстные промыслы падаютъ, а отхожіе расширяются. Величина заработка на послѣднихъ съ каждымъ годомъ увеличивается, отказа отъ работы никому изъ ищущихъ ея не бываетъ. Владимірскіе промышленники разбредаются по всей Россіи, даже проникаютъ за границу, на Балканскій полуостровъ.

«Въ 1898 г. россійскій консулъ въ Сербіи доносилъ, что тамъ появились русскіе торговцы косами и серпами—все крестьяне Владимірской губ. Къ сожалѣнію, невѣжество, темнота крестьянской массы дѣлаетъ часто отхожихъ промышленниковъ жертвами страшной эксплоатаціи со стороны ловкихъ людей. Даже урядникъ, одинъ изъ корреспондентовъ владимірскаго статистическаго

бюро, жалуясь на косность крестьянскую и непониманіе своихъ выгодъ, восклицаетъ: «поскорѣе бы Богъ далъ грамотности побольше да образованности народной!» Главный потокъ отмѣченной «тяги» крестьянскаго населенія устремляется на фабрики и заводы, «на легкую работу,—какъ выражаются крестьяне,—на вольный воздухъ». Особенно сильно стремленіе на фабрику, желаніе уйти изъ деревни, среди молодежи и женщинъ. Женщинамъ фабрика, понятно, даетъ больше, чѣмъ мужчинамъ, освобождая ихъ изъ-подъ вѣчной опеки и рабства крестьянской семьи. «Увеличивается уходъ на фабрику,—пишетъ одинъ корреспондентъ,—не по днямъ а, какъ говорится, по часамъ. Всѣ бросаютъ землю, а молодежь вся на фабрикѣ. Уменьшеніе рабочихъ часовъ на фабрикѣ особенно многимъ по вкусу. Легкая и прибыльная работа кому не понравится? Мѣсяцъ прожилъ на фабрикѣ, хвать 20—25 руб. заработалъ, и даже женщины 15 руб. легко зарабатываютъ въ мѣсяцъ. А выручитъ ли такую сумму крестьянинъ дома за сохой? Никогда». Радостныя привѣтствія по адресу фабрикъ раздаются въ отвѣтахъ корреспондентовъ рѣшительно отовсюду. Девятичасовой рабочій день, введенный на всѣхъ большихъ фабрикахъ, даетъ возможность крестьянамъ ближайшихъ деревень цѣлыхъ почти полдня отдавать и земледѣльческимъ работамъ. Большинство же фабричныхъ, проработавъ извѣстное время на фабрикѣ одни, берутъ къ себѣ потомъ жену и все семейство и бросаютъ совсѣмъ землю и окончательно отрываются отъ деревни. Надо сказать, что всѣмъ фабричнымъ земельный надѣлъ является большой обузой, такъ какъ общество принудительно наваливаетъ на всѣхъ своихъ членовъ извѣстное количество земли, такъ что фабричнымъ приходится сдавать свою долю сплошь и рядомъ только за 1/2 оброковъ, остальную же половину (8—20 р.) податей платить самимъ. Во многихъ деревняхъ фабричныя семьи, съ которыхъ снимаютъ землю, должны платить въ общество 3—10 р. въ годъ. Тамъ, гдѣ земля окупаетъ лежащія на ней подати, міряне ухитряются сковывать новыя звенья прикрѣпляющихъ крестьянина къ землѣ цѣпей: не даютъ согласія на выкупъ надѣла, на сдачу его въ аренду (на все это есть законъ); уходящій на сторону или долженъ, совсѣмъ не эксплоатируя земли, оплачивать всѣ повинности, или платить обществу 7—10 руб. въ годъ. Но волна промышленной жизни глубоко врѣзалась во владимірскую деревню и вымываемую ею почву нельзя удержать никакими преградами; она уноситъ съ собой изъ деревни лучшія молодыя силы, которыя уже не возвращаются «съ легкой, прибыльной работы», «съ вольнаго воздуха» въ душную безотрадную атмосферу крестьянской жизни».

Деревенскій реформаторъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Ганейзеръ приводитъ два приговора одного крестьянскаго общества о переустройствѣ всего крестьянскаго хозяйства, составленные подъ вліяніемъ своего однодеревенца Я. М. Михайлова, въ которыхъ онъ выступаетъ въ роли настоящаго деревенскаго реформатора, задумавшаго коренное измѣненіе всего строя общины. Въ этихъ приговорахъ крестьяне просятъ высшее губернское начальство о разрѣшеніи перенести деревню на новое мѣсто и объ учрежденіи общества «Взаимопомощи».

«Мы, нижепоименованные крестьяне, хлѣбопашные и бобыльные домохозяева деревни Малыхъ Свѣтицъ, Любытинской волости (Новгородской губ.), сего 17-го декабря собрали полное деревенское собраніе для обсужденія вопросовъ, чтобы перенести деревню на новое мѣсто, дабы заблаговременно подготовиться къ предстоящимъ общественнымъ работамъ: 1) собраніе рѣшило испросить отъ господина новгородскаго губернатора дозволеніе образовать въ деревнѣ «Взаимную помощь», такъ какъ всѣ крестьяне очень бѣдны, и ни одинъ домохозяинъ не въ состояніи будетъ перенести свою постройку безъ посторенней помощи, а нанять помощниковъ 1) не на что, а 2) такая перестройка можетъ протя-

нуться многіе годы и свободно разоритъ если на всю деревню, то большую половину. Для избѣжанія перваго и второго, собраніе согласилось, по полученіи разрѣшенія, на введеніе взаимной помощи на перестройку деревни на означенное мѣсто,—производить перестройку слѣдующимъ порядковъ: всю рабочую силу соединить *во едино*; въ деревнѣ, помимо дѣтей, находится мужчинъ и женщинъ двѣсти человѣкъ и до семидесяти лошадей; такая огромная артель людей и лошадей можетъ раздѣлиться на такія группы, какія потребуются для разобранія, перевезенія и собранія дома на мѣстѣ; значитъ, заразъ можно переправлять до пятнадцати домовъ, не прибѣгая ни къ какимъ наймамъ. Этимъ путемъ мы надѣемся достигнуть намѣченной цѣли не болѣе, какъ въ два мѣсяца, къ тому же не оставляя другихъ крестьянскихъ работъ. 2) Собраніе находитъ для лучшаго устройства своего новаго хозяйства смиреннѣйше просить господина новгородскаго губернатора, дабы дозволено намъ было не только взаимной помощью перенести деревенскую постройку на новое мѣсто, такъ этой же взаимной, между всѣхъ насъ, домохозяевъ, помощью *разработать новыя поля*. Собраніе, сознавая свою безпомощную бѣдность и желая прибѣгать во во всемъ къ взаимообразной помощи, также согласилось употребить въ средство экономическое содержаніе для всего селенія. Чтобы соединить два наиполезнѣйшихъ для деревни элемента:—успѣхъ въ работѣ и экономію въ содержаніи людей,—собраніе желаетъ испросить дозволенія на открытіе въ своемъ селеніи *одной общей столовой*; такая столовая можетъ собою довершить всѣ наши начинанія; въ деревнѣ находится людей обоего пола и разнаго возраста триста восемь человѣкъ. Они живутъ обособленнымъ хозяйствомъ, въ семействахъ; всѣ работаютъ и не могутъ столько наработать, чтобы довольно было хлѣба оттого, что чѣмъ семейство меньше, тѣмъ содержаніе становится дороже, когда же будутъ соединены въ *одну столовую триста человѣкъ*, то содержаніе будетъ обходится не дороже десяти копѣекъ въ день на человѣка, что составитъ въ общемъ тридцать рублей въ день, а за эти тридцать рублей будутъ работать свою деревенскую работу двѣсти человѣкъ и семьдесятъ лошадей. Безъ сомнѣнія, такая выгодная тактика послужитъ полезнѣе, чѣмъ безъ этихъ устройствъ и нововведеній могли бы выполнить десятки тысячъ рублей. А самое главное—крестьяне отъ такихъ постановленій будутъ приходить въ болѣе сознательное отношеніе къ доброму и просвѣщенному».

Кто этотъ Яковъ Михайловъ, выработавшій такой планъ, видно изъ письма, приложеннаго имъ къ приговорамъ, которые онъ же переслалъ въ названную газету.

«Я, уже отчасти извѣстный вамъ по находящимся у васъ приговорамъ, крестьянинъ Яковъ М. Михайловъ, желая дать вамъ болѣе ясности на означенные приговоры и подтвердить фактами, откуда взялась у меня иниціатива, я долженъ просить ваше долготерпѣніе прослѣдить мою біографію: съ 13-лѣтняго возраста и до 23 лѣтъ я былъ полноправный хлѣбопашный домохозяинъ; этому свидѣтели мужички въ приговорахъ означенной деревни. Когда же испыталъ я въ точности деревенское хлѣбопашество и нашелъ его несоотвѣтствующимъ при настоящихъ порядкахъ, то, оставивъ домъ, я пустился путешествовать по Россіи, имѣя въ виду цѣль ознакомленія съ хлѣбопашествомъ въ другихъ губерніяхъ. Ходилъ я три лѣта и прошелъ 14 губерній, во всѣхъ деревняхъ распрашивая крестьянъ объ ихъ порядкахъ и устройствѣ хлѣбопашества. Въ третье и послѣднее лѣто я заходилъ ко всѣмъ на пути лежащимъ священникамъ, дабы составить болѣе правильное опредѣленіе о деревенскомъ населеніи. Я уже былъ увѣренъ, что образцоваго крестьянства не найти, а потому я рѣшилъ извѣдать еще новую для себя жизнь. Я удалился въ Валаамскій монастырь, гдѣ и провелъ три года, въ точности узнавъ борьбу человѣка съ природой. Въ 1892 году пріѣхавъ въ С.-Петербургъ и по сіе время я, бу-

дучи совершенно обезпеченный по своему содержанію, свободно могъ подвести итоги своего крестьянство-путешествія, монастырскихъ порядковъ и городскую жизнь. Это, мною прожитое, вполнѣ достаточно, чтобы означенными приговорами устроить болѣе чѣмъ въ нихъ обозначено. А самое главное,—чрезъ печать вашей уважаемой газеты я добьюсь благополучныхъ результатовъ предъ правительствомъ, что приговоры будутъ утверждены; тогда, по примѣру нашей деревни, сотни другихъ деревень послѣдуютъ такому устройству, а самое устройство такого *новаго общества* дастъ слѣдующее направленіе не только деревенскому населенію, но и всему міру Россійскаго царства.

«1) Мы деревню будемъ строить совершенно по новому плану, чтобы деревня ни въ какомъ случаѣ сгорѣть не могла; если и загорится, то сгоритъ одинъ домъ, и другіе будутъ безопасны; потомъ, чтобы не было въ деревнѣ грязи уличной, которая наводитъ собою на деревенское населеніе отвращеніе къ крестьянскому труду и часто распространяетъ повальныя заразныя болѣзни.

«2) Если будетъ общая столовая, тогда дѣти могутъ отдѣлиться отъ своихъ родителей и взрослыхъ и получитъ воспитаніе болѣе облагороженное; помимо грамотности, молодое поколѣніе получитъ образованіе по агрономіи, хлѣбопашеству, садоводству, огородничеству, скотоводству, травосѣянію и лѣсоводству и другимъ, помимо крестьянства, ремесламъ; если означенная деревня агрономическому учителю будетъ уплачивать за каждый годъ по шестьсотъ руб., а чрезъ его образцовое руководство во всѣхъ хозяйственныхъ отрасляхъ получится польза въ нѣсколько тысячъ руб. болѣе, чѣмъ получается при невѣжественномъ управленіи, ясное дѣло, что ничто не будетъ въ тягость крестьянамъ.

«3) Когда будетъ соединено во-едино двѣсти рабочихъ человѣкъ, тогда легко можно устроить и содержать свой деревенскій избу-лазаретъ съ нѣсколькими кроватями съ домашней аптечкой и книгами, лѣчебниками...

«Много и другого добра будетъ отъ такого нововведенія»...

Приговоры поступили къ земскому начальнику Боровичскаго уѣзда, который заявилъ, что утвердить ихъ не можетъ, такъ какъ «учрежденіе общины на новыхъ началахъ общежитія зависитъ отъ высшаго начальства», къ которому и посовѣтовалъ обратиться.

Фактъ этотъ, какъ единичный, не даетъ, конечно, повода къ какимъ-либо выводамъ, но онъ указываетъ отчасти, что въ деревнѣ замѣчается своеобразное исканіе выхода изъ затруднительности ея современнаго положенія.

Сопротивленіе властямъ. 10-го января въ особомъ присутствіи кіевской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, разбиралось дѣло о 26 крестьянахъ с. Куцовки, Черкасскаго уѣзда, обвинявшихся въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ.

Обстоятельства этого дѣла, по словамъ «Кіевлянина», сводятся къ слѣдующему.

Между крестьянами села Куцовки, Черкасскаго уѣзда, съ одной стороны, и управленіемъ Куцовскимъ имѣніемъ, принадлежащимъ Н. А. Терещенко, — съ другой, установились непріязненныя отношенія изъ-за того, что крестьяне, не имѣя права, пасли свой скотъ на всѣхъ какъ пахотныхъ, такъ и сѣнокосныхъ земляхъ помѣщика, по снятіи съ нихъ хлѣбовъ и уборкѣ сѣна, а управленіе имѣніемъ, наоборотъ, не допускало этой пастьбы. Съ теченіемъ времени непріязненность отношеній усилилась, перейдя, въ концѣ-концовъ, въ открытую вражду крестьянъ противъ управленія. Первоначально управленіе имѣніемъ ограничилось собственными мѣропріятіями для предупрежденія потравъ, охраняя луга при посредствѣ сторожей и экономическихъ объѣздовъ, но мѣропріятія эти ни къ чему не приводили, такъ какъ крестьянскіе сторожа каждый разъ встрѣчали экономическіе объѣзды кольями и камнями и заставляли ихъ бѣжать. Это повело къ тому, что вскорѣ никто изъ экономическихъ служащихъ

не хотѣлъ ѣхать въ объѣзды, боясь быть жестоко избитымъ. Все это заставило управленіе имѣніемъ прибѣгнуть къ содѣйствію мѣстныхъ властей и тогда въ объѣздъ стали посылать сперва мѣстныхъ старосту и сотскаго, а затѣмъ и полицейскаго урядника, спеціально для этой цѣли командированнаго въ с. Куцовку по распоряженію уѣзднаго исправника. Но и это имѣло тѣ же результаты: объѣздъ каждый разъ бывалъ вынуждаемъ бѣжать, спасаясь отъ крестьянскихъ кольевъ. Самовольная же пастьба отъ этого не только не уменьшилась, но, наоборотъ, усилилась, благодаря тому, что успѣхъ въ такихъ стычкахъ каждый разъ оставался на сторонѣ крестьянъ, и принимала все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Со стороны мѣстныхъ полицейскихъ властей, а также и со стороны мирового посредника принимались мѣры и иного рода: не разъ собирались сельскіе сходы, на которыхъ крестьянамъ разъясняли, что они не имѣютъ права производить потравы на помѣщичьихъ земляхъ, что за ихъ поступки имъ грозитъ отвѣтственность и т. д. Но эти увѣщанія ровно ни къ чему ни привели. Такое положеніе вещей, въ концѣ-концовъ, вынудило исправника принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію описанныхъ безпорядковъ и къ обнаруженію виновныхъ въ нихъ, къ чему обязывалъ его и циркуляръ г. кіевскаго губернатора отъ 4-го іюля 1898 года. Имѣя это въ виду, уѣздный исправникъ поручилъ приставу 3-го стана Михаилу Кольчевскому собрать усиленный полицейскій объѣздъ изъ полицейскихъ урядниковъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ и лично объѣхать съ ними экономическіе сѣнокосы, на которыхъ производятся потравы, имѣя при этомъ конечной цѣлью задержать скотъ на потравѣ и этимъ путемъ обнаружить лицъ, виновныхъ въ самовольной пастьбѣ. Исполняя указанное распоряженіе исправника, становой приставъ М. И. Кольчевскій организовалъ изъ полицейскихъ урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ два отряда, изъ которыхъ одинъ находился подъ начальствомъ самого Кольчевскаго, а другой—подъ командой полицейскаго урядника Пигиды. Оба отряда въ ночь на 21 іюня 1899 года должны были одновременно выступить изъ двухъ экономій: Холоднянской и Куцовской, по пути соединиться и затѣмъ общими силами отправиться на сѣнокосъ, извѣстный подъ названіемъ «Островъ», на которомъ крестьяне чаще всего пасли скотъ. Однако, и на этотъ разъ попытка со стороны полиціи задержать скотъ на мѣстѣ потравы кончилась столь же плачевно, какъ и раньше: оба отряда принуждены были бѣжать, оставивъ на полѣ битвы раненыхъ. Несмотря на то, что оба указанные полицейскіе отряды были довольно многочисленны и что многіе изъ участниковъ ихъ были вооружены, наступленіе окончилось неудачей благодаря тому, что крестьяне объ этомъ были заранѣе предувѣдомлены и приняли свои мѣры, устроивъ для противниковъ засаду. У мѣста засады отряды были встрѣчены громадной толпой крестьянъ, которые съ кольями и камнями въ рукахъ бросились на чиновъ полиціи, избили ихъ и обратили въ бѣгство.

На судебномъ слѣдствіи всѣ эти данныя подтвердились, хотя обвиняемые отрицали свою вину. Одинъ изъ свидѣтелей, управляющій экономіей, между прочимъ, объяснилъ, что имѣніе Куцовка не разверстано и что, по уставной грамотѣ, крестьне имѣютъ право выпасовъ на помѣщичьей толокѣ, которой въ 1899 г. было 650 десятинъ. Но они, не довольствуясь толокой, стали травить сѣнокосы. Правда, въ прошломъ году была засуха, и на толокѣ было мало травы, на той же части ея, гдѣ росла свекла, травы и вовсе не было. Дурныя отношенія между управленіемъ имѣніемъ и куцовскими крестьянами установились приблизительно съ 1891 г.

Послѣ разбора дѣла, продолжавшагося весь день, особое присутствіе кіевской судебной палаты вынесло резолюцію, которой 14 подсудимыхъ были призны виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 270 ст. улож. о наказ., остальные же 12—оправданы. Изъ числа 14 обвиняемыхъ 11 приговорены къ

лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе срокомъ на 2 года каждаго, а остальные 3 — къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ.

Новые крестьянскіе начальники въ Сибири. Удивительные разсказы о введенныхъ въ прошломъ году въ Сибири крестьянскихъ начальникахъ помѣщены въ «Сѣверномъ Кавказѣ». Вотъ что пишетъ енисейскій корреспондентъ этой газеты:

«Въ с. У. крестьянскій начальникъ ознаменовалъ свой пріѣздъ такою рѣчью: «Я—вашъ крестьянскій начальникъ, присланъ изъ Петербурга; понимаете вы, или нѣтъ?! Предки наши драли васъ розгами, я тоже буду васъ драть, а то вы шапки мнѣ не снимаете!» Повышая постепенно голосъ, начальникъ долго говорилъ на эту тему. Въ первое же засѣданіе волостного суда онъ посѣтилъ его; утомившись разбирательствомъ дѣлъ, начальникъ ушелъ закусить, приказавъ судьямъ пріостановить разборъ дѣлъ, а чтобы крестьяне знали, что здѣсь есть начальникъ, онъ, снявъ свой мундиръ, повѣсилъ его у судейскаго стола, поставивъ къ нему караулъ.

«Обратимся къ другому типу. Этотъ начальникъ, прослуживши недолго въ должности мирового судьи и, несмотря на преимущества этой службы предъ должностью крестьянскаго начальника, послѣ того, какъ дѣятельность его была очерчена на страницахъ «Сибирскаго Вѣстника», уволился отъ должности судьи и поступилъ на новую должность крестьянскаго начальника. Какъ начальникъ въ попеченіи о благосостояніи ввѣренныхъ ему крестьянъ, онъ сейчасъ же принялъ рядъ энергичныхъ мѣропріятій; прежде всего, онъ уволилъ въ сел. С. кабатчика и собственною властью опредѣлилъ на эту должность своего пріятеля крестьянина П., бывшаго и раньѣе кабатчикомъ, но потомъ бросившаго это прибыльное дѣло. Радости крестьянина П. не было предѣловъ. Къ тому же, начальникъ оставилъ въ селѣ только одинъ кабакъ П., а остальные прикрылъ.

«Отовсюду слышны жалобы, что въ сельскихъ обществахъ служатъ сельскими писарями завѣдомые мошенники, побывавшіе въ тюрьмѣ уже въ Сибири, но жалобы эти остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, появлялись даже корресподенціи объ этихъ писаряхъ, но милостивый начальникъ—нѣмъ и глухъ ковсему...

«Третій начальникъ по своемъ прибытіи также ознаменовалъ себя рядомъ мѣропріятій; прежде всего, собираясь плыть въ свои волости, онъ приказалъ волостному старшинѣ лично вымыть лодку, и рогожу, въ которой будетъ положено мясо, и старшина, съ цѣпью на шеѣ, какъ хорошая судомойка, выполнялъ распоряженія начальника. По дорогамъ, гдѣ долженъ проѣзжать начальникъ, цѣлыя недѣли стояли тройки коней и кучи мужиковъ, выгнанныхъ по распоряженію этого начальника. Прибывъ на одну земскую (сельскую) квартиру и замѣтивъ здѣсь, что клопы пользуются свободой и противозаконно пьютъ кровь проѣзжающихъ, начальникъ приказалъ сельскому старостѣ лично уничтожить всѣхъ клоповъ до одного. Исполняя это распоряженіе, сельскій староста вооружился лучинами и палочками; цѣлый день гонялъ по избѣ клоповъ, выковыривая бѣглецовъ даже изъ самыхъ недоступныхъ щелей, и объ исполненіи сего труднаго порученія доложилъ рапортомъ. Относясь бережливо къ общественнымъ интересамъ, начальникъ, разбивъ ногою два стекла въ общественныхъ лампахъ, возмѣщеніе расхода на покупку новыхъ стеколъ отнесъ на волостного старшину, купившаго лампы съ непрочными стеклами, и т. д.

«Нужно отмѣтить и еще одного. Этотъ, по прибытіи своемъ въ резиденцію, первымъ долгомъ сдѣлалъ визитъ кулаку-торговцу (нельзя же: это—первые люди въ селѣ), происходящему изъ ссыльно-каторжныхъ (здѣсь, вѣдь, проис-

хожденіемъ не брезгуютъ). Кулакъ съ распростертыми объятіями встрѣтилъ новую власть; столъ былъ установленъ яствами и питіями, до дорогого коньяка включительно; началось угощеніе, длившееся почти весь день, а затѣмъ новые знакомые подрались, и на долю волостныхъ властей пришлось разнимать ихъ и разбирать ихъ дѣло... Теперь они судятся между собою».

Какъ хотите,—прибавляетъ корресподентъ,—а Сибирь ждала все-таки не такихъ личностей!

Самарская рабочая контора. Самарскій корресподентъ «Рус. Вѣдомостей» сообщаетъ любопытныя данныя о дѣятельности новаго учрежденія для урегулированія движенія рабочихъ.

«Исполнилось ровно полгода со дня открытія при губернской земской управѣ на средства Общества Краснаго Креста справочной рабочей конторы. За 6 мѣсяцевъ рабочею конторою было отправлено на опредѣленныя работы 1.786 человѣкъ; сверхъ того 1.150 человѣкъ воспользовались свидѣтельствами льготнаго тарифа, выдаваемыми конторой, и ушли на заработки на свой счетъ; такимъ образомъ, всего пристроено конторою около 3-хъ тысячъ человѣкъ. Большинство рабочихъ отправлено на сельскохозяйственныя работы, преимущественно въ губерніи южныя—Екатеринославскую, Харьковскую, Херсонскую, область Войска Донского. Немало ушло рабочихъ и на фабрики—во Владимірскую губернію (до 300 человѣкъ), Лифляндскую (болѣе 300) и др., или на такъ называемыя черныя работы (грузчики, землекопы и т. п.) въ Кронштадтъ, Митаву, Таганрогъ, Оренбургъ и проч. Вполнѣ пристроить одного рабочаго къ опредѣленному дѣлу, т.-е. провезти его до мѣста найма и обезпечить кормовыми за время пути, стоитъ всего 4 рубля, считая въ томъ числѣ и содержаніе конторы (служащій персоналъ, почтовые расходы и т. п.). Эту сумму слѣдуетъ признать весьма незначительной, особенно если мы примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство: до 90% общаго числа рабочихъ отправлены въ мѣстности, отстоящія отъ Самары болѣе чѣмъ на тысячу верстъ; притомъ рабочіе, отправившіеся на заработки лишь при содѣйствіи конторы, но не на ея счетъ, нами вовсе исключались и не ставились въ разсчетъ. Любопытно то, что за указанный періодъ времени спросъ на рабочія руки превысилъ цифру 20 тысячъ; всего было предъявлено 351 опредѣленное требованіе, причемъ въ среднемъ на одно требованіе приходилось на 58 рабочихъ.

«Невольно бросается въ глаза огромный спросъ на рабочія руки и сравнительно небольшое число удовлетворенныхъ требованій. Причины такого явленія весьма разнообразны и многочисленны; мы отмѣтимъ здѣсь лишь немногія и главныя. Прежде всего, въ настоящее время контора отправляетъ рабочихъ исключительно на счетъ нанимателей (ранѣе отправлялъ Красный Крестъ на свой счетъ), хотя и по удешевленному тарифу (¼ стоимости въ третьемъ классѣ), почему многіе наниматели отказываются принять такіе расходы. Далѣе, требовалось болѣе 5-ти тысячъ рабочихъ съ подводами, между тѣмъ, за отсутствіемъ корма и страшнымъ сокращеніемъ рабочаго скота, удовлетворить такой запросъ было невозможно. Затѣмъ, нѣкоторые изъ работодателей предъявляли къ конторѣ слишкомъ строгія требованія, напримѣръ, чтобы каждый рабочій былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствованію, отличался безусловною трезвостью, честностью, былъ грамотенъ и проч., и проч. Почти всѣ землевладѣльцы и фабриканты хотѣли воспользоваться безвыходностью положенія голодающихъ крестьянъ, а потому предлагали самыя минимальныя цѣны. Нельзя пройти молчаніемъ и тѣхъ «договоровъ», подъ которыми должны были подписываться нанявшіеся рабочіе; эти «договоры» и «условія» ставятъ рабочихъ подчасъ въ весьма затруднительное положеніе. Одно крупное полтавское имѣніе, предлагая за лѣтнее время 6 руб. въ мѣсяцъ взрослому рабочему-мужчинѣ и 3 рубля

женщинѣ, въ то же время требуетъ отъ нихъ подписаться подъ такими условіями: 1) «Я (такой-то) на работу долженъ выходить до восхода солнца и оставлять таковую не иначе, какъ по приказанію надсмотрщика за работой и по сдачѣ данныхъ мнѣ для работы скота, сбруи, орудій и т. д. тому завѣдующему отдѣломъ, отъ котораго я получилъ; если сдаваемые инструменты окажутся при сдачѣ утерянными, то я отвѣчаю ихъ стоимостью; 2) если же я буду приставленъ исполнять какую-либо постоянную должность, напримѣръ, конюха, скотника и т. д., то работа моя не должна считаться часами, а тѣмъ дѣломъ, которое требуется исполненіемъ назначенной мнѣ должности, т.-е. я долженъ ее исполнять и по праздникамъ; 4) ни отъ какой работы отказаться я не имѣю права, въ какое бы время она ни была назначена, если я былъ бы вызванъ въ экономію случайно надсмотрщикомъ работы даже ночью. За отлучку безъ спроса подвергаюсь штрафу, какъ за самовольную». Вообще въ этомъ договорѣ перечислено множество случаевъ, въ которыхъ налагается на рабочаго штрафъ «по усмотрѣнію управляющаго».

«Неудивительно, что наняться на такихъ условіяхъ находилось весьма мало охотниковъ. Опытъ самарской рабочей конторы показалъ, что подобныя учрежденія могутъ принести огромную пользу какъ рабочимъ, такъ и работодателямъ, но при томъ условіи, если подобныхъ конторъ будетъ организовано очень много и онѣ будутъ соединены съ врачебно-продовольственными пунктами, т-е. когда для рабочихъ будутъ построены бараки для ночлега, чайныя, столовыя, больнички и проч.».

Церковныя попечительства о бѣдныхъ. «Вѣстникъ Благотворительности» въ обстоятельной статьѣ разсматриваетъ дѣятельность церковныхъ и участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. На основаніи оффиціальныхъ данныхъ, журналъ приходитъ къ выводу, что 35-ти-лѣтній опытъ дѣятельности приходовъ только подтверждаетъ неприспособленность ихъ къ этому дѣлу. Сколько-нибудь крупную дѣятельность обнаруживаютъ лишь нѣкоторыя столичныя да городскія приходскія попечительства. Но такихъ попечительствъ немного. Общее же число ихъ достигало въ 1895 году 15.923.

«На благолѣпіе храмовъ всѣ эти попечительства израсходовали въ томъ же году 2.333.820 р., на поддержаніе причтовъ—188.622 руб., а на школы и дѣла благотворенія вмѣстѣ—всего 435.648 руб. Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляется эта послѣдняя сумма между школой и благотворительностью во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, изъ котораго она заимствована, не приведено. Но если даже допустить такое маловѣроятное предположеніе, что на школы изъ приведенной суммы ничего не тратится и что вся она цѣликомъ идетъ на благотворительность, то и въ такомъ случаѣ необходимо будетъ признать, что подавляющее большинство церковно-приходскихъ попечительствъ дѣйствуетъ въ области призрѣнія чрезмѣрно слабо и почти не оказываетъ никакого вліянія на удовлетвореніе нуждъ призрѣнія. На 27,3 рубля, приходящихся въ среднемъ на каждое попечительство, едва ли можно прокормить и одного человѣка. Вѣроятнѣе же всего, что и изъ этихъ 27,3 р. большая часть идетъ на школы, но не на благотворительность. Кромѣ попечительствъ, благотворительность развивали также монастыри и церкви, имѣвшіе въ 1895 году 763 больницы и 901 богадѣльню. Однако, число призрѣваемыхъ въ нихъ было не велико—всего 13.591, т.-е. въ среднемъ по 13 душъ въ каждомъ изъ этихъ заведеній. Число православныхъ братствъ достигало въ 1894 году 160. Болѣе крупныя изъ нихъ, завѣдывая школами, оказывали пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ ихъ и призрѣвали сиротъ. Такъ, Славяно-Владимірское братство содержало безплатное училище для приходящихъ дѣтей бѣдныхъ родителей. При Подольско-Свято-Іоанно-Предтеченскомъ братствѣ

учрежденъ ремесленный пріютъ, въ которомъ сироты и дѣти крайне бѣдныхъ родителей находятъ безплатное содержаніе и обучаются ремесламъ. Братство это воспитываетъ также на средства дамскаго комитета нѣсколько дѣвочекъ въ своемъ пріютѣ. Тульское, тамбовское, пензенское, вологодское и новгородское братства большую часть своихъ средствъ расходовали на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Вятское братство выдавало учащимся въ центральной противораскольнической школѣ денежное пособіе по 6 руб. въ мѣсяцъ каждому. Нѣкоторыя братства оказывали пособіе всѣмъ беднѣйшимъ людямъ выдачей денегъ, раздачею хлѣба и снабженіемъ лѣкарствами, но ихъ помощь, въ общемъ, была ничтожна.

«Вотъ и все, что извѣстно о дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ по общественному призрѣнію въ послѣдніе годы. Очевидно, дѣятельность эта настолько не велика для почти что 16 тыс. мелкихъ организацій, стоящихъ у самаго дѣла, что никоимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ или поводомъ къ передачѣ имъ дѣла призрѣнія. Напротивъ того, малое участіе церковно-приходскихъ попечительствъ въ попеченіи о бѣдныхъ лишь подтверждаетъ мысль, по которой призрѣніе по своимъ основнымъ свойствамъ, элементамъ и по природѣ своей требуетъ для исполненія совсѣмъ иныхъ организацій, не похожихъ на церковно-приходскія. Роль послѣднихъ не нужно смѣшивать съ ролью церкви, которая, въ лицѣ своихъ пастырей, всегда будетъ развивать и поддерживать въ вѣрующихъ духъ любви, милосердія и благотворенія, какъ развиваетъ и поддерживаетъ въ нихъ противодѣйствіе порочнымъ склонностямъ и преступленіямъ. Но какъ изъ послѣдняго факта не вытекаетъ, что церковныя организаціи должны принимать полицейскія мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ и судить ихъ свѣтскимъ судомъ, такъ и изъ христіанскаго милосердія нельзя выводить обязанностей церковныхъ организацій по призрѣнію бѣдныхъ».

Поэтому «Вѣстникъ» стоитъ за совершенно независимую отъ прихода организацію помощи бѣднымъ, въ видѣ участковыхъ попечительствъ, по образцу, напр., московскихъ.

Бумажныя недоразумѣнія. Новыя и очень сложныя недоразумѣнія возникли въ провинціи изъ-за прекращенія пріема кредитныхъ билетовъ образца 1887 г. Такъ «Нижегородскій Листокъ» и другія газеты полны описаніями такихъ, напр., сценъ.

«Недоразумѣнія начались съ первыхъ же чиселъ января. Проникшее въ темную и малопросвѣщенную массу извѣстіе о прекращеніи обращенія бумажекъ образца 1887 года породило положительно паническую боязнь бумажныхъ денегъ. Масса, по своей безграмотности, не могла изъяснить, какія именно «бумажки» съ наступленіемъ 1-го января 1900 года перешли въ разрядъ «негодныхъ». Результаты «бумажной паники» не замедлили проявиться и въ Нижнемъ. Лавочники городскихъ окраинъ въ первыхъ же числахъ января объявили, что «никакихъ бумажныхъ денегъ» они принимать не будутъ. И это было вовсе не безпричиннымъ капризомъ.

«— Помилуйте-съ,—жалуются они,—послѣ этого самаго извѣщенія, съ середины декабря, бумажками просто завалили, словно кладъ какой отрыли. Купитъ коробку шведскихъ спичекъ,—бумажка, десятокъ папиросъ,—бумажка, дрожжей на семишникъ,—бумажка. И главное,—все бумажки разномастныя—разныхъ годовъ... Одинъ даже ассигнацію откуда-то приволокъ. Какъ тутъ разобраться, какую обмѣнить возможно на настоящія деньги, какую ребятишкамъ для забавы выкинуть. А вѣдь за всякую ошибку придется своимъ карманомъ отвѣчать, и никакія слезы не помогутъ.

«То же самое явленіе можно было наблюдать и на базарахъ. Временами оно

принимало положительно каррикатурныя формы, которыя могли бы вызвать смѣхъ, если бы за ними не скрывалась «нужда безысходная да тьма непроглядная».

«Сторговала барыня пучка два какихъ-то кореньевъ, вынимаетъ бумажку. Торговка Христомъ Богомъ проситъ дать «настоящую» монету. Барынѣ нѣкогда бѣгать и мѣнять деньги и она намѣревается уйти къ другой торговкѣ, отказавшись отъ покупки. Торговкѣ, въ свою очередь, жаль отпустить покупательницу. Получается коллизія.

— Постой, постой!..—кричитъ во все горло уходящей покупательницѣ торговка. обрадовавшись, что нашла выходъ изъ нелегкаго положенія, созданнаго съ одной стороны страшной, должно быть, «бумажкой», а съ другой—страстнымъ желаніемъ заполучить за товаръ пятакъ.—Ты побожись, что твоя бумажка настоящая... Побожись, что мнѣ ее обмѣнятъ.

Барыня обижается.

— Да, что я мошенница что ли?

— Ну, ради Христа, побожись... успокой мою душеньку... у меня, вѣдь дома-то пятеро ртовъ и всѣхъ кормить надо... Да еще хозяинъ... Въ случаѣ чего, онъ такъ за оплошку разукраситъ!..

Барыня смѣется и божится. Смѣется сосѣдъ торговки, а та, крестясь, принимаетъ изъ рукъ барыни бумажку и, высыпавъ изъ холщевой мошны груду мѣдяковъ, охаетъ, снова крестится и, отсчитавъ девяносто пять копѣекъ, подаетъ барынѣ.

— Мѣ-ѣ-дь!—съ брезгливой гримасой произноситъ покупательница.

— Что-жъ что мѣдь... Она, голубка, не обманетъ, не то что твоя вертихвостая бумажка,—замѣчаетъ торговка, съ особой нѣжностью собирая разсыпанные въ подолѣ мѣдяки.

«Крещенская ярмарка въ этомъ отношеніи прошла не такъ благополучно: тамъ бабѣ, пріѣхавшей изъ Семеновскаго уѣзда, все-таки кто-то сумѣлъ всучить изъятую изъ обращенія бумажку. Баба ревѣла и обращалась къ толкущемуся на ярмаркѣ люду за совѣтомъ, что дѣлать ей съ бумажкой, которая «какъ будто и настоящая, и какъ будто бросовая»...

— Что дѣлать?.. Хозяину въ ноги поклонись да попроси его, чтобъ онъ покрѣпче обучилъ тебя финансовой наукѣ,—смѣялся нижнебазарный приказчикъ.—Финансы, тетка, въ наше время штука наиважнѣющая!..

«И сколькимъ въ нынѣшнемъ году на собственной шкурѣ придется узнать, что финансы—дѣйствительно—«штука наиважнѣющая»...

Такія же исторіи стали повторяться и въ столицахъ, что вызвало со стороны «Гражданина» вѣрное заключеніе:

«Кому оно (прекращеніе пріема) можетъ быть полезно и нужно? Кому вредъ отъ медленнаго процесса постепеннаго выхода изъ употребленія тѣхъ или другихъ кредитныхъ бумажекъ?

«Во-первыхъ, тутъ является вопросъ нравственности и честности. Неужели обязательство правительства платить по кредитнымъ билетамъ можетъ прекращаться когда-либо, пока бумажки въ обращеніи, и неужели подъ предлогомъ, что многіе, т.-е. милліоны неграмотнаго люда не будутъ знать о срокѣ для прекращенія обращенія кредитной бумажки, можно допустить, что этимъ воспользуется государственный банкъ для извлеченія выгоды отъ отказа въ принятіи къ размѣну старыхъ кредитныхъ бумажекъ? Ясно, что такое предположеніе слишкомъ безнравственно, чтобы быть мыслимымъ для государственнаго банка.

«Но затѣмъ есть еще другая сторона дѣла, практическая. Россія при своихъ условіяхъ народнаго быта, очевидно, имѣетъ мало сходства съ тѣми европейскими государствами, гдѣ въ каждомъ захолустьи и въ каждый домъ сравни-

тельно скоро доходитъ всякое правительственное объявленіе. Въ Россіи множество захолустій, гдѣ милліоны людей ничего не знаютъ о правительственныхъ оповѣщеніяхъ. Отсюда что слѣдуетъ вывести? Во-первыхъ, то, что лучше не опредѣлять сроковъ для прекращнія оборотной силы какой-либо кредитной бумажки, а во-вторыхъ, что если этотъ срокъ будетъ объявленъ, то имъ воспользуются мошенники всѣхъ народностей, чтобы эксплоатировать эту мѣру въ свою пользу и лишній разъ обворовать неграмотный русскій людъ. Въ каждой деревнѣ явятся мошенники, которые увѣрятъ мужиковъ, что старыя бумажки ничего не стоятъ, и купятъ ихъ за полцѣны, а затѣмъ, понабравъ такихъ бумажекъ въ цѣломъ околодкѣ, промѣняютъ ихъ въ государственномъ банкѣ на новые кредитные билеты.

«Вотъ то главное, что неизбѣжно произойдетъ вездѣ.

«Спрашивается: неужели, чтобы достигнуть только этого результата, необходимо опредѣлять срокъ для признанія старой кредитной бумажки недѣйствительною?»

Въ самомъ дѣлѣ, будутъ ли обмѣниваться, спрашиваетъ *Новое Время*, кредитныя бумажки, залежавшіяся по невѣдѣнію, и если будутъ, то гдѣ? Въ объявленіи министерства финансовъ, по поводу котораго пишетъ кн. Мещерскій, говорится только, что по истеченіи 31-го декабря 1899 года кредитные билеты образца 1887 г. не будутъ принимаемы въ казенные платежи и не обязательны къ обращенію между частными лицами. Но значитъ ли это, что они послѣ того изъ денегъ обращаются въ макулатуру?

Отзывъ ученой коммиссіи о произведеніяхъ Пушкина. Намъ уже приходилось говорить о томъ, какъ мало распространены творенія Пушкина въ народной средѣ (см. «М. Б.», іюнь 1899 г. «На родинѣ»), такъ какъ главные проводники знаній въ народъ—школа, библіотека и аудиторія—по не зависящимъ отъ нихъ условіямъ почти вовсе не знакомятъ его съ этими произведеніями. Очень любопытными въ этомъ отношеніи представляются отзывы о сочиненіяхъ Пушкина, по словамъ *Спб. Курьера*, данные два года назадъ однимъ ученымъ учрежденіемъ. Приводимъ нѣкотрые изъ этихъ отзывовъ.

1) «Русланъ и Людмила».—Въ этой поэмѣ много эротическаго; напримѣръ, описывается баня, гдѣ «хана моютъ дѣвы молодыя», а также «нѣжныя затѣи Киприды». Кромѣ того, высказываются недобрыя мысли: «немножко *вѣтрена* (курсивъ подлинника), такъ что же? Еще *милѣе* тѣмъ она». Эта поэма не пригодна. 2) «Кавказскій плѣнникъ». И въ этой поэмѣ есть эротическія мѣста, но не столь соблазнительныя, какъ въ первой. Можно бы допустить—тутъ хороши описанія Кавказа. 3) «Братья разбойники».—Содержаніе поэмы можетъ смутить читателя, особенно простого человѣка. Допустить нельзя. 4) «Бахчисарайскій фонтанъ».—И по эротическимъ мѣстамъ (а здѣсь ихъ много), и по отсутствію необходимыхъ объясненій (напримѣръ, слова «шербетъ») допустить нельзя. 5) «Цыгане».—Здѣсь высказываются мысли одностороннія: «Въ городахъ—торгуютъ волею свой.—Главы предъ идолами клонятъ.—И просятъ денегъ и цѣпей». Допустить нельзя. 6) «Сказка о мертвой царевнѣ».—Допустить можно, но слѣдуетъ объяснить слово «сочельникъ». 7) «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ».—Здѣсь часто встрѣчается слово «скопецъ», который изображенъ мудрецомъ. Допустить нельзя. 8) «Пѣсни западныхъ славянъ».—Мысли кое-гдѣ неодобрительныя: «Противъ солнышка луна не пригрѣетъ—противъ *милой* жена не утѣшитъ».—Допустить нельзя. 9) «Евгеній Онѣгинъ».—Много эротическихъ мѣстъ, напримѣръ, «о ножкахъ». Кромѣ того, много неудобныхъ мыслей: «Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ—Въ душѣ не презирать людей». Одобрить нельзя. 10) «Графъ Нулинъ».—Много эротическаго. Допустить нельзя. 11) «Домикъ въ Коломнѣ».—Допустить можно; высказываются хорошія мысли, напр.:

«Блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ—И держитъ мысль на привязи свою». 12) «Капитанская дочка». Допустить можно, но выпустивъ строки о «прачкѣ Палашкѣ» и разсказъ Максимыча о «банѣ, гдѣ капралъ Прохоровъ подрался съ Устиньей изъ-за шайки горячей воды». 13) «Исторія Пугачевскаго бунта».— Допустить нельзя. Здѣсь описывается много ужаснаго; кромѣ того, попадается много неудобныхъ мѣстъ, наприм.: «оробѣли воинскіе начальники», «недостаетъ у правительства пушекъ», самъ главный вождь (Бибиковъ) находилъ положеніе дѣлъ «прескверныиъ»; «императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества» и т. п. 14) «Всѣ поэмы», 15) «Всѣ сказки», 16) «Баллады и легенды», 17) «Всѣ драматическія произведенія» и 18) «Повѣсти Бѣлкина»— допустить нельзя. 19) «Письма Пушкина».—Нельзя допустить по тремъ причинамъ: a) ненадлежащее отношеніе къ религіи, напр.: «его преосвященству (А. И. Тургеневу), состоящему при оберъ прокурорѣ святѣйшаго синода». «Такъ, *если върить* Моисею,—погибъ несчастливый Содомъ»; «я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность»; «повторяю тебѣ (кн. Вяземскому) передъ Евангеліемъ и св. причастіемъ, что Дмитріевъ не имѣетъ болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ»; «мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божьей помощью могу проносить еще года три»; второе изданіе «Руслана и Людмилы» называется вторымъ пришествіемъ и т. п.; b) суровые отзывы о цензурѣ, напр., поэтъ называетъ ее своей «пріятельницей, голубушкой», «ужасно безтолковой», приписываетъ ей «цѣломудренность»; «зарѣзала меня цензура»; «съ перемѣной министерства ожидаю и перемѣны цензуры» и т. п.; c) рѣзкіе отзывы о разныхъ предметахъ, напр.: одинъ французскій офицеръ названъ подлецомъ: «Греція мнѣ огадила»; называетъ свое существованіе глупымъ и рѣзко отзывается о псковскомъ губернаторѣ; «меня тошнитъ съ досады, на что ни погляжу», и т. п...

Памяти Герцена. Корреспондентъ «Нижегородскаго Листка» г. Протопоповъ описалъ литературный вечеръ, посвященный памяти Герцена. «9-го января въ 10 ч. вечера въ верхнемъ залѣ ресторана «Медвѣдь» состоялся ужинъ литераторовъ, устроенный по случаю 30 й годовщины смерти А. И. Герцена. Въ числѣ собравшихся, которыхъ было около ста человѣкъ, находились не только профессіональные журналисты, но и другія лица, близкія къ литературнымъ кругамъ: артистка Коммиссаржевская, присяжн. повѣр. Карабческій, Никоновъ и др. Центральное предсѣдательское мѣсто за столомъ занялъ по общей просьбѣ П. И. Вейнбергъ, который остроумно замѣтилъ, что своимъ мѣстомъ на вечерѣ онъ обязанъ «печальному для себя обстоятельству—возрасту».

«П. И. Вейнбергъ пригласилъ лицъ, желающихъ говорить, «записаться и соблюдать очередь» и при этомъ добавилъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ нынѣшнее собраніе, направленное къ чествованію того, кто такъ много посодѣйствовалъ эпохѣ великихъ реформъ. Многое изъ того, чего желалъ Герценъ, уже свершилось: крестьяне освобождены отъ рабства, старый судъ уступилъ мѣсто новому правосудію и т. д. Изъ этого уже видно, какъ много жизненной правды было въ словахъ Герцена и какъ онъ правильно въ темное до-реформенное время понималъ нужды своей родины.

«Певвая рѣчя была произнесена г. Карабчевскимъ. Высокій ростъ, могучая грудь, сильный голосъ, большое умѣнье говорить и огонь таланта сдѣлали свое дѣло: рѣчь г. Карабчевскаго была принята шумными аплодисментами. Ораторъ красиво упомянулъ и о словахъ—«мане, текелъ, фаресъ» и о Прометеѣ, и т. д. Н. Ф. Анненскій взволнованнымъ голосомъ вспомнилъ дни своей молодости, когда онъ впервые знакомился съ писаніями Герцена. Это было въ концѣ 50-хъ годовъ въ далекомъ городѣ Сибири. Въ то наивное время смутно понимали значеніе статей «Искандера» и даже крупные чиновники покупали заграничныя

изданія, мотивируя это «пользою службы»... На Герцена многіе смотрѣли, какъ на родъ апелляціонной инстанціи и посылали къ нему объясненія и жалобы. Въ 60-хъ годахъ, а именно во время польскаго мятежа, значеніе Герцена было лучше понято и, конечно, разсѣялась иллюзія о чтеніи его писаній «въ пользу службы». Въ это же время Герцену пришлось испытать горькій фактъ: на полѣ литературы явились «разночинцы», это были ученики Искандера, но ученики пошедшіе дальше учителя, въ которомъ они усматривали «прекраснодушіе» 40-хъ годовъ. Конечно, нападки изъ лагеря друзей были очень болѣзненны и именно это обстоятельство, можетъ быть, было самою драматическою нотою въ жизни Герцена. Рѣчь Н. Ф. Анненскаго, простая, безыскусственная и душевная, вызвала взрывъ сочувствія. Г. Мякотинъ постарался выяснить, почему газета Герцена, печатавшаяся до польскаго мятежа въ количествѣ 3.000 экз., послѣ этого момента стала выходить лишь въ числѣ 400 экз. Это произошло отъ того, что, благодаря росту пониманія вообще и въ частности благодаря критикѣ Каткова и другихъ сотрудниковъ «Моск. Вѣд.», въ Россіи поняли, къ какимъ собственно результатамъ ведетъ проповѣдь Герцена, а такъ эти результаты не совпадали съ желаніями многихъ изъ читателей Герцена, то и произошелъ отливъ. Съ большимъ вниманіемъ было выслушано коротенькое слово В. Д. Спасовича. Слово его умное, тонкое и оригинальное, какъ и всегда, касалось вопроса о томъ, является ли Герценъ представителемъ «русской» мысли или мысли европейской. По мнѣнію г. Спасовича, вѣрнымъ является второе положеніе: Герценъ тѣмъ и силенъ, что посмотрѣлъ на Россію не съ русской точки зрѣнія. П. Г. Струве сказалъ, что дѣятельность Герцена хорошо подтверждаетъ мысль о пользѣ дѣлать то, что слѣдуетъ, не гоняясь за немедленными утилитарными результатами. Н. К. Михайловскій напомнилъ о другѣ Герцена—Огаревѣ, память котораго почтили вставаніемъ. Г. Ганейзеръ предложилъ образовать кружокъ, который бы занялся собираніемъ біографическихъ матеріаловъ о Герценѣ, а также и его сочиненій, причемъ желательно было бы издать все, что возможно».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», декабрь. Въ «Литературѣ и жизни» *Н. К. Михайловскій* даетъ характеристику г. В. Розанова, по поводу вышедшихъ недавно сборниковъ его произведеній. Вмѣстѣ съ другими «восьмидесятниками», г. Розановъ «отказывается отъ наслѣдства 60-хъ—70-хъ годовъ». Г. Михайловскій наводитъ по этому поводу справки. Обнаруживается въ результатѣ этихъ справокъ, что г. В. Розановъ отказывается не такъ, какъ отказываются сотрудники «Недѣли», не такъ, какъ декаденты и символисты, не такъ какъ марксисты («мнѣ кажется,—прибавляетъ по этому поводу Н. К. Михайловскій,—что наиболѣе умные и добросовѣстные изъ нихъ вернутся скоро къ 70-мъ годамъ,—конечно, не для буквальнаго ихъ повторенія, какъ и 70-е годы не буквально повторяли своихъ предшественниковъ»). Его «отказъ отъ наслѣдства»—совсѣмъ особенный. И г. Михайловскій задается вопросомъ: при такомъ отсутствіи солидарности г. Розанова и съ современными ему, съ болѣе старыми общественными партіями, съ славянофилами и послѣдователями Каткова,—«ведетъ ли онъ когонибудь за собой, и если ведетъ, то кого именно»? Отвѣтъ получается отрицательный: нѣтъ, не ведетъ и вести не можетъ. Почему же? Г. Михайловскій доказываетъ свою мысль тѣми капризами формы и мысли, въ которыхъ онъ видитъ существенную черту писательской физіономіи г. Розанова. Въ томъ и въ другомъ отношеніи г. Розановъ «въ себѣ не воленъ». Его «мысль безпо-

мощно крутится», подхватывая на пути яркіе образы и туманныя словоизвитія, закрѣпляя въ слѣпомъ порывѣ минуты нравственнаго паѳоса и безнравственные софизмы. За г. Розановымъ нельзя идти, «просто потому, что физически невозможно идти за-разъ и направо, и налѣво». Выражаясь терминами самого г. Розанова, онъ просто-на-просто—«юродивый». Вотъ почему даже заявившіе себя печатно единомышленниками г. Розанова гг. Шараповъ и Перцовъ—«идутъ за нимъ больше для того, чтобы въ этой цѣлесообразной позиціи время отъ времени «приподнимать полы его халата» и «отшлепывать» его, хотя и «безъ поврежденія мягкихъ частей», какъ мило шутитъ г. Шараповъ».

Вопросъ о «наслѣдствѣ» 70-хъ годовъ еще разъ обсуждается, вслѣдъ за г. Е. Соловьевымъ, въ статьѣ «Экскурсія въ малоизслѣдованную и таинственную область», г. *П. Б.* Г. Соловьевъ, какъ извѣстно, немножко поспѣшно приложилъ теорію экономическаго матеріализма къ истолкованію семидесятыхъ годовъ, какъ эпохи «сословнаго», «барскаго» духа, «измельчавшаго до слезливыхъ восторговъ передъ мужикомъ». Чтобы дойти до такихъ восторговъ, «семидесятники», по представленію г. Соловьева, должны были, во-1-хъ, «забыть», радикально шестидесятые годы, а, во-вторыхъ, вновь заразиться господствовавшимъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ славянофильствомъ.

Въ противоположность г. Соловьеву, г. П. Б. ставитъ своей задачей доказать: 1) что семидесятники не только не забыли шестидесятыхъ годовъ, но именно оттуда и получили свои идеалы, 2) что идеалы обоихъ десятилѣтій, тожественные между собой, ничего не имѣли общаго съ идеалами славянофиловъ.

Первый свой тезисъ г. П. Б. доказываетъ довольно легко цитатами изъ Добролюбова и Чернышевскаго. То, что г. Соловьевъ выводилъ отъ славянофиловъ, оказывается непосредственно заимствованнымъ у корифеевъ шестидесятыхъ годовъ: и вѣра въ нравственную силу и цѣльность народа, и вѣра въ прочность народныхъ «устоевъ» общественной жизни, т.-е. прежде всего общиннаго землевладѣнія. Но является вопросъ: откуда явилась эта вѣра у людей шестидесятыхъ годовъ? Когда г. Соловьевъ прямо ссылается на славянофиловъ, какъ на учителей семидесятниковъ, обходя шестидесятые годы, то критикъ его поступаетъ правильно, напоминая ему о пропущенномъ звенѣ. Но когда это звено возстановлено, и когда сами шестидесятники указываютъ дальше на славянофиловъ, какъ на своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, то эта ссылка должна быть провѣрена при помощи болѣе точныхъ историческихъ данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя, повидимому, находятся въ рукахъ г. П. Б. Замѣнить эту справку простыми разсужденіями, притомъ исходящими изъ того понятія о славянофильствѣ, которое сложилось въ позднѣйшее время,—нельзя. Безъ сомнѣнія, ничего общаго не могло быть между практическими программами Чернышевскаго и Ивана Аксакова, но общее было въ томъ теоретическомъ источникѣ, къ которому одинаково восходятъ сходныя идеи обѣихъ программъ. Достаточно вспомнить, что за Чернышевскимъ стоялъ Герценъ, а за Иваномъ Аксаковымъ—Иванъ Кирѣевскій, и что Герценъ съ Кирѣевскимъ, по образному выраженію перваго, изображали «двуликаго Януса», два лица котораго смотрѣли въ противоположныя стороны, исходя изъ общихъ симпатій.

Г. *Викторъ Черновъ* «по поводу новой книги (Бернштейна) «объ экономическомъ матеріализмѣ» разсматриваетъ тѣ самыя «оговорки матеріалистическаго пониманія исторіи», которымъ посвящена первая статья настоящей книжки нашего журнала. Тамъ, гдѣ нашъ сотрудникъ видитъ несомнѣнную эволюцію старой теоріи, ортодоксальные защитники теоріи усматриваютъ лишь постепенное разъясненіе того, что заключалось въ теоріи уже съ самаго начала. «Экономическій матеріализмъ, какъ оказывается изъ словъ его новѣйшихъ защитниковъ, не отрицалъ ни одного изъ тѣхъ «факторовъ», на которыхъ настаивали его оппоненты; онъ лишь отчасти подразумѣвалъ ихъ въ са-

*

момъ понятіи «экономическаго фактора», отчасти же просто, по условіямъ, не успѣвалъ воздать должное «остальнымъ элементамъ, участвующимъ въ взаимодѣйствіи», отклоняясь отъ этого, въ виду полемическихъ интересовъ минуты, къ доказательству «главнаго» положенія о «суприматіи» экономическаго развитія.

Самъ же г. Черновъ склоненъ думать, что не только была налицо извѣстная эволюція изъ основной мысли, но что были и такія уступки противникамъ, которыя не мирятся съ основной мыслью, а лишь сопоставляются съ ней совершенно механически. «Намъ кажется,—говоритъ онъ,—что на теоріи экономическаго матеріализма просто сбылись слова самого Бернштейна; эклектизмъ—смѣсь изъ самыхъ различныхъ методовъ изслѣдованія и объясненія фактовъ—часто является естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія все выводить изъ одного начала, все разрѣшать однимъ методомъ. Какъ только усиливается подобное стремленіе, духъ эклектизма всегда проложитъ себѣ дорогу съ естественной необходимостью. Онъ является возстаніемъ здраваго разсудка противъ присущаго всякой доктринѣ стремленія втиснуть мысль въ «испанскіе сапоги»... И строгая доктрина обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что заимствуетъ кое-что исподтишка у эклектики, этой легкомысленной особы, смѣло порхающей съ цвѣтка на цвѣтокъ по всему жизненному саду,—заимствуетъ, а передъ всѣмъ свѣтомъ оправдываетъ себя въ концѣ концовъ заявленіемъ, что въ глубинѣ души она сама все это и раньше всегда подразумѣвала»...

Уступки только тогда не поведутъ къ эклектизму, если они дѣлаются во имя какой-нибудь теоріи, а не во имя практическихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ прежней теоріей, черезчуръ исключительной. Нехорошо, если прежняя теорія замѣняется не новой теоріей, а компромиссомъ между двумя; еще хуже, если это—компромиссъ между теоріей, ошибочность которой признана, и теоріей, которую еще предстоитъ построить. Вотъ почему, мы думаемъ, что съ уступками не слѣдуетъ черезчуръ спѣшить, если хотятъ создать что-нибудь прочное. Такія уступки хороши, какъ симптомъ, но не какъ окончательный исходъ. Г. Черновъ, несомнѣнно, это чувствуетъ, такъ же какъ и авторъ начальной статьи этой книжки. «Есть только одинъ путь для того, чтобы, съ одной стороны, избавиться отъ некритическаго монизма, составляющаго слабое мѣсто экономическаго матеріализма, а съ другой—не впасть въ неопредѣленный и расплывчатый эклектизмъ. И этотъ путь—выясненіе необходимыхъ методологическихъ основъ всякаго соціологическаго изслѣдованія, и въ особенности всякой соціологической дедукціи». Намъ тоже кажется, что это—путь вѣрный.

Не менѣе споровъ, чѣмъ *теорія* «экономическаго матеріализма», вызываютъ въ послѣднее время и прикладные вопросы, входящіе въ практическую програму того же направленія. Можно ли или нельзя примѣнить схему промышленнаго ризвитія Маркса—къ деревнѣ? Этотъ вопросъ давно поставленъ на очередь партіей. Каутскій попытался дать на него отвѣтъ въ духѣ Маркса, т. е. утвердительный. Содержаніе книги Каутскаго излагается и критикуется въ статьѣ г. *Ратнера*. Г. Ратнеръ находитъ, что Каутскій самъ себѣ противорѣчитъ въ двухъ сосѣднихъ отдѣлахъ своей книги, утверждая въ первомъ изъ нихъ, что крупная форма сельскаго хозяйства обладаетъ такими технико-экономическими преимуществами, которыя должны дать ей перевѣсъ надъ мелкой, а въ слѣдующемъ отдѣлѣ констатируя «особые законы» сельскаго хозяйства, въ силу которыхъ, напротивъ, капитализмъ оказывается менѣе прочнымъ въ этой области, а мелкое производство—болѣе живучимъ. Цифровыя данныя такъ же мало помогаютъ Каутскому, какъ теоретическія разсужденія, такъ какъ обнаруживаютъ, вопреки его утвержденіямъ, несомнѣнный ростъ средняго и мелкаго хозяйства въ разныхъ частяхъ Европы. Каутскій ищетъ затѣмъ поддержки старой догмѣ въ тѣхъ фактахъ, что крестьянство перемѣщается изъ дере-

вень въ города, что въ самую деревню проникаетъ промышленность, входящая въ тѣсную связь съ земледѣліемъ. То и другое явленіе—безспорно, хотя размѣры ихъ далеко не такъ велики, какъ нужно для старой схемы. Въ концѣ концовъ, Каутскій самъ лучше всего показываетъ недостаточность своихъ аргументовъ тѣмъ, что возлагаетъ всѣ надежды въ будущемъ на ассимилирующую силу крупной индустріи. «Человѣческое общество есть организмъ,—говоритъ онъ,—и какъ организмъ, оно должно быть организовано единообразно. Абсурдъ—думать, будто въ одномъ и томъ же обществѣ одна часть его можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая, столь же важная, въ противоположномъ... И если развитіе крупной индустріи, являющееся господствующей силой въ современномъ обществѣ, совершается въ направленіи къ обобществленію, то она, эта индустрія, захватитъ для обобществленія и приспособитъ къ своимъ потребностямъ и тѣ области, которыя неспособны изъ самихъ себя произвести условія, необходимыя для этого переворота».

Полную противоположность книгѣ Каутскаго составляетъ новѣйшая работа Гертца объ «аграрныхъ вопросахъ», содержаніе которой также излагается въ статьѣ г. Ратнера. «Если по отношенію къ Каутскому,—замѣчаетъ Шиппель,—нельзя освободиться отъ чувства, что для него заранѣе былъ готовъ опредѣленный теоретическій принципъ и что онъ поспѣшно пробѣжалъ нѣкоторые учебники, и анкеты изслѣдованія по аграрному вопросу, поскольку они могли служить ему матеріаломъ для украшенія остова его теоріи, то по отношенію къ Гертцу получается впечатлѣніе обратное. Чувствуется, что доводы Гертца органически выросли изъ внимательнаго наблюденія фактовъ и тенденцій и изъ внимательнаго изученія литературы по аграрному вопросу». Въ результатѣ такого изученія Гертцъ, прежде всего, не хочетъ говорить объ «аграрномъ вопросѣ», а разсуждаетъ объ «аграрныхъ вопросахъ», признавая, что при разнообразіи мѣстныхъ условій и при большой зависимости земледѣлія отъ внѣшнихъ условій и отъ состоянія общаго экономическаго развитія страны нельзя втискивать всѣхъ явленій въ рамки одного «вопроса». Ни одна форма сельскаго хозяйства не можетъ быть признана наилучшей, безъ отношенія къ даннымъ условіямъ. Существующія же условія скорѣе даютъ преимущество среднему и мелкому, чѣмъ крупному хозяйству. Вѣроятно, эти тенденціи сохранятся и въ будущемъ. Такимъ образомъ, «изъ мелкаго хозяйства организовать крупное» можно только, по мнѣнію Герца, «при помощи товариществъ». Такимъ образомъ, попытка Каутскаго спасти «догму» осталась безуспѣшной. Приходится признать, что эта «догма» не предвидѣла трудностей аграрнаго вопроса, когда думала рѣшить его простой ссылкой на установленную ею схему индустріальнаго развитія.

Н. А. Карышевъ подводитъ итоги своимъ статьямъ о «земскихъ ходатайствахъ» передъ высшимъ правительствомъ. Онъ резюмируетъ, прежде всего, содержаніе ходатайствъ. «Въ области *земскаго устройства*... земства желали, прежде всего, расширить кругъ лицъ, которыя имѣли право избирать и быть избранными; затѣмъ, по возможности, оградить себя... отъ административнаго воздѣйствія; далѣе—создать условія для серьезной постановки земской работы... наконецъ, вести дѣло гласно, открыто. Въ области *народнаго образованія* земства стремились выдвинуть значеніе общественнаго элемента, возможно болѣе распространить низшее и среднее образованіе въ массѣ населенія, качественно улучшить школьное преподаваніе и надежнѣе обставить матеріальную обстановку школъ, удешевить среднее образованіе, придать программамъ послѣдняго черты, болѣе отвѣчающія требованіямъ жизни, и открыть двери университета для окончившихъ реальную школу. Въ области *народнаго хозяйства* земства проектировали не мало мѣръ въ интересахъ массы населенія... Въ вопросахъ, связанныхъ съ организаціей *крестьянскихъ учрежденій*, ха-

рактерной чертой ходатайствъ земства было отрицательное отношеніе къ принятымъ тогда формамъ административнаго воздѣйствія на крестьянскую жизнь; раздавались голоса и противъ самаго принципа такого воздѣйствія: мѣстное управленіе и судъ, основанные на сословныхъ различіяхъ, казались не соотствующими болѣе условіямъ времени... Въ области *земскаго обложенія*—земскія ходатайства обнаруживали тенденцію къ уравнительности раскладокъ сборовъ на всѣ имущества, къ борьбѣ съ накопленіемъ недоимокъ за состоятельными плательщиками, землевладѣльцами, и къ уменьшенію силы административнаго регулированія смѣтъ и раскладокъ» и т. д. Только въ единичныхъ случаяхъ, въ земскихъ ходатайствахъ «проскальзывали просьбы и пожеланія, не соотвѣтствовавшія пользѣ *всего* населенія губерніи или уѣзда, а вытекавшія изъ домогательствъ наиболѣе состоятельныхъ группъ собраній». Между тѣмъ, «домогательства крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленнаго класса могли бы найти значительную поддержку, если бы имъ удалось подыскать почву въ земствахъ». «Отсюда слѣдуетъ заключить,—замѣчаетъ г. Карышевъ,—что классовый характеръ былъ свойственъ нашему земству перваго двадцатилѣтія въ весьма слабой степени». «Этому можно найти подтвержденіе и въ наличности замѣтной группы ходатайствъ противоположнаго свойства».

Что касается судьбы земскихъ ходатайствъ, то, во-первыхъ, очень часто движеніе ихъ чрезвычайно задерживалось. Авторъ приводитъ случаи, когда отвѣтъ на ходатайство получался черезъ 8—10, 14 и даже 18 лѣтъ. Болѣе половины ходатайствъ было отклонено (52,3%). Главными мотивами отклоненія выставлялись: 1) ущербъ для казны въ случаѣ удовлетворенія требованій земства. 2) Стремленіе сохранить административное воздѣйствіе на земскую жизнь. Къ тому же приводило «нѣкоторое сомнѣніе въ способности земскихъ дѣятелей къ самоуправленію и недовѣріе къ нимъ», также выдвигавшіяся иногда, какъ мотивъ отказа. 3) Гораздо чаще отказъ мотивировался формальной ссылкой на «тотъ самый законъ, распоряженіе, циркуляръ, объ отмѣнѣ, измѣненіи или дополненіи котораго и хлопотало земство». Сюда же можно отнести отклоненія, мотивированныя *единичностью* того или другого ходатайства. 4) Наконецъ, часть ходатайствъ отклонена «по причинѣ покровительства классу землевладѣльцевъ» и «промышленному классу», особенно въ вопросѣ о привлеченіи этихъ классовъ къ уплатѣ земскихъ налоговъ въ большемъ размѣрѣ или хотя бы о пресѣченіи имъ способовъ уклоняться отъ уплаты земскихъ недоимокъ. Въ общемъ итогѣ, причины отказовъ сводятся, слѣдовательно, «во-первыхъ, къ фискальнымъ и административнымъ тенденціямъ управленія, во-вторыхъ—къ покровительству государства элементамъ землевладѣльческому и торгово-промышленному». Въ заключеніе, г. Карышевъ констатируетъ, что земскія ходатайства «далеко не всегда оставались безплодными и сопровождались иногда весьма почтенными законодательными результатами».

«Русская Мысль», декабрь». *Г. Закъ* («Земство и крестьянское хозяйство», окончаніе) разбираетъ рядъ опытовъ ссудныхъ операцій, предпринятыхъ земствами. Вопреки опасеніямъ убытковъ и большихъ денежныхъ затратъ, практика показала, что ссудныя операціи почти окупаютъ сами себя и требуютъ, значитъ, лишь оборотныхъ капиталовъ. Дѣло тормазится обыкновенно вслѣдствіе сложности процедуры, излишества канцелярскаго формализма Любопытный пріемъ ввело валуйское земство для упрощенія ссудной организаціи: чтобы избѣжать расходовъ на амбары, заложенный хлѣбъ былъ оставленъ на храненіи у самихъ собственниковъ. Опытъ удался блистательно: «растрата зерна была обнаружена только по одной (изъ 660 слишкомъ) ссудѣ, при чемъ долгъ былъ погашенъ заемщикомъ полностью по первому требованію управы». Совѣщаніе по упорядоченію хлѣбной торговли, созванное министерствомъ финансовъ въ фе-

варѣ нынѣшняго года, высказалось за необходимость правительственной помощи земствамъ въ ссудномъ дѣлѣ.

Продолжается біографія *Кавелина*, составленная г. Корсаковымъ по перепискѣ его съ бар. Раденъ за 1863—1864 гг. Мечтавшій о введеніи нѣмецкаго университетскаго строя со свободой преподаванія и двумя самостоятельными корпораціями: профессоровъ и студентовъ, Кавелинъ остался недоволенъ уставомъ 1863 г. и уѣхалъ въ Германію доканчивать статьи о нѣмецкихъ университетахъ На приглашеніе на каѳедру и на службу въ новыя судебныя учрежденія онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, признавая возможность развѣ частной службы: «ни въ какомъ случаѣ не надѣну мундира». Характерно то энтузіастическое настроеніе съ славянофильской окраской, въ которомъ отразился на Кавелинѣ «періодъ реформъ». «Вы чувствуете, что въ русской жизни произошелъ какой-то благодѣтельный переломъ... Рѣшительно, мы вступаемъ въ новый періодъ исторической жизни... Грязь смоется,—ей нельзя не смыться,—и тогда посмотрите, что выйдетъ изъ этого народа. Всѣ вопросы получатъ здѣсь, на этой почвѣ, другое рѣшеніе, да и поставлены будутъ совсѣмъ иначе».

Заканчивая характеристику *Терпигорева*, *Протопоповъ* находитъ неумѣстнымъ его глумленіе надъ безпомощно гибнущимъ помѣщикомъ, легкомысленное непониманіе трагизма въ судьбѣ помѣщика, этой жертвы крѣпостного строя. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго зубоскальства очерки «Оскудѣніе» стоятъ гораздо ниже его же «Потревоженныхъ тѣней», относящихся къ дореформенному прошлому и проникнутыхъ грустною серьезностью и негодующимъ чувствомъ.

Въ живомъ и интересномъ очеркѣ «По трущобамъ Лондона» г. *Б-ичъ* разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Уайтъ-Чапельскаго квартала ночью. Обычныя картины городской бѣдноты разнообразятся въ Лондонѣ лавочками для куренія опіума, гдѣ пролетарій въ лохмотьяхъ за ничтожную плату можетъ наслаждаться райскими грезами. Поразителенъ контрастъ между ужасающей нищетой, пьянствомъ, развратомъ и идиллическими мѣрами борьбы съ этими язвами: проповѣдникъ арміи спасенія передъ толпой, ожидающей очереди войти въ кабакъ, дамскій хоръ общества воздержанія, ужины съ проповѣдями для публичныхъ женщинъ. Любопытно, что пьяницы готовы слушать проповѣдника только по выходѣ изъ кабака, а женщины послѣ нравоучительныхъ ужиновъ немедленно «тутъ же у дверей начинаютъ свои атаки»...

Въ статьѣ «Промышленность Соединенныхъ Штатовъ», составленной по сочиненію Левассёра «L'ouvrier américain», приводятся таблицы поразительнаго роста промышленности въ Америкѣ за послѣднія 40—45 лѣтъ. Американскіе фабрикаты отличаются прочностью и дешевизной, но страдаютъ недостаткомъ вкуса и чистоты въ отдѣлкѣ. Производительность труда въ Америкѣ, кромѣ механическихъ приспособленій, объясняется и умѣньемъ рабочаго трудиться гораздо болѣе интенсивно и планомѣрно, сравнительно съ европейскимъ рабочимъ. На всѣхъ заводахъ, принадлежащихъ государству, уже принятъ 8-ми-часовой день а въ среднемъ рабочій день равняется $9^1/_2$ часамъ; заработная плата около 3 р.—3 р. 50 к. въ день, (въ Россіи рабочій день—$11^1/_2$ часовъ, заработная плата около 70 коп.). Русскіе эмигранты, преимущественно евреи, вошедшіе въ портняжное ремесло, гдѣ практикуется «потогонная система», понизили заработокъ на 40%.

Изъ статьи *г. Яковенка* «Задачи общественной психіатріи» можно извлечь поучительное сравненіе: тогда какъ въ Англіи изъ 92 тысячъ душевно-больныхъ около 86 призрѣваются въ больницахъ и только 6,6% остаются въ семьяхъ подъ врачебнымъ контролемъ, у насъ изъ 265 тысячъ душевно-больныхъ въ больницахъ содержалось лишь 15.500, т. е. менѣе 6%, остальные 94% были разсѣяны между здоровымъ населеніемъ (по отчету 1893 г.). Иллюстраціей къ

нашимъ больничнымъ порядкамъ могутъ служить приведенные во «Внутреннемъ Обозрѣніи» способы усмирять буйныхъ больныхъ: темныя, холодныя, зловонныя клѣтки, служащія для изоляціи, побои, сплошь и рядомъ оканчивающіеся переломомъ костей и даже смертью (томская больница); наконецъ, лишеніе пищи, какъ наказаніе, практикующееся въ шадринской земской больницѣ, вслѣдствіе чего одинъ больной мальчикъ наѣлся травы; при разслѣдованіи этого случая нѣкоторые врачи принципіально высказались за примѣненіе наказаній въ больницахъ «по усмотрѣнію врачей».

«Вѣстникъ Европы», январь. *Г. Ѳ. Г. Тернеръ* въ статьѣ «Крестьянское законодательство и его движеніе за послѣднія десять лѣтъ» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о новѣйшихъ законодательныхъ актахъ, касающихся крестьянства. Какъ извѣстно, еще закономъ 1894 г. было разрѣшено допускать разсрочки и отсрочки *недоимокъ*—безъ ограниченія суммы и продолжительности льготы. Для примѣненія этого закона изслѣдованы были правительствомъ различныя недоимочныя мѣстности Россіи. «Оказалось, что по всѣмъ обслѣдованнымъ мѣстностямъ недоимки превышали годовой окладъ, составляя два, три и даже до десяти окладовъ... Причиною столь крупныхъ недоимокъ должны были служить не одни только случайныя бѣдствія, но еще и причины органическаго характера, а именно несоразмѣрность въ отдѣльныхъ случаяхъ окладныхъ платежей со средствами крестьянъ, несмотря на всѣ дарованныя уже облегченія. Мѣстныя учрежденія, производившія изслѣдованія, свидѣтельствовали, что накопленіе недоимокъ объяснялось—мѣстами—недостаткомъ надѣльной земли, въ виду накопленія населенія, вынуждавшимъ крестьянъ арендовать окрестную землю по высокой цѣнѣ, а мѣстами—отсутствіемъ луговъ и пастбищъ въ надѣлахъ, вызывавшимъ невозможность содержать необходимое число скота; мѣстами—плохимъ качествомъ надѣльной земли, отсутствіемъ заработковъ и тому подобными постоянно дѣйствовавшими неблагопріятными условіями». Очевидно, надо было идти дальше и облегчить не только уплату недоимокъ, но и самыхъ *окладовъ*. Это сдѣлалъ законъ 1896 года, понизившій процентъ долга до 4% и установившій переcрочку выкупныхъ платежей—главной статьи крестьянскихъ взносовъ—на 28, 41 или 56 лѣтъ (съ 2, 1 или ½% погашенія). Но по конецъ 1898 г. этимъ закономъ воспользовались изъ 20.000 нуждавшихся селеній только 2.136: закона или не знали, или относились къ нему равнодушно, или ему противодѣйствовали зажиточные хозяева. Въ виду этого состоялось изданіе послѣдняго закона 1899 г., по которому мѣстныя власти *сами* изслѣдуютъ причину неисправности платежей и разъясняютъ на сходѣ плательщикамъ ихъ право просить отсрочки—не менѣе половины всей суммы непогашеннаго долга—и разсрочки остальной части на 28 лѣтъ

Другой рядъ мѣръ принятъ закономъ 1899 г. относительно измѣненія *способовъ взиманія податей*. «Главная сущность новаго закона заключается въ передачѣ всего дѣла изъ рукъ полиціи въ руки земскаго начальника и податнаго инспектора, и затѣмъ—въ измѣненіи способа примѣненія круговой поруки». «Стремленіе обезпечить успѣшное поступленіе сборовъ было главной заботой полиціи, нерѣдко при полномъ забвеніи правильно понятыхъ интересовъ самаго фиска. Позволительно надѣяться, что земскіе начальники и податные инспектора отнесутся къ дѣлу болѣе раціональнымъ образомъ, сознавая, что благосостояніе государства и успѣшность поступленія податей зависятъ главнымъ образомъ отъ благосостоянія населенія». Самый законъ 1899 г. устанавливаетъ цѣлый рядъ детальныхъ предписаній, имѣющихъ цѣлью оградить плательщиковъ и необходимую для хозяйства часть ихъ имущества отъ всякаго произвола при сборѣ податей. Что касается круговой поруки, правительство признало ея неудобства. «Понужденіе податного лица, полностью внесшаго свой окладъ, платить еще и

за недоимщика — установляетъ совершенную неопредѣленность размѣра подати и потому не можетъ не дѣйствовать вредно и на хозяйственную дѣятельность отдѣльнаго лица и на расположеніе его къ аккуратному взносу слѣдующаго съ него оклада подати. Съ другой стороны, круговая порука обрушивается всею своею тяжестью и на несостоятельныхъ домохозяевъ, потому что болѣе состоятельные крестьяне, такъ называемые богачи или богатыри, уплачивая окладъ за недоимщиковъ, вознаграждаютъ себя отобраніемъ отъ нихъ части земли или покосовъ, стоимостью обыкновенно превосходящей размѣръ уплаченной за нихъ податной недоимки». Особенно пагубно дѣйствуетъ та форма, въ которой проявлялась до сихъ поръ круговая порука, т. е. «продажа безъ разбора и безъ уравнительности перваго попавшагося подъ руку имущества исправныхъ крестьянъ за недоимки неисправныхъ». Однако же, правительство не рѣшилось на полную отмѣну круговой поруки, признавая, что между нею и общиннымъ землевладѣніемъ существуетъ «нѣкоторая органическая связь». Законъ 1899 г. ограничился попыткой «ослабить, въ границахъ возможности, вредныя послѣдствія круговой поруки нѣкоторымъ упорядоченіемъ способа ея примѣненія». Изъ дѣйствія круговой поруки онъ изъялъ, во-первыхъ, всѣ селенія меньше 60 душъ и всѣхъ подворныхъ владѣльцевъ. Затѣмъ, ея примѣненію должна предшествовать цѣлая система предварительныхъ мѣръ, и самое примѣненіе строго ограничено извѣстными рамками. «Но, съ другой стороны—замѣчаетъ г. Тернеръ,—нельзя не признать, что дѣйствіе ея до извѣстной степени распространяется тѣмъ, что до сихъ поръ круговая порука примѣнялась крайне нераціонально и разорительно, но зато она примѣнялась не всегда, а какъ бы случайно: были цѣлыя губерніи, гдѣ почти не знали круговой поруки. Теперь она урегулирована: сплошная продажа имущества деревни уже не будетъ имѣть мѣста, но зато организованное и урегулированное примѣненіе круговой поруки будетъ происходить повсюду въ селеніяхъ, лишь только недоимка превзойдетъ 5% оклада. Какъ бы правильно ни была сдѣлана раскладка, разъ является недоимка, она въ концѣ года будетъ влечь за собой неминуемое примѣненіе круговой поруки». Авторъ, съ своей стороны, находитъ, что было бы справедливѣе «сохранить круговую поруку—только въ видѣ угрозы за неправильное и пристрастное составленіе раскладки. Разъ послѣдняя признана податнымъ инспекторомъ справедливою, дальнѣйшая отвѣтственность состоятельныхъ членовъ общества за несостоятельныхъ должна бы прекратиться». Г. Тернеръ замѣчаетъ, впрочемъ, что министру финансовъ предоставлено «по истеченіи года послѣ введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія войти въ соображеніе вопроса о возможности отмѣны круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ и предположенія свои по сему предмету внести на законодательное разсмотрѣніе установленнымъ порядкомъ».

Предоставляются ли сибирскимъ переселенцамъ-крестьянамъ отводимыя имъ земли на правахъ безсрочнаго пользованія или же на правахъ собственности? Новое «Положеніе» о земельномъ устройствѣ крестьянъ четырехъ сибирскихъ губерній характернымъ образомъ колеблется въ этомъ вопросѣ. Въ виду, особенно, возможности «коренныхъ видоизмѣненій въ экономической жизни и хозяйственномъ бытѣ сибирскаго населенія» съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, положеніе не хочетъ «предрѣшать окончательно» вопроса и предпочитаетъ «оставить его открытымъ». Оно замѣняетъ для этой цѣли самое названіе крѣпостного документа, *владѣнной* записи — терминомъ «отводной записи», умышленно оставляя юридическое положеніе, устанавливаемое этимъ актомъ, вполнѣ неопредѣленнымъ.

Г. *Слонимскій* посвящаетъ интересную статью «Новому гражданскому уложенію», выработанному коммиссіей, учрежденной еще въ 1882 году. Онъ под-

черкиваетъ прежде всего несогласованность отдѣльныхъ частей проекта коммиссіи и его «чрезмѣрную теоретичность». Указавъ, затѣмъ, что «Новое уложеніе, въ отличіе отъ X тома Св. Зак., приспособленнаго къ быту крѣпостной помѣщичьей Россіи, *должно впервые установить надлежащія нормы для всѣхъ сословій и классовъ общества*, въ томъ числѣ и для крестьянства», г. Слонимскій констатируетъ, что «самая важная для народа область правъ, обнимающая поземельныя отношенія, заранѣе пріобрѣтаетъ какой-то странный, спеціально-помѣщичій оттѣнокъ», благодаря усвоенному проектомъ термину *«вотчинный»* для означенія этихъ правъ. Онъ указываетъ, далѣе, что нѣкоторыя положенія «упраздняютъ аренду и направлены, какъ будто, къ обезпеченію господства «наймодавцевъ» (т. е. владѣльцевъ) надъ нанимателями недвижимыхъ имуществъ». «Невниманіе къ реальнымъ условіямъ народной жизни или бюрократическое отношеніе къ нимъ свысока» обнаруживается, напр, въ томъ, что «наемъ квартиры принятъ за образецъ для земельной аренды». Составители серьезно разсуждаютъ о необходимости въ Россіи платить арендныя деньги впередъ, такъ какъ на Западѣ «есть почтенное сословіе арендаторовъ, которые располагаютъ капиталами и потому заслуживаютъ довѣрія», т. е. могутъ платить и въ концѣ срока, а у насъ такого «почтеннаго сословія» нѣтъ, и нашъ арендаторъ, не обладающій капиталами, долженъ платить впередъ, иначе — «онъ ушелъ, и все пропало». Г. Слонимскій справедливо находитъ, что эти разсужденія «поражаютъ своею странностью» и замѣчаетъ: «ничѣмъ нельзя оправдать то предположеніе недобросовѣстности, которое составители проекта заранѣе бросаютъ въ лицо цѣлому обширному классу сельскихъ обывателей. Бѣдность крестьянъ не есть еще достаточный мотивъ къ признанію ихъ не заслуживающими довѣрія, точно также какъ и обладаніе капиталомъ не есть еще доказательство почтенности». Любопытно, что самъ проектъ признаетъ въ другомъ мѣстѣ возможность уплаты аренды «опредѣленной частью произведеній отданнаго въ наемъ имущества», т. е. допускаетъ уплату *послѣ* реализаціи, напр., урожая. И опять, возвращаясь на свою «принципіальную точку зрѣнія, составители не соглашаются, чтобы урожай фигурировалъ въ договорахъ, какъ срокъ платежа, такъ какъ «сроки для разсчетовъ по найму несомнѣнно должны быть въ точности опредѣлены» и такъ какъ взносы тогда «будутъ все-таки производиться не впередъ, а по истеченіи извѣстнаго времени», чего составители никакъ не хотятъ допустить. Французскій законъ, правда, предусматриваетъ, что придется и вовсе освободить арендатора отъ платы или дать ему льготу въ случаѣ неурожая. Но русскимъ составителямъ это кажется черезчуръ ужъ сложными разсчетами: «можно опасаться путаницы въ разсчетахъ сторонъ», докторально замѣчаютъ они и предпочитаютъ упростить дѣло, выкинувъ, по нѣмецкой пословицѣ, ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны. «Рѣшительно недоумѣваемъ,—замѣчаетъ по этому поводу г. Слонимскій,—почему постановленія въ пользу крестьянъ, признаваемыя справедливыми и цѣлесообразными въ буржуазной Франціи, считаются неудобными или сомнительными въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ крестьянство составляетъ главную массу населенія».

«Рядомъ съ ошибочнымъ представленіемъ о необходимости спеціальной охраны владѣльческихъ интересовъ» г. Слонимскій отмѣчаетъ въ проектѣ «чрезмѣрную иногда готовность охранять интересы промышленные и коммерческіе, даже въ ущербъ земледѣлію». Составители такъ боятся «отклонить капиталистовъ отъ помѣщенія капиталовъ въ земельной собственности», что готовы признать за ними имѣнія, хотя бы купленныя ими у фиктивныхъ, ошибочно записанныхъ въ «вотчинную книгу» владѣльцевъ. Настоящій собственникъ теряетъ при этомъ свое право по своей «собственной винѣ» и «небрежности». Точно также при-

знается право лица, купившаго оплаченный долговой документъ, получить по этому документу во второй разъ: составители полагаютъ, что это «необходимо допустить въ видахъ поддержанія кредита и облегченія обмѣна цѣнностей».

Такимъ образомъ, «поощреніе дисконтеровъ, занимающихся скупкою чужихъ векселей, принято коммиссіей за поддержаніе кредита, а торговля долговыми обязательствами частныхъ лицъ возведена на степень чего-то весьма значительнаго, достойнаго всевозможныхъ мѣръ покровительства,—точно такъ же, какъ раньше признаны полезными операціи капиталистовъ съ земельной собственностью.

«Большой заслугой составителей проекта слѣдуетъ считать созданіе нормъ для цѣлаго ряда институтовъ и явленій гражданскаго права, почти не затронутыхъ дѣйствующимъ законодательствомъ. Въ проектъ вошли правила объ артеляхъ, о страхованіи, о пожизненной рентѣ, о разныхъ видахъ товарищества, объ обществахъ и клубахъ, о договорахъ по перевозкѣ, объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ за несчастные случаи, о наймѣ приказчиковъ, рабочихъ и прислуги, равно какъ и о многихъ торговыхъ сдѣлкахъ, имѣющихъ общее значеніе, напр., о коммиссіи, о чекахъ, бумагахъ на предъявителя и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ разработаны превосходно».

«Историческій Вѣстникъ», январь. Въ статьѣ «Герценъ и Тургеневъ» напечатаны большіе отрывки изъ переписки обоихъ писателей въ 60-хъ годахъ. Переписка начинается теоретическимъ споромъ, ведетъ къ разрыву и потомъ продолжается, послѣ трехлѣтняго перерыва, въ примирительномъ тонѣ. Причиной теоретическаго разногласія былъ взглядъ Герцена на будущее Россіи. Какъ извѣстно, Герценъ въ то время пытался найти успокоеніе отъ обуревавшихъ его сомнѣній, навѣянныхъ западной жизнью, въ славянофильскихъ упованіяхъ на русское будущее. Онъ ставилъ вопросъ совершенно такъ, какъ ставилъ его Чаадаевъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ и И. Кирѣевскій въ своихъ первыхъ литературныхъ опытахъ. «Прошедшее запада обязываетъ *его*, а не насъ. Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго... Ходу его впередъ мѣшаютъ камни, но камни эти—памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты. У насъ—ничего подобнаго. Наши преданія—впереди». Не связанные прошлымъ, мы можемъ прямо шагнуть въ будущее и перенести туда кое-что (Герценъ разумѣлъ общину), «не продѣлывая всѣхъ старыхъ глупостей запада». Такъ, въ біологіи менѣе совершенный видъ обгоняетъ часто болѣе совершенный, закостенѣвшій въ своемъ развитіи.

Тургеневъ рѣзко возстаетъ противъ этой, тогда уже намѣчавшейся, народнической теоріи. «Ты,—пишетъ онъ Герцену,—съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему же это непремѣнно *западное* человѣчество, а не bipedes (двуногіе) вообще? Ты—точно медикъ, который разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ отъ того, что паціентъ французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ видишь великую благодать и новизну, и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ,—однимъ словомъ, то самое absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя, такъ давай воздвигать алтарь этому невѣдомому Богу, благо о немъ почти ничего не извѣстно—и опять можно молиться и вѣрить, и ждать... А между тѣмъ въ силу... вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого: по цивилизаціи, по законности, по самой революціи наконецъ, и наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально—славянофильской брагой, пускаете ихъ хмельными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ

предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: «земство, артель и община». «Огареву я не сочувствую потому что... онъ проповѣдуетъ старинныя соціалистическія теоріи объ общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ». Послѣ этого обмѣна мнѣній въ 1862 году переписка пріостанавливается. Тургеневъ въ 1863 г. объясняетъ эту остановку такъ: «я прекратилъ переписку съ тобою по причинамъ, хорошо тебѣ извѣстнымъ... *Наши мнѣнія слишкомъ расходятся*, къ чему безплодно дразнить другъ друга».

Герценъ объяснялъ себѣ перерывъ нѣсколько иначе. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1863 года Тургенева оффиціально вызвали изъ-за границы въ Россію, и подготовляя объясненія, которыя онъ собирался дать въ Петербургѣ, онъ не разъ письменно подчеркивалъ, что онъ «окончательно—чуть не публично, разошелся съ лондонскими изгнанниками, т. е. съ ихъ образомъ мыслей». «Задача эта (т. е. объясненій въ Петербургѣ) будетъ не трудная,—писалъ онъ Анненкову,—потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я—писатель, какъ я это представилъ самому государю, писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный писатель—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ съ своимъ «тайнымъ приверженцемъ», какъ вы, помнится, меня назвали. Впрочемъ, я спокоенъ и буду спокойно ждать отвѣта».

Послѣднія слова относятся къ письму, съ которымъ Тургеневъ обратился въ то же время къ государю. Онъ писалъ, что «состояніе здоровья и дѣла, не терпящія отлагательства», не позволяютъ ему вернуться въ Россію и просилъ выслать вопросные пункты, обѣщая «честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полной откровенностью». Пункты были высланы, Тургеневъ отвѣтилъ на нихъ и тогда уже рѣшился ѣхать въ Россію, для «личныхъ объясненій». «Какъ надобно было ожидать,—писалъ Анненковъ,—дѣло въ сенатѣ не долго задержало его, такъ что онъ могъ весною же (1864) снова возвратиться за границу».

Между тѣмъ письма Тургенева къ Анненкову, изъ которыхъ заимствованы приведенныя выше цитаты, не остались секретомъ для Герцена. Въ результатѣ, «Колоколъ» напечаталъ слѣдующе entrefilet, приводимое «Историческимъ Вѣстникомъ»: «корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго она прервала всѣ связи съ друзьями юности».

Узнавъ по возвращеніи за границу объ этомъ отзывѣ, Тургеневъ пишетъ Герцену письмо, въ которомъ говоритъ тономъ огорченнаго и оправдывающагося. «Если бы я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моихъ судей».

Герценъ отвѣчалъ «больше изъ піэтета въ прошедшемъ, чѣмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ». Онъ объяснялъ, почему онъ *не могъ* не повѣрить слухамъ, вызвавшимъ нападеніе «Колокола». Онъ ссылался на письменныя заявленія Тургенева о разрывѣ съ старыми друзьями и на поступки Тур-

генева. «Ты прекратилъ переписку,—чтобы это было изъ патріотизма, я не вѣрю, потому что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей... Вскорѣ твое имя явилось въ числѣ подписчиковъ на раненыхъ (въ польскомъ возстаніи русскихъ солдатъ)... Дать имя на демонстрацію, въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова—не изъ самыхъ цивическихъ поступковъ: особенно, когда это идетъ отъ человѣка, никогда не мѣшавшагося въ политику».

Переписка возобновилась, при нѣсколько измѣнившихся обстоятельствахъ, три года спустя. Посылая Герцену свой «Дымъ», Тургеневъ писалъ: «вѣдь и тебя партія молодыхъ рефюжье пожаловала въ отсталые: разстояніе между нами и поуменьшилось». Насколько высказанная здѣсь мысль и настроеніе были естественны, видно изъ письма Бакунина, который около того же времени писалъ Герцену: «ужъ не потому ли Тургеневъ дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ Zärtlichkeit, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣніемъ... и не подумалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ»? Послѣднее было не такъ невозможно, какъ казалось Бакунину. Для Герцена прошла боевая полоса его жизни, для Тургенева—грозившая ему опасность. Одинъ каялся втайнѣ въ своихъ увлеченіяхъ славянофильствомъ, другой въ своихъ тактическихъ ошибкахъ. Герценъ дѣлалъ Бакунину тѣ же упреки, какіе дѣлалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Тургеневъ Огареву. Онъ находилъ, что буржуазный міръ совсѣмъ еще неготовъ къ перевороту, что «отрицаніе собственности—безсмыслица», а «видоизмѣненіе ея, вродѣ перехода изъ личной въ коллективную, неясно и неопредѣленно»... «Ни ты, ни я не измѣнили своихъ убѣжденій,—писалъ онъ Бакунину,—но разно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему, со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ... Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того чтобы знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ идти». Покаянное настроеніе Тургенева видно будетъ изъ слѣдующей выписки: «единственная вещь, которая меня самого грызетъ,—это мои отношенія съ Катковымъ, какъ они ни поверхностны. Но я могу сказать слѣдующее: помѣщаю я свои вещи не въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—этакой бѣды со мной, надѣюсь, никогда не случится, а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», который не что иное, какъ сборникъ, и никакого политическаго колорита не имѣетъ, а... есть единственный журналъ, который читается публикой и который платитъ. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совсѣмъ на ногахъ, но другого у меня нѣтъ. «Отечественныя Записки»—единственный соперникъ «Русскаго Вѣстника»—и половины денегъ дать не могутъ».

«Близки» другъ къ другу Герценъ съ Тургеневымъ никогда не были, по признанію обоихъ. «Близкими» они не стали и послѣ этихъ недоговоренныхъ признаній. Но, какъ люди слишкомъ много дѣлившіе въ прошломъ, они были другъ другу ближе и понятнѣе, чѣмъ то новое поколѣніе, которое ихъ теперь окружало. И на развалинахъ старыхъ надеждъ они дружески подали руки другъ другу.

«Образованіе», январь. Интересенъ очеркъ *Н. Кина*: «Крестьяне-библіотекари», отмѣчающій зарожденіе «народной интеллигенціи, т.-е. такого слоя населенія, который начинаетъ разумную, разсудочную жизнь по чистому влеченію къ истинѣ, безъ всякихъ постороннихъ разсчетовъ». Вятское губернское земство съ 1895 г. разослало до 2.800 народныхъ библіотекъ-читаленъ на руки крестьянамъ, утвержденнымъ въ должности библіотекарей мѣстной администраціей. Же-

лая получить свѣдѣнія о дѣятельности библіотекъ за три года, вятская земская управа разослала библіотекарямъ опросные бланки; изъ 1.500 полученныхъ отвѣтовъ, которые будутъ подвергнуты систематической разработкѣ, авторъ выбралъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ. Крестьяне-библіотекари съ необыкновенной любовью и бережливостью относятся къ своей библіотекѣ, часто на свои деньги покупаютъ книги, выписываютъ газеты и журналы («Сельскій Вѣстникъ», «Журналъ для всѣхъ», «Крестьянское хозяйство», «Родина») и выдаютъ читателямъ, аккуратно записывая и провѣряя каждую выдачу. На вопросъ о пользѣ библіотекъ отвѣчаютъ рѣшительно: «если бы не библіотека, забыли бы и читать, не только писать. Поучился мальчикъ въ школѣ, пришелъ домой—почиталъ бы что полезное изъ книжки, а своихъ нѣту, купить не на что. Да и купить-то не знаетъ гдѣ (купитъ какую-нибудь вродѣ «Бовы королевича»). А библіотека даетъ книжки хорошія». Или: «при семъ я сообщаю изъ нашего общества, вообще отъ всѣхъ читателей библіотеки, чувствительную благодарность земству; всѣмъ его дѣятелямъ да поможетъ Богъ на пользу и и просвѣщеніе народа потрудиться». Или еще: «не надо и думать, что библіотека не полезна. Польза отъ нея будетъ еще больше, если книгъ будетъ достаточно, а теперь ихъ мало»... На вопросъ о сосредоточеніи библіотекъ въ волостныхъ правленіяхъ—единодушно высказываются противъ. «При волостномъ правленіи библіотеку имѣть неудобно, потому что въ волостное правленіе ходятъ рѣдко и то старики по какому-либо дѣлу. У волостныхъ своихъ дѣловъ много, да и обращаются грубѣе, чѣмъ учителя. «Это перемѣщеніе даже будетъ вредно, потому что доступъ будетъ труденъ». Изъ выбора книгъ обнаруживается, что крестьянинъ-читатель ищетъ въ книгѣ поучительнаго или серьезнаго чтенія, а на беллетристическія произведенія смотритъ какъ на «присказуньки». «Читатели болѣе спрашиваютъ книги религіозныя, историческія, по сельскому хозяйству и по ремесламъ; а литературныя книги мало и неохотно берутъ вслѣдствіе того, что мало религіозныхъ». По этимъ отдѣламъ библіотекарь и проситъ присылать книги, «а басней и разсказовъ, и пѣсней, пожалуй бы, и не нужно». «Пѣсни пѣть и сказки разсказыватъ умѣемъ и безъ книгъ». «Есть въ библіотекѣ книги, которыя никто не не читалъ, вотъ напр., «Басурманъ», «Айвенго», «Ледяной домъ». А для меня это первыя книги,—прибавляетъ библіотекарь.—А кто тихо читаетъ, тотъ такія книги не читаетъ». Для объясненія отрицательнаго отношенія къ изящной литературѣ и вмѣстѣ пристрастія къ божественнымъ книжкамъ, надо припомнить, что въ Вятской губ. много раскольниковъ-старовѣровъ. Особенно цѣнятъ газету: «газета дороже библіотеки; когда она задерживается подолгу, то начинаютъ прибѣгать да спрашивать... Газета неправду ломитъ,—лжи съ выхода газетъ уничтожаются». «По нашему мнѣнію,—пишетъ другой,—библіотеку нужно пополнить журналами и газетами: потому каждую недѣлю все новости хотятъ слышать». На вопросъ, читаютъ ли женщины, одинъ библіотекарь отвѣчаетъ: «въ нашемъ обществѣ грамотныхъ женщинъ совсѣмъ мало—женщинъ пять. И онѣ никогда библіотеку не читаютъ—имъ и некогда; онѣ—крестьянки, домашними работами занимаются; онѣ и лѣтомъ и зимою, даже въ воскресные дни чего-нибудь работаютъ». «Почему у насъ мало читаютъ книгъ?—спрашиваетъ одинъ и отвѣчаетъ: «потому что у насъ народъ очень бѣдный и необразованный, потому что у насъ народу читать книги некогда,—народъ занятъ чужими работами весной и осенью, потому что у насъ хлѣба родится мало, земля у насъ очень плохая, песчаная». Одинъ корреспондентъ скорбитъ, что населеніе за послѣднее время «сильно подбилось—подняться нечѣмъ», онъ отчаивается въ въ возможности поднять деревенское хозяйство кустарными промыслами, находитъ безполезнымъ высылать книги по ремесламъ: «прочитавши книгу, масте-

ромъ не будешь, когда въ карманѣ паукъ ночевалъ, прожужжалъ да и улетѣлъ». Многіе горячо требуютъ школъ, особенно въ краю вотяковъ-язычниковъ: «школы надоть заводить, да туманныя картины переходныя. Позаботиться бы пуще всего высылать учителей, да наставницъ, умныхъ да старательныхъ». Въ одномъ обществѣ крестьяне просили земскую управу открыть у нихъ училище, но не получили и «на свои средства нанимали въ нынѣшнія двѣ зимы *невысокой грамоты* учителя. Съ перваго дня поступило 20 робенковъ».

Въ близкой по содержанію статьѣ г. *Вѣтринскаго* «Пушкинъ и читатель изъ народа» эксплоатируются письма крестьянъ-подписчиковъ «Сельскаго Вѣстника», присланныя въ отвѣтъ на вопросы редакціи о Пушкинѣ. Многіе подписчики никогда ничего не слыхали о Пушкинѣ, другіе съ точки зрѣнія изувѣрной морали осуждаютъ его за нечестіе: «Св. священномученикъ Кипріанъ черезъ св. Іустину получилъ отъ Господа Бога златъ вѣнецъ и царство небесное—это свѣтъ. А Пушкинъ—христіанинъ, а умъ свой и вѣру погубилъ черезъ женскій полъ—это тьма. Сочиненія Пушкина попадали мнѣ отъ продавцовъ книгъ, и я не нашелъ въ нихъ для души утѣшенія. Совѣтую каждому православному, если только имѣетъ состояніе и время, читать и покупать книги духовнаго великаго писателя преподобнаго Ефрема Сирина» и т. п. «Разсужденіямъ этого грамотѣя,—замѣчаетъ г. Вѣтринскій,—не хватаетъ только распространенности и болѣе литературной формы, а то они ничѣмъ по существу не отличаются отъ разсужденій, ну хоть г. Розанова». Враждебное отношенія къ Пушкину переходитъ иногда прямо въ суевѣрное. «Нѣкоторые необразованные и суевѣрные люди даже и не хотятъ обращать вниманія на него, оттого что онъ былъ убитъ на поединкѣ Дантесомъ: они думаютъ, что если кто прочитаетъ сочиненіе А. С. Пушкина, тотъ потеряетъ счастіе въ своей жизни». Старовѣры и единовѣрцы противятся всякой свѣтской книгѣ: «зачѣмъ ты даешь нашему ребенку такую чепуху читать?... Какая-то старуха у расколотаго корыта!.. Намъ нужно, чтобы ты училъ: вечерню, да часы, да псалтырь, и еще уставу церковному,—а не этой чепухѣ!» Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ подписчиковъ, читавшихъ и восторгавшихся произведеніями Пушкина, но не знавшихъ имени автора. Наконецъ, есть много и такихъ, которые хорошо знаютъ Пушкина и доказываютъ, что «любовь къ Пушкину въ народѣ велика. Грамотные имъ зачитываются, а неграмотные съ такимъ же удовольствіемъ слушаютъ, когда имъ читаютъ что-нибудь изъ сочиненій Пушкина». Трогательно слѣдующее сообщеніе: «у нѣкоторыхъ крестьянъ приходилось встрѣчать имя Пушкина даже записаннымъ въ поминанія. Станешь разспрашивать: «на что это?» Каждый отвѣчаетъ, что такъ нужно, потому что «онъ дѣтей нашихъ просвѣщаетъ своими сочиненіями».

За границей.

Борьба съ клерикалами въ брюссельскомъ университетѣ. Въ послѣднее время на лекціяхъ юридическаго факультета въ Брюссельскомъ университетѣ нѣсколько разъ происходили безпорядки, производимые группою студентовъ — католиковъ, начинавшихъ свистать, какъ только произносилось имя депутата Фреръ-Орбана, и вообще нарушавшихъ спокойствіе на лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которые были извѣстны своимъ свободомысліемъ. Кромѣ того въ клерикальныхъ газетахъ стали появляться очень рѣзкія статьи, направленныя противъ свободнаго университета въ Брюсселѣ. Все это вмѣстѣ заставило студенческую ассоціацію организовать митингъ съ цѣлью протеста противъ такого поведенія клерикаловъ и во имя «защиты свободнаго изслѣдованія».

На митингъ были приглашены всѣ выдающіеся профессора свободнаго уни-

верситета, и президентъ ассоціаціи Вандфельстъ открылъ собраніе краткимъ словомъ, въ которомъ указалъ на клерикальную опасность, угрожающую университету и принципу свободнаго изслѣдованія, и внесъ резолюцію, предложенную ассоціацией и порицающую допущеніе студентовъ--католиковъ въ Брюссельскій университетъ. «Студенты собрались здѣсь,—сказалъ онъ,—чтобы заявить о своемъ глубокомъ уваженіи къ профессорамъ и совмѣстно обсудить мѣры къ предотвращенію клерикальной опасности и защитѣ свободнаго изслѣдованія». Слова президента были покрыты апплодисментами и затѣмъ нѣкоторые изъ профессоровъ обратились съ рѣчью къ студентамъ. Профессоръ Вандеркиндеръ выразилъ сочувствіе митингу, но такъ какъ это—«собраніе студентовъ», то онъ находилъ, что и слово принадлежитъ исключительно имъ и поэтому счелъ нужнымъ извиниться за то, что самъ воспользовался этимъ правомъ. Но онъ считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать явленіе, указывающее на то, что въ нѣдрахъ университета укоренилась любовь къ свободному изслѣдованію. Зло, на которое жалуются студенты—это зло реальное и опасность существуетъ постоянно; эта опасность угрожаетъ всей западной Европѣ и въ особенности Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, клерикалы начинаютъ забирать въ свои руки среднія школы. Вина падаетъ на высшую буржуазію, которая отрекается отъ принциповъ свободнаго изслѣдованія. Мѣсто аристократовъ прежнихъ временъ заняли либеральные буржуа, у которыхъ денежный вопросъ доминируетъ надъ всѣми другими вопросами. Вотъ почему они и дѣтей своихъ предпочитаютъ посылать въ клерикальныя школы. Но до какой степени опасность эта угрожаетъ университету? Всесторонне изслѣдуя этотъ вопросъ, ораторъ приходитъ къ оптимистическимъ выводамъ. «Профессора, сказалъ онъ, остаются независимыми и никакіе догматы не тяготѣютъ надъ ними. Принципы свободнаго изслѣдованія всегда уважаются университетомъ и слѣдовательно нашъ университетъ исполняетъ свой долгъ. Но надо умѣть проводить и въ стѣнахъ университета самый широкій принципъ терпимости, поэтому я и нахожу, что нашъ первостепенный долгъ—открывать двери нашего университета всѣмъ молодымъ людямъ, желающимъ учиться, не обращая вниманія на то, какой они вѣры и какихъ взглядовъ. Университетъ долженъ быть открытымъ для всѣхъ; этого требуетъ принципъ терпимости.

«Въ Брюсселѣ,—продолжалъ дальше профессоръ,—дѣйствительно существуетъ группа студентовъ—католиковъ. Это очень жаль, но все же развѣ мы имѣемъ право мѣшать имъ основывать общества, помимо нашихъ ассоціацій? Если они занимаются пропагандой, то съ своей стороны и либеральные студенты должны дѣлать то же самое. Постарайтесь внушить этимъ молодымъ людямъ преимущества свободнаго изслѣдованія и попытайтесь обратить ихъ въ сторонниковъ этого принципа. Конечно, можетъ случиться, какъ это было недавно, что студенты-католики будутъ пытаться запугать профессоровъ своими громкими протестами и покрыть ихъ голоса. Разумѣется, ничего подобнаго въ стѣнахъ университета допускать нельзя, и весь университетъ долженъ воспротивиться этому. Можетъ случиться также, что который-нибудь изъ людей науки не будетъ обладать достаточнымъ авторитетомъ, чтобы прекратить грубую манифестацію, но тогда всѣ студенты должны единодушно протестовать противъ подобной помѣхи, закрывающей уста профессору. Во всякомъ случаѣ, всѣ приверженцы свободы изслѣдованія должны доказать своимъ противникамъ, что они находятся въ университетѣ лишь для того, чтобы учиться. Дѣйствуя разумно и настойчиво, приверженцы свободы изслѣдованія, навѣрное, обратятъ на этотъ путь многихъ католиковъ и поэтому вы всѣ, присутствующіе на этомъ собраніи, должны покинуть его съ твердымъ намѣреніемъ пропагандировать свою идею и только такимъ путемъ добиваться ея торжества».

Эта рѣчь была покрыта громомъ апплодисментовъ и затѣмъ одинъ изъ

профессоровъ обратился къ студентамъ съ вопросомъ, не стѣсняетъ ли ихъ присутствіе на митингѣ всей профессорской корпораціи и не мѣшаетъ ли это нѣкоторымъ изъ нихъ открыто высказывать свое мнѣніе?

— Нѣтъ! Нѣтъ!—послышались голоса въ аудиторіи и кто то прибавилъ: Не слѣдуетъ бояться членовъ своей семьи!

Президентъ ассоціаціи сообщилъ, что нѣкоторые изъ студентовъ внесли предложеніе объ исключеніи клерикаловъ. Но это было бы выраженіемъ нетерпимости и поэтому подобная мѣра не можетъ быть допущена. Надо, конечно, дѣйствовать убѣжденіемъ, пропагандою своей идеи, но тѣмъ не менѣе и терпимость все-таки должна имѣть свои границы, такъ какъ уже, вслѣдствіе безпорядковъ, происходившихъ на лекціяхъ, нѣкоторые изъ профессоровъ вынуждены были произвести измѣненія въ программѣ своихъ лекцій.

Студенты, говорившіе послѣ профессоровъ, указывали на то, что католики поступаютъ въ Брюссельскій университетъ со спеціальною цѣлью пропагандировать свои идеи и дѣйствовать на болѣе робкихъ студентовъ, не осмѣливающихся громко высказывать свои либеральныя воззрѣнія. Университетъ былъ основанъ съ цѣлью борьбы съ клерикализмомъ и поэтому всѣ свободные мыслители должны объединиться для этой борьбы!

Послѣ еще нѣсколькихъ пылкихъ рѣчей и горячихъ преній была внесена резолюція, въ которой студенты, бывшіе и настоящіе, выражали желаніе, чтобы профессора при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивали въ своихъ лекціяхъ великій принципъ свободнаго изслѣдованія, поставленный въ основу университета, и старались бы противодѣйствовать клерикальному духу, грозящему воцариться въ университетѣ. Резолюція вотирована единогласно.

Коммерческій музей въ Филадельфіи. Въ Филадельфіи существуетъ одно въ высшей степени оригинальное учрежденіе, это—коммерческій музей, гдѣ собраны всѣ матеріалы и документы, относящіеся къ торговлѣ и промышленности во всѣхъ частяхъ свѣта. Музей занимаетъ огромное зданіе въ десять этажей и непривычнаго посѣтителя, конечно, должно поразить въ первый моментъ необыкновенное движеніе, господствующее въ этомъ учрежденіи, такъ рѣзко отличающееся отъ той тишины, которая обыкновенно наблюдается во всѣхъ европейскихъ музеяхъ. Въ филадельфійскомъ музеѣ происходитъ постоянная смѣна посѣтителей; одни уходятъ, другіе приходятъ и всѣ словно спѣшатъ поскорѣе добыть свѣдѣнія и навести нужныя справки и затѣмъ отправиться по своимъ дѣламъ. Гораздо вѣрнѣе было бы назвать это учрежденіе «центральнымъ коммерческимъ институтомъ» и для дѣлового міра въ Филадельфіи оно имѣетъ такое же значеніе, какъ соціальный музей въ Парижѣ для всѣхъ интересующихся соціальными и рабочими вопросами. Въ программу дѣятельности коммерческаго музея входитъ слѣдующее: 1) собираніе во всѣхъ частяхъ самыхъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній, касающихся условій торговли и коммерческихъ сношеній и утилизація этихъ свѣдѣній для всѣхъ дѣловыхъ людей; 2) выставка мануфактурныхъ произведеній разныхъ странъ, устроенная съ цѣлію дать возможность американскимъ промышленникамъ ознакомиться наглядно съ требованіями различныхъ рынковъ; 3) ознакомленіе промышленниковъ, негоціантовъ и потребителей Соединенныхъ Штатовъ съ образцами производства въ различныхъ частяхъ свѣта; 4) изслѣдованіе и подробный анализъ всѣхъ продуктовъ производства.

Какъ и все въ Сѣверной Америкѣ, музей носитъ исключительно практическій характеръ, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ обыкновенныхъ музеевъ, которые представляютъ скорѣе пассивное учрежденіе, дающее возможность посѣтителямъ извлечь пользу для себя, но само не играющее въ этомъ отношеніи никакой активной роли. Филадельфейскій же музей—это въ полномъ смыслѣ слова практическое и дѣятельное учрежденіе, скорѣе напоминающее кипучею дѣятельностью, которая въ немъ существуетъ, какую-ни-

будь дѣловую контору или министерство, нежели простую выставку, устроенную для наглядного обученія.

Идея организаціи этого музея возникла въ 1893 году, послѣ окончанія Чикагской выставки, гдѣ были собраны и классифицированы продукты промышленности и торговли всѣхъ странъ. Вслѣдствіе соглашенія съ различными экспонентами выставки, промышленная и торговая секція Чикагской выставки была переведена въ Филадельфію и положила начало коммерческому музею. Штатъ Пенсильванія поддержалъ это учрежденіе, выдавъ пособіе въ 50.000 долларовъ, а затѣмъ городское управленіе Филадельфіи назначало ежегодныя субсидіи, смотря по надобности музея. Администрація музея очень сложная и въ составъ ея входитъ, между прочимъ, дипломатическая коммиссія (diplomatic advisory board), образованная изъ представителей различныхъ странъ съ цѣлью облегчить сношенія между музеемъ и иностранными правительствами.

Библіотека музея заключаетъ въ себѣ все, что относится къ національной и международной торговлѣ: журналы и газеты промышленныя и торговыя, статистическія таблицы и изданія всего свѣта, но исключительно касающіяся только той области, для которой существуетъ музей. Ни одинъ научный трудъ, не имѣющій отношенія къ предмету, ни одно литературное или философское произведеніе не допускается въ библіотеку, такъ какъ практическій умъ американцевъ не допускаетъ никакихъ отступленій и строго ограничиваетъ всякую дѣятельность, стремящуюся къ извѣстной цѣли, тѣмъ, что находится въ непосредственной связи съ этою цѣлью.

Дѣятельность музея, въ виду ея обширности, далеко не легкая. Служащимъ въ бюро справокъ приходится собирать и классифицировать доклады, получаемые со всего свѣта отъ торговыхъ палатъ и консуловъ, затѣмъ имъ приходится поддерживать постоянныя сношенія съ иностранными правительствами всего міра и съ коммерческими учрежденіями разныхъ странъ для полученія отъ нихъ нужныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, музей постоянно командируетъ агентовъ въ различныя страны съ цѣлью ознакомленія съ ихъ торговлей и промышленностью и завязыванія сношеній.

Чтобы постоянно пользоваться всѣми свѣдѣніями, получать всѣ доклады, присылаемые въ музей, и всю коммерческую корреспонденцію, нужно вносить ежегодно 250 франковъ. Но случайные и временные кліенты музея получаютъ справки безплатно, не пользуясь, однако, правомъ на постоянное и правильное сообщеніе всѣхъ свѣдѣній, доставляемыхъ музею. Кромѣ того, постоянные кліенты музея пользуются еще правомъ обращаться въ музей для перевода на иностранные языки своей коммерческой корреспонденціи.

Секта «христіанскихъ ученыхъ» (Christian Scientists). Изъ числа 147 христіанскихъ сектъ, процвѣтающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, секта «Christian Scientists» заставила въ послѣднее время очень много говорить о себѣ. Въ Англіи послѣдователи этой секты были даже привлечены къ уголовной отвѣтственности, а въ Америкѣ печать начала требовать вмѣшательства государства и мѣропріятій противъ этой секты, число послѣдователей которой растетъ съ каждымъ днемъ. «Revue des Revues» сообщаетъ нѣкоторыя интересныя подробности о возникновеніи и развитіи этой секты. Она была основана нѣкой мистриссъ Мери Мазонъ-Бекеръ-Гловеръ-Патерсонъ-Эдди, обыкновенно именуемой мистриссъ Мери Бекеръ-Эдди, живущей въ Нью-Гемпшайрѣ, въ деревнѣ Конкордъ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ бостонской желѣзной дороги. Конгрегація была основана въ 1876 году мистриссъ Эдди, у которой было тогда только шесть послѣдователей. Въ 1879 году число членовъ конгрегаціи возрасло до 26 и въ 1887 г. мистриссъ Эдди была избрана пасторомъ, а въ 1890 г. число «Scientists» оказалось по переписи 8.724 и съ той поры стало возрастать съ изумительною быстротой. Въ отчетѣ 1897 года значится уже 40.000

членовъ секты съ 3.500 пасторовъ, а въ 1898 г.—70.000 и 10.000 пасторовъ. Число членовъ, слѣдовательно, за годъ почти удвоилось и движеніе продолжается. Въ 1895 г. конгрегація выстроила въ самомъ фешенебельномъ кварталѣ Бостона храмъ «Mother Church», постройка котораго обошлась въ два съ половиною милліона. Кромѣ того, въ Бостонѣ же существуетъ коллегія «Massachusetts Metaphysical College», устроенная для преподаванія ученія сектантовъ, и основанъ спеціальный ежемѣсячный журналъ «The Christian Scientists».

Можетъ показаться страннымъ, что въ Америкѣ, — этой странѣ всякихъ сектъ,—«Christian Scientists» возбуждаютъ противъ себя горячій протестъ въ печати, выражающійся даже требованіями вмѣшательства государства. Дѣло, однако, объясняется просто. Въ 1886 году мистриссъ Эдди открыла научный методъ лѣченія болѣзней метафизическимъ способомъ! Это искусство она преподаетъ своимъ ученикамъ въ 12 уроковъ за плату въ 1.500 фр. съ человѣка. Кромѣ того, она изложила свое ученіе въ книгѣ, которая выдержала уже 166 изданій, несмотря на то, что продается по баснословной цѣнѣ (17 фр. 50 сант. за экземпляръ). Эта книга представляетъ для послѣдователей секты священную книгу, которую они ставятъ чуть ли не наравнѣ съ Библіей.

Путемъ весьма сложныхъ метафизическихъ разсужденій мистриссъ Эдди доказываетъ, что матерія не существуетъ. Богъ есть духъ и все создано изъ духа, а такъ какъ матерія не есть духъ, то, слѣдовательно, она не существуетъ. Тѣло—это матерія и значитъ тѣло также не можетъ существовать. Если тѣло не существуетъ, то оно не можетъ и страдать и слѣдовательно страданіе—это только одно воображеніе, аберрація духа. Итакъ, чтобы излѣчить страданіе нашего воображаемаго тѣла, надо излѣчить духъ. Общепринятая медицина, исходя изъ предположенія, что страдаетъ тѣло, принимаетъ слѣдствіе за причину и причину за слѣдствіе и усилія докторовъ, заставляющихъ больного принимать разныя лѣкарства, совершенно напрасны, такъ какъ боленъ духъ и слѣдовательно лѣчить можно только спиритуалистическими способами. Но въ чемъ же заключается болѣзнь духа? Въ томъ, что онъ, какъ и врачъ, приписываетъ происхожденіе болѣзни и страданія своему несуществующему тѣлу. Значитъ надо воздѣйствовать на больной духъ и заставить его отрѣшиться отъ этого ложнаго убѣжденія, увѣрить его, что матерія не существуетъ и слѣдовательно онъ ошибается, приписывая тѣлу свои страданія и т. д., и т. д.

Такъ разсуждаетъ мистриссъ Эдди. Убѣжденные послѣдователи этой доктрины apriori никогда не должны быть больны и если они чувствуютъ себя больными, то это значитъ, что вѣра ихъ несовершенна. Метафизическій врачъ излѣчиваетъ больныхъ только посредствомъ убѣжденія. Въ душѣ человѣка слишкомъ укоренилась вѣра въ матерію и поэтому онъ не легко отрѣшается отъ этого заблужденія, съ которымъ надо бороться какъ можно энергичнѣе. Недостатокъ вѣры у самого метафизическаго врача часто бываетъ причиною неуспѣха его лѣченія.

Курьезнѣе всего, что мистриссъ Эдди сама рекомендуетъ обратиться къ врачу, въ случаѣ если сломана кость, и объясняетъ это тѣмъ, что «предразсудокъ существованія матеріи слишкомъ укоренился у огромнаго большинства людей и составляетъ безсознательное и непреодолимое препятствіе спиритуалистическому способу лѣченія. Это нѣчто вродѣ проклятія, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ и мѣшаетъ индивидуальной вѣрѣ оказать свое дѣйствіе».

Въ книгѣ мистриссъ Эдди заключается не мало такихъ нелѣпостей, но зато на все у нея есть готовый отвѣтъ. Говоря, напримѣръ, о пищѣ, мистриссъ Эдди заявляетъ, что въ принципѣ пища не представляетъ необходимости для жизни и только нашъ укоренившійся матеріализмъ является препятствіемъ для правильнаго взгляда.

*

Мистриссъ Эдди придала своему ученію религіозную окраску и въ этомъ, по всей вѣроятности, заключается тайна его необыкновеннаго распространенія въ Америкѣ, гдѣ всякія религіозныя доктрины вообще пользуются большимъ успѣхомъ. Въ настоящее время послѣдователи ея ученія встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ классахъ общества и въ особенности ихъ много среди образованныхъ классовъ, гдѣ брошенное ею сѣмя принесло обильную жатву, и надо лишь удивляться, какимъ образомъ ея фразеологія могла оказать подобное дѣйствіе.

Раньше секта не имѣла враговъ. Были только скептики и люди, подсмѣивавшіеся надъ наивною вѣрой послѣдователей мистриссъ Эдди. Но теперь число враговъ начинаетъ возрастать. Въ Соединенныхъ Штатахъ находится теперь болѣе 2.600 метафизическихъ врачей, получившихъ отъ мистриссъ Эдди право исцѣлять больныхъ, удостовѣряемое выданнымъ ею свидѣтельствомъ. Эти врачи рекламируютъ себя въ газетахъ, но въ послѣднее время было не мало случаевъ, гдѣ «метафизическое лѣченіе» приводило къ смерти больного и вслѣдствіе этого печать заволновалась, такъ какъ число такихъ прискорбныхъ фактовъ возрастаетъ. Но ни эти факты, ни протесты печати и огласки неудачныхъ случаевъ метафизическаго лѣченія не мѣшаютъ распространенію секты.

Мистриссъ Эдди въ настоящее время около 80 лѣтъ. Говорятъ, что она разбита параличемъ, но съ точки зрѣнія «Christian Scientists» это пустяки, надо только вѣрить, чтобы быть всегда здоровымъ, и такъ какъ Мистриссъ Эдди, какъ основательница ученія, apriori должна быть вѣрующей, то «Christian Scientists» надѣются, что она возстанетъ съ одра болѣзни и опять начнетъ проповѣдывать.

Французскія дѣла. Идея народныхъ университетовъ необыкновенно быстро привилась во Франціи. Мы уже сообщали нашимъ читателямъ объ открытіи двухъ такихъ университетовъ, одного въ Парижѣ, другого въ провиціи, по иниціативѣ университетской молодежи. Недавно же состоялось открытіе еще двухъ такихъ учрежденій въ Парижѣ. Одно изъ нихъ основано группою «Emancipation», которая была первоначально организована рабочими, а затѣмъ къ ней примкнуло нѣсколько человѣкъ изъ университетской молодежи и профессоровъ. Результатомъ этого объединенія и явилось открытіе новаго народнаго университета въ улицѣ Гренель. На праздникѣ открытія присутствовали многіе изъ выдающихся ученыхъ и писателей: Дюкло, Сеайль, Фурньеръ и др. Анатоль Франсъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на громадное значеніе учрежденій подобнаго рода: «Гражданки и граждане!—сказалъ онъ, обращаясь къ своей многолюдной аудиторіи.—Группа людей одинаковаго образа мыслей основала ассоціацію съ цѣлью самообразованія. Вы хотите пріобрѣсти познанія, которыя расширили бы вашъ кругозоръ и придали бы вашимъ понятіямъ ясность и внутреннее богатство. Вы хотите учиться, чтобы понимать и сохранить пріобрѣтенныя познанія, въ противоположность сыновьямъ богатыхъ родителей, которые учатся только для того, чтобы сдать экзамены и, покончивъ испытаніе, торопятся поскорѣе освободить свой умъ отъ науки, какъ отъ какой-нибудь громоздкой мебели. Ваше желаніе учиться болѣе благородно и болѣе безкорыстно и такъ какъ вы предполагаете работать надъ своимъ собственнымъ развитіемъ, то разумѣется, будете стараться извлекать только то, что дѣйствительно полезно и дѣйствительно прекрасно. Полезныя же для жизни знанія заключаются не только въ ремеслахъ и искусствахъ. Если каждому нужно знать свое ремесло, то не менѣе полезно для него знать также природу, которая его создала и общество, въ которомъ онъ живетъ. Какое бы мы положеніе ни занимали среди нашихъ ближнихъ, все же мы—прежде всего люди и для насъ очень важно знать, какія условія необходимы для человѣческой жизни Мы зависимъ отъ земли и отъ общества и отыскивая причины этой

зависимости, мы въ состоянія будемъ отыскать средства сдѣлать эту зависимость менѣе тяжелой для насъ... Наука дѣлаетъ насъ свободными, снимаетъ съ насъ иго предразсудковъ и суевѣрнаго страха и, указываетъ намъ способы борьбы съ угнетающими насъ условіями. Изучивъ, напримѣръ, какъ образовалась и развивалась сила капитализма, вы въ состояніи будете лучше обсудить средства обуздать ее, подобно тѣмъ великимъ изобрѣтателямъ, которые наблюдали и изучали природу прежде, чѣмъ подчинить ее себѣ. Вы должны изучать факты безъ всякой предвзятой мысли. Настоящіе ученые, которыхъ я вижу здѣсь, скажутъ вамъ, что истинная наука всегда бываетъ независимой и свободной и не подчиняется никакой посторонней власти. Ваша ассоціація будетъ отыскивать въ наукѣ то, что ей необходимо и полезно знать, а въ искусствѣ—то, что наиболѣе пріятно. Не отказывайтесь отъ того, чтобы въ своихъ занятіяхъ смѣшивать пріятное съ полезнымъ. Да и какъ отдѣлить одно отъ другого при небольшой долѣ философіи? Какъ опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ кончается полезное и начинается пріятное? Напримѣръ пѣсня, развѣ она ни къ чему не служитъ? Моралисты часто говорятъ вамъ, что удовольствія надо изгонять изъ жизни. Не слушайте ихъ! Радость есть благо! Всѣ наши инстинкты, наши органы, наша физическая природа, все наше существо требуетъ счастья. Его найти не легко, но не будемъ бѣжать отъ него; не будемъ избѣгать веселья. Ваша ассоціація готова помочь вамъ въ этомъ и вмѣстѣ съ полезнымъ представить вамъ и пріятное. Она познакомитъ васъ съ великими поэтами: Расиномъ, Корнелемъ, Мольеромъ, Викторомъ Гюго, Шекспиромъ и вашъ умъ, получая разностороннюю пищу, разовьется въ силѣ и красотѣ.

Рѣчь Анатоля Франса была покрыта громовыми апплодисментами и ему пришлось пожимать руки безчисленному множеству рабочихъ, подходившихъ къ нему. Затѣмъ учительница въ краткой и прекрасно составленной рѣчи изложила программу и цѣли новаго университета. Праздникъ закончился концертомъ и декламаціей.

Этотъ новый университетъ находится въ 15-мъ округѣ Парижа, а въ 14-мъ открытъ другой такой же университетъ по инициативѣ Полины Кергомаръ, инспектрисы народныхъ школъ, очень много потрудившейся на поприщѣ народнаго образованія. Благодаря энергичнымъ усиліямъ г-жи Кергомаръ уже образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли: директоръ Пастеровскаго университета Дюкло; профессора: Бюиссонъ, Рибо; ученый географъ Шрадеръ, Беранже, Стеегъ, и др. Комитетъ опубликовалъ возваніе, въ которомъ заключаются слѣдующія строки: «увѣренные въ томъ, что только единеніе составляетъ силу и мощь націи, и сожалѣя о томъ, что искусственно созданныя преграды все больше и больше отдѣляютъ насъ другъ отъ друга, мы хотимъ, въ предѣлахъ возможнаго, уничтожить эти преграды и разрушить эти препятствія... Мы, прежде всего, люди свободомыслящіе и проникнутые искреннимъ желаніемъ добра. Мы надѣемся, что вы присоединитесь къ намъ, чтобы вмѣстѣ подвергнуть самому добросовѣстному изслѣдованію всѣ насущные вопросы, которые представляются современному сознанію и къ которымъ граждане современной демократіи не могутъ оставаться индифферентными... Мы будемъ совмѣстно трудиться надъ великимъ дѣломъ взаимной нравственной и соціальной эмансипаціи, которое было начато французскою революціей и которое мы должны теперь закончить».

Въ уставѣ новоорганизованнаго общества цѣли этого народнаго университета опредѣляются слѣдующимъ образомъ: «облегчить гражданамъ взаимное нравственное и соціальное образованіе, организуя такое мѣсто собранія, куда бы они могли приходить для ученія, отдыха и развлеченія».—Ежегодный взносъ для членовъ общества—6 фр., но выплачивается ежемѣсячно по 50 сантимовъ.

На торжествѣ открытія этого университета, вступительную рѣчь произнесъ Дюкло, затѣмъ слѣдовали рѣчи другихъ ораторовъ; Морисъ Бушоръ продекламировалъ свою поэму «la Muse de l'ouvrier» и вслѣдъ затѣмъ было исполнено нѣсколько музыкальныхъ пьесъ. Въ январѣ мѣсяцѣ въ этомъ университетѣ уже были прочитаны слѣдующія лекціи: 7-го состоялось чтеніе Мориса Бушора; 8-го—лекція Мутона: «О животныхъ паразитахъ»; 12-го—лекція Буасси; «О нравственномъ значеніи свѣтскаго воспитанія»; 14-го—чтеніе: «Скупой», Мольера; 15-го—лекція Пуатевена изъ Пастеровскаго института: «О болѣзняхъ, которыхъ можно избѣжать»; 18-го—лекція Беранже: «О соціальныхъ воззрѣніяхъ Льва Толстого»; 21-го—чтеніе: «Тартюфъ» и «Les Châtiments», Виктора Гюго; 22-го—лекція доктора Кантакузена: «О бугорчаткѣ и средствахъ борьбы съ ней»; 26-го—лекція Стеега: «О памяти»; чтеніе: «Le Gendre de M. Poirier» и стихи; 29-го—лекція доктора Борде: «О роли воды въ питаніи».

Такимъ же отраднымъ фактомъ французской жизни, какъ открытіе въ столь короткій срокъ четырехъ народныхъ университетовъ, можно считать и разрѣшеніе третейскимъ судомъ распри, происходившей между рабочими-углекопами въ Сентъ-Этьенѣ и ихъ патронами и вызвавшей стачку. Эта стачка грозила принять опасные размѣры, но по счастью патроны не стали слишкомъ упорствовать и согласились поручить Жоресу, какъ представителю рабочихъ синдикатовъ, разсмотрѣть требованіе рабочихъ, а защиту своихъ интересовъ передали одному изъ своихъ инженеровъ. Такимъ образомъ, опасность серьезнаго столкновенія была устранена. Этотъ второй случай—первый былъ въ Крезо, гдѣ владѣлецъ долго не соглашался на третейскій судъ, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ уступить и подчиниться третейскому суду Вальдека Руссо—указываетъ, что идея третейскаго суда для улаженія разногласій между патронами и рабочими мало-по-малу прокладываетъ себѣ дорогу. Рабочіе давно уже признали пользу этого учрежденія и въ своихъ спорахъ съ хозяевами всегда, прежде всего, обращаются къ третейскому суду, но до сихъ поръ хозяева видѣли въ этомъ какое-то посягательство на свои права и прерогативы, теперь же они, повидимому, начинаютъ сознавать, что и для нихъ выгоднѣе рѣшать свои недоразумѣнія съ рабочими третейскимъ судомъ.

Джонъ Рёскинъ Эпидемія инфлуэнцы, съ особенною силой свирѣпствующая въ Англіи въ этомъ году, унесла въ могилу одного изъ замѣчательныхъ людей нашего вѣка, Джона Рёскина, имя котораго извѣстно всему образованному міру.

Рёскинъ умеръ 80 лѣтъ, но уже въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ отказался отъ всякой литературной дѣятельности и жилъ въ полномъ уединеніи въ Брантвудѣ (Ланкаширъ). Заключительная глава его автобіографіи «Praeterita», написанная 19 іюня 1889 г. была его лебединою пѣснью. Здоровье его разстроилось, параличъ пригвоздилъ его къ мѣсту и его близкіе друзья стали замѣчать, что его память и умъ слабѣютъ. Но иногда къ нему какъ будто возвращалась прежняя живость ума и тогда онъ говорилъ своимъ друзьямъ, указывая на свою ослабѣвшую руку: «Бѣдные пальцы, они уже больше никогда не будутъ держать пера. Впрочемъ, это доставляло мнѣ много безпокойства нѣкогда и такъ, можетъ быть, лучше». Въ такія свѣтлыя минуты онъ любилъ бесѣдовать о людяхъ, которыхъ зналъ и любилъ, о красотахъ природы, которыми восхищался, а иногда игралъ партію въ шахматы—его любимая игра. Но силы его замѣтно слабѣли. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ все рѣже и рѣже принималъ участіе въ разговорѣ и цѣлыми часами просиживалъ неподвижно въ креслѣ съ поникнутою головой или смотря въ окна, изъ котораго открывался чудный видъ на живописныя озера, столь любимыя имъ. Однако никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Въ среду у него обнаружились первые признаки болѣзни, а въ субботу утромъ его уже не стало.

Рёскинъ.

(Статья *Рихарда Мутера* *) изъ «Die Zeit»).

Когда на этихъ дняхъ пришла вѣсть о смерти Рёскина, многіе были поражены тѣмъ, что онъ былъ еще живъ. Дѣйствительно, послѣднему поколѣнію Рёскинъ представлялся уже какъ историческая фигура. Около его имени сложились легенды. Когда отъ времени до времени онъ печаталъ свои энциклики, чтобы помѣшать постройкѣ какой-нибудь желѣзной дороги или рекомендовать прялку, или предать проклятію вивисекцію,—его голосъ звучалъ словно съ того свѣта. Казалось, только въ качествѣ духа онъ еще продолжаетъ жить среди живыхъ. Трудно было себѣ представить, что нѣсколько недѣль тому назадъ умеръ тотъ самый человѣкъ, который знавалъ Тэрнера,—человѣкъ лично покровительствовавшій и отечески заботившійся о такихъ классическихъ покойникахъ, какъ Россетти или Милле.

Первое выступленіе Рёскина относится еще ко временамъ романтизма. Его отецъ былъ богатый виноторговецъ, который, ликвидировавъ свои дѣла, велъ кочующую жизнь богатаго англичанина, появляясь то на Рейнѣ, то въ Швейцаріи, во Франціи, въ Италіи. Такимъ образомъ, Рёскинъ еще ребенкомъ познакомился со всѣми музеями міра. Но особенно увлекся онъ природой. Съ тетрадкой для эскизовъ онъ скитался по берегамъ Женевскаго озера и по скалистымъ пустынямъ Шамуни. Въ то же время онъ изучалъ растенія и минералы подъ микроскопомъ. Первымъ его произведеніемъ были естественно-историческія изслѣдованія, изданныя подъ псевдонимомъ χαγὰ φύσιν. Такое воспитаніе среди свободной природы было очень важно для будущаго эстетика. Въ Англіи тридцатыхъ годовъ была въ модѣ ходульная историческая живопись. Публика любила сочныя асфальтовыя краски и эффектные декламаторскіе жесты. Воспитанный среди природы Рёскинъ ненавидѣлъ манерность этого искусства Природа была для него прообразомъ всего прекраснаго, и художники, по его мнѣнію, должны были относиться къ ней съ набожностью и смиреніемъ средневѣковыхъ миніатюристовъ. Превзойти природу — нечего и надѣяться. Любая живая англичанка прекраснѣе самой знаменитой греческой статуи. Съ такимъ настроеніемъ Рёскинъ писалъ первое свое капитальное произведеніе «Modern Painters», первый томъ котораго вышелъ въ 1843 г., когда автору было всего 24 года. Это было объявленіемъ войны всему, что считалось въ то время хорошимъ вкусомъ. Во Франціи и Германіи эстетическій катехизисъ основывался тогда на «чинквеченто», — на художникахъ XV столѣтія. Живописцы вродѣ Этти или Истлека стремились къ величественному благородству линій и старались постигнуть тайну тѣхъ сочныхъ красокъ, которыми блещетъ женское тѣло на картинахъ венеціанской школы. Для Рескина «чинквеченто» было уже временемъ упадка. Рафаэля онъ считалъ измѣнникомъ истинному искусству. Рутинерамъ, воображавшимъ, что они украшаютъ природу, а въ сущности только «срамившимъ» ее, онъ противопоставлялъ «примитивныхъ» художниковъ итальянскаго возрожденія. Героической эпохой искусства было для него «кватроченто», XIV вѣкъ, когда художниковъ одушевляло «благочестивое отношеніе къ природѣ», когда каждый жучокъ и каждый листикъ, каждый камешекъ и каждая капля росы была для живописца—святыней.

Трудно сказать, въ какой степени эти идеи были оригинальны и въ какой онѣ просто отражали то, что говорилось тогда въ мастерскихъ художниковъ. Настроеніе, съ которымъ выступилъ Рёскинъ, носилось въ воздухѣ. Въ Гер-

---

*) Автора «Исторіи искусства XIX столѣтія», издаваемой въ настоящее время на русскомъ языкѣ.

маніи давно уже выступили «назорейцы», одушевлявшіеся, въ видѣ протеста противъ классицизма Менгса,—простодушной угловатостью старинныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Четверо молодыхъ людей, Россетти, Миллѐ, Гольманъ Гёнтъ и Вульнеръ, достали гравюры съ фресокъ Беноццо Гоццоли и расточали восторги передъ безъискусственной вѣрностью природѣ, передъ глубокой сосредоточенностью чувства въ этихъ произведеніяхъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими друзьями они основали братство прерафаэлитовъ и въ 1848 году впервые выступили передъ публикой. Ничего, кромѣ насмѣшекъ, они не встрѣтили на первыхъ порахъ. Всѣ англійскіе критики объявили, что это самый недостойный фарсъ, какой только можетъ себѣ позволить жаждущая рекламы молодежь. Затѣмъ, прерафаэлиты основали журналъ, чтобы перомъ доказывать то, чего не могли сказать кистью. Насмѣшки продолжались. Тогда появились въ «Times'ѣ» знаменитыя письма Рёскина. Онъ заявлялъ, что молодежь стремится къ тому же, что онъ давно проповѣдуетъ. Онъ доказывалъ публикѣ, что она поступаетъ непослѣдовательно, смѣясь надъ новыми картинами и въ то же время преклоняясь почтительно въ музеяхъ передъ старыми, которыя ничѣмъ не отличаются отъ новыхъ. Все это говорилось такимъ властнымъ тономъ, съ такой самоувѣренностью и убѣжденностью, что слова Рёскина произвели переворотъ во мнѣніи публики. Прерафаэлиты побѣдили; Рёскинъ, ихъ рыцарь, сдѣлался первымъ критикомъ Англіи.

Какое вліяніе онъ имѣлъ, какъ быстро онъ сдѣлался непогрѣшимымъ папой искусства,—все это довольно печальнымъ образомъ сказалось въ отношеніи печати къ процессу Уистлера. Уистлеръ только что переселился изъ Парижа въ Лондонъ; Рёскинъ, какъ тигръ, бросился на пришельца. Онъ, когда-то мечтавшій вмѣстѣ съ Тэрнеромъ о свѣтѣ и воздухѣ, говорилъ теперь прямо противоположное—и не замѣчалъ противорѣчія. Произведенія Уистлера онъ называлъ кретинскими. Уистлеръ жаловался на Рёскина. Были приглашены эксперты,—и всѣ они почтительно подписались подъ словами Рёскина. Вся Англія выразила вотумъ довѣрія «королю критиковъ».

Но вліяніе Рёскина шло еще дальше. Въ восьмидесятыхъ годахъ нельзя было зайти ни въ одинъ музей, ни въ въ одну церковь Италіи, не наткнувшись на Рёскина. Рёскину принадлежали тѣ красненькіе томики, съ которыми эстетическія дамы сидѣли передъ картинами «примитивныхъ» артистовъ. На всѣхъ выставкахъ современныхъ картинъ царилъ въ англійскихъ залахъ духъ Рёскина. Если англійская живопись до сихъ поръ избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ жизнью рабочихъ классовъ, если желѣзныя дороги, машины и фабрики никогда не становятся предметомъ изображенія, то причина этого—теоріи Рёскина, по которымъ только дѣвственная, не тронутая индустріализмомъ природа можетъ быть достойнымъ предметомъ искусства. Даже въ совсѣмъ постороннихъ вещахъ вы натыкаетесь на вліяніе Рёскина. Долгое время въ аристократическихъ кругахъ Лондона было въ модѣ не употреблять никакого другого полотна, кромѣ «рёскинскаго», никакихъ салфетокъ и скатертей, кромѣ тѣхъ, которыя были выпрядены на ручной прялкѣ въ рабочей колоніи, основанной Рёскинымъ.

Не будучи англичаниномъ, трудно понять, почему собственно этотъ человѣкъ обладалъ такой притягательной силой. На насъ произведенія Рёскина не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Его нельзя назвать ни тонкимъ эссеистомъ, ни остроумнымъ разсказчикомъ. Въ учености онъ тоже не можетъ тягаться съ такими людьми, какъ Боде или Мюнцъ. Еще менѣе можно считать его историкомъ. Онъ совершенно не въ состояніи отнестись безпристрастно къ прошлому и далекъ отъ мысли объяснять искусство изъ культуры данной эпохи. Какъ боецъ, онъ бросается на арену, хвалитъ одно, порицаетъ другое—часто какъ разъ то, за что только-что ратовалъ въ предъидущемъ произведеніи. Когда въ 1870 г. онъ читалъ свою вступительную лекцію въ Оксфордѣ,—для кото-

рой нѣкоторые его почитатели пріѣхали изъ-за океана, — онъ, говорятъ, началъ съ того, что нѣкоторое время произносилъ по тетрадкѣ, облеченный въ торжественную мантію. Но скоро онъ скинулъ мантію, сунулъ тетрадку въ карманъ и началъ громить все и вся: это было очень остроумно, но только это было совсѣмъ не то, что нужно было для предмета лекціи. Такъ же безпорядочны и всѣ его произведенія Только въ первыхъ работахъ, въ «Modern Painters» и въ «Seven Camps of Architecture» — есть еще кое-какой планъ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего подобнаго. Содержаніе ихъ состоитъ изъ кучи перепутанныхъ мыслей. точно такъ же, какъ и самое заглавіе—ни къ чему не обязываетъ автора: Девкальонъ, Царица воздуха, Munera pulveris, Сезамъ и лиліи, Aratra Pentelici, Флорентійская Аріадна. Текстъ раздѣленъ, правда, на главы, на параграфы; по внѣшности, есть какъ будто нѣкоторое логическое построеніе. На дѣлѣ, рѣчь идетъ постоянно о «многомъ»—many things,— какъ самъ онъ озаглавилъ нѣсколько отдѣловъ. Всѣ науки тутъ смѣшиваются воедино. О зоологіи и ботаникѣ, о богословіи и минералогіи—гораздо больше говорится, чѣмъ объ искусствѣ. И самая манера Рёскина—вести васъ за руку, какъ малаго ребенка, и съ видомъ непогрѣшимости сообщать элементарнѣйшія вещи, больше раздражаетъ, чѣмъ кажется остроумной. Вамъ представляется часто, что вы слышите не эстетика, а уличнаго проповѣдника, ораторствующаго по воскресеньямъ послѣ завтрака, или апостола арміи спасенія.

Но именно въ этомъ и заключается, можетъ быть, для англичанъ привлекательность произведеній Рёскина. Онъ далъ имъ, дѣйствительно, нѣчто, чего у нихъ не было. Вся англійская литература объ искусствѣ суха до невѣроятности. Съ трезвой дѣловитостью авторы нанизываютъ голые факты. На-ряду съ подобными писателями, накопляющими голые обрывки знаній, Рёскинъ производитъ впечатлѣніе ясновидящаго. Никогда онъ не ограничится простымъ разсказомъ; онъ *живетъ* тѣмъ, о чемъ говоритъ. Никогда онъ не останавливается на частностяхъ, но повсюду открываетъ широкія перспективы. Его путеводители богаты идеями, освѣщающими словно вспышками молніи, цѣлыя эпохи. Многое остается загадочнымъ, многое оказывается перепутаннымъ до невѣроятности. Но и эти парадоксы у него имѣютъ цѣль. Заставляя думать, вызывая на противорѣчіе, онъ тѣмъ самымъ вынуждаетъ читателя слѣдовать за собой. Какъ изслѣдователь, онъ неясенъ; какъ критикъ—одностороненъ; но онъ—величайшій агитаторъ, когда-либо писавшій объ искусствѣ. Его надо сравнивать не съ учеными изслѣдователями искусства, а съ Толстымъ.

Эта-то агитаторская, воспитательная дѣятельность составляетъ прочную заслугу Рёскина. Онъ первый высказалъ тѣ мысли, которыми теперь заняты лучшіе люди Германіи. Художникъ вопіетъ въ пустынѣ, если нѣтъ публики, которая могла бы его оцѣнить. Привлечь эту публику—такова была жизненная задача Рёскина. Благодаря ему, лишенная художественнаго чутья Англія превратилась въ средоточіе тонкихъ цѣнителей искусства. Дѣло въ томъ, что Рёскинъ не ограничивался писаніемъ книгъ, а написанное старался воплотить въ жизни. Читая, какъ онъ обращалъ свои идеи въ деньги, съ какой невѣроятной ловкостью пускалъ въ оборотъ свои произведенія, приносившія автору небывалый доходъ, можно было бы счесть его за предпринимателя, спекулировавшаго на своихъ мысляхъ, какъ другіе спекулируютъ на биржевыхъ бумагахъ. Но надо вспомнить, какъ онъ тратилъ эти доходы, и тогда выводъ будетъ діаметрально противоположный. Для себя онъ не оставлялъ ничего. Все это должно было служить его цѣли—осуществленію его идеала эстетическаго воспитанія человѣчества. Становясь въ 1870 г. профессоромъ въ Оксфордѣ, онъ принялъ это званіе съ условіемъ, что одновременно будетъ основана художественная школа, на которую и пожертвовалъ половину нужнаго капитала. Вмѣстѣ съ Россетти онъ преподавалъ по вечерамъ рисованіе, и изъ его школы вышли

знаменитѣйшіе художественные рисовальщики современной Англіи. Задолго до Лихтварка онъ указалъ на значеніе дилеттантизма и на свои средства завелъ коллекціи образцовъ. Затѣмъ онъ обратился къ рабочимъ. Появились его письма къ рабочему классу «Fors clavigera». Среди каменноугольнаго округа, въ пропитанномъ фабричнымъ дымомъ Шеффильдѣ основанъ былъ «музей Рёскина для рабочихъ». Но и популяризаціей искусства среди народа онъ не ограничился. Подобно д'Аннунціо, онъ хотѣлъ быть вообще «депутатомъ красоты». Его мысль была: къ чему собирать статуи въ музеяхъ, когда рядомъ съ этимъ допускаютъ живого человѣка терять красоту, когда безсмысленная машинная работа превращаетъ подобіе Божіе въ какое-то отвратительное, тупое созданіе? Къ чему развѣшивать ландшафты въ картинныхъ галлереяхъ, когда сама природа искажается индустріализмомъ? Недостаточно показывать прекрасное въ музеяхъ; надо бороться противъ безобразнаго въ жизни.

Въ этой борьбѣ противъ индустріализма, противъ всѣхъ техническихъ пріобрѣтеній нашего вѣка Рёскинъ иногда изображалъ изъ себя комическую фигуру. Было смѣшно смотрѣть, какъ старикъ, изъ ненависти къ анти-эстетическимъ желѣзнымъ дорогамъ, путешествовалъ въ экипажѣ, точно какой-нибудь грансеньеръ XVIII столѣтія. Надъ нимъ смѣялись, когда онъ приказывалъ развозить свои книги изъ Орпингтонской типографіи по лондонскимъ книжнымъ магазинамъ въ телѣжкѣ. Великіе художники давно уже нашли въ машинахъ своего рода поэзію. Самъ Тернеръ, по адресу котораго Рёскинъ слагалъ свои первые гимны, уже прославлялъ локомотивы, двуглавое чудовище XIX-го вѣка. Современные ландшафтные живописцы также открыли себѣ новое, и вовсе не неблагодарное поприще, начавъ, въ лицѣ Раффаэлли, изображать печальную красоту тѣхъ бѣдныхъ пейзажей, у которыхъ землемѣры или фабричные отбросы отняли ихъ «красоту».

Но, оставшись романтикомъ въ своей борьбѣ противъ современности, Рёскинъ является предшественникомъ XX-го столѣтія въ своемъ качествѣ—воспитателя народа. Конечно, трудно съ несомнѣнностью предсказывать, но предугадать не трудно, что за эмансипаціей третьяго сословія послѣдуетъ эманципація четвертаго. Буржуазія нашла свой «стиль» для всѣхъ проявленій своего житейскаго быта. За ней придетъ работникъ И между тѣми, кто прокладывалъ ему путь въ міръ искусства, на первомъ мѣстѣ нужно будетъ назвать Рескина.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des revues».—«Revue de Paris».—«Contemporary Review».

Во Франціи нѣсколько разъ возникалъ разговоръ объ учрежденіи женской академіи и хотя онъ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но тѣмъ не менѣе возбуждалъ толки въ печати, что и дало поводъ «Revue des Revues» помѣстить статью, посвященную этому вопросу, авторъ которой, подписавшійся «Une vielle Saint-Simonienne», вкратцѣ разсказываетъ исторію прежнихъ женскихъ академій, существовавшихъ три вѣка назадъ, и старается выяснить условія, при которыхъ было бы возможно существованіе подобнаго учрежденія въ наше время.

Первая французская академія (XVI вѣка) допускала въ свои стѣны женщинъ. Но кардиналъ Ришелье, измѣнилъ характеръ академіи, изгнавъ ихъ оттуда. Ученый Шарпантье, въ царствованіе Людовика XIV, употреблялъ всѣ усилія, чтобы вновь раскрыть женщинамъ двери академіи. Несмотря на могущественную поддержку, которую онъ имѣлъ при дворѣ, ему все-таки не удалось добиться своей цѣли. Буало, избѣгавшій женщинъ, побуждалъ своихъ коллегъ

къ самому упорному сопротивленію, о которое разбивались всѣ усилія Шарпантье. Академія сохранила свой прежній характеръ.

Не имѣя возможности участвовать въ засѣданіяхъ, довольно таки скучныхъ, оффиціальной академіи, женщины вознаградили себя остроумнымъ образомъ, организовавъ цѣлый рядъ кружковъ, веселыхъ собраній, академій, куда собирались всѣ остроумные и фрондирующія лица обоего пола. Общественное вліяніе этихъ кружковъ было очень вѐлико. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ былъ кружокъ надъ названіемъ «Ordre de la félicité», представляющій довольно любопытное франмасонское общество, въ которомъ ложи назывались «эскадрами». Кружокъ собирался въ маленькомъ уединенномъ домикѣ вблизи «Hôtel des Invalides» и окружалъ себя большою таинственностью. Сохранилось нѣсколько томовъ, въ которыхъ заключается описаніе ритуала этого ордена свободныхъ мыслителей, высказывавшихъ чрезвычайно смѣлыя идеи для своего времени. Не менѣе интересны и другіе кружки, основанные какъ для веселаго времяпрепровожденія, такъ и для фрондированія и свободнаго обмѣна мыслей. Все это указываетъ на то, что у французскихъ женщинъ всегда существовало стремленіе къ коллективной и соціальной дѣятельности. Закрывъ имъ двери французской академіи, куда онѣ прежде имѣли законный доступъ, неосторожный Ришелье заставилъ ихъ искать исхода своимъ стремленіямъ къ дѣятельности въ разнаго рода тайныхъ ассоціаціяхъ.

Разсмотрѣвъ роль женщинъ въ періодъ революціи, авторъ переходитъ къ послѣдующимъ попыткамъ организаціи женской академіи. Тутъ первое мѣсто принадлежитъ академіи Кастелляна, въ 1843 году, которая однако, «отцвѣла, не достигнувъ расцвѣта». Первые шаги этой академіи ознаменовались непріятнымъ инцидентомъ съ г-жею де-Жирарденъ, желавшей во чтобы то ни стало сдѣлаться президентшей академіи, тогда какъ основатели ея Жюль де-Кастеллянъ и m-me Ансело непремѣнно хотѣли предложить это мѣсто Жоржъ Зандъ. Однако, и Жоржъ Зандъ, и другая кандидатка m-me Рейбо, обѣ отказались отъ этой чести и кандидатура была предложена княгинѣ Бельджойозо. Но разгнѣванная г-жа де-Жирарденъ стала мстить новому учрежденію, осмѣивая его въ печати самымъ ехиднымъ и даже неприличнымъ образомъ. Впрочемъ, это учрежденіе и такъ не имѣло будущности; оно еле-ело влачило свое существованіе и вполнѣ заслуживало названіе «мертворожденнаго». Впрочемъ, революція 1848 года превратила всѣ эти собранія въ политическіе клубы и академія Кастелляна, въ свою очередь, сдѣлалась мѣстомъ собранія соціалистовъ.

По мнѣнію автора, хорошо, что до сихъ поръ въ Парижѣ не было женской академіи, такъ какъ если бы она была основана въ 1840 году, то непремѣнно сдѣлалась бы такимъ же безполезнымъ, ретроградным и напыщеннымъ учрежденіемъ, какъ мужская академія. Теперь же именно назрѣваетъ время, когда можетъ быть основана дѣйствительно либеральная женская академія, окрыляющая человѣческую мысль.

«Revue de Paris» печатаетъ статью Ланглуа о среднемъ образованіи во Франціи и за границей. Вопросъ о средней школѣ занимаетъ въ данный моментъ всѣ цивилизованныя страны и вездѣ онъ носитъ болѣе или менѣе одинаковый характеръ. Режимъ средняго образованія, представляющаго переходную ступень отъ элементарнаго образованія къ высшему, введенный 350 лѣтъ тому назадъ и сохранявшійся до сихъ поръ съ большими или меньшими измѣненіями, пришелъ уже совершенный упадокъ. Старожилы этого режима хотятъ сохранить то, что отъ него осталось, между тѣмъ какъ противники стремятся разнести по камешкамъ обломки нѣкогда величественнаго зданія. И тѣ и другіе никакъ не могутъ придти къ взаимному соглашенію. Профессіональные педагоги и любители выступаютъ со своими аргументами за и противъ, совѣтами и предложеніями средствъ къ устраненію недоразумѣній, но въ резуль-

татѣ этого является еще большій хаосъ понятій, въ которомъ трудно разобраться. Въ настоящее время въ этотъ споръ уже вмѣшалась и государственная власть. Вездѣ парламенты и администраціи назначаютъ коммиссіи для всесторонняго разслѣдованія и обсужденія этого вопроса и пробуютъ вводить незначительныя реформы въ существующій режимъ средней школы для удовлетворенія тѣхъ или другихъ взглядовъ, часто совершенно противоположныхъ. Реформы эти не вносятъ, однако, никакой свѣжей струи, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ и часто произвольно искажаются или отмѣняются совсѣмъ, не успѣвъ получить санкцію времени и опыта. Такая смута въ понятіяхъ о томъ, что нужно и полезно въ дѣлѣ образованія, отражается, конечно, самымъ невыгоднымъ образомъ на всей системѣ. Родители, отдающіе своихъ дѣтей въ среднюю школу, и сами учителя этой школы не питаютъ никакого довѣрія къ установленнымъ программамъ. Такое положеніе вещей наблюдается повсюду. Это хроническая болѣзнь, подвергающаяся иногда обличеніямъ, которыя выражаются въ страстной полемикѣ, реформахъ и разслѣдованіяхъ (enquêtes). Подобнымъ кризисамъ одинаково подвержены всѣ страны, но не во всѣхъ они появляются одновременно и лишь въ нѣкоторыхъ они бываютъ особенно часты и носятъ особенно острый характеръ. Во Франціи, напримѣръ, традиціонная организація средняго образованія подвергается неустаннымъ нападкамъ въ теченіе 30 лѣтъ, и за это время разъ пять уже были произведены въ ней серьезныя измѣненія. Въ Пруссіи императоръ Вильгельмъ II взялъ на себя иниціативу созванія конференціи въ 1890 г. для разсмотрѣнія этого вопроса. Болѣе пятисотъ профессорскихъ корпорацій были опрошены по этому поводу и около четырехсотъ мыслителей, увѣренные, что они нашли, наконецъ, ключъ къ разрѣшенію проблемы, прислали прусскому министерству свои планы радикальныхъ реформъ. На основаніи этой массы матеріала министерство выработало среднюю программу, которая и введена съ 1892 г. Но эти нововведенія не разрѣшили спора о латинскомъ языкѣ, о уравненіи классичесскаго образованія въ гимназіяхъ съ «современнымъ» въ «Oberrealschulen», о средствахъ къ сліянію этихъ двухъ системъ. Литература этого вопроса столь же обильна въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ.

Англія также не составляетъ исключенія. Агитація по поводу вопроса о средней школѣ и тамъ очень велика. Назначены были одна за другой три большія парламентскія коммиссіи для собиранія данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы выработать раціональное законодательство, разрѣшающее спорный вопросъ. Но все это пока еще находится въ проектѣ. Въ Италіи и въ Скандинавскихъ странахъ происходитъ то же самое. Въ Италіи программы классическаго образованія одиннадцать разъ подвергались кореннымъ измѣненіямъ съ 1862 г., не говоря уже о разныхъ частичныхъ реформахъ. Въ Швеціи за послѣдніе 50 лѣтъ не прошло ни одного законодательнаго періода, который бы не занимался вопросомъ о средней школѣ и объ уничтоженіи «пропасти раздѣляющей народную (или первоначальную) школу отъ средней школы». Реформы средней школы слѣдовали одна за другой подъ непосредственнымъ давленіемъ палатъ и еще весною прошлаго года стокгольмскій парламентъ представилъ на утвержденіе короны одну такую реформу. Въ Даніи проповѣдывались очень смѣлыя реформы въ этомъ отношеніи, а въ Норвегіи такія реформы были даже приведены въ основаніе. Всѣ государства, маленькія и большія, одинаково заинтересованы этимъ вопросомъ. Реформы средняго образованія произведены уже въ Португаліи, Румыніи и Испаніи; въ Соединенныхъ Штатахъ также готовятся реформы и, какъ извѣстно, у насъ въ Россіи вопросъ этотъ также стоитъ на очереди.

Ланглуа находитъ, что вопросъ о среднемъ образованіи—это одинъ изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ важныхъ вопросовъ въ государствѣ. Въ общихъ

чертахъ онъ сводится къ тому, какая система образованія, будучи примѣнена въ юношескомъ возрастѣ, скорѣе можетъ сформировать культурнаго человѣка? Но по мнѣнію автора трудность разрѣшенія этого вопроса зависитъ не столько отъ различныхъ индивидуальныхъ условій, сколько отъ того, что къ проблемѣ средняго образованія примѣшиваются политическія и религіозныя традиціи и такимъ образомъ эта проблема пріобрѣтаетъ политическій характеръ. Несомнѣнно, также что школьный вопросъ есть одна изъ тѣхъ областей, въ которыхъ особенно сильно сказываются укоренившіяся традиціи. Отъ этихъ традицій прежде всего слѣдуетъ освободиться для раціональнаго рѣшенія вопроса. Поэтому нужно, прежде всего, съ точностью опредѣлить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ среднимъ образованіемъ, какія его цѣли и въ чемъ заключаются преимущества и недостатки классической системы? Авторъ подвергаетъ эти вопросы очень тщательному и всестороннему разсмотрѣнію, но выводы приберегаетъ, вѣроятно, для слѣдующей статьи.

Серъ Робертъ Стоутъ въ статьѣ въ «Contemporary Review» разсматриваетъ результаты политическихъ и экономическихъ опытовъ которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже производятся въ Новой Зеландіи. Эту автономную англійскую колонію многіе называютъ «соціологической лабораторіей», такъ какъ она не останавливается ни передъ какими экспериментами и самыми смѣлыми нововведеніями. Поэтому-то современные политики и соціологи съ большимъ интересомъ слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается въ Новой Зеландіи.

Прежде всего, въ Новой Зеландіи правительство смотритъ на себя, какъ на совѣтъ администраціи какого-нибудь кооперативнаго общества, равноправными членами котораго состоятъ всѣ новозеландцы, и дѣйствуетъ въ этомъ духѣ. Церковь отдѣлена отъ государства въ самомъ абсолютномъ смыслѣ этого слова и послѣднее только выиграло отъ этого какъ въ отношеніи времени, такъ и въ отношеніи денегъ. Религіозные вопросы никогда не служатъ помѣхой и не задерживаютъ хода законодательной работы, какъ это мы видимъ въ католическихъ или протестантскихъ парламентахъ. На избирательную борьбу эти вопросы также не оказываютъ ровно никакого вліянія. Новозеландская церковь, впрочемъ, не остается въ накладѣ и поддерживается щедрыми добровольными приношеніями, которыя идутъ на ея содержаніе и содержаніе причта.

Что касается рабочихъ законовъ, то они введены еще слишкомъ недавно и о результатахъ ихъ пока судить трудно. Противники этихъ законовъ приписываютъ задержку, наступившую въ промышленной эволюціи обоихъ острововъ, тому, что были введены восьмичасовой рабочій день, минимумъ заработной платы и т. д. Вотъ цифры, на которыя они опираются: съ 1886 по 1891 годъ число промышленныхъ учрежденій возросло на 308; съ 1891 по 1895 г., т.-е послѣ введенія рабочихъ законовъ, оно возросло всего лишь на 205, несмотря на то, что населеніе увеличилось на 12,24 процента. Изъ этого дѣлаютъ выводъ, что ростъ промышленности замедлился вслѣдствіе введенія рабочихъ законовъ. Третейскій судъ введенъ какъ обязательное учрежденіе во всякаго рода конфликтахъ между рабочими и хозяевами. Въ пользу закона о третейскомъ судѣ высказались единогласно рабочіе, хозяева, печать и всѣ парламентскіе депутаты и хотя бываютъ еще случаи стачекъ, но они составляютъ очень рѣдкое явленіе.

Какъ извѣстно, въ Новой Зеландіи избирательное право распространяется и на женщинъ, но участіе ихъ въ парламентской жизни страны не выразилось пока еще никакими измѣненіями въ современномъ парламентскомъ строѣ и общественной жизни.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Медицина. О значенiи спиртныхъ напитковъ въ питанiи слабыхъ и больныхъ.—**Почвовѣдѣнiе**. Объ удобренiи почвы при помощи бактерiй. *Д. Н.*—**Географiя и антропологiя**. Буры и туземныя расы Южной Африки. *Н. М.*

Медицина. *О значенiи спиртныхъ напитковъ въ питанiи слабыхъ и больныхъ*. Вопросъ о влiянiи спирта, вводимаго въ организмъ, въ видѣ вина, напр., еще далеко не выясненъ, и потому господствующiя представленiя относительно значенiя спиртныхъ напитковъ довольно сбивчивы: съ одной стороны спиртъ, независимо отъ количества, признается ядовитымъ для организма, съ другой стороны, для укрѣпленiя больнымъ даютъ вино; но, вѣдь болѣзнь не представляетъ собой такого особаго состоянiя, въ которомъ полезно то, что ядовито для здороваго организма. Между тѣмъ вино прописывается больнымъ врачами, которые, конечно, имѣютъ для этого серьезныя основанiя. Новѣйшiя изслѣдованiя однако показываютъ, что взгляды на значенiе спиртныхъ напитковъ для организма въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношенiяхъ должны быть коренными образомъ измѣнены.

Вещества, принимаемыя организмомъ изъ пищи, подвергаются въ немъ химическимъ превращенiемъ, распадаясь на болѣе простыя соединенiя, подобно тому, какъ это происходитъ въ обычныхъ случаяхъ горѣнiя, причемъ такъ же, какъ и при горѣнiи, энергiя, заключенная въ этихъ веществахъ, освобождается отчасти въ видѣ теплоты, что и сказывается съ особенною ясностью у высшихъ животныхъ. Всякое животное нуждается, чтобы въ немъ ежедневно происходило освобожденiе при данныхъ условiяхъ опредѣленнаго количества энергiи, т. е. какъ бы сожигалось извѣстное количество веществъ, заимствованныхъ изъ пищи. Приблизительно человѣческiй организмъ требуетъ ежедневнаго освобожденiя энергiи въ количествѣ, соотвѣтствующемъ 2.500—3,000 калорiй (тепловыхъ единицъ). При голоданiи или при нѣкоторыхъ изнурительныхъ болѣзняхъ, сопровождающихся нарушенiемъ питательнаго обмѣна, организмъ заимствуетъ эту энергiю отъ своихъ собственныхъ тканей, такъ сказать, сожигая ихъ. Прежде всего для этой цѣли потребляются жировыя отложенiя; когда же они истощатся, то на сожиганiе идутъ самыя драгоцѣнныя вещества, въ которыхъ мы видимъ матерiальную основу жизни—бѣлки. Слѣдуетъ замѣтить, что бѣлки и постоянно подвергаются распаду и должны поэтому возмѣщаться, но при истощенiи, кромѣ этого распада, въ организмѣ «сожигается» и еще нѣкоторое количество бѣлковъ для освобожденiя энергiи, которая при обычныхъ условiяхъ питанiя получается отъ превращенiя усваиваемыхъ изъ пищи организмомъ, такъ называемыхъ тройныхъ соединенiй, содержащихъ углеродъ, водородъ и кислородъ, какъ, напр., жиры, сахаръ и продукты измѣненiя крахмала, заключающiеся въ хлѣбѣ.

Въ зависимости отъ химическаго состава вещество, распадаясь, освобождаетъ различное количество энергiи. Алкоголь также принадлежитъ къ трой-

нымъ соединеніямъ и по количеству скрытой въ немъ энергіи уступаетъ только жирамъ, далеко превосходя бѣлковыя вещества и углеводы. Принятый въ организмъ не въ чрезмѣрно большихъ количествахъ, онъ не выводится въ выдѣленіяхъ, слѣдовательно, утилизируется организмомъ. Больные легко переносятъ эго при лихорадкѣ даже и въ большихъ дозахъ, такъ что, казалось бы, въ случаяхъ истощенія, когда вслѣдствіе болѣзни организмъ не можетъ усваивать другихъ веществъ изъ пищи, спиртъ долженъ былъ бы послужить для освобожденія энергіи, сохраняя отъ сожиганія столь необходимые бѣлки. Процессы, изъ которыхъ слагается жизнедѣятельность элементовъ организма, чрезвычайно сложны и въ химическомъ отношеніи далеко еще не выяснены. Если алкоголь по своему составу могъ бы освободить значительное количество энергіи и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи способенъ замѣнить бѣлки, то это еще не значитъ, что въ организмѣ животнаго онъ дѣйствительно ихъ и замѣняетъ. Вопросъ можетъ быть рѣшенъ только непосредственными опытами. Въ этомъ направленіи работало нѣсколько ученыхъ, изъ нихъ Шмаммрейхъ, производившій изслѣдованія подъ руководствомъ фонъ-Ноордена и Шмидтъ подъ руководствомъ Роземана пришли къ заключенію, что алкоголь не можетъ служить для сохраненія бѣлковъ отъ такого сожиганія, но особенно ясные результаты дали опыты Шёнезейфена, произведенные также подъ руководствомъ Роземана. Опыты состояли въ слѣдующемъ. Субъектъ высокаго роста, худощавый и привыкшій къ употребленію алкоголя, получалъ ежедневно такое количество пищи, которое могло дать энергію, соотвѣтствующую 2.154 калоріямъ, т. е. меньше нормы. Такимъ образомъ питаніе было недостаточное. Въ теченіе 5-ти дней такого режима онъ терялъ каждый день въ среднемъ 1.755 грам. азота, т. е. это значитъ, что недостающее количество энергіи пополнялось посредствомъ сожиганія бѣлковъ, результатомъ чего и явилась указанная потеря азота, выдѣлявшагося въ видѣ продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ. Въ теченіе слѣдующихъ 6-ти дней человѣкъ, служившій для этихъ опытовъ, кромѣ той пищи, которая ему давалась раньше, получалъ еще ежедневно 135 грам. алкоголя въ видѣ $1^1/_2$ литровъ краснаго вина, содержащаго 9% спирта. Это количество алкоголя можетъ освободить значительно больше энергіи, чѣмъ ее недоставало въ каждой изъ предъидущихъ 5-ти дней. Тѣмъ не менѣе, потеря азота продолжалась въ среднемъ ежедневно въ количествѣ 1.635 грам., слѣдовательно, бѣлки продолжали сожигаться почти совершенно въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Этотъ опытъ съ очевидностью показываетъ, что алкоголь не можетъ служить для сохраненія бѣлковъ. отъ сожиганія при недостаткѣ въ пищѣ жировъ, сахара или какихъ-либо другихъ подобныхъ соединеній. Въ данномъ случаѣ достаточно было человѣку, надъ которымъ производился опытъ, прибавлять къ дававшейся пищѣ ежедневно 100 грам. углеводовъ, чтобы совершенно устранить трату азота, т. е. не возмѣщаемое распаденіе бѣлковъ. 135 грам. алкоголя по количеству содержащейся въ немъ энергіи равняется 200 грам. углеводовъ, т. е. организму какъ будто была предоставлена возможность воспользоваться вдвое большимъ количествомъ энергіи, чѣмъ ему недоставало, а распаденіе бѣлковъ все-таки продолжалось такъ же, какъ и прежде. Итакъ, для сохраненія бѣлковъ отъ сожиганія спиртные напитки совершенно безполезны.

Этого мало. Если человѣку съ хорошо развитымъ жировымъ слоемъ при недостаточномъ питаніи (является ли оно слѣдствіемъ недостатка тройныхъ соединеній въ пищѣ, или слѣдствіемъ того, что болѣзненное состояніе препятствуетъ усвоенію этихъ соединеній изъ пищи) давать соотвѣтствующее по разсчету количество алкоголя, то жировая ткань его истощаться не будетъ, но и бѣлки не будутъ сохранены отъ сожиганія. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, результатъ получится хуже, чѣмъ если бы организмъ подвергся полному голоданію по отношенію къ тройнымъ соединеніямъ: голодая, онъ тратилъ бы почти без-

полезную жировую ткань,—получая алкоголь, онъ сохранитъ жировую ткань и истратитъ бѣлковыя вещества, что крайне быстро ведетъ къ полному истощенію.

Сообщенныя наблюденія чрезвычайно важны; они показываютъ, что совершенно ошибочно разсчитывать на спиртные напитки, желая предохранить больного отъ истощенія, азотистыя траты останутся тѣ же самыя и, чтобы ихъ устранить или уменьшить, нужно прибѣгнуть къ какимъ-либо другимъ пищевымъ средствамъ. Алкоголь можетъ сохранить только жировую ткань (въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже увеличиваетъ ея количество), но этотъ результатъ, который самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія, можетъ явиться причиной заблужденія: видя, что больной не худѣетъ, что вѣсъ его сохраняется, мы рискуемъ не замѣтить траты бѣлковъ, не замѣтить быстраго и опаснаго истощенія.

Конечно, это не единственное вліяніе алкоголя. Кромѣ того, онъ дѣйствуетъ, какъ возбуждающее и жаропонижающее средство, далѣе полагаютъ, что небольшія дозы его содѣйствуютъ пищеваренію. Пищевареніе актъ весьма сложный и въ подробностяхъ вліяніе алкоголя на него еще не выяснено, но результаты опытовъ Лаборда *) надъ раствореніемъ бѣлковыхъ веществъ энзимами пищеварительнаго канала въ присутствіи различныхъ спиртовъ не говорятъ въ пользу этого предположенія. Свои опыты Лабордъ производилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ бралъ 2%-ный или ½%-ный растворъ алкоголя и прибавлялъ къ нему въ однихъ случаяхъ подкисленный пепсинъ, въ другихъ трипсинъ съ небольшимъ количествомъ соды. Въ эти растворы онъ помѣщалъ бѣлковыя вещества и слѣдилъ затѣмъ (производя количественныя опредѣленія) за превращеніемъ ихъ въ альбумозы и пептоны. Оказалось, что изъ числа различныхъ алкоголей обыкновенный (этиловый) алкоголь замедляетъ превращеніе бѣлковыхъ веществъ въ альбумозы и пептоны, т. е. перевариваніе ихъ посредствомъ энзимовъ пищеварительнаго канала. Что касается дѣйствія алкоголя, какъ возбудителя, то съ этимъ, повидимому, и связано его вредное вліяніе на животный организмъ. Возбужденіе всегда сопровождается увеличеніемъ траты (распаденія) бѣлковыхъ веществъ и поэтому для истощеннаго болѣзнью человѣка при недостаточномъ питаніи (не говоря о вліяніи его на нервную систему) врядъ ли можетъ оказаться полезнымъ. Наконецъ, какъ жаропонижающее средство, алкоголь, вѣроятно, съ успѣхомъ можетъ быть замѣненъ другими веществами, не имѣющими его отрицательныхъ свойствъ.

Почвовѣдѣніе. *Объ удобреніи почвы при помощи бактерій.* Условія питанія растеній хорошо изучены; какія вещества имъ необходимы,—опредѣлено вполнѣ точно, анализъ почвы не представляетъ большихъ затрудненій, такъ что, казалось бы, вопросъ объ удобреніи долженъ рѣшаться легко; но на практикѣ приходится еще считаться съ цѣною веществъ, употребляемыхъ въ качествѣ удобренія, поэтому понятно, что этотъ вопросъ еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія и неудивительно, что постоянно изыскиваются новые пути для доставленія растеніямъ питательныхъ веществъ. Одинъ изъ необходимыхъ элементовъ для ихъ питанія—азотъ—растенія заимствуютъ изъ почвы. Наилучшая форма, въ которой можетъ быть доставленъ азотъ въ удобреніи, это различныя селитры, т. е. соли азотной кислоты; но всякій знаетъ, что селитра, какъ удобреніе, слишкомъ дорога. Между тѣмъ въ воздухѣ содержится неограниченный запасъ азота, а научными изслѣдованіями несомнѣнно установлено, что есть бактеріи, способныя переводить этотъ азотъ въ соединенія, изъ которыхъ онъ можетъ усваиваться высшими растеніями. Поэтому, на первый взглядъ вполнѣ естественны попытки воспользоваться дѣятельностью этихъ

*) Работа его помѣщена въ «Comptes rend. hebdom. des séances de la Soc. de Biologie». 1899, № 31.

бактерій для удобренія почвы азотистыми соединеніями. Въ журналѣ «Почвовѣдѣніе» № 4, 1899 г. помѣщена статья Д. О. Ивановскаго, представляющая собою сводъ цѣлаго ряда изслѣдованій по этому вопросу. Въ послѣднее время были выпущены въ продажу два вещества, представляющія собою культуры бактерій—нитрагинъ и алинитъ, рекомендуемыя первая для удобренія почвы, которая должна служить для культуры растеній изъ семейства бобовыхъ (горохъ, бобы, чечевица, вика и т. д.), второе—преимущественно для злаковъ. Нитрагинъ имѣетъ вполнѣ опредѣленное, хотя и ограниченное значеніе. Уже давно извѣстно, что бобовыя растенія въ сообществѣ съ опредѣленнаго вида бактеріями, Bacillus radicicola, могутъ усваивать свободный азотъ воздуха. Бактеріи эти живутъ въ почвѣ. Проникая въ корни растенія, онѣ вызываютъ образованіе клубеньковъ, такъ что уже по внѣшнему виду корней можно узнать, имѣются ли эти бактеріи въ данной почвѣ или нѣтъ. Но усваивать азотъ воздуха при помощи Bacillus radicicola, насколько до сихъ поръ извѣстно, могутъ растенія, принадлежащія только къ семейству бобовыхъ, и притомъ для каждаго почти вида нужна опредѣленная разновидность бактерій, т.-е., слѣдовательно, въ почвѣ, содержащей разновидность, пригодную для гороха, напримѣръ, лупины не образуютъ клубеньковъ и не могутъ усваивать свободнаго азота. Далѣе свободный азотъ усваивается бобовыми растеніями въ сообществѣ съ бактеріями только тогда, если въ почвѣ нѣтъ готовыхъ подходящихъ соединеній азота. Нитрагинъ, изготовляемый на химическомъ заводѣ Höchst на Майнѣ, представляетъ собою чистую культуру клубеньковыхъ бактерій. Его продаютъ въ особыхъ бутылкахъ, причемъ каждой такой бутылки достаточно на одинъ моргенъ: рекомендуется слегка разогрѣть такую бутылку, смѣшать содержимое ея съ водою и поливать этимъ растворомъ почву или смачивать имъ сѣмена бобовыхъ передъ самымъ посѣвомъ. Изъ сказаннаго выше вполнѣ ясно, въ какихъ случаяхъ нитрагинъ можетъ оказаться полезнымъ. Если въ данной почвѣ, на которой предполагается культивировать бобовыя растенія, не достаточно азотистыхъ веществъ и если въ ней нѣтъ клубеньковыхъ бактерій, что легко узнать, сдѣлавъ пробный посѣвъ на небольшомъ участкѣ, и если въ остальномъ эта почва пригодна для такой культуры, то нитрагинъ несомнѣнно окажетъ свое полезное дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, въ одной серіи опытовъ, произведенныхъ въ Помрицѣ при удобреніи нитрагиномъ урожай бобовъ получался на 124%, урожай гороха—на 46,7%, а урожай вики на 400% больше по сравненію съ неудобреннымъ нитрагиномъ участкомъ. Далѣе, въ опытахъ, произведенныхъ шведской торфяной станціей, урожай соломы вики при удобреніи нитрагиномъ повысился на 55%, а урожай зерна на 116%.

Итакъ, нитрагинъ не представляетъ собою универсальное удобреніе хотя бы и для однихъ бобовыхъ: только при недостаткѣ подходящихъ азотистыхъ соединеній, при наличности всѣхъ остальныхъ необходимыхъ для растеній веществъ и, разумѣется, при отсутствіи въ этой почвѣ клубеньковыхъ бактерій нитрагинъ можетъ привести къ желательнымъ результатамъ, которые, какъ мы видѣли на примѣрахъ, могутъ поистинѣ назваться блестящими.

Если примѣненіе культуръ клубеньковыхъ бактерій въ качествѣ удобренія въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться весьма полезнымъ, то никакъ нельзя, судя по имѣющимся изслѣдованіямъ, того же сказать объ алинитѣ. Это вещество, представляющее собою такъ же культуру бактерій на искусственномъ субстратѣ, усердно рекламируется, какъ средство для увеличенія въ почвѣ количества азотистыхъ соединеній независимо отъ развитія на этой почвѣ опредѣленныхъ видовъ растеній. Бактеріи, самостоятельно усваивающія азотъ воздуха, хорошо извѣстны. Наиболѣе изученъ изъ числа ихъ открытый Виноградскимъ Clostridium Pasteurianum, который среди микробовъ, обладающихъ этой способностью, занимаетъ безусловно первое мѣсто. Кромѣ того, Виноград-

скимъ превосходно изслѣдованы условія его развитія. Казалось бы, проще всего для обогащенія почвы соединеніями азота примѣнить культуру именно этого микроба, между тѣмъ въ алинитѣ, какъ оказалось, содержатся совсѣмъ иныя бактеріи. Впрочемъ, и вообще отъ примѣненія микробовъ для увеличенія азотистыхъ соединеній въ почвѣ, кромѣ спеціальнаго случая культуры бобовыхъ, нельзя ожидать важныхъ результатовъ. Микроорганизмы, усваивающіе свободный азотъ, пользуются широкимъ распространеніемъ, такъ, напримѣръ, клостридій Виноградскаго былъ найденъ имъ въ тожественной формѣ въ четырехъ различныхъ мѣстностяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на тысячи верстъ. Если на данномъ участкѣ такіе микробы не развиваются и результаты ихъ дѣятельности не замѣтны, то это не потому, чтобы число зародышей ихъ было мало. Бактеріи тѣмъ и отличаются, что изъ ничтожно-малаго числа зародышей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ ихъ развиться безчисленное множество, какъ-то, напримѣръ, бываетъ при заразныхъ болѣзняхъ. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ все въ дѣло томъ, что условія существованія въ данной почвѣ не благопріятны для развитія микробовъ, усваивающихъ свободный азотъ. Въ лабораторныхъ опытахъ можно получить желаемое развитіе ихъ, но вѣдь при этомъ субстратъ стерилизуется, т.-е. въ немъ убиваются предварительно всѣ бактеріи и ихъ зародыши, чѣмъ устраняется одно изъ весьма важныхъ, неблагопріятныхъ для развитія микробовъ обстоятельствъ—борьба съ другими видами. Случаевъ антагонизма между различными видами бактерій извѣстно много, а отчасти изучены и способы воздѣйствія ихъ другъ на друга (см. «Науч. Хр.» М. Б. 1899, XI). Почву стерилизовать нельзя, слѣдовательно этотъ факторъ неустранимъ, а посѣвъ новаго, въ сущности ничтожнаго количества полезныхъ микроорганизмовъ, не увеличитъ ихъ шансовъ въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, если данная почва благопріятна для развитія бактерій, усваивающихъ свободный азотъ, то надо ожидать, что онѣ разовьются тамъ и сами по себѣ, такъ какъ зародыши ихъ воздухомъ разносятся повсюду. Если же условія неблагопріятны, то и сѣять ихъ безполезно. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны результаты опытовъ, произведенныхъ надъ алинитомъ. Происхожденіе алинита таково. Одинъ сельскій хозяинъ, Каронъ, зная, что въ почвѣ находятся микроорганизмы, усваивающіе свободный азотъ, произвелъ цѣлый рядъ опытовъ, изъ которыхъ выяснилось, что между величиной урожая и количествомъ бактерій, развивающихся въ почвѣ, существуетъ опредѣленное отношеніе. Чѣмъ больше былъ урожай, тѣмъ большее число бактерій оказывалось въ почвѣ. Наиболѣе же онѣ развивались въ почвѣ подъ чернымъ паромъ. На основаніи этихъ опытовъ, повидимому, проще всего заключить, что почва наиболѣе пригодная для развитія высшихъ растеній, является такою же и для почвенныхъ бактерій. Коронъ изъ своихъ опытовъ заключилъ, что развитіе бактерій и есть причина урожая. Затѣмъ онъ изолировалъ изъ этихъ бактерій нѣсколько видовъ, выбралъ изъ нихъ одну, не изслѣдуя ихъ ближе, и назвалъ ее Bacillus Ellenbachensis Alpha (такъ какъ имѣніе его находится въ Элленбахѣ, въ Гессенъ-Нассау), не опредѣливъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ какимъ-либо новымъ видомъ, или съ однимъ изъ ранѣе описанныхъ организмовъ. Чѣмъ онъ руководствовался при выборѣ этого бацилла, неизвѣстно: онъ высказываетъ предположеніе, что этотъ микробъ способенъ, вѣроятно, усваивать свободный азотъ, но опытовъ въ этомъ направленіи, произведенныхъ имъ самимъ или кѣмъ-нибудь другимъ, Коронъ не приводитъ, просто ссылаясь на то, что такіе микробы въ почвѣ найдены Виноградскимъ и Бертло. Въ доказательство полезнаго дѣйствія алинита, Каронъ приводитъ опыты культуры въ горшкахъ и въ грунтѣ, причемъ подъ вліяніемъ алинита урожай злаковъ повышался до 40%. Особенно важно замѣтить, что этой бактеріи приписывается способность усваивать свободный азотъ въ невыясненной до сихъ поръ ассоціаціи съ растеніями изъ семейства злаковъ;

къ числу этихъ растеній, вѣдь, и относятся наиболѣе важныя для сельскаго хозяйства, съ другой стороны. относительно ихъ несомнѣнно извѣстно, что клубеньковыя бактеріи не могутъ непосредственно быть имъ полезны. Культуры въ горшкахъ и грунтѣ, очевидно, не могутъ отличаться особенной точностью и поэтому они имѣютъ значеніе, только будучи произведены въ весьма большомъ числѣ. Поэтому, обыкновенно, при научныхъ изслѣдованіяхъ подобные опыты лишь завершаютъ длинный рядъ наблюденій въ лабораторной обстановкѣ при строго опредѣленныхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ рекламы многія сельскохозяйственныя общества стали примѣнять алинитъ въ качествѣ удобренія, но результаты получились отрицательные. Тогда только алинитъ былъ подвергнутъ научному изслѣдованію цѣлымъ рядомъ ученыхъ. При этомъ оказалось, что алинитная бактерія, по изслѣдованіямъ Стоклазы, представляетъ собою давно описанную очень крупную бактерію Bac. Megatherium, по изслѣдованіямъ же Лаука, что это не менѣе извѣстная сѣнная бактерія Bac. subtilis. Такому результату не слѣдуетъ удивляться, главнымъ образомъ потому, что никто не поручится, чтобы фабрика красокъ въ Höchst подъ именемъ алинита выпускала культуры одной и той же бактеріи. Что касается вліянія алинита на урожай, то благопріятный результатъ получился лишь въ опытахъ со стерилизованной почвой и то если она богата безазотистыми, органическими веществами (опыты Стоклазы), а въ такихъ-то именно почвахъ, обыкновенно, и находятся бактеріи, способныя связывать свободный азотъ (напр, указанный выше Clostridium Past Виноградскаго). Алинитный бациллъ былъ выдѣленъ изъ почвы; сколько извѣстно, распространеніе бактерій не ограничивается какими-либо опредѣленными областями, поэтому въ естественныхъ условіяхъ въ почвахъ наиболѣе благопріятныхъ для развитія алинитной бактеріи, т.-е богатыхъ гумусомъ, которыя и сами по себѣ плодородны, всегда можно ожидать найти микробовъ, способныхъ переводить свободный азотъ въ его соединенія, и въ томъ числѣ алинитныхъ бактерій, а можетъ быть и гораздо болѣе энергично усваивающаго азотъ клостридія Виноградскаго. Что касается опытовъ Стклазы, то они лишь показываютъ, что въ стерилизованной почвѣ высшія растенія хуже развиваются, чѣмъ въ зараженной микробами, но это и раньше было извѣстно да и на основаніи сказаннаго вполнѣ понятно. Соотвѣтствѣнно этому при опытахъ надъ алинитомъ въ грунтѣ въ такихъ почвахъ вліянія его на урожай совершенно не оказывалось, а тамъ, гдѣ его можно было наблюдать, урожай повысился лишь на 7—27%. Большинство же изслѣдователей, производившихъ опыты въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, приходятъ къ заключенію, что алинитъ на урожай не оказываетъ никакого вліянія. Защитники алинита придаютъ важное значеніе еще одному его качеству, а именно способности алитичныхъ бактерій разлагать сложныя азотистыя соединенія (бѣлки, напр.), высшими растеніями неусваиваемыя, на болѣе простыя, но это свойство принадлежитъ всѣмъ гнилостнымъ бактеріямъ, къ которымъ относится и алинитныя и которыхъ въ почвѣ всегда достаточно. Но за то алинитная бактерія обладаетъ способностью уничтожать наиболѣе важныя для высшихъ растеній соединенія азота—соли азотной кислоты (селитры), возстановляя ихъ въ амміакъ и далѣе въ свободный азотъ.

Такимъ образомъ, результаты опытовъ надъ алинитомъ сводятся къ слѣдующему. Въ большинствѣ случаевъ въ естественныхъ условіяхъ не обнаружилось никакого вліянія на урожай; благопріятное вліяніе, гдѣ оно наблюдалось, было невелико: урожай повышался только на 7—27% и то на почвахъ, богатыхъ гумусомъ, т.-е. такихъ, которыя плодородны сами по себѣ и въ которыхъ обыкновенно уже имѣются бактеріи, усваивающія свободный азотъ; способность разлагать сложныя азотистыя соединенія—не имѣетъ значенія, такъ какъ бактеріи, обладающія этой способностью, встрѣчаются повсюду; и, наконецъ, алинитныя

*

бактеріи въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиняютъ даже вредъ, уничтожая соли азотной кислоты. Итакъ, на основаніи сказаннаго можно заключить, что отъ примѣненія алинита для обогащенія почвы азотистыми соединеніями никакой пользы ожидать нельзя. **Д. Н.**

Географія и антропологія. *Буры и туземныя расы южной Африки.* Вниманіе всего цивилизованнаго міра въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ поглощено перипетіями неравной борьбы между могущественной, богатѣйшей и высоко-культурной европейской державой—Англіей и маленькимъ народцемъ-колонистомъ европейскаго происхожденія, сохранившимъ въ своемъ общественномъ строѣ еще много чертъ патріархальнаго быта — бурами, общее число которыхъ во всей южной Африкѣ едва достигаетъ ничтожной цифры 340.000 человѣкъ.

До возникновенія войны мало кто интересовался бурами; многіе, быть можетъ, только впервые услыхали самое названіе «буры» и даже учебники географіи не могли-бы удовлетворить заинтересовавшихся этимъ народомъ лицъ, такъ какъ въ нихъ можно найти лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ упоминается о томъ, что въ южной Африкѣ кромѣ Капской колоніи, принадлежащей англичанамъ, находятся еще двѣ республики буровъ: Трансвааль и Оранжевая. И вотъ въ самое короткое время этотъ скромный, едва извѣстный народъ пріобрѣлъ симпатіи во всѣхъ странахъ, выразившіяся не только въ простомъ сочувствіи, но и въ стремленіи оказать ему и нравственную и матеріальную поддержку. Чѣмъ-же, какими качествами и добродѣтелями завоевали буры всеобщую симпатію? Эти качества: любовь къ своей родинѣ, стремленіе къ свободѣ и политической независимости, сознательное отношеніе къ своимъ національнымъ интересамъ, честное ихъ отстаиваніе и храброе, геройское сопротивленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается посягательство на ихъ національныя права.

Какъ-же и въ какихъ условіяхъ развили буры свои національныя черты? Изъ какихъ этническихъ элементовъ составилась эта изумительная нація? Съ какими народами она вошла въ соприкосновеніе въ теченіе своего историческаго развитія? Въ какой жизненной борьбѣ выработались черты ихъ характера? Вотъ рядъ вопросовъ, на которые мы хотѣли-бы дать отвѣтъ. Нижеслѣдующія свѣдѣнія мы заимствовали для нашихъ читателей изъ интересной публичной лекціи антрополога, д-ра Верно, прочитанной имъ въ городской думѣ города Парижа *).

Когда въ 1652 году первые голландскіе колонисты утвердились на мысѣ Доброй Надежды, страна находившаяся къ сѣверу, отъ нихъ была занята двумя туземными расами, сходными между собой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но рѣзко различавшимися по росту. Болѣе высокая раса, населявшая побережье и плодородныя равнины, называла себя Кхой-Кхой или Ква-Ква. Теперь народъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ готтентотовъ. Туземцы малаго роста обитали въ внутреннихъ пустыняхъ страны и извѣстны были у сосѣдей подъ именемъ Санъ. Сабъ (единственное число)—можетъ быть переведено словомъ абориrенъ. Этотъ народъ извѣстенъ у насъ подъ англійскимъ названіемъ бушменовъ (Bushmen), что въ переводѣ значитъ «люди кустарниковъ». Съ этого народа мы и начнемъ знакомство съ тѣми человѣческими расами, которыя утвердились на югѣ Африки, такъ какъ даже готтентотскія преданія повѣствуютъ, что бушмены, предшествовали всѣмъ тѣмъ народамъ, которые населяютъ страну въ настоящее время.

Въ настоящее время бушмены встрѣчаются лишь въ небольшомъ числѣ въ мѣстностяхъ, занятятыхъ европейцами; большая часть ихъ эмигрировала къ сѣверу въ пустыню Калагари, гдѣ они кочуютъ группами отъ 15 до 50 чело-

---

*) D-r R. Verneau. Les boers et les races de l'Afrique australe.

вѣкъ, постоянно перемѣняя мѣсто. Это настоящіе карлики, средній ростъ которыхъ у мужчинъ не превышаетъ 1 метра и 37 сентиметровъ (неполныхъ 2 аршина), у женщинъ—1 метра 22 сент. (1 арш. 11 вершковъ). Несмотря на малый ростъ, они очень крѣпкаго тѣлосложенія и отличаются замѣчательною подвижностью. По характеру волосъ, по чертамъ своего лица и пропорціямъ тѣла бушмены—негры (см. рис. № 1-й) и тѣмъ не менѣе цвѣтъ ихъ кожи не черный: ихъ кожа грязно-желтаго цвѣта. Ихъ волосы черны и очень курчавы, такъ что непосредственно по выходѣ изъ кожи они сворачиваются въ маленькіе клубочки. Ихъ черепъ удлиненъ спереди назадъ и нѣсколько приплюснутъ въ верхней части. Лицо имѣетъ ромбоидальную форму, вслѣдствіе узости лба, сжатія нижней своей части и выдающихся скулъ; носъ—коротокъ, широкъ и приплюснутъ. Челюсти выдаются впередъ и сравнительно небольшой ротъ окруженъ толстыми губами; подбородокъ—рѣзко убѣгающій назадъ. Изъ ха-

Рис. 1-й. Женщина бушменка, 32-хъ лѣтъ.

рактерныхъ особенностей расы нужно упомянуть о такъ называемой *стеатопигіи*, которая встрѣчается у женщинъ и состоитъ въ чрезмѣрномъ развитіи бедеръ, вслѣдствіе громаднаго скопленія въ нихъ жира. Оттого бедренная область является у многихъ женщинъ безобразно развитою, въ особенности назади. Все вмѣстѣ взятое создаетъ типъ, не согласный съ нашимъ понятіемъ о красотѣ. Костюмъ мало способствуетъ украшенію бушмена. Мужчины набрасываютъ себѣ на плечи шкуру, женщины прикрѣпляютъ иногда вторую шкуру вокругъ таліи. Оба пола украшаютъ себя ожерельями, узкимъ поясомъ, огромными кольцами въ ушахъ; зато пренебрегаютъ всякими заботами о чистотѣ своего тѣла. Не довольствуясь тѣмъ жиромъ, который и безъ того покрываетъ ихъ тѣло, женщины намазываются еще особымъ составомъ изъ расплавленнаго жира и красящаго вещества.

Бѣдность страны, въ которой кочуютъ бушмены, заставляетъ ихъ бо́льшую часть времени посвящать розыскамъ пищи. Ихъ индустрія самая жалкая: жи-

лище—простое убѣжище изъ вѣтокъ; посуда по большей части деревянная, хотя они умѣютъ приготовлять и грубую глиняную посуду, но послѣдняя не въ большомъ ходу, такъ какъ представляетъ мало удобства въ постоянныхъ кочевкахъ съ мѣста на мѣсто. Мужчины изготовляютъ копья и луки, посредствомъ которыхъ они метаютъ отравленныя стрѣлы. Ядъ они добываютъ изъ внутренностей одной гусеницы и млечнаго сока тропическаго растенія, къ которому подмѣшиваютъ змѣинаго яда. Бурамъ неоднократно пришлось испытать на себѣ дѣйствіе этихъ отравленныхъ стрѣлъ. Бушмены почти не имѣютъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ жалкихъ собакъ. У сѣверныхъ бушменовъ встрѣчаются ручныя козы, но мяса ихъ они не ѣдятъ, такъ какъ оно внушаетъ имъ суевѣрное отвращеніе. Главную ихъ пищу составляютъ дикія растенія и ихъ корни. Никогда мужчина не заботится о пищѣ для женщины, считая ее достаточно приспособленною для того, чтобы она не умерла голодной смертью Тяжелыя условія существованія развили у этихъ кочевниковъ замѣчательную остроту чувствъ: особымъ чутьемъ они выслѣживаютъ свою добычу, по слѣду ноги человѣка они опредѣляютъ, къ какому племени и къ какой расѣ принадлежитъ человѣкъ, проходившій чрезъ ихъ страну. Зато интеллектуальныя способности ихъ чрезвычайно слабо развиты: они едва умѣютъ считать до трехъ.

Каждая маленькая группа выбираетъ своего вождя, власть котораго не наслѣдственна и зачастую такой вождь имѣетъ подъ своей командой едва 15—20 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что бушмены не могутъ оказать сопротивленія сосѣднимъ племенамъ и число ихъ съ каждымъ днемъ становится меньше. Ихъ полное исчезновеніе неминуемо и еще болѣе ускоряется междоусобными раздорами.

У бушменовъ существуетъ, повидимому, вѣрованіе въ загробную жизнь; когда умираетъ мужчина, его зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ его копьемъ, чтобы дать ему возможность защищаться и охотиться. Миссіонеры открыли у нихъ цѣлый рядъ религіозныхъ вѣрованій; здѣсь фигурируютъ: верховное существо—Гога, дѣвственница—Ко и злой духъ—Ганна. Но всѣ эти сверхъестественныя существа настолько напоминаютъ христіанскія, что является справедливое подозрѣніе, не изложили ли христіанскіе миссіонеры миѳологіи бушменовъ слишкомъ посвоему. Несомнѣнно у нихъ отсутствіе священниковъ, колдуновъ и знахарей. Языкъ бушменовъ очень своеобразенъ: онъ характеризуется щелкающими звуками, которые дѣлаютъ его мало гармоничнымъ. Сказаннаго о бушменахъ достаточно, чтобы понять, что для буровъ-колонистовъ эти «люди кустовъ» никогда не были особенно страшными врагами. Хой-хой или готтентоты, къ которымъ мы теперь обратимся, явились, безъ сомнѣнія, врагами, съ которыми бурамъ пришлось болѣе считаться, чѣмъ съ бушменами.

Раса хой-хой заключала въ былыя времена до 16 цвѣтущихъ племенъ. Единственными, болѣе другихъ уцѣлѣвшими группами являются въ наше время готтентоты, намакуа и нѣкоторыя другія. Физическими признаками эти племена очень похожи на бушменовъ, но ростъ ихъ достигаетъ въ среднемъ до 1 метра 66 сент. (2 арш. и 3 верш.) (см. рис. № 2). Ихъ черепъ не великъ, очень удлиненъ съ переди назадъ и не приплюснутъ въ верхней области. Руки и ноги отличаются у готтентотовъ и родственныхъ имъ племенъ чрезвычайно небольшими размѣрами. Костюмъ и украшенія такъ похожи на то, что мы видѣли у бушменовъ, что нѣтъ надобности повторять его описаніе. Однако, народъ этотъ сильно отличается отъ бушменовъ по образу жизни, индустріи и своему характеру. Это прежде всего постушеское племя, держащее большое количество домашняго скота; поэтому же они кочевники по необходимости. На мѣстахъ, гдѣ они располагаются временнымъ поселеніемъ, они строятъ шалаши изъ легкаго матеріала, которые удобно переносимы съ мѣста на мѣсто. Для

перевозки тяжестей служитъ быкъ. Готтентоты знаютъ обработку желѣза и мѣди и приготовляютъ разнообразную глиняную посуду. Ихъ оружіе составляетъ копье, лукъ и щитъ. На охотѣ они употребляютъ маленькія отравленныя стрѣлы. Они прекрасные охотники и живутъ главнымъ образомъ дичью и продуктами молочнаго хозяйства. Они не любятъ убивать своихъ домашнихъ животныхъ. Воинственнаго нрава, они дѣлаютъ частые набѣги на своихъ сосѣдей и ихъ общественная организація находится въ значительной зависимости отъ этого обстоятельства. Во главѣ каждаго мелкаго племени стоитъ военачальникъ, за-

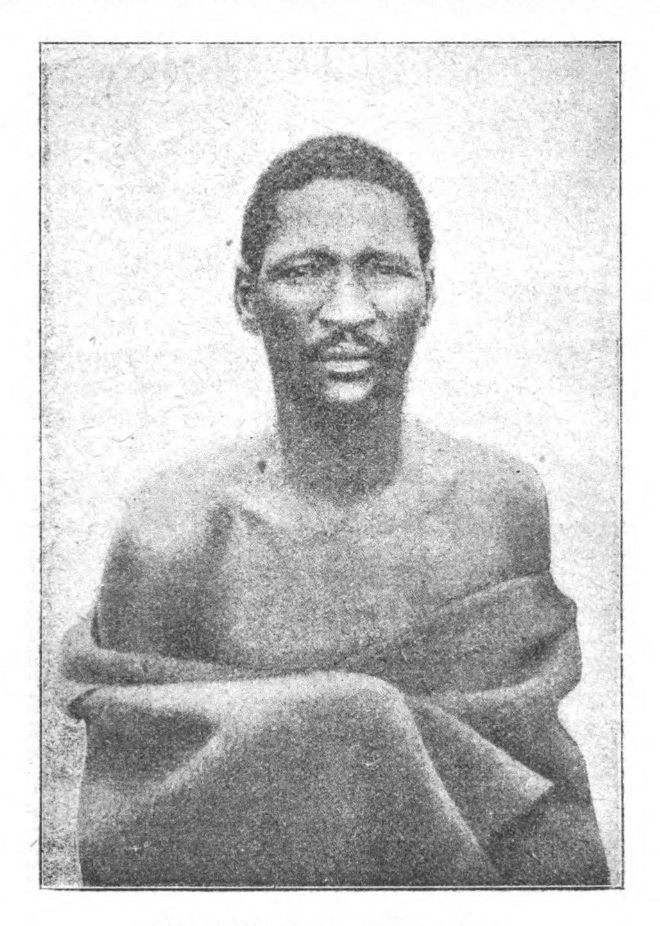

Рис. 2. Готтентотъ, 34-хъ лѣтъ.

тѣмъ слѣдуетъ гражданскій начальникъ, врачъ и, наконецъ, священникъ. Полигамія у нихъ существуетъ, но обыкновенно готтентотъ довольствуется двумя женами. Женщины не имѣютъ общественныхъ правъ, но, по наблюденіямъ Halm'a, являются полновластными хозяйками въ домашнемъ быту. Они имѣютъ полную децимальную систему счета, гдѣ-то ими позаимствованную. Но что особенно характеризуетъ готтентотовъ—это ихъ любовь къ сатирѣ: неравный бракъ, непопулярный вождь—сейчасъ даютъ поводъ къ сатирическому творчеству и нерѣдко дѣло кончается дуэлью на кулакахъ, палкахъ или копьяхъ. Чрезвычайно суевѣрный, готтентотъ вѣритъ въ сверхъестественныя существа, злыя и добрыя. Несмотря на существованіе священниковъ, у нихъ нѣтъ ни идоловъ, ни храмовъ. Однако въ новолуніе и въ полнолуніе совершаются религіозныя

церемоніи: приносятся въ жертву животныя, совершаются возліянія изъ молока, и все это сопровождается танцами и пѣніемъ. Всѣ племена этой группы понимаютъ другъ друга, какъ бы далеки ни были другъ отъ другъ мѣста ихъ кочевокъ.

Готтентоты явились болѣе сильными врагами буровъ, чѣмъ бушмены. Однако еще болѣе сильнымъ народомъ, съ которымъ бурамъ пришлось выдержать борьбу, особенно съ 1786 года, были племена *кафровъ*. Племена эти образуютъ одно цѣлое и охватываютъ жителей южной Африки по ту сторону р. Замбези.

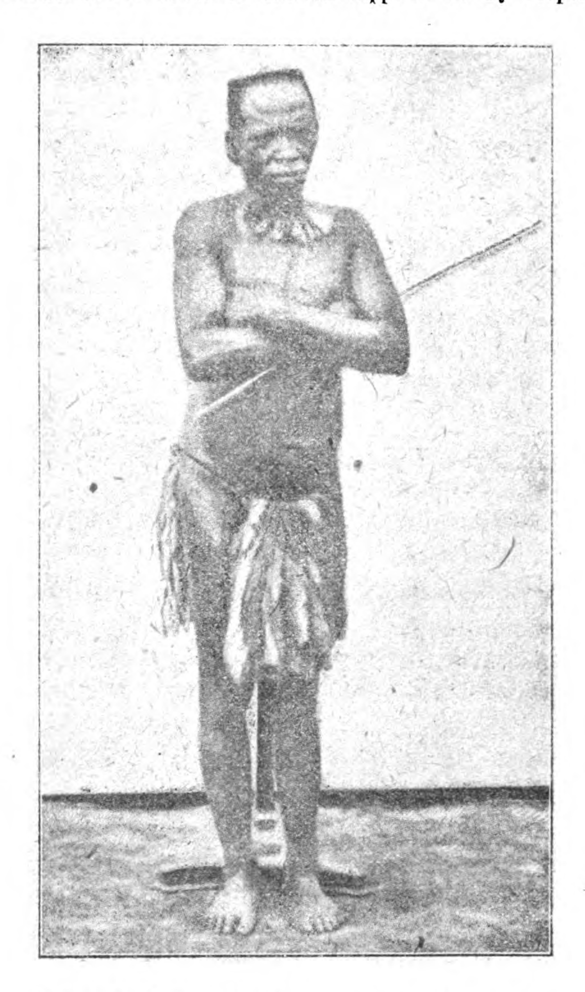

Рис. 3. Кафръ въ обыкновенномъ костюмѣ.

Они дѣлятся на три главныхъ колѣна: бечуаны, басуты и матабеле или восточные кафры.

Это сильный народъ, высокаго роста (1 метръ 70 сент. въ среднемъ) (см. рис. 3) Цвѣтъ ихъ кожи варіируетъ отъ темно-коричневаго до чисто черного. Ихъ волосы черны, густы и очень закручены. Черепъ удлиненъ спереди назадъ, лицо удлинено сверху внизъ, съ широкимъ, приплюснутымъ носомъ, толстыми губами и убѣгающимъ назадъ подбородкомъ. Женщины хорошаго сложенія, выраженіе ихъ лица говоритъ о мягкости характера и веселомъ нравѣ.

Среди матабеле встрѣчаются племена съ другими этническими чертами: менѣе темной окраской, болѣе тонкими чертами лица; носъ нѣсколько удлиненъ и губы тоньше, чѣмъ у другихъ кафровъ; это зулусы, получившіе нѣкоторое количество арабской крови. Арабы основали много колоній на восточномъ побережьи южной Африки, смѣшались съ сосѣдними племенами негрскаго происхожденія и вліяніе этого смѣшенія особенно сказалось у зулусовъ, которые сохранили тѣмъ не менѣе нравы своихъ собратьевъ, оставшихся не метисированными. Они ходятъ, напр., совершенно голыми до 18-ти-лѣтняго возраста. Юноша надѣваетъ къ этому времени поясъ изъ коры, къ которой спереди и сзади прикрѣпляются небольшіе куски кожи. Дѣвушка также начинаетъ носить поясъ. Когда она выйдетъ замужъ, она будетъ имѣть право носить нѣчто вродѣ мантіи и собирать свои волосы въ шиньонъ.

Воины носятъ болѣе сложный костюмъ: онъ состоитъ изъ бычачьихъ хвостовъ и хвостовъ другихъ животныхъ, прикрѣпленныхъ однимъ концомъ къ рукамъ, ногамъ, на спинѣ и на груди. Голову украшаетъ громадный султанъ. Кафры любятъ украшенія: на рукахъ, на ногахъ и въ ушахъ они носятъ кольца изъ слоновой кости и мѣди; на шеѣ—множество самыхъ разнообразныхъ ожерелій. Они красятъ лицо и тѣло охрой, разведенной въ водѣ, и закрѣпляютъ окраску, намазываясь толстымъ слоемъ жира. Женщины иногда татуируются. Изъ вѣтвей они строятъ себѣ просторныя жилища круглой формы; такія жилища соединяются въ деревни, у которыхъ всегда имѣются обширные выпасы для скота: эти негры держатъ много скота и въ то же время занимаются земледѣліемъ и охотой. Нѣкогда они не пили ничего, кромѣ чистой воды, но со времени знакомства съ европейцами, охотно предаются злоупотребленію спиртными напитками. Индустрія у нихъ также сравнительно высоко развита.

Большая емкость черепа кафровъ уже прямо указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ развитою въ интеллектуальномъ отношеніи расою. У нихъ есть ораторы, артисты, обнаруживающіе способности къ живописи, скульптурѣ и музыкѣ. Всѣ кафры обладаютъ страстью къ танцамъ. Путешественникъ Дельгоргъ присутствовалъ на танцовальномъ вечерѣ, который оставилъ въ его памяти неизгладимое впечатлѣніе: въ немъ принимали участіе 25 тысячъ воиновъ-зулусовъ въ присутствіи короля, окруженнаго 806 ю прекрасными негритянками. Ихъ высокое интеллектуальное развитіе въ связи съ энергіей и высокой общественной организаціей сдѣлало ихъ очень сильными. Соединенные въ мелкія группы подъ начальствомъ вождей, они давно уже признали власть одного короля, который располагалъ, такимъ образомъ, большой и хорошо дисциплинированной арміей. Для поддержки дисциплины короли не стѣснялись средствами, наказывая смертью тѣхъ, кто обнаруживалъ трусость или неповиновеніе.

Не смотря на крайнюю жестокость, царствующую въ военное время, кафры въ мирное время отличаются благородствомъ и гостепріимностью. Живутъ кафры въ полигаміи: мужчина имѣетъ столько женъ, сколько средства позволяютъ ихъ пріобрѣсти; цѣна дѣвушки—10—12 коровъ. Ревность неизвѣстна у нихъ и жена всячески старается заработать средства, чтобы мужъ ея могъ пріобрѣсти лишнюю жену. У нихъ нѣтъ никакого религіознаго культа, нѣтъ и заботливаго отношенія къ покойникамъ, какое мы встрѣчаемъ у народовъ, вѣрующихъ, что часть существа переживаетъ его тѣло; если человѣкъ умираетъ, они вытаскиваютъ трупъ его за 400—500 метровъ отъ деревни и предоставляютъ гіеннамъ заботу о его погребеніи. Въ исторіи колонизаціи бурами южноафриканской территоріи кафры играли очень видную роль.

Обратимся теперь къ самимъ бурамъ. Мы уже упомянули вначалѣ, что голландцы утвердились на мысѣ Доброй Надежды въ 1652 году. Ванъ-Рибекъ былъ посланъ сюда индійской компаніей для основанія станціи, гдѣ направлявшіяся въ Индію суда могли бы запасаться необходимыми припасами. Ванъ-Ри-

бекъ увезъ туда свою семью и сотню солдатъ. Позднѣе городъ Амстердамъ выслалъ въ народившуюся колонію сиротъ въ сопровожденіи моряковъ и солдатъ, освобожденныхъ отъ службы. Къ 1680 году число европейцевъ достигло 600 человѣкъ. Пять лѣтъ спустя, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, французскіе протестанты, убѣгая отъ преслѣдованія драгуновъ, обратились къ индійской компаніи съ просьбой объ убѣжищѣ и компанія послала ихъ въ колонію, основанную Ванъ-Рибекомъ. Первая партія въ 300 человѣкъ прибыла сюда въ 1688 году; далѣе послѣдовали другія партіи бѣглецовъ-эмигрантовъ и такъ было положено основаніе націи буровъ, гдѣ тѣсно смѣшались элементы голландскій и французскій. Эта нація и колонизовала Капскую Землю, Наталь, Оранжевую республику и Трансвааль.

Французскіе эмигранты кальвинисты встрѣтили у голландцевъ самый теплый пріемъ: ихъ снабдили деньгами, припасами и скотомъ и отвели мѣста для поселенія, которыя и теперь еще извѣстны подъ названіемъ французскаго угла. Однако, они должны были взять на себя и нѣкоторыя обязательства—въ томъ числѣ, напр., принять монополію индійской компаніи на товары. Правда, голландскіе колонисты сами были поставлены въ тѣ же условія. Нѣсколько лѣтъ спустя французскій языкъ былъ воспрещенъ не только какъ языкъ оффиціальный, но даже для совершенія богослуженія. Всѣ колонисты, безъ исключенія, должны были подвергнуться строгимъ правиламъ дисциплины, введенной первымъ губернаторомъ колоніи Ванъ-Рибекомъ. Многое въ этомъ строгомъ режимѣ явилось необходимостью, такъ какъ число колонистовъ было не велико и имъ пришлось вести тяжелую борьбу съ туземными расами, съ которыми мы выше подробно ознакомились. Первыя сношенія съ туземцами южной Африки не были враждебными: колонисты покупали у нихъ землю и начинали ее обрабатывать. Однако, миролюбивыя сдѣлки продолжались не долго: вскорѣ колонисты прямо экспропріировали земли, а самихъ обитателей обратили въ рабство. Это пятно несомнѣнно лежитъ на націи, которая въ разныя, самыя смутныя эпохи обнаруживала нерѣдко самыя высокія гуманныя чувства и любовь къ справедливости.

Скоро бурамъ стало тѣсно на захваченной вначалѣ территоріи и много колонистовъ эмигрировало дальше къ сѣверу съ женами, дѣтьми, рабами и скотомъ. Буры подвигались впередъ, сражаясь на каждому шагу. Въ 1786 г. они достигли земель кафровъ и къ этому времени обнаружилась первая попытка Англіи овладѣть завоеванной территоріей. Дѣло на этотъ разъ окончилось тѣмъ, что у острововъ Зеленаго Мыса англійскій флотъ былъ разбитъ соединенною франко-голландскою эскадрою. Въ 1795 году буры объявили свою независимость. Вскорѣ, однако, Англія захватила въ свои руки новую провинцію. Режимъ, которому колонисты были подвергнуты, вызвалъ первое возстаніе въ 1815 году, которое было подавлено съ страшнымъ кровопролитіемъ. Часть буровъ, не выдержавши британскаго гнета, покинула въ 1834 году насиженныя мѣста, направилась къ сѣверо-востоку и основала новое государство между рѣками Оранжевой и Вааломъ—*свободную республику Оранжевую*. Три года спустя колонисты перешли Вааль, столкнулись съ племенами Матабеле и многіе изъ нихъ погибли въ этой борьбѣ, но все же имъ удалось удержать за собой новую территорію. Вскорѣ колонистъ-французъ Петръ Ретіевъ съ группой эмигрантовъ вторгся въ богатую область Наталь, находившуюся въ то время въ рукахъ зулусовъ. Пойманный въ засаду онъ былъ убитъ королемъ кафровъ. Буры отомстили за своего начальника: подъ предводительствомъ Андрея Преторіуса они нанесли страшное пораженіе 36.000 войску зулусовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 17 декабря того же года, кафры еще разъ были окончательно разбиты и признали суверенитетъ буровъ, которые 14 февраля 1840 г. основали *республику Наталію*.

Въ 1843 году молодая республика объявлена англійской колоніей. Прето-

ріусъ ушелъ въ бассейнъ рѣки Вааля и основалъ новое свободное государство въ 1848 г. Преслѣдуемый англичанами и разбитый Преторіусъ, видѣлъ паденіе этого новаго государства и обращеніе его въ англійскую провинцію. Однако, колонисты не захотѣли признать власти Англіи и направились разыскивать ту группу своихъ собратьевъ, которые перешли за рѣку Вааль. Такъ вскорѣ возникла *республика Трансвааль*. Англичане назначили премію за голову Преторіуса; буры отвѣтили имъ избраніемъ Преторіуса президентомъ новой республики. Наконецъ, лишь въ 1852 г. британское правительство признало независимость Трансвааля и Оранжевой республики и былъ избранъ Volksraad или народный совѣтъ всеобщею подачею голосовъ.

Эдуардъ Роэльсъ въ своей интересной брошюрѣ *) въ слѣдующихъ строкахъ резюмируетъ событія, послѣдовшія за этой эпохой. «До 1877 г. исторія буровъ сводится къ постояннымъ и кровопролитнымъ сраженіямъ съ кафрами за новыя области къ сѣверу. Къ этому періоду относится важный фактъ: открытіе золотыхъ пріисковъ. Съ нимъ можно связать рѣшеніе англійскаго правительства присоединить себѣ Трансвааль 12 апрѣля 1877 г. Представитель Англіи явился безъ всякихъ предупрежденій въ Преторію во главѣ вооруженнаго отряда и объявилъ суверенитетъ Англіи надъ Трансвааемъ. Эта декларація была повторена лордомъ Вольслеемъ въ слѣдующемъ году, не взирая на договоръ 1852 г.

«Наученные прошлыми опытами и свѣжей въ памяти исторіей захвата Англіей въ 1870 году области съ алмазными копями (теперь Кимберлей), буры рѣшились на сопротивленіе. Воодушевленные увѣренностію въ правотѣ своего дѣла, они объявили войну за независимость; во главѣ буровъ стояли: Павелъ Крюгеръ (президентъ и въ настоящее время), Жуберъ (главнокомандующій силами буровъ въ настоящую войну) и Преторіусъ—сынъ перваго президента.

«Въ трехъ сраженіяхъ англійскія войска были разбиты; рѣшительное пораженіе было нанесено англичанамъ 27 февраля 1881 г. при холмѣ Маюбѣ генераломъ Жуберомъ. Англійская дипломатія была, однако, настолько ловка, что удержанъ былъ протекторатъ надъ страною, которая вполнѣ разбила Англію въ войнѣ.

«Буры протестовали противъ суверенитета Англіи, и британское правительство приняло въ 1884 году делегацію съ Крюгеромъ во главѣ, посланную изъ Трансвааля съ требованіемъ отмѣны суверенитета Англіи. Новый трактатъ этого года не заключаетъ термина *суверенитетъ*, и южно-африканская республика получила всѣ суверенныя права, за исключеніемъ одного ограниченія: Англія имѣетъ право въ теченіе 6-мѣсячнаго срока наложить свое veto на всѣ договоры, которые Трансвааль заключаетъ со всѣми государствами, кромѣ Оранжевой республики».

Итакъ, начиная со второй половины XVII в. буры не выпускали изъ рукъ оружія. Каждый разъ, какъ имъ удавалось завоевать отъ туземцевъ новую территорію, Англія накладывала свою руку и похищала плоды ихъ усилій и побѣдъ.

О характерѣ страны, занятой бурами, скажемъ лишь нѣсколько словъ; больше всего въ ней равнинныхъ пространствъ, среди которыхъ попадаются настоящія пустыни; но во многихъ областяхъ поднимаются также высокія горы, въ которыхъ много удобныхъ проходовъ. Большіе рѣчные потоки берутъ начало у подножія этихъ горъ и орошаютъ плодоносныя страны, по которымъ они протекаютъ. Иногда потоки воды низвергаются съ горъ въ видѣ великолѣпныхъ водопадовъ, которые увеличиваютъ красоту пейзажа. Климатъ на югѣ Трансвааля и Оранжевой республики приблизительно такой-же, какъ и въ южной Европѣ; на сѣверѣ температура нѣсколько выше. Европейцы прекрасно при-

*) Ed. Roels. «La question sud-africaine». Paris. 1899 г.

способляются къ нему: эпидеміи здѣсь рѣдки и какихъ-либо серьезныхъ мѣстныхъ болѣзней нѣтъ. Минеральныя богатства страны общеизвѣстны: каменный уголь, золотыя и алмазныя розсыпи — вотъ главныя ея драгоцѣнности. Менѣе общеизвѣстно плодородіе земель, окружающихъ пустыни Калагари: вездѣ, гдѣ плугъ ни касался этихъ дѣвственныхъ почвъ, онѣ оказались изумительно плодородными; всѣ злаки даютъ обильную жатву. Республика Трансвааль въ этомъ отношеніи находится въ наилучшихъ условіяхъ; благодаря ея климату, здѣсь наряду съ апельсинами, лимонами и полутропическими растеніями прекрасно культивируются наши фруктовыя деревья—груши и яблони. Трансваальскій табакъ славится во всей южной Африкѣ. Мѣстная флора чрезвычайно богата: она заключаетъ будто-бы около 12.000 разныхъ видовъ. Условія, какъ видно, чрезвычайно благопріятныя для земледѣльческаго и пастушескаго народа, какимъ являются буры. Охота также даетъ не мало средствъ къ существованію: дичи много повсюду, и буры сдѣлались очень ловкими охотниками и стрѣлками.

Голландскаго или французскаго происхожденія буры, разбросанные по южной Африкѣ, составляютъ народъ съ опредѣленнымъ характерамъ въ 340 тыс. человѣкъ. Это крупные люди, солиднаго тѣлосложенія, средній ростъ которыхъ достигаетъ не менѣе 1 метра 80 сант. ($2^1/_4$ арш.). Они сохранили физическія черты своихъ предковъ и, несмотря на смѣшеніе двухъ національностей, положившихъ основаніе націи буровъ, часто встрѣчаются два типа, легко различающихся другъ отъ друга: первый—блондины съ голубыми глазами и второй—брюнеты съ темными глазами. Неудивительно, что типъ блондина встрѣчается чаще, такъ какъ голландцы дали гораздо большее число колонистовъ, чѣмъ французы. Чтобы ни говорили, среда мало повліяла на физическій характеръ буровъ; своему образу жизни они обязаны крѣпкимъ сложеніемъ и выносливостью, физіономія же осталась голландскою или французскою. Нѣкоторые авторы утверждали, что женщины буровъ пріобрѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ настоящую стеатопигію, т.-е. развитіе жировыхъ отложеній въ бедренной области, о которомъ мы упоминали выше; но эта особенность встрѣчается только у женщинъ-метисокъ. Законные союзы съ субъектами изъ черной расы совершенное исключеніе, такъ какъ негръ въ глазахъ колониста—низшее существо и буръ никогда не признаетъ дѣтей отъ незаконной связи съ негритянками. Отъ женщины, связь которой съ негромъ станетъ извѣстной,—отворачиваются съ презрѣніемъ, будь это даже проститутка. Отсюда понятно, отчего колонисты сохранили чистымъ типъ своихъ европейскихъ предковъ.

Слово boer (произносится *буръ*) по-голландски значитъ крестьянинъ. Южноафриканскіе колонисты заслужили это названіе за ихъ угловатость и тяжелую походку. Они удержали въ то же время любовь къ порядку и экономіи, столь характерныя черты крестьянъ. Буръ по преимуществу человѣкъ полей: онъ живетъ, часто совершенно изолированно на своей фермѣ со своей семьей, довольствуясь самымъ необходимымъ; изъ кирпичей, которые онъ самъ приготовилъ, высушивши ихъ просто на солнцѣ, онъ строитъ себѣ незатѣйливое обиталище, стѣны его бѣлятся известью, крыша кроется соломою. Хижина имѣетъ двѣ или три комнаты, полъ у нея изъ утрамбованной земли, меблировка также самая невзыскательная; часто не всѣ члены семьи могутъ спать на кроватяхъ и проводятъ ночь на полу на шкурахъ. Возлѣ фермы, если она расположена въ бѣдной водою мѣстности, крестьянинъ торопится выкопать небольшой прудъ и обращаетъ участокъ земли въ пахотное поле. Часто вокругъ дома разводится фруктовый садъ. Въ такой обстановкѣ буръ ведетъ чисто патріархальную жизнь, окруженный семьей и многочисленными стадами скота. Скотоводство его любимое занятіе. Такія фермы часто значительно удалены одна отъ другой и буръ имѣетъ мало общенія съ сосѣдями. Вечеромъ или во время обѣда отецъ семейства громко читаетъ Библію, которая составляетъ принадлежность каждаго дома.

Центральныя поселенія слишкомъ удалены отъ фермъ, чтобы дѣти могли посѣщать школу, поэтому буръ часто принужденъ обращаться къ услугамъ странствующихъ учителей. Въ этихъ условіяхъ, конечно, народное образованіе не можетъ стоять на надлежащей высотѣ. Правительство поняло опасность такого пробѣла и открыло во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ образовательныя школы разныхъ степеней, но, навѣрное, еще долгое время обитатель полей будетъ довольствоватся умѣніемъ читать, писать и считать. Много молодыхъ людей отправляются въ Европу для полученія высшаго образованія.

Изрѣдка можно встрѣтить полу-кочевыхъ буровъ. Такой образъ жизни ведутъ тѣ колонисты, которымъ достались мѣста, гдѣ зимніе холода слишкомъ чувствительны. Съ наступленіемъ холодовъ они нагружаютъ на огромную повозку все свое движимое имущество, женъ и дѣтей и перебираются въ болѣе теплое мѣсто. Эти повозки, длиною отъ 6 до 7 метровъ, везутъ отъ 16 до 32 быковъ, переѣзжаютъ даже ручьи и рѣчки (см. рис. 4). Такой способъ сообщенія, конечно, не отличается скоростью. Въ настоящее время всѣ большіе центры соединены желѣзными дорогами и одна республика Трансвааль обладаетъ рельсовымъ путемъ въ 1.200 километровъ.

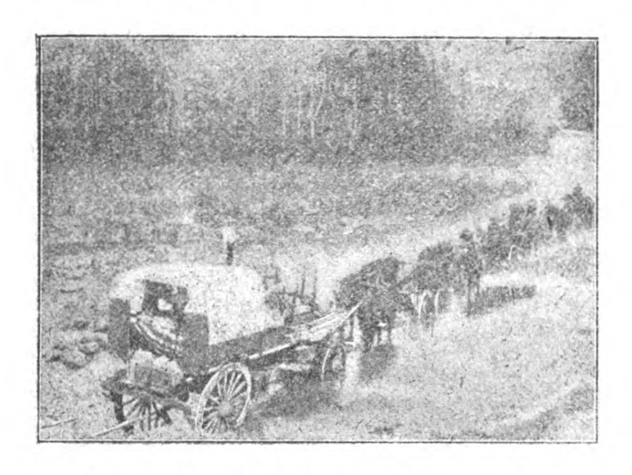

Рис. 4. Повозка буровъ переѣзжаетъ рѣку.

Фермеры женятся очень рано: достигнувъ зрѣлаго возраста, юноша составляетъ списокъ дѣвушекъ сосѣднихъ округовъ, украшаетъ перомъ свою шляпу, садится на коня и начинаетъ свое жениховское путешествіе.

«Явившись въ первый намѣченный домъ, онъ входитъ, не говоря ни слова, достаетъ изъ кармана коробку сушеныхъ сливъ и восковую свѣчку—символическій языкъ, который сразу понятенъ матери и дочери. Сливы предназначаются матери и отъ нихъ никогда не отказываются; свѣча предназначается дѣвушкѣ и послѣдняя можетъ отвергнуть ее; въ этомъ случаѣ женихъ тотчасъ садится на коня и уѣзжаетъ. Если свѣча принята, ее тотчасъ зажигаютъ». (Монтегю).

Возлѣ городовъ и въ городѣ колонисты обуржуазились и живутъ по-европейски. Но здѣсь буры составляютъ ничтожное меньшинство. Въ Іоганнесбургѣ напр., этомъ городѣ золота, выросшемъ въ нѣсколько лѣтъ, считается въ настоящее время 100.000 жителей, въ томъ числѣ европейцы по происхожденію составляютъ едва 50.000 и изъ нихъ больше всего англичанъ. Послѣдніе основали главные коммерческіе банки, торговыя и промышленныя предпріятія.

Буровъ упрекали въ нежеланіи дать права избирателей представителямъ другихъ національностей. Правда, еще не такъ давно требовалось 14-лѣтнее пре-

бываніе въ Трансваалѣ для полученія избирательныхъ правъ. Но, поступая такъ, правительство лишь боролось за свое національноо существованіе. «Мы имѣли еще недавно лишь отъ 10 до 12 тысячъ своихъ избирателей,—говоритъ Крюгеръ,—и намъ грозила опасность быть поглощенными въ волнѣ иммигрантовъ; теперь республика насчитываетъ отъ 30 до 40 тысячъ полноправныхъ гражданъ и мы можемъ нѣсколько шире открыть доступъ къ нашимъ государственнымъ дѣламъ иностранцамъ - эмигрантамъ. Позже мы, быть можетъ станемъ еще болѣе либеральны въ этомъ смыслѣ; но прежде всего буры должны позаботиться о томъ, чтобы не дать своей страны въ руки иностранцевъ».

Правда также, что большая часть налоговъ падаетъ на продукты горнаго промысла. Но нельзя же не признать справедливымъ налогъ на уитлэндеровъ, этихъ иностранцевъ, явившихся на золотые пріиски съ цѣлью быстрой и громадной наживы. И не странно ли, что Англія всегда заступается за уитлэндеровъ, какъ за англійскихъ гражданъ, тогда какъ они представляютъ самую пеструю національную смѣсь.

Таковы буры — народъ непримиримо враждебный англичанамъ и намъ кажется, что все вышеизложенное само по себѣ говоритъ, насколько справедливо это враждебное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, какого бы мнѣнія мы ни держались о національныхъ недостаткахъ буровъ, которые есть и у каждой націи, нельзя не привѣтствовать съ уваженіемъ этотъ маленькій народецъ, который не побоялся всѣхъ ужасовъ войны съ могущественной Англіей, такъ какъ не желалъ преклониться предъ правомъ сильнаго.

И вотъ на порогѣ XX вѣка предъ нашими глазами разыгрывается ужасная, кровавая трагедія. Уже цѣлыхъ четыре мѣсяца тянется братоубійственная война гордящихся цивилизаціей XIX в. народовъ на глазахъ у другихъ цивилизованныхъ націй. И нигдѣ еще не сдѣлано серьезнаго шага къ примиренію враждующихъ сторонъ. И ни конца, ни исхода этой драмы еще не предвидится.

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Новыя изслѣдованія о фигурѣ луны. Одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ особенностей въ движеніи луны является то обстоятельство, что время вращенія ея вокругъ своей оси равняется времени обращенія около земли. Это непосредственно слѣдуетъ изъ того, что луна обращена къ намъ всегда одной и той же стороной своей поверхности—другую мы никогда не видимъ, ничего о ней не знаемъ. Что же касается причинъ такого явленія, то ихъ надо искать въ такъ называемомъ приливномъ треніи. Весьма вѣроятно, что нѣкогда луна была въ жидкомъ состояніи. Тогда вслѣдствіе притяженія земли на ея поверхности — на той сторонѣ послѣдней, которая обращена къ землѣ и какъ разъ противоположной — поднималась волна прилива. При быстромъ вращеніи луны волна эта обтекала кругомъ, но такъ какъ въ жидкой массѣ все-таки была вязкость, которая, конечно, увеличивалась по мѣрѣ охлажденія луны, то являлось извѣстное треніе, которое мѣшало вращенію луны: та часть поверхности луны, которая поднялась вслѣдствіе прилива, стремилась остаться подъ дѣйствіемъ притяженія земли и вслѣдствіе тренія задерживала вращеніе и всей остальной внутренней массы. Съ вѣками вращеніе луны настолько замедлилось, что поднявшаяся вслѣдствіе прилива волна уже не смѣщалась по поверхности, не обтекала кругомъ ея,—всегда одна и та же часть поверхности стала обращенной къ землѣ, луна застыла въ формѣ эллипсоида, вытянутаго по направленію къ нашей планетѣ. Этотъ эллипсоидъ трехъ-осносный, съ тремя неравными осями: меньшая ось—ось вращенія, средняя направлена по направ-

ленію движенія луны при обращеніи послѣдней около земли, наиболѣе длинная направлена къ землѣ.

Этой особенной фигурой луна существенно отличается отъ планетъ, которыя всѣ являются болѣе или менѣе сжатыми эллипсоидами вращенія съ двумя неравными осями.

Впрочемъ, нельзя здѣсь не оговориться, что указанная фигура Луны вытекаетъ только изъ теоретическихъ соображеній, никакія непосредственныя наблюденія не могутъ обнаружить ее передъ нами. Даже сжатіе луннаго диска при полюсахъ, которое, несомнѣнно, должно существовать вслѣдствіе вращенія луны, мы замѣтить не можемъ.

Объ отношеніи величинъ трехъ осей луннаго эллипсоида можно судить по явленію такъ называемой *физической* либраціи. Извѣстно, что мы наблюдаемъ собственно больше половины поверхности луны (приблизительно $^6/_{10}$). Въ извѣстное время, періодически нашимъ взорамъ дѣлается доступнымъ на западномъ и восточномъ краяхъ луннаго диска небольшія части задней стороны, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ и центральныя горки кажутся нѣсколько смѣщенными то въ ту, то въ другую сторону относительно центра видимаго диска. Это явленіе періодическихъ колебаній называется физической либраціей и происходитъ оттого, что вращеніе луны около оси совершается равномѣрно, тогда какъ скорость движенія луны вокругъ земли въ различныхъ частяхъ орбиты различна вслѣдствіе вытянутости послѣдней. Такимъ образомъ, нѣтъ полнаго согласія для каждаго момента въ скорости вращенія и скорости поступательнаго движенія луны около земли. Въ извѣстной части орбиты луна пройдетъ опредѣленное число градусовъ, а повернется вокругъ своей оси на большее, нашимъ взорамъ сдѣлается поэтому доступной на западномъ краю диска нѣкоторая часть задней поверхности; наоборотъ, въ другой области орбиты скорость вращенія менѣе скорости движенія луны около земли, Луна повернется на меньшее число градусовъ сравнительно съ тѣмъ, что пройдетъ по орбитѣ, и на восточномъ краю еще не успѣетъ скрыться нѣкоторая часть задней поверхности. Точно также вслѣдствіе наклонности оси вращенія къ земной орбитѣ, мы будемъ при полюсахъ луны видѣть то большую область, то меньшую. Нѣчто подобное этимъ видимымъ колебаніямъ представляетъ и физическая либрація, съ тѣмъ только отличіемъ, что это явленіе дѣйствительное и что размѣры его гораздо меньше. Физическая либрація какъ разъ и обусловливается неравенствомъ осей луннаго эллипсоида. Допуская, что масса однородна, нашли, что отношенія трехъ осей приблизительно равно

$$1,003 : 1 : 0,9997.$$

Такъ какъ средній діаметръ луны равняется 3.480 кил., то разница трехъ осей, оказывается, не превосходитъ 1 или 2 кил. Опредѣлить ее непосредственно измѣреніями, конечно, чрезвычайно трудно, такъ какъ лунный край очень неправиленъ.

На южномъ полюсѣ, напримѣръ, возвышаются мощныя горныя цѣпи Дервель и Лейбница съ вершинами до 8.000 и 9.000 метровъ. Въ сравненіи съ этими цифрами найденная разница въ осяхъ луннаго эллипсоида, конечно, исчезающе мала. Еще меньше мы получимъ деформацію луннаго корпуса если будемъ судить a priori, основываясь только на разсчетахъ высоты прилива. По Лапласу, приливъ на лунѣ въ 130 разъ больше, чѣмъ на землѣ, гдѣ при медленномъ вращеніи онъ долженъ былъ быть приблизительно въ 1 метръ высоты. Такимъ образомъ, удлиненіе этой оси луннаго эллипсоида, которая направлена къ землѣ, не превзошло бы 130 метровъ.

Знаменитый астрономъ-теоретикъ Ганзенъ, которому мы обязаны теоріей движенія луны и таблицами, удовлетворяющими наблюденіямъ въ достаточной степени точности въ продолженіе уже 50 лѣтъ, на основаніи нѣкоторыхъ сообра-

женій думаетъ, что центръ тяжести луны не совпадаетъ съ геометрическимъ центромъ, что онъ находится сзади отъ послѣдняго на 59 кил. На основаніи этого, русскій астрономъ Гусевъ, измѣривъ два фотографическихъ снимка луны, полученныхъ Деларю, при различныхъ фазахъ либраціи нашелъ удлиненіе оси луннаго эллипсоида чрезвычайно большое—до $5^1/_2$ процентовъ луннаго радіуса, т.-е. приблизительно въ 180 разъ больше того, что можно ожидать изъ физической либраціи и теоріи приливовъ.

Новыя изслѣдованія Франца въ Кенигсбергѣ обнаруживаютъ несостоятельность такого заключенія. Оказывается, у Деларю не были указаны моменты экспозиціи снимковъ и Гусевъ сдѣлалъ относительно ихъ совершенно произвольныя предположенія. Выборъ другихъ моментовъ существенно измѣняетъ результатъ, можно получить гораздо меньшее число и даже совсѣмъ не найти никакого удлиненія.

Имѣя въ своемъ распоряженіи пять новыхъ снимковъ луны, полученныхъ на знаменитой Ликской обсерваторіи, и прекрасный измѣрительный приборъ, принадлежащій Берлинской академіи наукъ, Францъ съ особенной тщательностью старался разслѣдовать вопросъ объ относительной величинѣ діаметровъ луны и истинныхъ разстояніяхъ различныхъ точекъ поверхности отъ центра.

До сихъ поръ измѣрялись высоты лунныхъ горъ относительно окружающей ихъ непосредственно окрестности, опредѣлена также глубина многихъ цирковъ, но свести всѣ эти разности высотъ къ одному уровню не было возможности. Чтобы получить хотя бы приближенный результатъ въ этомъ отношеніи, Францъ старался выяснить вліяніе либраціи на взаимное положеніе нѣкоторыхъ кратеровъ, горныхъ вершинъ и другихъ объектовъ на лунной поверхности. Смѣщеніе вслѣдствіе либраціи относительно видимаго центра луннаго диска можетъ достигать 300 кл. Мы наблюдаемъ его на разстояніи 384.000 кл. Конечно, смѣщеніе вершинъ должно казаться больше, во-первыхъ, потому, что оно, дѣйствительно, больше смѣщенія тѣхъ точекъ, которыя ближе къ центру луннаго эллипсоида, съ другой стороны, потому, что онѣ все-таки ближе къ намъ. Наоборотъ, либрація глубинъ должна быть меньше. Но практическое примѣненіе этого простаго принципа далеко не легкая задача. Очень трудно всякій разъ найти центръ видимаго диска луны, такъ какъ края его не вполнѣ круглы. Поэтому Францъ выбралъ 8 объектовъ близь края и точно опредѣлилъ ихъ положеніе съ помощью кенигсбергскаго геліометра, чтобы пользоваться ими вмѣсто края луны.

Большія трудности также представляютъ самыя измѣренія фотографическаго снимка, потому что часто не знаешь, что собственно измѣряешь: возвышеніе или углубленіе.

Въ кратерахъ, близкихъ къ центру луннаго диска, которые являются намъ большею частью маленькими, свѣтлыми кружками, повидимому, мы наблюдаемъ внутренность, т.-е. нѣкоторое углубленіе, потому что ни краевъ, ни колечка (валъ) не видно.

Въ большихъ кратерахъ Францъ всегда опредѣлялъ положеніе геометрическаго центра тяжести, т.-е. нѣкоторой внутренней точки. Въ отдѣльныхъ возвышенностяхъ выбиралась наиболѣе яркая точка, т.-е. вершина. Нельзя упускать изъ виду, что и серебреныя зернышки въ чувствительномъ слоѣ фотографической пластинки также вредно вліяли на видимость малыхъ кратеровъ и горокъ.

Удлиненіе луны по направленію къ землѣ найдено Францемъ совсѣмъ незначительное, всего только около 2 кил., что въ противоположность результату Гусева находится въ близкомъ согласіи съ теоріей приливовъ и физической либраціи.

Далѣе обнаружилось, что нѣкоторыя обширныя области, въ среднемъ, имѣютъ

болѣе низкій уровень, другія приподняты. Такъ, южная половина луны, въ среднемъ, выше, а сѣверная—ниже. Въ первой масса цирковъ различныхъ размѣровъ, во второмъ преобладаютъ равнины, такъ называемыя моря.

Океанъ Бурь и Море Дождей имѣетъ глубину отъ 2½ до 5 кил. Уровень вокругъ кратера Плинія на Морѣ Спокойствія 3,0, вокругъ Бесселя на Морѣ Ясности—3,5 кил.

Наоборотъ, горная область вокругъ Тарунція возвышается на 3 кил., у Юлія Цезаря на 3,4, у Гиппарха на 2,2, Гершеля на 2,3, Палласа на 3,1 кил. Послѣднія пять точекъ находятся близь центра и окружаютъ очень глубокую впадину, пониженіе которой доходитъ до 66 кил. Она тянется отъ кратера Агриппа до Птоломея. Богатая такъ называемыми трещинами (Rillen) и малыми кратерами область отъ Хигинуса до Тризнеккера, гдѣ въ послѣднее время произошли, повидимому, физическія измѣненія, лежитъ на границѣ этой впадины. Такимъ образомъ, у центра диска, гдѣ долженъ былъ бы быть наибольшій радіусъ, наибольшее удаленіе отъ центра эллипсоида, оказывается углубленіе, значительное пониженіе (до 5 километровъ).

Эти числа очень хорошо согласуются со взглядами французскихъ ученыхъ Loewy и Puiseux, получившихъ недавно лунныя фотографическіе снимки луны. «Моря», повидимому, дѣйствительно суть углубленія, а то, что мы называемъ горными странами, имѣютъ болѣе высокій уровень.

Интересна область вокругъ Рэтикуса. Здѣсь какъ будто бы произошелъ, дѣйствительно, провалъ, возможно, что послѣдуютъ и дальнѣйшія пониженія, образованіе новыхъ трещинъ, кратеровъ и пр.

Можно думать, что причиной пониженія большихъ областей, какъ, напримѣръ, Океана Бурь, является значительный удѣльный вѣсъ почвы въ этомъ мѣстѣ лунной поверхности, наоборотъ, въ высокихъ горахъ, вѣроятно, преобладаютъ легкія породы.

Нѣчто подобное мы имѣемъ и на землѣ. Наблюденія съ маятникомъ обнаруживаютъ, что наши горы состоятъ изъ породъ легкихъ, наоборотъ, въ долинѣ Рейна, на днѣ Адріатическаго моря найдено много глыбъ изъ тяжелыхъ металловъ, особенно плотно должно быть дно нашихъ океановъ.

Конечно, и числа Франца надо считать только приближенными, но, во всякомъ случаѣ, они выясняютъ намъ существенныя свойства лунной поверхности и общую фигуру нашего спутника, которая, оказывается, только незначительно отступаетъ отъ сферы. Въ общемъ, повидимому, разницы въ уровняхъ на лунѣ по сравненію съ земными—больше. Это легко объяснятся тѣмъ, что тяжесть на лунѣ гораздо слабѣе, чѣмъ на землѣ, и что тамъ нѣтъ вѣтровъ и воды, которые на землѣ разрушаютъ вершины и переносятъ массы.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Февраль. 1900 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Публицистика. — Исторія права. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Танъ. «Чукотскіе разсказы». — *Новичъ.* «Маленькая антологія». — *Андерсенъ.* «Сказки».

Танъ. Чукотскіе разсказы. Съ двѣнадцатью рисунками. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 1 р. Далекій и угрюмый сѣверо-восточный уголъ Азіи сталъ давно уже роднымъ въ русской литературѣ, благодаря превосходнымъ очеркамъ и разсказамъ г.г. Короленко, Сѣрошевскаго, Діонео, Гедеонова и другихъ авторовъ, которыхъ случайности судьбы закинули въ эту забытую Богомъ и проклятую людьми страну. Создалась совершенно особая, оригинальная экзотическая литература, посвященная исключительно описанію этого суроваго края и его обитателей, изученныхъ и описанныхъ такъ, какъ ни одинъ уголокъ центральныхъ мѣстностей Россіи. Знакомясь съ этой литературой, какой-нибудь любознательный иностранецъ, недостаточно усвоившій наши русскія условія, долженъ невольно изумиться такому пристрастію русскихъ писателей къ отдаленнымъ странствіямъ въ мѣстахъ за предѣлами полярнаго круга, гдѣ «солнце молчитъ и звуки не грѣютъ», по великолѣпному выраженію Данте, которымъ онъ характеризуетъ ледяной поясъ ада. Ничего подобнаго онъ не могъ бы найти въ литературѣ иностранной и, очарованный своеобразной красотой, суровой прелестью и яркой мощностью картинъ, невольно объяснилъ бы пристрастіе русскихъ писателей къ этому міру особенностями русской души, которая именно здѣсь ищетъ отклика своимъ затаеннымъ мечтаніямъ и выхода для неутолимой тоски неудовлетворенныхъ желаній. Иностранецъ, конечно, ошибся бы, такъ какъ объясненіе гораздо проще, но одно въ его замѣчаніи было бы справедливо. Читая, напр., только что вышедшіе разсказы г. Тана, живо и мѣстами художественно передающіе бытъ и жизнь дикаго, такого чуждаго намъ свободнаго народца, забываешь непроходимую грань, отдѣляющую этотъ народецъ отъ насъ, начинаешь не только интересоваться имъ, но и любить его, какъ что-то близкое и родное. Чтобы такъ вникнуть въ чужую жизнь, забыть себя и на время всецѣло проникнуться настроеніемъ чуждой въ корнѣ природы и чуждымъ бытомъ, надо дѣйствительно обладать нѣкоторой особенностью, меньше всего присущей иностранцу и больше всего понятной русскому. Эту особенность мы бы назвали *умѣньемъ любить*. Иностранецъ, куда бы его ни закинула судьба, всегда остается самимъ собой и, давая превосходныя описанія чужой ему жизни, напр., въ разсказахъ Киплинга, онъ не можетъ отрѣшиться отъ нѣкотораго высокомѣрія. Чувствуется, что въ изображаемомъ мірѣ онъ видитъ прежде всего любопытный предметъ для наблюденія, что этихъ людей онъ можетъ понять и изобразить художественно и ярко, но они все же ему чужды, и грань привычекъ, навыковъ, міровоззрѣнія, отдѣляющая его отъ нихъ, для него непрохо-

дима, да онъ и не желаетъ перейти ее, если бы даже и могъ. Уничтожить эту грань и объединить насъ въ общемъ чувствѣ братства можетъ только любовь, что мы и чувствуемъ въ такихъ чудесныхъ очеркахъ этого отдаленнѣйшаго уголка, какъ упомянутые очерки Короленко или Сѣрошевскаго.

Разсказы г. Тана—изъ той же области, хотя ихъ художественное значеніе несравненно меньше. Преобладающій въ нихъ этнографическій элементъ даетъ себя слишкомъ чувствовать, мѣстами выдвигаясь на первый планъ и цѣликомъ сосредоточивая весь интересъ на себѣ. Въ лучшихъ, однако, разсказахъ, какъ «На Каменномъ мысу», «Кривоногій», «На мертвомъ стойбищѣ», при полномъ соблюденіи мѣстнаго колорита, художественное воспроизведеніе внутренней жизни достигаетъ достаточной полноты и правдивости, и этнографическая сторона только усиливаетъ и подчеркиваетъ оригинальность картины. Въ остальныхъ очеркахъ—«Праздникъ», «На рѣкѣ Россомашьей», «У Григорьихи», «Русскій Чукча»—этнографія всецѣло преобладаетъ надъ беллетристикой. Эти очерки даютъ полную картину быта и удивительно оригинальныхъ особенностей чукотской жизни, какъ, напр., перемѣна пола: подъ вліяніемъ особаго настроенія, юноша начинаетъ воображать себя женщиной и вполнѣ входитъ въ роль женщины, всѣ обязанности и свойственныя ей привычки онъ выполняетъ настолько полно, что даже выходитъ замужъ. Обыкновенно эта странность связана съ влеченіемъ къ шаманству, хотя такіе мужчины-женщины могутъ и не быть шаманами.

Г. Танъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, поэтъ, и его переводы изъ Маріи Конопницкой, Ады Негри и Шелли очень выразительны и пластичны, будучи въ то же время очень близки къ подлиннику. Эта черта г. Тана мало сказывается, однако, въ языкѣ его разсказовъ. Правда, онъ изобилуетъ эпитетами, но это дѣлаетъ его нѣсколько излишне цвѣтистымъ. Мѣстами языкъ грубоватъ, хотя вообще слогъ г. Тана подходитъ къ описанію дикой и грубой жизни чукчей. *А. Б.*

Маленькая антологія. Поэты Швеціи. Изданы подъ ред. Н. Новича. Спб. 1900 г. Ц. 50 к. Объ издаваемой подъ редакціей г. Новича «Маленькой антологіи» намъ уже приходилось говорить по поводу переводовъ Бёрнса и Пэтэфи *). Новый выпускъ, посвященный поэтамъ Швеціи, далеко не такъ удовлетворителенъ, какъ отмѣченный нами тогда. Прежде всего бросаются въ глаза тяжесть стиха и его дѣланность, что мѣстами уничтожаетъ всякую иллюзію поэзіи. Издатель, повидимому, чувствуетъ это и самъ, оговаривая въ предисловіи, что большая часть переводовъ сдѣлана не съ оригиналовъ, а съ перевода на нѣмецкій или французскій языки, или же съ подстрочнаго перевода. Такой способъ перевода не могъ, конечно, не отразиться на его качествѣ. Вообще, переводить съ перевода сколько-нибудь оригинальную вещь—значитъ ее только портить, такъ какъ даже самый лучшій переводъ не можетъ уловить и передать всѣхъ оттѣнковъ оригинала. Еще менѣе допустимо это для стиховъ, въ которыхъ каждая строчка, каждый знакъ имѣетъ въ оригиналѣ свое особое значеніе. При переводѣ часть этихъ особенностей обязательно исчезнетъ, а при переводѣ съ перевода—и ничего не останется. Этимъ, намъ кажется, только и можно объяснить не только тяжеловѣсность почти всѣхъ переводовъ, вошедшихъ въ настоящій выпускъ, но и ихъ прозаичность. Рядомъ съ ними помѣщены переводы Грота непосредственно съ оригинала, которые подчеркиваютъ эту отрицательную сторону своихъ сосѣдей. Кромѣ того, попадаются стихи, прямо невозможные, какъ, напр., «Пѣсня жнецовъ», въ которой первый куплетъ построенъ противно грамматикѣ:

---

*) См. «М. Б.», «Библ. отд.», ноябрь 1896 г. «Съ чужихъ полей». «Маленькая антологія».

Какъ въ душный зной ты день-деньской
На полѣ рожь прожнешь,
Куда какъ милъ пріютъ родной,
Смѣясь тебѣ сквозь рожь.

Благодаря такимъ крупнымъ недочетамъ, трудно составить сколько-нибудь опредѣленное представленіе о сущности поэзіи Швеціи. Преобладающій во всѣхъ приводимыхъ образцахъ минорный тонъ, какая-то вялость и тусклость описаній, вѣроятно, слѣдовало-бы отнести къ неудачности переводовъ, потому что въ переводахъ Грота этого уже не замѣчается, хотя его переводы не очень красивы по формѣ. Достоинствомъ этого выпуска являются краткія біографическія данныя о каждомъ поэтѣ, съ перечисленіемъ выдающихся произведеній каждаго, что даетъ хотя внѣшнее знакомство съ ними.

Нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія о принятой редакціей формѣ— писать стихи съ малой буквы. Мы такъ привыкли къ тому, чтобы каждый стихъ начинался съ большой буквы, что это новшество пренепріятно рѣжетъ глаза, въ то же время нисколько не содѣйствуя внутренней красотѣ. Зачѣмъ это понадобилось редакціи—совершенно не понимаемъ. Къ числу многихъ условностей стихосложенія принадлежитъ и прописная буква въ началѣ каждаго стиха, и уничтожать ее мы рѣшительно не видимъ никакого основанія. *А. Б.*

Сказки Андерсена. Пер. А. Н. Ганзенъ. Съ иллюстраціями Тегнера. 42 отдѣльныя гравюры и 189 рис. въ текстѣ Спб. Изд. А. В. Девріена. Говорить о несравненной прелести сказокъ Андерсена не приходится, онѣ слишкомъ хорошо знакомы и старому, и малому. Мы хотимъ лишь отмѣтить выходъ настоящаго изданія г. Девріена, которое отличается не только своей роскошью, но и рѣдкими художественными достоинствами. Гравюры и рисунки сами по себѣ могутъ доставить огромное удовольствіе, такъ превосходно дополняютъ они и поясняютъ текстъ. Каждый рисунокъ удивителенъ по замыслу и выполненію. Фантазія и реальность соединены въ нихъ съ тѣмъ совершенствомъ, какое доступно только истинному мастеру. Каждый штрихъ, каждая отдѣльная фигура запечатлѣваются въ памяти, какъ типы, и герои сказокъ выступаютъ съ жизненностью, близкой къ дѣйствительности. Это не такъ поражаетъ, когда рѣчь идетъ о людяхъ, но въ массѣ сказокъ дѣйствующими лицами выступаютъ неодушевленные предметы, которымъ художникъ съумѣлъ придать поразительно типичныя черты. Выполненіе также превосходно. Вообще, вся внѣшность изданія такъ хороша, что самая придирчивая критика едва-ли нашла-бы какіе недостатки. Великолѣпная бумага, крупный, четкій и красивый шрифтъ, художественный переплетъ даютъ всему изданію видъ настоящаго шедевра въ художественно-типографскомъ искусствѣ. *А. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Л. Іолли. «Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы».—*Э. Демоленъ.* «Новое воспитаніе».—*Е. Берсъ.* «О причинахъ разоренія земледѣльческой Россіи».

Л. Іолли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Переводъ съ нѣмецкаго А. Санина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 1 рубль.

Названная работа тюбингенскаго профессора полицейскаго права Iolly— фамилія котораго, не въ укоръ переводчику будь замѣчено, произносится соотечественниками не Іолли, а Жолли—входитъ въ составъ извѣстнаго «Handbuch der politischen Oekonomie», изданнаго подъ редакціей Шёнберга. Статьи указаннаго «Руководства» вообще не представляютъ сколько нибудь занимательнаго

чтенія для широкаго круга читателей—онѣ не для этого и назначены, —но трудъ Жолли даже среди нихъ поражаетъ своей сухостью и безжизненностью.

Скука, которою вѣетъ отъ этой книжки, обусловливается прежде всего тѣмъ, что авторъ крайне съузилъ свою задачу. Законы и указы, регулирующіе организацію низшаго, средняго и высшаго образованія въ различныхъ европейскихъ странахъ, уставы и программы народныхъ школъ, гимназій и университетовъ, количество учебныхъ заведеній, бюджеты ихъ, цифры учащихъ и учащихся, плата за ученье и вознагражденіе преподавателей, да кое-какія сюда же относящіяся замѣтки принципіальнаго и историческаго свойства—дальше этого онъ не счелъ нужнымъ идти. О томъ, что соотвѣтствуетъ начерченнымъ имъ схемамъ въ дѣйствительной жизни различныхъ европейскихъ странъ, онъ систематически умалчиваетъ. Позволю себѣ пояснить отношеніе Жолли къ дѣйствительности на такомъ примѣрѣ. Жолли сравниваетъ французскій лицей и нѣмецкую классическую гимназію. «Что касается организаціи преподаванія, то въ этомъ отношеніи французскіе лицеи отличаются отъ германскихъ гимназій, главнымъ образомъ, тѣмъ, что на одинъ предметъ употребляется постоянно 2 или $1^{1}/_{2}$ урока подрядъ, что число недѣльныхъ уроковъ равняется только 20 (въ нѣкоторыхъ классахъ $20^{1}/_{2}$, въ «философіи» 15) и что въ высшемъ классѣ проходится лишь философія (въ связи съ чтеніемъ латинскихъ и греческихъ классиковъ), исторія и естественныя науки, кромѣ того 12 уроковъ въ годъ отводится для преподаванія гигіены. Экзамены зрѣлости производятся не средне-учебными заведеніями, а факультетами; объ нихъ мы скажемъ ниже». (Стр. 147). Всякій читатель съ полнымъ правомъ сочтетъ возможнымъ сдѣлать отсюда выводъ, что, въ сущности, между лицеемъ и гимназіей почти никакой разницы нѣтъ— и впадаетъ при этомъ въ тяжкое заблужденіе. Лицей, какъ сообщаетъ Жолли, самъ по себѣ не даетъ никакихъ правъ: экзамены зрѣлости производятся въ государственныхъ испытательныхъ коммиссіяхъ. Отсюда слѣдствіе, о которомъ Жолли не упоминаетъ: лицей и не считаетъ себя въ правѣ такъ регулировать занятія воспитанниковъ, какъ дѣлаетъ нѣмецкая гимназія. Переходныхъ экзаменовъ въ немъ нѣтъ. Если воспитанникъ оказываетъ слабые успѣхи, то въ концѣ года начальство лицея доводитъ до свѣдѣнія родителей, что, по мнѣнію наставниковъ, ихъ сынъ не можетъ съ пользой для себя слѣдить за курсомъ высшаго класса; но рѣшеніе этого вопроса всецѣло предоставляется волѣ и отвѣтственности родителей. Такимъ образомъ, второгодники въ лицеяхъ рѣдкость, напротивъ того, способные мальчики довольно часто перепрыгиваютъ чрезъ тотъ или другой классъ. Но этого мало. На самомъ экзаменѣ зрѣлости отъ кандидатовъ вовсе не требуютъ болѣе или менѣе равномѣрнаго знанія всѣхъ предметовъ, включенныхъ въ его программу. Можно получить даже нуль по одному изъ нихъ и покрыть его блестящими отмѣтками по другимъ. Эта особенность экзамена, о которой опять-таки забываетъ упомянуть Жолли, вліяетъ, въ свою очередь, на свободу занятій въ лицеѣ. Разъ юноша считаетъ какую-нибудь изъ лицейскихъ наукъ для себя безполезной, онъ, хотя и съ нѣкоторымъ рискомъ, но можетъ все-таки почти ею не заниматься. Въ такомъ опальномъ положеніи находится, напримѣръ, въ настоящее время у большинства французскихъ лицеистовъ греческій языкъ. По оффиціальнымъ докладамъ профессоровъ, производящихъ экзаменъ зрѣлости, за послѣднія 15 лѣтъ изъ 10 кандидатовъ 8 оказывались неизмѣнно не въ состояніи проспрягать глаголъ λύω въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія. Такимъ образомъ, и порядокъ занятій, и дѣйствительное ихъ содержаніе оказываются въ лицеѣ, вопреки тождеству программъ, значительно иными, чѣмъ въ гимназіи. Но у Жолли ничего подобнаго не узнаешь: для него главная разница между помянутыми заведеніями сводится къ числу недѣльныхъ уроковъ.

Однако, даже простое знакомство съ формальной стороной организаціи

образованія въ различныхъ государствахъ само по себѣ представляетъ вещь, которою пренебрегать мы не имѣемъ права. Школьные законы и программы не слѣдуетъ принимать за изображеніе школьной дѣйствительности, но они все же составляютъ крупную часть этой дѣйствительности, и если бы Жолли, ограничиваясь самимъ имъ выбранными вопросами, представилъ намъ ихъ въ сколько-нибудь научномъ освѣщеніи, то за работой его, несомнѣнно, слѣдовало бы признать значительную степень цѣнности. Въ соотвѣтственной старинной работѣ Лоренца Штейна «Das Bildungswesen» (1868 г.) онъ имѣлъ предъ собой и прекрасный образчикъ того, чѣмъ должна являться научная постановка вопросовъ этой области. Найти тѣ принципы, которые руководили школьнымъ законодательствомъ въ различныхъ государствахъ, уловить ихъ зависимость отъ общихъ политическихъ и соціальныхъ условій жизни каждой отдѣльной страны, показать, далѣе, какъ они осуществлены были въ школьномъ строѣ, и описать органы этого строя въ связи съ ихъ функціями — такъ ставилъ свою задачу Штейнъ. Но у Жолли мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Онъ взялъ себѣ за образецъ не Штейна, а просто-на-просто «Школьные ежегодники», какіе издаются въ практическихъ цѣляхъ по разнымъ европейскимъ странамъ. Сборникъ календарныхъ свѣдѣній относительно низшаго, средняго и высшаго образованія въ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Бельгіи—вотъ наиболѣе подходящее обозначеніе характера его книги. Ей предпослано, правда, небольшое теоретическое введеніе; но чтобы судить о степени его научности, довольно слѣдующаго примѣра. Жолли разсуждаетъ о женскихъ гимназіяхъ. «Къ своей главной жизненной задачѣ, заключающейся въ заботахъ о семьѣ, женщина дожна подготовляться преимущественно дома (въ кухнѣ?); затѣмъ, дѣвушки могутъ посвящать школѣ меньшее число лѣтъ сравнительно съ мальчиками; въ виду этихъ двухъ обстоятельствъ женская средняя школа далеко не имѣетъ такого значенія, какъ мужская» (стр. 22). И такъ ведутся Жолли всѣ принципіальныя разсужденія. Разъ какой-нибудь порядокъ установился въ Германіи, то, значитъ, это и есть истинный порядокъ, ибо «все существующее въ Германіи—разумно».

Что касается цѣнности работы Жолли, какъ школьнаго календаря, то она тоже очень невелика; сообщаемыя имъ свѣдѣнія страдаютъ неполнотой и чрезмѣрной краткостью. Прежде всего, Жолли, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, опустилъ въ своей статьѣ всю обширную область профессіональнаго образованія. Но и принятыя имъ въ программу учрежденія описываются самымъ поверхностнымъ образомъ. Если бы кто-нибудь вздумалъ, напримѣръ, справиться у Жолли, какъ поставлено преподаваніе естественныхъ наукъ во французскихъ университетахъ, то онъ нашелъ бы только одно указаніе. «Естественно-научныхъ факультетовъ во Франціи всего 15. Они раздаютъ учащимся степени магистра и доктора» (стр. 153). Не болѣе того узнаешь у Жолли и про другіе факультеты.

Вдобавокъ ко всему этому, русскій переводъ книги сдѣланъ въ высокой степени небрежно. Рѣчь идетъ, напримѣръ, про образовательный цензъ преподавателей во французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Учителя лицеевъ и коллежей,—читаемъ мы,—назначаются министромъ народнаго просвѣщенія. Часть ихъ выдержала только выпускной экзаменъ, часть имѣетъ званіе licencié ès lettres (магистръ словесности) или licencié ès sciences (магистръ наукъ) и лишь немногіе избранные пріобрѣли, сдавая особый экзаменъ, титулъ agrégé (докторъ)» (стр. 145). Передавъ здѣсь термины licencié и agrégé словами «магистръ» и «докторъ», переводчикъ дальше считаетъ уже возможнымъ держаться этого, не прибавляя въ скобкахъ подлинныхъ французскихъ обозначеній указанныхъ статей. Такъ, на стр. 153 мы прямо уже читаемъ: «естественно-научные факультеты раздаютъ учащимся степень магистра и доктора». Такимъ

образомъ, всякій читатель, конечно, составитъ себѣ самое лестное представленіе о составѣ французскихъ гимназическихъ преподавателей. Одни сдали, правда, лишь «выпускной экзаменъ», но откуда? Надо полагать изъ университета. Другіе—магистры; избранные же—доктора. Жолли сообщаетъ гораздо болѣе плачевныя вещи. Значительная часть учителей имѣютъ лишь аттестатъ зрѣлости (Abiturienten-prüfung — «выпускной экзаменъ» русскаго переводчика значитъ испытаніе на аттестатъ зрѣлости); другіе пробыли въ университетѣ немного больше года (степень licencié, которой у насъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго, получается студентами на филологическомъ и физико-математическомъ факультетѣ, обыкновенно, черезъ годъ по ихъ вступленіи въ университетъ); и только избранные обладаютъ свидѣтельствомъ изъ государственной испытательной коммиссіи о томъ, что они прошли полный университетскій курсъ по своему отдѣлу наукъ (замѣчу, мимоходомъ, въ интересахъ истины, что свѣдѣнія, сообщаемыя Жолли, относятся теперь почти ужъ къ области прошедшаго). Но спрашивается, откуда переводчику могла придти странная мысль счесть licenciés за магистровъ, а agrégés за докторовъ? Объясняется это такъ. Во Франціи есть два рода agrégés—agrégés des facultés и agrégés des lycées. Agrégés des facultés, дѣйствительно, имѣютъ докторскую степень; экзаменъ на agrégé des lycées ничего общаго съ докторской степенью не имѣетъ. Спутавшись здѣсь, переводчикъ, затѣмъ, послѣдовательно обратилъ licenciés въ магистровъ. А можетъ быть и просто онъ писалъ по вдохновенію минуты. По вдохновенію же онъ сообщаетъ намъ, что «курсъ ученія на французскихъ факультетахъ однолѣтній» (стр. 152). Не очень ясно. Далѣе, какъ надо понимать такое сообщеніе: «къ приглашаемымъ въ частную школу учителямъ предъявляется лишь одно требованіе — *чтобы они не подвергались тяжкимъ наказаніямъ*» (стр. 150). Но верхъ совершенства—это разсказъ переводчика, «что во Франціи католическая церковь содержитъ въ каждой епархіи гимназію (petit séminaire), находящуюся въ вѣдѣніи епископа и *предназначенную для воспитанія дѣтей священниковъ*». (стр. 150). Нѣтъ, если живущимъ въ безбрачіи французскимъ священникамъ и случается иногда имѣть дѣтей, то они объ этомъ своимъ епископамъ не сообщаютъ. *Н. Сперанскій.*

Э. Демоленъ. Новое воспитаніе. Реформа средняго образованія съ замѣной классицизма болѣе практическимъ обученіемъ. Пер. съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Ц. 80 к. Москва. 1900 г. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Настоящая книжка составлена изъ двухъ книгъ того же Демолена—«Въ чемъ заключается превосходство англо-саксонской расы» и «Новое воспитаніе». Обѣ переведены уже на русскій языкъ, но и настоящее изданіе не теряетъ своего значенія, такъ какъ въ немъ даны главныя и существенныя части двухъ первыхъ. Демоленъ выступаетъ здѣсь съ безпощадной критикой средней школы во Франціи, и то, что онъ говоритъ о французской классической школѣ, вполнѣ своевременно и умѣстно теперь у насъ. Прежде всего, онъ подчеркиваетъ исключительно бюрократическій характеръ средней школы, которая преслѣдуетъ одну цѣль—приготовленіе чиновниковъ. «Идеальный чиновникъ,—говоритъ авторъ,—долженъ отречься отъ своей воли; онъ долженъ быть дрессированъ къ послушанію; онъ долженъ исполнять безъ разсужденія приказанія своего начальства. Онъ, въ сущности, есть ни что иное, какъ орудіе въ рукахъ другого человѣка». Школа такъ и устроена, чтобы съ перваго же шага новаго воспитанника стереть съ него все, что отличаетъ его отъ другихъ. Все приноровлено въ ней такъ, чтобы вытравить въ немъ волю, инициативу, энергію и замѣнить всѣ эти драгоцѣннѣйшія въ жизни качества однимъ послушаніемъ. Школьный режимъ «подавляетъ у молодого человѣка привычку къ свободной и непосредственной дѣятельности и убиваетъ оригинальность. Всѣ разнообразныя способности отливаются по одной одинаковой формѣ и изъ нихъ создаются орудія,

готовыя подчиняться толчку, получаемому извнѣ. Это послушаніе тѣмъ болѣе пассивно, что режимъ экзаменовъ не развиваетъ способности размышлять и разсуждать. Второпяхъ проглатывается, худо ли, хорошо ли, громадная масса предметовъ, причемъ работаетъ только память. Какъ въ свое время безъ разсужденія принималось преподаваніе, цѣликомъ заключавшееся въ программахъ, такъ будутъ приняты, не колеблясь, приказанія, исходящія отъ бюрократической іерархіи. Наконецъ, развѣ это преподаваніе и эти приказанія не исходятъ отъ одного и того же источника—отъ государства? Въ годы нашего ученія оно намъ передало свое ученіе; въ годы нашего чиновничества оно намъ передаетъ свои инструкціи; значитъ, ничего не измѣнилось».

Однако, именно государство недовольно школой теперь. Подавивъ всѣ общественныя требованія и создавъ школу по своему подобію и образцу, это государство заявляетъ теперь, что школа не дала того, что отъ нея ожидалось. Такое заявленіе сдѣлалъ германскій императоръ въ своей знаменитой рѣчи о необходимости школьной реформы. Практическія ея результаты неудовлетворительны, такъ какъ огромное большинство воспитанниковъ, прошедшихъ классическую гимназію, не способны «къ борьбѣ за жизнь». Слабые физически и недалекіе по умственному развитію, они плохи, какъ исполнители, и никуда не годны, какъ руководители. Отчего же это произошло? Вѣдь школу приноравляли именно чиновники и именно въ цѣляхъ бюрократическаго режима? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Демоленъ очень вѣрный: жизнь переросла бюрократію. Бюрократія—это застой, это—строго опредѣленныя рамки, изъ которыхъ нѣтъ и не должно быть выхода. Никакой эволюціи бюрократія по самому существу своему не допускаетъ. Всякая перемѣна, всякое новшество ей враждебно, такъ какъ нарушаетъ правильное теченіе дѣлъ, гдѣ каждое тѣсно связано съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а все вмѣстѣ исходитъ изъ единаго центра. Между тѣмъ, пока бюрократія приноравляла школу, жизнь стала приноравлять къ себѣ самую бюрократію, которая на всѣхъ пунктахъ оказалась неспособной выдержать экзаменъ новыхъ условій жизни, экзаменъ, ничего общаго не имѣющій съ государственнымъ. «Міръ роковымъ образомъ вступилъ на путь матеріальныхъ преобразованій, на которыхъ невозможно остановиться. Это совершенно порываетъ съ прошедшимъ, которое стремилось къ устойчивости, къ неподвижности. Между человѣкомъ прошлаго и человѣкомъ настоящаго такая же разница, какъ между солдатомъ, защищающимъ крѣпость, и солдатомъ, сражающимся въ открытомъ полѣ... Этотъ кризисъ направляетъ человѣка къ новому положенію: отнынѣ онъ не можетъ, какъ прежде, быть заключенъ въ извѣстныя рамки; онъ не можетъ уже разсчитывать на неизмѣнное окружающее его общество, на привычки, приспособленныя исключительно къ данной средѣ»... Отсюда выводъ—«воспитаніе, вмѣсто того, чтобы прилаживать человѣка къ этимъ рамкамъ, т.-е. пріучать его опираться на окружающую среду, на учрежденія даннаго времени, вродѣ мнимой административной дѣятельности, вообще готовыхъ и обезпеченныхъ положеній, не требующихъ ни усилій, ни иниціативы, и которыя могутъ внезапно измѣнить,—воспитаніе должно дать привычку опираться на самого себя, обходиться безъ посторонней помощи и не теряться при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ».

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть уничтоженіе классической школы. Ибо,—по остроумному опредѣленію Жюля Леметра,—окончившій классическую школу «это—милый молодой человѣкъ, который не знаетъ ни латинскаго, ни греческаго языковъ, но который зато не знаетъ ни новыхъ языковъ, ни географіи, ни естественныхъ наукъ. Однимъ словомъ, это чудо круглаго невѣжества». Демоленъ даетъ затѣмъ описаніе новой школы въ Англіи, устроенной по семейному типу, съ широкой программой физическихъ занятій и примѣняющейся къ индивидуальности каждаго воспитанника. Онъ помѣстилъ

туда своего сына и приводитъ аттестацію успѣховъ, полученную имъ отъ директора этой школы въ концѣ года. Аттестація заканчивалась словами: «я думаю, вы найдете, что вашъ сынъ сталъ болѣе крѣпкимъ физически, болѣе независимымъ по характеру и болѣе способнымъ управлять своими поступками».

Въ книгѣ приводится также уничтожающая критика дрессировки въ классической французской школѣ, какъ-будто списанная съ нашихъ гимназій, и подробно разработанная программа новой школы, которою Демоленъ желалъ бы замѣнить нынѣ существующую. Какъ бы ни былъ далеко его идеалъ отъ нашей дѣйствительности, все-таки поучительно и полезно ознакомиться съ ними. Мы видимъ здѣсь, какъ люди, разъ сознавъ зло, начинаютъ борьбу съ нимъ съ самаго главнаго, уничтожая въ корнѣ причину этого зла, т.-е. тотъ мертвящій формализмъ, который превратилъ среднюю школу во Франціи не въ воспитательное учрежденіе, а въ тюремно-исправительное, куда поступаютъ юные, полные свѣжести и силъ мальчики, а выходятъ оттуда, по опредѣленію того же Леметра, «совершенными уродами, удивительными образцами ничтожества».

А. Б.

О причинахъ разоренія земледѣльческой Россіи. Елисаветы Берсъ. Спб. 1899. Е. Берсъ негодуетъ на то, что вопросъ о причинахъ паденія русскаго сельскаго хозяйства экономисты предпочитаютъ, «сложивъ руки», объяснять міровыми явленіями и забываютъ, что Россія «по необъятности своего пространства, многочисленности населенія и поразительному количеству производимаго зерна» гораздо болѣе вліяетъ на цѣны зерна и земледѣльческихъ продуктовъ, чѣмъ другія страны. Истинная причина, впервые открытая г-жею Берсъ, заключается въ дифференціальномъ желѣзнодорожномъ тарифѣ, который вреденъ и для западныхъ губерній, ставя ихъ въ невыгодное положеніе по отношенію къ рынку сравнительно съ восточными, и для восточныхъ, извлекая оттуда хлѣбные запасы, нужные на мѣстѣ... Этотъ тарифъ нарушаетъ нормальное теченіе зерна по путямъ естественнаго географическаго его слѣдованія (Волга), уничтожаетъ возможность продавать зерно не въ сыромъ, а въ отдѣланномъ видѣ, отдаетъ всю торговлю въ руки евреевъ-коммиссіонеровъ, отнимаетъ возможность сбывать зерно на востокъ (?). «Зерно, которое везутъ по дифференціальному тарифу дешевѣетъ съ каждой верстой движенія» (стр. 14); наконецъ, Германія, благодаря все тому же дифференціальному тарифу, получаетъ изъ Россіи хлѣбъ для рабочихъ, *желѣзо* (!) и *топливо* для машинъ и т. д. съ огромной преміей на провозѣ (относительно этого «открытія» экспорта русскаго желѣза—см. стр. 22). Выводъ изъ всего этого слѣдующій: «ни льготы по долгамъ и ссудамъ, ни законодательныя реформы въ правовомъ порядкѣ жизни общинъ, ни зернохранилища, ни даже образованіе голоднаго народа, ничто не можетъ имѣть прочнаго и благотворнаго вліянія безъ отмѣны вредныхъ, обезцѣнивающихъ наши продукты и опустошающихъ наши окраины дифференціальныхъ тарифовъ. Намъ нужны дешевые, поверстные тарифы, какъ справедливые регуляторы движенія въ нашемъ стихійномъ и необъятномъ пространствѣ».

Въ статьѣ «О великорусской общинѣ» г-жа Берсъ, разобравши общину «въ климатическомъ (sic!), экономическомъ и бытовомъ отношеніи» (стр. 27), предлагаетъ проектъ реформы земельныхъ отношеній въ общинѣ, сущность которой заключается въ установленіи майората: собственникомъ надѣла долженъ быть сдѣланъ, фактически и юридически, старшій въ родѣ. «Право наслѣдія надѣломъ» должно переходить по нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, какъ заповѣдное имѣніе, безъ участія другихъ братьевъ и безъ дѣлежа между ними. Остальные члены семьи должны имѣть право пользоваться этимъ надѣломъ въ подчиненіи старшему собственнику, должны участвовать въ обработкѣ надѣла, въ повинностяхъ и во всей экономической жизни семьи. Если же они не захотятъ слушаться его или міра, которому предоставлено рѣшать

всѣ споры и недоразумѣнія, то имъ *«можно дозволить»* (значитъ, можно и не дозволить?) съ голыми руками уйти изъ общины... Впрочемъ, г-жа Берсъ не настаиваетъ на немедленномъ осуществленіи своей реформы и находитъ, что сначала нужно избавить объектъ этихъ реформъ отъ періодическихъ голодовокъ. Такъ какъ мы полагаемъ, что отмѣны дифференціальнаго тарифа не достаточно для того, чтобы на Руси водворилось изобиліе и благоденствіе, и задача избавленія массы русскаго населенія отъ голодовокъ въ ближайшемъ будущемъ не будетъ рѣшена, то можемъ со спокойной совѣстью отложить въ долгій ящикъ обсужденіе своеобразнаго, по меньшей мѣрѣ, проекта. Сказаннаго достаточно для того, чтобы придти къ заключенію, что совершенно напрасно г-жа Берсъ извлекла свои статьи изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ онѣ первоначально печатались. Мы не стали бы и упоминать объ этой ничтожной брошюркѣ, если бы ея заглавіе не могло заинтересовать легковѣрную публику.

Г. Михинъ.

ИСТОРІЯ ПРАВА.

Н. Благовѣщенскій. «Четвертное право».

«Четвертное право»: Изслѣдованіе Н. А. Благовѣщенскаго. VIII+538. Москва. 1899. Въ предисловіи къ своему обширному изслѣдованію г. Благовѣщенскій говоритъ, что его работа посвящена рѣшенію двухъ вопросовъ: 1) опредѣленію четвертнаго права, какъ юридической нормы, и 2) изученію «четвертного права», какъ формы однодворческаго землевладѣнія. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ въ высшей степени важно какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Мы до сихъ поръ не знаемъ въ точности, что̀ такое четвертное право, а между тѣмъ, жизнь полуторамилліоннаго однодворческаго населенія зиждется въ значительной степени на этомъ правѣ. Въ дѣйствительности же авторъ значительно расширилъ рамки своего изслѣдованія: кромѣ рѣшенія указанныхъ вопросовъ, онъ сообщилъ много въ высшей степени интересныхъ данныхъ о колонизаціонномъ движеніи однодворцевъ и присоединилъ еще рядъ мѣстныхъ (по губерніямъ) изслѣдованій формъ однодворческаго землевладѣнія. Монографія г. Благовѣщенскаго является первымъ крупнымъ шагомъ въ изученіи «четвертного права» по памятникамъ русскаго законодательства и матеріаламъ земской статистики. Уже это одно даетъ ей право на особенное вниманіе читателей.

Тѣмъ болѣе жаль, что г. Благовѣщенскій приступилъ къ своему изслѣдованію съ предвзятой мыслью. Идеаломъ эволюціи формъ крестьянскаго землевладѣнія представляется ему уравнительно-душевая община: въ ней онъ видитъ залогъ благоденствія русскаго крестьянства и съ этой точки зрѣнія разбираетъ всѣ историческія явленія, вліявшія на жизнь однодворцевъ. Прежде всего онъ даетъ новое, очень расширенное опредѣленіе земельной общины. «Община по его мнѣнію, есть такая форма общежитія, при которой группа семей связана между собой единствомъ юридическаго основанія своего землевладѣнія». Подъ такое опредѣленіе подходятъ, по мнѣнію автора, какъ «однодворцы, происшедшіе отъ одного родоначальника», такъ и «тяглые крестьяне, несущіе одинаковое за землю тягло, стрѣльцы, испомѣщенные одной жалованной грамотой и даже ссыльные, водворенные на казенномъ участкѣ». Пользуясь этимъ опредѣленіемъ, авторъ уже безъ труда находитъ, что всѣ четвертные владѣльцы образовывали общины и что участково-подворнаго землевладѣнія у нихъ не было. «Ни подворнаго, ни участковаго владѣнія я до сихъ поръ нигдѣ не нашелъ и, кажется, никогда не найду: это чисто бюрократическое измышленіе встрѣчается только на

бумагѣ». Итакъ вездѣ—община и неизбѣжно связанная съ нею (по мнѣнію автора) черезполосица. «Спрашивается—говоритъ авторъ,—почему при такой шири и глади и Божьей благодати, какая была на Руси, русскіе люди дѣлили свои помѣстья не къ одной сторонѣ, а именно чрезполосно? Неужели они не понимали выгодъ особняковъ, выгодъ участковаго владѣнія? Вотъ, подумаешь, непросвѣщенные мужики! Да, представьте себѣ, что они были до того глупы, что не понимали выгодъ отдѣльныхъ участковъ, скажу даже больше—они бунтовали противъ особняковъ... Мало того, они не только не понимали всей прелести того, что нынѣ почитается у многихъ идеаломъ, они считали этотъ идеалъ нелѣпою глупостью, обидной несправедливостью»... и т. д. Можно было бы, словомъ, подумать, что эти однодворцы XVII в. всѣ читали г. *В. В.*, а не просто переносили на окраины установившіеся въ московскомъ центрѣ порядки.

Подъ дальнѣйшимъ вліяніемъ историческихъ событій однодворческое землевладѣніе испытываетъ рядъ измѣненій. Въ московскій періодъ, по мнѣнію автора, правительство всячески заботится о своихъ служилыхъ людяхъ и своей здравой, разсудительной политикой насаждаетъ на Руси общинное землепользованіе. Нельзя отрицать, дѣйствительно, что Москва заботилась о служилыхъ людяхъ, но было бы ошибочно думать, что забота эта шла дальше, чѣмъ требовали собственные интересы правительства. Подчеркиваемый г. Благовѣщенскимъ фактъ недопущенія «московскихъ капиталистовъ» (старшихъ служилыхъ людей) захватывать помѣстья по юго-восточной границѣ объясняется просто желаніемъ правительства сохранить скудный земельный фондъ, необходимый для испомѣщенія мелкихъ людишекъ—сохранить его для службы, а никакъ не изъ симпатіи къ этимъ «людишкамъ». Вполнѣ понятно поэтому, что когда во время Петра Великаго произведена была военная реформа, украинныхъ служилыхъ людей предоставили ихъ собственной судьбѣ, такъ какъ въ ихъ службѣ больше не нуждались. Г. Благовѣщенскій ничего не имѣетъ противъ превращенія служилыхъ людей въ крестьянъ мѣрами Петра, но думаетъ, что Петръ Великій сдѣлалъ грандіозную ошибку и несправедливость, изоброчивъ земли однихъ только мелкихъ служилыхъ людей. Дѣло тутъ въ томъ, конечно, что Петръ Великій отъ болѣе крупныхъ помѣщиковъ могъ еще ожидать и требовать болѣе дѣятельной службы; надъ однодворцами же надо было поставить давно уже крестъ: они мало дали прежде и ничего бы не дали въ будущемъ. Въ концѣ концовъ г. Благовѣщенскій, однако, мирится съ земельной политикой Петра Великаго, такъ какъ мѣры послѣдняго, независимо отъ его воли, повели къ сплоченію однодворцевъ въ общину: подушная подать, круговая порука — вотъ наслѣдіе петровскаго времени. Читатель нѣсколько удивленъ: вѣдь община и безъ того у нихъ была раньше? Но, разобравъ дѣло, онъ невольно соглашается съ мнѣніемъ петровскаго правительства, что общины у однодворцевъ до XVIII в. не было и что, именно, мѣры послѣдняго положили ей начало. Если земельная политика Петра Великаго не заслуживаетъ одобренія автора, зато рѣшеніе верховнаго тайнаго совѣта о неотчуждаемости однодворческихъ земель вызываетъ его полное сочувствіе и онъ помѣщаетъ въ своей книгѣ полностью протоколъ этого засѣданія. Увы, и на этотъ разъ добрыя чувства автора проявляются не совсѣмъ кстати, потому что постановленіе верховнаго совѣта, если даже признать его цѣлесообразность, на дѣлѣ не исполнялось, несмотря на подтвержденіе этого закона Екатериною II. Кому приходилось хоть немного познакомиться съ исторіей однодворцевъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., тотъ согласится съ нами. Не можетъ же г. Благовѣщенскій отрицать факта массовой продажи однодворческихъ земель въ XVIII в., на который указываютъ всѣ изслѣдователи? Вѣроятно, извѣстенъ ему и указъ 21 іюля 1798 г., рѣзкій указъ, по которому приказано было всѣ тяжбы однодворцевъ между собой уничтожить.

Въ царствованіе Екатерины II былъ предпринятъ еще цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ для урегулированія поземельныхъ отношеній вообще всего населенія государства, коснувшихся, конечно, и однодворческаго сословія. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ 2 п. XIX ст. межевой инструкціи, составленной въ 1779 г. По этому пункту предписывалось, всѣмъ «однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ», поселившимся «безъ дачъ» (т. е. безъ законнаго утвержденія за ними занятыхъ нѣкогда ими участковъ земли), равно какъ и тѣмъ, которые пожелаютъ вслѣдствіе недостатка у нихъ земли поселиться на свободныхъ государственныхъ земляхъ, намѣривать «на число мужеска пола душъ... на каждую душу по 8 дес., а на дворъ, полагая въ немъ по 4 души, 32 дес.»; кромѣ того, давать на каждый дворъ еще по 28 дес. на случай будущаго размноженія населенія, «*которыя и отмежевывать въ одну общую округу, а не порознь*». Это постановленіе интересно въ двухъ отношеніяхъ: 1) было указано рѣшительное средство для борьбы съ однодворческимъ малоземеліемъ, и 2) межеваніемъ земли однодворцевъ въ одну окружную межу было установлено единство владѣнія и былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ для укрѣпленія среди однодворцевъ идеи уравненія. Такимъ образомъ «идея поравненія,—говоритъ г. Благовѣщенскій, подводя итоги земельной политики Екатерины II,—получила оффиціальное признаніе, но никто въ XVIII в. не понималъ, что на этомъ камнѣ рождается великое капище русскаго національнаго духа». Познать это суждено было лишь въ XIX в. Только въ XIX в. подъ вліяніемъ работы гр. Киселева начался процессъ перехода однодворцевъ изъ четвертной формы землевладѣнія въ уравнительно-душевую. Процессъ этотъ совершался не легко и потребовалъ сильнаго напряженія народныхъ силъ и значительныхъ «денежныхъ молитвъ» властямъ предержащимъ. «Иначе, какъ съ дрекольемъ на сходку не ходили», «священникъ въ облаченіи со крестомъ выходилъ на поле усмирять бушевавшихъ» и т. д. Г. Благовѣщенскій непосредственную иниціативу этого перехода приписываетъ самимъ однодворцамъ, удѣляя окружнымъ начальникамъ лишь посредственную роль; но мы полагаемъ, что это не совсѣмъ вѣрно. Къ сожалѣнію, г. Благовѣщенскій не сдѣлалъ здѣсь сводки данныхъ объ этомъ переходѣ, а всѣ свѣдѣнія объ этомъ разбросаны у него во 2-ой части книги. Жаль также, что г. Благовѣщенскій ни однимъ словомъ не обмолвился о земельной политикѣ Павла I и Александра I. Развѣ политика этихъ императоровъ не оказала никакого вліянія на однодворческое землевладѣніе? Неужели автору не извѣстенъ указъ Павла I о надѣленіи крестьянъ землей, данный въ 1797 г., и вся его многострадальная исторія? Возвращаясь къ николаевской эпохѣ, мы не можемъ не указать на пристрастное отношеніе г. Благовѣщенскаго къ событіямъ этого времени. Не входя въ разборъ многихъ очень важныхъ фактовъ, онъ чуть ли не все свое вниманіе обращаетъ на созданіе уравнительно-душевой общины, считая самого императора главнымъ иниціаторомъ этой политики. «Это былъ первый русскій царь,—говоритъ онъ,—сознательно направившій поземельную политику на укрѣпленіе русской уравнительной общины. Онъ первый понялъ, что русская община есть самый твердый камень подъ его могучимъ престоломъ».

Зато закономъ 1866 г. объ отчуждаемости однодворческихъ земель авторъ крайне недоволенъ. Послѣ изданія его «началась кабацкая оргія: земли родовой общины стали сосредоточиваться въ рукахъ міроѣдовъ и сосредоточиваться за безцѣнокъ. Посторонніе элементы въ видѣ виноторговцевъ, скупщиковъ... начали вторгаться въ эту общину и мутить ея *исконные устои* своей кабацкою «цибулизаціей».

Перейдемъ теперь къ выводамъ автора, касающимся современнаго положенія четвертного владѣнія. Въ этой части своего изслѣдованія г. Благовѣщенскій находится въ полной зависимости отъ работъ земскихъ статистиковъ,—работъ един-

ственныхъ, конечно, по этому предмету, но, къ сожалѣнію, не всегда полныхъ и точныхъ. Несмотря на умѣлое «вылущиваніе» необходимыхъ данныхъ, ему приходится нерѣдко ограничиваться только немногими выводами. Самыми лучшими работами авторъ считаетъ изслѣдованія земскихъ статистиковъ по Бѣлгородскому и Елецкому уѣздамъ. Поэтому мы и коснемся, для примѣра, выводовъ автора по этимъ уѣздамъ.

Процентъ перехода однодворцевъ изъ четвертной общины въ уравнительно-душевую очень неравномѣренъ, но, во всякомъ случаѣ, не превышаетъ почти нигдѣ 50%. Во многихъ мѣстахъ онъ значительно ниже: такъ въ Елецкомъ у. только 12,9% всѣхъ однодворческихъ общинъ владѣютъ на душевомъ уравнительномъ правѣ; въ Корочанскомъ уѣздѣ около 13%. Процентъ этотъ зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Можно установить только, что чѣмъ община гуще населена, тѣмъ онъ больше; чѣмъ далѣе на югъ, т. е., гдѣ было больше заимокъ многофамильныхъ, тамъ онъ выше. Главнымъ препятствіемъ для перехода служило и служитъ сознаніе невыгодъ перехода для нѣкоторыхъ семействъ, болѣе богатыхъ землей. Иногда, когда идея поравненія слишкомъ ужъ охватывала населеніе, упорствующихъ выдѣляли, такъ что нерѣдко въ душевыхъ общинахъ находятся одиночки, владѣющіе землей на прежнемъ правѣ. Время перехода на души трудно опредѣлить, а гдѣ оно и извѣстно, тамъ все же нельзя опредѣленно указать причинъ перехода. Въ Елецкомъ уѣздѣ данныя по этому вопросу можно свести въ слѣдующую таблицу.

I до 20 г. нын. стол.	14,6%
II въ 20 » » »	8,3%
III » 30 » » »	8,3%
IV » 40 » » »	16,7%
V » 50 » » »	31,2%
VI » 60 » » »	20,8%

Такимъ образомъ больше всего переходъ замѣтенъ въ царствованіе Николая I, именно около 65% относится къ этому времени.

Разсматривая количество земли, % безхозяйныхъ и безлошадныхъ хозяевъ въ четвертныхъ и душевыхъ общинахъ, г. Благовѣщенскій приходитъ къ заключенію, что въ душевыхъ общинахъ дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ въ четвертныхъ. Въ душевыхъ значительно меньше % безлошадныхъ и безхозяйныхъ. Но къ этому выводу надо относиться осторожно. Вообще сдѣлать выводъ окончательный очень трудно. Будемъ ждать дальнѣйшихъ работъ автора. Можетъ быть, тогда и можно будетъ придти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію. Пожелаемъ во всякомъ случаѣ г. Благовѣщенскому въ слѣдующихъ его трудахъ отрѣшиться отъ слишкомъ рѣзкой народнической тенденціи, только мѣшающей ему разобраться въ матеріалѣ. Если это ему удастся, то его работа, въ другихъ отношеніяхъ весьма солидная, только выиграетъ въ достоинствѣ.

Г. Л—ій.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Л. Штейнъ. «Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія».—*М. Ковалевскій.* «Экономическій строй Россіи».

Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Людвига Штейна, профессора философіи въ Бернскомъ университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. Книга Штейна представляетъ переработку для печати лекцій, читанныхъ въ теченіе цѣлаго ряда семестровъ въ Цюрихскомъ

университетѣ, Цюрихскомъ союзномъ политехникумѣ и Бернскомъ университетѣ. Такъ какъ слушатели Штейна принадлежатъ ко всѣмъ факультетамъ, то онъ старался избѣгать философскаго языка и поэтому книга его доступна обыкновенному читателю. Соціальные вопросы такъ глубоко волнуютъ современное общество, что нѣтъ надобности оправдывать появленіе труда, пытающагося безпристрастно ихъ изслѣдовать. Л. Штейнъ соціальный вопросъ понимаетъ очень широко. Сущность его «составляютъ формы и условія человѣческаго сожительства и человѣческаго сотрудничества», а задачей философскаго изслѣдованія этого вопроса онъ считаетъ разсмотрѣніе трехъ моментовъ: 1) происхожденіе человѣческой общей жизни, 2) историческое созиданіе общественныхъ организмовъ, сначала въ безсознательномъ ихъ развитіи, предопредѣляемомъ имманентной телеологіей естественныхъ явленій, а потомъ въ сознательномъ состояніи, при которомъ человѣческій духъ стремится не предоставлять человѣческую общую жизнь безсознательнымъ законамъ развитія, а реформировать ее сознательно и 3) теперешнее состояніе соціальной проблемы и средства ея рѣшенія.

Книга раздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ, посвященномъ переходу отъ дообщественнаго состоянія къ общественному и безсознательно - естественному развитію общественныхъ функцій, отдѣльныя главы излагаютъ ученіе о происхожденіи и развитіи семьи, собственности, общества, государства, языка, права, религіи и другихъ общественныхъ функцій. Второй отдѣлъ—исторія и критика общественныхъ ученій—разсматриваетъ эти функціи въ исторически-умственномъ созиданіи. Третій заключаетъ систематическое изслѣдованіе проблемъ современной соціальной жизни.

Развитіе всѣхъ общественныхъ функцій Штейнъ объясняетъ методомъ, который онъ называетъ «психогенетическимъ». Всякое общественное регулированіе, всякая система общественныхъ нормъ есть болѣе или менѣе сознательное средство къ смягченію и предупрежденію предстоящей намъ борьбы за существованіе въ какой бы то ни было формѣ. Такъ, стремленіе къ наименьшей тратѣ силъ при столкновеніяхъ, вытекающихъ изъ борьбы за экономическую форму существованія, заставляетъ первобытнаго человѣка образовать представленіе о собственности и создать систему соотвѣтствующихъ общественныхъ сдержекъ средствомъ къ смягченію или предупрежденію борьбы за половую форму существованія является созданіе представленія о бракѣ и правилъ, регулирующихъ эту сторону жизни. Религіозныя представленія явились результатомъ борьбы съ сверхчувственными, невидимыми силами, существованіе которыхъ пробуждавшемуся сознанію человѣка доказывалось различными грозными явленіями природы. Подобнымъ же образомъ Штейнъ объясняетъ происхожденіе и остальныхъ общественныхъ функцій.

Что касается соціальнаго вопроса въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ этого выраженія, т. е. вопроса объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ, то здѣсь Л. Штейнъ, признавая, съ одной стороны, несостоятельнымъ капиталистическій индивидуализмъ, полное проведеніе принципа личной свободы, въ послѣдовательномъ его развитіи, потому что онъ благопріятствуетъ доходу безъ труда на счетъ умственной и физической работы,—съ другой стороны и противуположную доктрину, коммунизмъ, основанный на полномъ господствѣ принципа абсолютнаго равенства, считаетъ невозможнымъ вслѣдствіе неустранимаго естественнаго неравенства людей, и даже нежелательнымъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго при коммунизмѣ подавленія личной свободы. Соціализмъ перекидываетъ мостъ между индивидуализмомъ и коммунизмомъ, являясь компромиссомъ личной свободы и равенства.

Свое собственное отношеніе къ соціальному вопросу Штейнъ характеризуетъ терминомъ «правовой соціализмъ», противопоставляя его «безбрежнымъ стремленіямъ все еще достаточно утопичной соціалъ-демократіи» (къ «утопіямъ» со-

ціалъ-демократіи отъ относитъ, между прочимъ, требованіе полнаго уничтоженія наемнаго труда). Задача ближайшаго будущаго заключается, по его мнѣнію, съ одной стороны, въ «соціализированіи» сознанія образованныхъ классовъ посредствомъ возбужденія возможно болѣе широкаго и интенсивнаго соціальнаго движенія во всѣхъ сферахъ науки, искусства и изящной литературы, а съ другой — въ томъ, чтобы соціально-политическое законодательство озаботилось созданіемъ рабочей аристократіи, подобной той, какая создана англійскими тредъ-юніонами. «До сихъ поръ третье сословіе защищалось противъ четвертаго, а въ будущемъ четвертое сословіе должно составить плотину противъ пятаго (босяцкаго пролетаріата). Этого требуетъ естественный законъ шествующей медленно соціальной эволюціи. Будемъ поступать въ соціологіи гомеопатически, если хотимъ устранить революцію, замѣнивъ ее эволюціей».

Экономическій идеалъ Штейна—широкое развитіе государственныхъ монополій на ряду съ сохраненіемъ частно-капиталистическихъ предпріятій. (Впрочемъ, такія монополіи онъ считаетъ возможными только въ странахъ съ такой высокой степенью развитія нравственности, что онѣ могутъ выдвинуть изъ своей среды добросовѣстную и исполнительную бюрократію. Тѣ же государства, гдѣ развита и оффиціально терпима система подкупа, конечно, не созрѣли для монополій. Такъ, табачная монополія, прекрасно дѣйствующая въ Австріи и во Франціи, является чистымъ бѣдствіемъ для народа въ Турціи или Италіи) Прежде всего, государство должно монополизировать всѣ производства, вредныя для здоровья: угольныя копи, металлическіе рудники, нефтяные источники и вообще все горное дѣло. Этого, въ связи съ постепенной національзаціей земли, будетъ на первое время достаточно для устраненія наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій современной экономической дѣйствительности. Далѣе слѣдуетъ установленіе преимущественнаго права государства на эксплоатированіе новыхъ изобрѣтеній и монополизированіе транспортнаго и страховаго дѣла и силы воды.

Реформы законодательства объ отношеніяхъ труда и капитала должны исходить изъ признанія права на существованіе, дополняемаго правомъ на трудъ, которыя отчасти уже признаются современными законодательствами, хотя въ очень неопредѣленной формѣ. Зачатками признанія минимума существованія слѣдуетъ считать принципъ освобожденія отъ налоговъ мелкихъ доходовъ и капиталовъ, ограниченія взысканій съ движимаго имущества и принципъ прогрессивности обложенія. Далѣе, государство XX-го вѣка несомнѣнно возьметъ на себя борьбу съ безработицей, попытки которой теперь дѣлаются рабочими союзами, частными лицами и обществами посредствомъ устройства посредническихъ рабочихъ конторъ и страхованія отъ безработицы. «Министерство труда» въ будущемъ вѣкѣ будетъ навѣрное важнѣйшимъ органомъ культурнаго государства. Какъ на одинъ изъ недостатковъ соціалъ-демократіи, Штейнъ указываетъ на пренебреженіе ею интересовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и умственныхъ работникокъ и настаиваетъ на признаніи за обѣими этими категоріями работниковъ такого же права на покровительство закона, какимъ будутъ пользовться индустріальные рабочіе. Аграрный вопросъ онъ желаетъ разрѣшить тѣмъ, что фабрики будутъ работать только зимой, отпуская лѣтомъ рабочихъ на сельскохозяйственныя работы. Что же касается интеллигентнаго пролетаріата, то онъ представляетъ задачу менѣе настоятельную, чѣмъ пролетаріатъ рабочій, но за то и болѣе глубокую, вслѣдствіе большаго развитія потребностей у умственныхъ работниковъ. Рѣшаетъ эту задачу Штейнъ опять-таки вмѣшательствомъ государства, которое должно занять интеллигенцію трудомъ въ области распоряженія организаціей промышленной дѣятельности и другими видами умственнаго труда. Параллельно праву на трудъ идетъ и обязанность трудиться. Должна исполниться новозавѣтная заповѣдь: «кто не работаетъ, пусть не ѣстъ». Осуществится это требованіе относительно обладателей не трудового дохода пу-

темъ уплаты соотвѣтствующаго ихъ способностямъ налога личнымъ трудомъ—подобно современной воинской повинности... Количество и качество труда должно быть регулируемо закономъ. Равный рабочій день для всѣхъ профессій Л. Штейнъ отвергаетъ, находя, что продолжительность труда должна быть обратно пропорціональна его напряженности. Одной изъ важнѣйшихъ задачъ будущаго государства Штейнъ считаетъ повышеніе образовательнаго уровня. Было бы анахронизмомъ сохраненіе привилегій образованія и умственной монополіи. Устраненіе наемнаго труда и право на полный продуктъ труда Штейнъ признаетъ неосуществимымъ при настоящемъ состояніи культуры, но суровость отношеній найма можетъ быть устранена перечисленными уже нами коррективами. Болѣе оригинальнымъ, хотя и не новымъ, является предложеніе установить на-ряду съ минимумомъ существованія еще и его максимумъ, т. е. максимумъ дохода, который можетъ получать гражданинъ будущаго государства отъ своего предпріятія. Осуществить этотъ проектъ возможно посредствомъ дальнѣйшаго развитія принципа прогрессивнаго обложенія. Существующія уже въ настоящее время въ различныхъ государствахъ попытки законодательства въ защиту рабочихъ, имѣя въ отдѣльности ничтожное практическое значеніе, являются важными симптомами, доказывающими все растущую тенденцію къ соціализированію права. Остается открытымъ только вопросъ, совершится ли реформа сверху, или снизу.

Наряду съ соціализированіемъ права необходимо соціализированіе всей духовной среды, т. е. интересы трудящагося человѣчества должны быть приняты подъ свою защиту религіей, моралью, наукой, литературой, и реформа должна поддерживаться не только правовыми императивами, но и религіозными, моральными и т. п.

Въ заключительной главѣ авторъ, приведя радостное привѣтствіе Ульриха Гуттена наступающему вѣку гуманизма: «O seculum! O litterae! Juvat vivere... vigent studia, florent ingenia!» («О, время! О, наука! Жить теперь наслажденіе!.. Наука возрождается, умы расцвѣтаютъ») высказываетъ, съ своей стороны, бодрую увѣренность въ возможности устраненія современныхъ экономическихъ противорѣчій. Господствовавшій въ нашемъ вѣкѣ пессимизмъ, вызванный неудовлетворительностью существующаго общественнаго строя, долженъ въ недалекомъ будущемъ уступить мѣсто соціальному оптимизму, сущность котораго заключается въ убѣжденіи, что «человѣчество, когда оно пріобрѣтетъ на столько знанія, чтобы опредѣлить настоящую дорогу, будетъ въ состояніи избѣжать остановокъ и регресса, многихъ зигзаговъ и тупиковъ, въ которые оно заходило, не зная дороги, и при свѣтѣ общественной философіи—разсматривающей всѣ событія sub aeternitatis specie—оно твердымъ и увѣреннымъ шагомъ пойдетъ къ своей конечной цѣли, къ своему счастію при посредствѣ сознательнаго и планомѣрнаго высшаго развитія типа человѣка».

Большая часть книги занята изложеніемъ исторіи и критики общественныхъ идей, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени. Въ русской литературѣ эта исторія такъ мало извѣстна, что этотъ отдѣлъ книги Штейна является крупнымъ и полезнымъ вкладомъ. Со многими взглядами автора нельзя согласиться, нѣкоторыя его критическія замѣчанія очень легковѣсны—напр., по поводу теоріи цѣнности Маркса—но все-таки книга Штейна вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Не часто появляются книги, столь богатыя содержаніемъ и такъ заставляющія задуматься надъ важнѣйшими вопросами современности. Переводъ въ общемъ хорошъ. Только напрасно переводчикъ буржуазію называетъ бюргерствомъ. Французскій терминъ у насъ въ литературѣ получилъ полное право гражданства и вполнѣ умѣстенъ даже и въ переводахъ съ нѣмецкаго. Иногда встрѣчаются такіе неудачные обороты: «Институтъ частной собственности—несомнѣнно дѣйствующій, какъ поддерживающій культуру...» или «Эдуардъ Гартманъ обладаетъ достойнымъ уваженія, потому что почти един-

ственнымъ въ своемъ родѣ, мужествомъ», но эти дефекты немногочисленны и не мѣшаютъ пользоваться книгой. *Г. Михинъ.*

«Экономическій строй Россіи». Максима Ковалевскаго. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900 г. Свою попытку изучить устои нашего національно-экономическаго существованія знаменитый соціологъ начинаетъ съ изученія земледѣлія и распредѣленія поземельной собственности. Затѣмъ, переходитъ къ разсмотрѣнію успѣховъ нашей промышленности и положенія рабочаго класса. Заканчивается книга обзоромъ переселенческаго движенія.

Настоящій моментъ авторъ считаетъ особенно удобнымъ для своего изслѣдованія, потому что перепись населенія дала новый матеріалъ, и въ то же время вводятся весьма важныя реформы въ нашей финансовой и денежной системѣ (винная монополія и золотое обращеніе). Намъ кажется, что еще удобнѣе былъ бы моментъ, когда работы по переписи будутъ закончены, но этого, повидимому, придется ждать еще очень долго... Что касается винной монополіи, то авторъ слишкомъ оптимистически смотритъ на нее. Если ея фискальный успѣхъ и несомнѣненъ (впрочемъ, надежнымъ онъ будетъ, по справедливому мнѣнію автора, только въ томъ случаѣ, если будетъ упрочено матеріальное положеніе массы потребителей), то съ точки зрѣнія нравственнаго оздоровленія народа полученные результаты пока еще сомнительны. М. Ковалевскій только вскользь упоминаетъ о такихъ явленіяхъ, какъ развитіе уличнаго пьянства, появленіе особыхъ заведеній, въ которыхъ можно распить купленную въ винной лавкѣ водку и т. д. «Климатическія условія», которыя, по мнѣнію М. Ковалевскаго, «неблагопріятствуютъ продолжительнымъ послѣобѣденнымъ отдохновеніямъ на открытомъ воздухѣ», не представляютъ уличному пьянству серьезныхъ препятствій: наблюдатель легко можетъ замѣтить, какъ мало нужно времени русскому потребителю для того, чтобы купить сосудъ, опорожнить его и возвратить въ лавку. Если въ Швеціи гётеборгская система имѣла блестящій успѣхъ, то это обусловливается не только достоинствами самой системы, но и высокимъ уровнемъ культурнаго развитія шведовъ, которымъ, конечно, и въ голову не придетъ, что вино можно пить на улицѣ. Да кромѣ того, шведы имѣютъ и кромѣ кабака мѣсто для отдохновенія, тогда какъ наши чайныя, которыя должны были замѣнить кабакъ въ роли деревенскаго клуба, не могутъ имѣть большого распространенія, пока чай и сахаръ будутъ обложены такими высокими налогами, что для массы населенія являются предметомъ роскоши. Идиллическая картинка, рисуемая на 17—18 стр., по министерскимъ отчетамъ, къ сожалѣнію, далека отъ истины.

Въ главѣ о земледѣліи авторъ констатируетъ упадокъ русскаго сельскаго хозяйства и приходитъ къ заключенію, что причина его заключается не только въ земледѣльческомъ кризисѣ, переживаемомъ всей Европой благодаря конкуренціи за-океанскихъ странъ, но и въ недостаткахъ всего нашего экономическаго строя, именно въ стремленіи искусственнымъ образомъ поддержать нашу фабрично-заводскую промышленность въ ущербъ сельскому хозяйству. Въ слѣдующей главѣ разсматривается распредѣленіе поземельной собственности въ Россіи и перемѣны, въ немъ происходящія послѣ крестьянской реформы. Отдѣльная глава посвящена общинѣ. Авторъ признаетъ жизнеспособность общины, т.-е. способность ея перейти къ болѣе интенсивной культурѣ и удовлетворить потребностямъ не только мѣстнаго, но и международнаго рынка, но въ настоящемъ ея видѣ она не способна долго противостоять разрушительному вліянію быстраго роста населенія. Лучшимъ средствомъ обезпечить общинѣ продолжительное существованіе является покровительство переселенію и сдача въ долгосрочную или наслѣдственную аренду крестьянамъ казенныхъ земель, а также земель, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, которыя останутся за казной. Вопросъ о томъ, къ чему поведетъ сохраненіе крестьянскаго общиннаго землевладѣнія въ его настоящей

формѣ, онъ оставляетъ открытымъ, такъ какъ, «чтобы высказаться съ знаніемъ дѣла относительно истиннаго значенія общины и о будущей ея судьбѣ, необходимо точнѣе проанализировать различныя точки зрѣнія на современную русскую земельную общину и, кромѣ того, изучить судьбу подобныхъ же учрежденій въ Индіи, а также въ западной Европѣ въ средніе вѣка». Фабричная промышленность, развитіе которой изучается въ слѣдующей главѣ, появилась благодаря искусственнымъ покровительственнымъ мѣрамъ, теперь же она пустила крѣпкіе корни, что доказывается перемѣщеніемъ ея изъ мѣстъ первоначальнаго возникновенія (гдѣ появленіе фабрикъ обыкновенно было случайнымъ) въ мѣстности, богатыя сырымъ матеріаломъ и топливомъ. Здѣсь она находится въ лучшихъ условіяхъ и можетъ конкурировать съ иностранной промышленностью. Кромѣ того, доказательствомъ прочнаго положенія фабричной промышленности служитъ судьба кустарей. Кустарное производство, въ первой половинѣ нашего вѣка занимавшее первое мѣсто, теперь все болѣе и болѣе отодвигается на второй планъ. Однако, обѣднѣніе народной массы, созданное отчасти естественными причинами, отчасти искусственными мѣрами, въ особенности покровительственной системой, заставляетъ опасаться въ недалекомъ будущемъ одного изъ тѣхъ кризисовъ, отъ которыхъ съ трудомъ можетъ оправиться такая молодая промышленность, какъ наша; кризисъ этотъ будетъ тѣмъ острѣе, что Россія, въ противоположность промышленнымъ странамъ западной Европы, должна разсчитывать, главнымъ образомъ, на внутренній рынокъ.

Менѣе всего насъ удовлетворили страницы книги, посвященныя рабоче му законодательству. Прежде всего, здѣсь совершенно отсутствуетъ изученіе причинъ, вызвавшихъ появленіе и развитіе этого законодательства. Авторъ говоритъ объ этомъ только, что «правительство не могло навсегда оставаться равнодушнымъ зрителемъ безграничной эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Особенное вниманіе обратило оно на это послѣ того, какъ санитарные врачи стали доказывать, что средняя продолжительность жизни русскаго рабочаго короче жизни другихъ классовъ общества», а между тѣмъ наукою уже установлено, что у насъ, какъ и на Западѣ, въ этомъ отношеніи сыграли важную роль и иныя причины. Далѣе, не отмѣченъ извѣстный любопытный фактъ, что послѣ отставки министра финансовъ Бунге наше законодательство въ защиту рабочихъ сдѣлало крупный шагъ назадъ. Такъ, законъ 24 апрѣля 1890 г. менѣе благопріятенъ малолѣтнимъ рабочимъ и женщинамъ, чѣмъ законъ 1882 и 1885 г.: онъ разрѣшилъ въ предпріятіяхъ, въ которыхъ введена непрерывная 18-часовая работа съ двумя смѣнами, 9 часовую работу малолѣтнихъ наравнѣ со взрослыми (по закону 1882 г., малолѣтніе не могли работать долѣе 8 час.); «ночнымъ временемъ», въ продолженіи котораго воспрещается работа малолѣтнихъ, считается для этихъ заведеній время отъ 10 час. вечера до 4 час. утра (по закону 1882 г., отъ 9 час. вечера до 5 часовъ утра); по усмотрѣнію администраціи, разрѣшено допускать работу малолѣтнихъ и женщинъ въ воскресные и праздничные дни. Закономъ 8 іюня 1893 г. измѣненъ, къ невыгодѣ для рабочихъ, законъ 3 іюня 1886 г. относительно условій найма на работы. Законъ 2 іюня 1897 г., нормирующій продолжительность рабочаго дня, уже въ самомъ себѣ заключалъ многое, что могло помѣшать его практическому значенію: въ немъ не содержится постановленій, угрожающихъ наказаніемъ за его нарушеніе; норма рабочаго дня—11½ час.—слишкомъ велика; допущены сверхъурочныя работы (сначала продолжительность ихъ была ограничена 120 час. въ годъ, но потомъ это ограниченіе отмѣнено, и циркуляръ министра финансовъ отъ 14 марта 1898 г. совершенно устраняетъ нормировку сверхъурочныхъ работъ). Наконецъ, совершенно не затронутъ вопросъ о дѣйствительности нашего рабочаго законодательства и объ организаціи фабричной инспекціи.

Попытка популярнаго обзора нашей экономической организаціи въ интерес-

ный моментъ возникновенія капиталистическаго строя заслуживаетъ вниманія читателей, хотя и нельзя согласиться безусловно со всѣми положеніями автора. Переводъ читается легко. Жаль только, что переводчикъ не выпустилъ нѣкоторыхъ мѣстъ, имѣющихъ интересъ только для французскихъ читателей. *Г. Михинъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Паульсенъ. «Введеніе въ философію».—*Битнеръ.* «Вѣрить или не вѣрить»?

Паульсенъ. «Введеніе въ философію». (Второе изд. 1899 г.). Изд. Моск. Псих. Общ. Нѣтъ ничего болѣе труднаго, чѣмъ изученіе философіи, въ особенности для русскаго читателя, при крайней бѣдности у насъ общедоступной философской литературы. Вслѣдствіе этого появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій, играющихъ роль «введенія въ философію», нужно признать весьма желательнымъ. Для ознакомленія съ тѣмъ, что такое философія, въ особенности полезной является книга Паульсена. Что она, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ потребности современной публики, показываетъ то обстоятельстве, что даже въ такой странѣ, какъ Германія, гдѣ философская литература очень богата, эта книга въ сравнительно короткое время (съ 1892 г.) выдержала шесть изданій и теперь на русскомъ языкѣ появляется вторымъ изданіемъ.

Хотя самъ Паульсенъ и заявляетъ, что его книга не имѣетъ никакихъ притязаній представить изъ себя отдѣльную философскую систему, однако она не есть просто какая-нибудь энциклопедія, посвященная пересказу различныхъ философскихъ направленій; въ ней въ дѣйствительности содержится вполнѣ опредѣленная философская система. Всѣ другія философскія направленія излагаются для того, чтобы освѣтить и сдѣлать убѣдительной систему самого автора.

Его систему можно было бы назвать *идеалистическимъ монизмомъ.* Весьма харатернымъ для нея является то, что «она стремится сдѣлать религіозное міросозерцаніе и научное объясненіе природы совмѣстимыми другъ съ другомъ».

Философія, по мнѣнію Паульсена, по своему *методу* и предмету не отличается отъ другихъ наукъ, какъ это думали нѣкоторые. Философію нельзя отдѣлять отъ спеціальныхъ наукъ. Она есть не что иное, какъ совокупность, *синтезъ всего научнаго познанія.* Всѣ науки суть не что иное, какъ члены единой системы, единой universitas scientiarum, предметомъ которой служитъ вся совокупная дѣйствительность. Эта никогда не завершаемая система и есть философія. Всякая отдѣльная наука представляетъ одну опредѣленную вырѣзку дѣйствительности. Напр., естествознаніе въ широкомъ смыслѣ слова имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствительность, поскольку она представляетъ изъ себя нѣчто тѣлесное, психологія разсматриваетъ дѣйствительность съ другой стороны, именно поскольку она существуетъ въ сознаніи; философія же, охватывая эти познанія во едино, имѣетъ цѣлью дать отвѣтъ на вопросъ, что представляетъ изъ себя дѣйствительность вообще. Легко видѣть, что Паульсенъ существенно отличается отъ тѣхъ философовъ, какъ Гегель, Фихте и др., которые думали, что философія пользуется методомъ, совершенно отличнымъ отъ научныхъ методовъ. Его опредѣленіе философіи напоминаетъ опредѣленіе позитивистовъ: Огюста Конта и Герберта Спенсера.

Всѣ философскія проблемы дѣлятся на двѣ большія группы: на онтологическую и космологическую. Онтологическая проблема имѣетъ цѣлью опредѣлить, въ чемъ состоитъ природа дѣйствительнаго, какъ таковаго, что лежитъ въ основѣ дѣйствительности. Космологическая проблема стремится дать отвѣтъ на вопросъ, какъ мы должны представлять себѣ взаимную связь основныхъ элементовъ дѣйствительности.

*

На первый вопросъ отвѣчаютъ три теоріи: матеріализмъ, спиритуализмъ и монизмъ (психофизическій параллелизмъ).

Паульсенъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ матеріализмъ. По его мнѣнію, матеріализмъ нельзя признать ни подъ какой формулой. Нельзя сказать, что мысль есть движеніе вещества, нельзя сказать, что мысль есть продуктъ движенія матеріальныхъ частицъ. Впрочемъ, говоря о матеріализмѣ, онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что теоретическій матеріализмъ не влечетъ за собою опасныхъ этическихъ послѣдствій, какъ это обыкновенно принято думать.

Самъ онъ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія психофизическаго параллелизма, по которому психическія явленія существуютъ рядомъ съ физическими, одни изъ нихъ не служатъ *причиной* другихъ. Они дѣйствуютъ совмѣстно, не вмѣшиваясь одно въ другое.

Пытаясь сдѣлать выводы изъ этого ученія, онъ приходитъ къ признанію всеобщаго одушевленія. По его мнѣнію, мы должны считать одушевленнымъ не только животный міръ, но также и міръ растительный, потому что съ біологической точки зрѣнія мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы признать глубокое различіе между міромъ растительнымъ и міромъ животнымъ, а если мы этого различія не находимъ съ точки зрѣнія біологической, то также нѣтъ основанія для признанія между ними различія въ одушевленности. Такъ какъ, далѣе, мы имѣемъ всѣ основанія признавать непрерывность между міромъ неорганическимъ и органическимъ, то мы должны также признать, что между ними нѣтъ различія и въ отношеніи ихъ воодушевленности. Нужно признать неорганическій міръ воодушевленнымъ. Нужно признать, что каждый матеріальный атомъ является носителемъ духовной жизни. Міръ матеріальный является только одной стороной дѣйствительности, другой стороной которой является духовное. Существенная сторона всей дѣйствительности есть духовное, а физическое есть только внѣшняя сторона того внутренняго или духовнаго. Съ этой точки зрѣнія легко понять, какъ Паульсенъ долженъ быть придти къ признанію міровой души.

Что касается спиритуализма, то Паульсенъ находитъ въ немъ слѣдующій недостатокъ. Какъ извѣстно, это ученіе признаетъ существованіе особой духовной субстанціи позади психическихъ явленій. Паульсенъ находитъ, что мы не имѣемъ никакихъ основаній для признанія такой субстанціи. Этимъ онъ вовсе не хочетъ сказать, что души нѣтъ. Онъ признаетъ душу, но только она для него есть совокупность духовныхъ состояній, соединенныхъ въ одно единство совершенно особымъ образомъ. «Духовной субстанціи позади этихъ состояній нѣтъ».

При рѣшеніи космологической проблемы онъ приходитъ къ тому выводу, что «дѣйствительность представляетъ изъ себя единую, расчлененную, управляемую всеобщими законами систему, космосъ». Но какъ истолковать этотъ фактъ, какъ происходитъ то, что міръ не является хаотическою множественностью абсолютно безразличныхъ по отношенію другъ къ другу элементовъ? Изъ возможныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ онъ отвергаетъ, прежде всего, *атомизмъ*. Если бы признать, что атомы представляютъ послѣдніе элементы дѣйствительности, то нельзя было бы понять единства міровой жизни. По его мнѣнію, фактъ всеобщаго взаимодѣйствія приводитъ къ мысли о единствѣ дѣйствительности, существуетъ только одно единое существо съ одной единой согласующейся въ себѣ дѣятельностью, отдѣльныя вещи составляютъ только моменты его сущности: ихъ дѣятельности, опредѣляемыя взаимодѣйствіемъ, составляютъ въ дѣйствительности вырѣзки изъ единаго самодвиженія субстанціи.

Въ вопросѣ о цѣлесообразности онъ является противникомъ телеологіи въ прежнемъ смыслѣ слова. «Всѣ доказательства, желающія принудить разсудокъ признать въ міровомъ порядкѣ дѣйствіе духа, дѣйствующаго по понятнымъ

намъ намѣреніямъ, остаются безконечно далеко позади научнаго доказательства». Но отсюда не слѣдуетъ думать, что онъ отрицаетъ цѣлесообразность вообще. Она является у него подъ видомъ цѣлестремительности (Zielstrebigkeit). Это такое понятіе, которое не только признаетъ причинное объясненіе механическаго міровоззрѣнія, но даже необходимо его предполагаетъ.

Въ главѣ «о знаніи и вѣрѣ» Паульсенъ доказываетъ, что философское міровоззрѣніе должно удовлетворять не только извѣстнымъ логическимъ требованіямъ, но и требованіямъ сердца. Здѣсь онъ требуетъ, чтобы вѣра занимала мѣсто равноправное съ знаніемъ. Онъ старается доказать, что вѣра и знаніе не находятся другъ съ другомъ въ противорѣчіи, потому что одно и другое удовлетворяютъ различнымъ функціямъ нашего духа; вѣра и знаніе не противорѣчатъ другъ другу, но дополняютъ другъ друга.

Затѣмъ, въ его книгѣ слѣдуетъ изложеніе основныхъ чертъ «теоріи познанія». Это, можно сказать, единственное систематическое изложеніе этого вопроса на русскомъ языкѣ. Книга оканчивается краткимъ обзоромъ этическихъ направленій, дающимъ понятіе о сущности ихъ.

Намъ кажется, что въ настоящее время книга Паульсена должна привлечь вниманіе всякаго интересующагося философскими вопросами. Русскій читатель найдетъ въ ней множество мыслей, совершенно противорѣчащихъ общепринятымъ. Съ ними можно не соглашаться, но ознакомиться съ ними слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что привлекательное, доступное изложеніе Паульсена освобождаетъ отъ очень многихъ трудностей, съ которыми часто бываетъ связано чтеніе сочиненій, имѣющихъ предметомъ философскіе вопросы. Переводъ книги сдѣланъ образцово и хорошо. *Г. Челпановъ.*

Битнеръ «Вѣрить или не вѣрить?» Экскурсія въ область таинственнаго. Спб. 1899 г. Задачу своей книги самъ авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Выпуская въ свѣтъ книгу съ подобнымъ содержаніемъ, нужно быть приготовленнымъ, что она удовлеторитъ немногихъ и вызоветъ самую суровую оцѣнку. Гг. спириты будутъ недовольны, что я не признаю ихъ духовъ, а представители «точнаго знанія», пожалуй, упрекнутъ меня въ легковѣріи. Но чему же, собственно, вѣрить или не вѣрить? Поясняя это заглавіе,—говоритъ авторъ,—мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ и цѣль настоящей работы, которая сводится къ рѣшенію вопроса: существуютъ ли такія явленія въ области человѣческой психофизики, которыя выходили бы за предѣлы дѣятельности извѣстныхъ намъ силъ».

Содержаніе книги автора чрезвычайно разнообразно. Здѣсь говорится о «предчувствіи», о «пророческихъ снахъ», о «телепатіи», «телефаніи», о «пророческихъ видѣніяхъ» и спиритическихъ опытахъ и тому подобныхъ таинственныхъ явленіяхъ. Авторъ хочетъ показать, что всѣ эти вопросы, которые вообще принято считать ненаучными, заслуживаютъ того, чтобы сдѣлаться предметомъ научнаго изслѣдованія; онъ выражаетъ надежду, что рано или поздно эти вопросы будутъ научно разрѣшены и что въ это именно слѣдуетъ вѣрить.

Авторъ, очевидно, хочетъ заинтересовать и обыкновеннаго читателя этими вопросами и заставить и его вѣрить, что эти вопросы могутъ быть разрѣшены научнымъ путемъ. Но такъ какъ въ той области таинственнаго, которая является предметомъ изложенія автора, нѣтъ никакихъ *фактовъ*, строго научно обставленныхъ, то, разумѣется вопросъ о томъ, вѣрить или не вѣрить въ возможность научнаго объясненія этихъ явленій откладывается на неопредѣленное будущее, когда такіе факты будутъ налицо.

По мнѣнію автора, эти вопросы важны и потому, что до извѣстной степени способствуетъ разрѣшенію основныхъ вопросовъ міровоззрѣнія. «Цѣль настоящей жизни,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ,—показать, что существуютъ явленія, которыя не только ждутъ объясненія, но готовы, повидимому,

произвести коренной переворотъ въ нашихъ научныхъ воззрѣніяхъ. Быть можетъ, недалеко то время, когда многіе вопросы человѣческаго духа, считаемые нынѣ неразрѣшимыми, получатъ новое освѣщеніе и потеряютъ свою загадочность». Въ этихъ неясныхъ выраженіяхъ авторъ, очевидно, хочетъ сказать, что если эти явленія будутъ должнымъ образомъ изслѣдованы, то для насъ станетъ яснымъ вопросъ о томъ, какое ученіе правильнѣе, матеріализмъ или спиритуализмъ и. т. п. Мы совершенно не раздѣляемъ надеждъ автора. Какъ бы мы ни объясняли спиритическія явленія, они всегда одному будутъ служить для доказательства спиритуализма, другому — для доказательства матеріализма. Очевидно, что вопросъ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ разрѣшается соображеніями, которыя почерпаются изъ совершенно другого источника.

Авторъ, исходя изъ признанія важности изслѣдованія спиритическихъ и т. п. опытовъ для міросозерцанія, нашелъ нужнымъ присоединить одну главу, въ которой онъ высказываетъ свое философское credo по вопросу объ отношеніи души къ тѣлу. Но здѣсь онъ обнаруживаетъ совершенную неподготовленность къ обсужденію подобныхъ вопросовъ. Видно незнакомство автора даже съ элементарными сочиненіями по этому вопросу.

Авторъ открыто признается въ своей принадлежности къ матеріализму. И дѣйствительно авторъ — матеріалистъ ходячаго типа. Онъ, напр., никакъ не можетъ понять факта непротяженности мысли. Онъ думаетъ, что психическіе процессы проходятъ по нервнымъ нитямъ (стр. 383). Это самомъ дѣлѣ основная мысль ходячаго матеріализма.

Авторъ въ указанной главѣ ставитъ вопросъ «Матеріализмъ или спиритуализмъ»? Но самая эта постановка вопроса показываетъ, что авторъ совершенно не знаетъ, что въ наше время можно не быть ни спиритуалистомъ, ни матеріалистомъ, потому что въ наше время большимъ распространеніемъ пользуется такъ называемый психофизическій параллелизмъ, который не есть ни матеріализмъ, ни спиритуализмъ. Напр., Г. Спенсеръ, Бэнъ, Рибо, Тэнъ, Вундтъ, Паульсенъ, Гефдингъ и очень многіе др. ни спиритуалисты, ни матеріалисты. Г. Битнеръ утверждаетъ, что Геккель матеріалистъ, очевидно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ таковымъ является самъ г. Битнеръ. Но намъ кажется, что Битнеръ ошибается, потому что въ томъ самомъ сочиненіи, которое г. Битнеръ цитируетъ («Der Monismus», 1893, стр. 26—7), Геккель прямо говоритъ, что его ученіе такъ же можно назвать матеріализмомъ, какъ и спиритуализмомъ. Отчего же г. Битнеръ считаетъ его матеріалистомъ? Очевидно, тутъ кроется какое-то недоразумѣніе.

У автора такъ мало пониманія относительно того, что такое матеріализмъ, что онъ во чтобы то ни стало хочетъ сдѣлать Льюиса матеріалистомъ, что, конечно, весьма трудно въ виду того, что въ той самой главѣ, которую авторъ цитируетъ, Льюисъ какъ разъ опровергаетъ матеріализмъ.

Монистическую формулу Льюиса: («нервный процессъ и чувствованіе составляютъ двѣ стороны одного и того же явленія. Съ физической или объективной стороны это нервный процессъ, а съ психической или субъективной—процессъ чувствованія») онъ признаетъ своей и утверждаетъ, что матеріалистъ можетъ подъ ней подписаться. Конечно, матеріалистъ, не знающій, что такое матеріализмъ, можетъ и не подъ такой формулой подписаться. Онъ приводитъ еще одно мѣсто изъ Льюиса, которое, по его мнѣнію, самымъ неопровержимымъ образомъ доказываетъ, что Льюисъ матеріалистъ. «Моя мысль,—говоритъ Льюисъ,—заключается въ томъ, что какова бы ни была перемѣна внѣ области чувствованія, въ сферѣ послѣдняго она не болѣе, какъ *чувствуемое* движеніе». Г. Битнеръ этой фразы, очевидно, не понимаетъ. Эта фраза какъ разъ именно показываетъ, что Льюисъ противникъ матеріализма. Г. Битнеръ искалъ у Льюиса формулы: *мысль есть движеніе* и нашелъ антиматеріалистическую формулу, что

движеніе есть чувствованіе, и, смѣшивая одно съ другимъ, предполагаетъ, что онъ отыскалъ то, что доказываетъ принадлежность Льюиса къ матеріализму. Затѣмъ, намъ кажется страннымъ пріемъ автора для доказательства того положенія, что Льюисъ матеріалистъ. Желая доказать, что Льюисъ матеріалистъ, онъ ищетъ у него формулы, что мысль есть функція мозга,—исходя изъ предположенія, что всякій, кто эту формулу произноситъ, тотъ уже непремѣнно матеріалистъ. Онъ, очевидно, не знаетъ того, что эту формулу можетъ употребить даже спиритуалистъ. И дѣйствительно, онъ находитъ у Льюиса эту формулу, но приводитъ не всю фразу Льюиса цѣликомъ, ибо у Льюиса сказано: «нужно принять, что умъ, сознаніе, ощущеніе представляютъ функцію организма какъ въ математическомъ, такъ и въ біологическомъ смыслѣ слова. *Это положеніе можетъ быть признано даже спиритуалистомъ*, насколько онъ смотритъ на организмъ, какъ на дѣятеля». Если бы онъ привелъ всю фразу цѣликомъ, то его доказательство, что Льюисъ матеріалистъ, потеряло бы всякое значеніе. Но зачѣмъ г. Битнеръ нашелъ нужнымъ скрыть отъ читателей эту формулу?

Предметомъ гордости автора является то, что онъ, разсуждая о матеріализмѣ, является знатокомъ строенія мозга, и даже въ удостовѣреніе того, что онъ дѣйствительный знатокъ этого, онъ приводитъ имена 15 авторовъ, которые разрабатывали анатомію мозга. Но намъ казалось бы, что если эти имена приводятся для такого удостовѣренія, то нужно было бы приводить ихъ правильно, а то знающій читатель можетъ подумать, что г. Битнеръ только и знаетъ этихъ авторовъ по наслышкѣ, а не ихъ произведенія. Г. Битнеръ Леношека называетъ «Ленхосекомъ», Рикардта—«Рикгардомъ»; наконецъ, двухъ ученыхъ (итальянскаго) Гольджи и (нѣмецкаго) Флексига соединяетъ въ одно «Флексигъ-Гольджи».

Незнаніе того, что такое матеріализмъ, приводитъ г. Битнера къ удивительнымъ противорѣчіямъ. Онъ одинъ разъ утверждаетъ, что признаетъ «внутренній опытъ», другой разъ онъ заявляетъ, что психическіе процессы протяженны. Принимаясь разсуждать о матеріализмѣ, онъ самымъ очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ непониманіе разницы между анатоміей и физіологіей: вѣдь назвать, напр., *анатома* Гиса *психофизіологомъ*—значитъ или не понимать разницы между анатоміей и физіологіей, или злоупотреблять терминами. Очевидно, что г. Битнеръ забылъ свой собственный эпиграфъ, въ которомъ онъ въ вопросахъ науки предлагаетъ не полагаться только на здравый разсудокъ. Если бы самъ г. Битнеръ воспользовался этимъ правиломъ, то онъ можетъ быть о матеріализмѣ судилъ бы иначе. *Г. Челпановъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Гёксли-Розенталь. «Основы физіологіи».—*А. Гётте.* «Зоологія».—*А. Гоше.* «Руководство къ плодоводству».

Серія учебниковъ по біологіи. Гёксли-Розенталь. «Основы физіологіи». Съ 118 р. Ц. 2 р. 1899 г. Гексли. «Ракъ». Введеніе въ изученіе зоологіи. Съ 82 рис. Ц. 1 р. 50. 1900. Извѣстная московская фирма М. и С. Сабашниковыхъ предприняла въ прошломъ году капитальное изданіе серіи учебниковъ по біологіи, подъ общей редакціей привать-доцента Московскаго университета В. Н. Львова. Судя по вышедшимъ тремъ книгамъ и по объявленному проспекту, серія будетъ состоять изъ переводныхъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ и будетъ представлять полный и связный курсъ по біологіи.

Разсматриваемыя два сочиненія извѣстнаго англійскаго ученаго Т. Г. Гёксли написаны 20 и 30 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ не потеряли своего значенія въ виду талантливости и простоты въ изложеніи трудныхъ вопросовъ біологіи. Само собою разумѣется, что при быстрыхъ успѣхахъ естествознанія, эти сочиненія сильно устарѣли и нуждаются въ значительныхъ дополненіяхъ. Относительно первой книги («Основы физіологіи») это до нѣкоторой степени выполнено, такъ какъ переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго изданія, дополненнаго извѣстнымъ физіологомъ Розенталемъ, имя котораго и поставлено поэтому русскими издателями рядомъ съ авторомъ. Второе же произведеніе Гёксли («Ракъ») переведено безъ всякихъ дополненій и примѣчаній. Поэтому во многихъ мѣстахъ не приведены новѣйшія изслѣдованія, измѣняющія или дополняющія старыя, какъ, напр., изслѣдованія по вопросу о строеніи и физіологической роли печени, географическомъ распространеніи рѣчного рака въ Сибири и Туркестанѣ и т. п. Въ указателѣ литературы также не сдѣлано никакихъ дополненій и совсѣмъ не приведено сочиненій, вышедшихъ позже 70-хъ годовъ.

Внѣшняя сторона изданій вполнѣ удовлетворена, хотя въ «Ракѣ» нѣкоторые рисунки (напр., р. 12) вышли неясно; цѣны назначены невысокія.

И. Ингеницкій.

А. Гетте. «Зоологія». Наука о животныхъ. Народная библіотека В. Н. Маракуева. Изд. 2-е. Ц. 50 к. 1899. Разсматриваемая книга извѣстнаго страсбургскаго профессора совершенно не подходитъ къ извѣстному типу учебниковъ и популярныхъ сочиненій по зоологіи: здѣсь нѣтъ почти систематики первыхъ и очень мало говорится о нравахъ животныхъ, что составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе вторыхъ. Авторъ задался цѣлью дать краткое сравнительно-анатомическое обозрѣніе животнаго царства, взявъ въ основу организацію человѣческаго тѣла и человѣческую психику.

Картина получается, такимъ образомъ, стройная, хотя и неравномѣрно изображенная: въ то время какъ позвоночныя разсмотрѣны довольно подробно, остальные типы очерчены недостаточно. Особенно это нужно сказать относительно червей, изъ которыхъ не упомянуты даже такіе важные паразиты, какъ человѣческіе глисты.

Изложеніе простое и ясное, но все-таки для народнаго чтенія эта книга мало пригодна по строго-научному характеру и серьезности предмета; много также неизбѣжныхъ терминовъ и названій, а рисунковъ—очень притомъ схематичныхъ—сравнительно мало. *И. И.*

Руководство къ плодоводству для практиковъ по Гоше. Второе русское изданіе, вновь обработанное и значительно дополненное, подъ общею редакціей проф. А. Ф. Рудзскаго. Съ 800 пол. Вып. I. 1899 г. Первое изданіе этой книги такъ быстро разошлось, что стало теперь библіографическою рѣдкостью, поэтому нельзя не привѣтствовать предпринятаго Девріеномъ второго изданія въ переработанномъ и дополненномъ видѣ. Судя по вышедшему первому выпуску, дополненія эти весьма значительны и касаются главнымъ образомъ Россіи. Нѣмецкій садоводъ Гоше извѣстенъ, какъ замѣчательный практикъ, и руководство его преслѣдуетъ практическія цѣли, давая подробныя указанія относительно наиболѣе успѣшной и выгодной культуры фруктовыхъ деревьевъ.

Обстоятельное и подробное описаніе всѣхъ пріемовъ садоводства, иллюстрированное массою прекрасныхъ рисунковъ, дѣлаетъ книгу весьма цѣнною и необходимою для всякаго садовода. *И. И.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

А. Бернштейнъ. «Очерки по міровѣдѣнію». Переводъ съ нѣмецкаго М. К. Ф. Для подготовленныхъ читателей (съ рисунками). Изданіе О. Н. Поповой. Кн. 36. Спб. 1899 г. Цѣна? Стр. 40. Книга, изданная г-жею Поповой, представляетъ собою переводъ сочиненія А. Бернштейна изъ серіи, носящей названіе: «Естественно-научныя народныя книги». Въ «Очерки по міровѣдѣнію» вошла лишь очень незначительная часть сочиненій Бернштейна — нѣсколько болѣе половины перваго выпуска; всѣхъ же выпусковъ 42.

Содержаніе «Очерковъ по міровѣдѣнію» слѣдующее: I. Цѣль естествоиспытанія, которая по словамъ автора «состоитъ въ достиженіи возможно болѣе простого взгляда на всѣ предметы и явленія и приведеніи ихъ къ одному источнику». До извѣстной степени цѣль эта уже достигнута, такъ какъ «всѣ явленія природы объясняются движеніемъ и движеніе же служитъ причиной всѣхъ явленій». Важнѣйшія силы природы—свѣтъ, звукъ, теплота, электричество и притяженіе земли—всѣ объясняются волнообразнымъ движеніемъ частицъ. Глава II и посвящена объясненію того, что такое волнообразное движеніе, а также описанію главнѣйшихъ силъ природы, какъ-то: звукъ, свѣтъ, тепловые и химическіе лучи, электричество, всемірное тяготѣніе и притяженіе, наконецъ, законъ сохраненія энергіи. Глава III посвящена разъясненію понятія о жизни въ природѣ. По словамъ автора, «въ мірѣ существуетъ только одна основная матерія, а разнообразіе проявленій этой матеріи зависитъ отъ различныхъ ея состояній и условій». Нѣтъ рѣзкой границы между тѣлами живыми и предметами не живыми, всѣ они только различныя звенья одной безконечной цѣпи. Развитіе жизни шло отъ простого къ сложному: «первыми обитателями земли были простѣйшіе организмы, затѣмъ нарождались все болѣе и болѣе сложные» и т. д. Глава IV трактуетъ о скорости силъ природы и скорости электрической силы. Глава V и послѣдняя содержитъ въ себѣ сообщеніе о тяжести земли (какъ тяжела земля), о попыткѣ взвѣсить землю и о томъ, какъ узнали вѣсъ земли.

Изъ краткаго перезсказа содержанія книги, изданной г-жей Поповой, видно, какъ много интересныхъ вопросовъ и научныхъ проблемъ въ ней затронуто. Изложеніе книги отличается систематичностью, ясностью и наглядностью; вездѣ гдѣ можно, авторъ приводитъ примѣры, рекомендуетъ доступные опыты, словомъ, дѣлаетъ все, чтобы придать книгѣ дѣйствительно характеръ научно-популярнаго сочиненія. И мы видимъ по заглавію нѣмецкаго изданія, узнаемъ, наконецъ, изъ предисловія къ тому же изданію, что для Германіи книга Бернштейна, дѣйствительно, «народная книга», «доступная всякому», такъ какъ изложена «классически простымъ языкомъ». Солидная цифра 100.000 экземпляровъ указываетъ на огромное распространеніе книги и подтверждаетъ приведенные отзывы изъ предисловія къ нѣмецкому изданію. На русскомъ изданіи сочиненія Бернштейна стоитъ надпись: «Для подготовленныхъ читателей». Надпись эта сдѣлана очень кстати, такъ какъ только очень подготовленному читателю изъ народной среды могутъ быть доступны «Очерки по міровѣдѣнію». На грустныя размышленія наводитъ это сравненіе. Подготовка, даваемая нашей начальной школой такъ ничтожна, что только читателю, прошедшему слѣдующую школьную ступень или занимавшемуся самообразованіемъ, можетъ быть доступна народная книга Германіи. Трудно предположить, чтобы въ настоящее время у насъ въ Россіи книга Бернштейна могла бы получить такое же широкое распространеніе, какъ на ея родинѣ. Это не мѣшаетъ намъ, однако, выразить пожеланіе, чтобы были переведены и изданы слѣдующіе выпуски сочиненія Бернштейна, содержаніе которыхъ также назидательно и интересно. Переводъ «Очер-

ковъ по міровѣдѣнію» вполнѣ хорошъ; въ русскомъ изданіи сдѣланы значительныя сокращенія, особенно въ главѣ «Жизнь», гдѣ пропущена цѣлая статья о происхожденіи видовъ; по всей вѣроятности, эти сокращенія не могутъ быть приписаны усмотрѣнію переводчика и потому не должны быть поставлены ему въ вину. Издана книга хорошо, рисунки вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію.

Е. Чижовъ. «Отъ лучины до электричества». Народная библіотева № 1. Изданіе книж. магазина «Знаніе» Спб. 1899 г. Цѣна 15 к. Стр. 75. Въ популярномъ очеркѣ г. Чижова разсказывается о разныхъ способахъ освѣщенія—отъ лучины до электричества. Благодаря интересной темѣ, близкой и понятной для каждаго, автору приходится говорить не объ одной какой-нибудь учебной отрасли знанія, а захватывать вопросы изъ многихъ научныхъ областей; въ своемъ очеркѣ онъ совмѣщаетъ свѣдѣнія по исторіи культуры и по физикѣ, по химіи и по техникѣ и т. п. Такой пріемъ популярно-научнаго изложенія можно признать вообще очень удачнымъ и плодотворнымъ (этимъ пріемомъ пользуется и только что упоминавшійся А. Бернштейнъ, и Н. Рубакинъ—авторъ нѣсколькихъ превосходныхъ научно-популярныхъ книгъ), но онъ требуетъ отъ пользующагося имъ автора большой систематичности и строгости въ выборѣ и расположеніи матеріала. Г. Чижовъ, хотя и опытный популяризаторъ (онъ авторъ большой научно-популярной книжки «Тайны и чудеса Божьяго міра») обладающій даромъ живо и интересно сообщать читателю нужныя ему знанія, не удовлетворяетъ, однако, въ данномъ случаѣ поставленному требованію, такъ какъ очеркъ «Отъ лучины до электричества» страдаетъ именно отсутствіемъ должной отчетливости и систематичности изложенія. Такъ, напримѣръ, послѣ вступительной главы, гдѣ въ беллетристической формѣ какъ бы начертывается планъ книги—постепенный переходъ отъ первобытнаго способа освѣщенія лучиной къ керосиновому и затѣмъ къ электрическому,—непосредственно разсказывается о газовомъ освѣщеніи, о добываніи газа, рудниковыхъ взрывахъ и т. п., послѣ чего слѣдуетъ разсказъ о масляныхъ лампахъ, свѣчахъ и керосинѣ. И тутъ описаніе современнаго машиннаго приготовленія свѣчей оказалось впереди описанія античныхъ масляныхъ лампъ, что, конечно, совсѣмъ неумѣстно. Послѣ разсказа о нефти, о добываніи ея, о приготовленіи керосина, и краткаго сообщенія двухъ гипотезъ о происхожденіи нефти, слѣдуетъ химическое объясненіе процесса горѣнія въ главѣ 6-ой «Отчего онъ свѣтитъ?» Глава 7-ая посвящена электричеству, изобрѣтенію электрической лампочки, устройству динамо-машины и т. п. и 8-ая описанію маяковъ. Вся повѣствовательная часть книги читается живо и легко, но объясненія физическихъ и химическихъ процессовъ изложены довольно трудно и сбивчиво, напр., устройчиво динамо-машины и т. п. Неудачно также поясненіе скрытой силы электричества примѣромъ экономической силы, скрытой въ денежныхъ знакахъ; анекдотъ о недогадливомъ хохлѣ только развлекаетъ читателя, но не помогаетъ его пониманію, такъ какъ для объясненія одного непонятнаго явленія ему предлагаютъ другое столь же непонятное. Употребляя довольно-таки странное выраженіе автора, это «невкусное объясненіе» (стр. 51). Издана книжка г. Чижова хорошо и стоитъ очень недорого.

Н. Березинъ. «Разсказы о томъ, какъ трясется земля и море». Стр. 32. Цѣна 5 коп. Изданіе книжн. маг. «Знаніе». Спб. 1899 г. Н. Березинъ. «Разсказы о лавинахъ и о людяхъ, засыпанныхъ снѣгомъ». Стр. 32. Цѣна 5 коп. Изданіе книжн. маг. «Знаніе». Обѣ книжки г. Березина носятъ совершенно одинаковый характеръ и являются какъ бы двумя главами одного и того же сочиненія. Обѣ онѣ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ описанія того явленія природы, которому авторъ посвящаетъ вниманіе; описаніе землетрясеній и паденіе снѣжныхъ лавинъ сопровождается цѣлымъ рядомъ разсказовъ очевидцевъ

и потерпѣвшихъ. Въ первой изъ названныхъ книгъ особенно интересенъ разсказъ Гумбольдта о землетрясеніи въ г. Каракасѣ и разсказъ очевидцевъ о Вѣрненскомъ землетрясеніи, въ книжкѣ о лавинахъ особенно хорошъ разсказъ инженера Госсе. Подобные разсказы очень оживляютъ описаніе и заинтересовываютъ читателя, но г. Березинъ нѣсколько злоупотребляетъ этимъ пріемомъ и даетъ слишкомъ много описаній, впадая иногда въ повторенія, напр., Лиссабонское землетрясеніе описывается дважды, кратко на стр. 17 и подробно на стр. 20 и т. п. Наряду съ черезчуръ большимъ обиліемъ описаній, авторъ слишкомъ мало мѣста удѣляетъ объясненію столь поражающаго умъ человѣческій явленія, какъ землетрясеніе на сушѣ и на водѣ. Все объясненіе ограничивается теоріей образованія пустотъ въ земной корѣ и проваловъ ихъ, что поясняется на примѣрѣ обваловъ въ шахтахъ, причемъ всему объясненію удѣлено только 2 страницы изъ 32-хъ. О геологическомъ строеніи земного шара и геологическихъ переворотахъ на его поверхности въ прошломъ и настоящемъ не говорится ничего. Такимъ образомъ, книжка г. Березина «О томъ, какъ трясется земля и море» можетъ несомнѣнно вызвать въ читателѣ интересъ къ описываемому явленію природы, разбудить въ немъ любознательность, но не удовлетворитъ ее, такъ какъ не дастъ ему никакого положительнаго знанія. «Разсказы о лавинахъ» дадутъ читателю гораздо больше удовлетворенія, такъ какъ въ нихъ рядомъ съ описаніями и картинами приводится и достаточное объясненіе причинъ паденія снѣжныхъ массъ съ горныхъ высотъ, а также сообщается о тѣхъ способахъ, какіе придуманы людьми для предохраненія себя отъ страшнаго бѣдствія.

И. Давидсонъ. Борьба въ природѣ. Стр. 64. Цѣна 10 коп. Изданіе кн. маг. «Знаніе». Спб. 1899 г. Авторъ ставитъ себѣ трудную задачу: разсказать объ основѣ, на которой лежитъ наука, объясняющая явленія міра, т. е. изложить популярно основной законъ естествознанія. Знаніе частныхъ явленій безъ этого основного закона не даетъ еще человѣку пониманія природы. Такимъ основнымъ закономъ авторъ ставитъ слѣдующее положеніе, вложенное имъ въ уста мудреца: «всякая тварь борется за свою жизнь,—это основа, все остальное въ моей наукѣ (біологіи) есть только толкованіе этого закона. Если хочешь,—ступай, учись». Въ объясненіи и развитіи этой основной мысли состоитъ все дальнѣйшее содержаніе книжки. Что такое борьба за жизнь? Это прежде всего борьба за пищу. Въ борьбѣ этой выживаютъ болѣе приспособленные, передающіе потомству свои способности и создающіе такимъ образомъ новые виды и породы живыхъ существъ. Сказавъ далѣе нѣсколько словъ о томъ, что такое естественныя науки и какъ онѣ классифицируются, авторъ сообщаетъ читателю старое дѣленіе природы на три царства и приводитъ, какъ примѣръ классификаціи, классификацію животныхъ по отдѣламъ, классамъ, порядкамъ и т. д. Этотъ примѣръ намъ кажется совершенно излишнимъ, такъ какъ по сухости и конспективности онъ напоминаетъ таблицы гимназическихъ учебниковъ и, конечно, скорѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ усвоеніе мыслей автора; необходимое же понятіе о родѣ и видѣ авторъ могъ бы дать очень легко на наглядныхъ примѣрахъ. Переходя далѣе къ вопросу о происхожденіи видовъ, авторъ упоминаетъ о Дарвинѣ, не называя его имени, и устанавливаетъ слѣдующее положеніе: «тѣло каждаго живущаго и растущаго существа мѣняется съ измѣненіемъ образа жизни и роста». Въ подтвержденіе этого положенія приводятся незамѣтныя измѣненія въ строеніи тѣла одомашненныхъ животныхъ и измѣненія въ немъ посредствомъ искусственнаго подбора. Остановившись затѣмъ довольно долго на разъясненіи того, что слѣпая борьба за пищу, т. е. за жизнь, приводитъ къ побѣдѣ наилучше приспособленныхъ, авторъ переходитъ къ стоящей рядомъ открытой борьбѣ за жизнь между существами разныхъ видовъ, которая также ведетъ къ природному отбору. Но все это еще не объясняетъ,

откуда взялось такое множество разныхъ видовъ животныхъ и растеній на землѣ? Объяснить это разнообразіе можно тою же борьбою за жизнь, которая принуждаетъ представителей одного вида отклоняться отъ своихъ родичей. Это расхожденіе или дивергированіе и привело къ образованію различныхъ породъ одного вида, затѣмъ различныхъ видовъ другого рода и т. д. Человѣческій родъ тоже произошелъ вслѣдствіе дивергированія, причемъ и болѣе развитой умъ и болѣе глубокія чувства человѣка получились также благодаря природному отбору. Итакъ,—говоритъ авторъ въ заключеніе,—«борьба за жизнь есть то основаніе, на которомъ построено роскошное зданіе живой природы». Но какъ помирить этотъ основной законъ съ другимъ, вложеннымъ тоже въ уста мудреца (въ началѣ книжки): «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали». На это авторъ отвѣчаетъ такъ: «наука, отвѣчая на вопросъ, какъ ведется жизнь, ставитъ закономъ борьбу. Мораль, въ отвѣтъ на вопросъ, какъ человѣкъ долженъ вести себя въ жизни, ставитъ закономъ сочувствіе, любовь. Тутъ нѣтъ противорѣчія. Борьба за жизнь и природный отборъ развили въ человѣкѣ высшія чувства совѣсти, долга, любви, сочувствія; борьба эта создала все, также и человѣческія чувства». Къ сожалѣнію, авторъ не настолько останавливается на развитіи этой мысли, сколько слѣдовало бы, чтобы убѣдить читателя. Заканчивается книжка слѣдующими краснорѣчивыми строками: «тамъ, на открытомъ зеленомъ полѣ, гдѣ растутъ трава, цвѣты, деревья, кусты и все прочее, гдѣ ползаютъ черви, порхаютъ бабочки, летаютъ птицы, скачутъ, бѣгаютъ разные звѣри... тамъ, въ темныхъ лѣсахъ, гдѣ все растетъ, живетъ, поетъ, кричитъ... тамъ, въ глубокихъ нѣдрахъ земли, гдѣ окоченѣлая смерть—остатки вымершихъ породъ—свидѣтельствуетъ о давней жизни... Тамъ, нетерпѣливый, пытливый умъ, тамъ ты найдешь и толкованіе научнаго закона. Тамъ, на базарѣ, гдѣ люди продаютъ и покупаютъ, тамъ на фабрикѣ, гдѣ люди работаютъ, тамъ, въ исторіи прежней людской жизни, въ повѣстяхъ о томъ, какъ люди враждовали и любили, какъ воевали другъ съ другомъ и помогали другъ другу... тамъ, добрая рвущаяся душа, тамъ ты найдешь и толкованіе нравственнаго закона древняго мудреца».

По приведенному нами краткому пересказу книжки «Борьба въ природѣ» и нѣсколькимъ выдержкамъ изъ нея, можно видѣть, что она столько же интересна, сколько и поучительна. Къ сожалѣнію, авторъ не придерживается строго конкретнаго способа изложенія: теоретическое объясненіе у него не всегда вытекаетъ изъ наглядныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ непосредственной жизни, близкой читателю; напротивъ, большею частью онъ излагаетъ извѣстныя положенія совсѣмъ безъ примѣровъ или только приводитъ примѣры въ поясненіе своей мысли. Благодаря этому книжка г. Давидсона годится лишь для развитыхъ читателей, прочитавшихъ и хорошо усвоившихъ уже нѣсколько популярныхъ статей по естествознанію; въ заглавіи книги слѣдовало бы отмѣтить, что она предназначается для подготовленныхъ читателей. Для такихъ же читателей книга «Борьба въ природѣ» можетъ быть безусловно рекомендована.

И. Франко. «Цыгане». Разсказъ (переводъ съ малорусскаго). Народная библіотека № 2. Изданіе кн. маг. «Знаніе» Спб. 1899. Цѣна 3 к. стр. 16. И. Франко. «Къ свѣту», Разсказъ. Изданіе О. Н. Поповой № 47. Спб. 1899 г. Оба разсказа И. Франка, появившіеся въ разныхъ изданіяхъ принадлежатъ къ серіи его разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Въ поті чола». Произведенія выдающагося по таланту галицкаго писателя дѣлаются все болѣе извѣстными и у насъ: переводы его разсказовъ не разъ появлялись въ русскихъ журналахъ, а разсказъ «Къ свѣту» былъ напечатанъ въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ «Мірѣ Божьемъ». Разсказы г. Франка отличаются не только высоко-художественнымъ реализмомъ, они проникнуты, какъ и все выходящее изъ подъ его пера, страстнымъ призывомъ

къ справедливости и гуманности въ человѣческихъ отношеніяхъ. И оба разсказа, вышедшіе теперь въ народныхъ изданіяхъ, оставляютъ въ читателѣ именно такое впечатлѣніе, при всей несложности ихъ фабулы. Въ разсказѣ «Цыгане»—семья убогихъ запуганныхъ цыганъ погибаетъ отъ стужи и голода, благодаря чрезмѣрному служебному усердію полицейскаго стражника. Несмотря на то, что дѣйствіе разсказа происходитъ въ чужой странѣ, картина, нарисованная авторомъ, слишкомъ знакома и русскому читателю. Въ разсказѣ «Къ свѣту» передъ читателемъ проходитъ другая картина, не менѣе знакомая: травля людьми, власть и богатство имущими, беззащитнаго подростка-еврея. Смертельный выстрѣлъ часового, поразившій мальчика за то лишь, что онъ стремился «Къ свѣту», какой бы роковой случайностью онъ ни являлся, не нарушаетъ однако художественной цѣльности разсказа, а скорѣе подчеркиваетъ его внутренній смыслъ. Довѣрчивый и беззащитный мальчикъ, съ его чуткой стремящейся къ добру и знанію душой, и безъ выстрѣла часового погибъ бы при столкновеніи съ тѣми же условіями жизни, какія привели его уже разъ въ тюрьму.

Было бы весьма желательно, если бы для народнаго изданія былъ переведенъ весь или большая часть сборника «Въ поті чола». Переводъ обоихъ изданныхъ разсказовъ вполнѣ хорошъ. Странно только, что въ изданіи г-жи Поповой не обозначено, что разсказъ представляетъ собою переводъ, а не оригинальное произведеніе автора. Думается, что въ народномъ изданіи такія указанія такъ же необходимы, какъ и въ ненародныхъ.

А. Свирскій. «Забракованный». Разсказъ. Изданіе кн. маг. «Знаніе». Спб. 1899 г. Стр. 16. Цѣна 3 к. Г. Свирскій разсказываетъ о слесарѣ, работавшемъ 20 лѣтъ на заводѣ и послѣ отлучки не принятомъ обратно на работу, благодаря слабому здоровью. Разсказъ простъ и обыденъ, какъ обыденны всѣ подобные факты и въ дѣйствительной жизни. Слесарь Терентій—одна изъ жертвъ отечественнаго производства—вызываетъ сочувствіе и состраданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ: что же дѣлать такому «забракованному», встаетъ передъ читателемъ, какъ и передъ героемъ разсказа. Вмѣстѣ съ Терентіемъ читатель чувствуетъ весь ужасъ положенія его и ему подобныхъ и видитъ полное безсиліе помочь при современныхъ общественныхъ условіяхъ.

М. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го декабря 1899 по 15-е января 1900 года).

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Аѳины въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Изд. А. Пантелѣева. Спб. 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

С. Ешевскій. Сочиненія по русской исторіи. Изд. М. С. Сабашниковыхъ. Мск. 1900 г. Ц. 2 р.

Д. Михайловъ. Аполлонъ Григорьевъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Агринскій. Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для практич. метеорол. и сельскаго хозяйства. Саратовъ. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ, А. М. Степь сказалась. Романъ. 1900 г. Ц. 1 р.

К. Э. Бонъ. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольн. книга и руководитель семьи. Пер. съ нѣм. подъ ред. д-ра С. Орѣчкина. Т. I, пол. 2. Изд. Ф. Щепанскаго. 1899 г.

С. Г. Ручъ. Орфографическій словарь съ обозначеніемъ удареній и указаніемъ корней словъ русск. происхожденія. 1900 г.

С. Г. Ручъ. Самоучитель русск. языка подъ ред. Д. Н. Сеславина. Вып. I и II.

Михайловъ. Поэзія Я. П. Полонскаго. (Крит. очеркъ). Изд. 1900 г. Ц. 15 к.

Г. М. Бубисъ. Преступный человѣкъ передъ судомъ науки. Вып. I. Ц. 20 к.

Альманахъ-Денница. Изд. подъ ред. П. П. Гнѣдича, К. К. Случевскаго, I. I. Ясинскаго. Спб. Ц. 1 р.

М. Шейкинъ. Третій конгрессъ сіонистовъ (въ Базелѣ). Изд. кн. маг. Шермана. Одесса. 1900 г.

Карлъ Эйзерманъ. «Манія величія». (Записки изъ желтаго дома). Психопатол. этюдъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 60 к.

М. Старицкій. «Останнія Ничъ». Истор. драма въ 2 карт. Кіевъ.

В. Г. Бѣлинскій. Систематич. собраніе сочиненій. Изд. Н. Зинченко. Спб. 1899 г.

А. Шопенгауэръ. Изученіе человѣка по выраженію лица. Изд. Зинченко. Спб. Ц. 30 к.

К. Лампертъ. Жизнь прѣсныхъ водъ. Вып. VII. Изд. Девріена. Спб. 1899 г.

А. В. Пель. Физіолого-химич. основы теоріи Спермина и клинич. матеріалы о терапевтич. примѣненіи Спермина. Спб. 1899 г.

Проф. И. П. Скворцовъ. Динамическая теорія и приложеніе ея къ жизни и здоровью. Москва. 1900 г.

С. К. Павловскій. Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Съ пред. проф. Эрисмана. Изд. 2-ое Ц. 1 р.

П. К. Полевой. Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

К. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 1 р. Спб. 1900 г.

Евгеній Чириковъ. Разсказы. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 1 р. 1900 г.

И. Мыронъ. Абу-Каземовы купцы. Арабская сказка. Черкасы. 1899 г. Ц. 5 к.

Г. Т. Сѣверцевъ. На паровозѣ жизни. Разск. и очерки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

И. А. Крыловъ. Избранныя сочиненія. Т. I и II. Съ портр. и біогр. очеркомъ автора. Съ иллюстр. Ц. I т. 60 к., II—1 р. Мск. Изд. К. Тихомирова. 1899 г.

М. Серао. Разсказы. Перев. съ итальянск. А. Веселовскаго. Вып. I и II. Ц. 50 к. Москва. 1900 г.

Джероламо Роветта. Разсказы. Перев. съ итальянск. А. Веселовскаго. Ц. 50 к. Москва. 1900 г.

Джіовани Верга. «Мужъ Елены». Перев. съ итальянск. А. Никитина. Ц. 75 к. Мск. 1900 г.

А. Воротниковъ. «Въ старыхъ стѣнахъ». Повѣсти южныхъ береговъ.

Сибирскій Сборникъ. Приложеніе къ газетѣ «Восточное Обозрѣніе» за 1899 г.

Г. В. Хлопинъ и А. Ф. Никитинъ. Вліяніе нефтяныхъ продуктовъ на рыбное населеніе рѣкъ и на качество ихъ воды. Спб. 1899 г.

В. Трубниковъ. Денежное обращеніе въ связи съ мощнымъ развитіемъ производства богатствъ въ Россіи. Спб. 1900 г.

В. Арндтъ. Экономическія послѣдствія превращенія Германіи въ промышленную страну. Перев. съ нѣм. М. Гуновскаго.

М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистич. хозяйства. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 3 р. Москва. 1900 г.

Д-ръ Г. Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропол. изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. д-ра Бартельса подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Подписная ц. за два тома 10 р. Спб. Изд. Ф. Щепанскаго. 1900 г.

Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 годъ. Изд. м-ва. финансовъ. Спб. 1900 г.

Ф. Я. Конъ. Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ. Антропол. очеркъ. Минусинскъ. 1899 г. Ц. 1 р.

Д-ръ И. И. Пантюковъ. Шаорская котловина и ея окрестности. Тифлисъ. 1900 г.

А. Н. Филипповъ. Гигіена дѣтей. 31 рис. Изд. II, дополненное и исправленное. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

И. Шафровъ. Учебникъ геометріи. Ц. 40 к. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1900 г.

Л. А. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ крестьянскаго населенія. Спб. 1899 г.

Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь. Подъ руководствомъ. Г. А. Пріймана. Мск. 1899 г. Ч. I и II.

Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Настольная книга по всѣмъ отраслямъ коммерч. знаній. Вып. XVII. Изд. В. Э. Форселлеса. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

А. Рождествинъ. Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900 г. Ц. 30 к.

Б. Понсетъ-де-Сандокъ. Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Митава. 1899 г.

D. V. Totomiantz. La développement économique des Etats-Unis et d'Europe en 1898. Paris. 1899.

Календарь русскій астрономическій на 1900 г. Нижегор. кружка любителей физики и астрономіи. 1899 г. Ц. 75 к.

Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1898 г. Изд. Харьковск. о-ства распростр. въ народѣ грамотности.

Отчетъ о положеніи изслѣдованія народнаго образованія въ Россіи, производимаго Императорскимъ В. Эк. Общ. въ связи съ общимъ положеніемъ школьной статистики въ Россіи.

Отчетъ Харьковской обществ. библіотеки за 30-ый годъ ея существованія. 1899 г. Харьковъ.

Годичный отчетъ о дѣятельности Общества взаимнаго вспоможенія при Московскомъ учит. институтѣ за 1898 г.

Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Вып. III. Русской Об-ство охраненія народнаго здравія. Спб. Изд. 1899 г.

Отчетъ Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1898 г.

Отчетъ распоряд. Комитета Об-ства вспомоществованія бѣднымъ студентамъ изъ Тобольскій губ. Тобольскъ. 1899 г.

Статистико-экономическій обзоръ Екатеринославской губ. за 1898 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Tropical Diseases» by Patrick Manson (Cassel and C°). (*Тропическія болѣзни*). Авторъ этой полезной и интересной книги прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ и Индіи и говоритъ о болѣзняхъ, господствующихъ въ этихъ странахъ, на основаніи собственныхъ наблюденій; относительно же болѣзней другихъ тропическихъ странъ онъ приводитъ наблюденія другихъ ученыхъ. Каждой тропической странѣ свойственны спеціальныя болѣзни и успѣхи европейской колонизаціи тропиковъ всецѣло зависятъ отъ правильнаго взгляда на эти болѣзни и умѣнья бороться съ ними. Авторъ весьма популярно излагаетъ ученіе о тропическихъ болѣзняхъ, такъ что книга его можетъ быть очень полезнымъ руководствомъ для европейцевъ, поселяющихся въ тропикахъ.

(Athenaeum).

«Alaska: its History and Resources, Goldfields, Routes and Scenery» by Mines Bruce (Putnam's Sons). (*Аляска, ея исторія, рессурсы, золотоносныя поля, дороги и виды*). Это второе изданіе, значительно дополнено текстомъ и иллюстраціями, такъ какъ со времени перваго посѣщенія авторомъ Аляски въ 1889 году, тамъ были открыты необыкновенно богатыя мѣсторожденія золота. Но, по словамъ автора, Аляска имѣетъ и другіе рессурсы: прекрасные горячіе минеральные источники, обладающіе цѣлительною силой, залежи платины, угля и по всей вѣроятности имѣются даже нефтяные источники. Рыба встрѣчается въ изобиліи. Вообще, по словамъ автора, Аляска—многообѣщающая страна.

(Athenaeum).

«The Social Life of Scotland in the Eighteenth Century» by Henry Grey Graham. (Adam and Charles Black). (*Соціальная жизнь въ Шотландіи въ XVIII вѣкѣ*). Въ этой чрезвычайно интересной книгѣ описываются соціальныя условія, существовавшія въ Шотландіи въ XVIII вѣкѣ, и тѣ перемѣны, которыя затѣмъ произошли во внутренней жизни шотландскаго народа, привычкахъ, обычаяхъ, взглядахъ и въ положеніи труда. Несмотря на научный и спеціальный характеръ своего историческаго изслѣдованія, авторъ съумѣлъ сдѣлать изъ него занимательную книгу, разсчитанную на большой кругъ читателей.

(Literary World).

«A New Ride to Khiva» by Robert L. Jefferson. (Methuen and C°). (*Новая поѣздка въ Хиву*). Авторъ совершилъ путешествіе въ Хиву на велосипедѣ и это путешествіе, очень смѣлое по замыслу и выполненію и изобилующее всевозможными приключеніями, дало ему богатый матеріалъ для описанія. Авторъ заставляетъ читателя съ возрастающимъ интересомъ слѣдить за своими странствованіями, сначала по цивилизованнымъ странамъ Европы, затѣмъ по азіатской степи, которую онъ прекрасно описываетъ. Книга снабжена хорошими иллюстраціями, сдѣланными съ фотографій, снятыхъ авторомъ.

(Literary World).

«Les Civilisations de l'Inde» par Gustaw Lebon. (*Цивилизаціи Индіи*). Новое изданіе книги Лебона, современно передѣланное и дополненное новыми гравюрами. Лебонъ былъ посланъ въ Индію французскимъ правительствомъ и, изучивъ на мѣстѣ великіе памятники индійской цивилизаціи, онъ пришелъ къ заключенію, что они имѣютъ въ высшей степени важное значеніе для выясненія мысли исчезнувшихъ поколѣній. До сихъ поръ ученые ограничивались только переводами документовъ съ санскритскаго языка. Но тайну древнихъ цивилизацій по Лебону надо искать, главнымъ образомъ, не въ этихъ документахъ, а въ развалинахъ и въ древнихъ памятникахъ индійской архитектуры и скульптуры.

(Revue de Paris).

«Devant l'échafaud»—Enquête sur la peine de mort, par A. Henri Massonneau. Avec portraits d'assassins executés. Prix: 3 fr. 50. (Flammarion). (*Передъ эшафотомъ*). Подъ этимъ страннымъ заглавіемъ авторъ, убѣжденный противникъ смертной казни, печатаетъ свое изслѣдованіе этого важнаго во-

проса. Онъ опросилъ по этому поводу всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ парижскому судебному сословію. Мнѣнія насчетъ цѣлесообразности смертной казни весьма раздѣляются, но всѣ сходятся въ одномъ пунктѣ: въ томъ, что смертная казнь не должна быть публичной. Къ изложенію этихъ различныхъ взглядовъ и философскихъ аргументовъ авторъ приложилъ описаніе двѣнадцати казней, которыя, по его мнѣнію, служатъ лучшимъ нагляднымъ доказательствомъ невѣрности взгляда на смертную казнь, какъ на примѣрное наказаніе.

(Journal des Débats).

«Le Morale d'un égoiste» Essai de moral sociale, par. H. Laplaigne membre de la Société de Sociologie de Paris. Prix: 5 fr. (V. Giard et E. Brière). (Нравственность эгоиста). Эта книга входитъ въ составъ серіи изданій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Bibliothèque Sociologique internationale». Авторъ изучаетъ человѣческую душу со всѣми ея достоинствами и недостатками и предлагаетъ на судъ читателя результатъ своихъ долголѣтнихъ размышленій и исканія правды. Книга раздѣляется на три части; но собственно изслѣдованію эгоизма посвящена только вторая часть. Авторъ указываетъ въ ней, что эгоизмъ составляетъ основу всѣхъ нашихъ чувствъ и всѣхъ нашихъ дѣйствій, но въ третьей и послѣдней части онъ говоритъ о чувствѣ солидарности, которое связываетъ людей; но чувство это не исключаетъ эгоистической морали. Авторъ раздѣляетъ людей на низменныхъ и возвышенныхъ эгоистовъ, на эгоистовъ просвѣщенныхъ, разумныхъ, стремящихся къ самосовершенствованію и на такихъ, которые не имѣютъ никакихъ возвышенныхъ стремленій и отличаются необыкновенно узкимъ кругозоромъ. Возвышенные эгоисты двигаютъ міръ, такъ какъ, совершенствуя свою природу, они совершенствуютъ общество и увеличиваютъ сумму человѣческаго счастья.

(Journal des Débats).

«Principles of Publik Speaking» by Gug Charleton Lee (Puthnam's Sons). (Принципы ораторскаго искусства). Американцы считаются лучшими ораторами, нежели англичане, и почти каждый американецъ сумѣетъ при случаѣ произнести рѣчь въ собраніи, безъ всякаго приготовленія,—такое мнѣніе составили себѣ почти всѣ побывавшіе въ Америкѣ. Но помимо этого природнаго дара, американцы всегда пріучаются говорить публично въ своихъ коллегіяхъ на разныхъ митингахъ, которые устраиваются даже со спеціальною цѣлью упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Названная книга представляетъ руководство къ ораторскому искусству, составленное докторомъ Чарльтономъ Ли изъ университета Джона Гопкинса.

(Daily News).

«History of the Taxes on Knowledge; theis Origin and Repeal» by Collet Dobson Collet. Two volumes (Fisher Unwin). (Исторія налоговъ на знаніе; ихъ происхожденіе и отмѣна). Авторъ самъ принималъ дѣятельное и важное участіе въ упорной борьбѣ политиковъ и журналистовъ съ тѣми притѣсненіями, которымъ подвергалась англійская журналистика и которыя выразились между прочимъ въ учрежденіи штемпельнаго сбора, затруднявшаго свободное развитіе англійской печати. Въ предисловіи, приложенномъ къ книгѣ и написанномъ Голлокомъ, опредѣляется та роль, которую игралъ авторъ въ этомъ движеніи противъ «налоговъ на знаніе», такъ какъ авторъ самъ умалчиваетъ о ней. Ему былъ 81 годъ, когда онъ взялся за перо, чтобы разсказать исторію этого любопытнаго движенія. Несмотря на такой почтенный возрастъ, авторъ, очевидно, сохранилъ въ полной неприкосновенности всѣ способности своего замѣчательнаго ума, на что указываетъ его трудъ, представляющій въ высшей степени цѣнный вкладъ въ исторію печати въ Англіи.

(Daily News).

«Mythologie und Metaphysik» Grundlinien eines Geschichte der Weltanschaungen, von. Wilh Bender. Erster Band. Stuttgart. (E. Hauffe). (Миѳологія и Метафизика). Въ первомъ, только что вышедшемъ томѣ этого обширнаго историческаго изслѣдованія, предпринятаго авторомъ, разсматривается происхожденіе міровоззрѣній античнаго міра. Греки самостоятельно выработали себѣ понятія о мірѣ и придали имъ извѣстныя формы, имѣющія важное значеніе для исторіи развитія религіи и философіи. Самою древнею формою является миѳъ и изъ него уже развивается метафизическое міровоззрѣніе. Авторъ старается прослѣдить связь, существующую между миѳологіей и метафизикой, изслѣдуя не только исторію происхожденія мифовъ и вытекающихъ изъ нихъ метафизическихъ воззрѣній; но, кромѣ того онъ старается опредѣлить и тѣ психическіе мотивы, которые содѣйствовали ихъ образованію и ключъ къ которымъ онъ ищетъ въ фольклорѣ, народныхъ обычаяхъ и вѣрѣ и въ условіяхъ жизни народовъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Little Folk of Many Lands» by Louise Jordan Miln (John Murray). (Маленькіе люди въ разныхъ странахъ). Авторъ знакомитъ читателя съ дѣтьми различныхъ странъ, ихъ образомъ жизни, характеромъ и воспитаніемъ. Область, которую обнимаетъ повѣствованіе автора, излагающаго свои личныя наблюденія, очень обширна, такъ какъ авторъ побывалъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и изучилъ системы воспитанія дѣтей у самыхъ различныхъ расъ. Очень интересно описаніе школъ и дѣт-

скихъ національныхъ игръ и развлеченій у различныхъ народовъ. Въ главѣ, посвященной эскимосскимъ дѣтямъ, описываются странные обычаи, касающіеся воспитанія дѣтей, которые существуютъ у эскимосовъ. Въ книгѣ находится множество хорошихъ иллюстрацій и читается она съ большимъ интересомъ.

(Literary World).

«*Bei Krupp. Eine social-politische Reiseskizze*» *von D-r W. Kby. Leipzig.* (*Duncker und Humblot*). (*У Круппа. Соціально-политическій очеркъ*). Фабрика Круппа, пользующаяся всемірною извѣстностью, достигла громаднаго развитія и съ точки зрѣнія рабочаго вопроса представляетъ очень много интереснаго. Авторъ излагаетъ исторіи различныхъ учрежденій, возникшихъ на этой фабрикѣ и имѣющихъ цѣлью улучшеніе участи рабочихъ, организацію кооперативныхъ обществъ, пенсіонныхъ кассъ и т. п. и указываетъ тѣ условія, которыя вызвали къ жизни всѣ эти учрежденія и повліяли на эволюцію заработной платы.

(Frankfurter Zeitung).

«*Siam, das Reich des weissen Elephanten*» *Von Ernst von Hesse-Wartegg. Leipzig* (*J. J. Weber*). (*Сіамъ, царство бѣлаго слона*). Литература о Сіамѣ далеко не обширна и названная книга пополняетъ въ этомъ отношеніи большой пробѣлъ. Авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, такъ какъ долго жилъ въ Сіамѣ и изучилъ страну и народъ. Описанія роскошной тропической природы, а также жизни и обычаевъ сіамскаго народа, очень художественны. Авторъ разсказываетъ легенды сіамцевъ, знакомитъ читателя съ ихъ интимною жизнью и вообще возбуждаетъ интересъ къ этой странѣ, такъ богато одаренной природой и заслуживающей особеннаго вниманія европейцевъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*A Summer in High Asia*» *by Capt. F. E. S. Adair.* (*Thacker and C°*). (*Лѣто въ возвышенностяхъ Азіи*). Авторъ описываетъ лѣто, проведенное имъ въ Ладакѣ, въ сѣверныхъ Гималаяхъ. Онъ былъ посланъ въ Ле (Leh), столицу Ладака, въ качествѣ британскаго коммиссара, и сравниваетъ этотъ Гималайскій городъ съ русскимъ Нижнимъ Новгородомъ, разумѣется, съ точки зрѣнія его торговаго значенія. Авторъ отводитъ очень много мѣста въ своей книгѣ описанію горныхъ экскурсій, охоты и приходитъ въ восторгъ отъ величественныхъ пейзажей гималайскихъ вершинъ.

(Daily News).

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **Викторъ Острогорскій**.

Отъ Попечительства о Слѣпыхъ.

Попечительство ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ, основанное въ 1881 году по мысли покойнаго статсъ-секретаря К. К. Грота, состоитъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ и имѣетъ счастіе считать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Первымъ своимъ Дѣйствительнымъ Членомъ.

Оно преслѣдуетъ двѣ высоко гуманныя цѣли: 1) облегченіе участи слѣпыхъ вообще и въ частности доставленіе слѣпымъ дѣтямъ общаго и ремесленнаго образованія, а также обученіе взрослыхъ слѣпцовъ щеточному и корзинному ремесламъ для подготовленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ къ самостоятельному труду, и 2) предупрежденіе въ населеніи слѣпоты ежегодною посылкою въ разныя мѣста Имперіи, по просьбѣ земствъ и частныхъ лицъ, глазныхъ отрядовъ, а также учрежденіемъ постоянныхъ окулистическихъ пунктовъ, лечебницъ и кроватей въ лечебницахъ другихъ вѣдомствъ для поданія безплатной медицинской и оперативной помощи беднѣйшему населенію.

Главныя статьи дохода Попечительства составляютъ: 1) проценты съ его капиталовъ, которые большею частью имѣютъ спеціальное назначеніе и достигаютъ нынѣ 2.800.000 р.; 2) ежегодная правительственная субсидія въ 25.000 р.; 3) разнаго рода пожертвованія и членскіе взносы (192.000 р.); 4) церковно-кружечный сборъ, производимый во всѣхъ церквахъ на недѣли о слѣпомъ (95.000 руб.); 5) сборъ изъ кружекъ, выставляемыхъ съ 1897 года въ винныхъ лавкахъ по мѣрѣ открытія въ губерніяхъ казенной продажи вина (15.000 р.) и 6) продажа издѣлій слѣпыхъ, дающая въ годъ до 22.000 руб.

Всѣми дѣлами Попечительства завѣдуетъ состоящій подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова Совѣтъ изъ 14 членовъ. При Совѣтѣ состоитъ небольшая канцелярія.

Попечительство имѣетъ въ провинціи **64 мѣстныхъ уполномоченныхъ**; они производятъ кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ, заботятся объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ Попечительства, оказываютъ содѣйствіе въ призрѣніи мѣстныхъ слѣпцовъ и состоятъ непремѣнными членами мѣстныхъ отдѣленій и комитетовъ Попечительства. Таковыхъ насчитываетси 29 отдѣленій и 3 комитета, а именно: отдѣленія въ Астрахани, Вильнѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Иркутскѣ, Казани, Каменцѣ-Подольскомъ, Кіевѣ, Костромѣ, Минскѣ, Москвѣ, Одессѣ, Орлѣ, Перми, Полтавѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Якутскѣ, комитеты—въ Елабугѣ, Ревелѣ и Ташкентѣ.

Въ вѣдѣніи Попечительства состоятъ **44 заведенія**: а) **24 училища для слѣпыхъ дѣтей**: во Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Елабугѣ, Иркутскѣ, Казани, Кіевѣ, Костромѣ, Минскѣ, Москвѣ, Одессѣ, Перми, Полтавѣ, Ревелѣ, Самарѣ, С.-Петербургѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ и Черниговѣ; б) **мастерскія имени К. К. Грота въ С.-Петербургѣ** для обученія взрослыхъ слѣпыхъ (Аптекарскій островъ, Песочная, 37) и такое же

ремесленное убѣжище въ Каменцѣ-Подольскомъ; в) **4 убѣжища для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ**: два въ Петербургѣ—Николаево-Александринскій домъ для призрѣнія слѣпыхъ женщинъ и убѣжище княженъ Волконскихъ, пріюты въ Воронежѣ и Тулѣ; г) **4 общежитіе для слѣпыхъ работницъ и работниковъ**: въ С.-Петербургѣ, Костромѣ, Воронежѣ и Самарѣ; д) **9 постоянныхъ глазныхъ лечебницъ**: въ Астрахани, Воронежѣ, Вѣрномъ, Самаркандѣ, Ташкентѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ и с. Усольѣ Иркутской губерніи и е) **временная глазная амбулаторія** въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи.

Изъ учебно-воспитательныхъ заведеній для слѣпыхъ дѣтей **С.-Петербургское Александро-Маріинское училище** содержится на проценты съ принадлежащаго ему капитала и помѣщается на Аптекарскомъ островѣ въ спеціально для него построенномъ домѣ на Песочной улицѣ, 37. Оно устроено на 120 дѣтей обоего пола въ возрастѣ отъ 7 до 20 лѣтъ и состоитъ изъ 2 приготовительныхъ и 3 общихъ классовъ и изъ ремесленнаго отдѣленія. Дѣти впродолженіи 8—10 лѣтъ обучаются Закону Божьему, русской грамотѣ, ариѳметикѣ, географіи, русской и естественной исторіи, гимнастикѣ, музыкѣ, пѣнію церковному и свѣтскому, настройкѣ фортепіанъ и массажу. Въ ремесленномъ отдѣленіи дѣти учатся изготовленію разнаго вида щетокъ и корзинъ, а дѣвочки наборкѣ щетокъ о рукодѣліямъ. При училищѣ имѣются: типографія, въ которой работаютъ 3 слѣпца, библіотека въ 2.000 томовъ, написанныхъ точечнымъ шрифтомъ Брайля, и складъ такихъ же изданій, преимущественно руководствъ и книгъ духовнаго содержанія, для провинціальныхъ школъ, а также книгъ для зрячихъ по вопросамъ, касающимся улучшенія быта и обученія слѣпыхъ. Изданія склада предназначаются и для продажи.

Для пополненія всѣхъ вообще училищныхъ библіотекъ въ Петербургѣ образовалось два дамскихъ кружка (Е. А. Шамшиной и Е. Г. Опочининой), которые насчитываютъ до 120 членовъ, безвозмездно и весьма усердно занимающихся перепискою для слѣпыхъ разныхъ полезныхъ книгъ. Всего переписано до 850 книгъ: духовныхъ, изъ области исторіи, географіи и естествознанія; богаче всѣхъ отдѣлъ литературы, въ которомъ очень много объемистыхъ сочиненій, напр. «Война и Миръ» графа Л. Толстого.

Въ училищѣ выпускные экзамены происходятъ ежегодно въ началѣ іюня и представляютъ большой интересъ для всѣхъ сочувствующихъ дѣятельности Попечительства; результаты ихъ самые отрадные: большинство воспитанниковъ и воспитанницъ по окончаніи курса читаютъ совершенно бѣгло и пишутъ правильно двумя шрифтами, точечнымъ и плоскимъ, для сношенія со зрячими; по исторіи, географіи (для которой пользуются выпуклыми картами) и зоологіи они выносятъ изъ школы вполнѣ достаточныя знанія. Ремеслами слѣпыя дѣти владѣютъ настолько, что обладающія хорошимъ здоровьемъ обезпечиваютъ себѣ порядочный заработокъ.

Училище ежегодно посѣщается разными воспитательными заведеніями и дѣйствительно заслуживаетъ осмотра; оно открыто для посѣтителей по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Александро-Маріинское училище подготовляетъ учителей и учительницъ для губернскихъ училищъ. При немъ же издаются два ежемѣсячныхъ журнала: для зрячихъ—«Слѣпецъ», обсуждающій вопросы, касающіеся улучшенія быта слѣпыхъ, и «Досугъ слѣпыхъ», издаваемый для нихъ шрифтомъ Брайля. Подписная цѣна за каждый журналъ съ пересылкою на годъ 1 руб.

Большинство училищъ для слѣпыхъ дѣтей устроенны для мальчиковъ и дѣвочекъ, однако въ 8 принимаютъ однихъ мальчиковъ и въ 2 только дѣвочекъ. Во всѣхъ 24 училищахъ содержатся 722 воспитанника (493 мальчика и 229 дѣвочекъ).

Мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота, учрежденныя въ 1893 году при Александро-Маріинскомъ училищѣ, помѣщены рядомъ съ нимъ въ особомъ большомъ зданіи по Песочной ул., 37. Въ мастерскихъ обучаются впродолженіи 3-хъ лѣтъ щеточному и корзинному ремесламъ отъ 20—25 учениковъ, не прошедшихъ курса училищъ для слѣпыхъ дѣтей. Тамъ же работаютъ по окончаніи курса воспитанники Александро-Маріинскаго училища и проживающіе

въ Петербургѣ взрослые слѣпцы-ремесленники, не имѣющіе дома помѣщенія, удобнаго для работы. Для занятій съ учениками и для участія въ оцѣнкѣ издѣлій слѣпыхъ содержатся два опытныхъ мастера: щеточникъ и корзинщикъ. Необходимые для издѣлій матеріалы заготовляются мастерскими и выдаются небольшими партіями слѣпцамъ-работникамъ, вслѣдствіе чего Попечительство можетъ ручаться за доброкачественность всѣхъ издѣлій. Готовыя вещи безотлагательно принимаются мастерскими, которыя тотчасъ же платятъ за нихъ слѣпцамъ по установленной оцѣнкѣ, за вычетомъ стоимости употребленнаго матеріала и 10% коммиссіонныхъ. Съ каждымъ годомъ совершенствуются издѣлія слѣпцовъ и въ то же время умножаются разновидности изготовляемыхъ предметовъ.

Слѣпцами изготовляются: а) всякаго рода **щетки**: головныя, платяныя, шляпныя, мебельныя, ковровыя, половыя, палубныя, конскія, копытныя, сапожныя, карточныя и др., цѣною, смотря по ихъ размѣрамъ и качеству матеріала, отъ 25 коп. до 1 руб. 50 коп.; б) **дорожные сундуки и корзины** въ разныя цѣны для цвѣтовъ, для женскихъ работъ, для бумаги, для хлѣба, для провизіи, для ножей, для фруктовъ, для бѣлья, для дровъ и проч.; в) **разная мебель** изъ ивы и соломенной плетенки: диваны, кушетки, кресла (для взрослыхъ и дѣтскія), столики рабочіе и обыкновенные и г) **рукодѣлія**: шерстяные и пуховые накидки, платки, шарфы, чулки для взрослыхъ и дѣтей, перчатки и проч.

Для мастерскихъ имени К. К. Грота работаютъ до 100 слѣпцовъ и дѣло настолько организовано, что ими уже исполнены крупные срочные заказы, напримѣръ партія въ 23.000 конскихъ щетокъ для отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, ежегодно по нѣсколько тысячъ палубныхъ и другихъ щетокъ для морского министерства, разныя щетки для управленій желѣзныхъ дорогъ, балконная мебель для нѣкоторыхъ загородныхъ дворцовъ, корзины для Государственнаго и другихъ банковъ и т. п.

Доходы отъ продажи издѣлій слѣпыхъ растутъ съ каждымъ годомъ, за послѣдніе 6 лѣтъ они поднялись съ 6.000 на 22.000. Достигается это добросовѣстнымъ изготовленіемъ издѣлій и крайне умѣренною продажною цѣною, едва окупающею употребленный матеріалъ и заработную плату. Не взирая на ежегодно возрастающій сбытъ издѣлій слѣпыхъ. **Попечительство въ виду быстро растущаго числа слѣпцовъ-работниковъ нуждается въ заказахъ которые принимаются мастерскими непосредственно или черезъ ихъ магазины и исполняются скоро и добросовѣстно.**

Мастерскія имени К. К. Грота не располагаютъ особымъ капиталомъ и содержатся на текущія средства Попечительства. Точно также ничѣмъ не обезпечено содержаніе учениковъ, обучающихся въ мастерскихъ ремесламъ. Каждый ученикъ стоитъ въ годъ до 200 руб. и пока поступило только одно приношеніе въ 4.000 р., проценты съ коихъ обращаются на содержаніе въ мастерскихъ одного ученика имени жертвователя.

Въ члены Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ **принимаются всѣ благотворители, пожертвовавшіе единовременно 75 руб. или желающіе платить по 5 руб. въ годъ.** Въ настоящее время имѣется всего 5.800 членовъ, изъ коихъ 4.500 принадлежатъ къ мѣстнымъ отдѣленіямъ.

Во всей Россіи насчитывается около 200.000 слѣпцовъ, нуждающихся въ помощи благотворителей, и въ русскомъ обществѣ, всегда отзывчивомъ на всякое доброе дѣло, безъ сомнѣнія, не мало такихъ людей, которые, ознакомившись съ дѣятельностью Попечительства о слѣпыхъ, не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи. **Содѣйствіе** это можетъ выразиться не только денежными пожертвованіями и ежегодными членскими взносами, но и **поддержкою продажи издѣлій слѣпыхъ.**

Всякаго вида пожертвованія и членскіе взносы Попечительство проситъ направлять въ его Канцелярію—Спб., Большая Конюшенная, д. № 1, кв. 24, или въ мѣстныя губернскія Отдѣленія. Издѣлія же слѣпыхъ можно пріобрѣтать въ Петербургѣ: въ

главномъ складѣ на Аптекарскомъ островѣ по Песочной ул., 37, или въ его магазинахъ на **Загородномъ проспектѣ**, близъ Владимірской ул., № 8, и по **Казанской ул.**, близъ Невскаго проспекта, № 5. Съ заказами иногородныхъ просятъ обращаться въ складъ, который высылаетъ безденежно и образцы щетокъ по указанному адресу. Въ Петербургѣ заказы принимаются въ обоихъ магазинахъ.

Подробные годовые отчеты Попечительства посылаются изъ канцеляріи желающимъ безплатно; ихъ можно получать и въ обоихъ магазинахъ, гдѣ также принимается подписка на журналы «Слѣпецъ» и «Досугъ слѣпыхъ».

Николаево-Александринскій домъ призрѣнія слѣпыхъ занимаетъ двухъ-этажный каменный домъ, построенный рядомъ съ мастерскими имени К. К. Грота,—въ верхнемъ этажѣ помѣщаются слѣпыя дѣвушки-работницы (11), а въ нижнемъ неспособныя къ труду женщины (30).

Существованіе этого учрежденіи тоже не обезпечено капиталомъ. Желающіе учредить въ немъ именныя стипендіи вносятъ Попечительству единовременно 2.000 р., на проценты съ коихъ будетъ содержаться одна слѣпая женщина.

Убѣжище княженъ Волконскихъ помѣщается въ Петербургѣ, по Саперному переулку, въ собственномъ домѣ, № 7. Оно устроено на 10 слѣпыхъ дѣвушекъ и располагаетъ достаточными средствами, завѣщанными княжною М. Н. Волконской. Это убѣжище предполагается значительно расширить.

На единовременныя пособія неспособныхъ къ труду слѣпцамъ Попечительство ежегодно расходуетъ до 15.000 руб.

Мѣры для предупрежденія слѣпоты въ населеніи. Съ этою цѣлью Попечительство, начиная съ 1893 года, посылаетъ въ разныя мѣстности Имперіи, преимущественно лѣтомъ, глазные отряды для поданія бѣднѣйшимъ классамъ населенія безплатной медицинской и оперативной помощи.

Этотъ видъ дѣятельности Попечительства пользуется особыми симпатіями общества и принимается населеніемъ съ трогательною благодарностью. Глазные отряды, состоящіе обыкновенно изъ медика съ помощникомъ и фельдшеромъ, командируются по просьбѣ частныхъ лицъ и земствъ, которые предоставляютъ въ ихъ распоряженіе безвозмездно помѣщенія для производства операцій и нѣсколько коекъ для больныхъ. Мѣстные врачи также не отказываютъ глазнымъ отрядамъ въ своемъ содѣйствіи.

Въ 1893 году работало 7 отрядовъ, которые приняли 7.600 больныхъ и произвели 1.466 операцій, а въ 1898 году число отрядовъ уже возросло до 36, въ составѣ 135 чел., пріемъ больныхъ до 50.222 чел., а число операцій до 17.092. Всего же за 6 лѣтъ 139 отрядами принято 218.840 больныхъ и произведено 65.668 операцій, благодаря которымъ не малому числу слѣпцовъ возвращено зрѣніе.

Глазные отряды косвенно приносятъ еще и ту пользу, что мѣстные дѣятели внимательнѣе относятся къ глазнымъ болѣзнямъ и постепенно устраиваютъ глазныя амбулаторіи или небольшія лечебницы. Въ виду достигнутыхъ глазными отрядами отрадныхъ результатовъ, Попечительство для развитія сего благого дѣла разсчитываетъ на сборъ съ кружекъ, поставленныхъ недавно въ винныхъ лавкахъ и въ особенности на **приливъ пожертвованій, которыя просятъ направлять въ канцелярію Попечительства—С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, домъ №. 1, кв. №. 24.**

Независимо отъ отрядовъ, Попечительство учредило десять глазныхъ лечебницъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи семьдесятъ постоянныхъ глазныхъ пунктовъ какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Россіи.

Декабрь 1899 г.

Монахъ стоялъ, скрестивъ руки на груди. Все кругомъ плавало въ сѣромъ туманѣ, только его фигура выдѣлялась изъ мрака—темная, властная. Онъ не замѣтилъ Рафаэллу. Онъ, не отрываясь, смотрѣлъ на этихъ людей, которые съ рабской покорностью принимали рѣшеніе своей участи. Четверть часа спустя, когда Рафаэлла была уже на горѣ, въ двухъ шагахъ отъ Тинчинно, она обернулась и увидѣла его на томъ же самомъ мѣстѣ и въ той же позѣ.

IV.

Отшельникъ города Бальцо однако же не бездѣйствовалъ. Съ той ночи, когда святой огонь горѣвшій въ его душѣ повелѣлъ ему быть не только проповѣдникомъ, но прежде и больше всего примѣромъ дѣятельной любви, — онъ не зналъ ни минуты отдыха.

Время праздныхъ мечтаній и грезъ миновало для него. Подпоясавъ крѣпче свою рясу, онъ отправился въ паломничество—не къ чудотворной иконѣ Божьей Матери, какъ вѣрующіе къ той Мадоннѣ, святилище которой онъ самъ охранялъ—но къ сердцамъ человѣческимъ;—и не за себя молилъ онъ, а за другихъ, за тѣхъ, чье горе и страданіе тяжкимъ бременемъ легли на его собственную душу.

Сердце его было полно радостныхъ надеждъ и бодрой отваги. Слова лились у него свободно и вольно—несравненно свободнѣе, чѣмъ постомъ съ каѳедры, когда ему приходилось проповѣдывать въ монастырѣ братьямъ, и никогда еще онъ не былъ такъ краснорѣчивъ.

Первымъ онъ обошелъ Тинчинскій приходъ. Этотъ приходъ безспорно былъ всѣхъ бѣднѣе: здѣсь господствовала положительно нищета и нужда. Чтобы скорѣе достигнуть цѣли, ему необходимо было прежде всего заручиться содѣйствіемъ своихъ собратіевъ-священниковъ. Онъ былъ твердо увѣренъ, что повсюду встрѣтитъ съ ихъ стороны полную отзывчивость, радостное сочувствіе и дѣятельную помощь. Стоитъ только подать мысль, сдѣлать первый шагъ, побороть привычку, увѣренность, будто все должно быть именно такъ, какъ оно есть. Стоитъ только пробудить желаніе, помочь укрѣпить вѣру въ достижимость желаемаго. Относительно же того, въ чемъ именно, заключается долгъ священника, сомнѣній, конечно, быть не можетъ.

Но—съ первыхъ же шаговъ—францисканца ждало разочарованіе. Падре Ипполито, престарѣлый тинчинскій пастырь, встрѣтилъ его недружелюбно. Фра-Леонардо засталъ его кормящимъ кроликовъ на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы, ведущей изъ дома въ обнесенный стѣною дворъ; ступени эти были сдѣланы изъ могильныхъ плитъ разрушенной церкви и на нихъ еще сохранились наполовину стертыя надписи и рельефныя изображенія.

Падре былъ въ черной рясѣ и скуфейкѣ, покрывающей тонсуру. Это была настоящая идиллія—сѣдовласый старикъ, окруженный цѣлымъ стадомъ своихъ любимцевъ—красивыхъ длинноухихъ съ гладкой атласной шерстью звѣрьковъ, весело шмыгавшихъ у него между ногъ и съ жадностью накидывшихся на разбросанный кормъ. Солнце освѣщало бѣлыя стѣны, обвитыя виноградомъ. Тамъ и сямъ еще сохранились на сѣрыхъ побѣгахъ—пожелтѣвшіе увядающіе листья, отливавшіе золотомъ на солнцѣ.

— Счастливые звѣрьки! не безъ горечи замѣтилъ монахъ.

Сѣдой священникъ при видѣ гостя приподнялъ свою скуфейку и бросилъ на него пытливый взглядъ изъ подъ бѣлыхъ густыхъ бровей.

Отшельникъ изъ Бальцо не былъ любимъ своими собратіями. Народъ чтилъ его почти какъ святого и это, конечно, не могло нравиться другимъ священникамъ. Въ ихъ глазахъ фра Леонардо былъ аскетъ и фанатикъ, добивавшійся популярности, — словомъ, человѣкъ неудобный. Патеръ церкви Св. Духа въ Бальцо подозрѣвалъ его даже въ шпіонствѣ и доносахъ — иначе откуда бы Гиргентскому епископу знать всѣ мелочи его, почтеннаго патера, жизни, которыя были найдены при епископскомъ дворѣ неподабающими для священника и подающими поводъ къ соблазну. Съ

тѣхъ поръ, какъ почтенный патеръ получилъ выговоръ отъ епископа, онъ всюду кричалъ, что отшельникъ изъ Бальцо мѣтитъ на кардинальскую шапку и готовъ добиваться ея всякими путями и средствами.

— Это моя единственная радость!— сказалъ патеръ Ипполито,—милыя созданія! они не вѣдаютъ ни злобы, ни лжи!

Послѣднія слова были сказаны не безъ умысла.

— Вы желали бы переговорить со мной, братъ Леонардо.

— Я сейчасъ невольно подумалъ, что мужчинамъ и женщинамъ вашего прихода далеко не такъ сладко живется, какъ этимъ звѣрькамъ, милый братъ Ипполито.

— Что вы хотите этимъ сказать?— спросилъ патеръ Ипполито, безпокойно передвигая на головѣ скуфейку и наклоняясь къ своимъ любимцамъ, чтобы бросить имъ остатокъ цикорія. — Что нибудь случилось? Вы пришли сообщить что нибудь непріятное? У меня сегодня опять болитъ вся лѣвая половина головы. Если бы вы знали какое это мученіе, милый братъ! Впрочемъ,—прибавилъ онъ, потирая двумя пальцами лѣвый високъ,—я вѣдь вообще мученикъ—какими только болѣзнями я не страдаю! Меня все волнуетъ, все мучитъ.—Голосъ отца Ипполито дѣлался все жалобнѣе и жалобнѣе. — Я совершенно не выношу волненій! Это для меня самое худшее. Всякое волненіе отзывается у меня на нервахъ. А ревматизмъ!.. Я кажется насквозь пропитанъ ревматизмомъ. Да это и неудивительно въ такомъ суровомъ горномъ климатѣ. А постоянныя непріятности! Боже Милостивый! Что это за приходъ! Вы представить себѣ не можете, какое невѣжество здѣсь царитъ. И за все это мнѣ приходится расплачиваться собственной шкурой. Еще немного и первая крупная непріятность сведетъ меня въ гробъ, докторъ мнѣ такъ прямо и сказалъ. Если я буду такъ волноваться, такъ близко все принимать къ сердцу—я долго не выдержу—силъ не хватитъ. А между тѣмъ Господу Богу моему, повидимому, угодно, чтобы я еще оставался нѣкоторое время на своемъ трудномъ посту. Поэтому—мой священный долгъ избѣгать всего, что прямо не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей—вы понимаете меня? Не войдемъ-ли мы въ домъ, дорогой братъ Леонардо? — Ну-ка, Нинета, покажи, какъ ты умѣешь прихорашиваться.

Продолжая жаловаться, онъ наклонился къ весело прыгающимъ около его ногъ кроликамъ, и взялъ одного изъ нихъ на руки. Это былъ рѣдкостный экземпляръ,—крупный съ длинной, мягкой бѣлоснѣжной шерстью и красными глазками. Онъ уютно расположился на рукахъ патера и только медленно поводилъ своими длинными розовыми ушами, когда хозяинъ любовно гладилъ его по шерсткѣ. Потомъ кроликъ вытянулъ впередъ одну лапку и принялся лизать ее, причемъ одно ухо его было плотно прижато къ головѣ, а другое торчало прямо кверху: онъ дѣйствительно, какъ будто прихорашивался. Видъ у него былъ забавный и вмѣстѣ кокетливый, и патеръ Ипполито смѣялся, какъ ребенокъ, не переставая нѣжно и льстиво упрашивать:

— Принарядись, Нинета, покажи, какъ ты умѣешь прихорашиваться, мое сокровище!

— Да, пожалуй, лучше будетъ войти,—подумавъ сказалъ монахъ.

— Какъ вамъ угодно,—падре Ипполито совсѣмъ спряталъ лицо въ мягкой шерсти кролика,—какъ вамъ будетъ угодно!

И онъ первый сталъ подниматься по истертымъ мраморнымъ ступенямъ;—на верхней еще сохранились явственныя очертанія фигуры въ священнической одеждѣ.

Кролика онъ посадилъ на плечо и нѣжно терся щекой о его мягкую спину.

Поднявшись и повернувъ направо, они очутились въ просто, но уютно меблированной комнатѣ и усѣлись, падре у открытаго окна, въ которомъ свѣтило солнце, — гость напротивъ него. Облокотившись рукой на высокую спинку кресла, любовно поглядывая на кроликовъ, копошившихся внизу на дворѣ и

гладя красавицу Нинету, свернувшуюся у него на плечѣ, падре Ипполито прочелъ цѣлую лекцію о привычкахъ и нравахъ своихъ любимцевъ и объ уходѣ за ними. Онъ такъ увлекся, что забылъ и о своей головной боли, и о цѣли визита фра-Леонардо.

Чистенькая комнатка, украшеная изображеніями святыхъ и бѣлыми распятіями, походившая скорѣе на горенку старой дѣвы, чѣмъ на рабочій кабинетъ священника, дышала такимъ миромъ и спокойствіемъ, словно въ этой части свѣта не было болѣе важныхъ вопросовъ, чѣмъ вопросъ о раціональномъ питаніи кроликовъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ и принадлежащихъ къ различныхъ породамъ.

— Вотъ этотъ, напримѣръ, звѣрекъ, американецъ,—съ гордостью пояснялъ хозяинъ.—Онъ родомъ изъ Мексики. Да-съ, Нинета, мы не здѣшніе, мы издалека пріѣхали. У меня есть книга о разведеніи кроликовъ въ Южной Америкѣ. Она написана однимъ сицилійскимъ земледѣльцемъ, переселившимся въ Америку. Изданіе превосходно, рисунки чудные. Не хотите ли взглянуть?

Терпѣніе фра-Леонардо истощилось; онъ отрицательно покачалъ головой и заговорилъ о томъ, что привело его сюда. Онъ началъ прямо безъ предположеній. Дѣла въ общинѣ такъ плохи, что теперь не время обсуждать вопросъ о питаніи кроликовъ. Надо подумать о томъ, чѣмъ кормить людей, чтобы не дать имъ умереть съ голоду. Нужда растетъ и ни одна рука не протягивается для помощи.

На дняхъ повысили налоги—дорогу новую строить хотятъ, а отъ этой дороги собственно общинѣ никакой выгоды нѣтъ, да и надобности въ ней нѣтъ. Дорога нужна только латифундіи герцоговъ Барафранка.

Извѣстно-ли падре Ипполито, что произошло въ латифундіи? Теперь въ самое трудное время года, вмѣсто того, чтобы повысить плату поденщикамъ—частью ихъ разсчитали, а остальныхъ почти всѣхъ перевели на половинную плату. Вѣдь это значитъ сознательно доводить людей до крайности.

Можетъ быть донъ Джозуэ и не могъ иначе поступить—онъ самъ бьется, какъ рыба объ ледъ,—но дольше медлить невозможно такъ или иначе, а помочь необходимо.

Всѣ должны быть привлечены къ дѣлу помощи, должны подѣлиться съ неимущими. Всѣ—вѣдь дѣти одного Бога, всѣ братія и пора имъ заключить между собою братскій союзъ.

Первый долгъ священниковъ — трудиться для достиженія этой цѣли, учить другихъ словомъ и примѣромъ.

И вотъ онъ, фра Леонардо, пришелъ къ нему, какъ къ старшему брату, просить совѣта и содѣйствія, обсудить съ нимъ вмѣстѣ, какъ скорѣе и легче выполнить эту святую задачу.

Онъ готовъ, ходить отъ одного порога къ другому, стучаться въ каждую дверь, повсюду молить. Но, прежде всего, надо тѣснѣе сплотиться самимъ священникамъ.

Нужда немолчно вопіетъ къ Господу.

Часъ пробилъ. Время приспѣло для наступленія царства Божія на землѣ. Господь взываетъ къ намъ внятнымъ голосомъ, и горе тѣмъ, кто въ своей закоснѣлости не хочетъ слышать.

Рѣчь фра-Леонардо лилась все горячѣе, несмотря на умоляющіе взгляды и жесты хозяина, всячески старавшагося прервать его. Напрасно падре Ипполито все усерднѣе теръ свой лѣвый високъ, пожималъ плечами, открывалъ ротъ и со вздохомъ закрывалъ его снова—вообще, выказывалъ всѣ признаки нетерпѣнія и неудовольствія. Временами онъ даже забывалъ гладить бѣлаго кролика. Лицо его прояснилось лишь только, когда въ открытую дверь изъ сосѣдней комнаты до слуха его донесся стукъ ножей и посуды. Онъ удобнѣе развалился въ креслѣ, зажмурилъ одинъ глазъ и, пока монахъ продолжалъ говорить, другимъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ старой Соры Кончетты, собственноручно накрывавшей на столъ для завтрака. Солнце ярко освѣщало бѣлую скатерть и стоявшую посрединѣ стола голубую вазу съ фруктами. Старуха суетливо сновала по комнатѣ, и когда она выходила зачѣмъ-нибудь въ кухню, открывала туда дверь, обоняніе патера щекоталъ вкусный запахъ жаре-

наго, вызывая на лицо его довольную улыбку.

— Милый братъ Леонардо,—сказалъ онъ, наконецъ, небезъ тревоги, замѣтивъ, что Сора уже поставила бутылку вина на столъ,—какъ хорошо, какъ горячо вы говорите! Да, тяжело иногда живется нашимъ бѣднымъ прихожанамъ! Но на то воля Создателя; иначе онъ намъ не посылалъ бы испытаній. Онъ желаетъ разбудить ихъ души, очистить ихъ и облагородить. Это дѣло Господа, и мы не должны вмѣшиваться. Нѣтъ, нѣтъ.

— Я больной человѣкъ старый, больной, дорогой братъ мой. Святая Дѣва видитъ, что мнѣ не подъ силу вводить реформы. Вы еще молоды, пылки, въ васъ громко говоритъ сердце. И я когда-то былъ таковъ, милый братъ Леонардо! Но когда 40 лѣтъ постранствуешь по разнымъ приходамъ и увидишь, что вездѣ то же самое, тогда заговоришь иное, тогда поневолѣ смиришься. Помочь тутъ ничѣмъ нельзя. Гдѣ начало, гдѣ предѣлъ такой помощи? И у кого искать ея? Нѣтъ, милый братъ, лучше оставить все такъ, какъ есть!.. На все воля Божія. Я исполняю обязанности, налагаемыя на меня саномъ, я никогда не отказываю въ духовномъ утѣшеніи, когда Господь посѣщаетъ кого-либо изъ моихъ прихожанъ нуждой или болѣзнію, я всячески стараюсь ободрить и поддержать мужество. Ни богатый, ни бѣдный не можетъ на меня пожаловаться. Что же я еще могу сдѣлать?

Онъ бросилъ безпокойный взглядъ на дверь въ столовую.

— Вы слишкомъ экзальтированы, дорогой братъ. Вы совсѣмъ не знаете жизни, вы слишкомъ замкнуто живете тамъ у себя, наверху. Когда доживете до моихъ лѣтъ, будете стары, слабы, вспомните,—нѣтъ, нѣтъ, не берите на себя слишкомъ тяжелыхъ заботъ! Господь Богъ самъ знаетъ, что дѣлаетъ. Безъ Его святой воли и воробей не упадетъ съ крыши; Онъ не даетъ погибнуть своимъ созданіямъ. Довѣртесь же Ему слѣпо, безъ разсужденія! Ваше усердіе чрезвычайно похвально, дорогой братъ! Да и я бы охотно помогъ, если бы могъ! Но человѣкъ сосудъ скудельный. — Не хотите ли позавтракать со мной, братъ Леонардо?

На порогѣ стояла старая Сора, приглашая къ завтраку.

— Мнѣ сдается, что у насъ сегодня frittata. Не желаете ли? — повторилъ падре, втянувши носомъ воздухъ.

Фра Леонардо поднялся со стула и угрюмо отказался.

— Въ такомъ случаѣ прошу извиненія. Я не могу ѣсть ничего холоднаго—мнѣ страшно вредно, я моментально дѣлаюсь боленъ. Кончетта, не угостишь ли ты меня бутылочкой стараго краснаго—а? У меня опять что-то не ладно въ желудкѣ. Хорошее ли ты сегодня масло взяла для фриттаты, дочь моя? Да? Ну тѣмъ лучше! Милый братъ Леонардо, — онъ благодушно похлопалъ монаха по плечу, — бросьте вы эти ваши идеи, право, бросьте! Милости просимъ ко мнѣ опять какъ-нибудь на дняхъ. Дастъ Богъ, мнѣ будетъ получше—мы потолкуемъ за стаканчикомъ добраго винца, можетъ и придумаемъ что-нибудь. А? Хотя я и сомнѣваюсь, чтобы тутъ можно было что-нибудь придумать. Будьте здоровы! Господь съ вами, милый братъ!

Онъ усѣлся за столъ, посадилъ бѣлаго кролика на кресло рядомъ съ собой и ласково посылалъ привѣтствіе рукой уходившему гостю. Но такъ какъ Кончетта еще не вернулась съ виномъ, онъ рѣшилъ, что надо еще что-нибудь сказать на прощаніе и принялся наскоро разсказывать.

— Подумайте только, милый братъ, что здѣсь за народъ! Да, да, вамъ полезно это знать — некрасиво, зато поучительно. Вы не знаете этихъ людей! Можете себѣ представить, на дняхъ одинъ чуть было не стянулъ у меня кролика! Что вы на это скажете? Обокрасть пастыря! Украсть одного изъ моихъ любимцевъ! Ужасные нравы! По вашему, эти люди съ голоду умираютъ, какъ бы не такъ! Они желаютъ кушать жаркое изъ кроликовъ,—на меньшее они не согласны—подайте имъ кролика! Каково? А? Что вы на это скажете?— Онъ хотѣлъ продолжать, разсказать о томъ, какъ въ послѣднюю минуту вора спугнулъ «хромой», но въ это время вошла Кончетта, неся фриттату въ правой рукѣ и оплетенную тростникомъ

бутылку въ лѣвой, и падре оборвалъ свою рѣчь на половинѣ.

Монахъ вышелъ, не дожидаясь отвѣтнаго кивка на свой поклонъ. Черезъ открытое окно до него донеслись слова:

— Этотъ отшельникъ какой то полоумный,—право, полоумный, Кончетта. Если онъ часто будетъ посѣщать меня, у меня пропадетъ всякій аппетитъ, я въ этомъ увѣренъ.

— Будь покоенъ,—съ горечью молвилъ про себя фра-Леонардо, — больше ты меня не увидишь; теперь ты застрахованъ отъ моихъ визитовъ.

И онъ отправился дальше, въ Аджиру, къ другому священнику, дону Валеріо.

Аджира, какъ и Тинчино, принадлежала къ Бальцской общинѣ. Это было очень бѣдное мѣстечко, пожалуй, еще беднѣе Тинчино, производившее впечатлѣніе сплошной большой крѣпости, съ обострившимися зубцами и множествомъ бойницъ.

Къ верхнимъ лачугамъ надо было пробираться по какимъ-то сырымъ и мрачнымъ ходамъ, полнымъ грязи, напоминающимъ туннели.

Повсюду пахло плѣсенью и гнилью. Новому человѣку почти невозможно было оріентироваться въ этой путаницѣ воротъ, сводовъ, узкихъ, и скользкихъ отъ сырости переулковъ, и неосвѣщенныхъ лѣстницъ, на которыхъ легко было сломать себѣ шею. Постройки всѣ имѣли самый жалкій видъ; иныя уже развалились, другія готовы были развалиться или носили слѣды спѣшнаго недостаточнаго ремонта. Онѣ были разбросаны, какъ попало, безъ всякаго порядка, то громоздились одна на другую, то смотрѣли врозь; многія были подперты желѣзными кольями, такъ какъ со времени послѣдняго землетрясенія онѣ уже не могли стоять прямо. Люди, обитавшіе въ этихъ норахъ и трущобахъ, смотрѣли заброшенными и нелюдимыми.

Въ былыя времена Аджира была разбойничьимъ гнѣздомъ, славившимся на всю округу. Говорили, что изъ нею вышло больше богатствъ, чѣмъ изъ всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ городовъ и мѣстечекъ области Гиргенти. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ области этой почти совсѣмъ перевелись бандиты, населеніе Аджиры почти поголовно работало въ сѣрныхъ копяхъ. Впрочемъ, здѣсь было также изрядное количество мелкихъ землевладѣльцевъ, сидѣвшихъ на крошечныхъ клочкахъ земли, которые вслѣдствіе малаго плодородія почвы и высокихъ податей давали ровно столько, чтобы владѣльцамъ ихъ не пришлось умереть съ голоду.

Повсюду въ этой мѣстности глазъ встрѣчалъ только болѣзненныхъ истощенныхъ людей, съ вялой желтой кожей и большими воспаленными глазами. Эпидеміи тифа, перемежающейся лихорадки ежегодно уносили массу жертвъ, заботясь о томъ, чтобы населеніе не увеличивалось черезмѣрно и мѣста въ хижинахъ хватало на всѣхъ. Больше всего умирало рабочихъ, выгнанныхъ изъ рудниковъ по болѣзни, старости или за неисполненіе. Надъ этой безотрадной и мрачной мѣстностью вѣчно царило уныніе. Даже дѣтскаго крика не слышно было на этихъ, пропахшихъ гнилью дворовъ, обнесенныхъ высокими, подъ самое небо стѣнами.

Полной противоположностью этой унылой нездоровой атмосферѣ являлся мѣстный священникъ, донъ Валеріо. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ; его полное круглое лицо вѣчно сіяло улыбкой. Несмотря на то, что онъ брился ежедневно, его отвислыя щеки вѣчно были покрыты черной щетиной; на маленькомъ хрящеватомъ носу онъ носилъ очки съ большими круглыми стеклами. Его ряса лоснилась отъ грязи и была во многихъ мѣстахъ протерта до нитокъ.

Онъ жилъ одиноко рядомъ съ церковью; домикъ его былъ построенъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ и оттого въ немъ было много и свѣта и воздуха, но зато убранство въ немъ было почти нищенское и къ тому же онъ не блисталъ опрятностью. Изъ мебели въ немъ было только самое необходимое.

Передъ домикомъ стояла среди груды щебня, мусора и всякаго хлама древняя смоковница, плотно прижавшая свои вѣтви къ самой стѣнкѣ, словно желая предохранить ее отъ разрушенія, на

которое здѣсь все, казалось, было обречено.

Донъ Валеріо только что кончилъ свой завтракъ, когда къ нему зашелъ фра Леонардо. Монахъ довольно долго блуждалъ по лабиринту улицъ и переулковъ; не мало обитателей лачугъ, прячась за прикрытыми ставнями, провожали его съ недовѣрчивыми взглядами, но ни одинъ не предложилъ указать дорогу.

По оставшимся объѣдкамъ было видно, что весь завтракъ падре состоялъ изъ хлѣба и жесткой копченой колбасы, чесночный запахъ которой до сихъ поръ носился въ воздухѣ. На непокрытомъ скатертью столѣ стояла одна глиняная тарелка. Прожевывая послѣдній кусокъ, донъ Валеріо протянулъ руку гостю. Его лицо сіяло добродушіемъ и неистощимымъ довольствомъ собой и всѣмъ міромъ.

— Bene! optime!—воскликнулъ онъ.— Теперь есть у меня предлогъ выпить стаканчикъ вина!

И несмотря на отказъ фра Леонардо, онъ направился къ стѣнному шкафу и досталъ оттуда запыленную бутылку и два треснувшихъ стакана, которые онъ вытеръ подкладкой своей рясы.

— Вы смѣло можете пить это вино— оно совершенно безвредно,—это скорѣе вода, чѣмъ вино. А все-таки пріятно иногда побаловать себя!

Донъ Валеріо налилъ себѣ и гостю, съ удовольствіемъ поглядывая на зеленоватую влагу, лившуюся въ стаканы.

Полная добродушнаго юмора улыбка не исчезла съ его лица и тогда, когда монахъ заговорилъ о цѣли своего посѣщенія,—только къ ней примѣшался какъ бы оттѣнокъ превосходства.

Внимательно слушая, донъ Валеріо иногда одобрительно кивалъ головой, улыбался и бормоталъ про себя:

— *Bene dixisti, bene, optime!*

И не дождавшись, когда монахъ кончитъ описывать повсемѣстную, нужду, требующую скорой, основательной, помощи, онъ добродушно потрепалъ его по плечу, говоря:

— Дорогой братъ, однѣми этими рѣчами, вы уже заслужили царствіе небесное. Безспорно, — все, что вы говорите — истина. Разсуждая по божески и по справедливости, все должно быть именно такъ, какъ вамъ хотѣлось бы, чтобы было. Это-то вѣрно. Но что подѣлаешь? Люди—люди и есть, а не ангелы. Надо съ этимъ считаться и брать ихъ такими, каковы они есть. Такъ и Господь Богъ на нихъ смотритъ. Вы думаете—вы чего-нибудь добьетесь? Вѣдь васъ никто не станетъ слушать. Тѣ, кто имѣютъ что-нибудь—захлопнутъ дверь у васъ передъ носомъ, а неимущимъ ваши проповѣди могутъ только повредить, сдѣлать ихъ тунеядцами, преступниками... Да вы не принимайте этого всего такъ близко къ сердцу, милый братъ!... Не стоитъ того дѣло, и сама жизнь ничего не стоитъ. Берите примѣръ съ меня! Вотъ уже 12 лѣтъ, какъ я служу здѣсь. Удастся ли мнѣ когда-нибудь выбраться отсюда— это еще большой вопросъ: на такое мѣсто много охотниковъ не найдется... А, въ сущности, мнѣ все-таки живется не дурно, я всегда веселъ и доволенъ; мнѣ не на что жаловаться. Заработать здѣсь можно только черствый кусокъ хлѣба, но онъ, какъ видите идетъ мнѣ впрокъ. Я не избалованъ, лучшаго я никогда и не зналъ; я сынъ мелкаго фермера-однодворца и голодалъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, даже и тогда, когда его высокопреподобіе взялъ меня въ служки и сталъ заботиться обо мнѣ. Поститься мнѣ всегда было легко, такъ какъ, откровенно говоря, я и не видывалъ даже мяса,—и онъ громко расхохотался.—Но вы не думайте, что я дурной пастырь, фра Леонардо,—продолжалъ онъ, потягивая съ присвистомъ мелкими глотками вино изъ стакана.— Нѣтъ, нѣтъ,—можете справиться обо мнѣ у моихъ духовныхъ дѣтей! Я для нихъ дѣлаю все, что только могу. Я самъ живу немногимъ лучше бѣднѣйшихъ изъ прихожанъ. Да и можетъ ли быть иначе? Приходъ бѣдный, плата за требы нищенская!—Въ услугахъ своихъ я никому не отказываю, а деньги не силой же мнѣ тянуть съ нихъ! Зачастую по цѣлымъ днямъ я сижу безъ хлѣба — и кухарки держать не надо; не нужно, да и солоно бы ей пришлось у меня. Одежда у меня развалилась, сапоги то же, я от-

далъ въ починку и принужденъ былъ идти къ умирающему со св. Дарами въ однихъ чулкахъ!—И патеръ залился веселымъ смѣхомъ, вспоминая это забавное происшествіе. — Первое дѣло—не унывать!— Закончилъ онъ, ставя на столъ пустой стаканъ.

— Такъ и вы думаете, что ничего нельзя измѣнить? строго спросилъ монахъ.

— Но, милый братъ, можетъ-ли быть иначе? Право-же, народъ вовсе не такъ ужъ мучается и отчаивается, какъ вы думаете. Вамъ и всякому со стороны это, дѣйствительно, можетъ показаться ужаснымъ, но бѣдняки, никогда не знавшіе ничего лучшаго,—иначе относятся къ своему положенію. Они съ дѣтства свыкаются съ бѣдностью; ничего другого они и не видятъ вокругъ себя, и потому имъ кажется, что такъ оно и быть должно. Все, что вы сейчасъ говорили объ обязанности дѣлиться съ неимущими, объ истинныхъ завѣтахъ христіанства, о дѣятельной любви къ ближнему, о томъ, что Богу угодно, чтобы всякія преходящія земныя блага были общими, дабы ни одинъ человѣкъ не прилѣплялся къ нимъ душой, — вѣрьте мнѣ, всего этого они бы даже не поняли. Или, въ противномъ случаѣ, превратились бы современемъ въ дикихъ звѣрей. Это всегда такъ было. Почему же теперь должно быть иначе? А о томъ, чтобы нужда не сдѣлалась нестерпимой позаботится Самъ Отецъ нашъ небесный. Ибо мои духовныя чада—всѣ добрые храстіане, я на нихъ пожаловаться не могу.

А послушали бы вы, какъ они поютъ и веселятся по воскресеніямъ въ остеріи! Развѣ такъ можетъ веселиться человѣкъ, доведенный до отчаянія? Полноте! Вовсе имъ не такъ тяжело живется, какъ вы думаете. Главное дѣло, ихъ поддерживаетъ надежда: они вѣрятъ, что на томъ свѣтѣ будетъ лучше.

А на все остальное надо смотрѣть съ юмористической точки зрѣнія, видѣть во всемъ забавную сторону; все остальное—преходяще. Кто поручится, что Господь завтра же не призоветъ насъ къ себѣ? Такъ стоитъ ли горевать о томъ, что у насъ развалилась обувь, что въ шкафу нѣтъ кусочка хлѣба, а въ кошелькѣ ни одного сольдо? Пейте же ваше вино, фра Леонардо! Или оно вамъ не по вкусу?

Монахъ отодвинулъ отъ себя почти нетронутый стаканъ и покачалъ головой.

— Благодарю васъ. Мнѣ еще много нужно сегодня сдѣлать; надо, чтобы голова была свѣжа. Мнѣ пора.

Онъ всталъ.

Донъ Валеріо снялъ очки и тщательно протеръ стекла словно для того, чтобы лучше разсмотрѣть стоявшаго передъ нимъ юродиваго или святого.

Потомъ онъ сказалъ:

— Вы уходите отъ меня недовольнымъ, милый братъ Леонардо! Меня это искренно огорчаетъ. Но все же мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы послушали моего совѣта. Оставьте вы вашу затѣю. Вѣрьте все устроится самой собой. Мы, священники можемъ только исполнять свой долгъ, т.-е. голодать вмѣстѣ съ голодающими и бодро сносить испытанія, которыя намъ посылаетъ небо. Что же касается богатыхъ—вы знаете не хуже моего, что сказано въ писаніи: «легче верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе». А потому не тратьте словъ напрасно! Всегда были и будутъ господа и рабы, на то воля Божія; такъ ужъ созданъ свѣтъ. Немножко юмора, братъ мой, и вы увидите, что совсѣмъ уже не такъ плохо жить на свѣтѣ.

Фра Леонардо не возражалъ. Патеръ поднялся и пошелъ вслѣдъ за нимъ, чтобы вывести его на дорогу кратчайшимъ путемъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, монахъ заговорилъ о новой дорогѣ въ Бальцо, которую намѣреваются провести черезъ горы, для чего придется взрывать скалы. Донъ Валеріо добродушно засмѣялся.

— Да, да, старая исторія — у кого сила, у того и право. Хитрецы эти господа муниципальные совѣтники — ловкій народъ и ужъ другъ за друга горой. Впрочемъ всякій на ихъ мѣстѣ дѣлалъ бы то же!—заключилъ, онъ буквально покатываясь со смѣху, словно ему удалось сказать нѣчто необычайно остроумное.

По пути донъ Валеріо то и дѣло от-

вѣчалъ шуткой или привѣтливымъ кивкомъ головы на почтительные поклоны своихъ прихожанъ, выглядывавшихъ въ окна; встрѣчные всѣ до одного подходили къ нему подъ благословеніе и цѣловали ему руку. Видно было, что онъ дѣйствительно сердечно любимъ своей паствой и не напрасно хвастался этой любовью передъ монахомъ.

Однако же чело этого послѣдняго оставалось нахмуреннымъ; у послѣднихъ поворотовъ онъ простился съ патеромъ и пошелъ одинъ по направленію къ Бальцо.

— Одинъ, какъ чистокровный эгоистъ, прячется отъ жизни,—думалъ онъ,—другой видитъ въ ней одну комедію безъ смысла и смѣется надъ ней. Это, однако жъ, не мѣшаетъ имъ добросовѣстно исполнять свои обязанности и считать себя хорошими пастырями.

Сердце его исполнилось горечи и горячаго состраданія.—Неужели ему, дѣйствительно суждено всюду натыкаться на затворенныя двери?—Неужели нужда ближняго, эта нищета, которая вездѣ и всюду бьетъ въ глаза, камнемъ ложится только на его сердцѣ? Неужели только онъ мучается, терзается и не имѣетъ минуты покоя!

Эти мысли словно раскаленные стрѣлы сверлили мозгъ фра Леонардо, пока онъ шелъ обратно въ Бальцо, но онъ не падалъ духомъ.

— Они *должны* меня услышать, думалъ онъ, хотя бы для этого мнѣ пришлось забраться на колокольню церкви св. Дѣвы.

Что значитъ двое тамъ, гдѣ столько призванныхъ къ дѣлу помощи!

Бальцо лежалъ южнѣе и ниже по склону горы, чѣмъ оба мѣстечка, принадлежавшія къ его муниципіи, Тинчино и Аджира; послѣднія теперь совершенно скрылись за утесами, снизу ихъ даже не было видно.

Городокъ красиво раскинулся на скатѣ горы; въ немъ было двѣ церкви съ пестрыми разноцвѣтными куполами и арабскими арками;—большая площадь была вымощена лавой, посрединѣ ея находилась очень уже древняя статуя св. Дѣвы и обширное средневѣковое зданіе ратуши; узкія, угловатыя улицы были застроены высокими домами, большею частью расписанными изображеніями святыхъ. Въ городѣ имѣлись даже гордыя развалины феодальнаго замка, въ которомъ помѣщались теперь казармы карабинеровъ и мелькали зеленыя куртки таможенныхъ. Въ окресностяхъ города разводили хлопчатникъ, Населеніе города составляли купцы, помѣщики, арендаторы, администрація сѣрныхъ рудниковъ, обладатели виноградниковъ, экспортеры, раззорившееся мелкое дворянство, проживавшее здѣсь послѣднія крохи, чиновники всѣхъ вѣдомствъ, словомъ, почти сплошь люди, которыхъ простонародіе и рабочіе называли «Galantuomini» или попросту «шляпы» за то, что всѣ эти господа носили шляпы, а не войлочные колпаки, какъ поселяне. Шляпы являлись какъ бы внѣшнимъ признакомъ, дѣлившемъ одну часть общества отъ другой, которая принадлежала какъ бы высшей расѣ и не имѣла ничего общаго съ первой. Не мало было въ Бальцо и не покрытой бѣдноты, и тотъ, кто побродилъ бы по узкимъ переулкамъ, ведущимъ отъ широкой улицы Виктора-Эммануила—къ церкви святой Варвары и поглядѣлъ бы на нищету и мерзость запустѣнія, ютившіяся между высокихъ и мрачныхъ каменныхъ стѣнъ, вынесъ бы впечатлѣніе ни сколько не лучше, того, какое давала прогулка по Аджиро и Тичино.

Пролетарій здѣсь казался еще большимъ отверженцемъ и въ то же время, пожалуй, еще болѣе дикимъ и опаснымъ для общества.

Фра Леонардо рѣшилъ не заходить къ священнику церкви Св. Духа, зная, что тотъ его не долюбливаетъ и питаетъ къ нему, хотя и безъ причины, не только вражду, но и зависть. Самъ онъ тоже не любилъ дома Лоренцо, ибо не могъ не возмущаться въ душѣ его образомъ жизни, недостойнымъ священника, но ему и въ голову не приходило доносить о чемъ бы то ни было епископу.

Ему ли судить, когда въ немъ самомъ, не смотря на усердный постъ и молитву, столько еще сидитъ грѣховныхъ помысловъ и мірскихъ желаній.

Донъ Лоренцо тревожился напрасно:

по отношенію къ фра Леонардо онъ былъ въ безопасности, какъ ни больно было отшельнику видѣть слугу Господа погрязшимъ въ мірскихъ страстяхъ и порокахъ.

Фра Леонардо хорошо зналъ, что этотъ пастырь, обратившій жизнь въ забаву и пренебрегавшій самыми святыми обязанностями—останется глухъ къ его призыву; то была паршивая овца въ стадахъ Господа, способная только потворствовать низменнымъ страстямъ людей. Но Богъ вѣсть, быть можетъ, и для него пробьетъ часъ просвѣтленія, какъ для Савла на пути въ Дамаскъ. Быть можетъ, когда любовь къ ближнему яркимъ пламенемъ запылаетъ въ сердцахъ людей, — и въ этомъ невѣрномъ рабѣ проснется совѣсть, и онъ будетъ бить себя въ грудь, оплакивать свои грѣхи и творить добро во искупленіе ихъ. И такими орудіями пользуется Господь, когда приспѣетъ время для жатвы.

Совершенно иного покроя былъ викарій, донъ Гордіано. Онъ былъ добръ и ласковъ, слылъ щедрымъ и ни къ кому бѣдняки не шли такъ охотно на исповѣдь, какъ къ нему, говорили, что онъ старается избѣгать суровыхъ эпитемій за проступки.

Фра Леонардо нашелъ въ немъ человѣка еще не стараго, но уже согбеннаго подъ бременемъ жизни.

Плечи его какъ-то опустились, онъ постоянно кашлялъ и глядѣлъ на свѣтъ пугливо и застѣнчиво своими большими мигающими глазами.

Когда монахъ заговорилъ о своей миссіи, ниспосланой ему самимъ Богомъ, и о томъ, что онъ рѣшилъ посвятить ей каждый часъ своей жалкой жизни, изъ глазъ викарія хлынули слезы. Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ глубокаго душевнаго волненія, онъ снова и снова жалъ руки фра Леонардо своими худыми безкровными пальцами, не спуская съ него благоговѣйнаго взгляда. Но чѣмъ горячѣе лилась рѣчь монаха, тѣмъ больше викарій уходилъ въ себя, какъ бы подавленный и уничтоженный.

Онъ то растерянно озирался кругомъ, то поднималъ руки, словно умоляя, то пугливо взглядывалъ на потолокъ и склонялъ голову, какъ бы ожидая грома небеснаго и робко бормоча своими блѣдными устами: «вы святой! вы святой!»

Когда фра Леонардо кончилъ, донъ Гордіано замеръ на мѣстѣ, словно очарованный, на щекахъ его горѣли два красныхъ пятна, грудь его порывисто поднималась и опускалась, глаза сіяли неземнымъ свѣтомъ; казалось, онъ готовъ упасть на колѣни.

Но онъ только понурилъ голову и прошепталъ, какъ бы покоряясь чудовищной непобѣдимой силѣ:

— Если бы это могло быть! если бы могло!..

— Это будетъ, если мы всѣ захотимъ!—громко и убѣжденно возразилъ монахъ.

Донъ Гордіано сложилъ руки на груди и долго въ нѣмомъ изумленіи смотрѣлъ на монаха; краска постепенно сбѣгала съ его щекъ, уступая мѣсто прежней блѣдности, и возбужденіе его улеглось, смѣнившись прежнимъ уныніемъ.

— Да, да...—шепталъ онъ,—если бы всѣ были такими святыми, какъ вы... тогда...—Онъ медленно покачалъ головой:—но я не знаю никого, кто согласился бы съ вами, фра Леонардо, да... ни одинъ человѣкъ!... Передъ господами лучше и не заикайтесь объ этомъ! Храни васъ Матерь Божія! Они способны упрятать васъ въ сумасшедшій домъ. Я самъ...—онъ застыдился, какъ молодая дѣвушка, признающаяся въ тайной любви,—я самъ съ радостью отдаю послѣднее, но вѣдь это такъ немного! и то докторъ находитъ, что мнѣ слѣдовало бы позаботиться о собственномъ здоровьѣ; я такой хилый... Моей вины, право, тутъ нѣтъ, фра Леонардо,—но что значатъ мои несчастные гроши? Да и что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, тѣмъ болѣе, когда самъ такъ бѣденъ!.. А богатые господа...—онъ подозрительно оглянулся кругомъ и понизилъ голосъ до шепота:—о, фра Леонардо! да, и среди нихъ есть добрые люди, очень добрые, они охотно подаютъ милостыню отъ всей души. Кто рѣшится поднять на нихъ камень? Но до такого самопожертвованія... Нѣтъ, ради самого Господа, чего же вы хотите? Неужели вы надѣетесь, что кто-нибудь

изъ нихъ раздастъ все свое имущество бѣднымъ, чтобы, взявъ крестъ свой, слѣдовать за Господомъ?.. У кого же хватитъ на это силъ, фра Леонардо? У кого?

Тяжело вздохнувъ, онъ продолжалъ:

— Какъ знать, могли ли бы и мы съ вами сдѣлать это, если бы были богаты? Да, вы, пожалуй,—вы бы могли,—вы святой... А я? Фра Леонардо! Я самъ не знаю; это ужасно, но я боюсь, что я не смогъ бы, такъ же, какъ и они; и мое сердце прилѣпилось бы къ Мамонѣ!— воскликнулъ онъ со стономъ, падая въ кресло.

— Я не святой, донъ Гордіано, и вы сами бы поступили бы точно такъ же,— сказалъ монахъ.

Но викарій безпомощно забился въ уголъ кресла и глядѣлъ въ пространство съ выраженіемъ полной безнадежности.

— Кто знаетъ? Ученики Христа могли, но я? Призвалъ ли бы Христосъ меня, недостойнаго? И знаете, что я вамъ посовѣтую, фра Леонардо? Не говорите никому о своихъ замыслахъ, не говорите! И я не буду говорить. Слышите? Не дѣлайте же этого! Толку, все равно не будетъ, вы ничего не достигнете, только возбудите недовольство. Донъ Лоренцо — викарій опять пугливо оглянулся. словно боясь, что его подслушиваютъ,—вы знаете: онъ не безупреченъ, благодаря его поведенію ужъ есть нареканія на церковь. Если же вы еще провозгласите ваше ученіе, фра Леонардо, вы оттолкнете всѣхъ вѣрующихъ и тѣмъ причините церкви большой вредъ; всѣ отвернутся отъ церкви, которая предъявляетъ подобныя требованія. Если богатые услышатъ, что въ подаяніи и милостынѣ нѣтъ заслуги, ибо долгъ каждаго отдать все и раздѣлить между братьями, то они совсѣмъ перестанутъ давать. Ради самого Господа, пощадите ихъ! Вѣдь, они не святые, какъ вы, а слабые, суетные дѣти міра сего.

— Какое мнѣ дѣло до ихъ человѣческой слабости и суетности? Что значитъ ихъ жалкая милостыня, которую они подаютъ только въ надеждѣ купить этимъ царство небесное? Развѣ вы не знаете, что сдѣлалъ доминиканецъ Саванаролла во Флоренціи, когда порча нравовъ возмутила его сердце и чаша терпѣнія его переполнилась? Онъ бросилъ свою тѣсную келью и съ площади св. Марка съ распятіемъ въ рукахъ, одинъ, безоружный, поднялъ голосъ противъ самыхъ могущественныхъ и богатыхъ людей цѣлой страны. И божественное слово свершило чудо — они преклонились передъ нимъ и принесли ему всѣ свои сокровища и драгоцѣнности, чтобы избавиться отъ нихъ. Почему же ученикъ святого Франциска не сможетъ теперь сдѣлать того же, что сдѣлалъ тогда доминиканецъ, если на то будетъ воля Божія?!..

Фра Леонардо всталъ; въ глазахъ его горѣлъ мрачный огонь.

Лицо дона Гордіано дѣлалось все блѣднѣе и блѣднѣе; съ испугомъ и мольбой, простирая къ монаху дрожащія руки, онъ хриплымъ, беззвучнымъ шепотомъ умолялъ: «Боже васъ сохрани, фра Леонардо, Боже васъ сохрани подражать ему! Вѣдь этотъ доминиканецъ былъ сожженъ на кострѣ, развѣ вы забыли?» Отшельникъ презрительно усмѣхнулся.

— Вы думаете, я не готовъ къ тому же? Да развѣ есть что-нибудь выше, чѣмъ принять смерть за свои убѣжденія?

Викарій совсѣмъ съежился и еще ниже поникъ головой; нѣсколько мгновеній онъ совершенно лишился способности говорить; у него даже захватило дыханіе. Потомъ онъ прошепталъ:

— Вы внѣ себя! Вы съ ума сошли! Богъ свидѣтель, я радъ бы душой слѣдовать за вами и предохранять васъ отъ всего тяжелаго и печальнаго. Держите про себя ваше ученіе! Или попробуйте основать маленькую общину единомышленниковъ — я охотно присоединяюсь къ вамъ. Но не досаждайте людямъ, пощадите ихъ, фра Леонардо! Если вы истинный слуга нашей святой церкви, я готовъ на колѣняхъ умолять васъ: не насилуйте вѣрныхъ, не запугивайте ихъ! Это будетъ страшная ошибка, пагубная неосторожность! Увѣряю васъ: если только они повѣрятъ, что этого отъ нихъ требуетъ церковь, всѣ они,—даже самые лучшіе и вѣрные,—отвернутся отъ этой церкви. Вѣдь, самъ Господь нашъ Іисусъ училъ не требовать отъ людей

того, что имъ не по силамъ, не возлагать на нихъ бремена неудобоносимыя. А это выше силъ человѣческихъ! Успокойтесь, фра Леонардо! Смирите себя! Мы не можемъ быть совершенны, если бы и хотѣли.

Онъ, очевидно, говорилъ бы еще долго, но приступъ кашля прекратилъ его рѣчь, монахъ же рѣшилъ, что наслушался достаточно и собрался уходить. Господи! Этотъ несчастный, внушающій ему самое искреннее состраданіе, еще жалѣетъ его же, собирается его защищать! Но что толку въ его жалости?

Фра Леонардо ушелъ безъ злобы, но въ глубокомъ унынiи. Онъ думалъ: «Если этотъ, самый лучшій изъ всѣхъ, не нашелъ иного совѣта, иного способа содѣйствія, чего же ждать отъ другихъ? Основать общество, братскій союзъ? Какая же отъ этого польза?

Фра Леонардо осталось навѣстить еще одного священника. То былъ капелланъ церкви св. Варвары въ Вальцо, донъ Систо Санторелли. Онъ былъ недавно переведёнъ сюда и фра Леонардо почти совсѣмъ не зналъ его.

Онъ имѣлъ строгій видъ аскета, но при этомъ обладалъ свѣтскими манерами и по происхожденію принадлежалъ къ обѣднѣвшему, но знатному сицилійскому роду. Внѣшность у него была строгая и вмѣстѣ съ тѣмъ элегантная. Онъ держался прямо, былъ малъ ростомъ, молодъ и недуренъ собою; говорилъ тихо и былъ аристократически разборчивъ въ выраженіяхъ; движенія у него были мягкія и осторожныя. Вообще, онъ являлся полной противоположностью фра Леонардо.

Принялъ онъ монаха очень сдержанно въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, уютномъ и въ то же время напоминавшемъ кабинетъ ученаго. Въ убранствѣ его сказывалась привычка къ комфорту; по стѣнамъ висѣли два портрета масляными красками въ натуральную величину—папы и одного изъ кардиналовъ.

Фра Леонардо заговорилъ сначала сдержанно, потомъ увлекаясь все больше и больше. Слушая его, капелланъ все время дѣлалъ какія-то странныя отталкивающія движенія руками, словно боясь прикоснуться къ чему-то непріятному. Строгіе полузакрытые глаза его глядѣли внизъ, губы были плотно сжаты. Онъ, очевидно, не могъ выяснить себѣ, что за личность этотъ монахъ.

— Чего же вы, собственно, добиваетесь?—наконецъ, не то удивленно, не то уклончиво спросилъ онъ. Онъ видимо не могъ сообразить, кто передъ нимъ: безобидный ли мечтатель, или человѣкъ, способный проводить свои фантазіи въ жизнь. Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ изъ другого міра и не могъ имѣть съ нимъ никакихъ точекъ соприкосновенія.

Фра Леонардо, съ своей стороны, даже не нашелся сразу, что отвѣтить на подобный вопросъ. Онъ пришелъ въ замѣшательство. Чего онъ добивается? Да, вѣдь, онъ же говорилъ этому барину, чего онъ желаетъ. Онъ объявляетъ войну растущей съ каждымъ годомъ нищетѣ, онъ желаетъ, чтобы всѣ на дѣлѣ проявили свои христіанскія чувства. Онъ желаетъ, чтобы и донъ Санто проповѣдывалъ и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, ибо время приспѣло, такъ угодно Богу! Нѣкогда Богу угодны были крестовые походы ради освобожденія святого гроба Господня, теперь должно предпринять крестовый походъ ради возстановленія Его ученія во всей его первоначальной истинѣ. Подобно лавинѣ, катящейся съ горы, кучка истинно вѣрующихъ будетъ расти и распространяться по всей землѣ. И первыми истинно вѣрующими должны показать себя священники, ибо имъ дана власть надъ душами человѣческими.

Чѣмъ больше воспламенялся фра Леонардо, тѣмъ большимъ холодомъ вѣяло отъ капеллана. Этотъ монахъ—или хорошій актеръ, или круглый дуракъ. И онъ воображаетъ, что можетъ увлечь его за собой на этотъ скользкій путь! Это просто смѣшно. Его! Можно бы все же чуточку тоньше повести дѣло. Впрочемъ, что съ нимъ церемониться? Все это можно покончить съ двухъ словъ.

— Я тѣмъ менѣе склоненъ взять на себя подобную иниціативу,—выговорилъ онъ надменно,—что на мое настоящее положеніе я смотрю, какъ на переходное—чѣмъ скорѣе оно кончится, тѣмъ пріятнѣе для меня. Мое духовное начальство

имѣетъ меня въ виду для другой миссіи; я жду призыва. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ я не спѣшу воспользоваться случаемъ навлечь на себя немилость въ высшихъ сферахъ,—закончилъ онъ, тонко улыбнувшись.

— Немилость?—съ удивленіемъ переспросилъ фра Леонардо.

— Вы сомнѣваетесь въ этомъ? И вы думаете этимъ заслужить милость начальства? Да еще теперь, когда демонъ разрушенія и насилія и безъ того правитъ въ мірѣ, отпавшемъ отъ церкви и вѣры?

— Насилія?—Монахъ даже перекрестился,—кто же говоритъ о насиліи? Нашимъ оружіемъ будетъ одно только слово Божіе. Мы должны будить и призывать, зажигать въ сердцахъ священный огонь, стремиться къ тому, чтобы было, наконецъ, едино стадо и единъ пастырь. Мы будемъ побѣждать знаменіемъ креста и водворимъ на землѣ царство Божіе.

Донъ Систо нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Берегитесь, фра Леонардо. Вы играете съ огнемъ. Я предупреждаю васъ. Нѣтъ, фра Леонардо, тутъ я умываю руки! На меня не разсчитывайте! И если хотите послушаться моего совѣта, одумайтесь, пока есть время, и сдѣлайте то же. Такими опасными играми красной шапки не добиться!

Фра Леонардо смотрѣлъ на говорившаго не то съ недоумѣніемъ, не то презрительно.

— Донъ Систо! Неужели вы думаете, что я добиваюсь личной пользы и благоволенія начальства? Я—нищенствующій монахъ и отшельникъ. Да обрушится на меня потокомъ огненный дождь Этны, если я добиваюсь для себя чего-нибудь другого! Я хочу только того, чего хотѣлъ самъ Спаситель! Впрочемъ, сойди Онъ теперь, очень можетъ быть, что Ему не удалось бы заслужить кардинальскую шапку. Прощайте! Постараюсь больше не доставлять вамъ непріятностей своими посѣщеніями.

И онъ вышелъ, громко хлопнувъ дверью.

V.

Первыя неудачи опечалили фра Леонардо, но не утомили его. Онъ никогда не устанетъ. Онъ не хочетъ покоя и отдыха, пока не найдетъ ушей, которыя захотятъ слушать его, и глазъ, способныхъ видѣть царящую вокругъ нужду. Онъ будетъ ходить по горамъ и доламъ и стучаться во всѣ двери — роскошныхъ замковъ и крестьянскихъ лачугъ въ заброшенныхъ деревушкахъ; онъ доберется до самаго дворца гиргентскаго епископа. Рано или поздно онъ отыщетъ благопріятную почву для сѣмени, которое онъ сѣетъ. Что за бѣда, что его не послушали тѣ, кому надлежало прежде всѣхъ это сдѣлать? Если они и лѣнивы, себялюбивы, низкопоклонны чтобы постоять за правое дѣло — найдутся другіе.

Рано или поздно, наступитъ день, когда волна одушевленія и состраданія захватитъ души всѣхъ и всѣхъ увлечетъ са собой: и нерадивыхъ, и трусовъ, и тѣхъ, кто еще не позналъ истинной вѣры. Много ли откликнулось людей на призывъ Іисуса Христа слѣдовать за нимъ? И вотъ Христосъ покорилъ цѣлый міръ.—Если священники не захотятъ слушать его,—вѣдь и Христа они не послушали,—онъ пойдетъ проповѣдывать міранамъ.

И фра Леонардо переходилъ изъ дома въ домъ. Но повсюду онъ встрѣчалъ запертыя двери и сердца.

То, что ему пришлось услышать отъ своихъ собратій священниковъ, отговаривавшихъ его и предостерегавшихъ, каждый съ своей точки зрѣнія, то же повторяли ему и міряне-помѣщики, къ которымъ онъ обратился съ проповѣдью евангелія. Всѣ принимали его за помѣшаннаго фантазера. Въ своемъ уединеніи онъ дошелъ до экзальтаціи и надо дать ему время перебѣситься, авось, дурь выскочитъ изъ головы. Большинство не придавало его словамъ никакого значенія, не хотѣло принимать ихъ въ серьезъ. Что ему собственно надо? Обобрать ихъ, чтобы облагодѣтельствовать на ихъ счетъ другихъ —

менѣе прилежныхъ и бережливыхъ или менѣе удачливыхъ, чѣмъ они?

Да какое же имъ дѣло до этихъ другихъ? Съ какой стати они и дѣти ихъ отдадутъ свое имущество и будутъ жить хуже, чѣмъ Богъ имъ послалъ? Вѣдь въ сущности—всегда было такъ: одинъ имѣетъ больше, другой меньше. Такъ и будетъ. Что же съ этимъ подѣлать? Если всѣ захотятять имѣть помногу, то ни у кого въ концѣ-концовъ ничего не останется. Съ какой стати община должна содержать лѣнтяевъ и тунеядцевъ? Потребности людей неодинаковы; одному съ избыткомъ достаточно на весь годъ того, что другому хватаетъ только на мѣсяцъ! Зачѣмъ же безъ причины навязывать мелкой сошкѣ недовольство своимъ положеніемъ? Ея умѣренность такъ необходима, такъ благодѣтельна для нея—и, безъ сомнѣнія, угодно Богу. Зачѣмъ будить въ ней зависть? Фра Леонардо избралъ опасный путь: это значитъ катиться по наклонной плоскости. Бѣдняки вовсе не нуждаются въ большемъ, чѣмъ имѣютъ; они не привыкли къ лучшему, не желаютъ иной жизни, да и не годятся для нея. Они не страдаютъ отъ своей нищеты! Все это фантазіи. Развѣ они жалуются? Умоляютъ? Просятъ милостыню? Ничего подобнаго! Если же нѣкоторые и умираютъ съ голоду—значитъ на то воля Божія,—имъ же лучше, чѣмъ страдать; кромѣ того, они освобождаютъ мѣсто для другихъ; вѣдь ихъ такъ много, этихъ бѣдняковъ!

Положимъ, нельзя не признать, что времена настали тяжелыя—такихъ еще не бывало. Но вѣдь это отзывается на всѣхъ одинаково, а нетолько на земледѣльцахъ, рабочихъ въ рудникахъ и мелкихъ хозяевахъ. Крупные землевладѣльцы переживаютъ кризисъ, а ужъ о среднихъ и говорить нечего—тѣ совсѣмъ задавлены налогами и бьются, какъ рыба о ледъ, не находя выхода. Вывозъ уменьшается, рента падаетъ съ каждымъ годомъ; самыя солидныя банкирскія фирмы терпятъ банкротства и, погибая губятъ вмѣстѣ съ собой тысячи, казалось бы, обезпеченныхъ существованій. Сѣрный кризисъ превратилъ богатыхъ владѣльцевъ рудниковъ въ нищихъ. Чего можно ждать отъ людей при такихъ обстоятельствахъ? Поистинѣ, моментъ былъ выбранъ неудачно для того, чтобы предлагать людямъ, дрожащимъ надъ остатками своего состоянія, отдать и эти остатки нищимъ!

Болѣе неподходящаго момента фра Леонардо выбрать не могъ. Время тяжелое, всякій живетъ подъ страхомъ.

Мелкіе арендаторы жалуются на габеллотти, тѣ, въ свою очередь, на управляющихъ большими имѣніями, которые безъ вѣдома владѣльцевъ сдавали землю въ аренду по кускамъ за неимовѣрно высокую плату. Въ рудникахъ каждый выше стоящій обижалъ и тѣснилъ ниже стоящаго. Чиновники клялись, что имъ приходится голодать—такъ скудно ихъ жалованье. Купцы увѣряютъ, что торгуютъ себѣ въ убытокъ, а помѣщики, благодаря сильному пониженію ренты и неаккуратному взносу арендной платы, должны были ограничивать себя во всемъ. Всѣ жаловались и всѣ имѣли на то основаніе. Надѣяться на Бога и терпѣливо переносить испытаніе—это было единственно, что оставалось доброму христіанину.

Иныхъ отвѣтовъ фра Леонардо на свои просьбы не получалъ, а бывало и хуже: бывало, что его съ гнѣвомъ или смѣхомъ просто на просто выпровоживали за дверь. Мало кто относился серьезно къ его рѣчамъ; большинство не знало хорошенько, какъ имъ держать себя съ нимъ и что отвѣчать. Его спасало его одѣяніе. Не рѣдко бывало, что издѣваясь надъ его проповѣдью, слушатели благоговѣйно цѣловали его руку и просили благословенія. А онъ—иной разъ стыдился этой власти, которую ему давалъ его санъ, власти—вязать и разрѣшать, не дававшей однако побѣды его слову.

Ему иногда хотѣлось сбросить съ себя эту власть вмѣстѣ съ рясой; если бы кто нибудь послушалъ его и пошелъ за нимъ только ради нея, онъ счелъ бы это издѣвательствомъ. Никогда еще не казался онъ себѣ такимъ жалкимъ и безпомощнымъ. Но его рвеніе не ослабѣвало. Напротивъ, онъ еще съ большею страстью преслѣдовалъ свою цѣль. Ночи

напролетъ онъ выстаивалъ въ своей келейкѣ на колѣняхъ передъ образомъ Распятаго и, ломая руки, молилъ Всемогущаго услышать его. Онъ больше прежняго постился, глаза его пріобрѣли лихорадочный блескъ, на строгія, угловатыя черты легла печать мрачнаго фанатизма. Онъ рѣшилъ побѣдить. Если пламенная ревность о Господѣ, сжигавшая его душу, напрасна—что тогда остается? за что ухватиться? Какъ уберечься отъ отчаянія, отъ хаоса? Нѣтъ, нѣтъ, не надо думать объ этомъ, отъ такихъ мыслей кровь стыла въ его жилахъ и глаза принимали безумное выраженіе. Надо молиться! Проповѣдывать! Надо силой вторгаться въ сердца! терзать ихъ и жечь—пока они не раскроются и не запылаетъ въ нихъ пламя любви къ ближнему—у, него не должно быть иныхъ мыслей, иныхъ желаній, иного дѣла!

Фра Леонардо въ своихъ неустанныхъ странствованіяхъ часто проходилъ мимо дома Даміани въ Тинчино, но какой-то ему самому непонятный страхъ каждый разъ мѣшалъ ему войти. Онъ не рѣшался показаться на глаза Рафаэллѣ безъ утѣшительной вѣсти. Онъ боялся ея усталой, недовѣрчивой улыбки, безнадежнаго взгляда ея очей.

Иногда онъ заставалъ Нонно Карлино сидящимъ на солнышкѣ передъ своей лачугой за плетеньемъ, останавливался посмотрѣть на него и слушалъ его мурлыканіе. Если отшельникъ спрашивалъ его о Рафаэллѣ, онъ неизмѣнно получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, сопровождаемый привѣтливой улыбкой:

— Хорошо, хорошо, — она здорова. А налоги нужно платить—понимаете? Налоги!

Это понятіе было единственнымъ уцѣлѣвшимъ въ больномъ мозгу старика,— десятки лѣтъ мысль объ уплатѣ податей и налоговъ была главной заботой его жизни, заглушавшей всѣ остальныя, и теперь только она пережила крушеніе его разсудка, только она сохранила силу побѣждать мракъ, окутывавшій его душу.

Синдикъ въ Бальцо—былъ нѣкій баронъ Пеннизи. Онъ три раза подрядъ былъ избранъ на эту почетную должность и въ городкѣ его иначе не называли, какъ королемъ Бальцо. Онъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ острова Сициліи; въ ряду его предковъ было не мало полководцевъ, дипломатовъ, выдающихся ученыхъ. Но родъ этотъ давно уже утратилъ прежній блескъ; благодаря неспокойнымъ временамъ, войнамъ, революціи, неумѣлому хозяйничанію, почти всѣ фамильныя помѣстья перешли въ чужія руки. Баронъ Альфредъ происходилъ изъ боковой вѣтви, которой не повезло. По примѣру многихъ захудалыхъ аристократовъ, онъ рѣшилъ поправить дѣла выгодной женитьбой и начать новую жизнь, полную блеска.

Въ Палермо во время карнавала онъ познакомился съ молоденькой американкой, слывшей за страшную богачку и безъ долгихъ размышленій женился. Но послѣ свадьбы оказалось, что все ея состояніе было въ горнопромышленныхъ акціяхъ, которыя вскорѣ потеряли всякую цѣну, благодаря краху самого предпріятія. Промелькнувъ блестящимъ метеоромъ въ Палермо, въ обществѣ, которое славится на всю Италію своей традиціонной безумной расточительностью, баронъ Альфредъ вынужденъ былъ вернуться въ свое наслѣдственное помѣстье близъ Бальцо, что было для него равносильно ссылкѣ.

Но если жена его не принесла ему приданнаго, зато она заразила его духомъ американской предпріимчивости, благодаря чему, вмѣсто привычной лѣнивой бездѣятельности, унаслѣдованной отъ предковъ, баронъ Альфредъ неожиданно проявилъ необычайную энергію: при помощи цѣлаго ряда удачныхъ предпріятій ему удалось въ короткое время поднять цѣну своего помѣстья, удвоить его доходность и, наконецъ, сдѣлаться главою общины.

Благодаря семейнымъ связямъ и множеству вліятельныхъ родственниковъ въ провинціи, онъ не встрѣчалъ противодѣйствія своимъ затѣямъ, хотя они и не всегда клонились къ благу общины. Впрочемъ, это было въ порядкѣ вещей, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія господъ муниципальныхъ совѣтниковъ, которые всѣ были въ родствѣ или свой-

ствѣ другъ съ другомъ. Баронъ Альфредъ, собственно, бралъ на себя только представительство, а всѣ проекты и предложенія, вносимые на утвержденіе въ муниципалитетъ, составлялись его правой рукой—магистратъ-асессоромъ Раймундомъ Паики; послѣдній такъ хорошо изучилъ муниципальныхъ совѣтниковъ и умѣлъ написать всегда въ такой формѣ, что всѣ его проекты проходили подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Городскіе чиновники жили въ согласіи другъ съ другомъ, предписанія администраціи выполнялись исправно, поэтому въ Бальцо не только никогда не было поводовъ къ недоразумѣніямъ съ префектурою Гиргенти, гдѣ тоже фигурировалъ одинъ изъ бароновъ Пеннизи, въ качествѣ совѣтника, но община считалась одной изъ лучшихъ по своему управленію въ цѣломъ округѣ.

Вообще, въ Бальцо жилось недурно. Городской бюджетъ давалъ возможность содержать постоянный оркестръ; музыканты въ парадной формѣ — яркихъ мундирахъ, треуголкахъ, украшенныхъ перьями — три раза въ недѣлю давали концерты на городской площади и еще находили время играть на празднествахъ въ частныхъ домахъ; въ Бальцо имѣлся недурной театръ, получавшій субсидію отъ города, памятникъ Гарильбади; прокладывались дорого стоющія дороги, которыя, правда, не были еще вполнѣ кончены, но все же уже доставляли выгоду отдѣльнымъ личностямъ, черезъ имѣнія которыхъ онѣ пролегали; вообще, Бальцо хвастался тѣмъ, что въ области полезныхъ начинаній, трудовъ на пользу общественную и подъема народнаго образованія онъ можетъ поспорить съ какой угодно общиной.

Жили въ Бальцо не какъ въ отрѣзанномъ отъ міра захолустьѣ, напротивъ, общественная жизнь здѣсь постоянно прогрессировала. Ежегодно префектъ, отправляясь ревизовать округъ, заѣзжалъ и въ Бальцо; ему больше всего нравился Бальцо въ маѣ—онъ къ этому мѣсяцу обыкновенно и приноравливалъ свой пріѣздъ; каждый разъ поэтому случаю воздвигалась тріумфальная арка; подъ аркой его встрѣчали хорошенькія дочки муниципальныхъ совѣтниковъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ огромными букетами розъ въ рукахъ; вслѣдъ за тѣмъ обыкновенно устраивался въ ратушѣ торжественный обѣдъ въ честь префекта, за которымъ почетный гость поднималъ золотой бокалъ въ честь города, привѣтствуя его каждый разъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Празднично настроенные хозяева всегда внимали ему съ благоговѣніемъ, преисполняясь гордостью и самодовольствомъ. Когда же однажды вмѣсто его превосходительства Бальцо посѣтилъ исполняющій его должность совѣтникъ префектуры, баронъ Ахиллъ Пеннизи, въ застольной рѣчи гость провозгласилъ Бальцо самой образцовой общиной на цѣломъ островѣ, а его главу—героемъ, скромно уклонившимся отъ широкой государственной дѣятельности съ цѣлью посвятить свои силы и таланты маленькой родной общинѣ—которому городъ не можетъ быть достаточно благодаренъ. Большинство слушателей сами бы до этого не додумались и, разумѣется, съ тѣхъ поръ синдикъ пользовался еще большимъ уваженіемъ. Само собой, всѣ эти затѣи — новыя постройки, учрежденія и т. п., удостоившіяся похвалы изъ такихъ высокопоставленныхъ и авторитетныхъ устъ, не могли быть приведены въ исполненіе безъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны членовъ общины. А потому съ тѣхъ поръ, какъ главой общины сдѣлался баронъ Альфредъ Пеннизи, налоги увеличивались ежегодно. Впрочемъ, асессоръ Раймундъ Паики съ цифрами въ рукахъ давно уже доказалъ, что налоги увеличиваются и въ другихъ общинахъ, что увеличеніе ихъ обусловливается постоянно разростающимися духовными потребностями населенія и что городъ, увеличивая затраты, имѣетъ цѣлью только благо всей общины. Финансовыя выкладки Раймунда Паики были столь же остроумны, сколько и убѣдительны и всегда повергали муниципальный совѣтъ въ благоговѣйное остолбенѣніе, такъ что для проведенія того или другого новаго проекта барону Пеннизи оставалось только бросить свой авторитетный голосъ на чашку вѣсовъ. Разумѣется, были и недовольные въ общинѣ. Но развѣ можно

гдѣ-нибудь быть отъ этого застрахованнымъ? И, слава Богу, въ Бальцо ихъ было не больше, чѣмъ въ другихъ городахъ. И чего только не придумаетъ это недовольное меньшинство, чтобы очернить городское управленіе, движимое только самыми благородными побужденіями, безкорыстно трудящееся на пользу общую.

Неблагодарные взвели на муниципалитетъ еще новое чудовищное обвиненіе— будто городская пахатная земля была отдана въ аренду разнымъ протеже правленія за курьезно малую цѣну, а куда дѣвались арендныя деньги, предназначенныя для выдачи пособій бѣднѣйшимъ изъ членовъ общины—этого никто не зналъ.

Къ счастію, въ Бальцо умѣли какъ слѣдуетъ относиться къ этимъ гнуснымъ подозрѣніямъ и нелѣпымъ клеветамъ низкихъ завистливыхъ душъ. Впрочемъ, до синдика рѣчи завистниковъ не доходили. Когда баронъ Альфредъ Пеннизи проходилъ площадь, благосклонно улыбаясь въ отвѣтъ на поклоны встрѣчныхъ, почтительно обнажавшихъ передъ нимъ головы, было видно, что совѣсть его спокойна, что темный духъ клеветъ не смѣетъ смутить его покой; муниципальные же совѣтники имѣли въ своихъ рукахъ надежную защиту противъ клеветы, документы, неопровержимо доказывающіе, что всѣ дѣла въ общинѣ вершатся на принципѣ строгой законности. Никакая ревизія не могла бы найти въ протоколахъ правленія слѣдовъ неточности или произвола. Что значило злобное тявканье какой-то своры плебеевъ передъ санкціонированной свыше непогрѣшимостью бальцскаго муниципалитета.

Притомъ же всѣ знали, откуда идетъ недовольство. Найдется ли на всемъ земномъ шарѣ мѣсто, гдѣ бы не ненавидѣли и не завидовали богатымъ и власть имущимъ? Такова ужъ человѣческая природа. Здѣсь же клевета и злословіе шипѣли гдѣ-то на заднемъ планѣ, такъ что ихъ ядовитое дыханіе чувствовалось лишь въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ. Повредить клеветники не могли никому. То, что говорилось въ мрачныхъ переулкахъ и закоптѣлыхъ остеріяхъ, когда подъ вліяніемъ мѣстнаго вина разгорячались головы и развязывались языки—не доходило до слуха дворянъ, и ни у кого изъ нихъ не было причинъ задуматься надъ этимъ серьезно. Открыто же своего недовольства никто не высказывалъ. Отвѣтомъ ему было бы всеобщее негодованіе.

Такимъ образомъ, миръ и тишина въ общинѣ ничѣмъ не нарушались и муниципальный совѣтъ могъ бы безпрепятственно продолжать свою дѣятельность на пользу общую.

Доклады, получаемые префектомъ изъ Бальцо, говорили о полнѣйшемъ благоденствіи; скоро ни для кого уже не было тайной, что его превосходительство на одномъ изъ торжественныхъ обѣдовъ въ разговорѣ съ командующимъ войсками призналъ Бальцо за самую образцовую общину во всемъ округѣ. Никогда ни одной жалобы, чиновники, духовенство и горожане прекрасно уживаются между собой; балансъ всегда въ полномъ порядкѣ, несмотря на то, что эта крохотная община предприняла цѣлый рядъ дорого стоющихъ начинаній въ духѣ современнаго прогресса.

Порядокъ и спокойствіе въ Бальцо— примѣрные, хотя въ этой общинѣ, особенно въ двухъ мѣстечкахъ, приписанныхъ къ ней, процентъ пролетаріата очень великъ. Въ заключеніе префектъ добавилъ, что почтетъ священнымъ долгомъ при первой же возможности довести до свѣдѣнія монарха о необычайныхъ заслугахъ синдика этой общины, представивъ его къ ордену св. Лазаря и Маврикія, а его дѣятельныхъ сотрудниковъ—къ соотвѣтствующимъ отличіямъ.

Генералъ передалъ этотъ разговоръ барону Ахиллу Пеннизи, а послѣдній написалъ объ немъ барону Альфредо въ Бальцо; такимъ образомъ, свѣдѣнія были вѣрныя, а не пустой слухъ. Какъ знать, до какихъ высокихъ должностей долженъ дойти современемъ боронъ Альфредъ Пеннизи, если на такой маленькой аренѣ онъ съумѣлъ проявить такіе необычные организаторскіе таланты? Онъ былъ еще молодъ и, разумѣется, нельзя было отъ него требовать, чтобы

онъ всю жизнь провелъ въ такой узкой сферѣ. Уже теперь почти не подлежало сомнѣнію, что на ближайшихъ выборахъ онъ выставитъ свою кандидатуру въ качествѣ депутата отъ округа, тѣмъ болѣе, что теперешній представитель округа, какой то адвокатъ изъ Ликаты, позволилъ себѣ въ парламентѣ изобразить положеніе страны въ такомъ видѣ, что неправдивость нарисованной имъ картины прямо била въ глаза, бросая, тѣмъ не менѣе неблагопріятный свѣтъ на положеніе дѣлъ во всей Сициліи. Предотвратить возможность подобныхъ неблаговидныхъ дѣяній было, по истинѣ. обязанностью добраго патріота.

И вдругъ въ это мирное спокойное настоящее, полное блестящихъ видовъ на будущее, ворвался нищій монахъ со своими безумными бреднями, и дерзкими обвиненіями. Словно злой духъ нежданно вселился въ безобиднаго отшельника! Этотъ фанатикъ въ монашеской рясѣ, внезапно ощутившій въ себѣ призваніе къ апостольской дѣятельности, просто напросто честолюбецъ, желающій разыгрывать роль; трезвому взору синдика онъ представлялся вовсе не сумасброднымъ провозвѣстникомъ новаго идеальнаго евангелія, какъ увѣряли иные, пожимая плечами, но опаснымъ и лукавымъ интриганомъ, съ которымъ необходима крутая расправа.

Убрать этого неудобнаго мечтателя! Скорѣй убрать, пока онъ не натворилъ бѣдъ, а то потомъ съ нимъ не оберешься хлопотъ. Ничто такъ не заразительно, какъ подобныя глупости.

Баронъ Альфредъ почувствовалъ нѣкоторую неловкость, когда вошелъ вызванный имъ фра-Леонардо. Онъ вообще не любилъ высокихъ людей. Самъ онъ этотъ выродившійся отпрыскъ древняго рода, предки котораго, закованные въ желѣзо, храбро сражались съ Сарацинами, былъ необычайно малъ ростомъ, блѣденъ, тщедушенъ, и казался моложе своихъ лѣтъ. Маленькіе черные усики до странности не шли къ его блѣдному вялому ординарному лицу, освѣщенному только парою живыхъ, умныхъ глазъ. Баронъ Альфредъ самъ сознавалъ, что не можетъ импонировать внѣшностью: ему не придавали представительности ни оправленная въ серебро трость изъ чернаго дерева, которую онъ, по привычкѣ, постоянно вертѣлъ въ своихъ желтыхъ узкихъ рукахъ, ни солидная обстановка его кабинета въ ратушѣ, ни огромный письменный столъ, за которымъ онъ теперь сидѣлъ, подписывая бумаги.

Монаха баронъ представлялъ себѣ совершенно другимъ. Онъ никогда не обращалъ вниманія на оборваннаго францисканца, жившаго въ бѣдной келейкѣ на горѣ и призывавшаго вѣрующихъ къ утренней и вечерней молитвѣ ударами колокола. Теперь ему было неловко подъ этимъ мечтательно проникновеннымъ взглядомъ глубоко ушедшихъ въ орбиту глазъ. Нищій отшельникъ такъ спокойно стоялъ передъ нимъ, словно не его вызвали, а онъ самъ пригласилъ бальцскаго синдика, барона Альфреда Пеннизи для объясненій. Лицо его горѣло вдохновеніемъ, высокій станъ былъ гордо выпрямленъ, казалось, онъ готовился начать свою проповѣдь.

Впрочемъ, баронъ скоро оправился. Онъ вспомнилъ, что на его обязанности какъ головы общины, лежитъ забота объ охраненіи ея отъ всепожирающаго яда сумасшедшаго ученія и, обратясь къ монаху, началъ отеческимъ тономъ предостерегать его отъ его увлеченій.

— Все, что вы задумали, любезный другъ, прекрасно и свидѣтельствуетъ о добротѣ, любвеобиліи вашего сердца. Но вы, не знающій свѣта, не имѣющій понятія о дѣйствительной жизни отшельникъ... Все это звучитъ красиво и увлекательно только въ проповѣди, на дѣлѣ же совсѣмъ иное... Понимаете-ли вы это? Неужели вы не знаете, какія тяжелыя времена мы переживаемъ? Развѣ вамъ неизвѣстно, что во всей Сициліи дѣла обстоятъ далеко не такъ, какъ бы слѣдовало? Что намъ приходиться неустанно бороться съ духомъ недовольствія и возмущенія? Писаніе гласитъ: «всякій властямъ придержащимъ да повинуется, ибо нѣсть власть, аще не отъ Бога»! Я положительно не знаю, какъ мнѣ съ вами быть, любезный другъ. Если я до сихъ поръ смотрѣлъ на васъ сквозь пальцы, то лишь потому, что я

глубоко убѣжденъ, что вы сами не вѣдаете, что творите и какую отвѣтственность берете на себя.

— Иначе, знаете-ли, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать? Войти въ соглашеніе съ вашимъ начальствомъ и принять мѣры къ удаленію васъ отсюда. Мы здѣсь въ Бальцо шутить не любимъ, не даромъ мы слывемъ строгими. Разъ на карту поставлены такія вещи, какъ общественное спокойствіе, согласіе и добропорядочность гражданъ—то мы не остановимся ни передъ чѣмъ; даже священническое одѣяніе не испугаетъ насъ, фра Леонардо.

Скрестивъ на груди руки и опустивъ глаза, монахъ спокойно внималъ порывистой рѣчи маленькаго барона, который горячился, вскакивалъ съ кресла и, въ концѣ концовъ, даже ударилъ тростью по грудѣ протоколовъ, поднявъ облако пыли.

Когда тотъ кончилъ, онъ поднялъ глаза и съ грустью произнесъ:

— Разумѣется, вы имѣете власть это сдѣлать, г. синдикъ. Что-жъ изъ того?

— Я вамъ настойчиво совѣтую:— угомонитесь! Проповѣдуйте въ церкви сколько вамъ угодно, о христіанской добродѣтели, о благотвореніи, проповѣдуйте—это ваша обязанность, противъ этого никто ничего не имѣетъ! Но такія проповѣди терпимы въ церкви, а не на улицѣ. Иначе...—и онъ сдѣлалъ палкой весьма недвусмысленный жестъ. Потомъ, придвинувъ къ себѣ кипу бумагъ и нервно перелистывая ихъ тонкими пальцами, продолжалъ, — къ сожалѣнію, у меня слишкомъ много дѣла, мнѣ некогда съ вами больше бесѣдовать, фра-Леонардо. Вамъ въ этомъ отношеніи живется лучше нашего. Нашъ братъ трудится съ утра до ночи, не зная минуты покоя, безкорыстно работаетъ для блага общины, а вмѣсто благодарности слышитъ только упреки и видитъ вражду. Вамъ же, скорѣе, — совершенно нечего дѣлать. Васъ содержатъ и кормятъ прихожане. Дѣло дѣлу рознь, любезнѣйшій мой. Тому, кто далъ обѣтъ бѣдности и воздержанія, не приличествуетъ ставить преграды на пути тѣхъ, кто честнымъ трудомъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе, добровольно удѣляя отъ своего избытка и самоотверженно служа общественнымъ интересамъ, какъ подобаетъ гражданину. Это не достойно вашего званія, фра-Леонардо. Здѣсь засѣдаютъ мужи, не перестающіе заботиться о меньшихъ братьяхъ; всѣ стремленія и желанія ихъ направлены на пользу дорогой общины, они нуждаются въ помощи духовенства и заслуживаютъ ея. Вашъ долгъ предписываетъ вамъ слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру своихъ собратій. А вы, вмѣсто мира, сѣете ненависть. До сихъ поръ въ нашей общинѣ не бывало недовольства. Вы хотите подорвать ея хорошую репутацію? Это вамъ нужно! Я вамъ говорю—одумайтесь, фра-Леонардо! Поговорите съ нашимъ почтеннымъ другомъ капелланомъ. Вотъ истиный слуга нашей святой церкви! Этотъ совершенноо правильно понимаетъ свои задачи: сглаживать и примирять, т.-е. проповѣдывать скромность, смиреніе и послушаніе. Такова воля Божія. Обо всемъ остальномъ надлежитъ заботиться намъ. И мы заботимся. Дѣло призрѣнія бѣдныхъ, по общему отзыву, поставлено у насъ образцово; я могу это сказать, не хвастаясь, я имѣю счастіе обладать достойными сотрудниками. И знаете, что я вамъ скажу,—только это между нами,—совѣтъ уже рѣшилъ приступить къ обсужденію проекта о постройкѣ городского госпиталя. Каково? Дать безплатный уходъ и лѣченіе сотнямъ больныхъ. Развѣ это не болѣе реальная заслуга, чѣмъ ваши безцѣльныя мечтанія, развивающія только жадность въ бѣднякахъ? Однако, господа совѣтники уже собрались, а я еще не успѣлъ просмотрѣть всѣхъ бумагъ. Да-съ, милѣйшій фра-Леонардо, неправильно вы о насъ полагаете,—мы спимъ далеко не на розахъ. И все для другихъ! Итакъ, я вамъ высказалъ свое мнѣніе: въ нашей мирной общинѣ раздоровъ я не потерплю! Найдите какое-нибудь другое, болѣе полезное примѣненіе избытку наполняющей ваше сердце любви. Милости просимъ, господа! До свиданія, фра-Леонардо!

VI.

Наступилъ періодъ дождей. Юго-восточный вѣтеръ, примчавшись изъ-за

моря, налеталъ на землю бѣшеными порывами, обливая ее своимъ горячимъ дыханіемъ и гоня передъ собой все новыя и новыя черно-сѣрыя полчища тучъ, которые спускались на горы, подобно крылатому войску вороновъ, гнѣздились въ трещинахъ и расщелинахъ скалъ, или зловѣщею густою толпой висѣли въ воздухѣ съ широко распростертыми крыламм. Все время стояли точно сумерки, и не замѣтно было, когда начинается день. Воздухъ былъ тяжелый, сырой; дышалось трудно; при каждомъ вдыханіи въ легкія словно проникало что-то липкое, вяжущее. Съ горъ непрестанно струилась вода, наполняя низины безчисленными лужами и озерками. Ощущеніе получалось такое, какъ будто кругомъ все движется, течетъ—и улицы, и скалы, и вся страна. Безконечная безнадежность, словно что то живое, осязаемое, повисла надъ міромъ. Не вѣрилось, что когда-нибудь можетъ быть иначе; душа замирала въ тупомъ унынiи, словно сжатая въ желѣзныхъ клещахъ.

Въ Тинчино нужда сѣрымъ призракомъ ходила изъ дома въ домъ и стучалась въ каждую дверь. Регулярно каждое утро, чуть свѣтъ, процессія рабочихъ спускалась съ горы, направляясь въ латифундію,—длинный рядъ сгорбленныхъ фигуръ въ грязныхъ и рваныхъ плащахъ, съ шапками, низко нахлобученными на тупыя, усталыя лица, безмолвныхъ, какъ сѣрыя привидѣнія подъ этимъ сѣрымъ небомъ. Они двигались въ этомъ сѣромъ сумракѣ, почти не глядя себѣ подъ ноги, но никогда не сбиваясь съ тропинки, инстикнтивно, машинально, шагъ за шагомъ прокладывая себѣ путь и черезъ липкую уличную грязь, и черезъ желтые потоки, струившіеся съ горъ. Работа не ждетъ, только пропусти одинъ день—на другой какъ разъ останешься за штатомъ, и другой займетъ твое мѣсто.

Подъ проливнымъ дождемъ, въ удушливо сыромъ воздухѣ, отъ котораго потъ градомъ катился со лба и члены нѣмѣли подъ прилипавшею къ нимъ одеждой, плугъ все такъ же равномѣрно двигался по бороздамъ, взрывая черную, дымящуюся землю, въ ригахъ все такъ же быстро и въ тактъ стучали коротенькіе цѣпы. Возвращаясь домой, въ поту, съ онѣмѣвшими членами, съ мокрыми волосами и платьемъ, съ которыхъ струилась вода, не одинъ изъ этихъ тружениковъ приносилъ съ собою домой, въ свою убогую каменную лачугу, на ряду со скуднымъ заработкомъ, страшнаго гостя—лихорадку. Стуча зубами отъ озноба, съ желтымъ, какъ охра, лицомъ, сморщенной кожей и нездоровымъ блескомъ глазъ, онъ все-таки на слѣдующее утро тащился въ Баррафранку, а иной разъ и два-три дня подъ-рядъ, съ тѣмъ, чтобы на четвертый свалиться, гдѣ попало, по дорогѣ, у плуга, въ солому овина. Впрочемъ, бывало и такъ, что уже на другое утро онъ напрасно пытался подняться съ своего соломенника. Тогда другой спѣшилъ занять его мѣсто. Со времени послѣдней сортировки рабочихъ на латифундіи, множество поневолѣ оставшихся праздными рабочихъ рукъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали только минуты, когда онѣ снова могутъ понадобиться. Что станется съ выбывшимъ изъ строя,—объ этомъ никто не спрашивалъ, — развѣ только надсмотрщики помянутъ недобрымъ словомъ, если заболѣвшій былъ хорошій работникъ, а взамѣнъ него пришлось взять другого, менѣе усерднаго.

Лихорадка свирѣпствовала въ Тинчино. Ей усердно помогалъ голодъ, подтачивавшій жизненныя силы тѣхъ, что жили въ сѣрыхъ лачугахъ, лѣпившихся, будто гнѣзда, по склону горы. Съ тѣхъ поръ, какъ часть рабочихъ осталась безъ хлѣба, другая же стала получать только половину прежняго скуднаго жалованья, налоги же въ пользу города между тѣмъ увеличили и взыскивали ихъ строже, чѣмъ когда бы то не было—нужда сдѣлалась постояннымъ гостемъ въ этихъ лачугахъ. Нужда въ самой откровенной ея формѣ—непокрытая, неповитая, безобразная. И прежде приходилось урѣзывать себя во всемъ, и прежде случалось такъ, что въ домѣ, обшаривъ всѣ углы, нельзя было найти мѣдной монеты на самое необходимое, но всѣ эти прошлыя бѣды теперь казались жителямъ Тинчино чуть не благуполучіемъ,

въ сравненіи съ горькой нуждой настоящаго.

Вмѣсто наличныхъ денегъ, какъ прежде, рабочимъ, при еженедѣльныхъ разсчетахъ, выдавалось теперь, въ зачетъ жалованья, залежавшееся зерно, да и за то, при входѣ въ Тинчино, нужно было платить пошлину. Это зерно размалывали на старинныхъ ручныхъ мельницахъ и пекли изъ него черный, отдающій затхлостью хлѣбъ, о которомъ иные говорили, что онъ вредитъ человѣку даже больше, чѣмъ лихорадка. Но голодъ бралъ свое, и хлѣбъ этотъ ѣли съ жадностью. Въ базарные дни ребятишки изъ Тинчино гурьбой отправлялись въ Бальцо. Покупать и продавать имъ, само собой, было нечего, но они знали, что тамъ нѣтъ-нѣтъ да и перепадетъ что-нибудь, чѣмъ утолить грызущій голодъ. Кто подобрѣе, тѣ даже приносили домой частицу отъ своего избытка. Голодные ребятишки рылись въ мусорныхъ кучахъ, разыскивая брошенные листья капусты и салата, подгнившіе и испорченные плоды. Ничто не внушало имъ отвращенія!

Съ особенной алчностью пожирали они глазами лотки мясниковъ и торговцевъ рыбой. Эти послѣдніе являлись въ городъ каждыя двѣ недѣли. Путь съ морского берега въ Бальцо былъ не близкій, и хотя они шли скорымъ шагомъ, немного въ припрыжку, какъ контрабандисты, неся на головахъ длинныя плоскія корзины съ рыбой, каждый разъ, по приходѣ въ городъ, часть товара оказывалась испорченной и негодной къ употребленію. Эти дни были праздниками для Тинчино, куда толпа маленькихъ оборванцевъ съ торжествомъ приносила свою добычу. Имъ доставались также внутренности и головы крупныхъ рыбъ, которыхъ потрошили, рѣзали и продавали по кускамъ, раковины и всякое морское звѣрье, уже не свѣжее, или просто оставшееся въ корзинкѣ у рыбака по окончаніи торга; чтобы не возиться со всей этой дрянью, онъ бросалъ ее дѣтямъ.

То же самое и съ мясниками. У тѣхъ всегда находилось что-нибудь такое, что не годится въ продажу,—жиръ, отрѣзки костей, птичьи внутренности—все, что обыкновенно бросаютъ собакамъ, здѣсь доставалось ребятишкамъ. Они дрались изъ-за каждаго куска, какъ голодныя кошки, ловили подачку, на лету и спѣшили утащить ее домой. Нерѣдко муниципальнымъ сторожамъ приходилось вступаться, чтобы прекратить ссору между маленькими оборванцами, которые тузили другъ друга съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ и готовы были перегрызть горло одинъ другому изъ-за гнилого куска мяса. Собственно говоря, въ жизни подростающаго населенія Тинчино только и было праздниковъ, что эти базарные дни.

При этомъ, само собой, не обходилось безъ кражъ. Случай всегда былъ подъ рукой, а сторожа по большей части довольствовались тѣмъ, что, поймавъ воришку, колотили его до тѣхъ поръ, пока отъ его криковъ и воплей не начинало въ ушахъ звенѣть у окружающихъ, что не мѣшало имъ все время изъявлять полное одобреніе. Наказанный на время прекращалъ свои продѣлки, но въ концѣ-концовъ голодъ обыкновенно пересиливалъ страхъ. Притомъ же мальчишки были такъ ловки и проворны, что изъ десяти разъ девять воришкѣ удавалось или стянуть незамѣтно, или же, въ самую критическую минуту, ускользнуть, иной разъ даже изъ рукъ сторожа, у котораго нерѣдко оставался въ рукахъ воротникъ, а то и цѣлая куртка, въ видѣ выкупа за свободу. Впрочемъ, крали только съѣстное; точно также и взрослые во время полевыхъ работъ не считали за грѣхъ стянуть что-нибудь изъ овощей, но похищеніе денегъ или цѣнныхъ вещей было большой рѣдкостью.

«Хромой» теперь цѣлые дни, какъ угорѣлый, метался по Тинчино. Никогда еще ему не стоило такого труда выжимать деньги изъ плательщиковъ. Непріятности, непріятности безъ конца! Увертки, просьбы, угрозы! Просто голова идетъ кругомъ. И главное, всю вину валятъ на него! Какъ будто онъ кладетъ деньги себѣ въ карманъ. Такого упорнаго сопротивленія онъ еще не встрѣчалъ; тинчинцы всѣ точно взбѣленились; у нихъ въ головѣ не умѣщалось, что надо платить и новые налоги, сколько

онъ ни бился съ ними, сколько ни объяснялъ, что надо покориться, ибо все равно ничего не поможетъ. Описямъ имущества не было конца. Сегодня здѣсь опишутъ, завтра тамъ—и такъ чуть не всѣхъ перебрали. Хромой рвалъ и металъ. Тинчинцы отъ него бѣгали, какъ отъ чумы, а господа муниципальные совѣтники въ Бальцо тоже были недовольны, что онъ приноситъ деньги неаккуратно и не сполна. Утѣшенія ради, онъ цѣлые дни ходилъ навеселѣ, и тамъ, гдѣ хотѣли избавиться отъ него, подносили ему выпить, тогда онъ сразу становился уступчивѣе. Тѣмъ не менѣе, при описяхъ было не мало грубыхъ и жестокихъ сценъ. Даже у Фаддолини увели-таки свинью. Вотъ была исторія! Цѣлый городъ высыпалъ на улицу посмотрѣть, какъ «хромой» гналъ передъ собой по дорогѣ въ Бальцо маленькаго чернаго боровка, привязавъ его веревкой за заднюю ногу и подгоняя его то ударами, то ласкательными словами. Что грѣха таить—при этомъ многія лица выражали злорадство: по дѣломъ! Зачѣмъ Фаддолини позволяли себѣ такую роскошь, какъ держать свинью.

Даже Пиппо Даміани нашелъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что надменныхъ сосѣдей постигла заслуженная кара. У его собственнаго очага было далеко не весело. Самъ Пиппо схватилъ лихорадку и хотя до сихъ поръ еще держался на ногахъ и не пропустилъ ни одного рабочаго дня, тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, какъ скрытый огонь медленно пожираетъ его мозгъ и кости; кромѣ того, его мучилъ сухой надрывчатый кашель, отъ приступовъ котораго ходуномъ ходила его впалая грудь. Но хуже всего было то, что теперь за лѣнь и нерадивость въ работѣ перевели съ платы наличными на плату натурой, пригрозивъ ему увольненіемъ, если онъ не согласится. Съ тѣхъ поръ семьѣ Даміани волей-неволей приходилось питаться полуиспорченными овощами, которые однакожъ ставились въ счетъ по рыночной цѣнѣ на хорошій товаръ. Ченцо, не получая денегъ на руки для своихъ личныхъ надобностей, все время былъ въ дурномъ расположеніи духа, грозилъ эмигрировать, бранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ всѣхъ домашнихъ и ухитрялся выискать каждый завалявшійся грошъ, какъ бы хорошо онъ ни былъ припрятанъ. Рафаэлла по отношенію къ нему все время находилась въ осадномъ положеніи. Въ довершеніе бѣдъ, потайное убѣжище осла было открыто, и его конфисковали въ пользу казны. Какъ это случилось —никто не могъ дознаться.

Каждый изъ совладѣльцевъ подозрѣвалъ другого въ предательствѣ, хотя трудно понять, чего ради кто-нибудь изъ нихъ пошелъ бы на такое дѣло. Во всякомъ случаѣ, признаться въ томъ, что онъ хозяинъ осла—никто не смѣлъ, ибо тогда ему пришлось бы заплатить налогъ за всѣ пропущенные сроки, да еще и пеню за уклоненіе отъ платежа. Въ виду этого пришлось отдать осла безъ сопротивленія, показывая кулакъ въ карманѣ, а послѣдствіемъ этого было то, что теперь уже нельзя было, какъ раньше, потайнымъ образомъ по ночамъ провозить въ городъ съѣстные припасы и другіе товары, обложенные пошлиною; кромѣ того утрачена была возможность заработать нѣсколько сольди, отдавая животное внаймы мелкимъ владѣльцамъ, возившимъ тяжести въ Ликату и Пальму.

Послѣ этой необъяснимой напасти нужда въ семьѣ Даміани дошла до крайности. Нерѣдко Рафаэлла не знала, чѣмъ накормить голодныхъ отца и брата, когда они вечеромъ вернутся изъ латифундіи, насквозь промокшіе, разбитые тяжкой работой, изломанные лихорадкой. Даже для отца, который кряхтѣлъ и кашлялъ такъ, что, казалось, у него сейчасъ лопнетъ грудь, она не могла припасти ни теплаго питья, ни согрѣвающей пищи. Съ глухимъ ропотомъ накидывались они на плохо выпеченный хлѣбъ и, поѣвъ, дрожа отъ озноба и охая, ложились на свои соломенники, чтобы погрузиться въ тупой одуряющій сонъ.

При всемъ томъ Рафаэллѣ оставалось еще одно утѣшеніе—ея коза, которую до сихъ поръ какимъ-то чудомъ не свели со двора. Дѣвушка питала къ этой козѣ какую-то ревнивую нѣжность и ей казалось, что она все-таки богаче другихъ, пока ея любимица живетъ въ

своемъ уголкѣ за перегородкой возлѣ кухни.

Возвращаясь домой, она первымъ дѣломъ спѣшила убѣдиться, что коза еще здѣсь; Рафаэлла постоянно боялась, какъ бы ее не увели потихоньку или, еще хуже, не украли. Маленькое, изувѣченное животное, съ трудомъ двигавшееся на своихъ трехъ здоровыхъ ногахъ, отлично знало свою хозяйку, съ ласковымъ блеяніемъ ковыляло ей навстрѣчу, позволяло гладить себя по головѣ и ѣло у нея изъ рукъ, все что ему давали, но давали-то немного. Поэтому и коза не могла давать много молока, и Ченцо каждый день роапталъ на то, что они содержатъ безполезную дармоѣдку вмѣсто того, чтобы прирѣзать ее и съѣсть, пока ее еще не забрали гг. муниципальные совѣтники. И то чудо, какъ она до сихъ поръ еще уцѣлѣла, когда за Даміани почти по всѣмъ графамъ числятся недоимки, и нѣтъ никакой надежды уплатить ихъ въ ближайшемъ будущемъ. При такихъ условіяхъ лучше всего не думать о завтрашнемъ днѣ и радоваться, если удалось лечь спать не голоднымъ. Ченцо, можетъ быть, и прирѣзалъ бы ее, но его останавливало одно: козье молоко помогало отъ кашля старику Пиппо Даміани, силы котораго ослабѣвали съ каждымъ днемъ; и старая Маріуччія, къ которой тинчинцы во всѣхъ болѣзняхъ обращались за совѣтомъ и о которой шла слава, что ей извѣстны чудодѣйственныя средства, помогшія и ей самой прожить на свѣтѣ цѣлыхъ 93 года—такъ и она присовѣтовала пить козье молоко.

Тѣмъ не менѣе, Даміани не понимали, на какомъ основаніи «хромой» щадитъ ихъ такъ долго. Каждый разъ, при встрѣчѣ съ Рафаэллой, онъ грозился свести со двора козу и каждый расъ при этомъ не пропускалъ случая намекнуть, что ей легко было бы устроить себѣ болѣе пріятную жизнь. Но Рафаэлла пропускала эти намеки мимо ушей. Однажды онъ высказался совершенно откровенно. Дѣвушка плюнула и ушла отъ него. Ушелъ и онъ, осыпая бранью дерзкую «нищую» и грозя сломить ея высокомѣріе.

Ни для кого не было тайной, что въ другихъ мѣстахъ онъ не встрѣчалъ такого сопротивленія и что во многихъ семьяхъ не терпѣли особенной нужды, потому что тамъ были женщины, жившія въ дружбѣ съ господами изъ Бальцо. Объ одной даже говорили, что она сдѣлалась любовницей капеллана церкви Св. Духа или, по крайней мѣрѣ одной изъ его любовницъ. Кому жилось хоть сколько-нибудь сноснѣе другихъ, того сейчасъ начинали подозрѣвать въ томъ, что онъ добываетъ себѣ пропитаніе нечестными или постыдными путями; женщины, бранясь между собой, попрекали другъ дружку знакомствомъ съ надсмотрщиками или чиновниками.

Глядя на фра Леонардо, тинчинцы только головами качали, не понимая, что ему нужно и зачѣмъ онъ навлекаетъ на себя немилость господъ. Даже Рафаэлла чувствовала къ нему только состраданіе. Впрочемъ, онъ теперь избѣгалъ встрѣчи съ ней, какъ бы стыдясь, что до сихъ поръ не вышелъ изъ области сказокъ и фантазій. Его считали безобиднымъ юродивымъ, котораго всѣ любили, но отъ котораго пользы ждать было нечего. Ему всякій разъ цѣловали руку при встрѣчѣ; беднѣйшіе охотно дѣлились съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, но когда онъ начиналъ поучать и проповѣдывать, его слушатели недоумѣвающе улыбались и пожимали плечами. Вымолить прощеніе грѣшной душѣ у престола Божіей Матери—это дѣло иное, это онъ можетъ, потому что онъ святой. Но въ мірскихъ дѣлахъ онъ никому и ничѣмъ не можетъ помочь.

Раньше одно время къ нему все приставали, чтобы онъ назвалъ нумера билетовъ, которые должны выиграть въ лотерею; тинчинцы были твердо увѣрены, что священникамъ, и въ особенности нищенствующимъ монахамъ, такія вещи должны быть извѣстны, и чѣмъ кто святѣе, тѣмъ больше можно вѣрить его словамъ. Но эти просьбы доводили фра Леонарди до такихъ сильныхъ, необычныхъ для него приступовъ гнѣва, что тинчинцы скоро оставили его въ покоѣ, хотя въ душѣ продолжали думать, что въ этомъ онъ могъ бы имъ быть по-

жизни, какъ дополненіе собственныхъ силъ личности. Но то общеніе, которое существуетъ теперь среди насъ, низведено на степень служенія матеріальному благополучію. Поэтому Шлейермахеръ желалъ бы создать, по собственному произволу, новыя формы общенія,—одухотворить и очистить дружбу, общественность, бракъ, государство, а изъ языка и нравовъ создать такую оболочку для внутренняго своеобразія личности, которая бы «непринужденно и полно могла облечь любой изящный образъ и, не скрывая его формъ, придавать красоту его движеніямъ». Такимъ образомъ, Шлейермахеръ считаетъ себя чуждымъ только образу мыслей и жизни современнаго ему поколѣнія; зато онъ «пророкъ и гражданинъ грядущаго міра; къ нему влечетъ его живая фантазія и твердая вѣра, ему принадлежитъ онъ всякимъ своимъ дѣломъ и помышленіемъ». И онъ придетъ, навѣрное, этотъ лучшій міръ, это «царство образованія и нравственности». Шлейермахеру не достаетъ, стало быть, только одного—связи съ окружающей его нравственной дѣйствительностью и историческаго пониманія своей собственной связи и зависимости отъ этой среды. Для него, какъ для Вильгельма Гумбольдта, нуженъ былъ крупный историческій переворотъ, чтобы связать его съ окружающимъ міромъ и заставить его самого приложить руки къ созданію этого «царства образованія и нравственности» на реальной почвѣ прусскаго государства.

Во всемъ этомъ содержаніи ученій Шлейермахера романтическіе элементы неразрывно связаны съ другими, отдѣляющими его отъ романтиковъ. Разъединяетъ его съ ними, сверхъ всего прочаго, уже одно слѣдующее обстоятельство. Какъ въ «Монологахъ», такъ и въ «Рѣчахъ», несмотря на художественность реторической формы, приличествовавшей, по его мнѣнію, высокому предмету изложенія, онъ рѣшительно отказывался искать пути къ религіи чрезъ область искусства. Быть можетъ, онъ полагалъ, что такого пути и вовсе не существуетъ, и художники осуждены быть нерелигіозными людьми, а, можетъ быть, просто онъ чувствовалъ, что для него лично эта область слишкомъ трудна и чужда. Какъ бы то ни было, онъ не позволилъ себѣ увлечься художественной и поэтической стороной романтизма и предохранилъ себя, такимъ образомъ, отъ того преклоненія передъ средневѣковымъ католицизмомъ, жертвой котораго сдѣлался Новалисъ въ своей статьѣ «Европа», написанной подъ вліяніемъ Шлейермахеровыхъ «Рѣчей». «Вѣра и свобода» былъ девизъ Шлейермахера. «Черезъ вѣру къ подчиненію!»—такова тема, которую развиваетъ Новалисъ. Шлейермахеръ оказался выше своихъ друзей, уже по своимъ знаніямъ и по знакомству съ своими предшественниками. Вотъ почему ему лучше ихъ удалось объединить двѣ главныхъ тенденціи философіи,—зависимость и свободу, Спинозу и Фихте; и, главное, сохранить при этомъ свою идею, что «каждый человѣкъ по своему выражаетъ человѣчество въ своеобразномъ смѣшеніи элементовъ, и оно проявляется, такимъ образомъ. всѣми возможными способами». Но, что гораздо важнѣе,—Шлейермахеръ былъ выше своего кружка по складу характера. Это была глубоко-нравственная натура. Проповѣдникъ зависимости, онъ не былъ лишенъ и стремленій къ свободѣ. Вотъ почему и въ своихъ «Монологахъ» онъ строго отдѣлилъ этическій элементъ отъ эстетическаго и художественнаго. Поэтому-то онъ и не могъ погибнуть въ водоворотѣ романтизма, не могъ даже и надолго остаться въ немъ. Онъ принялся за переводъ Платона и тѣмъ самымъ рѣшительно разорвалъ со всякой игрой въ средніе вѣка. Фридрихъ Шлегель отъ грековъ пришелъ къ католической церкви,

а Шлейермахеръ, наоборотъ, отъ романтизма къ Платону. Это помогло ему сохранить трезвость ума. Онъ принялся, затѣмъ, за критику прежнихъ ученій о «нравственности» и тѣмъ самымъ подвергъ себя и свой умъ строгой дисциплинѣ. Въ результатѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ погружался въ область нравственныхъ явленій: а эту область онъ считалъ объективной и соціальной, т.-е. такой, которая не можетъ и не должна зависѣть отъ личнаго каприза. Но насколько все-таки силенъ былъ въ Шлейермахерѣ романтическій духъ, видно изъ его собственныхъ сердечныхъ увлеченій. Правда, его исторію съ Элеонорой Груновъ легче оправдать, чѣмъ связь Фридриха Шлегеля съ Доротеей Фейтъ или Шеллинга съ Каролиной, временной женой Августа Шлегеля, музой Эгеріей для всего іенскаго кружка и въ то же время «госпожей Люциферомъ» для Шиллера, этическій паѳосъ котораго не уставали высмѣивать іенскіе романтики. При первомъ чтеніи «Пѣсни о колоколѣ» весь этотъ просвѣщенный кружокъ чуть не умеръ отъ смѣха надъ филистерскимъ духомъ этой апоѳеозы бюргерства, съ его неприступными нравственными правилами.

Въ лицѣ Шлейермахера, сохранившаго даже въ богословіи,—несмотря на позднѣйшія «разъясненія» къ «рѣчамъ»—свободный умъ и гражданскую смѣлость, ушелъ отъ романтизма его добрый геній. Послѣ того это направленіе неудержимо продолжало свой путь отъ революціи къ реакціи, перемѣшивая добро со зломъ самымъ страннымъ образомъ. То зло, которое романтизмъ принесъ съ собой нѣмецкому народу, значительно перевѣшиваетъ добро. Цѣлыя десятилѣтія онъ продолжалъ тяготѣть надъ умственнымъ развитіемъ эпохи, заглушая собою вліяніе Канта и Гёте. Одно время, правда, казалось, что романтизмъ приметъ исключительно литературное и литературно-историческое направленіе. Это было тогда, когда Августъ Вильгельмъ Шлегель, историкъ александрійской литературы и признанный критикъ школы, переѣхалъ послѣ распаденія Іенскаго кружка въ Берлинъ. Тамъ, въ публичныхъ лекціяхъ объ изящной литературѣ и искусствѣ, онъ выстроилъ изъ отрывочныхъ парадоксовъ своего брата систематическую доктрину романтической школы. Этимъ путемъ онъ пытался заставить понять ее и пріобрѣсти ей послѣдователей. Но въ своемъ второмъ курсѣ Августъ Шлегель выступаетъ уже съ общимъ и рѣшительнымъ осужденіемъ всего своего безъидейнаго времени; наряду съ состояніемъ поэзіи, онъ рисуетъ упадокъ науки, общественной жизни, политики, воспитанія,—словомъ всей интеллигентной мысли и чувства той эпохи,—все время намекая при этомъ на просвѣтительные взгляды, все еще державшіеся въ Берлинѣ. Такимъ образомъ, и онъ выступилъ съ явнымъ намѣреніемъ распространить вліяніе романтизма на всѣ области духовной жизни. И, сверхъ всякаго ожиданія, это ему, дѣйствительно, удалось.

Роковое вліяніе романтизма на науку и жизнь сказалось, главнымъ образомъ, въ трехъ отношеніяхъ. Кантъ поставилъ изученіе природы въ зависимость отъ законовъ нашего разума; совершивъ истинно коперниковскій переворотъ, онъ заставилъ природу вращаться около познающаго *«я»*. Причинность не есть законъ вещей, стоящихъ внѣ насъ, а лишь форма, въ которой понимаетъ эти вещи нашъ разумъ. На этомъ субъективномъ основаніи покоится всеобщность и необходимость причинной связи. Фихте сдѣлалъ еще шагъ впередъ, у него разумъ совершенно поглотилъ природу. Онъ выдвинулъ *«я»*, съ его творческой силой воображенія, на положеніе единственнаго создателя міра

явленій,—такимъ образомъ, онъ разбавилъ трансцендентальный идеализмъ водой субъективнаго идеализма. И романтики были такими же субъективными идеалистами, какъ онъ, но они шагнули еще гораздо дальше его: они отняли у *«я»* всякую закономѣрность и надѣлили его геніальнымъ произволомъ. Въ самомъ дѣлѣ, истинно творческимъ могло быть, съ ихъ точки зрѣнія, только геніальное, художественное, ничѣмъ не связанное и ничѣмъ себя не связывающее *«я»*. Этимъ они освобождали *«я»* отъ узды логическихъ законовъ и отъ безстрастной реальности фактовъ; они сдѣлали изъ него—носителя ихъ магическаго идеализма, любимымъ дѣтищемъ котораго скоро стало чудо; они разнуздали его для игры ироніей, основанной исключительно на произволѣ. Даже въ своей собственной области,—въ области поэзіи—они приняли за правило-отсутствіе правилъ и считали безформенность за лучшую форму. Такъ поставленное, аристократическое, высокоразвитое, возносящееся надъ толпою *«я»* было освобождено также и отъ стремленій налагаемыхъ житейскими обычаями и нравственностью. Въ своей «Люциндѣ», появившейся въ 1799 году, Фридрихъ Шлегель съ цинической откровенностью прославлялъ свободную любовь, отбрасывая въ сторону, какъ противуестественное стѣсненіе, все, что являлось хотя бы самымъ отдаленнымъ намекомъ на обычныя мѣщанскія отношенія. Онъ хвалился своей «завидной свободой отъ предразсудковъ» и убѣждалъ свою возлюбленную отбросить всѣ остатки стыда и скромности и не подчиняться требованіямъ общепринятаго и приличнаго. Онъ восхвалялъ также лѣнь, какъ единственный остатокъ подобія Божьяго, унесенный нами изъ рая; онъ смѣялся поэтому надъ Прометеемъ, прельстившимъ людей трудомъ и навѣки лишившимъ ихъ покоя. Въ виду всѣхъ этихъ циническихъ выходокъ и пародоксовъ, по большей части лишенныхъ всякаго значенія,—страннымъ кажется, что Шлейермахеръ рѣшился защищать эту книгу въ своихъ «интимныхъ письмахъ о Люциндѣ». Конечно, онъ благородно исполнялъ этимъ долгъ дружбы; нехудожественность романа могла отъ него ускользнуть; наконецъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ былъ согласенъ съ Шлегелемъ и по существу. Романъ, и съ его точки зрѣнія, удачно разоблачалъ безнравственность нашей общепринятой морали; а презрѣніе къ обычной, глубоко-безнравственной формѣ браковъ заставило его на одинъ моментъ признать пользу и необходимость «предварительныхъ опытовъ» любви, чтобы всякая ошибка относительно ея истинности и прочности могла быть заранѣе исправлена. Замѣтимъ, что все это была не одна простая теорія:—романтики осуществляли въ жизни все, чему они учили. Изъ всего, что есть въ мірѣ святого, они меньше всего уважали святыню брака. Никто легче ихъ не относился къ menage à trois, они острили только по поводу того, не лучше ли было бы menage à quatre. И въ плохомъ романѣ Шлегеля самое худшее было то, что это была не фантазія, а дѣйствительность,—фотографически вѣрное изображеніе юношескихъ прегрѣшеній автора и его интимныхъ отношеній съ Доротеей Фейтъ. Конечно, не надо забывать и обратной стороны медали. Жизнь людей XVIII вѣка была туго стянута, какъ тѣ косички, которыя они носили. Ихъ взгляды и поведеніе проникнуты были педантизмомъ и филистерствомъ. Стоитъ только вспомнить, какъ былъ возмущенъ Клопштокъ студенческими шалостями Гёте въ Веймарѣ; онъ совсѣмъ забылъ при этомъ, что когда-то въ Цюрихѣ Бодмеръ упрекалъ его за такія же точно нарушенія филистерскихъ нравовъ. Еще представители эпохи «Бури и натиска» приходили въ ужасъ отъ этой будничной

*

жизни, строго замкнутой въ узкій «кругъ привычекъ». То же самое чувство одушевляло тридцать лѣтъ спустя и молодыхъ основателей романтической школы. Всюду они видѣли одну прозу и пошлость; всѣмъ руководили соображенія пользы или денежнаго разсчета. Не мало возмущала и та мораль, которая проповѣдовалась и практиковалась въ этотъ «вѣкъ просвѣщенія». «Польза» не оставляла мѣста для нравственности, и потому эта послѣдняя превратилась въ лицемѣріе, въ иллюзію нравственности. Какъ всѣмъ иллюзіямъ, и ей долженъ былъ быть теперь положенъ конецъ. Въ этомъ смыслѣ мы не найдемъ ничего чудовищнаго въ желаніи Шлегеля «вновь создать нравственность». Разумѣется, Шлегель былъ для этого неподходящимъ человѣкомъ. Но рядомъ съ нимъ стоялъ Шлейермахеръ и за «Интимными письмами къ Люциндѣ» послѣдовали «Монологи» съ ихъ новой этикой. Въ ожиданіи ихъ, дѣло шло лишь о томъ, чтобы «стать выше всѣхъ предразсудковъ культуры и мѣщанскихъ приличій», чтобы истребить «малѣйшее воспоминаніе о мѣщанскихъ отношеніяхъ, какъ и о всякомъ принужденіи». Въ этомъ были согласны всѣ—и Тикъ, и Шлегель, и Брентано. Поскольку рѣчь шла о протестѣ противъ ходячей морали—и Шлейермахеръ былъ заодно съ ними. Особенно плохо обстояли дѣла съ бракомъ и съ положеніемъ женщины. Недаромъ Гёте заставилъ свою Ифигенію воскликнуть:

Да, положенье жещины печально!

Справедливо подсмѣивался и *Атенеумъ* надъ тѣмъ, что «женщины должны были больше вѣрить въ Бога и Христа, чѣмъ мужчины, и прекрасное свободомысліе меньше было имъ къ лицу, чѣмъ мужчинамъ». Очень близки къ истинѣ были и злыя слова Фр. Шлегеля о томъ, что въ обыкновенныхъ супружествахъ обѣ стороны «влачатъ поневолѣ совмѣстную жизнь, построеную на взаимномъ презрѣніи». И здѣсь, слѣдовательно, вполнѣ умѣстенъ былъ протестъ, необходима критика, необходима борьба за право. Но, какъ во времена Перикла нужна была Аспазія, чтобы поднять положеніе женщины и поставить ее на одинъ уровень съ высокообразованными мужчинами, такъ и въ началѣ XIX столѣтія мысль о равноправности женщины должна была пробить себѣ путь сквозь цѣлый рядъ заблужденій. Шлейермахеровская «идея катехизиса разума для благородныхъ женщинъ» возникла у него не только на почвѣ его знакомства съ Генріетой Герцъ, но и на почвѣ его отношеній къ Элеонорѣ Груновъ. Но тогда, какъ онъ остался чистъ, какъ Сократъ, и съ высоко поднятой головой покинулъ «пиръ» жизни,—другіе поддались искушенію или съ самаго начала поняли эмансипацію въ смыслѣ распущенности. Требованіе—превратить самую жизнь въ художественное произведеніе осталось для большинства мертвой фразой. Разбивъ цѣпи старыхъ обычаевъ, большинство и не подумало о необходимости—подчинить освобожденное чувство собственной дисциплинѣ.

Въ этомъ отсутствіи дисциплины въ жизни и въ мысли заключалась первая опасность романтизма для нѣмецкой духовной жизни. Вторая опасность состояла въ злосчастномъ стремленіи его вернуться назадъ, въ прошлое. «Сердечныя изліянія любящаго искусство монаха» Вакенродера установили взглядъ романтизма—правда, непризнанный Шлейемахеромъ,—на взаимныя отношенія между религіей и искусствомъ. Золотой вѣкъ,—когда они были неразрывно слиты, когда искусство «было проникнуто дыханіемъ и кровью націи»,—переносился въ прошлое, сначала ко временамъ Дюрера, т.-е. къ первымъ десятилѣтіямъ реформаціонной эпохи, а потомъ еще нѣсколькими вѣками дальше.

Назорейцы смиренно погружаются въ изученіе прерафаэлитовъ; дѣйствіе «хроники странствующаго ученика» Брентано происходитъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, «Генриха Офтердингена» Новалиса—на границѣ двѣнадцатаго и тринадцатаго. И вотъ наступила, такимъ образомъ, въ своемъ старомъ величіи, залитая луннымъ сіяніемъ, волшебная ночь идеализированныхъ романтизмомъ среднихъ вѣковъ, исполненный чудесъ сказочный міръ «Императора Октавіана» или «Святой Женевьевы». Началось прославленіе средневѣковья. Какъ неогуманисты тосковали по Греціи и всей душой стремились къ этой прекрасной странѣ, такъ романтики расписывали пестрыми красками міръ средневѣковыхъ рыцарей и трубадуровъ, древненѣмецкихъ замковъ и городовъ.

Уландъ рѣшительно ставилъ средніе вѣка выше древности: «чего не могли мнѣ дать, несмотря на усердное чтеніе, классическія произведенія, слишкомъ для меня ясныя и слишкомъ опредѣленныя, чего я напрасно искалъ среди реторическихъ украшеній новой поэзіи,—то я нашелъ здѣсь (въ Valthariliеd): свѣжія картины и образы на глубокомъ фонѣ, который затрогивалъ и возбуждалъ воображеніе». Такимъ образомъ, романтизмъ, первымъ дѣломъ, устранилъ несправедливость, оказанную среднимъ вѣкамъ просвѣтительной философіей съ ея трезвой практичностію и отсутствіемъ историческаго пониманія. Романтики заставили нѣмецкій народъ снова полюбить свои готическіе соборы и своихъ художниковъ рейнской школы; они вернули ему вкусъ къ нѣмецкому быту и искусству. Рядомъ съ исторіей искусствъ и германистика, а также и сравнительное языкознаніе почувствовали на себѣ плодотворное и живительное вліяніе новаго настроенія. «Волшебный рогъ мальчика» *) открылъ народу и его поэтамъ давно заброшенный родникъ народной лирики и оросилъ засохшую почву. Но романтики и здѣсь, какъ вообще во всемъ, впали въ преувеличеніе. Ихъ преклоненіе передъ средними вѣками было такъ же несправедливо и противно историческому смыслу, какъ и отвращеніе къ этой эпохѣ со стороны «просвѣтителей». И, однако же, упрекъ въ нарушеніи историческаго смысла—не мѣшаетъ намъ сдѣлать этому исполненному противорѣчій поколѣнію другой, діаметрально противоположный упрекъ въ томъ, что оно первое положило начало той преувеличенной оцѣнкѣ «историческаго метода», отъ которой страдало все наше столѣтіе. Мы слишкомъ охотно склоняемся передъ силой вещей, исторически сложившихся, передъ всякой стариной и преданіемъ. Еще Шиллеръ отмѣтилъ въ «Валленштейнѣ» эту власть старины надъ нами:

«Что покрыто сѣдиной старости,
То для него священно»!

Но преувеличеніе этой власти, готовность, съ которой мы отдаемся въ рабство исторіи, «историческій методъ» на службѣ реакціи и, какъ слѣдствіе этого, робкая бездѣятельность и болѣзненная блѣдность мысли—все это тоже есть дѣло романтизма съ его обращеннымъ назадъ взоромъ. Этотъ результатъ сильно портитъ неоспоримыя заслуги романтической школы относительно пробужденія интереса къ нашей нѣмецкой старинѣ. Всего хуже было то, что романтизмъ, пытаясь внести поэзію въ жизнь, желалъ воскресить къ жизни и весь этотъ поэтическій, богатый красками, средневѣковый міръ со всѣми его учрежденіями. Отсюда онъ хотѣлъ почерпнуть обновленіе всей религіозной

---

*) «Des Knaben Wunderhorn»—названіе сборника народныхъ пѣсенъ, изданнаго *Брентано и Арнимомъ* въ 1806—1808 гг.

и политической жизни Германіи. Когда хвалятъ Дюрера, помимо его художественнаго таланта, такъ же и за его простодушное благочестіе, когда мечтаютъ о томъ, какъ бы хорошо было жить въ эпоху Дюрера и Рафаэля,—это еще куда ни шло. Вакенродеръ уже нѣсколько рѣшительнѣе, онъ выступаетъ съ обличеніемъ просвѣтительной эпохи за ея нехудожественность и нечестіе, но именно поэтому онъ все-таки считаетъ еще возможнымъ сказать доброе слово о Лютерѣ за его любовь къ музыкѣ. Тикъ, въ своихъ «Скитаніяхъ Франца Штернбальда» идетъ гораздо дальше. Онъ уже осыпаетъ реформацію жалобами и упреками за то, что она «замѣнила полноту божественной религіи сухой и разсудочной пустотой, истомившей всѣ сердца». И даже Шеллингъ въ своемъ «Эпикурейскомъ исповѣданіи вѣры Гейнца Видерпорстена» говоритъ:

«Коль ужъ религія должна существовать
(Хоть я и безъ нея могу прожить отлично),
Я католическую бы рѣшилъ избрать,
Изъ всѣхъ она одна, мнѣ кажется, прилична,—
Какой она осталася съ тѣхъ поръ,
Какъ не было изъ-за нея—ни дракъ, ни ссоръ».

Здѣсь, положимъ, это желаніе выражается въ довольно условной формѣ, и самый тонъ, какимъ высказываются католическія симпатіи, звучитъ весьма иронически и даже богохульно.

Гораздо серьезнѣе говоритъ объ этомъ Новалисъ въ упомянутой выше статьѣ о «Христіанствѣ или Европѣ». Онъ превзошелъ все, что было сказано другими, нарисовавши, правда, довольно фантастическую картину историческаго процесса съ точки зрѣнія религіи. То было прекрасное, блестящее время,—такъ начинается романтическая стряпня этого удивительнаго протестанта,—когда Европа была *единой* христіанской страной. Великіе общіе интересы связывали тогда между собой отдаленнѣйшія провинціи этого обширнаго духовнаго царства. Не обладая большими свѣтскими владѣніями, единый верховный глава объединялъ и направлялъ всѣ политическія силы. Непосредственно подъ нимъ стояло многочисленное сословіе духовенства. Это были избранные, надѣленные могучими силами мужи, опытные кормчіе на великомъ, неизвѣданномъ морѣ жизни. Миръ исходилъ отъ нихъ, они проповѣдывали одну любовь къ святой, дивно-прекрасной женщинѣ—христіанской вѣрѣ, которой дана божественная власть спасать вѣрующихъ отъ самыхъ страшныхъ опасностей. Мудрый глава церкви справедливо противился дерзкимъ попыткамъ развивать человѣческія способности въ ущербъ духу святости и несвоевременнымъ открытіямъ въ области знанія. Такъ, онъ запрещалъ смѣлымъ мыслителямъ утверждать, что земля есть лишь незначительная планета; онъ хорошо понималъ, что вмѣстѣ съ уваженіемъ къ своему земному отечеству люди потеряютъ уваженіе и къ небесной родинѣ, предпочтутъ ограниченное знаніе безконечной вѣрѣ, привыкнутъ презирать все великое, исполненное чудесъ, и будутъ смотрѣть на него какъ на продуктъ мертвыхъ законовъ. Таковы были прекрасныя черты истинно-католической или истинно-христіанской эпохи. Но подъ вреднымъ вліяніемъ, какое оказывала культура на вѣру въ невидимое,—царство это стало разлагаться и, наконецъ, явился человѣкъ, возжегшій пожаръ и начавшій проповѣдывать открытое возстаніе. Мятежники выставляли, правда, много важныхъ положеній, но они забывали неизбѣжный результатъ своего

предпріятія: они разъединяли неразъединимое, они дѣлили на части нераздѣльную церковь и дерзко отрывали себя отъ всемірной христіанской общины, внутри которой только и мыслимо вѣчное возрожденіе. Они нечестиво заключили религію въ границы государства; Лютеръ обращался съ христіанствомъ по своему произволу, не понялъ его духа и ввелъ священную общеобязательность Библіи, открывъ этимъ дорогу филологіи, разлагающее вліяніе которой постоянно сказывалось съ тѣхъ поръ. Такимъ образомъ, съ наступленіемъ реформаціи пришелъ конецъ христіанству. На борьбу съ ней выступилъ іезуитскій орденъ, который теперь (въ 1800 году) влачитъ жалкое существованіе на границахъ Европы, но, быть можетъ, когда-нибудь, собравшись съ силами, вернется въ свое старое отечество. Но и іезуиты не могли помѣшать распространенію нечестія и невѣрія. Современная просвѣтительная философія осудила фантазію и чувство, нравственность и любовь къ искусству, прошедшее и будущее, изгнала изъ человѣческой души и изъ науки поэзію, уничтожила всѣ остатки святости и, такимъ образомъ, лишила міръ всѣхъ его яркихъ красокъ. Настала французская революція. Съ перваго взгляда она кажется верхомъ невѣрія, но, въ дѣйствительности, эта анархія составляетъ самую подходящую среду для возрожденія религіи. Изъ развалинъ всего положительнаго религія подымаетъ свою лучезарную голову, какъ основательница новаго міра. И Новалисъ предвѣщаетъ новый золотой вѣкъ съ темными бездонными очами, чудотворную, исцѣляющую, утѣшающую эпоху, наступленіе которой онъ прозрѣваетъ глазами ясновидящаго. Теперь царитъ война; пальмовую вѣтвь можетъ водрузить лишь духовная власть; одна лишь религія можетъ разбудить Европу и примирить народы. Но для этого протестантизмъ долженъ смолкнуть и уступить мѣсто новой вѣчной церкви, которая, не обращая вниманія на границы государствъ, приметъ въ свое лоно всѣ души, тоскующія по небесной родинѣ, и изъ стараго рога изобилія прольетъ на народы свое благосостояніе.

Любопытно, что эта статья не была въ то время напечатана, по совѣту стараго язычника Гете, котораго приводилъ въ ужасъ такой избытокъ религіозности. Только въ четвертомъ изданіи сочиненій Новалиса она была напечатана по желанію Фридриха Шлегеля, который успѣлъ къ тому времени принять католичество вмѣстѣ съ Доротеей Фейтъ, принявшей передъ тѣмъ протестанство изъ любви къ нему. И Шлегель былъ не единственнымъ романтикомъ, рѣшившимся на этотъ шагъ; Карлъ фонъ-Гарденбергъ, братъ рано умершаго Новалиса, тоже принялъ католичество, не упоминая уже о многихъ другихъ, позже обращенныхъ. Положимъ, въ статьѣ Новалиса нельзя не замѣтить прогрессивныхъ чертъ универсальнаго христіанства, но тѣмъ не менѣе, это было несравненно болѣе рѣшительное прославленіе средневѣковаго благочестія, болѣе рѣзкое отрицаніе протестантизма, чѣмъ мы находимъ въ «Сердечныхъ изліяніяхъ монаха» или въ «Скитаніяхъ Штернбальда». Центральная роль средневѣковаго христіанства имѣетъ для Новалиса несравненно болѣе глубокое значеніе, чѣмъ это видимъ у Тика въ его «Женевьевѣ» или въ его «Императорѣ Октавіанѣ». Если мы прибавимъ къ этому идеализацію монархіи, высказанную въ «Лѣтописяхъ прусской монархіи подъ управленіемъ Фридриха Вильгельма III», которыя Новалисъ положилъ къ ногамъ молодого короля,—то получимъ совсѣмъ готовый мотивъ о единствѣ трона и алтаря, который такъ часто раздавался съ тѣхъ поръ. Новалисъ и есть поэтъ, создавшій эту сказку, эту fable convenue, пророкъ, возвѣстившій эту церковно-политическую программу.

Тутъ, кстати и Генцъ подсунулъ въ оффиціальную печать легенду о революціонномъ духѣ протестантизма, какъ объ источникѣ всего зла, и о тѣсномъ союзѣ старой церкви съ монархическимъ принципомъ легитимизма. Съ тѣхъ поръ эти теоріи стали считаться исторической истиной и непогрѣшимой государственной мудростью, въ которую старались заставить увѣровать народы, въ интересахъ князей и поповъ. Имъ осталось неизвѣстно пожеланіе Шлейермахера, чтобы «подолъ духовнаго одѣянія никогда не коснулся пола королевской комнаты и чтобы никогда пурпуръ не цѣловалъ прахъ у алтаря». Если же объ этомъ и слышали, то, навѣрное, не обратили вниманіе на заключающееся здѣсь предостереженіе.

Вотъ какимъ образомъ романтики сдѣлались застрѣльщиками и провозвѣстниками реакціи въ церкви и въ государствѣ.

Наконецъ, третья черта. Романтизмъ съ самаго начала былъ по преимуществу литературной школой—школой критиковъ и поэтовъ. Ихъ «Буря и натискъ» обращались, слѣдовательно, главнымъ образомъ, на поэзію, на литературу. Возникла новая эстетика, которая оцѣнила геніальное творчество въ искусствѣ и поэзіи еще выше, чѣмъ представители настоящей «Бури и натиска» двадцать лѣтъ назадъ. Впервые сознана была вся важность, какую идея одухотворенія природы и слиянія съ ней въ чувствѣ могла имѣть для объясненія красоты. И опять-таки это формулировалъ Новалисъ въ своихъ «Ученикахъ въ Саисѣ». «Тотъ никогда не пойметъ природы,—говорилъ онъ,—у кого нѣтъ особаго чутья природы, особаго внутренняго органа для воспроизведенія природы и для воплощенія своихъ созданій, кто не умѣетъ, какъ бы невольно, узнавать и чувствовать природу повсюду, кто не сливается, посредствомъ ощущенія, со всѣми существами природы, не умѣетъ, такъ сказать, вживаться въ ихъ жизнь своимъ чувствомъ, какъ бы слѣдуя природному влеченію или своему внутреннему сродству со всѣми тѣлами природы».

Поэты обладаютъ именно этимъ свойствомъ и имъ однимъ не чужда душа природы, для нихъ природа—есть рядъ превращеній безконечнаго духа. Если иногда, при наблюденіи отдѣльныхъ частностей, и кажется, что въ природѣ царитъ безсознательный и безсмысленный механизмъ, то болѣе глубокое пониманіе откроетъ въ этомъ сплетеніи мнимыхъ случайностей таинственную связь съ жизнью человѣческаго сердца. Въ тѣсной связи съ этимъ взглядомъ у романтиковъ вновь пробудилась любовь къ природѣ, которой они воздавали настоящее религіозное, совершенно пантеистическое поклоненіе. Отсюда же вытекало и настроеніе ихъ поэзіи, которая становится все неуловимѣе, звучитъ скорѣе мелодіей или пѣсньью безъ словъ, превращается въ звуки и тоны, лишенные особаго содержанія и смысла, становится «призраками стихотвореній» вмѣсто настоящихъ стихотвореній. И, наконецъ, съ тѣмъ же самымъ взглядомъ связано увлеченіе дидактическимъ и аллегорическимъ элементомъ, противорѣчащее, повидимому, только что указанной склонности къ символизму, но на самомъ дѣлѣ являющееся лишь другимъ видомъ того же символизма. Возьмемъ, напр., прологъ къ «Императору Октавіану» Тика и сопоставимъ въ немъ сперва это одухотвореніе лѣса поэтомъ:

«Весь лѣсъ облитъ какъ будто бы сіяньемъ
И полонъ геніевъ, и съ содроганьемъ
Поэзіи внушенью духъ внимаетъ.
И лиру взялъ поэтъ, чтобъ въ пѣснѣ вдохновенной
Повѣдать міру все, что въ сердцѣ сокровенно».

И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ—холодную аллегорію романса:

«Мой отецъ былъ геній *вѣры*,
А *любовь* была мнѣ матерь;
Бракомъ оба сочетавшись,
Дали мнѣ они рожденье».

Но романтики не могли и не желали ограничиться областью эстетики и поэзіи, книги и слова. Написать литературное произведеніе значило для нихъ совершить житейскій подвигъ; поэзія была въ ихъ глазахъ дѣйствительностью. Вотъ почему для нихъ правда сливалась съ вымысломъ, романъ съ жизнью, міръ фантазіи съ міромъ природы, сказка съ дѣйствительностью. Они стремились не только улучшить искусство, но преобразовать воспитаніе, внести поэзію въ жизнь, добиться признанія за эстетикой безусловнаго значенія,—словомъ, сдѣлать самое наше существованіе романтичнымъ во вкусѣ Вильгельма Мейстера Гёте. Тикъ считалъ высшимъ и совершеннѣйшимъ наслажденіемъ «облагораживать самыя обыденныя ощущенія и находить чистѣйшую и прекраснѣйшую поэзію въ сухой прозѣ жизни». Онъ порицалъ писателей, «выдѣлявшихъ такъ называемый поэтическій элементъ и стремившихся создать изъ него совершенно особую, сама себѣ довлѣющую область»; этимъ способомъ они разрушаютъ единство жизни. Фридрихъ Шлегель говоритъ иными словами то же самое: «Есть такія неизбѣжныя положенія и обстоятельства, въ которыхъ можно сохранить свободу, только рѣшившись на смѣлый и произвольный способъ—разсматривать ихъ, какъ поэзію». Это кажется, съ перваго взгляда, поступкомъ могучей, титанической воли, но на дѣлѣ оно не выходитъ за предѣлы литературнаго дилетантизма. На примѣрѣ Шиллера легко увидѣть эту разницу. Для него красота и эстетическое воспитаніе людей есть серьезное дѣло: красота, какъ символъ нравственности, эстетическое воспитаніе, какъ путь къ ея достиженію. Для романтиковъ эстетика сама по себѣ—выше всего; а о нравственности они очень мало заботятся. У Шиллера все серьезно и глубоко обосновано,—у нихъ все произвольно, театрально и призрачно. Вотъ почему и романтическая религіозность въ существѣ дѣла оказывается большой-таки распущенностью. Разыскивая въ жизни тотъ чудесный цвѣтокъ, который цвѣтетъ только въ воображеніи, они запутывались въ сказочномъ мірѣ и теряли въ грезахъ чутье истины и дѣйствительности. И этотъ свой недостатокъ они тоже привили своему, т. е. нашему вѣку. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ трудно было отъ него отдѣлаться, а теперь уже заранѣе мы можемъ сказать, что въ борьбѣ съ нимъ лежитъ оправданіе реализма во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ, включая даже его преувеличенія и нелѣпости. Реализмъ девятнадцатаго столѣтія возникъ изъ борьбы съ романтической фальшью.

Если мы теперь вдумаемся во все сказанное, то невольно придемъ къ заключенію, что романтизмъ живъ и понынѣ. Романтикомъ можно назвать всякаго, кто, подобно Нитцше, воздвигаетъ тронъ для личности и для своего геніальнаго «я», кто, подобно Фридриху Вильгельму IV, хочетъ перенести средніе вѣка въ современное общество или кто, подобно Вагнеру, хочетъ слить всѣ искусства въ одинъ океанъ, одинъ дикій хаосъ, какъ Нитцше сливалъ искусство и науку, а Людвигъ VI Баварскій—искусство и жизнь. Указанныя выше три тенденціи романтизма,—хотя противорѣчащія отчасти сами себѣ, какъ, впрочемъ, и весь романтизмъ,—господствуютъ и портятъ девятнадцатый вѣкъ съ начала до конца. И не только во время господства этихъ тенден-

цій проявляется ихъ могущество, а также и во время борьбы съ ними, такъ какъ побѣдить ихъ не удалось и до сихъ поръ. Онѣ пустили слишкомъ глубокіе корни въ нѣмецкой духовной жизни; въ нихъ слишкомъ много обаянія для нѣмецкой души, съ лучшими сторонами которой онѣ опять-таки тѣснѣйшимъ образомъ связаны.

Черта, общая всѣмъ тремъ направленіямъ.

Сила романтизма съ самаго начала заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ немъ всего рѣзче выразилась общая всѣмъ тремъ направленіямъ черта — индивидуализмъ. Цѣль и результатъ «просвѣтительнаго» теченія заключались, въ сущности, тоже въ томъ, чтобы освободить личность отъ цѣпей вѣры и суевѣрія, обычая и привычекъ, авторитета и зависимости и заставить человѣка опереться на самого себя, на собственное сужденіе, на собственный разумъ. Просвѣтительная система образованія и нравственности и его понятіе о счастіи—были вполнѣ индивидуалистичны. Отсюда же вытекали и доказательства индивидуальнаго безсмертія, надъ которыми столько трудились и которымъ придавали такое важное значеніе сторонники просвѣщенія. Оттого они такъ старались до малѣйшихъ мелочей приспособить свое антропоцентрическое пониманіе природы къ пользѣ и нуждамъ отдѣльной личности.

Индивидуалистичнымъ былъ также и классическій идеалъ неогуманистовъ,—тѣмъ въ большей степени, что этотъ неогуманизмъ былъ въ то же время и очень аристократиченъ. Цѣль образованія для этихъ людей заключалась въ томъ, чтобы выработать въ самихъ себѣ изящную и гармоничную личность и развить въ себѣ всѣ истинно-человѣчные задатки. Этой задачей они были поглощены; естественно, что каждый изъ нихъ, погружаясь въ свою личную, болѣе или менѣе полную и богатую внутреннюю жизнь, былъ занятъ, въ концѣ концовъ, только самимъ собою. Что касается отношеній къ другимъ людямъ, здѣсь на первомъ планѣ для нихъ стояла дружба съ одинаково настроенными и возвышенными душами. Дружбѣ они готовы были добровольно отдать себя на судъ; въ ней они находили полное удовлетвореніе. Дружба Шиллера и Гете очень типична въ этомъ отношеніи, также какъ и переписка Вильгельма Гумбольдта съ Шарлотою Диде. Въ этой перепискѣ, которую Гумбольдтъ много лѣтъ велъ исключительно для себя, втайнѣ отъ жены и дѣтей, насъ непріятно поражаютъ, наряду съ чертами тонкости и изящества, слѣды самолюбованія и духовнаго эпикурейства. Къ тому и другому неизбѣжно приводитъ стремленіе подняться надъ всѣми и чрезмѣрная разборчивость въ выборѣ духовной пищи. Въ подобныхъ утонченныхъ личностяхъ не было недостатка и среди романтиковъ. Шлейермахеръ не хуже Гумбольдта былъ виртуозомъ саморазвитія. Но у романтиковъ все это до крайности преувеличено, утрировано и искажено. Идея о правахъ и могуществѣ геніальной личности, не желающей подчиняться законамъ, обычаямъ и условностямъ обыденной филистерской морали и стремящейся проявить себя безграничной свободой личныхъ чувствъ и наслажденій,—эта идея приняла совершенно безусловный характеръ, она превратилась въ своеобразную вѣру въ чудодѣйственное всемогущество индивидуума и довела до фривольной игры съ такими серьезными и важными вещами, относительно которыхъ самая мысль о возможности игры, казалось, не должна бы была возникать. Аристократизмъ

сочетался тутъ съ цинизмомъ, а посредникомъ служила при этомъ надменная кичливость высотой своего личнаго развитія. Не особенно противорѣчило индивидуализму и стремленіе многихъ изъ числа этихъ крайнихъ субъективистовъ погрузиться въ лишенную всякой индивидуальности эпоху прошлаго или въ лоно церкви, отрицающей всякую субъективность. Съ одной стороны, это явилось, конечно, противовѣсомъ противъ разнузданныхъ крайностей субъективизма, но, съ другой стороны это была вѣдь та же игра,—довольно несерьезное обращеніе съ самымъ серьезнымъ и святымъ для человѣка предметомъ, «ироническое» колебаніе и способность приводить себя въ самыя противоположныя настроенія. И на этомъ личность испытывала степень своего могущества. Свободнорожденная и свободомыслящая, она вдругъ лишала себя свободы и тѣмъ самымъ доказывала, что можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Потому-то католическая церковь и не должна была бы особенно радоваться этимъ новообращеннымъ. Но она, какъ часто бываетъ, предпочитала внѣшній успѣхъ и эффектъ внутреннему убѣжденію и усиленію; или, можетъ быть, она только довольствовалась этимъ, за неимѣніемъ другого.

Мы можемъ на этомъ покончить съ общими замѣчаніями. Обратимся теперь къ той области, на которую первую распространилось вліяніе романтизма, когда онъ началъ дѣйствовать внѣ своей собственной сферы. Эта область, впрочемъ, уже по самому существу была не совсѣмъ чужда романтизму. Я разумѣю философію.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Натурфилософія Шеллинга и феноменологія Гегеля.

Отъ Канта до Шеллинга.

Новый вѣкъ начинается съ увлеченія философіей. Изъ этихъ временъ идетъ поговорка, что мы, нѣмцы—народъ мыслителей, а можетъ быть, и мечтателей. Тогда,—какъ и въ наши дни,—философы находились подъ вліяніемъ Канта.

Философія новаго времени, по самому своему существу, есть философія природы. Ея цѣль—математическое объясненіе внѣшняго міра, пріемъ ея объясненій—чисто механическій. Споръ идетъ только о томъ, надо ли распространять механическое объясненіе и на человѣка и представлять его какъ l'homme machine *), или же, какъ думаетъ Декартъ, слѣдуетъ остановиться на животныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ математическо-механическое объясненіе одинаково распространяется на органическую природу: такъ что переходъ отъ дуализма Декарта къ матеріалистическому монизму французскихъ энциклопедистовъ является совершенно послѣдовательнымъ и логическимъ. Всего послѣдовательнѣе однако, поступилъ, въ данномъ случаѣ, Спиноза, великій метафизикъ. Причинную зависимость онъ считалъ безусловной и ради нея вычеркнулъ изъ міра не только понятіе чуда, но также и понятіе цѣли и свободы. Духовный міръ, по его понятію, вполнѣ соотвѣтствуетъ матеріальному: въ томъ и другомъ одинаково господствуетъ всеобщее сцѣп-

---

*) «Человѣкъ-машина». Такъ называлось сочиненіе французскаго матеріалиста, Ламетри, изданное анонимно въ 1874 г. *Ред.*

леніе и порядокъ. И Лейбницъ былъ тоже математикъ и признавалъ значеніе механическаго принципа; но съ системой причинности онъ пытался соединить систему цѣлесообразности. Въ этомъ сліяніи причинности съ телеологіей заключается значеніе его «Монадологіи».

Его послѣдователи въ Германіи, ученики Вольфа и нѣмецкіе раціоналисты, перестали однако же объяснять міръ явленій понятіемъ монады и опять вернулись къ старому дуализму. Эмпирическая сторона при этомъ сильно пострадала отъ метафизики, и понятіе цѣли получило совершенно иной смыслъ: цѣль представлялась теперь не внутренней сущностью вещей, не дающимъ имъ форму началомъ, а перенесена была изъ вещей въ человѣка. Телеологія раціонализма была антропоцентрическая; она сдѣлалась совершенно внѣшнимъ и мелкимъ понятіемъ, какъ особенно ярко видно на примѣрѣ Брокеса *): міръ, въ глазахъ, раціоналистовъ былъ созданъ такимъ, какъ онъ есть,—спеціально для пользы человѣка. Для объясненія природы этотъ взглядъ былъ совершенно безплоденъ; философія при такомъ пониманіи разрывала связь съ естественными науками и переставала быть философіей природы. Она становилась метафизикой и старалась только гарантировать людямъ Бога, безсмертіе и добродѣтель. Изъ эмпирическихъ наукъ развѣ только одна психологія извлекала отсюда какую-нибудь пользу.

Метафизикомъ былъ, правда, и Кантъ, и онъ добивался науки «чистаго» разума. Но при этихъ поискахъ онъ наткнулся на затрудненія и пришелъ въ концѣ концовъ къ выводу, что тамъ, гдѣ искали этой науки ученики Вольфа, въ области трансцендентнаго, ея не было. То, что они хотѣли доказать, по его мнѣнію, недоступно доказательству: наукъ о Богѣ, душѣ и мірѣ, теологіи, психологіи и космологіи, основанныхъ на разумѣ, не существуетъ. Такимъ образомъ, Кантъ сдѣлался разрушителемъ старой трансцендентной метафизики. Но тутъ съ нимъ случилось тоже, что съ Сауломъ, который пошелъ искать отцовскую ослицу, а нашелъ царство. Чистой разумной науки о трансцендентномъ не оказалось, но зато оказалась такая наука о природѣ. Метафизика стала для Канта чистой наукой о природѣ; на «критику чистаго разума» возложена была задача доказать возможность такой науки, найти для нея методъ, словомъ, создать теорію опыта. Для такой философіи природы самъ Кантъ далъ только «начатки». Впрочемъ, ни эти начатки, ни заключающееся въ нихъ динамическое пониманіе матеріи насъ здѣсь не интересуютъ. Важнѣе для насъ другое. Эта метафизика дѣлала своимъ предметомъ міръ явленій. Въ этомъ заключалось коперниковское открытіе Канта. Какъ Коперникъ заставилъ зрителя вмѣстѣ съ землей вертѣться вокругъ солнца, а солнце оставилъ въ покоѣ, такъ и Кантъ, чтобы доказать возможность чистой науки о природѣ, предположилъ, что не человѣческое познаніе сообразуется съ предметами, а наоборотъ—предметы сообразуются съ человѣческимъ познаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, природа не дана намъ въ готовомъ видѣ: намъ данъ только матеріалъ въ нашихъ ощущеніяхъ, а въ порядокъ и въ связь приводитъ этотъ матеріалъ нашъ собственный умъ при помощи «формъ нашего воззрѣнія» и «категорій нашего разума». Лишь такимъ путемъ мы составляемъ себѣ общую картину міра. Такимъ образомъ, мы должны сами создать, или вѣр-

*) Brockes (1680—1747) — нѣмецкій поэтъ, подражатель Попа и Томсона, подобно имъ описывавшій въ стихахъ природу. Педантизмъ въ изображеніи мелочей и узко-телеологическій взглядъ на природу лишаютъ его описанія всякой поэзіи и доходятъ иногда до комизма. *Ред.*

нѣе, открыть, при посредствѣ нашей творческой силы, природу. Вотъ что значитъ у Канта утвержденіе, что разумъ есть творецъ природы. Разумъ «творитъ» у него не въ смыслѣ романтическаго генія, а въ строгомъ естественно-научномъ смыслѣ. Его разумъ былъ естественной познающей силой, и природа, какъ предметъ познанія, превращалась у этого разума въ рядъ апріорныхъ законовъ и «синтетическихъ сужденій». Но все это только тогда было возможно, если природа сама принималась за нѣчто субъективное, за міръ *явленій*, а не за міръ *вещей самихъ по себѣ*. Только тогда разумъ получалъ право примѣнить къ ней свои формы и законы, придавая тѣмъ самымъ характеръ закономѣрности всему тому содержанію, на которое онъ налагалъ эти законы и формы. При этомъ само собой разумѣлось, что законы нашего сознанія *могутъ быть* примѣнены къ содержанію этого сознанія, могутъ приводить его въ связь и порядокъ и придавать ему тотъ видъ, въ которомъ оно является передъ нами. Такимъ образомъ, идеализмъ или феноменализмъ Канта не есть центръ или исходная точка его мысли, а лишь необходимый выводъ изъ нея.

Итакъ, въ *этомъ* мірѣ *явленій* законъ причинности имѣетъ безусловную силу, даже человѣческая дѣятельность не исключается изъ подчиненія этому закону. Но есть ли міръ явленій—единственный? Для Канта эта мысль была невыносима. Былъ и фактъ, который, казалось, громко протестовалъ противъ нея: нравственный законъ и весь міръ нравственныхъ явленій. Съ другой стороны, и самъ разумъ стремится за предѣлы міра явленій, въ которомъ все обусловлено, къ безусловному и безконечному, и Кантъ тоже рѣшается сдѣлать смѣлый прыжокъ въ трансцендентное, въ міръ, постигаемый только умомъ. Но что его отличаетъ при этомъ отъ метафизики раціонализма—это ясное пониманіе того, что объ этомъ умопостигаемомъ мірѣ мы ничего не знаемъ, что его нельзя доказать и что, слѣдовательно, въ него можно только вѣрить. Свобода, Богъ и безсмертіе суть практическія требованія, доступныя нашей волѣ, но не нашей мысли. Отсюда вытекаютъ два послѣдствія. Во-первыхъ, здѣсь намѣчается совершенно новое отношеніе между вѣрой и знаніемъ и дѣлается попытка безъ ущерба для знанія очистить мѣсто вѣрѣ: для того и другого остается свой особенный міръ, вполнѣ неприкосновенный. Во-вторыхъ, раціонализму наносится ударъ признаніемъ нѣкотораго ирраціональнаго остатка, недоступнаго и непроницаемаго для мысли и открываемаго человѣку, лишь какъ нравственному существу—слѣдовательно, какъ нѣчто высшее. Таково значеніе кантовскаго ученія о первенствѣ воли: этимъ намѣчается линія отъ Канта черезъ Шопенгауера къ современному волюнтаризму.

Вѣра и знаніе, воля и мысль, міръ умопостигаемый и міръ явленій—въ этихъ противоположностяхъ не имѣемъ-ли мы дѣло опять со старымъ дуализмомъ? Несомнѣнно, мышленіе Канта дуалистично; источникъ этого—его піэтистическія юношескія впечатлѣнія, благодаря которымъ онъ никогда не могъ преодолѣть противорѣчія между матеріей и формой, между чувственностью и разсудкомъ, между склонностью и долгомъ. Отсюда монашескій ригоризмъ его морали, отталкивающій не только однихъ романтиковъ, но и Шиллера. Но, по крайней мѣрѣ, попытку преодолѣть дуализмъ и подняться надъ противорѣчіями Кантъ сдѣлалъ. Средствомъ для этого онъ употребилъ понятіе цѣли. Это нѣсколько странно. Для Лейбница понятіе цѣли само представлялось противорѣчіемъ понятію механизма: для того, чтобы выйти изъ противорѣчія обоихъ этихъ понятій онъ и придумалъ свою монаду. Для

Канта, наоборотъ, его умопостигаемый міръ (соотвѣтствовавшій лейбницевской монадѣ) являлся противорѣчіемъ міру явленій, и изъ этого противорѣчія онъ думалъ выйти какъ разъ съ помощью понятія цѣли. Въ природѣ есть продукты, которые нельзя объяснить ея механической дѣятельностью. Это именно—органическія существа, въ которыхъ не только цѣлое обусловливается частями, но точно также и части обусловливаются цѣлымъ. Это цѣлое, въ смыслѣ идеи, опредѣляющей частности, въ данномъ случаѣ,—совершенно такъ же, какъ въ какомъ нибудь художественномъ произведеніи, — и есть цѣль. Конечно, можно объяснить возникновеніе одного органическаго типа изъ другого, какъ это дѣлаютъ эволюціонисты, чисто механическими началами. Но самый исходный пунктъ, первоначальная простая организація, по Канту, необъяснима изъ чисто механическихъ причинъ. Утвержденіе, будто «мертвая матерія сама организовалась по механическимъ законамъ, будто изъ безжизненнаго могла возникнуть жизнь, и матерія сама могла найти себѣ цѣлесообразную форму, способную къ самосохраненію»,—такое утвержденіе кажется Канту «противнымъ разуму». Слѣдовательно, здѣсь необходимо прибѣгнуть къ телеологическому объясненію. Правда, оно не поможетъ намъ понять органическую жизнь, и цѣли въ природѣ мы тоже не можемъ себѣ представить. Разсудку приходится поэтому снова прибѣгнуть къ механическому объясненію организма, ибо единственный объективный способъ объяснять—есть механическая причинность. Но при этомъ тотъ же разсудокъ, по Канту, можетъ мыслить и такъ, какъ будто бы организмъ былъ созданіемъ цѣлесообразно дѣйствующаго ума. Такой пріемъ можетъ оказаться полезнымъ и для пониманія механической связи, какъ способъ натолкнуть ученаго на новую догадку. Такимъ образомъ, понятіе цѣли имѣетъ лишь направляющее значеніе, не входя составнымъ элементомъ въ объясненіе природы. Оно—*регулятивно*, а не *конститутивно*.

Другой рядъ разсужденій приводитъ Канта отъ установленія законовъ природы къ принятію высшей цѣли въ природѣ. Такую цѣль можно найти лишь въ нравственномъ законѣ, что еще разъ доказываетъ первенствующее значеніе воли, которая одна вноситъ смыслъ въ природу. Такимъ образомъ, все разсужденіе сводится, если не къ физической теологіи, какъ у раціоналистовъ, то къ теологіи этической, къ вѣрѣ, вмѣсто знанія.

Вотъ какимъ образомъ Кантъ думалъ примирить механическое объясненіе къ телеологическимъ. Механизмъ служитъ для объясненія и даетъ ему содержаніе, телеологія служитъ для субъективнаго размышленія и даетъ ему направленіе. Тамъ, гдѣ механическаго объясненія недостаточно, его мѣсто занимаетъ телеологическое. Этимъ способомъ «можно предположить въ явленіяхъ природы повсемѣстную связь механическихъ законовъ съ телеологическими, не смѣшивая при этомъ однихъ съ другими и не ставя однихъ на мѣсто другихъ». Всѣ эти замѣчанія совершенно ясно показываютъ, что Кантъ не могъ отдѣлиться отъ извѣстнаго колебанія и подмѣнилъ въ концѣ концовъ чисто субъективный смыслъ понятія цѣли объективнымъ и метафизическимъ. Къ этому слабому пункту натурфилософія прикрѣпила позднѣе свой объективный идеализмъ, рѣшившись такимъ образомъ сдѣлать тотъ самый шагъ, который Кантъ строго запретилъ нашему мышленію.

Мы видимъ, какъ усиленно Кантъ занимался природой, ея явленіями и законами. Его философія въ сущности была натурфилософіей. Совершенно иное найдемъ у Фихте. Благодаря спорамъ объ этой зло-

счастной «вещи въ себѣ», сильно выдвинулась на первый планъ субъективная сторона кантовской философіи, ея «идеализмъ». Когда же Фихте вовсе отбросилъ «вещь въ себѣ», то «я» сдѣлалось единственнымъ предметомъ его философіи, и философія эта сама стала теоріей науки («Наукословіемъ»). Такимъ образомъ, Фихте отвернулся отъ природы, сама по себѣ она не возбуждала въ немъ интереса, такъ какъ теоретически природа была для него просто «не я». Единственной задачей нашей философіи по отношенію къ природѣ было — «дедуцировать» ее изъ себя; больше ей не было до природы никакого дѣла.

Для романтиковъ, какъ они ни были благодарны Фихте за то, что онъ превратилъ «я» въ нѣчто философски-безусловное, такое отношеніе его къ природѣ было совершенно невыносимо. То новое, что они имѣли сказать міру въ качествѣ поэтовъ, именно и заключалось въ особомъ чувствѣ и настроеніи, которыя они вносили въ свои отношенія къ природѣ, стараясь подслушать ея глубочайшія тайны и вложить въ нее лучшую часть своей собственной души. У одного изъ нихъ, правда, скорѣе классика, чѣмъ романтика, Гельдерлина, эта неудовлетворенность философіей Фихте служитъ матеріаломъ для трагедіи. Въ третьей обработкѣ своего драматическаго отрывка «Эмпедоклъ» (1799 г.) онъ мотивируетъ гибель героя его отчужденностью отъ природы: это сдѣлало его несчастнымъ, въ этомъ его вина. И въ эту вину вовлекла Гельдерлина, прикрывшагося маской Эмпедокла,—философія Фихте съ ея субъективнымъ идеализмомъ:

Рабыней мнѣ
Природа стала: нуженъ ей владыка.
И если чтятъ ее, то чтятъ—по мнѣ.
Не будь меня, не дай я ей языкъ,
Не дай я душу ей,—что сталось бы со всѣмъ,
Что видимъ мы кругомъ: съ морской волною
И съ синевой небесъ,—со всѣмъ, со всѣмъ,
Что говоритъ намъ звуками и краской?
. . . .
Надменный варваръ, я тебя (природу) презрѣлъ,
И надъ тобой себя поставилъ властелиномъ:
Тебя постигъ я, покорилъ боговъ;
Я самъ сталъ богомъ и въ сознаньѣ гордомъ,
О томъ я свѣту дерзко объявилъ.

Изъ этого возвеличенія «я», изъ этого отрѣшенія отъ природы, отталкивавшаго отъ фихтевской философіи всѣ поэтическія и романтическія натуры, Эмпедоклъ - Гельдерлинъ стремится вырваться назадъ къ природѣ. Онъ ищетъ единенія съ ней въ духѣ того эстетическаго пантеизма природы, который еще раньше знакомства съ Фихте онъ нашелъ у Спинозы и которому въ 1796 году онъ далъ такое прекрасное выраженіе въ своей молитвѣ «Къ эѳиру». Другими словами, отъ субъективнаго идеализма Фихте Гельдерлинъ возвращается къ Спинозѣ и въ то же время служитъ провозвѣстникомъ натурфилософіи Шеллинга. И онъ достигаетъ своей цѣли: его Эмпедоклъ, умирая, говоритъ жителямъ Агригента:

Не ждите, чтобы васъ природа поглотила;
Отдайтесь сами ей. . . . .
. . . . Какъ первый взглядъ младенца,
Пусть взглядъ вашъ будетъ обращенъ къ природѣ.

Такимъ образомъ, въ природѣ онъ находитъ то сліяніе съ безконечнымъ, въ которомъ, подобно Шлейермахеру, онъ чуетъ и признаетъ суть религіи.

Между романтиками въ собственномъ смыслѣ этотъ переходъ отъ Фихте къ болѣе жизненному пониманію природы совершаетъ Новалисъ въ своихъ «Ученикахъ въ Саисѣ». Одинъ изъ нихъ говоритъ: «къ чему намъ возиться съ мятежнымъ міромъ видимыхъ вещей? Вѣдь въ насъ самихъ, въ этомъ источникѣ (свободы) таится міръ болѣе чистый. Здѣсь обнаруживается передъ нами истинный смыслъ пестраго и путанаго зрѣлища міра; если отсюда мы обратимъ наши взоры на природу, то все намъ будетъ въ ней хорошо знакомо и извѣстно. Намъ не къ чему погружаться въ долгія изслѣдованія: бѣглаго сравненія, нѣсколькихъ слѣдовъ въ пескѣ довольно, чтобы намъ все объяснить». Но то, что говоритъ другой, идетъ гораздо дальше ученія Фихте. «Смыслъ міра заключается въ разумѣ, для разума міръ существуетъ, и только расцвѣтъ въ немъ разума сдѣлаетъ его божественнымъ подобіемъ, поприщемъ истинной церкви, а пока пусть чтитъ въ немъ человѣкъ подобіе своего духа, постепенно и незамѣтно достигающаго высшихъ ступеней благородства». Но и на «бѣгломъ сравненіи» ученикъ Вернера, основателя геогнозіи во Фрейбергской горной академіи, не можетъ остановиться: онъ предсказываетъ пришествіе натуръ-историка, который, «знакомый съ исторіей природы и съ міромъ, этой ареной естественной исторіи, уловитъ ея смыслъ и возвѣститъ его съ ясновидѣніемъ пророка». Потому что «все божественное имѣетъ исторію; неужели же природа, единственное, съ чѣмъ можно сравнить человѣка, не имѣетъ, подобно человѣку, исторіи или, что то же, не содержитъ въ себѣ духа?» Конечно, пока—природа открывается только поэту, который одинъ только чувствуетъ, чѣмъ можетъ быть природа для человѣка и которому одному не чужда ея душа.

Такимъ поэтомъ былъ Гёте. Онъ обладалъ волшебнымъ ключемъ къ пониманію природы и глубоко заглядывалъ ей въ душу. Это чувствуется въ его чудныхъ афоризмахъ «Природа», изъ которыхъ каждый звучитъ откровеніемъ. «Среди нея мы живемъ, и мы ей чужды. Непрестанно она говоритъ съ нами, но не выдаетъ своей тайны. Нѣтъ у ней ни словъ, ни рѣчи, но она творитъ сердца и уста, которыми она чувствуетъ и говоритъ.— Въ ней вѣчная жизнь, возникновеніе и движеніе, и при всемъ томъ она недвижима. Она вѣчно мѣняется, и нѣтъ въ ней ни минуты покоя.—Постоянно она мыслитъ и чувствуетъ, но не какъ человѣкъ, а какъ природа. У ней есть свой всеобъемлющій смыслъ, но его никто не замѣтитъ.—Она есть все». Такимъ образомъ, Гёте ради природы остался вѣренъ Спинозѣ и ничего не хотѣлъ слышать о Фихте. И историческій элементъ природы былъ ему понятенъ. Вмѣстѣ съ Гердеромъ (въ его «Идеяхъ къ исторіи человѣчества») онъ признавалъ непрерывное развитіе, онъ старался уловить идею эволюціи въ органическомъ мірѣ; слѣдилъ за законами превращеній, за метаморфозами растеній и животныхъ. Онъ былъ въ восторгѣ, когда открылъ въ верхней челюсти человѣка связующую косточку и нашелъ въ ней подтвержденіе непрерывности органическаго развитія также и между животными и человѣкомъ. Правда, естествоиспытатели не принимали его изслѣдованій въ серьезъ и «никакъ не хотѣли допустить, что науку можно соединять съ поэзіей». Противъ такого непониманія и онъ протестуетъ не хуже любого романтика: «они забыли, что наука развилась изъ поэзіи, они не приняли въ разсчетъ, что съ теченіемъ времени обѣ могутъ снова встрѣтиться какъ друзья, къ обоюдной пользѣ, на высшей ступени». И онъ ссылается на Александра Гумбольдта, который ему признался, что поэзіи можетъ быть, удастся под-

нять покровъ природы; «а если *онъ* призналъ это, то кто рѣшится отвергнуть?» Нѣтъ ничего удивительнаго, что романтики и въ этомъ случаѣ измѣнили Фихте и перешли къ Гёте и что романтическая философія въ пониманіи природы пошла указаннымъ имъ путемъ — къ Спинозѣ! Одинъ французъ назвалъ гётевскій взглядъ на органическій міръ «философскимъ, такъ какъ онъ тѣсно примыкаетъ къ философіи природы». Такова же была, дѣйствительно, и та натурфилософія, которую создалъ Шеллингъ: она проникнута романтизмомъ, Спинозой и Гёте. И при всемъ томъ, какъ это ни странно, исходной точкой для нея послужилъ Фихте.

Шеллингъ.

Въ качествѣ ученика Фихте, Шеллингъ съ самаго начала стоитъ на почвѣ идеализма. Онъ, правда, подобно Канту, называетъ этотъ идеализмъ трансцендентальнымъ, но во многихъ существенныхъ чертахъ онъ стоитъ ближе къ Фихте, чѣмъ къ Канту. Подобно «Наукословію» Фихте, и его «Система трансцендентальнаго идеализма» (въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 1800 году) должна была представлять исторію развитія духа. Но все построеніе его книги другое. Фихте былъ прежде всего нравственной натурой. Реальность нужна была ему для того, чтобы дѣйствовать, и такъ какъ этой реальности онъ не могъ познать и доказать ее, то въ нее оставалось только вѣрить. Такимъ образомъ, Фихте приходитъ къ вѣрѣ, и его міровоззрѣніе выходитъ религіознымъ. Шеллингъ первый былъ романтикомъ въ чистомъ смыслѣ. Онъ далекъ отъ вопросовъ нравственности, зато ему близки эстетическіе интересы. Вотъ почему и окончательный выводъ его произведенія,—доказательство того, что искусство есть всеобщій, единственно-истинный и вѣрный органъ философіи,—не напоминаетъ ни Канта, ни Фихте: этотъ выводъ отзываетъ эстетикой и притомъ въ спеціально-романтической ея формѣ. Искусство выше всего для этого философа. То, что мы называемъ природой, есть для него художественное произведеніе. Подобно Гёте, онъ ожидаетъ, что философія, «порожденная и вскормленная поэзіей, въ своемъ окончательномъ развитіи, вмѣстѣ со всѣми другими науками, вольется отдѣльными ручьями въ общій океанъ поэзіи, изъ котораго всѣ они вытекли». Органомъ новой философіи, тѣмъ «интеллектуальнымъ воззрѣніемъ», которое, по Канту, доступно только Богу, служитъ для Шеллинга художественное чувство, свойственное избраннымъ, т.-е. геніальнымъ умамъ, но только имъ однимъ.

Система трансцендентальнаго идеализма составляетъ нѣчто цѣлое, но не заключаетъ въ себѣ всей мысли автора, вѣчно готоваго творить новыя системы. Еще раньше ея Шеллингъ набросалъ свою Систему натурфилософіи. Въ первомъ сочиненіи онъ спрашивалъ: какъ переходитъ «я», мысль въ природу? Отвѣтомъ служила исторія самосознанія. Во второмъ сочиненіи спрашивается, наоборотъ: какъ природа переходитъ въ умъ? Какъ развивается въ ней и изъ нея разумъ? Отвѣтъ на это даетъ натурфилософія. Здѣсь противоположность съ ученіемъ Фихте, романтическая (т. е. положительная) постановка вопроса объ отношеніи къ природѣ находитъ самое яркое выраженіе. Фихте былъ враждебно настроенъ къ природѣ, такъ какъ ему не хватало непосредственнаго чутья природы. Въ этой «антипатіи къ природѣ» рѣзко упрекалъ его Шеллингъ, еще въ 1806 году, въ своей статьѣ «Объ

отношеніи натурфилософіи къ исправленному ученію Фихте». Онъ обвиняетъ его здѣсь въ томъ, что Фихте отказываетъ природѣ въ самомъ существованіи и жизни, что она для него ничто, пустой призракъ, что, говоря о «такъ называемой природѣ», онъ лишаетъ ее даже ея имени. Производитъ траги-комическое впечатлѣніе, когда при этомъ Фихте сравнивается съ Николаи: подобно послѣднему, онъ сводитъ природу къ механизму, а ея значеніе для человѣка—къ пользѣ; не смотря на полную противоположность, оба составляютъ одно. Николаи изображается въ видѣ водорода, а Фихте въ видѣ кислорода, въ результатѣ соединенія обоихъ получается полное безразличіе, «истинная вода нашего времени».

Для романтиковъ, напротивъ, природа была реальностью, дѣйствительностью, чѣмъ-то по себѣ существующимъ. Особенно усердствовали поэты романтической школы. Свои чувства и настроенія они переносили въ природу, считая это своимъ правомъ и основывая на этомъ новое пониманіе прекраснаго—современную эстетику. Плохо было то, что они переносили въ природу и всѣ свои мелкія чувства, все содержаніе своего романтически-индивидуальнаго «я», свободнаго отъ законовъ, со всѣми его причудами и гримасами. Особенно Тикъ наполняетъ природу собственными чувствами. Въ его сказкахъ, напримѣръ, въ «Бѣлокуромъ Экбертѣ», душевныя настроенія выступаютъ на первый планъ. Весь мастерски анализированный ужасъ и трепетъ собственной души Экберта переносится въ природу и пугаетъ его грозными призраками. Въ «Ученикахъ въ Саисѣ» Новалисъ развилъ это «отношеніе природы къ настроенію» въ цѣлую теорію, предоставивъ при этомъ поэту право заглядывать природѣ въ самое сердце и не касаясь въ то же время права ученыхъ изучать природу систематически, на манеръ его учителя Вернера.

Тутъ явился Шеллингъ, взглянулъ на задачу, какъ философъ, и превратилъ природу въ духъ. Ему помогъ при этомъ вновь возрожденный пантеизмъ Спинозы, освобожденный на этотъ разъ отъ неподвижныхъ математическихъ формулъ, болѣе живой и гибкій.

О чемъ шла рѣчь, мы лучше всякаго ученаго разсужденія можемъ узнать изъ оригинальнаго стихотворенія, написаннаго въ 1799 году: «Эпикурейское исповѣданіе вѣры Гейнца Видерпорстена». Начинается оно совершенно матеріалистически.

...Я твержу теперь:
Одно то и есть, въ одно то и вѣрь,
Что можешь ты рукой ощупать
. . . .
Теперь меня ужъ не собьешь:
Матерія—правда; все прочее—ложь.
Матерія есть нашъ хранитель
И всѣхъ вещей прямой родитель,
Всѣхъ мыслей—истинный творецъ,
—Начало знанья и конецъ.

Но затѣмъ мысли автора принимаютъ другой оборотъ: ясно и опредѣленно выступаютъ идеи натурфилософіи.

Чего бояться мнѣ природы и творца?
Я знаю міръ съ изнанки и съ лица:
Ручная, смирная скотина—
Онъ самъ боится господина;
Законамъ строгимъ подчиненъ,
У ногъ лежитъ послушно онъ!

Въ немъ, правда, духъ гигантскій вложенъ,
Но выходъ духу—невозможенъ:
Желѣзнымъ панцыремъ одѣтъ,
Напрасно рвется онъ на свѣтъ,
Напрасно тратитъ онъ усилья
Могучія расправить крылья,
Стряхнуть дремоту, и ожить,
И въ міръ свое сознаье влить.
Но кой-чего онъ достигаетъ,
Металлы мощно растворяетъ,
И въ почку гонитъ сокъ весной
И оживляетъ все собой.
Сквозь всѣ лазейки къ свѣту рвется:
То отдохнетъ, то встрепенется,
То въ высь свой отпрыскъ поведетъ,
То вновь въ себя его вберетъ:
Кругомъ ворочается, гнется,
Пока онъ въ форму не вольется.
И такъ, руками и ногами
Борясь съ бездушными врагами,
Пробилъ себѣ онъ часть пути
И смогъ въ сознаніе придти.
И что же вышло? Духъ Антея
Замкнулся въ образѣ пигмея:
Гигантъ вступилъ въ свой новый вѣкъ
Съ прозваньемъ скромнымъ: человѣкъ.
Но онъ такъ долго, крѣпко спалъ,
Что самъ себя—едва узналъ,
И удивленья полнымъ взоромъ
Онъ на себя смотрѣлъ съ укоромъ:
Зачѣмъ отъ смутныхъ сновидѣній
Самъ оторвалъ себя нашъ геній?..
Но, разъ ужъ онъ увидѣлъ свѣтъ,
Назадъ ему возврата нѣтъ;
И вотъ, безъ знанья и безъ силъ
Онъ—одинокій—въ міръ вступилъ.
И страшно было... Вдругъ проснется
Гигантъ земли, и замахнется
Надъ нимъ гигантъ, ...и сгубитъ вновь,
Какъ губилъ Сатурнъ родную кровь!
И онъ не зналъ, что самъ онъ былъ
Гигантомъ, и совсѣмъ забылъ
Онъ про свое происхождонье.
Его терзали привидѣнья,
А, между тѣмъ, онъ могъ прогнать
Однимъ ихъ словомъ,—могъ сказать:
Я—богъ, который васъ создалъ;
Я—духъ, что міру силы далъ!
Тѣхъ силъ слѣпое трепетанье
И жизненныхъ соковъ сліянье,
И силы въ силу переходъ,
И тѣла въ тѣло; сила, что влечетъ
Изъ малой почки пышный цвѣтъ,
И та,—что міру новый свѣтъ
Даетъ, блеснувъ лучомъ желанья
Среди нѣмого мірозданья.
И освѣтивъ мильономъ глазъ
Небесный сводъ—и день, и ночь заразъ;
И сила мысли, наконецъ,
—Неувядаемый вѣнецъ
Для обновленнаго чела
Природы (мысль ее вторично создала):
Тѣ силы—жизнь *одна*, *одно* біенье,
—Игра желанья—и сопротивленья».

Любопытно, что и на этотъ разъ Гёте отсовѣтывалъ печатать стихотвореніе Шеллинга,—очевидно, по причинѣ черезчуръ развязнаго тона полемики противъ романтически-религіознаго направленія Шлейермахера, а также вслѣдствіе цинической и богохульной формы, въ которую облечена была эта полемика.

И однако же здѣсь было выражено серьезное философское убѣжденіе Шеллинга; такъ понималъ онъ природу, перемѣшивая философію съ поэзіей, въ этомъ смыслѣ и духѣ создалъ онъ свою натурфилософію или спекулятивную физику. Отмѣтимъ кстати, что какъ разъ въ этомъ пунктѣ примыкаетъ къ Шеллингу Шопенгауеръ со своимъ ученіемъ о волѣ въ природѣ, имѣвшимъ вначалѣ совершенно романтическій складъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на частностяхъ этой давно забытой натурфилософіи. Укажемъ только на два обстоятельства: на ея отношеніе къ Канту и къ естественно-историческимъ наукамъ того времени. Изъ сочиненій Канта наибольшее впечатлѣніе произвела на Шеллинга «Критика способности сужденія». Правда, онъ не могъ примириться съ ея выводомъ, что нельзя признать за цѣлесообразностью реальнаго значенія въ органическомъ мірѣ. Шеллингъ признаетъ объективность цѣлесообразной дѣятельности природы, конечно, считая при этомъ подобную дѣятельность безсознательной и слѣпой. Въ доказательство онъ ссылается на единство природы и духа: такъ какъ духъ существуетъ въ природѣ и осуществляется въ ней путемъ постепеннаго развитія, то и произведенія природы подобны духовнымъ,—слѣдовательно, цѣлесообразны. Развить это доказательство въ подробностяхъ онъ неоднократно пытался, исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія, въ различные періоды своей философской дѣятельности, развивавшейся скачками.

Надо признать, что у Шеллинга не было недостатка въ необходимыхъ для этого предварительныхъ свѣдѣніяхъ. Въ Лейпцигѣ онъ два года подрядъ усердно изучалъ математику физику и медицину и хорошо познакомился съ тогдашнимъ состояніемъ естественныхъ наукъ. Главную роль въ его натурфилософіи играетъ понятіе полярности. Онъ видитъ полярность, противоположность, въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ, въ природѣ и въ духѣ; она является у него коренньмъ закономъ, на которомъ основывается всякое развитіе, всякая жизнь, всякая наука. И это понятіе онъ заимствуетъ изъ теоріи магнетизма въ томъ видѣ, въ какомъ эта теорія существовала при тогдашнемъ уровнѣ знаній: въ видѣ теоріи гальванизма и животнаго электричества. По мѣткому выраженію Куно Фишера, онъ видѣлъ въ этомъ явленіи «динамическій процессъ, соединяющій въ себѣ электрическую, магнетическую, химическую, а также и специфически-жизненную силу,—процессъ, служащій связью между органической и неорганической природой, составляющій центральное явленіе физическаго міра». Къ этому присоединилось вліяніе новой химіи Лавуазье: былъ открытъ кислородъ, воздухъ разложенъ на составные элементы, кислородъ и азотъ, и тѣмъ самымъ старая флогистическая *) теорія горѣнія замѣнена ученіемъ объ окисленіи. Это также было извѣстно Шеллингу; мы видѣли, что

---

*) Такъ называлась теорія горѣнія, впервые созданная Бехеромъ (1635—1682) и Шталемъ (1660—1734); она объясняла горѣніе присутствіемъ въ горючихъ тѣлахъ особаго элемента, которому Шталь далъ названіе «флогистона». Лавуазье доказалъ (1777), что горѣніе происходитъ только въ воздухѣ, содержащемъ кислородъ, и что воздухъ при этомъ теряетъ въ вѣсѣ столько, сколько пріобрѣтаетъ горящее тѣло. *Ред.*

онъ даже взялъ отсюда матеріалъ для сравненія въ полемикѣ противъ Фихте. Понять органическій міръ помогла ему медицинская теорія Брауна о раздражимости тѣла и о лѣченіи путемъ увеличенія или уменьшенія раздраженій: казалось, это было такъ легко соединить съ теоріей гальванизма. Еще большее вліяніе имѣлъ на него его землякъ Кильмейеръ, преподававшій естественныя науки въ штудтгартской Karlsschule. Въ одной своей рѣчи онъ призналъ основными органическими силами возбудимость или раздражимость въ связи съ чувствительностью и воспроизведеніемъ. Дѣйствіе этихъ силъ онъ находилъ какъ въ развитіи отдѣльной особи, такъ и въ ступеняхъ развитія различныхъ органическихъ типовъ, почти предсказавши, такимъ образомъ, основной біогенетическій законъ. Выведя съ помощью тѣхъ же силъ органическій міръ изъ неорганическаго и духовную жизнь изъ органическаго міра, онъ тѣмъ самымъ раскрылъ передъ Шеллингомъ единство и связь цѣлаго мірозданія. Такимъ образомъ, этотъ взглядъ на природу казался особенно подходящимъ для философа. Оставалось только прослѣдить и доказать присутствіе основныхъ силъ Кильмейера въ томъ или другомъ видѣ во всѣхъ трехъ отдѣлахъ—неорганической, органической и духовной природѣ.

Для насъ, однако же, значеніе натурфилософіи Шеллинга въ умственной жизни нѣмецкаго народа важнѣе всего, что Шеллингъ могъ заимствовать изъ всѣхъ этихъ знаній и гипотезъ тогдашнихъ естественныхъ наукъ.

Въ наше время натурфилософія Шеллинга ставится очень низко. Самые справедливые судьи называли ее «остроумной схоластической смѣсью глубокомыслія и безсмыслицы». Большинство напирало только на безсмыслицу и галиматью. Любой ораторъ на съѣздахъ естествоиспытателей можетъ, навѣрное, разсчитывать на аплодисменты, упомянувши объ этой натурфилософіи и самодовольно подчеркнувши, въ видѣ контраста, какъ мы отъ нея далеко ушли. Это совершенно вѣрно, если мы будемъ вырывать отдѣльныя положенія, вродѣ, напр., того, что растеніе представляетъ полюсъ углерода, а животное—полюсъ азота, что животное стало-быть южно, а растеніе—сѣверно, или что животное въ органическомъ мірѣ соотвѣтствуетъ желѣзу, а растеніе — водѣ. Все это, разумѣется, несомнѣнная чепуха. И, однако же, въ цѣломъ въ этой натурфилософіи скрытъ гигантскій духъ, и указывать на него въ наше время важнѣе, да къ тому же и справедливѣе, чѣмъ бить лежачаго. Идея развитія здѣсь впервые примѣнена къ природѣ такъ, какъ это дѣлаютъ и въ наше время. Что «рядъ послѣдовательныхъ ступеней органическихъ существъ образовался путемъ постепеннаго развитія одной и той же организаціи»,—эту истину нашъ многократно осмѣянный философъ высказалъ гораздо яснѣе Канта и Гёте, за десять лѣтъ до Ламарка, за 60 лѣтъ до Дарвина. Это одна изъ величайшихъ антиципацій философіи. Что же касается утвержденій вродѣ того, что «основы организма и механизма одни и тѣ же», или, что жизнь розлита повсюду,—словомъ того, что мы называемъ теперь монизмомъ,—это намъ уже не кажется больше такимъ страннымъ: мы не даромъ пережили торжество матеріализма, слышали взгляды Фехнера на одушевленность всѣхъ вещей и научились даже представлять себѣ міръ какъ волю. Читая Шеллинга, мы теперь помнимъ, что за нимъ стоитъ Спиноза и Гёте.

Несомнѣнно одно, что нашъ философъ не доказалъ и не могъ доказать всего, что говорилъ. Натурфилософія замѣняла доказательства

смѣлыми утвержденіями и вмѣсто научно обоснованныхъ законовъ давала только туманныя аналогіи и пустыя слова. Въ этомъ заключается ея противоположность Канту. Когда Кантъ говоритъ, что «мы познаемъ a priori о вещахъ только то, что сами въ нихъ вкладываемъ», то, подъ этимъ «сами» онъ разумѣетъ естествоиспытателей и ихъ систематическія изслѣдованія, а совсѣмъ не спекулятивныхъ натурфилософовъ, которые, на зло всякому методу и всякому опыту, «конструируютъ a priori свѣтъ и воздухъ». Именно въ томъ и заключалась опасность натурфилософіи, что она, несмотря на фактическую зависимость отъ послѣднихъ результатовъ, добытыхъ естественной наукой того времени (больше ей неоткуда было бы брать и матеріала), слишкомъ мало цѣнила опытъ, низводя его на степень простаго средства получить сырой матеріалъ. Когда-то въ XVI вѣкѣ тогдашніе Фаусты искали волшебнаго ключа, который бы однимъ разомъ могъ открыть человѣку доступъ къ природѣ и ея тайнамъ. Однако, скоро нашли, что математика хотя и есть ключъ, но не волшебный, и что тайны природы можно открыть лишь добросовѣстными и настойчивыми усиліями въ строгой методической постепенности. А теперь, въ XIX вѣкѣ, снова явилась надежда—и при томъ не у однихъ поэтовъ и философовъ— найти въ формулахъ натурфилософіи простое и общедоступное средство для познанія и пониманія природы, не трудясь надъ эмпирическимъ наблюденіемъ и надъ медленной постройкой индуктивныхъ выводовъ.

Какое опьяняющее дѣйствіе производила эта натурфилософія на современниковъ, видно изъ письма норвежца Стеффенса къ Шеллингу (1-го сентября 1800 г.). Этотъ энтузіастъ, словно предназначенный для романтизма, съ ранняго дѣтства жилъ въ природѣ и не могъ отъ нея оторваться. Онъ брался сразу за все, знакомился съ животными, растеніями и минералами, блуждалъ по горамъ и полямъ, по морю и по суху, и, надо думать, собралъ не мало свѣдѣній, но,—жалуется, онъ, «я былъ поглощенъ мелочами, великое цѣлое, проникавшее съ дѣтства мою душу, исчезло, раздробилось на тысячу кусковъ, и я тщетно старался кое-какъ склеить что-нибудь изъ обломковъ. Я потерялъ всякій интересъ къ работѣ, лишился душевнаго мира, какое-то странное безпокойство овладѣло моей разстроенной душой». Въ этотъ моментъ онъ познакомился съ сочиненіями Шеллинга, точно нарочно написанными для него. Снова оживилась въ немъ надежда пережить впечатлѣнія юности, жизнь природы охватила его сильнѣе, непреодолимѣе, чѣмъ когда-либо. Уже въ 1801 году появляются его «Beiträge für innere Naturgeschichte der Erde», начинающіеся въ духѣ строгой естественной науки, продолжающіеся въ духѣ натурфилософіи и кончающіеся чисто романтическимъ воспріятіемъ безконечнаго міра въ глубочайшихъ тайникахъ собственной души.

Окенъ, старавшійся сдѣлать натурфилософію научной системой и сознательно пренебрегавшій мелочной изслѣдовательской работой въ поискахъ за спекулятивнымъ цѣлымъ, повидимому, какъ нельзя лучше подтверждаетъ то мнѣніе, что натурфилософія не только ничего не дала, но даже послужила причиной нѣмецкой отсталости въ изученіи естественныхъ наукъ въ началѣ вѣка. Однако же, и это вѣрно только на половину. Кантъ и Фихте устранили природу изъ философіи. Кантъ сдѣлалъ это невольно, такъ какъ его піэтистическое воспитаніе лишило его воспріимчивости къ природѣ, и онъ низвелъ «чувственное» на степень простой матеріи, нисколько не заботясь о возможности «синтетическихъ сужденій posteriori», т.-е. объ индуктивной наукѣ и отказы-

ваясь отъ смѣлой идеи своего юношескаго произведенія объ «устройствѣ и механическомъ происхожденіи мірозданія». Фихте отвергъ природу, потому что онъ былъ субъективнымъ идеалистомъ и не признавалъ за ней никакого самостоятельнаго значенія. Въ противоположность имъ обоимъ, Шеллингъ, въ качествѣ романтика, вновь заинтересовался природой и вдохнулъ этотъ интересъ въ родную науку. Когда прошли оргіи безплодной натурфилософіи, отъ нихъ остался двоякій осадокъ: интересъ къ природѣ, очень скоро заставившій нѣмцевъ обратиться къ методическому изученію ея, и универсальный взглядъ на природу, никогда не терявшій изъ виду идеи единства самой природы въ различныхъ ея частяхъ, а также и единства природы и духа. Это поддерживало связь между естествоиспытаніемъ и философіей. Такъ думалъ и Александръ Гумбольдтъ, писавшій еще въ 1834 году Бунзену: «я всегда относился къ Шеллингу съ чувствомъ удивленія. Намъ, нѣмцамъ, не слѣдуетъ относиться презрительно къ благородной попыткѣ связать наблюденія, одушевить эмпирическій матеріалъ. Я никогда не сомнѣвался въ возможности натурфилософіи, хотя и не убѣдился до сихъ поръ въ вѣрности ея разсужденій о разнородности матеріи. Натурфилософія Шеллинга враждебна грубому эмпиризму и прозаическому накопленію фактовъ; она не имѣетъ ничего общаго съ философскими фантазіями, мѣшавшими одно время спеціальному изученію, когда молодежь стремилась изучать чистую химію a priori, не пачкая рукъ, и чистую астрономію безъ измѣреній и телескоповъ».

Это свидѣтельство тѣмъ болѣе вѣско, что Александръ Гумбольдтъ самъ пережилъ это время господства натурфилософіи и былъ однимъ изъ тѣхъ изслѣдователей, которые своими замѣчательными знаніями и плодотворной работой скоро нагнали и перегнали другія націи въ изученіи природы.

Его «Космосъ», конечно, тоже не безупречный, доказалъ, что можно оставаться универсальнымъ, даже будучи строгимъ эмпирикомъ. И если насъ не всегда удовлетворяетъ теперь монистическая метафизика Геккеля, то мы не можемъ все-таки не радоваться, что и наши современные естествоиспытатели не бросаютъ философіи и изъ нея черпаютъ свои остроумныя и смѣлыя догадки. Робертъ Майеръ и Гельмгольцъ, физикъ Герцъ и химикъ van't Hoff всѣ они доказываютъ, что натурфилософія все еще существуетъ, или лучше сказать, что точная наука не исключаетъ философскаго взгляда на природу и философской постановки ея задачъ.

Гегель.

Въ разгаръ романтическихъ увлеченій въ Іенѣ къ Шеллингу присоединился на самомъ рубежѣ столѣтія его землякъ Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ Гегель. Въ своей диссертаціи 1801 года объ «Орбитахъ планетъ», онъ, между прочимъ, разсуждалъ о томъ пробѣлѣ между планетами Марсомъ и Юпитеромъ, на который уже обратилъ вниманіе Кантъ. Но Кантъ думалъ объяснить этотъ пробѣлъ съ помощью естественной науки, а Гегелю пришла въ голову мысль, вмѣсто ариѳметической прогрессіи разстояній, поставить пиѳагорейскій рядъ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 8, 16, 27. Этимъ путемъ онъ хотѣлъ пополнить слишкомъ большой промежутокъ между четвертымъ и пятымъ тѣломъ планетной системы. Это было уже потому невѣрно, что такого промежутка и не существовало вовсе, что и доказалъ Піацци уже 1-го января 1801 года, открывши

Цереру—первый изъ планетоидовъ, которыхъ такъ много было найдено впослѣдствіи.

Такая ошибка была, конечно, большой неудачей для натурфилософіи,—пожалуй, даже худшей неудачей, чѣмъ смерть, за годъ передъ тѣмъ, Августы Бёмеръ, которую злоязычные враги «новѣйшей философіи» приписывали рецептамъ ея жениха Шеллинга. Но такую неудачу можетъ испытать всякій день и точная наука, какъ и случалось уже не разъ. Въ логикѣ Милля можно найти тому не мало примѣровъ изъ исторіи точныхъ наукъ. Поэтому Штраусъ правъ, протестуя противъ того, чтобы ставить этотъ пустякъ въ счетъ Гегелю и философіи вообще. «Левъ умеръ, но осламъ не слѣдуетъ лягать его копытомъ».

Еще менѣе правы тѣ, кто обвиняетъ по этому поводу Гегеля въ особой склонности къ натурфилософскимъ насильственнымъ построеніямъ. Гегель лишь очень короткое время отожествлялъ себя съ Шеллингомъ. Тяжеловѣсному, основательному швабу было не по себѣ въ томъ остроумно-легкомысленномъ обществѣ, которое собиралось въ Іенѣ около Каролины Бёмеръ-Шлегель-Шеллингъ. Это видно изъ позднѣйшаго выраженія Гегеля о Каролинѣ, «про кончину которой мы недавно здѣсь услыхали и по поводу которой нѣкоторые высказали здѣсь гипотезу, что ее взялъ чортъ». Игривый произволъ и субъективность романтической ироніи не шли къ его солидной натурѣ и не отвѣчали его жаждѣ объективности, его ненасытному стремленію къ реальности. Въ философіи духъ интересовалъ его больше, чѣмъ природа.

Такимъ образомъ, довольно скоро дѣло дошло до разрыва между друзьями молодости. Въ дни іенской битвы Гегель кончалъ свою «Феноменологію духа», въ предисловіи къ которой заключалось рѣзкое и сердитое нападеніе на Шеллинга. Гегель осуждалъ его «паѳосъ, который сразу, словно изъ пистолета, выстрѣливаетъ абсолютной истиной». Онъ осмѣивалъ его «абсолютное», уподобляя его «ночи, въ которой всѣ коровы черны», смѣялся надъ «тривіальной прозой» и надъ «сумасшедшимъ бредомъ» мнимаго генія, который ломается въ философіи, какъ въ поэзіи.

Конечно, основное положеніе Гегеля, что одинъ только духъ есть дѣйствительно существующее, можетъ быть распространено и на природу, такъ какъ духъ охватываетъ природу и «на всѣхъ ея высотахъ и глубинахъ водружаетъ знамя своего верховенства». Такимъ образомъ, натурфилософія и для Гегеля представлялась всегда необходимой частью философской системы. Онъ считалъ даже заслугой Шеллинга, что тотъ создалъ этотъ отдѣлъ и этимъ призналъ «разумный характеръ природы, какъ необходимое условіе для ея познанія». Но, безспорно, натурфилософія была для него все-таки наименѣе важнымъ отдѣломъ, которымъ самъ онъ меньше всего интересовался. Вѣдь природа есть, въ сущности, тотъ же духъ «въ своемъ инобытіи», въ своемъ оцѣпенѣніи. Свое истинное бытіе духъ пріобрѣтаетъ только въ человѣкѣ, — но не въ отдѣльной геніальной личности, любующейся самой собой, какъ любилъ представлять романтизмъ,—а въ объективныхъ формахъ человѣческаго общежитія: въ правѣ и государствѣ, въ искусствѣ, въ религіи и нравственности. Онъ никогда не рѣшался признать правила, что Богу слѣдуетъ повиноваться болѣе, чѣмъ этимъ человѣческимъ учрежденіямъ, и даже въ ссылкахъ на индивидуальную совѣсть онъ видѣлъ не столько законное право личности и личнаго убѣжденія, сколько источникъ ошибокъ и всяческаго зла. Такъ хорошо онъ зналъ своихъ прежнихъ союзниковъ—романтиковъ и такъ опасался ихъ совѣсти и Бога.

стр.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

При этомъ номерѣ разсылается каталогъ книжнаго магазина Н. Я. Оглоблина.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* **Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.**

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.* Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

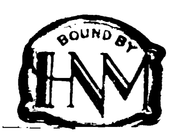
Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.9
Feb
1900

U of Chicago
54634192